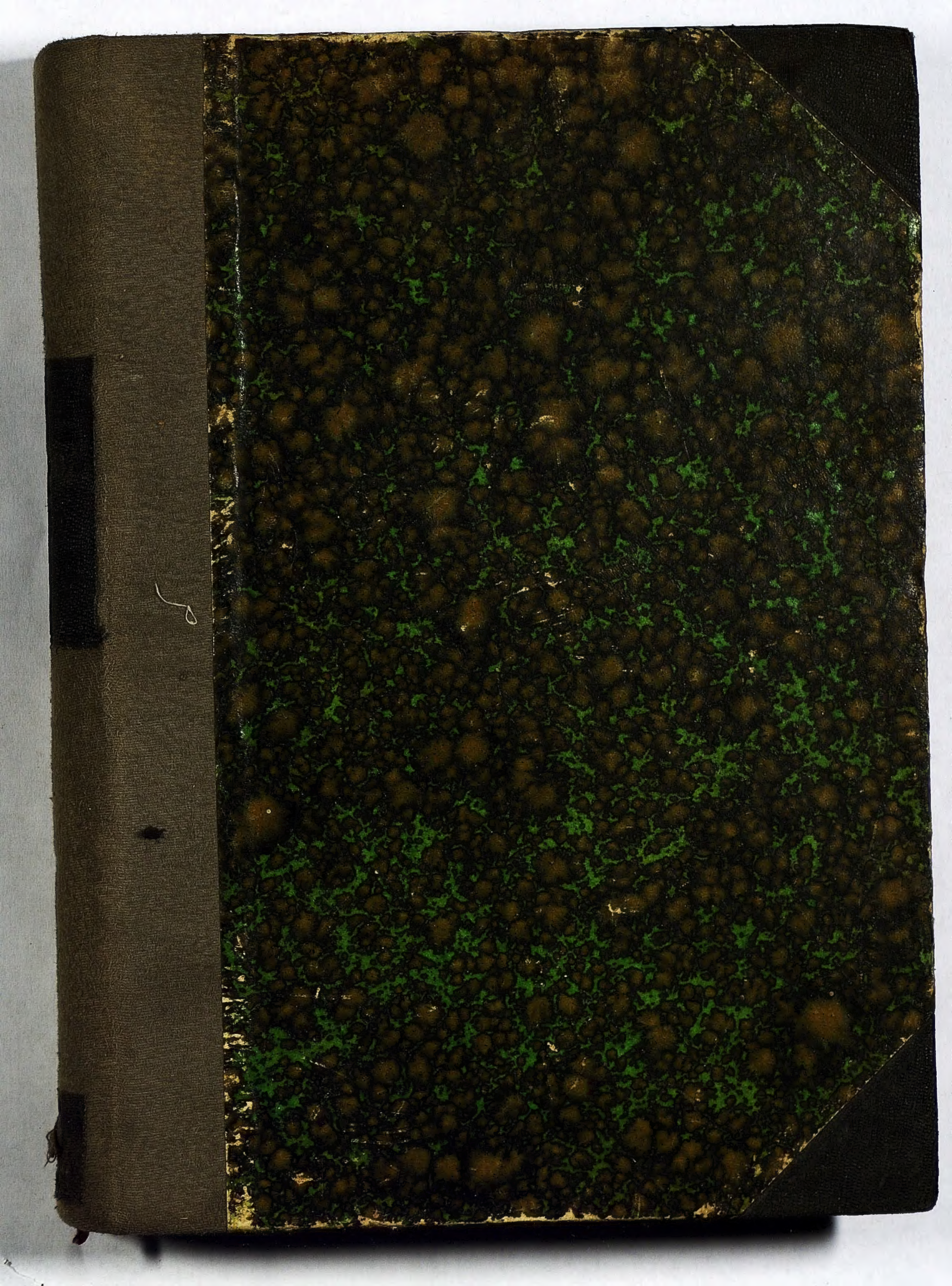
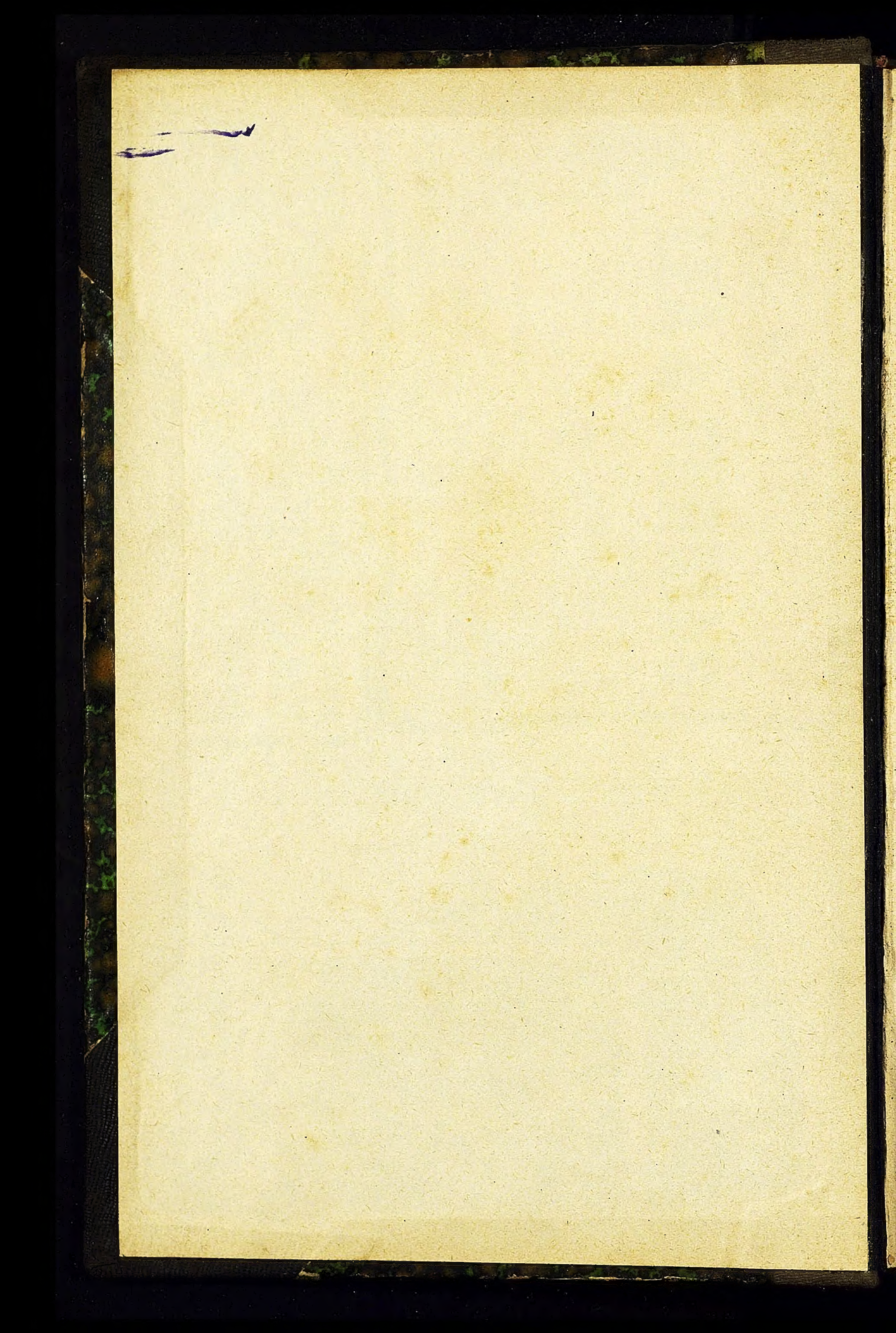
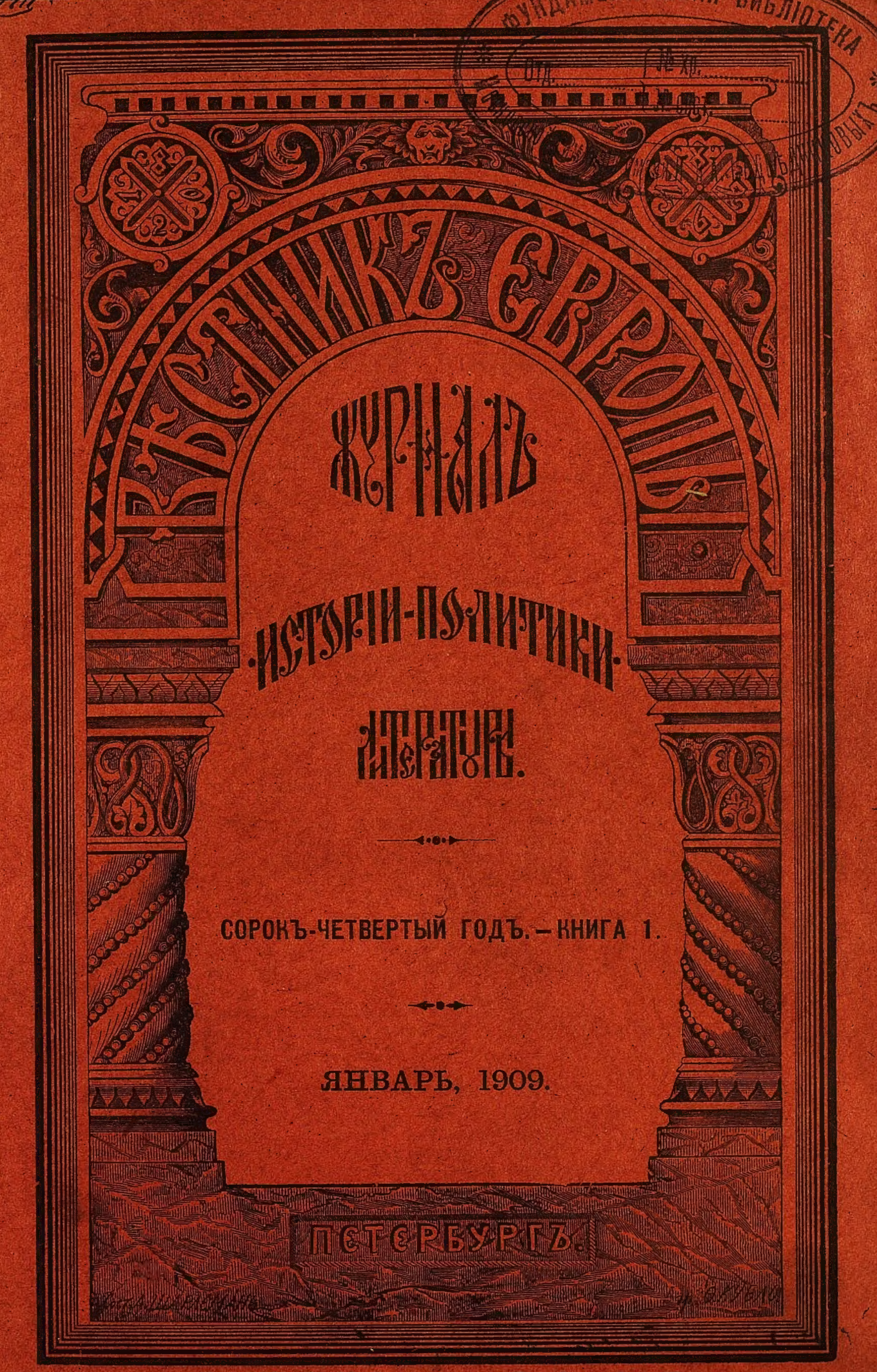

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1909.

СТР.

МИХАИЛЪ МАТВѢЕВИЧЪ СТАСЮЛЕВИЧЪ.—Фототипія.

I.—ИЗЪ ПИСЕМЪ К. Д. КАВЕЛИНА КЪ ГР. Д. А. МИЛЮТИНУ. — 1882 — 1884 гг.—Сообщ. **Д. А. Корсаковъ** . . . 5

II.—ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.—**А. Ѳ. Кони** . . . 42

III.—СПОРЪ ОБЪ ОСНОВАХЪ КОНСТИТУЦІОННАГО ПРАВА. — **М. М. Ковалевскаго** . . . 81

IV.—ФЛОРА и ЕВЛОГІЙ.—Быль IX-го вѣка.—**Сергѣя Ольденбурга** . . . 100

V.—СОСѢДКА.—Разсказъ.—**И. Сургучева** . . . 108

VI.—ПАМЯТИ В. Д. СПАСОВИЧА.—I-IV. — **Проф. М. П. Чубинскаго.** . . . 146

VII.—НИК. ИВ. ТУРГЕНЕВЪ О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I.—I-III.—**В. И. Семевскаго** . . . 166

VIII.—ПИСЬМА ИЗЪ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ. — I-III. — **Николая Морозова** . . . 196

IX.—ВЗГЛЯДЪ НА ПРОШЛОЕ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ" (1866 — 1908). — **К. К. Арсеньева** . . . 216

X.—АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ТРЕТЬЕЙ ДУМѢ.—**А. С. Посникова** . . . 233

XI.—ПРИЧИНЫ И ЦѢЛИ НОВѢЙШАГО СЛАВЯНСКАГО ДВИЖЕНІЯ. — **А. Л. Погодина** . . . 249

XII.—МОЛОДЫЯ ДѢВУШКИ. — Романъ В. Маргерита. — „Jeunes filles", par Victor Margueritte.—I-V.—Съ франц. **О. Ч.** . . . 266

XIII.—НАЦІОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЕЯ НОВѢЙШІЯ ИЗВРАЩЕНІЯ. — **Л. З. Слонимскаго.** . . . 297

XIV.—„ПѢСНЯ ПѢСНЕЙ". Романъ Зудермана.—Hermann Sudermann, „Das Hohe Lied". Часть первая: I-VII. — Съ нѣм. **З. В.** . . . 312

XV.—СУМЕРКИ.—Стих. **А. Ѳедорова.** . . . 339

XVI.—ХРОНИКА.—На современную тему.—**Проф. Ив. Хр. Озерова.** . . . 341

XVII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Общій характеръ положенія.—Разладъ между формой и содержаніемъ. — Серьозная ошибка думскаго большинства.—Неудачныя историческія ссылки. — Статистика смертныхъ казней. — Поучительный процессъ.—Крайности „мѣстнаго законодательства".—Эксперты и думскія коммиссіи. — Предѣлы власти предсѣдателя Думы. — Н. В. Муравьевъ †. . . . 353

XVIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — I. I. М. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ. Т. 2-й: Девятнадцатый вѣкъ. — II. А. А. Николаевъ. Теорія и практика коопераціи. — М. Слобожанинъ. Смотръ кооперативнымъ силамъ.—III. А. И. Чупровъ. По поводу указа 9 ноября 1906 г. — **В. В.**— IV. Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1906 г.—**Д. Р.**—V. Проф. Стороженко. Очеркъ исторіи западноевропейской литературы.—**Л. Ш.**—Новыя книги и брошюры . . . 371

XIX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Главныя событія истекшаго года.—Австрійскія предпріятія на Балканскомъ полуостровѣ. — Парламентскія рѣчи по внѣшней политикѣ. — Отношенія между Австро-Венгріей и Италіею. — Князь Бюловъ и русская политика. — Циркулярная нота по балканскому вопросу.—Рѣчь А. П. Извольскаго въ Госуд. Думѣ.—Турецкій парламентъ. 386

XX.—КИТАЙСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА ЦЗИ-СИ.—**В. В. Корсакова.** . . . 401

XXI.—ПЕРВЫЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ ЖЕНСКІЙ СЪѢЗДЪ.—**З. С. Мировичъ.** . . . 411

XXII.—ИЗЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Конкурсъ и Академія.—**Ив. Л.** 416

XXIII.—ПОРТО-ФРАНКО ВО ВЛАДИВОСТОКѢ. — **Максима Ковалевскаго.** . . . 423

XXIV.—ПИСЬМО Г-ЖИ МАРІАННЫ ДЮВЕРНУА-ВІАРДО.—**М. М. Стасюлевича** . 438

XXV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Общества обывателей и избирателей въ Петербургѣ.—Цѣль и задачи ихъ образованія.—Положеніе городского хозяйства. — Коммиссіи. — Общества и предстоящіе городскіе выборы. — Одна изъ нуждъ средней школы.—Рѣчь вологодскаго вице-губернатора.— Два приговора—двѣ мѣрки.—Курьезъ.—Графъ Е. А. Саліасъ †. . . . 440

XXVI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I-II. . . . 458

XXVII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . 460

XXVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Объ условіяхъ подписки на журналъ въ 1909-мъ году см. на послѣдней страницѣ обертки.

1866—1908.

Фототипія Е. Классенъ, С.-Петербургъ, Кадетская лин. № 7–2.
Преемн. Н. Каминскій.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXXIV. — ТОМЪ CDXXIX. — 1/14 ЯНВАРЯ 1909.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ДВѢСТИ-ПЯТЬДЕСЯТЪ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ЗНАМЕНСКАЯ, 34.

Главная Контора журнала:
Васильевскій-Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Петербургская-Сторона,
Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1909

3832

ИЗЪ ПИСЕМЪ

К. Д. КАВЕЛИНА

КЪ ГРАФУ Д. А. МИЛЮТИНУ

1882—1884 гг.

ПРЕДИСЛОВІЕ Д. А. КОРСАКОВА.

Въ моемъ распоряженіи имѣется переписка Конст. Дмитр. Кавелина съ графомъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ, начиная съ 12 мая 1857 г. до конца 1884-го года. Графъ Милютинъ любезно сообщилъ мнѣ въ подлинникахъ письма къ нему Кавелина еще въ 1887 г. и дозволилъ, снявъ съ нихъ копіи, обнародовать извлеченія изъ нихъ, какія я сочту возможными. Различныя обстоятельства не позволяли мнѣ воспользоваться до послѣдняго времени этимъ лестнымъ для меня дозволеніемъ графа. Теперь я публикую извлеченія изъ *пяти* писемъ К. Д. Кавелина къ гр. Д. А. Милютину, за время отъ 15 января 1882 г. по 20 декабря 1884 г. включительно.

Эти письма имѣютъ преимущественный интересъ передъ предъидущими по времени ихъ появленія и по обстоятельствамъ, при которыхъ они были написаны. Вскорѣ по воцареніи Александра III графъ Д. А. Милютинъ покинулъ постъ военнаго министра, который онъ занималъ въ царствованіе Александра II безъ малаго двадцать лѣтъ (съ 9 ноября 1861 г.), являясь иниціаторомъ и проводникомъ коренныхъ преобразованій въ сферѣ военной и дѣятельнымъ сторонникомъ и участникомъ всѣхъ государственныхъ и общественныхъ реформъ Александра II. Въ маѣ 1881 г.

графъ Милютинъ удалился въ свое имѣніе на южномъ берегу Крыма, Мисхоръ, гдѣ проживаетъ доселѣ, достигнувъ рѣдкаго долголѣтія: 26 іюля 1908 г. ему исполнилось 92 года отъ рожденія. Петербургскіе политическіе и личные друзья гр. Милютина, со времени его удаленія въ Мисхоръ, вели съ нимъ дѣятельную корреспонденцію, пересылая свои письма не по почтѣ, а при „оказіяхъ". К. Д. Кавелинъ принадлежалъ къ числу политическихъ и личныхъ друзей гр. Милютина, съ которымъ познакомился и сблизился въ 1848 г., вслѣдъ за выходомъ изъ профессоровъ Московскаго университета и переѣздомъ въ Петербургъ. Въ то время Д. А. Милютинъ былъ профессоромъ Военной Академіи (что нынѣ Академія Генеральнаго Штаба). Близкія отношенія, завязавшіяся тогда между нимъ и Кавелинымъ, все болѣе и болѣе укрѣплялись, несмотря на измѣнявшееся служебное и общественное положеніе того и другого. Эти дружескія отношенія проявляются и въ общемъ тонѣ писемъ Кавелина, и въ обращеніяхъ къ Милютину въ началѣ и въ концѣ ихъ.

Для историка русской общественности второй половины XIX в. и для наблюдателя переживаемой нами политической и общественной смуты начала XX в. публикуемыя извлеченія изъ писемъ являются весьма важнымъ документомъ. Они сообщаютъ любопытныя черты тѣхъ теченій въ правящихъ бюрократическихъ сферахъ и въ различныхъ слояхъ русскаго общества, которыя рѣзко обозначались уже въ первой половинѣ 80-хъ годовъ. Съ другой стороны въ этихъ письмахъ высказываются политическія воззрѣнія самого К. Д. Кавелина, стоявшаго въ то время „не у дѣлъ" и занимавшаго скромное служебное положеніе профессора Военно-Юридической Академіи и сверхштатнаго, на правахъ частнаго найма, чиновника въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ министерства финансовъ. Кавелинъ, будучи въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XIX в. убѣжденнымъ бойцомъ за идею освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ съ выкупомъ ихъ надѣльныхъ земель,—въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ является столь же убѣжденнымъ врагомъ съ одной стороны—бюрократическаго правительства реакціоннаго лагеря, съ другой—конституціонныхъ поползновеній представителей крупнаго дворянскаго землевладѣнія, и провозвѣстникомъ обновленнаго „самодержавія", основаннаго на всенародномъ представительствѣ. Эти воззрѣнія высказываетъ онъ въ цѣломъ рядѣ публицистическихъ статей, помѣщенныхъ во II т. „Собранія сочиненій" (Спб. 1898 г.) и въ письмѣ къ гр. М. Т. Лорисъ-Мели-

кову, напечатанномъ мною въ V-й кн. „Русской Мысли“ за 1906 г. Ихъ же излагаетъ онъ гораздо откровеннѣе и интимнѣе въ письмахъ къ гр. Д. А. Милютину.

Четверть вѣка протекло со времени написанія этихъ писемъ, но многія упоминаемыя въ нихъ обстоятельства, отдѣльныя, нерѣдко весьма мѣткія выраженія Кавелина и фамиліи нѣкоторыхъ лицъ—не могутъ еще быть оглашены въ печати. Вслѣдствіе этого я лишенъ возможности обнародовать письма въ ихъ цѣломъ видѣ и вынужденъ въ иныхъ случаяхъ вмѣсто фамилій ставить лишь инициалы, или даже обозначать ихъ произвольными латинскими буквами.

Д. Корсаковъ.

Казань.

I.

15 января 1882 г.

Глубокоуважаемый Дмитрій Алексѣевичъ! Не писалъ Вамъ до сихъ поръ единственно потому, что дать знакъ о своемъ существованіи и сдѣлать заявленіе о моихъ къ Вамъ чувствахъ было бы совершенно излишне: о томъ, что еще живу, Вы знаете, а въ моихъ чувствахъ, надѣюсь, не сомнѣваетесь . . . . .

О новостяхъ военныхъ Вы конечно знаете гораздо больше моего. Ослы разлягались направо и налѣво, какъ всегда... Академію нашу удалось отстоять. Имеретинскій очень уменъ и ловокъ, но сначала, мало зная дѣло, путался [1]). Послѣ выхода Философова оказалось, что онъ былъ очень нелюбимъ, и совершенно заслуженно. На него сѣла верхомъ густая толпа авдиторовъ, которые систематически оттирали изъ военно-судебнаго вѣдомства все свѣжее и не рутинное. Теперь хотятъ выбросить изъ этого вѣдомства гражданскій элементъ, замѣщая всѣ вакантныя мѣста исключительно одними военными юристами, и тѣмъ постепенно выкурить гнусную аудиторскую закваску.

Глядя на нашу военную молодежь въ Академіи, я этому вполнѣ и совершенно сочувствую. Философовъ устроилъ такъ, что къ намъ шло одно лишь отребье изъ университетовъ. Нынче ихъ набралось только 6; при малѣйшей заботливости онъ могъ бы имѣть лучшихъ людей. Академія держится хорошо, кромѣ W...

...Нынѣшній пріемъ въ Академію — превосходный. Новая военная молодежь, вообще, превыше всякихъ похвалъ и этимъ Вы можете гордиться; это Ваше созданіе, за которое Васъ помнятъ и цѣнятъ.

Чтобъ покончить съ военнымъ вѣдомствомъ, прибавлю, что Ванновскій [2]) отнесся самымъ сочувственнымъ образомъ къ мысли о преобразованіи курса законовѣдѣнія военныхъ училищъ въ томъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о Военно-Юридической Академіи, которую Кавелинъ въ дальнѣйшемъ изложеніи вездѣ называетъ просто Академіей. Въ ней Кавелинъ состоялъ въ то время профессоромъ гражданскаго права. Князь Имеретинскій — главный военный прокуроръ и начальникъ военно-судебнаго вѣдомства, въ вѣдѣніи котораго находилась и Военно-Юридическая Академія. Предмѣстникомъ его на этомъ посту былъ В. Д. Философовъ.

[2]) Генералъ П. С. Ванновскій назначенъ военнымъ министромъ на мѣсто гр. Д. А. Милютина, 22 мая 1881 г. и занималъ этотъ постъ до 1 января 1898 г.

направленіи какъ я предлагалъ и Вы одобрили. Но я теперь никакъ не могу пока сладить съ своими коллегами относительно программы: всѣ кто въ лѣсъ, кто по дрова. По россійскимъ обычаямъ никакъ не могутъ спѣться; каждый толкуетъ свое, и я предвижу, что придется поступить самодержавно, т.-е. написать по своему и сказать: быть тому такъ.

Не смотря на хаосъ, полную безурядицу, полное отсутствіе ума, энергіи, знанія и таланта въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, время, которое мы переживаемъ, представляетъ огромный интересъ. Русское общество, сверху до низу, видимо, помимо невозможнаго правительства, перерождается, пріучается самостоятельно мыслить и ни на кого, кромѣ самого себя, не надѣяться и не разсчитывать. Почти всѣ убѣждены, что самодержавіе кончило свои дни. Я принадлежу къ немногимъ единицамъ, которыя думаютъ, что не самодержавіе, а органы и способы его дѣйствія окончательно отжили свой вѣкъ и должны быть радикально реформированы, замѣнены совершенно иными, соотвѣтственно болѣе зрѣлому гражданскому возрасту Россіи, болѣе сложнымъ и тонкимъ потребностямъ.

Но вопросъ въ томъ, способны ли это понять теперешніе представители самодержавія? Я не вижу около Государя ни одного не только замѣчательнаго, но ни одного съ простымъ здравымъ смысломъ человѣка. При такомъ положеніи вещей мы подвергаемся большой опасности или извнѣ, отъ нападенія нѣмцевъ, или внутри, отъ броженія, которое замѣтно усиливается и, если ничего не будетъ сдѣлано, скоро перейдетъ въ безтолковую русскую смуту, которая потянется долго и съ которой трудно будетъ справиться.

Національное чувство, національное самосознаніе видимо усиливается, зрѣетъ и охватило собою, больше чѣмъ когда-нибудь, вершины государства. Это весьма отрадный признакъ. Къ несчастію, доброй волѣ и доброму чувству далеко не отвѣчаетъ высота знанія и пониманія. Выразителями народнаго генія и потребностей считаются разные слабоумные, фанатики и интриганты—Катковъ (не въ далекомъ времени членъ Государственнаго Совѣта), Аксаковъ, Побѣдоносцевъ и Игнатьевъ. Предполагается, что они у себя въ карманѣ носятъ ключи отъ шкатулки, гдѣ хранится русскій народный духъ. Нужна вся теперешняя безпомощность и обособленность отъ дѣйствительной русской жизни россійскихъ самодержцевъ, чтобъ думать такъ—но они такъ думаютъ; во всѣхъ прочихъ видятъ враговъ русской народности и самодержавія и стараются всячески отчурать отъ ихъ вліянія

Россію. Комизмъ такихъ дѣтскихъ понятій, если они долго будутъ руководить политикой, можетъ, наконецъ, обратиться въ трагедію самаго печальнаго свойства.

Теперь, говорятъ (и я имѣю основаніе считать этотъ слухъ вѣрнымъ), рѣшено допустить начало государственнаго выборнаго представительства. Но если оно пройдетъ черезъ руки Ментира-паши......., то легко можетъ сдѣлаться, вмѣсто якоря спасенія, орудіемъ погибели и кровавыхъ потрясеній. Мѣра эта можетъ быть проведена только человѣкомъ очень умнымъ, талантливымъ, смѣлымъ и въ то же время чистымъ и честнымъ, въ родѣ Н. А. Милютина. А его-то и нѣтъ. Будутъ трусить, ощипываться, лукавить, создадутъ полумѣру, закопаются въ мелочи, и вмѣсто того, чтобъ успокоить и удовлетворить, только раздразнятъ и озлобятъ. Какую дрянь подобралъ около себя И. изъ прогорѣлаго дворянства—Вы и вообразить себѣ не можете! Я случайно наткнулся на нѣкоторые пути, черезъ которые можно доводить свои мысли до кого слѣдуетъ (это совершенно между нами) и стараюсь воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ объяснить имъ опасное положеніе власти и способы изъ него выдти. Мало разсчитываю на успѣхъ, но сдѣлаю все что могу. Свою обязанность человѣка, любящаго Россію превыше всего на свѣтѣ и вѣрующаго въ ея великія судьбы и призваніе непоколебимо,—выполню до конца. А тамъ—будетъ, что будетъ. За то, что не въ моей власти, я и не въ отвѣтѣ передъ родиной и своей совѣстью. Будь у насъ на верху состоятельные люди, мы бы представили невиданный примѣръ самодержавной и въ то же время свободнѣйшей страны въ мірѣ: но ни Катковъ, ни Аксаковъ, ни Побѣдоносцевъ, ни Игнатьевъ, ни покойный Иванъ Яковлевичъ [1]), московскій юродивый, этого не понимаютъ; а насъ не слушаютъ. Мы измѣнники своей родинѣ, тайные враги самодержавія, жалкіе утописты и опасные мечтатели.

Такъ или иначе, при насъ или послѣ насъ, а правда возьметъ свое. Я не вѣрю въ попечительное, отечески о насъ пекущееся провидѣніе, но твердо вѣрю въ логику фактовъ, которая съ желѣзною, безпощадною послѣдовательностью проводитъ въ жизнь законы явленій и выводы изъ данныхъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ въ мірѣ.

---

[1]) Ив. Яковл. Корейша, сумасшедшій, содержавшійся въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX в. въ Москвѣ, въ домѣ умалишенныхъ, считался многими жителями Москвы, въ особенности купчихами и великосвѣтскими „богомолками“, за „прозорливаго“. Къ нему съѣзжалась масса публики за разными предсказаніями.

Подпольная агитація идетъ своимъ чередомъ. Она еще можетъ много набѣдокурить, но всеобщаго переворота она не произведетъ, какъ бы ей хотѣлось. Точка высшаго кипѣнія........ перешла теперь, въ массѣ публики, частью въ совершеннѣйшій гражданскій и политическій развратъ и невѣріе, въ своекорыстное преслѣдованіе личныхъ эгоистическихъ цѣлей, частью—въ болѣе серьезное, обдуманное, зрѣлое отношеніе къ нашей печальной дѣйствительности. Думаютъ теперь гораздо больше. Въ молодежи замѣчаются хорошіе признаки. Женская молодежь — восхитительна: на ней отдыхаетъ и умъ, и сердце. Даже заклятые враги женскаго вопроса мало по малу переходятъ въ его друзей. Этотъ вопросъ выигранъ и выигранъ блистательно.

Хотѣлось бы разсказать Вамъ еще многое и очень многое, да пришлось бы написать цѣлыя стопы бумаги, а дѣла у меня бездна . . . .

Безконечно радуюсь за Васъ, что Вы можете отдохнуть и собраться съ силами для новыхъ трудовъ, ибо не сомнѣваюсь, что Вы опять понадобитесь для дѣла. За себя безконечно радъ, что опять могу бесѣдовать съ Вами по старому, совершенно откровенно, не стѣсняясь ничѣмъ. Покойный Уваровъ, по выходѣ въ отставку изъ министровъ, сказалъ разъ Грановскому: les circonstances sont infiniment grandes, les hommes—infiniment petits. Это онъ могъ бы сказать еще съ большимъ правомъ теперь. Невольно вспоминаются стихи Давыдова — про время Александра І-го и Николаевское:

„То былъ вѣкъ богатырей, но смѣшались шашки,
И полѣзли изъ щелей мошки да букашки“.

„Мошки да букашки“ по крайней мѣрѣ издавали звуки, а теперь совсѣмъ безсловесные, точь въ точь напоминающіе нѣмецкихъ князьковъ по отзывамъ Шувалова: mediatisirte и cretinisirte, послѣдніе съ подраздѣленіемъ на мычащихъ, неспособныхъ даже мычать и на хвостатыхъ, обратившихся въ праотцевъ-обезьянъ. Поистинѣ поразительное оскудѣніе ума, талантовъ, знанія, энергіи въ высшихъ слояхъ, предержащихъ властяхъ и такъ называемой интеллигенціи. Періодъ Петра и самодержавной просвѣщенной диктатуры отошелъ въ вѣчность. Въ болѣзняхъ и мукахъ начинается новый періодъ русской исторіи.
. . . .

Помните ли, Дмитрій Алексѣевичъ, какъ мы, въ нашемъ тѣсномъ дружескомъ кружку, повѣсили носы съ смертью Николая Павловича, въ увѣренности, что вопросъ объ освобожденіи

крестьянъ будетъ похороненъ? Одинъ я крѣпко вѣрилъ, что этотъ вопросъ не умретъ и пройдетъ, за что Николай Алексѣевичъ [1]) надо мной подтрунивалъ, говоря, что у меня une foi robuste. И теперь, не смотря на густыя тучи, которыя заволокли со всѣхъ сторонъ небо надъ русской землей, я нимало не унываю и твердо вѣрю, что разумъ, правда, свѣтъ возьмутъ таки свое, вопреки всему. Какой-то инстинктъ, чутье, подсказываютъ мнѣ, что слабоумные, лгуны и интриганты долго не продержатся.....

......Смерть Заблоцкаго вѣрно Васъ поразила, какъ и меня. Я потерялъ въ немъ человѣка, который меня нѣжно любилъ. Мой некрологъ Вы вѣроятно читали [2]).

Затѣмъ прощайте. Отъ души благодарю Васъ за письмо. Когда можно будетъ, пріѣзжайте къ намъ. Право, надо присмотрѣться къ тому, что дѣлается, и прислушаться къ тому, что думается. Вѣдь не можете же Вы серьезно думать, что Ваша роль окончательно съиграна. Отъ души Вамъ преданный и сердечно Васъ почитающій—*К. Кавелинъ.*

II.

25 іюня 1882 г. Г. Павловскъ. С.Петерб. губ. Дача Брюлловыхъ.

Глубоко почитаемый и дорогой Дмитрій Алексѣевичъ!.. У насъ совершаются чудеса по прежнему. Вы какъ-то передавали остроту П. А. Шувалова, что нѣмецкіе принцы дѣлятся на медіатизированныхъ и кретинизированныхъ, а послѣдніе на говорящихъ, молчащихъ и хвостатыхъ. У насъ медіатизированные забыты со временъ Ивана Грознаго, а изъ разряда кретинизированныхъ преобладаютъ говорящіе, но безъ удержу, и говорящіе непомѣрный вздоръ. Въ самомъ дѣлѣ, когда прислушаешься къ тому, что говорится и пишется въ министерствахъ, Государственномъ Совѣтѣ и газетахъ—невольно придешь къ заключенію, что мы заражены какимъ-то словоохотливымъ кретинизмомъ. Подумайте

---

[1]) Братъ Дм. Алексѣевича Милютина, извѣстный дѣятель по освобожденію крестьянъ и въ царствѣ Польскомъ.

[2]) А. П. Заблоцкій-Десятовскій, членъ Государственнаго Совѣта, экономистъ и писатель по сельскому хозяйству, много содѣйствовалъ подготовленію дѣла освобожденія крестьянъ; былъ близкимъ сотрудникомъ министра Государственныхъ Имуществъ гр. П. Д. Киселева, родного дяди гр. Д. А. Милютина. Кавелинъ былъ близокъ съ Заблоцкимъ-Десятовскимъ, начиная съ 1848 г. Некрологъ Заблоцкаго, написанный Кавелинымъ, напечатанъ въ газетѣ „Порядокъ" 1881 г., № 356; перепечатанъ въ послѣднемъ собраніи сочиненій Кавелина, т. II, стр. 1238—1243.

только, что такое былъ И...! Я нѣкоторое время дѣлалъ ему честь подозрѣвать, что за его лганьемъ и фразами скрывается мысль, цѣль, намѣреніе. Скоро мнѣ пришлось самому надъ собой расхохотаться. Въ болтовнѣ этого министра-Хлестакова не было даже того смысла, какой изъ нея выходилъ по грамматикѣ и логикѣ. Недавно, здѣсь въ Павловскѣ, я читалъ отъ нечего дѣлать Skizzen aus der Petersburger Gesellschaft (4-е изд. 1875 г.). Тутъ нашелъ очеркъ И... и его дѣятельности, который мнѣ совершенно объяснилъ кратковременную министерскую его карьеру...

Хорошъ былъ И... съ портфелемъ министра; но Толстой съ этимъ портфелемъ—безподобенъ! Бывшій проф. московскаго университета по части высшей математики—Брашманъ говорилъ мнѣ въ 1848 году: „еслибъ мнѣ сказали, что митрополитъ Филаретъ протанцовалъ качучу на сценѣ московскаго театра, я не былъ бы такъ удивленъ, какъ прочитавъ въ газетахъ о революціи въ Вѣнѣ“. Совершенно такое же впечатлѣніе произвело на меня назначеніе Д. А. Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ. Какъ, почему пришли къ этой мысли—никто не знаетъ и не понимаетъ. Разсказываютъ, будто онъ, какъ великій знатокъ уставовъ католической церкви, былъ приглашенъ къ совѣщанію о новомъ конкордатѣ съ папой, указалъ на ловушки, разставленныя намъ въ проектѣ хитрыми католическими попами и незамѣченныя ни Мосоловымъ въ Римѣ, ни Убри въ Вѣнѣ (за что онъ будто бы и лишенъ званія посла), и тѣмъ снова выдвинулся впередъ. А мнѣ думается, что дѣло произошло проще: его рекомендовали Побѣдоносцевъ и Катковъ, и рекомендація была принята тѣмъ охотнѣе, что Толстого спустилъ Лорисъ-Меликовъ, весьма нелюбимый со времени изданія записокъ кн. Юрьевской [1]).

Очень характеристична подробность перваго прибытія новаго министра внутреннихъ дѣлъ въ императорскую резиденцію. Вы знаете, что NN, Рихтеръ и Черевинъ составляютъ тріаду, которая копала яму И... Въ одинъ прекрасный день конюшеннаго вѣдомства квартирмистръ получаетъ телеграмму приготовить экипажъ для министра внутреннихъ дѣлъ Толстого. Ни квартирмистръ, ни Воронцовъ-Дашковъ [2]) не понимаютъ въ чемъ дѣло;

---

[1]) Записки княгини Е. М. Юрьевской, писанныя на французскомъ языкѣ, появились въ исходѣ 1881 г. въ Парижѣ, при чемъ истинный ихъ авторъ былъ скрытъ подъ именемъ *Victor Laferté*. Заглавіе ихъ слѣдующее: „Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort, par Victor Laferté“. Въ 1882 г. вышло второе ихъ изданіе, также въ Парижѣ.

[2]) Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ былъ въ то время министромъ Двора.

наводится справка, не перевралъ ли телеграфъ: оказывается—нѣтъ! Все разъяснилось, когда Толстой пріѣхалъ и Игнатьевъ, пріѣхавшій съ нимъ, объявилъ, что онъ уже не министръ, а министръ—Толстой. Такъ мало знаютъ ближайшія къ Государю лица, что дѣлается!

Министры невозможные; да и Государственный Совѣтъ—невозможный. Безобразная рублевая скидка выкупныхъ платежей, никому не полезная и вредная для казны и казенныхъ доходовъ—Вамъ уже извѣстна. Теперь новая глупость: Крестьянскій Банкъ, имѣвшій по проекту министра финансовъ назначеніе давать ссуду крестьянамъ малоземельнымъ и безземельнымъ для покупки земли, преобразился въ нашемъ премудромъ Государственномъ Совѣтѣ въ Банкъ для ссуды крестьянамъ *вообще*, т.-е. въ томъ числѣ богатымъ и кулакамъ, по усмотрѣнію начальства. Такой Банкъ съ 5-ю милліонами ссуды въ годъ послужитъ не бѣднымъ, а богатымъ мужикамъ, и только обременитъ казну, безъ всякой пользы для сельскаго населенія.

Не лучше министровъ и мужей Совѣта и пресса. Съ одной стороны нападки самые безобразные и недобросовѣстные на интеллигенцію и на желаніе правового порядка, которое выдается за что-то преступное; съ другой ребяческое показываніе кукиша въ карманѣ, тайное и полуявное воздыханіе о конституціи, которой некому поддерживать и которую такъ же легко у насъ дать, какъ и назадъ взять. Противно читать въ такъ называемыхъ либеральныхъ газетахъ лицемѣрное и недобросовѣстное восхваленіе земскаго самоуправленія, судовъ, вообще великихъ реформъ минувшаго царствованія, которое великодушно ихъ дало, чтобъ исказить и исковеркать вслѣдъ затѣмъ въ конецъ. Поговорите съ земцами и городскими гласными и они вамъ скажутъ, что растлѣніе такъ велико, что такъ называемые представители ничуть не лучше коронныхъ чиновниковъ; а либеральная пресса, зная это, недобросовѣстнѣйшимъ образомъ восхваляетъ наше гнилое и растлѣнное самоуправленіе на счетъ бюрократіи и коронной администраціи.

Словомъ, куда ни оглянитесь у насъ, вездѣ тупоуміе и кретинизмъ, глупѣйшая рутина или растлѣніе и развратъ, гражданскій и всякій, васъ поражаютъ со всѣхъ сторонъ. Изъ этой гнили и падали ничего путнаго не построишь; самыя геніальныя соображенія должны разсыпаться въ прахъ и оказаться безсильными передъ негодностью матеріала, къ которому они примѣняются. А примѣняются вдобавокъ пошлости или обрывки и

оглодки путныхъ идей. Что же, кромѣ хаоса и нелѣпости, можетъ изъ всего этого выдти?

Большинство честныхъ и умныхъ людей, глядя на все это, предаются отчаянію и совершеннѣйшему пессимизму. Мнѣ этотъ выводъ представляется большой ошибкой, и ошибкой фатальной, потому что она логически приводитъ къ апатіи и бездѣйствію. Ошибоченъ этотъ выводъ потому, что рядомъ съ тупоуміемъ и безобразіемъ, которыя царятъ повидимому безраздѣльно, есть другіе признаки, доказывающіе, что въ этой повидимому апатичной и идіотской средѣ происходитъ движеніе и движеніе очень сильное, на которое мы только не обращаемъ должнаго вниманія. Какъ ни безсмысленна, безрезультатна и преступна дѣятельность нашихъ. революціонеровъ, но имъ нельзя отказать въ характерѣ, энергіи и изобрѣтательности въ преслѣдованіи своей цѣли. Что ни говорите, въ нихъ живетъ глубокое недовольство, которымъ болѣе или менѣе проникнуто все русское общество; въ нихъ оно ищетъ себѣ выхода и дѣятельнаго примѣненія, и если этотъ выходъ и примѣненіе такъ безплодны и безрезультатны, то это зависитъ отъ крайне низкой степени нашей культуры и ею вполнѣ объясняется. Но наши революціонеры, какъ бы кто на нихъ ни смотрѣлъ, далеко не единственный признакъ внутренней работы, которая теперь идетъ у насъ и которая гораздо сильнѣе, чѣмъ можно было бы подумать, глядя на апатичную, сонную, полумертвую поверхность русской современной жизни. Въ учащейся молодежи движеніе несомнѣнно выражается большою чуткостью и интересомъ къ вопросамъ нравственнымъ, которые такъ долго были отодвинуты на задній планъ одностороннимъ реализмомъ. Въ нашей молодежи, къ слову сказать, совершенно отражается современное состояніе всего общества: въ то время какъ одни проснулись къ высшимъ интересамъ жизни вообще и русской въ особенности, другіе—къ сожалѣнію весьма многіе—утопаютъ въ пошлости и находятъ въ ней полное удовлетвореніе.—Одинъ изъ поразительныхъ признаковъ происходящей у насъ внутренней работы есть, послѣ исповѣдей покойнаго Достоевскаго, недавняя исповѣдь гр. Льва Толстого. Я читалъ въ рукописи одну (первую) половину и слышалъ о содержаніи второй. Ничего сильнѣе по откровенности и правдивости я давно не читалъ. Его рукопись должна была появиться въ „Русской Мысли", но цензура потребовала, чтобъ рукопись прошла чрезъ духовную цензуру, гдѣ она и сгніетъ, ибо исповѣдь Толстого есть сильнѣйшее отрицаніе православія,—отрицаніе, поразительное своею правдою и искренностью. Вторая

часть есть, говорятъ, новое толкованіе Евангелія, съ исключеніемъ изъ него всего легендарнаго и всѣхъ измышленій древнихъ и новыхъ богослововъ. Толстой и Достоевскій—плохіе философы, богословской половины рукописи Толстого я не видалъ и не могу ничего о ней сказать; но судя по первой половинѣ не ожидаю и отъ второй ничего особенно новаго и убѣдительнаго. Но и Толстой, и Достоевскій, по своей чрезвычайной искренности и правдивости, служатъ показателями того перерожденія, которое идетъ теперь у насъ, и не въ однихъ образованныхъ классахъ; посмотрите, что происходитъ въ низшихъ слояхъ, въ крестьянствѣ: появленіе, чуть ли не каждый годъ, новыхъ сектъ, а теперь повсемѣстное почти стремленіе отдѣлаться отъ кабаковъ, рядомъ съ бросающимся въ глаза повсемѣстнымъ же стремленіемъ къ грамотности и къ болѣе человѣческому существованію показываютъ, что и тамъ идетъ дѣятельная работа обновленія, которая принесетъ свой плодъ, когда новые люди смѣнятъ теперешнихъ, апатичныхъ, развращенныхъ и равнодушныхъ.

И такъ, Вы видите, я, не смотря ни на что, остаюсь убѣжденнымъ оптимистомъ. Разложеніе, которое у насъ происходитъ глупо и комично, происходитъ въ колоссальныхъ размѣрахъ и трагически во всей Европѣ. Извѣстный циклъ развитія отжитъ и нарождается новый. Простите, разболтался на тему, которая очень близка къ сердцу и о которой намѣренъ писать цѣлый рядъ статей — совершенно забывъ, что вамъ интересно не то что мы думаемъ въ Петербургѣ, а то, что дѣлается, факты.

Изъ неподлежащаго печати интересны дѣла по изловленію революціонеровъ. Знаете ли Вы, что Кобозевъ явился къ кн. Долгорукову [1]) подъ собственнымъ именемъ Богдановича, въ видѣ агента американской компаніи, съ предложеніемъ взять освѣщеніе Кремля на время коронаціи?

Переговоры велись у кн. Долгорукова за завтракомъ и дѣло чуть-чуть не сладилось, еслибъ не были получены изъ Петербурга и Женевы телеграммы объ арестованіи Богдановича. Разсказываютъ, что за полчаса до ареста съ Богдановичемъ бесѣдовалъ у него на квартирѣ Кропоткинъ, одинъ изъ вожаковъ нашихъ революціонеровъ. Бросились его искать, перешарили всю Москву—и не нашли.

Недавно открытый заводъ нитро-глицеринныхъ издѣлій на Вас. Остр. по 11 линіи въ домѣ Долгополова представляетъ въ

---

[1]) Московскій генералъ-губернаторъ кн. Влад. Андр. Долгорукой.

лѣтописяхъ тайныхъ революціонныхъ затѣй и дѣятельности шпіонства курьезное явленіе. Во главѣ стоялъ морякъ или инженеръ, спеціально изучившій дѣло приготовленія разрывныхъ снарядовъ. Дѣлу помогалъ богатый человѣкъ... ...При арестѣ найдено 10 тыс. рублей. Приняты были весьма дальновидныя мѣры, чтобъ взорвать Петергофскій дворецъ, а именно: въ общество революціонеровъ привлеченъ отставной гусаръ, который долженъ былъ получить мѣсто по придворному вѣдомству въ самомъ дворцѣ. Притянутъ былъ этотъ господинъ въ общество тѣмъ, что влюбился въ одну барышню, игравшую въ революціонной организаціи весьма видную роль. Тайная полиція, выслѣживавшая это дѣло, оказалась тоже умной, талантливой и ловкой не по нашему: подъ видомъ вентилятора провела въ залу совѣщаній заговорщиковъ слуховую трубу; маляровъ, полотеровъ и всю прислугу составила изъ своихъ агентовъ и разузнавъ досконально все—накрыла заговорщиковъ со всѣми документами и бумагами. . . . .
. . . .

27 іюня. — ...Предпринимаются какія-то преобразованія съ военными гимназіями, съ цѣлью возвратить ихъ къ типу корпусовъ; но удастся ли провести это искалѣченіе военныхъ гимназій—трудно предсказать. Разсказываютъ, и давно уже, что Ванновскій нетвердо сидитъ на своемъ стулѣ. Такіе же слухи ходили и объ Игнатьевѣ, задолго до его увольненія, и когда, съ другой стороны, утверждали, что онъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Пожалуй, то же самое случится и съ Ванновскимъ. Ничто въ наше время не прочно подъ луною, и я нимало не удивлюсь, если въ одинъ прекрасный день не только Ванновскій, но и Побѣдоносцевъ, и Катковъ, и Аксаковъ потеряютъ всякій кредитъ и на ихъ мѣсто выступятъ вліятельные люди совсѣмъ въ другомъ, противуположномъ смыслѣ. Мнѣ, неисправимому оптимисту, это представляется даже болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, потому что логика вещей сильнѣе даже человѣческой глупости и невѣжества.
. . . .

Будьте здоровы! Мнѣ все думается, что мы скоро опять увидимся въ Петербургѣ.

Глубоко Васъ почитающій и душевно преданный *К. Кавелинъ.*

III.

1 октября 1882 г. С.-П-бургъ.

Душевно уважаемый и дорогой Дмитрій Алексѣевичъ!...

...Вы меня упрекаете — и не Вы одни — въ непонятномъ въ

наши дни оптимизмѣ. Вамъ кажется также страннымъ, что я вижу въ мысляхъ Достоевскаго и гр. Льва Толстого признаки лучшихъ дней. Вотъ объ этомъ я хочу сказать Вамъ нѣсколько словъ.

Что касается до оптимизма, то онъ у меня особаго рода. Съ вопросами личнаго счастія и личнаго удовлетворенія я давно распростился. Жизнь принесла мнѣ столько неудачъ, незаслуженныхъ оскорбленій и униженій, столько тяжелыхъ утратъ, выбирая какъ нарочно самыя чувствительныя для меня, что я съ этой стороны одеревенѣлъ и закалился. Теперь мнѣ уже 64 года, слѣдовательно и самая жизнь сосчитана чуть-чуть не днями. Но эта горестная обстановка моего существованія доставила мнѣ завидную возможность и способность сдѣлаться спокойнымъ и безстрастнымъ зрителемъ того, что̀ вокругъ меня совершается. Съ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ я лично ничѣмъ не связанъ, и могу совершенно свободно обсуждать то, что̀ вижу: Для меня, изъ моихъ наблюденій, ясно какъ Божій день, что цѣлый періодъ нашего историческаго существованія уходитъ и разрушается. Признаковъ положительныхъ и отрицательныхъ такъ много, что, перечисляя ихъ, можно было бы написать томы. Въ хаосѣ и мракѣ, сопровождающемъ дѣло разрушенія, невозможно ясно разглядѣть что̀ и какъ будетъ; можно только на лету подмѣчать искорки, въ которыхъ промелькиваетъ долженствующая рано или поздно начаться заря будущаго. Въ исторіи, какъ и въ природѣ, тьма передъ разсвѣтомъ всегда сгущается, и чѣмъ она становится гуще, тѣмъ скорѣе надо ждать разсвѣта. Вотъ въ какомъ смыслѣ я оптимистъ. Мнѣ и въ голову не приходитъ, что Дм. Андр. Толстой обратится въ Штейна, Ванновскій—въ Шарнгорста, Деляновъ—въ Жюля Ферри. Ихъ я не считаю даже Мантейфелями, умѣвшими создать хоть порядочную реакцію. Ничтожные и безсильные, съ реакціонерными вкусами, они неспособны создать что-нибудь прочное, ни разрушить то, что̀ имъ не нравится. Это полное ничтожество и безсиліе служитъ для меня самымъ вѣрнымъ признакомъ, что всѣ прежніе устои русской жизни отгнили и что изъ нихъ и на нихъ ничего прочнаго и солиднаго больше строить нельзя. Тоже самое было и у насъ, и вездѣ передъ наступленіемъ новой эпохи или новаго періода.

Вотъ съ этой точки зрѣнія мнѣ и представляются знаменательными для нашей эпохи явленія въ родѣ Достоевскаго и гр. Льва Толстого. То, что̀ они говорятъ, какъ они формулируютъ свою мысль — совершеннѣйшій вздоръ и чепуха, но то,

что заставило ихъ написать эту чепуху, что натолкнуло на рядъ мыслей, съ которыми они не съумѣли совладать, исполнено глубокаго значенія. Во Франціи сильный толчокъ къ выходу изъ среднихъ вѣковъ далъ Людовикъ XI; а самъ онъ былъ убѣжденъ, что возстановляетъ и укрѣпляетъ средневѣковые порядки. Такъ всегда почти бываетъ. Новое пробивается сперва подъ покровомъ и формами стараго и только развившись дѣлается самостоятельнымъ. Это законъ и органической природы, и исторіи, и психическаго развитія. Да-съ! Старое у насъ совсѣмъ обветшало и переходитъ, т.-е. уже перешло въ гниль; новое начинаетъ складываться, едва видимо для глаза. Это я вижу, чую— и въ этомъ весь мой оптимизмъ. Еслибъ мы съ Вами жили передъ Петромъ I-мъ, насъ душила бы точно такая же гниль, какъ теперь; а кто тогда не былъ оптимистомъ, тотъ ошибался. Вспомните только, какъ многіе, въ томъ числѣ Вы и покойный Николай Алексѣевичъ, были увѣрены, что со смертью Николая Павловича вопросъ объ освобожденіи крестьянъ канетъ въ воду. Одинъ я тогда, въ тѣсномъ кругу друзей, продолжалъ вѣрить и надѣяться и оказался правъ. И теперь я глубоко вѣрю, что чутье меня не обманываетъ. Всеобщее колоссальное размягченіе мозга, полная апатія, пониженіе уровня образованія въ руководящихъ кружкахъ и высшихъ слояхъ—есть несомнѣнный признакъ, что жизнь отсюда отхлынула и ищетъ другихъ путей. Куда она прильетъ, какія формы приметъ, какъ себя проявитъ,—этого, разумѣется, ни я и никто не скажетъ.

За этимъ перехожу къ хроникѣ и сплетнямъ. Вашъ преемникъ по министерскому портфелю чудитъ до невозможности.....

...Дуракъ М., на какомъ-то обѣдѣ, въ которомъ участвовали выпускные офицеры, предложилъ тостъ военнаго министра. Глубокое молчаніе. Болванъ повторилъ—опять молчаніе. Но онъ не унялся и предложилъ тотъ же тостъ въ третій разъ. Тогда послышалось шиканье. Объ этомъ Ванновскій, разумѣется, узналъ и при представленіи ему выпускныхъ офицеровъ держалъ имъ приблизительно такую рѣчь: „вы мною недовольны и я знаю за что,—за то, что я не оказываю предпочтенія офицерамъ, получившимъ высшее военное образованіе. Но оно для достиженія высшихъ постовъ и не нужно. Я вамъ могу служить доказательствомъ“ . . . .

...Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, при разговорахъ съ инспекторами, директорами и учителями, рекомендуетъ менѣе занимать воспитанниковъ общеобразовательными предметами, чѣмъ военными. Подобранные имъ себѣ подъ шерсть и масть помощники

выкидываютъ удивительныя штуки; требуютъ, напримѣръ, въ лабораторіяхъ и капсюльныхъ заведеніяхъ необыкновенной чистоты. Разумѣется, чисткой больше и занимаются, чѣмъ дѣломъ. Одинъ — такъ разгнѣвался, отчего какой-то механизмъ въ капсюльномъ заведеніи медленно вращается (когда ему слѣдуетъ такъ вращаться) и приписавъ это нерадѣнію и несмотрѣнію начальства, приказалъ механизму вращаться проворнѣй и усерднѣй. Это было тотчасъ исполнено, но механизмъ испортился и пересталъ работать. . . . .

. . . Кстати объ офицерахъ. На минувшихъ моихъ экзаменахъ, бывшихъ осенью, а не весною, по случаю моей болѣзни, мы всѣ—я, Бобровскій [1]), ассистентъ и дежурный штабъ-офицеръ таяли и млѣли отъ восхищенія, слушая отвѣты. Гражданское право—своего рода юридическая математика. Фразами и общими мѣстами по этому предмету отдѣлываться нельзя и нужно выражаться очень точно, чтобъ отвѣтъ былъ хорошъ. Отвѣты офицеровъ, на этотъ разъ, превзошли всякія наши ожиданія. Такихъ отвѣтовъ я слышалъ въ Академіи и Университетѣ только отъ единицъ, а тутъ, какъ на подборъ, 23 офицера отвѣчали одинъ лучше другого, такъ что только 4 получили по 11 балловъ, да и то по сравненію съ остальными. Такого курса я не запомню ни въ Академіи, ни въ Университетѣ. Вообще офицеры довольны Академіей, смотрятъ на нее серьезно. Лучшіе понимаютъ, что здѣсь они не только обучаются судебному ремеслу, но пріобрѣтаютъ смыслъ и пониманіе юридическихъ фактовъ, котораго ни прежнія ихъ занятія, ни россійская жизнь и практика не могли имъ дать. Не любятъ и не уважаютъ офицеры Академіи Генеральнаго Штаба, гдѣ Драгомировъ ведетъ себя . . . . . . безтактно.

Читалъ я этой осенью впервые записки княгини Юрьевской. . . . . . . Эта госпожа живо напомнила мнѣ М. А. Тотъ же стиль, то же самообожаніе, тѣ же потуги трактовать высокіе предметы, ровно ничего въ нихъ не понимая. Гниль, гниль и гниль! Ставя на пьедесталъ покойнаго императора, она тѣмъ ярче выдвигаетъ на первый планъ его слабыя стороны. Но дѣлаетъ это она съ единственною цѣлью выставить себя. Всего забавнѣе, что она считается съ покойнымъ своимъ мужемъ благородствомъ крови, давая понять, что она, пожалуй, будетъ и знатнѣе его. . . . .

Немного писаній производили на меня, въ послѣднее время,

[1]) Генералъ П. О. Бобровскій—начальникъ Военно-Юридической Академіи.

такое глубокое впечатлѣніе, какъ эта книга. Вся глубокая испорченность высшихъ сферъ предстала передо мною какъ на ладони. Безумныя и наглыя попытки цареубійства, кончившіяся, къ несчастію, такъ удачно и держащія въ осадномъ положеніи теперешняго Государя, суть не что иное, какъ оборотная сторона растлѣнія правящихъ слоевъ. Вмѣстѣ взятые, они представляютъ полную картину совершающагося разложенія, которое такъ живо чувствуется вездѣ и во всемъ.

Теперь я занятъ цѣлымъ рядомъ статей о затѣянномъ „Гражданскомъ Уложеніи“, въ которомъ указываю всю невозможность и негодность нашего свода гражданскихъ законовъ и стараюсь показать, въ какомъ смыслѣ и направленіи желательно преобразованіе. Въ душѣ я убѣжденъ, что никакого преобразованія не будетъ, что это только безсильныя потуги. Плохая, грошевая юридическая научная подготовка, торжествующая реакція—глупая и беззубая, рутина, формализмъ тупой и бездарный нашихъ судейскихъ—отнимаютъ всякую вѣру въ возможность разумнаго и толковаго разрѣшенія важной задачи, которая давно стоитъ на очереди. Я только очищаю свою совѣсть, готовлю матеріалъ для лучшаго будущаго: съ теперешними правящими сферами ничего не подѣлаешь.

Впрочемъ не однѣ онѣ никуда не годятся. Посмотрите на журналистику, на газеты — и въ нихъ то же самое. Путаница идей, разноголосица, незнаніе положенія и страны—поразительныя. Тѣ же потуги что-то произвести и въ результатѣ—полное безсиліе. Въ доказательство прилагаю двѣ вырѣзки изъ газеты „Новости“, гдѣ Вы прочтете мою полемику съ редакторомъ газеты Нотовичемъ. Правъ я или нѣтъ—это другой вопросъ; но посмотрите, какъ мало понялъ и шиворотъ-на-выворотъ понялъ онъ то, чтò я говорю. „Голосъ“ назвалъ меня „пессимистомъ“, „Новое Время“ удивилось, какъ я признаю политическіе таланты въ русскомъ народѣ и не признаю культуры. Это ли не столпотвореніе и смѣшеніе языковъ! [1])

Теперь я живу одинъ, и есть когда и о чемъ подумать. . . . . Работаю много, и много сижу дома. Какъ-то и охоты нѣтъ выходить изъ своей берлоги. Остаешься между живыми какою-то ископаемостью. Сверстники, друзья, близкіе—всѣ повымерли. Живешь

---

[1]) „Новости“—газета, выходившая въ Петербургѣ, подъ редакціей О. К. Нотовича. Статьи Кавелина, о которыхъ онъ упоминаетъ, перепечатаны въ послѣднемъ собраніи его сочиненій (см. т. II, стр. 1095—1110). Другія статьи Кавелина, разъясняющія отношеніе къ нему „Голоса“ и „Новаго Времени“, см. тамъ же, стр. 1111—1132.

со дня на день, въ надеждѣ вырваться изъ Петербурга и утонуть въ своемъ медвѣжьемъ углу, пока живъ. Теперь это стало моей любимой мечтой. Но и ей, кажется, не осуществиться, по крайней мѣрѣ скоро.

У насъ ходятъ упорные слухи, что Толстой уходитъ и на его мѣсто называютъ кандидатами Островскаго, Дондукова-Корсакова и Грота. Знающіе люди говорятъ, что Толстой сидитъ крѣпко на своемъ мѣстѣ; но то же самое говорили и объ Игнатьевѣ. Отъ времени до времени возобновляются слухи тоже объ увольненіи Ванновскаго. Говорятъ даже, что предлагали портфель военнаго министра Альбединскому, но онъ не принялъ. Рѣчь Островскаго въ Умани послужила поводомъ къ подставленію ему подъ ножку; но это, кажется, не удалось. Словомъ, Турція да и только!

На этихъ дняхъ возвратился сюда мой хорошій знакомый, посѣтившій нынѣшнимъ лѣтомъ Кроацію, Далмацію, Черногорію, Боснію и Герцеговину и разсказывалъ мнѣ массу любопытнѣйшихъ вещей. У тамошнихъ славянъ идетъ работа національнаго оживанія и воскресенія, какъ и у нашихъ мужиковъ. Славянскій міръ выступаетъ изъ-подъ земли на свѣтъ Божій. То, что предвидѣлъ Петръ—начинаетъ осуществляться. Понемногу спадаетъ скорлупа и налетъ, который угнетаетъ славянскія массы, и онѣ приготовляются къ исторической жизни. По словамъ моего знакомаго Австрія находится, по поводу воскресенія сербскаго народа, въ самомъ критическомъ положеніи, и онъ предвидитъ скорое ея столкновеніе съ нами по этому вопросу. Мнѣ кажется, надо съ минуты на минуту ждать столкновенія съ Германіей. Смерть Вильгельма, которая не за горами, развяжетъ всѣмъ руки.

То, что у насъ происходитъ, заслуживаетъ большого вниманія. Земли понемногу скупаются мужиками въ огромныхъ размѣрахъ. Я имѣю объ этомъ свѣдѣнія, конечно совершенно случайно, изъ Екатеринославской и Костромской губерніи; о томъ же писалъ кн. Васильчиковъ относительно Курской губерніи. Одинъ приказчикъ по лѣсной торговлѣ изъ Осташковскаго уѣзда разсказывалъ мнѣ, что въ этомъ уѣздѣ не осталось больше ни одного помѣщичьяго имѣнія. Въ Ямбургскомъ уѣздѣ Петербургской губ. крестьяне высказали одному моему знакомому, непремѣнному члену присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, твердую увѣренность, что земля господская будетъ ихъ. Невольно припоминается лѣтописное сказаніе, что когда-то Обры (Авары) завоевали, кажется, Дулѣбовъ, мучили ихъ, запрягали въ сохи ихъ женъ и на нихъ пахали землю. Были, говоритъ лѣтописецъ,

Авары тѣломъ велики и умомъ горды, и Богъ покаралъ ихъ; исчезли всѣ до единаго, такъ что пословица живетъ: погибли какъ Обры. Невольно думается: такая же судьба постигнетъ и россійское благородное дворянство. Никто и не замѣтитъ, какъ оно исчезнетъ съ лица земли, потонетъ въ подымающихся волнахъ россійскаго всенародства. Дворянство тоже своего рода налетъ, который такъ долго тормозилъ и теперь продолжаетъ тормозить развитіе массъ. Въ Остзейскихъ губерніяхъ между латышами развилась непримиримая ненависть къ нѣмцамъ. Они знаютъ и помнятъ, что нѣмцы ихъ завоевали, лишили свободы и земли и живутъ надеждой, что скоро ихъ иго кончится и земля опять будетъ принадлежать латышу-мужику. Посылаю вамъ брошюру по крестьянскому вопросу. Вы мнѣ писали, что читали эти статьи въ „Вѣстникѣ Европы". Но чего Вы еще не читали,— это мою переписку, по поводу этихъ статей, съ редакторомъ одной рижской газеты. Будьте добры прочтите, это въ концѣ брошюры нѣсколько страницъ, гдѣ я стараюсь поставить крестьянскій вопросъ на принципіальную почву, разсматриваю его теоретически [1]). Вопросъ Сіеса: „Что есть среднее сословіе?— Ничто.—Чѣмъ оно должно быть?—Всѣмъ"—я примѣняю къ крестьянскому сословію и вижу впереди такую же его роль не только у насъ, но со временемъ вездѣ и всюду. Вглядитесь въ ходъ современныхъ событій внутри всѣхъ странъ и Вы можетъ быть согласитесь, что я не совсѣмъ утопистъ, питая подобныя мысли, которыя составляютъ альфу и омегу всѣхъ моихъ убѣжденій. Теперь должно выступить на сцену крестьянство. Это сдѣлается прежде всего у насъ. Въ этомъ смыслъ всей нашей исторіи и въ этомъ наше право на историческую роль, потому что именно въ этомъ и будетъ заключаться новая фаза историческаго развитія человѣчества. Новый двигатель исторіи, крестьянство, дастъ всему новый строй и новый характеръ, какъ въ свое время церковь и каста жрецовъ, дворянство и аристократія, поземельная и придворная, и въ послѣднее время горожане-буржуа, т.-е. промышленники и купцы. Вы и покойный Николай Алексѣевичъ сдѣлали много для мужика, Вы—въ лицѣ солдата, онъ—и въ Россіи, и въ Польшѣ. Это ваши заслуги передъ всемірной исторіей и ваше (т.-е. обоихъ васъ) право на мѣсто въ лѣтописяхъ развитія рода человѣческаго. Все, что дѣлается у насъ и въ цѣ-

---

[1]) Рѣчь идетъ о монографіи Кавелина „Крестьянскій вопросъ", вышедшей отдѣльной книгой въ 1882 г.; перепечат. въ послѣднемъ изданіи собр. его сочиненій, т. II, стр. 393—598.

ломъ мірѣ, имѣетъ для меня интересъ только въ той мѣрѣ, какъ оно касается той новой гражданственности, которой носителемъ будетъ крестьянинъ, русскій, латышскій, французскій или иной— это безразлично. Я думаю, что русскій и славянскій прежде всего, потому что у насъ и вообще у славянъ (австрійскихъ и турецкихъ) меньше всосались буржуазные порядки, крестьянство не такъ потрясено и разрушено, какъ въ странахъ съ старинной городской культурой,—я хочу сказать—на городской подкладкѣ...

Глубоко Васъ почитающій и душевно преданный—*К. Кавелинъ*.

IV.

13 апрѣля 1884 г.

Вчера, душевно и глубокопочитаемый и дорогой Дмитрій Алексѣевичъ, мнѣ дано знать, что будетъ къ Вамъ оказія и я хочу ею воспользоваться, чтобъ перекинуться съ Вами откровеннымъ словечкомъ...

Вообще я не вѣрю, что бы ни говорили, въ прочность и долговѣчность теперешняго антуража. Самъ Государь лицо для меня весьма загадочное и далеко еще не выяснившееся. Слѣжу съ жаднымъ вниманіемъ за всѣмъ, что можетъ пролить на него нѣкоторый свѣтъ, что такъ трудно въ моемъ жизненномъ положеніи, и пока, долженъ сказать, не могу составить себѣ опредѣлительнаго и яснаго сужденія, какое я имѣлъ и имѣю о Николаѣ I-мъ и Александрѣ II-мъ. . . . .

Крупныхъ промаховъ я еще не видалъ. Дѣлались ошибки... видна большая осторожность, себѣ на умѣ, большая недовѣрчивость, можетъ быть доля хитрости. Замѣтенъ простой здравый смыслъ, къ сожалѣнію, не развитый знаніемъ и воспитаніемъ. Отвращеніе къ интриганству, бережливость безъ скупости, честность и любовь къ отечеству, иногда ошибочно и странно понимаемая, составляютъ почтенныя черты характера, изъ которыхъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ выработаться нѣчто весьма полезное для Россіи. Къ числу такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ я отношу—Вы расхохочетесь мнѣ въ глаза— совершенное ничтожество, въ государственномъ смыслѣ, теперешнихъ заправилъ, не исключая Д. Толстого, и исключая только одного Бунге, который дѣйствуетъ по опредѣленному плану. Всѣ прочіе скоро окажутся совершенно несостоятельными, какъ оказался уже несостоятельнымъ умнѣйшій изъ нихъ—Катковъ. Всѣ они могутъ быть лично пріятны (относительно Толстого я и въ

этомъ сильно сомнѣваюсь), но когда по логикѣ вещей окажется, что они завели насъ въ трущобу, тогда, волей-неволей, а придется направить колесницу правленія въ другія колеи и впречь въ нее другихъ лошадей. Есть нѣсколько характерныхъ признаковъ, доказывающихъ, что холопы, выдающіе себя за пользующихся полнымъ довѣріемъ, все-таки не пользуются имъ въ той мѣрѣ, какъ они сами разсказываютъ.

Катковъ явился во дворецъ просить за NN, проходимца, попавшагося въ плутнѣ по Кронштадтскому банку. Его не приняли, и Рихтеръ, который ему это объявилъ, посовѣтовалъ не злоупотреблять правомъ безпокоить Государя личными заявленіями. Четыре министра — Толстой, Побѣдоносцевъ, Островскій и не помню еще который-то—хотѣли раскассировать непріятный имъ личный составъ 1-го Деп. Сената, — и не смогли. Хотѣли провести отдачу въ штрафные баталіоны политически неблагонадежныхъ студентовъ—тоже не смогли. Такіе примѣры можно бы дополнить другими. Такъ еще Толстой всячески старался похоронить Кахановскую коммиссію, но не успѣлъ въ этомъ. А къ этому прибавьте еще вотъ что. Какъ ни печально состояніе нашего общества и умовъ, но въ нихъ несомнѣнно происходитъ движеніе, болѣе серьезное и глубокое, чѣмъ можно было бы заключить по обнародуемымъ правительственнымъ дѣйствіямъ и прессѣ. Послѣдняя крайне плоха, потому что случайно нѣтъ талантливыхъ редакторовъ и интеллигенція далеко не стоитъ въ уровень съ положеніемъ страны и потребностями минуты. Я вижу довольно разнаго народа, здѣшняго и изъ провинцій, и съ полною увѣренностью говорю, что внутренняя работа перерожденія идетъ, правда—медленно и тихо, но неудержимо, и теперешнимъ ничтожнымъ людишкамъ съ нею не справиться, какъ они объ этомъ ни хлопочутъ.

14 апрѣля.—Прежде люди вѣрили въ провидѣніе и всеблагой промыселъ; теперь даже мужики перестаютъ въ него вѣрить, и наука поняла, что то, что на свѣтѣ дѣлается, происходитъ по закону паралелограмма силъ и есть равнодѣйствующая, неотвратимая, какъ всякій механическій законъ. Поэтому можно съ полною достовѣрностью сказать, что теперешняя белиберда и безсмыслица удержаться не можетъ, а я прибавляю—не долго продержится, потому что слишкомъ сильно бьетъ въ носъ. Не улыбайтесь, читая эти строки, и не называйте меня неисправимымъ мечтателемъ и идеалистомъ. Припомните только время смерти Николая Павловича, когда всѣ вы были убѣждены, что крѣпостной вопросъ будетъ съ нимъ вмѣстѣ погребенъ, и только

я одинъ вѣрилъ, что онъ возбудится, за что покойный Николай Алексѣевичъ говорилъ про меня que j'ai une foi robuste. Въ 60-хъ годахъ я не вѣрилъ осуществленію надеждъ, что у насъ водворится вѣротерпимость, справедливый судъ, законная свобода науки и печати. Эти розы и фіалки, думалось мнѣ, слишкомъ тонкіе цвѣты для нашей еще грубой почвы. Меня за это ругали въ прессѣ, изъ-за этого я разошелся съ Герценомъ; а послѣдствія меня оправдали. Теперь же я говорю, съ глубокой увѣренностью: время глубокой, радикальной реформы всего нашего административнаго (въ томъ числѣ и судебнаго) строя наступило; онъ вывѣтрился и валится въ куски. Нѣтъ въ мірѣ власти, которая была бы въ состояніи поддерживать его дольше заплатками и штуковкой. Все зло и вся бѣда наша въ томъ, что правительственный механизмъ (а не самодержавная власть) совсѣмъ сгнилъ и долженъ непремѣнно быть замѣненъ другимъ, новымъ, органически построеннымъ, приспособительно къ условіямъ нашего государства и русской среды, а не по принципамъ, выработаннымъ чужою жизнью и чужимъ опытомъ, которые мы, по недоразумѣнію, считаемъ за общечеловѣческіе принципы. Какъ и когда это сдѣлается, по какому поводу, чьими руками—этого, конечно, никакой мудрецъ предвидѣть не можетъ; но разъ вопросъ созрѣлъ,—недостатка въ поводахъ не будетъ, и всѣ старанія отвратить кризисъ и реформу только ее приблизятъ и будутъ ей работать въ руку. Никогда не забуду, какъ осенью 1857 года мы съ Вами встрѣтились на дебаркадерѣ въ Царскомъ Селѣ и Вы мнѣ передавали, что даже le ministre peint par lui-même, ничтожнѣйшій изъ ничтожныхъ, Влад. Ѳ. Адлербергъ—и онъ понялъ, что съ крѣпостнымъ правомъ больше жить нельзя, что оно вездѣ и во всемъ мѣшаетъ, какъ бревно на дорогѣ. Вспомните, что Ростовцевъ освободилъ крестьянъ! Вѣдь это было бы вопіющею къ небу нелѣпостью, еслибъ не было правдой!

Какъ знать? Можетъ быть Посьету или В. Д—ву выпадетъ блистательная историческая роль похерить нашъ безобразный, анархическій и безсмысленный административный строй и поставить на его мѣсто величавый, монументальный органическій законъ о государственномъ и мѣстномъ управленіи Россіи. Всяко бываетъ! Пожалуй, чего добраго, роль преобразователя выпадетъ на долю мудреца Ванновскаго. У насъ все возможно! Невозможно только одно: удержать разваливающійся порядокъ вещей. Я и сижу и совершенно спокойно жду, когда логика вещей, неотразимыхъ своимъ ходомъ, выброситъ за бортъ, какъ хламъ и

ветошь, соображенія и измышленія нашихъ правительственныхъ несмысленышей, всѣ ихъ мыслишки и проектишки, запечатлѣнные политическою куриною слѣпотою и скудоуміемъ . . . . . .

15 апрѣля.—Третьяго дня я слышалъ. . . . . будто Гурко подалъ въ отставку по случаю разногласія съ Толстымъ о крестьянскомъ дѣлѣ, но его не выпустили и Толстой пошелъ на уступки. Кстати сказать: я считалъ Толстого гораздо умнѣе и состоятельнѣе, чѣмъ онъ оказывается на самомъ дѣлѣ. Онъ только золъ и мстителенъ, а кругозоръ его не широкъ и не талантливъ, даже съ его точки зрѣнія. Кромѣ того, онъ страдаетъ обычнымъ недостаткомъ всѣхъ правовѣдовъ и лицеистовъ—большою поверхностностью и легкомысліемъ. Вы, конечно, знаете изъ писемъ, какъ глупо онъ держалъ себя по поводу похоронъ Тургенева; но глупость, узкость и вертопрашество его въ полномъ блескѣ выказались по поводу похоронъ Судейкина. Сдѣлать изъ этихъ похоронъ la contre partie похоронамъ Тургенева—ничего безтактнѣе, смѣхотворнѣе и болѣе вреднаго для авторитета правительства и выдумать нельзя; а Толстой на этомъ уперся вопреки представленіямъ Дурново и даже Грессера по поводу похоронъ Тургенева, и съ настойчивостью, достойной лучшаго дѣла, провелъ правительственную демонстрацію здѣсь и тамъ. Не могу забыть громаднаго (говорятъ) вѣнка отъ департамента полиціи, съ надписью: „Исполнившему священный долгъ“ — во всякомъ случаѣ исполнившему весьма неудачно, потому что далъ себя надуть Дегаеву, котораго зналъ какъ предателя своей партіи за деньги, слѣдовательно крайне ненадежнаго.

Вообще, вся Дегаевская и Судейкинская исторія интересна и поучительна въ высокой степени и есть знаменіе времени въ полномъ смыслѣ слова. Судейкинъ — не простой жандармскій маіоръ, офицеръ, ищущій карьеры, а мыслящій и образованный человѣкъ, горячій сторонникъ народнической партіи и при томъ самыхъ крайнихъ ея адептовъ, для которыхъ масса народная съ царемъ во главѣ — все, а интеллигенція и слои, стоящіе выше, суть враги царя и народа, подлежащіе истребленію. Съ узколобымъ Толстымъ они и разошлись па томъ, что крайнихъ народниковъ, по мнѣнію Судейкина, преслѣдовать не должно, тогда какъ Толстой, какъ всѣ наши псевдо-аристократы, на добрую половину крѣпостникъ и, гдѣ можетъ, мѣшаетъ развитію массы. Народники ему — бѣльмо на глазу. Толстой и Судейкинъ на этомъ такъ разошлись, что послѣдній выходилъ въ отставку и весною долженъ былъ уѣхать къ себѣ въ деревню въ Смоленскую губернію. Но его застигла смерть.

Теперь идутъ сильные аресты между артиллеристами и моряками. Забираются чуть не цѣлыя команды. Когда дѣло доходитъ до того, что на сторонѣ правительства—Посьеты, М. Н. Анненковы и Маковы, а все мыслящее, просвѣщенное, талантливое, живое и молодое сторонится отъ него и либо враждебно ему, либо совершенно безучастно и равнодушно—это признакъ безошибочный, что нарождается новый порядокъ дѣлъ, который при первыхъ же благопріятныхъ обстоятельствахъ пробьетъ кору, которая неестественно держитъ его подъ спудомъ. Это также неотвратимо какъ смерть. Такъ готовилось новое передъ Петромъ, передъ Иванами III и IV, передъ освобожденіемъ отъ монгольскаго ига. Трогательно и умилительно читать, какъ горсточка горячихъ патріотовъ, беззавѣтно вѣрившихъ въ свою родину, выносила будущее ея на своихъ плечахъ. Мы съ Вами были этому свидѣтелями въ памятные дни отмѣны крѣпостного права, которые безповоротно рѣшили наши дальнѣйшіе успѣхи . . . .

. . . .

16 апрѣля.—Вообще метаморфозы и быстрые переходы отъ однихъ взглядовъ къ другимъ—далеко не всегда по разсчетамъ и изъ видовъ—поразительны и такъ стали часты, что къ нимъ наконецъ привыкаешь, какъ къ картинамъ смерти на войнѣ. Мѣсяцъ тому назадъ такой-то господинъ былъ славянофиломъ, à la Аксаковъ; глядь-поглядь—онъ уже конституціоналистъ чистокровный и презираетъ русскій народъ, считая его вѣрной добычей Бисмарка за неспособностью жить всемірно-историческою жизнью и играть въ ней роль. Вы собираетесь убѣдить другого господина въ ошибочности его взгляда и въ правильности вашего, и, зная его образъ мыслей, набираете аргументы, ожидая сильный отпоръ. Каково же ваше удивленіе, когда съ первыхъ же словъ вы видите, что толкаетесь въ открытую дверь, что никакихъ приготовленій не нужно было, что трудъ и порохъ вы потратили совсѣмъ даромъ. Вы думали встрѣтить отпоръ, а вамъ киваютъ одобрительно головой, съ ясностью души, которая васъ смущаетъ. Какимъ чудомъ совершилось это превращеніе чуть-чуть не въ 24 часа, или по какому капризу природы двѣ прямо противуположныя другъ другу мысли, исключающія себя взаимно, благодушно и мирно уживаются въ одной головѣ? Не трудитесь обременять себя подобными вопросами! Вы ихъ никакъ не разрѣшите! Связная мысль, міросозерцаніе ясное, послѣдовательное и устойчивое — плоды слишкомъ тонкіе для нервной и мозговой матеріи, которая еще не сложилась и не выработалась. Все въ ней содержится пока въ видѣ эмбріоновъ,

въ хаотическомъ смѣшеніи и все рѣшаетъ послѣднее впечатлѣніе. Пока мы были въ наукѣ у Европы, строгая ферула держала насъ въ уздѣ и указка учителя не давала разбрасываться; а когда пришлось жить своимъ умомъ, мы оказались ребятами и самонадѣянными школьниками, съ большимъ, какъ водится, азартомъ и съ куриной головой.

Приходится, сложа руки, созерцать неприглядную картину, какъ глупые телята прыгаютъ, задравши хвосты, въ разныя стороны, кто туда, кто сюда, и спокойно выжидать, когда этотъ спектакль кончится и глупые телята угомонятся.

17 апрѣля.—Не смотря на мои 65 лѣтъ и чувствуемое умаленіе силъ, работаю немало, мысль еще свѣжа, голова полна проектовъ разныхъ, довольно значительныхъ, трудовъ. Печатаю курсъ семейнаго права, а осенью напечатаю курсъ наслѣдственнаго права. Оба читаны въ Воен.-Юр. Академіи въ 1883—1884 г. Обѣ отрасли права изложены по главнѣйшимъ древнимъ и новымъ законодательствамъ, съ обзоромъ историческаго развитія и видами на будущее. Вообще говоря, я этими лекціями былъ доволенъ, читалъ ихъ съ наслажденіемъ и печатаю, потому что въ нихъ проведены кое-какія полезныя и новыя мысли. Юристы ортодоксальные, вѣроятно, будутъ ими очень недовольны.—Лѣтомъ займусь исключительно „Задачами Этики". Въ ней сходятся, какъ въ фокусѣ, всѣ недоразумѣнія и глубокія противурѣчія современной мысли и науки, въ ней же скрытъ и ключъ къ новому періоду развитія... Давно, лѣтъ 10 слишкомъ, я думаю объ этомъ предметѣ, и только прошлымъ лѣтомъ, послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ, мнѣ удалось выяснить вполнѣ всѣ главныя положенія. Теперь остается только прилично изложить свои мысли, что̀ я и надѣюсь сдѣлать этимъ лѣтомъ. Главная задача—замѣнить традиціонныя метафизическія основанія или устои этики—психологическими, физіологическими и соціальными. Современная наука ходитъ кругомъ да около этихъ устоевъ, но никакъ не можетъ на нихъ попасть, потому что не идетъ въ своихъ заключеніяхъ до конца, до послѣдняго вывода и останавливается на половинѣ пути. Отсюда всѣ колебанія и недоразумѣнія. Надо разогнать чары и фантомы, сорвать повязку съ глазъ и все станетъ ясно и просто, и свѣтло.

Если удастся благополучно раздѣлаться съ этой работой, примусь съ осени за энциклопедію соціальныхъ наукъ съ чисто педагогическою, а не научною цѣлью. Мы, въ Россіи, страдаемъ недостаткомъ, правильнѣе сказать—отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ понятій о явленіяхъ соціальной жизни и ихъ значеніи.

Такъ какъ сама жизнь ихъ не даетъ, то они должны войти въ нее черезъ сознаніе и книгу. Задача моя самая скромная, но и очень трудная: познакомить людей, въ общедоступномъ, простѣйшемъ изложеніи, съ тѣми соціальными явленіями и фактами, съ которыми они на каждомъ шагу встрѣчаются въ жизни, не обращая на нихъ вниманія и вовсе ихъ не понимая. Такое изложеніе, при возможной полнотѣ, должно быть совершенно свободно отъ всякой тенденціозности, отъ всякаго поползновенія внушать тѣ или другіе принципы, дать политическое или экономическое воспитаніе въ томъ или другомъ направленіи. Единственною задачею такой книги должно быть ознакомленіе съ фактами, совершенно объективное, не входя въ разборъ, дурны они или хороши, желательны или нежелательны. Само собою разумѣется, что книга, предназначенная для русскихъ читателей, должна больше останавливаться на явленіяхъ русской соціальной жизни. Трудъ этотъ будетъ длинный и кропотливый, потребуетъ много труда и времени и большой осмотрительности. Онъ не можетъ обойтись безъ историческихъ обозрѣній и сопоставленія однихъ и тѣхъ же явленій у разныхъ народовъ. За то, если удастся выполнить его сколько-нибудь удачно, польза его будетъ громадная и онъ сильно подвинетъ впередъ нашу культуру, которая теперь незавидна во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Матеріала для такой энциклопедіи достаточно подработано въ Европѣ и кое-что у насъ; нужно только съумѣть толково и основательно всѣмъ этимъ воспользоваться.

18 апрѣля.—На этихъ дняхъ, такъ недѣли съ двѣ, распространился слухъ, будто уже подписанъ указъ, запрещающій чиновникамъ и сановникамъ участвовать въ правленіяхъ промышленныхъ предпріятій—банковъ, акціонерныхъ компаній и проч. Это произвело страшный переполохъ въ высшихъ и среднихъ административныхъ сферахъ, гдѣ очень многіе занимаютъ мѣста директоровъ въ пяти-шести промышленныхъ предпріятіяхъ. Уровень нравственныхъ понятій такъ понизился, что про Валуева всѣ говорили съ негодованіемъ, когда онъ сталъ предсѣдателемъ учетнаго и ссуднаго банка; объ Оболенскомъ, который его смѣнилъ, говорили менѣе, а о Любощинскомъ, который сѣлъ на то же кресло, никто ужъ не говоритъ, какъ будто такъ и слѣдуетъ, чтобъ члены Государственнаго Совѣта сидѣли въ банкирскихъ конторахъ! Мало того: многіе и взаправду, добросовѣстно не понимаютъ, что-жъ въ этомъ, въ самомъ дѣлѣ, неблагопристойнаго . . . .

На отсутствіе нравственнаго чутья, азбучныхъ понятій о

добрѣ и злѣ, натыкаешься на каждомъ шагу. Подъ конецъ къ этому такъ привыкаешь, что ужъ удивляешься, встрѣчаясь съ нравственнымъ стыдомъ и гадливостью моральнаго свойства, и подозрѣваешь, не маска ли это,—одна изъ тысячей—служащая средствомъ для достиженія весьма практическихъ ближайшихъ цѣлей. Другихъ идеаловъ, кромѣ личной наживы и наслажденія житейскими благами, нѣтъ. Водопроводное общество въ Петербургѣ вовсе не для того существуетъ, чтобы снабжать петербургскихъ жителей чистой и здоровой водой, а для возможнаго набиванія кармановъ N. и NN. Такъ думаютъ не одни мазурики, но и знающіе, честные, умные люди, убѣжденные, что вся суть въ контрактѣ, и если контрактъ мошеннически составленъ, то все-таки онъ, а не очевидная цѣль контракта, рѣшаетъ дѣло! Николаевская дорога возитъ товары по дорогому тарифу изъ Москвы въ Петербургъ и по дешевому изъ Петербурга въ Москву, вслѣдствіе того, что вагоны въ послѣднемъ случаѣ не имѣютъ клади и возвращаются пустые. Благодаря этому, остзейскіе винокуры затопляютъ своимъ виномъ внутреннія губерніи и вытѣсняютъ съ рынка вино, производимое замосковными заводчиками. Послѣдніе, разумѣется, пищатъ и молятъ: уравняйте хоть тарифъ изъ Петербурга съ тарифомъ изъ Москвы. На это Главное Общество прехладнокровно отвѣчаетъ: Извольте-съ, съ нашимъ великимъ удовольствіемъ! Только не угодно ли будетъ казнѣ заплатить намъ убытки, которые мы отъ того потерпимъ! Что дорога существуетъ для пассажировъ и перевозки товаровъ, что въ этихъ только видахъ казна дала концессію Обществу, поставила его въ привилегированное положеніе, — мало того, снабдила его деньгами и кредитомъ, — все это забыто и стушевано, а выдвинуты на первый планъ туго набитые карманы акціонеровъ и надежды на жирные дивиденды и въ будущемъ! Развѣ это не прелюбодѣйство мысли? А такъ смотрятъ даже честные, хорошіе и неглупые люди! Путаница въ головахъ—неописуемыя и ужасающія мерзости—очень, очень часто результатъ не цинической испорченности, а скудоумія, потери, въ водоворотѣ всевозможныхъ взглядовъ и направленій, инстинкта справедливости и правды. Объ этой замѣчательной характерной чертѣ нашего времени и ея весьма глубокихъ причинахъ, скрывающихся въ цѣлой системѣ міросозерцанія, отходящаго теперь въ вѣчность, я подробно буду говорить въ „Задачахъ Этики“ . . . .

. . . .

20 апрѣля.—Кажется, я Вамъ ничего не писалъ о моемъ

участіи, въ первый разъ въ жизни, въ судѣ присяжныхъ и впечатлѣніяхъ, которыя вынесъ изъ этого суда. Въ минувшемъ ноябрѣ я, въ теченіи двухъ недѣль, сидѣлъ въ судѣ и въ самыя сложныя дѣла попадалъ въ дѣйствующія лица и притомъ въ качествѣ старшины. Для наблюденій надъ подсудимыми, защитниками, судомъ, присяжными, публикой поле было широкое, и я этимъ воспользовался, на сколько умѣлъ. Для человѣка, который ищетъ въ судѣ не сильныхъ ощущеній, не театральной mise en scène, а возможнаго приближенія къ правдѣ и справедливости въ устроенномъ сожительствѣ людей, судебная драма въ Россіи представляется какой-то горькой и тупоумной насмѣшкой надъ Божьей правдой на землѣ. Сравнительно наилучшее впечатлѣніе производятъ присяжные. Въ большинствѣ это люди полуграмотные, простые, не имѣющіе и тѣни юридическихъ понятій, съ значительной дозой простого человѣческаго здраваго практическаго смысла, по природѣ добрые и сострадательные, инстинктивно чувствующіе, что судъ—дѣло великое и что къ нему надо относиться по доброй совѣсти. Это матеріалъ, какъ весь русскій народъ, превосходный, но совсѣмъ въ сыромъ видѣ, требующій выработки, а ея-то и нѣтъ. Судьи, пристава—народъ тоже не дурной, но опутанный съ головы до ногъ такими нелѣпыми законами и инструкціями, что подъ ихъ безпрестаннымъ давленіемъ обратились въ манекены, въ куклы, продѣлывающіе механически цѣлый рядъ сложныхъ манипуляцій и видимо боящіеся пропустить какую-нибудь формальность. Страхъ этотъ такъ великъ, что изъ-за него дѣйствительная, живая правда почти забывается и занимаетъ, въ заботахъ суда и судей, самое послѣднее, не видное мѣсто. А положительно негодный элементъ суда—это прокуратура и защита. Обвинительная власть—или безстыжая и нахальная, щеголяющая безсердечіемъ и безучастіемъ къ обвиняемому, или тупоумная и совсѣмъ неспособная, которую на судѣ рѣжутъ на поваль, сами того не подозрѣвая, самые простые и безграмотные изъ свидѣтелей. Защитники умны, знающи, талантливы; но они дѣйствительно софисты XIX вѣка, прелюбодѣи мысли, какъ ихъ назвалъ Евг. Марковъ, умственно и нравственно (я говорю только о ихъ сторонѣ, обращенной къ правосудію, не касаясь другихъ) глубоко развращенные и растлѣнные, — или же невообразимые хамы, которыхъ нельзя пустить въ переднюю. Слѣдствія производятся отвратительно; обвинительная власть, — судебная палата, рѣшающая вопросъ объ отдачѣ подъ судъ,—дѣйствуетъ съ преступною небрежностью, легкомысліемъ и совершеннымъ незнаніемъ и непониманіемъ

быта и привычекъ нашего простого народа, вслѣдствіе чего простыя уличныя драки, мелочныя кражи и т. п. выростаютъ въ уголовныя преступленія, переносятся въ окружный судъ, судятся съ присяжными, а обвиняемые мѣсяцами и годами томятся въ заключеніи. Формы суда до того безобразны, что мы, представители народа на судѣ, сами являемся въ самомъ унизительномъ положеніи, насъ трактуютъ мало чѣмъ лучше подсудимыхъ, окружаютъ жандармами съ саблями на-голо, водятъ обѣдать, спать, погулять и за нуждой подъ вооруженной эскортой, распечатываютъ письма, присылаемыя на наше имя, и т. д. Все это униженіе и безобразіе смягчается въ дѣйствительности, на практикѣ, крайнимъ добродушіемъ и порядочностью исполнителей, которые сами какъ будто стыдятся того, что они съ вами продѣлываютъ; но принципъ и его формы—ужасны! Подсудимые и то, что у васъ происходитъ и проходитъ передъ глазами на судѣ, воспроизводитъ печальную нашу русскую дѣйствительность во всей ея мучительной и безотрадной правдѣ: неразвитость, невѣжество, спустя рукава, создающіе, par contre, произволъ, безправіе. Въ этомъ-то разливанномъ морѣ неосмысленной и несложившейся жизни безнаказанно совершаютъ гнусныя дѣла разные гады, плавающіе рядомъ съ рѣдкими песчинками чистаго серебра и золота. Измучаешься, глядя на эти картины дѣйствительной русской жизни! Это еще совсѣмъ первобытный міръ, не захваченный развитіемъ и исторіей. И какъ онъ не похожъ на ту утонченно-развратную и растлѣнную до мозга костей среду, изъ которой слагается у насъ правящій и такъ называемый высшій, образованный слой! Между ними — непроходимая бездна. Тупоголовые славянофилы это замѣтили, но идеалы свои перенесли въ наше прошедшее, а теперь переносятъ въ народныя массы, разыскивая здѣсь или тамъ премудрости и разрѣшенія всѣхъ трудныхъ и сложныхъ задачъ нашего времени. Какъ это непроходимо глупо!

21 апрѣля. Вчера сдѣлано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" сообщеніе о совершенномъ прекращеніи „Отечественныхъ Записокъ". Вы легко можете себѣ представить, какой это произвело переполохъ въ литературномъ муравейникѣ. Меня лично это происшествіе только еще лишній разъ укрѣпило въ выводѣ, къ которому я уже давно пришелъ: и правительство, и интеллигенція у насъ въ совершенномъ упадкѣ и разложеніи, потеряли всякій смыслъ и тактъ дѣйствительности, неспособны создать себѣ ни общей какой-нибудь цѣли и программы дѣйствій, а играютъ въ темную, не подумавши, подъ впечатлѣніемъ минуты.

Собраніе четырехъ министровъ не поняло, что правительству, въ своемъ оффиціальномъ органѣ, неприлично объявлять свои виды, мотивы и распоряженія тономъ фельетонныхъ статей газетъ; что, возводя тяжкое обвиненіе на цѣлое направленіе русской періодической печати въ участіи въ революціонныхъ происках, необходимо подкрѣпить его какими-нибудь оффиціальными актами и документами; что закрывать изданіе изъ-за того только, что нѣсколько лицъ, участвующихъ въ немъ, уличены въ принадлежности къ революціонной организаціи, есть нелѣпость: вещей и юридическихъ лицъ наказывать нельзя, это понимала еще Екатерина II. Правительство тутъ, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, оказалось ниже своего положенія и дѣйствовало какъ партія, а не какъ органъ государственной власти,—точно будто бы четыре министра сами были журнальные или газетные борзописцы, сотрудники редакціи литературнаго органа противной партіи. Правительство, такимъ способомъ дѣйствій, только все болѣе и болѣе теряетъ довѣріе, уваженіе и ореолъ, которымъ должно быть окружено въ интересахъ государственной власти. Теперь взгляните на редакцію „Отечественныхъ Записокъ" — одинъ изъ видныхъ органовъ интеллигенціи. Что же это такое? Ея сотрудники участвуютъ въ революціонной организаціи, спюхиваются съ подпольными изданіями. Что же представляютъ собою эти изданія и эта организація? Ничего кромѣ голаго, безусловнаго отрицанія: ни опредѣленной цѣли и задачи, ни программы политической, соціальной или нравственной. Кто же, кромѣ ребятишекъ и слабоумныхъ, станетъ подъ такое знамя? Много талантовъ соединяла въ себѣ редакція „Отечественныхъ Записокъ"—это безспорно. Особенно сильны онѣ были сатирой Щедрина, очерками Глѣба Успенскаго, проповѣдью артельнаго начала Энгельгардта. Но остановиться на сатирѣ нельзя. Она переходная ступень, послѣ которой возникаетъ вопросъ: что же предѣлать, чтобъ герои сатиры стали невозможны? Выходъ, предлагаемый Энгельгардтомъ—фата моргана, отъ которой онъ самъ, кажется, отступился; по крайней мѣрѣ въ послѣднее время онъ что-то совсѣмъ замолкъ. Глѣбъ Успенскій, когда-то народникъ de pur sang, вынесъ изъ своихъ глубокихъ наблюденій горестное убѣжденіе, что безъ руководительства, самъ собою, народъ ни къ чему не придетъ и придти не можетъ. Прочіе сотрудники или критиковали капиталистическій, буржуазный строй, что было похоже въ Россіи на борьбу съ вѣтряными мельницами, такъ какъ ни капитализма, ни буржуазіи въ Россіи нѣтъ, либо остроумничали и зубоскалили, что тоже мало отвѣчало назрѣвшимъ

потребностямъ, которыя настоятельно требуютъ выхода изъ теперешняго положенія, осмысленной цѣли, програмы. „Отечественныя Записки", когда-то очень влiятельныя, въ послѣднее время тоже падали въ симпатіяхъ большинства, кругъ ихъ читателей болѣе и болѣе съуживался. Онѣ бы умерли собственною смертью, какъ клубы якобинцевъ, нѣкогда всемогущіе, которые подъ конецъ гостинодворцы и сидѣльцы лавокъ разгоняли палками. А правительство подогрѣло потухавшее пламя этой редакціи и этого органа, возложило на нихъ вѣнецъ мучениковъ и въ глазахъ глупой толпы создало имъ пьедесталъ, котораго она сама и не подумала и не съумѣла бы пододвинуть имъ подъ ноги. Точно присутствуешь при трагикомедіи, разыгрываемой умалишенными! И правительство, и его враги не имѣютъ почвы подъ ногами и какъ въ бреду и потёмкахъ занимаются глупымъ истребленіемъ другъ друга, расчищая путь для будущей исторіи, которая выступаетъ изъ мрака въ самыхъ неопредѣленныхъ и туманныхъ чертахъ. Не называйте меня мечтателемъ! Въ дѣйствительности нѣтъ безвыходныхъ положеній. И у насъ, если смотрѣть, спокойно и безпристрастно, со стороны, не принимая участія въ игрѣ, не трудно, при нѣкоторомъ вниманіи, разглядѣть капельные ручейки, которые со временемъ должны слиться въ потоки,—намеки на програму, изъ которыхъ она должна, рано или поздно, сложиться, и указать общія задачи и цѣли стремленій и дѣятельности. Это можно сказать съ полною увѣренностью, не будучи ясновидцемъ или пророкомъ.

22 апрѣля.—Мнѣ остается, въ заключеніи этого письма, сказать нѣсколько словъ о ходѣ вопроса высшаго образованія, о русскихъ окраинахъ и объ управленіи церковью. По всѣмъ этимъ предметамъ близорукость, безталанность и совершенное непониманіе прошедшаго, настоящаго и желательнаго будущаго поразительны въ теперешнихъ вожакахъ русской государственной машины. Они въ рукахъ судьбы играютъ роль роковыхъ топоровъ, которые нещадно и безсмысленно разрушаютъ то, что само собою уже пало или валится—ни дать ни взять динамитчики—и ни одной зиждительной творческой мысли, которая бы открывала двери въ будущее, не несутъ съ собою. Высокая трагикомедія заключается въ томъ, что правительство и революціонеры, преслѣдуя другъ друга и ведя другъ противъ друга войну истребленія, съ трогательнымъ единодушіемъ укладываютъ въ гробъ и везутъ на кладбище всѣ тѣ традиціонныя основы, на которыхъ покоится теперешній порядокъ вещей. Дѣятельность правительства, рвущаяся изъ кожи быть консервативной, чуть ли не болѣе

разрушительна, чѣмъ революціонеровъ, и въ этомъ комизмъ его положенія.

Университеты, созданіе среднихъ вѣковъ, отжили свое время, вмѣстѣ съ схоластическими формами науки, окончательно выкуренными изъ области наукъ естественныхъ, математическихъ и прикладныхъ. Казалось бы, охранители, стоящіе на точкѣ зрѣнія отжившаго міросозерцанія, должны бы всячески поддерживать почтенную руину. А они-то противъ нея всего болѣе свирѣпствуютъ, желая ее стереть съ лица земли,—во имя традиціи и прошедшаго! Выходитъ, что Николаи [1]), Головнинъ, и прочіе, стоящіе за status quo ante (большинство членовъ Госуд. Совѣта) — консерваторы, а Деляновъ, Катковъ, Георгіевскій — исполняютъ роль революціонеровъ и упразднителей! Не удивительно ли такое извращеніе ролей? Какой будетъ исходъ университетскаго устава— никто не знаетъ! Въ проектѣ Толстого живой нитки не осталось. На мой взглядъ весь вопросъ поставленъ обѣими сторонами далеко ниже требованій времени. Наука и педагогика, созданныя средними вѣками, падаютъ и разрушаются, и дезорганизація университетовъ служитъ только показателемъ этого явленія, замѣчаемаго вездѣ и во всемъ. Въ тѣхъ областяхъ науки, которыя уже выработались по индуктивной методѣ и переродились, это не такъ бросается въ глаза, какъ въ тѣхъ, которыя недавно стали на новый путь и только начинаютъ еще перестроиваться по положительному методу — въ философіи, психологіи, юридическихъ, политическихъ и соціальныхъ наукахъ. А именно преподаваніе этихъ наукъ и занятія ими студентовъ и вызываютъ университетскій вопросъ! Всѣ мои симпатіи, понятно, на сторонѣ истинныхъ, а не псевдоконсерваторовъ, но не потому что первые правы, стоя за университетскій уставъ 63 года горой, а только потому, что, пока новое не выяснилось, нельзя и не должно ломать стараго. Въ принципѣ я убѣжденъ, что удержатъ ли старый уставъ, введутъ ли новый, Толстого et C-ie, пѣсня университетскаго преподаванія спѣта и мы присутствуемъ при его агоніи. Коренное его перерожденіе—неминуемо. Я думаю, что наша Академія потому и идетъ лучше университетскихъ юридическихъ факультетовъ (это общее мнѣніе), что мы не такъ связаны средневѣковыми академическими преданіями.

Кого глубоко жаль, такъ это порядочную университетскую молодежь! Она—жертва искупленія и чувствуетъ это. Теперещ-

---

[1]) Баронъ А. П. Николаи (р. 1821 † 1899) былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія въ бытность министромъ А. В. Головнина, а затѣмъ въ 1881—1882 гг. занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія.

няя наука ее не удовлетворяетъ, не отвѣчая на ея запросы; а какъ имъ удовлетворить—она не знаетъ. Революціонное направленіе не дало ей того, что она отъ него ожидала. И попала бѣдная молодежь между двухъ огней, не зная, гдѣ приклонить голову. Прибавьте матеріальную необезпеченность, отсутствіе талантовъ на каѳедрахъ, чиновническія отношенія къ ней профессоровъ, глупый, неумѣлый и невѣжественный полицейскій надзоръ на каждомъ шагу, развратную и растлѣнную домашнюю и общественную среду—и Вы поймете, какъ тяжело жить университетской молодежи въ наши дни! Масса ихъ погибаетъ зря, въ развратѣ, въ отчаяніи, или въ битьѣ баклушъ. Лучшія силы пропадаютъ даромъ, совершенно непроизводительно. Остаются цѣлы совершеннѣйшая дрянь, понапрасну бременящая землю. Это будущіе общественные и государственные дѣятели, надежда Россіи!

Представьте себѣ теперь насильственное водвореніе безобразія, хаоса, безсмыслицы и безголовья, которыя царятъ у насъ, въ другихъ странахъ—и Вы получите нашу политику обрусѣнія нашихъ окраинъ! Вмѣсто того, чтобъ высоко держать знамя государства, крѣпко поставить принципъ государственной власти, предоставляя дѣло сліянія, нравственнаго и національнаго, времени, успѣхамъ культуры, естественному тяготѣнію интересовъ, мы занимаемся съ ожесточеніемъ тѣмъ, что дразнимъ жителей окраинъ въ ихъ языкѣ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ, домашнихъ порядкахъ, и, думая ихъ русить, вложить въ нихъ русскій духъ и умъ, только отпугиваемъ отъ себя. И тутъ, думая созидать, мы только разрушаемъ, водворяемъ анархію и хаосъ. Наша миссія—поставить на ноги крестьянскія массы, снять съ нихъ ярмо, вести ихъ къ развитію. Этого мы не дѣлаемъ, по крайней мѣрѣ боимся дѣлать въ Остзейскихъ провинціяхъ; а наши невозможные судебные, административные и канцелярскіе порядки, произволъ, необезпеченность лица и имущества, безправіе—мы водворяемъ обѣими руками! Томы можно было бы написать на эту тему!

Наконецъ—Побѣдоносцевъ! Это своего рода Наполеонъ III въ церковныхъ дѣлахъ, или, если хотите, Людовикъ Святой. Стараясь всячески поддержать церковь и ея ученія, онъ только ускоряетъ ихъ разрушеніе и паденіе! Вопреки вѣковой, традиціонной политикѣ московскихъ царей и петербургскихъ императоровъ, онъ поддерживаетъ монаховъ противъ бѣлаго духовенства, дѣйствуетъ какъ тупоголовый фанатикъ, не подозрѣваетъ, что время русскаго протестантизма быстро приближается, что онъ уже толкается въ дверь, что реформаціонное движеніе все болѣе и болѣе охватываетъ не только народныя массы, но и

само духовенство, служителей церкви и алтаря! Побѣдоносцевъ— это тотъ же Аксаковъ народности, тотъ же Катковъ русской государственности! Работаетъ чисто, достигая какъ разъ противнаго той цѣли, къ которой думаетъ идти. Всѣ они усердно работаютъ на пользу разрушенія, думая укрѣплять, охранять и созидать. Даже Толстой, въ качествѣ оберъ-прокурора Синода— и тотъ, каковъ ни есть, имѣлъ больше живого смысла и такта дѣйствительности.

На этотъ разъ я оканчиваю свою эпистолу и не извиняюсь передъ Вами, что она вышла такая длинная. Давно Вамъ не писалъ и не знаю, когда опять представится случай. Пусть она послужитъ Вамъ доказательствомъ, какъ Вы живы въ памяти людей, дорожащихъ названіемъ Вашихъ друзей и какую глубокую борозду Вы прорыли въ ихъ памяти и въ ихъ сердцѣ! Ни время, ни лѣта, ни перемѣна обстоятельствъ и положеній не измѣняютъ отношеній, завязавшихся помимо внѣшней обстановки. Оттого они и вѣчны! Теперь я могу опять, какъ въ старину, говорить съ Вами совсѣмъ на распашку, хотя и увѣренъ и знаю, что многихъ моихъ взглядовъ Вы не раздѣляете, отъ иныхъ Васъ, можетъ быть, и покоробитъ. Это ничего! Вся наша жизнь сложилась такъ различно, кругъ дѣятельности, предметы, на которыхъ выработался умъ — такъ не похожи другъ на друга, что не могъ не образоваться совсѣмъ различный уголъ зрѣнія на вещи и людей . . . .

Душевно и горячо васъ почитающій и любящій — *К. Кавелинъ.*

V.

20 декабря 1884 г.

Сердечно благодарю Васъ, душевно почитаемый Димитрій Алексѣевичъ, за Ваше дорогое письмо.

Я послалъ Вамъ свои печатныя лекціи о семейномъ правѣ [1]), какъ „твоя отъ твоихъ". Вы создали В.-Ю. Академію, Вы меня устроили въ ней профессоромъ и тѣмъ создали мнѣ нѣсколько весьма счастливыхъ лѣтъ въ моей жизни. Естественно, что, издавъ эту брошюру, я прежде всего послалъ ее Вамъ. А что Вы ее хвалите — это ужъ чистый мой бенефисъ, совсѣмъ не-

---

[1]) „Права семейственныя. Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго союза. Спб. 1884 г.", перепечат. въ IV т. Собранія Сочиненій Кавелина, Спб. 1900 г., стр. 1006—1181.

ожиданный. Единственное достоинство этихъ лекцій то, что онѣ— чуть ли не первая попытка взглянуть на дѣло просто и прослѣдить развитіе семьи отъ древнѣйшихъ временъ до нашего. Въ маѣ пришлю Вамъ такой же очеркъ права наслѣдованія. Этотъ будетъ интереснѣй. Въ немъ проведено нѣсколько новыхъ мыслей и даны новыя объясненія историческихъ фактовъ, остававшихся темными, что мѣшало представить развитіе наслѣдованія въ связной картинѣ.

Что касается „Задачъ Этики", то теперь, прочитавъ третью статью, Вы знаете, почему я не входилъ въ подробное развитіе этическихъ идеаловъ и ограничился однимъ мотивированнымъ ихъ обзоромъ. Единственной моей задачей было отыскать для этики научное основаніе, научную почву, установить правильную точку зрѣнія на предметъ, который, по недоразумѣнію, ошибкѣ и предразсудкамъ, сталъ удѣломъ кликушъ, ханжей, салопницъ, дѣтей, невѣждъ и считается ими какою-то исключительной привилегіей; а наука отдала имъ эту привилегію безъ боя, какъ негодное тряпье. Эту безсмыслицу надо было когда-нибудь разрушить, и моя работа есть опытъ взять нелѣпость правильной осадой и принудить къ капитуляціи. Подробное развитіе этики— далеко еще впереди. Она такъ завалена всякою дрянью, что надо сперва ее откопать, обмыть и выставить на глаза. Если мнѣ удалось хоть возбудить сомнѣніе въ непогрѣшимости тѣхъ нелѣпостей, которыми этика кругомъ повита и герметически закупорена, то я могу считать себя счастливымъ. Потомъ придутъ другіе, которые додѣлаютъ начатое. Мысли не умираютъ, — въ это я твердо вѣрую. Когда въ нихъ есть хоть крупинка правды, онѣ, рано или поздно, въ томъ или въ другомъ видѣ, а пробьются на свѣтъ Божій.—На дняхъ Вы получите „Задачи Этики" въ особомъ оттискѣ. Я надъ ними думалъ по меньшей мѣрѣ лѣтъ 12 (съ выхода „Задачъ Психологіи" въ 1872 году). Это—мое любимое дѣтище. Основная его мысль не умретъ, хотя, я увѣренъ, много пройдетъ времени, пока она получитъ окончательную научную обдѣлку и полныя права гражданства [1]).

Зимой, за разными хлопотами, плохо работается по строгой наукѣ. Въ свободное время набрасываю рядъ статей, въ видѣ разговоровъ пріятелей, подъ заглавіемъ „Кое о чемъ", о разныхъ современныхъ вопросахъ, — о судѣ, Катковѣ, Аксаковѣ,

---

[1]) „Задачи Этики" напечатаны въ „Вѣстн. Европы" 1884 г., кн. 10—12. Первое отдѣльное ихъ изданіе вышло въ 1885 г., незадолго до кончины Кавелина. Перепеч. въ Собраніи Сочиненій, Спб. 1899 г., т. III, стр. 897—1118.

интеллигенціи, кахановской коммиссіи, историческомъ призваніи Россіи, классицизмѣ и реализмѣ и т. п. [1])

Если удастся выполнить какъ слѣдуетъ и какъ рисуется въ мысли, выйдетъ пикантно и подыметъ пыль столбомъ. Кто будетъ хвалить, кто нещадно обругаетъ, но проснутся и толковать будутъ горячо и живо. Ужъ очень всѣ погрузились въ нездоровую спячку, носы повѣсили и поддались кошемару и дурнымъ снамъ. Надо растолкать и разбудить. Хорошо было бы, еслибъ удалось, хотя бы пришлось и своими боками поплатиться. Невелика была бы бѣда! Кожа старая и дубленая не разъ!

Смѣйтесь, а мнѣ ужасно улыбается роль дѣвы Орлеанской. Когда все казалось погибшимъ, она твердо вѣрила—и Франція была спасена. Передъ 1612 годомъ, въ 1812 году у насъ, казалось, все погибло, а нѣсколько крѣпкихъ характеровъ и горячихъ сердецъ, любившихъ родину, спасли народъ и государство. Конечно, дѣва Орлеанская, въ видѣ 66-лѣтняго старика, сѣдого, плѣшиваго, съ очками на носу—довольно комичная фигура! Но чего не бываетъ на свѣтѣ. Какъ бы то ни было, но во мнѣ сложилось глубокое убѣжденіе, окрѣпшее въ совершеннѣйшую увѣренность, что всѣ наши бѣды происходятъ отъ повальной лѣни, малолѣтства и невѣжества. Приглядитесь, откуда эта привычка фантазировать и убаюкивать себя невѣжественными, скудоумными грёзами, привычка обо всемъ и обо всѣхъ судить, какъ Собакевичъ, скоро окончательно, врать ни съ того, ни съ сего à la Ноздревъ? Развѣ лѣнь, дѣтство ума и невѣжество не объясняютъ, безъ остатка, всѣхъ этихъ прелестей россійской жизни? Вотъ эти наши столбы мнѣ бы и хотѣлось потрясти въ корнѣ, и если удастся, то могу умереть спокойно. Сразу ихъ не своротишь; хоть бы заставить мозгами тряхнуть—и то было бы хорошо!

Обидно то, что силы начинаютъ измѣнять. Съ 24-го ноября никакъ не могу справиться. Я здоровъ, хожу, работаю, но мнѣ не по себѣ, лихорадочные припадки нѣтъ-нѣтъ, да и возвращаются. Хочу на дняхъ посовѣтоваться съ Боткинымъ, который отъ старости, конечно, не можетъ избавить, а немножко починить—починитъ. Нервная система пошатнулась,—вотъ что плохо! Раухфусъ совѣтуетъ переселиться, для дѣтей, изъ Петербурга [2]).

---

[1]) Рѣчь идетъ о статьѣ „Кое о чемъ", не доконченной Кавелинымъ; напечат. во II т. его Сочиненій, стр. 1133—1156.

[2]) Внуки Кавелина, два сына его дочери, С. К. Брюлловой († въ 1877 г.), и дѣти П. А. Брюллова, зятя Кавелина, отъ второго его брака съ М. Г. Лихониной. Кавелину не удалось исполнить своего намѣренія—переѣхать въ Царское Село: во

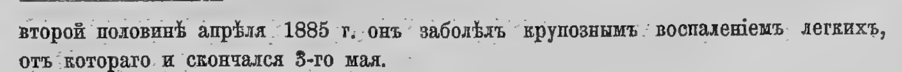
Думаемъ жить въ Царскомъ, какъ самомъ подходящемъ мѣстѣ. И для меня это будетъ удобно. Мои занятія по службѣ не требуютъ ежедневнаго пребыванія въ Петербургѣ, а, благодаря здоровому царскосельскому климату, я могу еще проскрипѣть нѣсколько лѣтъ и выступить въ роли Орлеанской дѣвы. . . .

. . . .

Посылаю самые горячіе, дружескіе поклоны Натальѣ Михайловнѣ, Ольгѣ Димитріевнѣ и Надеждѣ Димитріевнѣ [1]). Завидую Вамъ и имъ, что Вы можете спокойно жить, вдали отъ всего, въ земномъ раю.

Душевно Васъ почитающій и сердечно преданный Вамъ — *К. Кавелинъ.*

Сообщ. Д. А. Корсаковъ.

второй половинѣ апрѣля 1885 г. онъ заболѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, отъ котораго и скончался 3-го мая.

[1]) Графиня Милютина и ея дочери.

ОТРЫВКИ
ИЗЪ
ВОСПОМИНАНІЙ

Когда была введена судебная реформа—сначала въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ послѣдовательно въ петербургскомъ, московскомъ и харьковскомъ судебныхъ округахъ—въ наибольшее, непосредственное и ежедневное соприкосновеніе съ обществомъ пришелъ мировой судъ. Онъ сразу пріобрѣлъ популярность въ народѣ, и черезъ мѣсяцъ послѣ введенія реформы сокращенное названіе „мировой“ стало звучать, какъ нѣчто давно знакомое, привычное, вошедшее въ плоть и кровь бытовой жизни и въ то же время внушающее къ себѣ невольное почтеніе. Первое время камеры мировыхъ судей были полны посѣтителями, приходившими знакомиться съ новымъ судомъ въ его простѣйшемъ, наиболѣе доступномъ видѣ. Переходъ отъ канцеляріи квартала и отъ управы благочинія, гдѣ чинилось еще такъ недавно судебно-полицейское разбирательство, къ присутствію мирового судьи былъ слишкомъ осязателенъ. *Тамъ* — въ кварталѣ — широко господствовало весьма рѣшительное,—а до отмѣны тѣлесныхъ наказаній и весьма осязательное—усмотрѣніе до-реформеннаго полицейскаго чиновника, о которомъ не безъ основанія говорилось въ раскольничьей рукописи, яко бы открытой И. Ѳ. Горбуновымъ: „не Богъ его сотвори, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ него душу злонравную, исполненную всякія скверны, во еже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую“,— *тамъ* — въ Управѣ, въ царствѣ волокиты и „просительской тоски“—чувствовалось, что этотъ ближайшій судъ для многихъ

изъ своихъ представителей и для ютившихся около него паразитовъ былъ „доходнымъ мѣстомъ“.—*Здѣсь*—у „мирового“ въ дѣйствительности совершался судъ скорый, а личныя свойства первыхъ судей служили ручательствомъ, что онъ не только скорый, но и правый въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивый.

Были, конечно, и въ сферѣ мировой юстиціи промахи. Не всегда ясно разграничивалась подсудность дѣлъ, смущали преюдиціальные вопросы гражданскаго права, — далеко не всѣ судьи получили юридическое образованіе. Но ихъ промахи тонули въ общемъ дружномъ и радостномъ подъемѣ духа, съ которымъ первые судьи, подобно первымъ мировымъ посредникамъ, принялись за новое дѣло, видя въ немъ не простую службу, но занятіе, облагораживающее жизнь и дающее ей особую цѣну. Бывали и случаи, когда вино новой власти бросалось нѣкоторымъ — немногимъ, впрочемъ, — въ голову. Эти случаи имѣли свою комическую сторону, но существенно отличались отъ тѣхъ превышеній власти, соединенныхъ съ грубымъ насиліемъ и надменной вѣрой въ свою безнаказанность, которыми ознаменовали свою дѣятельность, особенно при примѣненіи пресловутой 61-ой статьи Положенія, нѣкоторые земскіе начальники, въ родѣ извѣстнаго „кандидата безправія“, харьковскаго земскаго начальника Протопопова. У мировыхъ судей „es war nicht bös gemeint“ и вытекало скорѣе изъ чрезмѣрнаго усердія въ отправленіи своихъ обязанностей, границы которыхъ были неясно понимаемы. Такъ въ Петербургѣ одинъ мировой судья, устроившій, вопреки господствовавшей у его товарищей строгой простотѣ обстановки, надъ своимъ судейскимъ мѣстомъ нѣчто въ родѣ балдахина изъ краснаго сукна, вообразилъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ огнегасительнымъ тактикомъ и стратегомъ и, надѣвъ цѣпь, сталъ распоряжаться на пожарѣ въ своемъ участкѣ и отдавать приказанія пожарнымъ. А другой, возвращаясь въ лѣтнюю бѣлую ночь изъ Новой Деревни въ томъ настроеніи, когда „счастливые часовъ не наблюдаютъ“, и найдя Троицкій мостъ разведеннымъ ранѣе, чѣмъ по его мнѣнію слѣдовало, надѣлъ цѣпь и требовалъ его наведенія. Судебная палата, однако, тотчасъ же охладила пылъ этихъ носителей мировой цѣпи некстати.

Но на ряду съ этими единичными явленіями общее направленіе мировыхъ судей сдѣлало ихъ камеры не только мѣстомъ отправленія доступнаго народу правосудія, но и школою порядочности и уваженія къ человѣческому достоинству. Мѣстный обыватель увидѣлъ очень скоро, что стародавняя поговорка: „бойся не

суда, а судьи", теряетъ свое значеніе правила житейской мудрости. Онъ научился замѣнять страхъ передъ судьей, не чуждый иногда затаеннаго презрѣнія, совсѣмъ другимъ чувствомъ. Иногда это отсутствіе страха выражалось въ довольно своеобразныхъ формахъ, нашедшихъ себѣ выраженіе въ легендарномъ, но, въ общемъ, весьма правдоподобномъ разсказѣ о мѣщанинѣ, который своимъ буйствомъ приводилъ въ смятеніе и ужасъ своихъ домашнихъ и сосѣдей, но умѣлъ устраивать свои дѣла съ мѣстнымъ полицейскимъ судомъ такъ, что всегда выходилъ сухъ изъ воды. Когда, вѣрный своимъ привычкамъ, онъ однажды получилъ повѣстку о явкѣ уже къ *мировому судьѣ*, онъ задумался, загрустилъ, сталъ сумраченъ, трезвъ и тревожно-ласковъ съ окружающими; наканунѣ засѣданія сходилъ въ баню, а въ самый день сбѣгалъ поставить свѣчку въ часовню, надѣлъ чистое бѣлье и слезно простился съ домашними, которые въ свою очередь плакали,—все ему простивъ и забывъ,—и съ трепетомъ ждали его возвращенія отъ невѣдомаго „мирового". Онъ не приходилъ цѣлый день и лишь къ ночи явился домой „пьянѣе вина" и съ шумной радостью объявилъ: „мировой! мировой! я думалъ и невѣсть что̀, сколько страху натерпѣлся, думалъ — съѣстъ онъ меня, а онъ, мировой-то вашъ, на цѣпи сидитъ, да и говоритъ все такъ по-хорошему! Вотъ онъ какой, мировой-то!.." Особенной виртуозностью и дѣловымъ блескомъ отличались засѣданія у мирового судьи Оскара Ильича Квиста, который былъ затѣмъ выдающимся предсѣдателемъ петербургскаго мирового съѣзда. Но несомнѣнно лучшимъ украшеніемъ петербургскаго мирового института былъ Николай Андріановичъ Неклюдовъ. Заваленный массою дѣлъ—въ его участокъ входила между прочимъ Сѣнная площадь—онъ умѣлъ въ ихъ разбирательство вносить глубокое знаніе жизненныхъ условій и вдумчивое пониманіе и толкованіе законовъ. Подражать ему было трудно—до того онъ былъ своеобразенъ и поразительно работоспособенъ,—но учиться у него было въ высшей степени полезно. Пестрота разнообразныхъ явленій жизни, ожидавшихъ его судейскаго слова, не затемняла предъ его взоромъ общихъ основныхъ началъ и строгой системы новаго процесса. Это выразилось съ особенной силой и успѣхомъ въ его превосходномъ „Руководствѣ для мировыхъ судей", гдѣ научные комментаріи и разъясненія, не утратившія своей цѣны и до сихъ поръ, чередуются съ бытовыми картинками, живо отражающими на себѣ правовые взгляды и этическія понятія разнородныхъ обывателей столицы. А между тѣмъ Неклюдовъ не былъ юристомъ по образованію: онъ былъ математикъ по факультету, какъ и

нѣкоторые изъ выдающихся дѣятелей судебной реформы, напримѣръ С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій и другіе. Но онъ блистательно выдержалъ экзаменъ на кандидата правъ, а магистерская диссертація его „Уголовно-статистическіе этюды“ была первымъ вполнѣ самостоятельнымъ трудомъ изъ этой области въ русской научной литературѣ. Издатель и редакторъ переводовъ сочиненій философскаго характера (между прочимъ „Огюстъ Контъ и Положительная философія“ Льюиса и Милля—съ пропитаннымъ тонкой ироніей надъ духовной цензурой предисловіемъ, яко бы *опровергающимъ* взгляды Конта и позитивистовъ на вопросы вѣры) — и переводчикъ учебника уголовнаго права Бернера, снабдившій эту книгу столь обширными дополненіями и примѣчаніями, что нѣкоторые острили, называя ее учебникомъ Неклюдова, дополненнымъ Бернеромъ,—Неклюдовъ сразу занялъ видное мѣсто среди русскихъ ученыхъ криминалистовъ, такъ что переходъ его изъ мировыхъ судей въ старшіе юрисконсульты министерства юстиціи былъ вполнѣ естественнымъ. Работая въ послѣдней должности, онъ написалъ четыре тома особенной части уголовнаго права, носящіе печать его оригинальнаго, идущаго своимъ путемъ ума, и изобилующіе язвительными замѣчаніями по поводу противорѣчивыхъ и не всегда продуманныхъ кассаціонныхъ рѣшеній. По благодушной ироніи судьбы онъ сдѣлался въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ оберъ-прокуроромъ того самаго Сената, который плодилъ эти рѣшенія, не всегда заботясь объ ихъ согласованіи. Неклюдовъ поднялъ это званіе на большую высоту и былъ первымъ (послѣ М. Е. Ковалевскаго—1866—1869) оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, къ заключеніямъ котораго стали прислушиваться, не всегда съ ними соглашаясь, общая печать и широкіе общественные круги.

За столомъ оберъ-прокурора, на каѳедрѣ военно-юридической академіи, въ многочисленныхъ коммиссіяхъ и комитетахъ, въ засѣданіяхъ юридическаго общества, онъ всегда останавливалъ на себѣ общее вниманіе. Очень худощавый и до крайности нервный, съ острыми чертами одухотвореннаго лица и горящими темными глазами, имѣвшими въ себѣ что-то орлиное, онъ страстно отдавался всякому дѣлу,—оригинальный въ языкѣ, рѣзкій въ выраженіяхъ и иногда совершенно неожиданный въ своихъ выводахъ. Во всей его повадкѣ сказывалась огромная умственная сила и темпераментъ горячаго бойца, который въ пылу словесной битвы сыпалъ удары направо и налѣво, задѣвая при этомъ иногда своихъ союзниковъ и единомышленниковъ. Въ немъ видѣлся будущій трибунъ и вождь политической партіи, одаренный для этого

всѣмъ необходимымъ и, между прочимъ, умѣньемъ легко и свободно внушать окружающимъ безусловное къ себѣ довѣріе. Но онъ не дожилъ до того времени, когда можно было приложить свои силы и способности на широкомъ поприщѣ общественной дѣятельности. Вторая половина его жизни прошла въ тяжелое и удушливое время, и онъ оказался въ положеніи орла, вынужденнаго летать въ полусвѣтѣ низкаго и узкаго корридора, не имѣя возможности развернуть свои крылья во всю ихъ мощь и въ послѣдніе годы довольно часто не расправляя ихъ, а подгибая въ надеждѣ вырваться на жадно-желаемый просторъ. Отсюда вытекали служебные и правовые компромиссы, которые должны были дорого обходиться его гордому сердцу. Утомленное неустаннымъ трудомъ и внутренней неудовлетворенностью, оно, наконецъ, не выдержало, и онъ умеръ въ званіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ отъ разрыва сердца на казенной квартирѣ, въ домѣ бывшаго III-го Отдѣленія, „въ зданіи у Цѣпного моста“, быть можетъ на самой границѣ той обѣтованной земли, вступивъ въ которую, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ могъ бы, наконецъ,—искушенный знаніемъ жизни,—начать широкій и смѣлый полетъ, проводя взгляды, которые съ лихвою искупили бы его временную и вынужденную въ нѣкоторыхъ случаяхъ уступчивость... Во время поминокъ по немъ въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ В. Д. Спасовичъ въ своей рѣчи не безъ жестокой ироніи сравнилъ его съ тѣми гигантами, которые, напрягши сильные мускулы, поддерживаютъ... маленькій балконъ передъ входомъ въ Эрмитажъ. Но можно ли это ставить въ вину *ему* и не слѣдуетъ ли скорбѣть о томъ, что одному изъ талантливѣйшихъ русскихъ людей приходилось тратить свои силы на работу, имъ несвойственную и ихъ недостойную? Балконъ, конечно, былъ маленькій, тѣсный и часто даже совершенно ненужный, но гигантъ оставался гигантомъ, и не его вина, что онъ не могъ приложить свою духовную и трудовую силу къ чему-нибудь бо́льшему, ибо этого бо́льшаго въ обиходѣ не оказывалось. Но въ глазахъ тѣхъ, кто зналъ Неклюдова, кто помнитъ его трудъ на пользу науки и мировой юстиціи, кто любовался его умомъ и зналъ про порывы его добраго, великодушнаго сердца, — его энергическій и вмѣстѣ грустный образъ неизмѣнно всплываетъ въ памяти объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, который и родился, и умеръ слишкомъ рано.

Въ первые мѣсяцы послѣ введенія мирового суда въ Петербургѣ я иногда заходилъ въ ближайшую къ моему обиталищу камеру мирового судьи Тизделя въ Стремянной улицѣ и даже

раза два исполнялъ совершенно случайно у него роль переводчика. Одинъ разъ это было въ засѣданіи по дѣлу по обвиненію француженки-хозяйки кондитерской Crampon въ нарушеніи санитарныхъ правилъ. Тиздель, воспитанникъ бывшаго Дворянскаго полка, высокій и молодцоватый старикъ, хотѣлъ ограничиться объявленіемъ ей предостереженія, но она по-русски не понимала и Тиздель добродушно обратился къ публикѣ съ вопросомъ, не найдется ли кого-нибудь, кто можетъ перевести это слово, такъ какъ онъ его тоже не знаетъ. Всѣ переглянулись и молчали, но, вѣроятно, по моему лицу онъ замѣтилъ, что я ищу это слово, и воскликнулъ: „молодой человѣкъ, пожалуйте сюда къ столу!“ а затѣмъ вполголоса спросилъ меня: „какъ?“ — „Кажется— avertissement“, отвѣчалъ я ему тихо. Онъ записалъ слово на бумажкѣ, поблагодарилъ меня, и затѣмъ написалъ и торжественно произнесъ резолюцію, переведя ее съ грѣхомъ пополамъ на смѣсь французскаго съ нижегородскимъ и многозначительно повторивъ два раза слово „avertissement“. Съ тѣхъ поръ онъ привѣтствовалъ меня, какъ знакомаго, и однажды разсказалъ мнѣ оригинальный случай, показывавшій, какой живой интересъ возбуждало къ себѣ разбирательство у мировыхъ судей. Два молодыхъ человѣка, желая на себѣ испытать впечатлѣніе разбирательства у мирового судьи, согласились принести одинъ противъ другого фиктивное обвиненіе въ словесной обидѣ, состоявшей будто бы въ оскорбленіи бранными словами на улицѣ, съ тѣмъ, что обиженный передъ постановленіемъ приговора заявитъ, что онъ прощаетъ обидчика, и дѣло прекратится. Все произошло какъ по писанному, но— не помню хорошенько—или молодые люди обнаружили свой замыселъ слишкомъ большой веселостью, или же Тиздель узналъ о немъ изъ какого-нибудь источника, но только, выслушавъ торжественное, помпёзное заявленіе потерпѣвшаго о томъ, что онъ прощаетъ оскорбителя своей чести, Тиздель, вѣроятно тоже съ трудомъ скрывая улыбку, объявилъ, что онъ прекращаетъ дѣло объ оскорбленіи, но изъ заявленія обвинителя и признанія подсудимаго усматриваетъ ссору на улицѣ и нарушеніе общественной тишины (ст. 38 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями) и привлекаетъ ихъ обоихъ къ отвѣтственности, откладывая разбирательство дѣла до слѣдующаго засѣданія. „Вы можете себѣ представить, — сказалъ мнѣ Тиздель,—какъ вытянулись лица у этихъ господъ, вздумавшихъ разыграть судебную комедію. Они совсѣмъ растерялись, смотрѣли другъ на друга вопросительно и не знали, что̀ начать. По окончаніи засѣданія я, снявъ цѣпь, отозвалъ ихъ въ сторону и сказалъ имъ: „судомъ

шутить не слѣдуетъ: это забава опасная. А теперь идите съ миромъ: я не стану васъ судить, но помните, чѣмъ вы рисковали".

Первая моя активная встрѣча съ мировымъ судомъ произошла въ Харьковѣ послѣ открытія тамъ новыхъ судебныхъ учрежденій осенью 1867-го года. Я былъ назначенъ первоначально исполнять обязанности товарища прокурора окружного суда по двумъ уѣздамъ Харьковской губерніи—Валковскому и Богодуховскому. Разъ въ мѣсяцъ выѣзжалъ я на перекладной изъ Харькова въ Валки, куда пріѣзжалъ обыкновенно къ ночи, если только не было распутицы, и немедленно садился за дѣла, которыя должны были слушаться на слѣдующій день въ засѣданіи, продолжавшемся обыкновенно до вечера. Слѣдующій затѣмъ день я посвящалъ просмотру дѣлъ у слѣдователя и посѣщенію арестантскихъ помѣщеній, а затѣмъ выѣзжалъ въ Богодуховъ, гдѣ повторялось то же самое. Иногда это происходило наоборотъ, и я сначала отправлялся въ Богодуховъ, а потомъ уже въ Валки. Валки въ то время были маленькимъ городкомъ съ пятью тысячами жителей, лишеннымъ всякой оригинальной физіономіи. Его скорѣе можно было принять за большое село, еслибы не обычный тюремный замокъ,—сравнительно большое каменное зданіе, выкрашенное желтой краской,—домъ уѣздной земской управы и красивый особнякъ предсѣдателя мирового съѣзда А. Р. Шидловскаго. Поѣздки въ Валки лѣтомъ и позднею осенью были довольно утомительны вслѣдствіе палящихъ лучей лѣтняго солнца и непролазной осенней грязи, когда пятьдесятъ съ чѣмъ-то верстъ приходилось ѣхать иногда около сутокъ, увязая колесами въ липкомъ черноземѣ и ночуя на неопрятныхъ клеенчатыхъ диванахъ маленькихъ станцій, а иногда проводя, сверхъ того, долгіе часы томительнаго ожиданія на этихъ же станціяхъ во время Ильинской ярмарки въ Полтавѣ, вслѣдствіе недостатка въ лошадяхъ. Но зато весною дорога представляла картины полныя невыразимой прелести украинской природы, когда всѣ фруктовыя деревья быстро одѣвались цвѣтами, надъ вспаханной землей явственно струился живительный воздухъ и раздавалось несмолкаемое пѣніе жаворонковъ. А ночью, надъ дышащей тепломъ землей раскидывался необъятный темно-синій сводъ съ дрожащимъ блескомъ яркихъ звѣздъ, и то тутъ, то тамъ горѣли костры остановившихся у дороги чумаковъ. Трудно бывало оторвать глаза отъ этой картины, пока, наконецъ, усталость не заставляла улечься въ сѣно на днѣ перекладной телѣжки и заснуть, не-

смотря на тряску и толчки, крѣпкимъ молодымъ сномъ. Теперь это пространство пролетаетъ менѣе, чѣмъ въ два часа времени поѣздъ желѣзной дороги, снабженный плацкартами и спальными мѣстами, но едва ли молодому судебному дѣятелю, сидящему въ душномъ вагонѣ, приходится испытывать то полное мысли и чувства настроеніе, которое возбуждало въ мое время неудобное и одинокое странствованіе по этимъ самымъ мѣстамъ на перекладной, наталкиваясь совершенно неожиданно на поэтическія картины дѣйствительности. Одну изъ нихъ я живо помню до сихъ поръ. Часовъ въ шесть утра, въ іюльскій день, когда еще было не очень жарко, — встрѣтивъ „Ильинскую“ задержку въ лошадяхъ, — я отправился бродить по селу и, услышавъ что-то въ родѣ музыки и пѣнія, пошелъ по направленію звуковъ къ небольшой группѣ тополей сзади милыхъ малороссійскихъ бѣлыхъ хатъ. За ними, на полѣнницѣ длинныхъ дровъ, сидѣли два слѣпца-кобзаря и съ ними мальчикъ, ихъ водившій. Они играли и пѣли тѣ украинскія рапсодіи, которыми такъ плѣнялъ впослѣдствіи любителей Остапъ Вересай. А кругомъ стояли, задумчиво понуривъ головы, старые хохлы въ высокихъ чоботахъ и рубахахъ съ прямымъ отложнымъ бѣлымъ воротомъ, опираясь на свои „кіи“. Пѣсни кобзарей звучали торжественной грустью, — и эти поминки по быломъ, среди разгорающагося дня, при сосредоточенномъ вниманіи слушателей, производили глубокое впечатлѣніе. Не хотѣлось уходить, не хотѣлось оторваться отъ этой трогательной картины, казавшейся какимъ-то сномъ изъ далекаго, далекаго прошлаго...

Предсѣдательствовалъ на съѣздѣ и имѣлъ на судей большое вліяніе Александръ Романовичъ Шидловскій, — олицетворенное трудолюбіе, педантизмъ и корректность. Человѣкъ одинокій и богатый, онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ сказать, застегнутъ на всѣ пуговицы, и не только чуждъ обычной въ то время провинціальной фамильярности, но, совершенно наоборотъ, отъ его утонченной вѣжливости вѣяло холодомъ. Дѣло онъ велъ прекрасно и пользовался общимъ уваженіемъ, хотя его обычные послѣ засѣданія обѣды для участниковъ съѣзда тяготили всѣхъ своей торжественно-натянутой обстановкой и чопорной любезностью хозяина. Изъ мировыхъ судей мнѣ наиболѣе памятенъ Николай Васильевичъ Почтеновъ, свѣдущій хозяинъ и весьма образованный человѣкъ. Онъ вносилъ въ нѣсколько формальное отношеніе членовъ съѣзда къ разбиравшимся дѣламъ живую струю впечатлительной души, не чуждой, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ большой односторонности. Но въ общемъ дѣло

правосудія было поставлено хорошо, и мѣстные жители относились къ съѣзду съ довѣріемъ. Я имѣлъ случай не разъ въ этомъ убѣдиться во время бесѣдъ со многими изъ публики, наполнявшей залу засѣданій, подходившими ко мнѣ во время совѣщаній судей за совѣтами и указаніями, въ которыхъ я никогда не отказывалъ, считая, что это—одна изъ важныхъ нравственныхъ обязанностей товарища прокурора, предъявляющаго заключенія въ мировомъ съѣздѣ.

Спокойныя и дружелюбныя отношенія мирового съѣзда ко мнѣ, однако, были однажды нарушены довольно оригинальнымъ образомъ. У А. Р. Шидловскаго былъ братъ, генералъ-лейтенантъ Михаилъ Романовичъ, имѣвшій званіе почетнаго мирового судьи по Валковскому уѣзду и занимавшій должность тульскаго губернатора. Злые языки говорили, что нѣкоторыя его черты не ускользнули отъ проницательной наблюдательности Салтыкова-Щедрина, бывшаго въ Тулѣ предсѣдателемъ казенной палаты, и нашли себѣ мрачно-юмористическій отголосокъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ знаменитаго сатирика. Иногда онъ пріѣзжалъ къ брату въ Валки и принималъ участіе въ засѣданіяхъ мирового съѣзда, при чемъ братъ уступалъ ему предсѣдательство. Картина засѣданія немедленно измѣнялась: оно велось tambour battant, съ окриками на тяжущихся и повѣренныхъ и съ начальственнымъ тономъ по отношенію къ судьямъ. Въ 1868 году мнѣ впервые пришлось давать заключеніе на съѣздѣ подъ предсѣдательствомъ М. Р. Шидловскаго. Публичному засѣданію предшествовало распорядительное, во время котораго я не согласился съ его мнѣніемъ по какому-то процессуальному вопросу. Онъ сурово посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „Удивляюсь, что такихъ молодыхъ людей (мнѣ не было тогда 24 лѣтъ) назначаютъ товарищами прокурора“. На выраженное мною шутливое сожалѣніе, что министръ юстиціи сдѣлалъ очевидную ошибку, назначая меня, — и на увѣреніе, что я съ каждымъ днемъ стараюсь исправиться отъ моего недостатка,—онъ рѣзко отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, товарищу прокурора на съѣздѣ дѣлать нечего: судьи и безъ него знаютъ, какъ рѣшать дѣло, и ихъ нечего учить. „Вѣроятно, — сказалъ я, — составители Судебныхъ Уставовъ впали въ эту ошибку, полагая, что не вездѣ предсѣдателями съѣзда будутъ столь энергическія и свѣдущія лица, какъ ваше превосходительство“. Шидловскій смѣрялъ меня съ головы до ногъ негодующимъ взоромъ, и мнѣ стало ясно, что намъ не миновать столкновеній. Какъ нарочно, по первому же уголовному дѣлу, которое слушалось въ публичномъ засѣданіи,

новый непремѣнный членъ съѣзда — по забывчивости или незнанію — не вызвалъ свидѣтелей, указанныхъ еще у мирового судьи и о допросѣ которыхъ ходатайствовалъ аппеляторъ. Нашъ грозный предсѣдатель повелъ дѣло безъ дальнихъ церемоній и тотчасъ послѣ доклада, нетерпѣливо выслушавъ подсудимаго, потребовалъ моего заключенія. „Полагаю дѣло отложить слушаніемъ и вызвать свидѣтелей. — Ваше заключеніе по существу? — Я затрудняюсь его дать, такъ какъ для него нѣтъ достаточнаго матеріала. Подсудимый имѣетъ право на основаніи ст. 159 У. У. С. просить о вызовѣ указанныхъ имъ мировому судьѣ свидѣтелей. Неисполненіе этой просьбы есть существенный поводъ къ отмѣнѣ приговора въ кассаціонномъ порядкѣ. — Это уже наше дѣло, а вы *должны* дать заключеніе по существу.— Я *долженъ* дѣйствовать сообразно съ закономъ, а такъ какъ на основаніи закона съѣздъ обязанъ отложить дѣло для выслушанія свидѣтелей, то я считаю несогласнымъ съ достоинствомъ носимаго мною званія давать заключеніе по невполнѣ выясненнымъ обстоятельствамъ дѣла и при томъ такое, отъ котораго мнѣ при вторичномъ разбирательствѣ, быть можетъ, пришлось бы отказаться, какъ отъ лишеннаго основанія.—„Такъ вы отказываетесь дать заключеніе?—Да!—Рѣшительно!“—Я не могъ удержаться отъ улыбки и сказалъ: „Рѣшительно и безусловно“. — „Очень хорошо-съ, очень хорошо!“ почти закричалъ Шидловскій и, порывисто вставъ, удалился съ судьями въ совѣщательную комнату. Черезъ десять минутъ они вышли, и Шидловскій, посмотрѣвъ на меня внушительно и строго, провозгласилъ резолюцію: „дѣло слушаніемъ отложить, свидѣтелей вызвать, а объ отказѣ товарища прокурора дать заключеніе сообщить прокурору окружного суда“. Какъ на грѣхъ, по слѣдующему дѣлу была допущена такая же неправильность непремѣннымъ членомъ, и я снова отказался дать заключеніе по существу.—„Вы опять!“ съ негодующимъ изумленіемъ спросилъ Ш—ій.—„Да, ваше превосходительство, опять!“—„Очень хорошо-съ!“—и вынесенная черезъ двѣ минуты резолюція гласила объ отсрочкѣ слушанія дѣла и о вызовѣ свидѣтелей, но съ прибавкой: „а о поступкѣ товарища прокурора довести до свѣдѣнія прокурора судебной палаты, прося къ слушанію сихъ дѣлъ командировать другое лицо“. Въ концѣ засѣданія оказалось и третье такое дѣло, и мои дѣйствія, вѣроятно, были бы переданы уже прямо министру юстиціи, но повѣренный жалобщика, очевидно напуганный надвигавшейся бурей, поспѣшилъ заявить, что отъ вызова свидѣтелей отказывается. „Что? что? и вы туда же?!“—закричалъ на него гнѣв-

ный предсѣдатель, не сообразивъ его заявленія. „Я говорю, что я отказываюсь“, — пролепеталъ опѣшенный повѣренный. „А-а! и прекрасно дѣлаете, и очень хорошо, что не затягиваете засѣданія по пустякамъ!“ — и въ мою сторону послѣдовалъ взглядъ укоризненный и вмѣстѣ торжествующій. „Вамъ опять не угодно будетъ дать заключеніе? — Нѣтъ, на этотъ разъ я его обязанъ дать. — Наконецъ-то!“ воскликнулъ Шидловскій—и вынесъ резолюцію, согласную съ моимъ заключеніемъ. Наше разногласіе въ судебномъ засѣданіи очень взволновало скудное новостями уѣздное общество и было предметомъ многихъ легендарныхъ разсказовъ. Нечего и говорить, что „поступокъ“ мой былъ признанъ совершенно правильнымъ и что я продолжалъ давать заключенія на съѣздѣ въ Валкахъ. Но съ М. Р. Шидловскимъ мнѣ снова пришлось войти въ пререканія уже въ качествѣ прокурора петербургскаго окружного суда и при томъ на аренѣ гораздо большаго общественнаго значенія.

По неисповѣдимымъ судьбамъ русскаго печатнаго слова генералъ Шидловскій—сколько мнѣ извѣстно совершенно чуждый литературѣ—былъ въ 1871 году назначенъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ іюлѣ 1871 года, занимая должность прокурора петербургскаго окружного суда, я получилъ сообщеніе петербургскаго цензурнаго комитета съ требованіемъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ редактора юмористическаго журнала „Искра“ по обвиненію его въ кощунствѣ, выразившемся въ напечатаніи въ теченіе истекшихъ четырехъ мѣсяцевъ двухъ стихотвореній кощунственнаго содержанія. Комитетъ сообщалъ, что обращается ко мнѣ съ такимъ, очевидно запоздалымъ, требованіемъ, по указанію „высшаго начальства“, и что хотя статья 182 Улож. о наказ., карающая за кощунство, и не можетъ примѣняться буквально къ поступку редактора, такъ какъ въ ней говорится о язвительныхъ насмѣшкахъ надъ обрядами церкви, къ каковымъ нельзя отнести употребленныхъ „Искрою“ выраженій, но что преслѣдованіе представляется необходимымъ для поддержанія принципа недозволительности кощунственныхъ выходокъ вообще. Въ присланныхъ комитетомъ нумерахъ „Искры“,—въ это время едва влачившей свое существованіе,—были помѣщены два весьма слабыхъ по формѣ стихотворенія, въ одномъ изъ которыхъ горячіе поклонники только-что возникшаго ученія о непогрѣшимости папы взывали къ Господу о сохраненіи свѣтской власти римскаго первосвященника и о недопущеніи перенесенія столицы Италіи въ Римъ, призывая въ молитвенныхъ возгласахъ всѣ муки ада на итальянское пра-

вительство, состоящее „изъ супостатовъ и чадъ ереси, дерзающихъ взять въ десницу жезлъ свѣтской власти";—а въ другомъ, очевидно навѣянномъ недавнею франко-прусскою войною, говорилось, что духъ старины и обскурантизма воскресъ изъ праха и возобновилъ вѣкъ Скалозуба, и что благодаря этому опять вошелъ въ свои права милитаризмъ—высшей доктриной во главѣ всѣхъ наукъ стала пушка, а общимъ идеаломъ нѣмецкій капралъ, — при чемъ эти утвержденія оканчивались возгласомъ: „Воистину воскресъ"! Нужна была особая и предвзятая односторонность взгляда, чтобы въ этой грубоватой дани злобѣ дня усмотрѣть поруганіе обрядовъ христіанской вѣры. Поэтому я представилъ министру юстиціи, согласно закону о печати 1866 года, о томъ, что не считаю возможнымъ возбудить преслѣдованіе противъ „Искры", такъ какъ судъ и обвинительная власть должны имѣть дѣло съ конкретнымъ преступленіемъ, точно обозначеннымъ въ законѣ, и въ задачу послѣдней не входитъ привлеченіе кого-либо къ отвѣтственности безъ фактическихъ основаній, а лишь для поддержанія принципа недозволительности тѣхъ или другихъ выходокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я указывалъ на то, что подобный образъ дѣйствій—ad majorem censurae gloriam—неминуемо повлечетъ за собою оправдательный приговоръ и обратитъ, путемъ судебнаго разбирательства, вниманіе общества на легковѣсныя въ сущности стихотворенія, конечно давно уже позабытыя немногочисленными читателями мало распространеннаго и давно утратившаго прежнее значеніе журнала. Копію съ моего представленія я послалъ въ цензурный комитетъ. Черезъ нѣкоторое время прокуроръ судебной палаты В. А. Половцовъ разсказалъ мнѣ, что при свиданіи съ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати ему пришлось выслушать самыя ожесточенныя нападенія на меня со стороны генерала Шидловскаго, который доказывалъ ему, что я обязанъ начать преслѣдованіе, *не разсуждая*, и сказалъ въ заключеніе: „вашъ прокуроръ—не прокуроръ, а нигилистъ!"—„Вы, я думаю, не ожидали подобной оцѣнки?" спросилъ меня, смѣясь, Половцовъ.—„Напротивъ,—отвѣтилъ я,—именно ничего другого я не ожидалъ"—и я разсказалъ исторію валковскаго столкновенія и памятныхъ мнѣ словъ: „вы опять?!"...

Мировой съѣздъ въ Богодуховѣ имѣлъ иной характеръ, чѣмъ въ Валкахъ. Онъ былъ гораздо хуже обставленъ матеріально и вообще, повидимому какъ и всѣ новыя судебныя учрежденія, былъ не по вкусу вліятельнымъ мѣстнымъ заправиламъ. О скучной торжественности валковскаго гостепріимства тутъ не было и рѣчи,

а обстановка судебныхъ засѣданій была болѣе чѣмъ скудная, и зимой приходилось засѣдать почти что въ полутьмѣ. Особенно это сказывалось во время выѣздныхъ сессій окружного суда. Но составъ мировыхъ судей былъ нѣсколько другой, чѣмъ въ Валкахъ. Въ общемъ это были люди болѣе молодые, живые и воспріимчивые, да и дѣла въ этомъ уѣздѣ были болѣе сложныя и разнообразныя. Здѣсь мнѣ пришлось первый разъ въ жизни выступить публично—въ качествѣ товарища прокурора, въ началѣ января 1868 года. Наканунѣ публичнаго засѣданія, было распорядительное, на которое собрались всѣ почетные и участковые судьи. Всѣ очень интересовались новымъ дѣломъ и установленіемъ правилъ внутренняго распорядка, которыя должны были составить предметъ особаго наказа. Въ числѣ присутствовавшихъ былъ почетный мировой судья С—й, старикъ съ широкимъ румянымъ лицомъ, густыми украинскими усами и шапкою сѣдыхъ курчавыхъ волосъ надъ добродушными, старческими, выцвѣтшими, глазами. Онъ былъ одѣтъ въ какой-то казакинъ надъ широчайшими брюками верблюжьяго сукна, и отъ всей его фигуры такъ и вѣяло Гоголевскимъ Миргородомъ. Онъ смотрѣлъ на худенькаго и очень моложаваго товарища прокурора, которому приходилось давать рядъ разъясненій по разнымъ вопросамъ, не съ высокомѣрнымъ удивленіемъ генерала Шидловскаго, но съ добродушнымъ изумленіемъ человѣка, любознательно вглядывающагося въ нѣчто, дотолѣ имъ невиданное. Онъ сопровождалъ мои заключенія одобрительными возгласами и жестами и по временамъ торжествующе смотрѣлъ на остальныхъ судей, когда они соглашались съ моими мнѣніями. Въ концѣ совѣщанія онъ всталъ съ своего мѣста, тяжелыми шагами подошелъ ко мнѣ и совершенно неожиданно погладилъ меня широкой и теплой ладонью по головѣ, какъ гладятъ маленькихъ дѣтей. Въ этомъ жестѣ было столько нѣжнаго сочувствія, что онъ меня совершенно растрогалъ. Но—увы!—я не могъ предвидѣть, предвѣстіемъ чего служило это наивное выраженіе симпатіи. На другой день на первое публичное засѣданіе съѣзда мировыхъ судей богохранимаго Богодуховскаго уѣзда собрались всѣ представители мѣстнаго „общества“ и съѣхались окрестные помѣщики. Въ небольшой залѣ засѣданія яблоку негдѣ было упасть; были дамы и офицеры квартировавшаго въ городѣ 11-го одесскаго уланскаго полка. Первымъ разбиралось дѣло по обвиненію нѣсколькихъ парубковъ въ кражѣ яблоковъ и хомутовъ изъ конюшни и погреба хозяина постоялаго двора. Товарищу прокурора было отведено мѣсто за особымъ столикомъ, въ сторонѣ отъ судейскаго стола, за которымъ

съ краю, ближе всѣхъ, спиною ко мнѣ сидѣлъ замѣнившій свой просторный казакинъ широко расходившимся на могучей груди старымъ дворянскимъ мундиромъ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ чуть не до ушей С—й. Предсѣдатель, отставной военный Бискупскій, велъ засѣданіе весьма толково, но вдругъ между допросомъ двухъ свидѣтелей С—й громко и наставительно сказалъ, обращаясь къ подсудимымъ и къ публикѣ: „Э-э-эхъ! ну, яблоки—это уже Богъ проститъ, а вотъ хомутъ—это нехорошо". Я встревоженно взглянулъ на предсѣдателя, и тотъ, конечно понявъ всю неумѣстность высказыванія судьей до окончанія публичнаго разбора дѣла своего мнѣнія и притомъ въ такой своеобразной формѣ, сказалъ на ухо сосѣду нѣсколько словъ. Сосѣдъ сдѣлалъ то же самое по отношенію къ своему сосѣду и такъ оно и пошло, покуда послѣдній изъ числа сидѣвшихъ рядомъ лицъ наклонился къ уху С—аго, благодушно разглядывавшаго публику, и что-то прошепталъ ему. „А!—возгласилъ С—й:—нельзя? Ну, не буду, виноватъ, не буду... А только яблоки—вѣдь это сущіе пустяки!" Наконецъ, настало время выслушать заключеніе товарища прокурора. „Господинъ товарищъ прокурора,—обратился ко мнѣ предсѣдатель,—не угодно ли вамъ дать заключеніе по настоящему дѣлу?" Всѣ взоры обратились на меня, и въ залѣ наступила мертвая тишина. Я понялъ въ эту минуту, что значитъ нѣмецкое выраженіе: „man hört wie die Wolken ziehen". Сердце мое сжалось и затѣмъ забилось около самаго горла, руки похолодѣли и сдѣлались влажными... Я всталъ, но нѣсколько секундъ, показавшихся мнѣ часами, не могъ отъ волненія сказать ни одного слова. Наконецъ, я все-таки овладѣлъ собою и только-что почувствовалъ себя въ состояніи говорить, какъ С—й повернулся на своемъ мѣстѣ лицомъ ко мнѣ, положилъ руки на колѣни, озарился широчайшей улыбкой и, устремивъ на меня умильный взоръ, сказалъ нѣжно-поощрительнымъ тономъ: „а ну! а ну! послушаемъ, послушаемъ!" Этимъ онъ меня окончательно выбилъ изъ сѣдла, и я снова потерялъ способность говорить. Но затѣмъ все вошло въ свою колею.

Между богодуховскими судьями былъ одинъ, теплое воспоминаніе о которомъ живетъ въ моей душѣ. Иванъ Ивановичъ Каразинъ, племянникъ знаменитаго основателя харьковскаго университета, соединялъ въ себѣ съ любящею простотою русскаго сердца чрезвычайно рѣдкую у насъ настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и упорство въ трудѣ. Эти цѣли были—благо родной земли, этотъ трудъ былъ посвященъ культурѣ и въ смыслѣ творчества, и въ смыслѣ борьбы съ бытовыми невзго-

дами. Подъ его красивой, мужественной наружностью и мягкимъ, связаннымъ съ незлобивымъ юморомъ, обращеніемъ скрывались черты настоящаго піонера цивилизаціи. Его вѣчно тревожили мысли объ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, о борьбѣ съ пожарами, объ удобной, дешевой замѣнѣ соломенныхъ „стрѣхъ" огнеупорными черепичными крышами,—и все свободное отъ этихъ тревогъ и семейныхъ заботъ время онъ посвятилъ на устройство и дальнѣйшее разведеніе въ своемъ имѣніи, близъ заштатнаго города Краснокутска, огромнаго и образцоваго ботаническаго и помологическаго сада. Кто видѣлъ этотъ садъ, гдѣ были акклиматизированы самыя разнообразныя и рѣдчайшія растенія, собранныя и расположенныя съ систематической красотой,—кому пришлось употребить нѣсколько часовъ на то, чтобы обойти этотъ очаровательный оазисъ среди степей,—и кто припомнилъ при этомъ, что все это есть дѣло самоотверженнаго и безкорыстнаго труда одного человѣка, тотъ не могъ не преклониться предъ почтеннымъ старцемъ, пышная черная борода котораго съ годами побѣлѣла и стройный станъ согнулся, но въ чьихъ глазахъ свѣтился огонь молодой энергіи и того „въ человѣцѣхъ благоволенія", которое такъ украшаетъ богатую трудомъ и чистую старость. Мы встрѣтились съ нимъ черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ того, какъ работали вмѣстѣ на съѣздѣ, и воспоминанія того далекаго и счастливаго времени взволновали насъ обоихъ... И отъ Судебныхъ Уставовъ, которымъ въ то время служилъ я съ беззавѣтною вѣрою въ ихъ прочность, и отъ земскихъ учрежденій, на службѣ которымъ провелъ много лѣтъ Каразинъ, мало осталось не искалѣченнаго и не измятаго. Но Каразинъ не падалъ духомъ и среди пустыни безлюдья и обычнаго безправія продолжалъ черпать утѣшеніе въ золотыхъ снахъ шестидесятыхъ годовъ, хотя иногда и на него находили минуты горькаго разочарованія. „Я только-что вернулся въ Основянцы",—писалъ онъ мнѣ 2 іюля 1901 года—„пріѣхалъ измученный душою и разбитый, но начинаю возстановляться живительнымъ воздухомъ; право, для сосредоточенной, покойной жизни лучшаго искать не надо, ежели бы столь многое кругомъ и сверху не отравляло существованія. Какъ ни стараешься примириться съ неизбѣжнымъ, въ концѣ концовъ беретъ злость, досада и желаніе бросить все и уйти куда-нибудь въ глушь, въ лѣса или горы, гдѣ и голоса бы человѣческаго не было слышно. Чего стоитъ одна безконтрольная отдача честныхъ и работающихъ людей въ руки плутократовъ. Я такъ возмущенъ тѣмъ, что слышалъ и видѣлъ въ городѣ, что не могу спокойно не только говорить, но и думать объ этомъ. Неужели

все, что̀ только имѣетъ возможность дѣлать зло этой несчастной Россіи, можетъ его дѣлать безпрепятственно? Ну, какъ же не противно жить среди всего этого разврата? И просто не на чемъ отдохнуть! Ну, развѣ не возмутительно постановленіе московскаго общества трезвости о Толстомъ? И это въ XX столѣтіи... И гдѣ же? Въ Москвѣ, промышленномъ и интеллигентномъ центрѣ Россіи?!...“

Черезъ два года послѣ этого слабое здоровье и лѣта взяли свое. Негодующее сердце Каразина успокоилось. Онъ лежитъ теперь въ уютномъ уголкѣ своего сада, гдѣ надъ мѣстомъ вѣчнаго покоя для малоизвѣстнаго труженика родной культуры тихо шумятъ и качаютъ вершинами взлелѣянныя имъ деревья. На простой плитѣ, среди родныхъ ему могилъ, вырѣзано:

„Здѣсь нѣтъ оградъ и вычурныхъ крестовъ,
Полно все величавой простотою,
И прахъ дѣтей, и прахъ отцовъ
Съ любовью взятъ родной землею.
Чудесный садъ шумитъ кругомъ,
Вѣщая непрерывность жизни,
И смерть является лишь сномъ
Средь дорогой для нихъ отчизны“.

Харьковскій городской мировой съѣздъ, имѣвшій прекрасное собственное помѣщеніе, былъ лучшимъ по отношенію къ порученному ему дѣлу изъ всѣхъ видѣнныхъ мною съѣздовъ. И составъ участковыхъ судей, и проникнутое сознаніемъ долга отношеніе къ своему званію многихъ изъ судей почетныхъ, и прекрасные предсѣдатели—все соединилось, чтобы создать изъ этого съѣзда не только мѣсто отправленія истиннаго правосудія, но и своего рода школу для нравственнаго и правового развитія мѣстнаго населенія. Благодаря этому, въ мое время засѣданія съѣзда, бывавшія по вечерамъ два раза въ недѣлю, посѣщались публикой съ неменьшимъ интересомъ, чѣмъ засѣданія окружного суда. Мнѣ пришлось давать на этомъ съѣздѣ заключенія въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ и не разъ возвращаться поздно вечеромъ домой въ приподнятомъ настроеніи духа, которое вызывалось сознаніемъ, что дорогое сердцу дѣло мировой юстиціи идетъ не только успѣшно и цѣлесообразно, но по большей части, на самый строгій взглядъ, „безъ сучка и задоринки“. Оставляя Харьковъ при переходѣ на службу въ Петербургъ, я съ наибольшею скорбью разставался именно съ этимъ съѣздомъ, и до сихъ поръ скромный письменный приборъ — подарокъ мировыхъ судей,—поставленный на моемъ столикѣ въ день послѣднихъ

заключеній, вызываетъ во мнѣ теплыя и ничѣмъ не омраченныя воспоминанія. Въ мое время предсѣдателями были Алексѣй Дмитріевичъ Чепелкинъ, впослѣдствіи городской голова города Харькова, и профессоръ Даніилъ Михайловичъ Деларю. Первый изъ нихъ, бывшій откупной дѣятель, умѣлъ искренно „совлечь съ себя ветхаго Адама“ и съ увлеченіемъ отдаться безкорыстной и безупречной общественной дѣятельности, въ которую вносилъ свой бодрый и живой темпераментъ; второй отличался огромнымъ трудолюбіемъ и, никогда не забывая, что онъ только primus inter pares, пріобрѣлъ большой авторитетъ между судьями. При мысли о харьковскомъ съѣздѣ передо мною проходитъ рядъ именъ почетныхъ судей, вызывавшихъ въ ближайшихъ къ нимъ современникахъ чувство глубокаго уваженія. Таковъ былъ Владиміръ Акимовичъ Кочетовъ, бывшій ректоръ университета, человѣкъ выдающагося душевнаго благородства, отдавшій много времени и труда сердечнымъ заботамъ о малолѣтнихъ преступникахъ. Таковы были: ректоръ университета Щелковъ и мудрый и вмѣстѣ съ тѣмъ горячій земскій дѣятель—Егоръ Степановичъ Гордѣенко, извѣстный своею непреклонной борьбою съ злоупотребленіями и хищническими инстинктами Поляковскаго желѣзнодорожнаго строительства. Таковъ былъ, наконецъ, незабвенный докторъ Франковскій, во многомъ напоминавшій собою доктора Гааза. Никого изъ нихъ ужъ нѣтъ въ живыхъ, но я, ихъ старый и младшій по лѣтамъ сослуживецъ, оглядывая свой пройденный свыше сорокалѣтній судебный путь, благодарю судьбу за встрѣчу и общеніе съ ними и за это готовъ ей искренно простить тяжелыя минуты, пережитыя отъ встрѣчъ и вынужденнаго общенія съ людьми другого сорта.

Конечно, въ семьѣ было не безъ урода, но такихъ было мало. Нося званіе почетныхъ судей, они являлись въ засѣданія только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, когда имъ казалось, что ихъ голосъ можетъ дать торжество тому, что они, въ своемъ ослѣпленіи или близорукости, считали судебной правдой. Изъ нѣсколькихъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, подобныхъ случаевъ мнѣ особенно памятенъ одинъ. Въ Харьковѣ завелась нѣкая дочь полковника П . . . , принявшая на себя любезное посредничество между такъ называемыми „мышиными жеребчиками“ изъ достаточныхъ людей и несчастными дѣвочками, едва перешедшими тотъ четырнадцатилѣтній возрастъ, послѣ котораго пользованіе ихъ невѣжествомъ, легкомысліемъ или зависимостью для плотского сближенія переставало носить грозное названіе „растлѣнія“. Ея изящно обставленный притонъ былъ обнаруженъ

полиціей, вслѣдствіе чего она предстала предъ мировымъ судьей по обвиненію въ сводничествѣ и была приговорена къ высшей мѣрѣ наказанія, т.-е. къ мѣсяцу ареста. Но почтенная дѣятельница, услугами которой многіе не считали предосудительнымъ пользоваться, не сложила оружія. Она обратилась къ услугамъ молодого, талантливаго юриста, начинавшаго свою адвокатскую карьеру и ставшаго на ту опасную для защитника дорогу, на которой руководящей нитью служитъ не вопросъ о томъ, *что* защищать, а лишь то, *какъ* защищать. Она распространила вмѣстѣ съ тѣмъ между встревоженными посѣтителями своего мирнаго убѣжища слухъ о томъ, что, въ случаѣ утвержденія приговора мирового судьи, она будетъ такъ оскорблена этой несправедливостью, что покинетъ навсегда городъ, гдѣ ее не умѣли цѣнить.

Слухъ этотъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и въ день засѣданія и въ публикѣ, и даже за судейскимъ столомъ оказались необычные посѣтители, настроенные сочувственно къ бѣдной женщинѣ, которую „преслѣдуетъ“ полиція, возводя на нее раздутое обвиненіе, основанное на показаніяхъ четырехъ „дѣвчонокъ“, которыя едва ли сами понимаютъ, что говорятъ. Защитникъ госпожи П . . . . въ порывѣ наемнаго краснорѣчія, котораго онъ самъ—къ чести его надо сказать — впослѣдствіи стыдился, въ длинной рѣчи доказывалъ, что подсудимая служила потребности, предъявляемой самимъ обществомъ, и что поэтому общество не имѣетъ права ее осуждать. Въ это время уже начиналъ входить въ употребленіе недостойный пріемъ, состоящій въ приведеніи— въ качествѣ рѣшительнаго и окончательнаго аргумента—святыхъ словъ Спасителя, приплетаемыхъ къ дѣлу съ явнымъ извращеніемъ ихъ дѣйствительнаго смысла. Такой пріемъ достигъ своего апогея въ знаменитомъ процессѣ Струсберга и въ другомъ тоже громкомъ процессѣ, гдѣ защитникъ, оправдывая подсудимую— женщину, къ которой примѣнимы были слова Пушкинскаго импровизатора: „la regina en aveva molti“—обвинявшуюся въ покушеніи на предумышленное убійство жены своего любовника, провернувшейся подъ супружескій кровъ по призыву мужа, — просилъ присяжныхъ поступить по примѣру Христа, который сказалъ грѣшницѣ: „прощаются тебѣ грѣхи твои мнози, зане возлюбила много“, лукаво примѣняя слово „много“ тамъ, гдѣ дозволительно было бы сказать лишь слово „многихъ“. И рѣчь свою по дѣлу П . . . . защитникъ окончилъ обращеніемъ къ судьямъ, прося у нихъ оправданія подсудимой и напоминая имъ слова Христа: „пусть тотъ, кто менѣе грѣшенъ, чѣмъ она, броситъ въ нее первый камень“. Пришлось въ заключеніи по дѣлу ска-

зать, что время, когда предъ строгимъ и нелицепріятнымъ судомъ сводни будетъ сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ виновное общество, еще не наступило, и что приходится примѣнять законъ, карающій—къ сожалѣнію непростительно слабо—людей, ввергающихъ въ погибель незрѣлую юность, по точному его смыслу и въ условіяхъ современности. А относительно цитаты изъ Евангелія я долженъ былъ напомнить съѣзду, что приведенныя защитникомъ слова Искупителя относились къ блудницѣ, а не къ сводницѣ, и что ихъ умѣстно было бы привести лишь въ томъ случаѣ, если бы по какому-либо заблужденію правосудія здѣсь судились несчастныя жертвы госпожи П . . . . — и указать защитнику, что цитировать мѣста изъ священной и вѣчной книги надо, по крайней мѣрѣ, съ такою же точностью, какъ кассаціонныя рѣшенія, и что къ настоящему дѣлу относятся совсѣмъ другія, грозныя слова: „невозможно соблазну не притти въ міръ, но горе тѣмъ, чрезъ кого онъ приходитъ“ и „аще кто изъ васъ соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ, да обвѣсится жерновъ осельный на выю его и вверженъ будетъ въ пучину морскую“. Съѣздъ согласился съ моимъ заключеніемъ, и госпожа П . . . , отбывъ свой арестъ въ такъ называемомъ „Петиномъ домѣ“, покинула Харьковъ.

Мнѣ вспоминается характерный эпизодъ по другому дѣлу, гдѣ предъ съѣздомъ предстало нѣсколько студентовъ, проявившихъ свое нетрезвое молодечество въ излюбленномъ въ старые годы видѣ буйства, называвшемся „разбитіемъ дома терпимости“. Мировой судья не раздѣлилъ проводимой передъ нимъ, а впослѣдствіи и въ съѣздѣ, теоріи сентиментальнаго попустительства отвратительному проявленію насилія во имя лицемѣрнаго сочувствія въ этомъ случаѣ къ молодежи, въ которой будто бы „кровь кипитъ и силъ избытокъ“. Въ засѣданіи съѣзда было много учащихся молодыхъ людей. Въ заключеніи своемъ я поддерживалъ довольно строгій приговоръ мирового судьи и, въ виду приведенныхъ выше возраженій противъ него, сказалъ нѣсколько словъ суроваго осужденія по адресу героевъ подобныхъ безчинствъ, позорящихъ званіе студента. Въ публикѣ послышался ропотъ неудовольствія, и когда судьи ушли совѣщаться, а мнѣ пришлось пробираться сквозь тѣсную толпу къ моему маленькому кабинетику въ помѣщеніи съѣзда, я почувствовалъ толчокъ локтемъ въ бокъ. Я остановился и сказалъ, не оборачиваясь въ сторону, откуда исходилъ этотъ толчокъ, сопровождавшійся дальнѣйшимъ грубымъ нажатіемъ: „И вамъ не стыдно?“ Локоть опустился и надъ ухомъ моимъ прозвучали сказанныя вполголоса слова: „ради

Бога, не оборачивайтесь: мнѣ дѣйствительно стыдно". И затѣмъ какая-то фигура двинулась впереди меня и, говоря: „господа! пропустите! пропустите, господа!", стала плечами раздвигать толпу, занятую взволнованнымъ разговоромъ, и, открывъ мнѣ дорогу до дверей, къ которымъ я направлялся, не оборачиваясь, затерялась въ публикѣ.

Между мировыми судьями перваго трехлѣтія были люди, боявшіеся ошибки въ новомъ и нравственно-отвѣтственномъ дѣлѣ, и поэтому иногда проявлявшіе мало собственнаго почина и не всегда достаточную критику по отношенію къ полицейскимъ и административнымъ актамъ въ дѣлахъ, гдѣ таковые клались въ основу обвиненія. Но съѣздъ, куда поступали такія дѣла, вносилъ въ ихъ разсмотрѣніе свѣжую мысль и широкое толкованіе закона, и приговоры его, по крайней мѣрѣ за первое трехлѣтіе, были по большей части образцовыми по разработкѣ и проникавшему ихъ духу истинной справедливости. Задачи мировой юстиціи въ это время были очень важны и сложны. Возникшій вмѣсто полицейской расправы новый судъ въ лицѣ „мирового" долженъ былъ подчасъ уподобляться римскому претору, который и jus dicit, и jus facit. Это было тѣмъ труднѣе, что кассаціонная практика была еще очень мало развита. Надо было не только пріучать народъ, пребывавшій цѣлые вѣка въ туманѣ безсудья, къ правовымъ понятіямъ и процессуальнымъ формамъ, но и дѣлать это такъ, чтобы внушать къ себѣ довѣріе. И харьковскій мировой судъ исполнялъ эту задачу съ очевиднымъ успѣхомъ, хотя, конечно, бывали случаи, гдѣ юридическая правда рѣшеній въ головѣ тяжущагося или обвиняемаго никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что̀ ему казалось житейской правдой. Пріѣхавъ въ Харьковъ, я услышалъ ходячій анекдотическій разсказъ объ одномъ изъ первыхъ засѣданій съѣзда, почти тотчасъ вслѣдъ за его открытіемъ, когда пришлось разсматривать аппеляціонную жалобу городского пастуха (чабана) на приговоръ мирового судьи, присудившаго его къ штрафу въ десять рублей за оскорбленіе одного изъ подпасковъ, названнаго имъ дуракомъ („дурнымъ") и котораго, очевидно кто-то подъучилъ пожаловаться на старика. Разсказывали, что представшій предъ судьями высокій и типическій старый малороссъ никакъ не могъ понять, въ чемъ его обвиняютъ, говоря, что назвалъ бы парубка разумнымъ, если бы онъ былъ такимъ, но такъ какъ онъ дуракъ, то онъ и сказалъ ему: „Тю! дурный". Онъ былъ такъ увѣренъ въ своей житейской правотѣ, что когда съѣздъ вынесъ обвинительный приговоръ, смягчивъ ему штрафъ до самой низшей мѣры, то онъ

изумленно спросилъ предсѣдателя по-малороссійски: „Такъ мнѣ же и платить? да за что?“—„За то, что вы обругали“.—„Нѣтъ, я его не ругалъ, а я только сказалъ, что онъ „дурный“. Да вѣдь онъ дуракъ какъ есть, какъ же его называть?“—„Не повторяйте этихъ оскорбленій,—сказалъ предсѣдатель;—можете идти: дѣло кончено“.—Старикъ переступилъ съ ноги на ногу, помолчалъ и потомъ—будто бы—съ лукавой улыбкой спросилъ: „а позвольте узнать: если неразумнаго человѣка, совсѣмъ какъ есть неразумнаго, назвать разумнымъ, за это ничего не будетъ? и платить ничего не треба?“ и—получивъ утвердительный отвѣтъ—низко поклонился съѣзду, почтительно сказавъ:—„Ну, спасибо вамъ, разумные панове судьи, что вы меня, „дурного“, научили“.

Перейдя въ 1871 году въ Петербургъ изъ Казани на должность прокурора окружного суда, я засталъ составъ мировыхъ судей второго трехлѣтія, но, занятый своими сложными обязанностями, мало имѣлъ случая входить съ ними въ личныя отношенія. Въ общемъ составъ продолжалъ быть очень хорошимъ, но мои личныя знакомства ограничивались лишь нѣсколькими почетными мировыми судьями этого времени (Лихачевымъ, Квистомъ и др.) и двумя участковыми—моимъ товарищемъ по университету и впослѣдствіи предсѣдателемъ мирового съѣзда, и Александромъ Ивановичемъ Барановскимъ. Лихорадочно-подвижный идеалистъ, съ чистой и нѣжной душой, довѣрчивый и подчасъ наивный, какъ дитя, Барановскій былъ подчасъ немалымъ путанникомъ въ дѣлахъ, но очень часто, разрѣшая ихъ болѣе по естеству, чѣмъ по закону, являлся безсознательно тѣмъ, чѣмъ былъ впослѣдствіи во Франціи прославленный за то же самое французскій президентъ суда въ Château Thierry Magnand. Замѣчательно, что при этомъ онъ считалъ себя глубокимъ житейскимъ практикомъ и знатокомъ Судебныхъ Уставовъ, понимаемыхъ имъ нерѣдко весьма своеобразно. Но эти недостатки искупались высокой прямотой характера, всегда безусловно благородными побужденіями и горячею любовью къ общественной дѣятельности. Онъ очень дорожилъ правомъ мирового судьи самому усматривать проступки и возбуждать преслѣдованія, правомъ, которымъ у насъ начинаютъ все менѣе и менѣе пользоваться, предпочитая „спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ“ и ожидать, что полиція усмотритъ, что̀ слѣдуетъ, и составитъ надлежащій протоколъ. Между тѣмъ такое право въ отношеніи нарушеній общественной нравственности и всякаго рода безстыдства даетъ судьѣ въ руки

драгоцѣнное оружіе моральнаго воздѣйствія. Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ мы были еще далеки отъ нынѣшнихъ: необузданной вакханаліи безвозбраннаго исполненія грязныхъ жестовъ и куплетовъ на сценѣ,—всевозможнаго оголенія подъ лицемѣрнымъ флагомъ поклоненія красотѣ,—двусмысленныхъ объявленій въ газетахъ,—теоріи и методики разврата въ quasi-медицинскихъ книгахъ и безчестной порнографіи, дерзающей себя именовать литературой. Но кое-что въ этомъ родѣ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, существовало и тогда и пробовало свить себѣ гнѣздо въ увеселительныхъ театрахъ Берга и „Буффъ". Въ первомъ изъ нихъ подвизалась, грубо возбуждая чувственные инстинкты, французская безголосая куплетистка Луиза Philippo. Не довольствуясь мало завидными лаврами, она стала выводить на сцену свою одиннадцатилѣтнюю племянницу, Викторію Филиппо, и бѣдный ребенокъ началъ пѣть тѣ же куплеты, какъ и тетка, и выдѣлывать своимъ худенькимъ, несложившимся тѣльцемъ тѣ же движенія, какъ она. Часть публики возмущалась, а часть находила особый смакъ въ противоположности эротической мимики съ невинными дѣтскими глазами и тонкимъ голоскомъ, дѣлавшимъ заученныя интонаціи и паузы, быть можетъ, въ непониманіи ихъ истиннаго смысла. Когда товарищъ прокурора Безродный вполнѣ подтвердилъ дошедшіе до меня въ этомъ отношеніи слухи и указалъ свидѣтелей, я вызвалъ къ себѣ мѣстнаго участковаго пристава и въ краткихъ, но вразумительныхъ словахъ объяснилъ ему, что при первомъ повтореніи подобнаго представленія со стороны Викторіи Филиппо я возбужу противъ нея и Берга обвиненіе по 993 ст. Улож. о наказ., говорящей о развращеніи малолѣтнихъ, а о его попустительствѣ сообщу градоначальнику Трепову. Это возымѣло надлежащее дѣйствіе, и дѣвочка перестала канканировать на сценѣ, но зато „тетушка" Луиза Филиппо и другая шансонетная пѣвица Бланшъ-Гандонъ на сценѣ театра „Буффъ" „поддали пару". Зайдя въ этотъ театръ, А. И. Барановскій былъ справедливо возмущенъ поведеніемъ и костюмомъ этихъ госпожъ и возбудилъ противъ нихъ преслѣдованіе по 43 ст. Улож. о наказ. за безстыдныя, соединенныя съ соблазномъ для другихъ дѣйствія. „Если—говорилось въ приговорѣ судьи, присуждавшемъ „артистокъ" къ штрафамъ въ 100 и въ 50 р.,—публичныя народныя зрѣлища, дѣйствующія только на грубые инстинкты человѣческой природы, какъ, напримѣръ, кровавыя зрѣлища борьбы людей и животныхъ, не должны допускаться въ благоустроенномъ обществѣ, то тѣмъ менѣе могутъ быть терпимы такія зрѣлища, въ которыхъ мужчина и женщина

низводятся на степень животныхъ, публично проявляющихъ только грубый инстинктъ половыхъ стремленій". Противъ Барановскаго въ разныхъ клубахъ и мелкой прессѣ былъ поднятъ цѣлый походъ. Его осыпали насмѣшками и рисовали на него каррикатуры. Но мировой съѣздъ и кассаціонный сенатъ поддержали судью, имѣвшаго смѣлость проявить властное негодованіе противъ вреднаго безстыдства. Домашнія обстоятельства заставили его въ концѣ семидесятыхъ годовъ переселиться въ Москву, и тревожные годы, проведенные имъ въ обстановкѣ, далекой отъ скромной, но богатой внутреннимъ содержаніемъ дѣятельности мирового судьи, конечно, не дали ему того нравственнаго удовлетворенія, которое давала покинутая судейская служба, вспоминаемая имъ до конца дней съ любовью и сожалѣніемъ.

Въ иномъ родѣ былъ мой университетскій товарищъ. Въ высшей степени трудолюбивый и богатый опытомъ судья, онъ, не мудрствуя лукаво, добросовѣстно тянулъ свою лямку, искренно преданный дѣлу мировой юстиціи и не желавшій ее промѣнять ни на что. Это былъ настоящій *городской* мировой судья, сжившійся съ населеніемъ своего околотка, изучившій его нравы, радости и бѣды и въ общеніи съ нимъ нашедшій задачу своей жизни. Я никогда не слышалъ, чтобы онъ жаловался на усталость или стремился отдохнуть. Напротивъ, мнѣ лично пришлось испытать, до какой степени даже лѣтній Петербургъ съ его лѣтомъ, похожимъ, выражаясь словами Гейне, на „выкрашенную въ зеленую краску зиму", былъ милъ и дорогъ сердцу этого коренного своего обывателя. Лѣтомъ 1873 года, встрѣтивъ меня и узнавъ, что я собираюсь съ морскихъ купаній проѣхать въ Италію, онъ просилъ меня съѣхаться съ нимъ въ Люцернѣ и предпринять дальнѣйшее — первое въ его жизни — путешествіе вмѣстѣ. Такъ мы и сдѣлали. Но уже въ Люцернѣ онъ поразилъ меня тѣмъ, что привезъ съ собою подушки и постельное бѣлье, что̀ придало его багажу чрезвычайные и неудобные для путешествія размѣры. Мы совершили чудный переѣздъ въ почтовомъ экипажѣ черезъ С.-Готардъ, гдѣ съ волшебной быстротой смѣнялись картины природы, начинаясь цвѣтущими садами Флюэлена на озерѣ Четырехъ Кантоновъ, постепенно переходя въ голую и каменистую пустыню Hospice de St.-Gothard и быстро смѣняясь затѣмъ наростающею прелестью Италіи. Изъ Милана мы взяли билеты на круговое путешествіе по озерамъ Комо и Лугано и по Лаго-Маджіоре, причемъ ѣхать приходилось на пароходѣ и въ почтовомъ экипажѣ, такъ какъ тогда желѣзная дорога существовала только между Комо и Миланомъ и между Ми-

ланомъ и Ароной. Уже въ Миланѣ мой спутникъ сталъ обнаруживать признаки тоскливаго нетерпѣнія и того скептически-насмѣшливаго отношенія къ западно-европейскимъ порядкамъ, которымъ отличаются многіе изъ русскихъ людей заграницею, вдругъ начинающіе чувствовать, что *у насъ* все лучше. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что и вкусы наши совершенно различны: меня интересовали музеи, храмы и историческія воспоминанія, его—толпа, уличная торговля и народныя увеселенія, а природа не производила на него никакого впечатлѣнія. Когда въ Menaggio, при закатѣ солнца, круговые путешественники ждали на берегу голубого озера парохода для переѣзда въ Bellaggio, итальянскій вечеръ повѣялъ такимъ обаяніемъ на собравшихся, что всѣ замолчали въ нѣмомъ созерцаніи очаровательной картины и—„тихій ангелъ пролетѣлъ“. И вдругъ на одномъ изъ концовъ пристани раздался съ сѣверо-германскимъ произношеніемъ рѣзкій голосъ, тревожно прокричавшій черезъ головы собравшихся кому-то на другомъ концѣ пристани: „Sie, nehmen Sie sich in Acht ob da nicht ein Taschendieb existiere!“ Поэтическое настроеніе было разрушено, но прозаическая забота нѣмца очень смутила моего товарища: онъ сталъ подозрительно осматриваться по сторонамъ и на все путешествіе увѣровалъ, что итальянцы—чуть не сплошные ташендибы. Объѣздъ озеръ продолжался три дня, и я могъ не разъ убѣдиться, что мысли моего спутника непрестанно обращались къ Петербургу, къ его дѣламъ и къ камерѣ мирового судьи и что—не будь меня—онъ, быть можетъ, немедленно вернулся бы назадъ. Когда мы были на Лаго-Маджіоре и я восхищался Борромейскими островами, онъ сказалъ мнѣ: „право не знаю, зачѣмъ ѣздятъ на все это смотрѣть тѣ, кому не приходится здѣсь жить; по моему мнѣнію Крестовскій островъ въ Петербургѣ гораздо лучше“. Во Флоренціи онъ сталъ явно тяготиться моими предложеніями осматривать ея художественныя сокровища въ музеяхъ и дѣлалъ это со скучающимъ выраженіемъ лица и до крайности торопливо. За годъ передъ тѣмъ я былъ во Франкфуртѣ и въ праздничный день, вмѣстѣ съ группой подгородныхъ жителей, осматривалъ Бетманскій музей съ знаменитой „Аріадной“ Даннекера. Ее не показывали однако сразу, а заставляли сначала осмотрѣть цѣлый рядъ гипсовыхъ слѣпковъ съ антиковъ, посмертныхъ масокъ съ коронованныхъ особъ и другихъ подобныхъ предметовъ. Ходившая рядомъ со мною немолодая, но краснощекая женщина въ старомодномъ платьѣ, очевидно, въ первый разъ бывшая въ музеѣ, съ прилежнымъ и напряженнымъ вниманіемъ разсматривала все то, на что монотонно

указывалъ смотритель музея. Но ей, видимо, было скучно, и когда, наконецъ, онъ торжественно провозгласилъ: „und hier, meine Herren, können Sie sehen die berühmte Ariadne“ и отдернулъ занавѣсь, за которою скрывалась, освѣщенная сверху, миѳологическая красавица, *спокойно* полулежащая на спинѣ *идущей* пантеры, — моя нѣмка, облегченно вздохнувъ, громко спросила: „Nun? und damit ist man endlich los?“—и съ радостнымъ лицомъ быстрыми шагами удалилась. Мой спутникъ очень сильно мнѣ напоминалъ эту женщину. Путешествіе наше становилось тягостнымъ для обоихъ, и мы условились совершить его на разстояніи четырехъ дней другъ отъ друга съ тѣмъ, чтобы съѣзжаться вмѣстѣ на одинъ день и получать отъ уѣхавшаго впередъ полезныя свѣдѣнія. Впередъ уѣхалъ онъ. Мы встрѣтились въ Римѣ, затѣмъ въ Неаполѣ, гдѣ онъ, сдѣлавшись жертвою нѣсколькихъ мелкихъ плутней, окончательно и безповоротно укрѣпился въ своемъ взглядѣ на то, что итальянцы— „ташендибы“. Я уговорилъ его остаться здѣсь нѣсколько долѣе и не покидать Неаполя, не съѣздивъ въ Помпею, на Капри и на Везувій. Но его страшно тянуло домой, въ свою камеру, и въ день довольно утомительнаго восхожденія на Везувій онъ всетаки двинулся вечеромъ, нигдѣ не останавливаясь, въ Петербургъ.

Къ этому нашему пребыванію въ Неаполѣ относится мое воспоминаніе объ одной оригинальной встрѣчѣ. Позволю себѣ привести его—попутно. Въ гостинницѣ Victoria на Santa Lucia, гдѣ мы съѣхались съ товарищемъ, было въ виду еще ранняго осенняго сезона немного проѣзжихъ. За однимъ концомъ табльдотнаго стола сидѣли обыкновенно мы, очень нервный англійскій пасторъ и какая-то американская супружеская чета, которая вѣчно куда-то торопилась и никогда не досиживала обѣда и завтрака до конца. А на другомъ концѣ стола сидѣло многочисленное семейство, состоявшее изъ двухъ дамъ, нѣсколькихъ подростковъ и старика съ быстрымъ и властнымъ взглядомъ подъ хмурыми бровями, съ остро очерченнымъ носомъ, тонкими губами и выдающимся впередъ подбородкомъ. Онъ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, говорилъ повелительнымъ голосомъ и постоянно былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, прикрикивая на молодежь и на прислугу. Очевидно, что въ своей семьѣ и среди окружающихъ онъ привыкъ къ власти и, повидимому, къ поклоненію. Нервный пасторъ при его выходкахъ и рѣзкихъ возгласахъ ёжился и начиналъ смотрѣть косо и враждебно. Американцы не обращали на него никакого вниманія, и два раза намъ пришлось на на-

шемъ концѣ оставаться однимъ. Разъ старикъ обратился ко мнѣ съ рядомъ вопросовъ о томъ, ѣздилъ ли я на Капри и удобно ли туда путешествіе на пароходѣ. Вопросы были заданы отрывистымъ, почти повелительнымъ тономъ, на что я отвѣтилъ такъ же отрывисто и лаконически. На третій день послѣ моего прибытія мы рано утромъ поѣхали въ Помпею и вернулись лишь къ обѣду. У подъѣзда стояли два ландо и въ нихъ сидѣли старикъ и его домочадцы, окруженные мелкимъ багажомъ. Несмотря на жаркую погоду, на немъ былъ темный, кажется бархатный беретъ, который, спускаясь на лобъ, очень гармонировалъ съ острыми чертами его лица и придавалъ имъ особенно выпуклый характеръ. „Боже мой!—сказалъ я—да вѣдь я гдѣ-то видѣлъ это лицо, если не въ дѣйствительности, то на портретѣ! Я видѣлъ его несомнѣнно, но кто это такой?“ Между тѣмъ экипажи двинулись. Проѣзжая мимо, старикъ посмотрѣлъ на насъ сурово и слегка кивнулъ намъ головою. Портье смотрѣлъ вслѣдъ отъѣзжающимъ недружелюбно. „Prego, il nome di questo straniero?“—сказалъ я ему. Портье, сказавъ мнѣ съ оттѣнкомъ презрѣнія въ голосѣ: „un tedesco“,—лѣниво развернулъ книгу и прочелъ въ ней:—Signor Richardo Wagner.

Несмотря на нѣкоторыя свои странности, товарищъ мой былъ человѣкъ весьма знающій и научно образованный. По выходѣ изъ университета онъ даже долго лелѣялъ мысль объ ученой карьерѣ и серьезно занимался уголовнымъ правомъ, и какъ предсѣдатель мирового съѣзда онъ оставилъ по себѣ прекрасную память, хотя, чуждый всякаго честолюбія и до крайности скромный, онъ не хлопоталъ ни объ избраніи, ни о переизбраніи на это мѣсто.

Въ 1877-мъ году, расходясь съ министромъ юстиціи графомъ Паленомъ, при всемъ уваженіи къ его личнымъ свойствамъ, въ нѣкоторыхъ существенныхъ взглядахъ,—а также до крайности тяготясь службой въ центральномъ управленіи министерства юстиціи и тоскуя по работѣ въ дѣйствующей судебной арміи, я вознамѣрился баллотироваться въ столичные участковые мировые судьи и для этого пріобрѣлъ себѣ—случайно по весьма дешевой цѣнѣ—необходимый цензъ въ отдаленныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи. Вслѣдъ затѣмъ, однако, измѣненіе внутренней организаціи кассаціоннаго Сената (раздѣленіе на отдѣленія), связанное съ особымъ увеличеніемъ числа сенаторовъ, вызвало сильное движеніе въ судебномъ вѣдомствѣ, и мнѣ было предложено мѣсто прокурора харьковской судебной палаты. Отчасти по соображеніямъ, которыя заставляли меня думать объ уходѣ въ мировые судьи, а также и въ виду моихъ педагогическихъ занятій (лекціи уголовнаго судо-

производства въ училищѣ правовѣдѣнія) и весьма цѣнимой мною близости къ тогдашнему кружку „Вѣстника Европы“, гдѣ я постоянно встрѣчался съ Гончаровымъ, Кавелинымъ, Пыпинымъ и Спасовичемъ и иногда съ Тургеневымъ—я отказался отъ предложеннаго мнѣ поста въ прокуратурѣ, указавъ, что моимъ наклонностямъ болѣе соотвѣтствовало бы званіе судьи. Тогда мнѣ было предложено занять должность предсѣдателя петербургскаго окружного суда, которая должна была сдѣлаться вакантной черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Возможность стать предсѣдателемъ суда, при которомъ я такъ долго состоялъ прокуроромъ, и не покидать притомъ Петербурга, улыбалась мнѣ до крайности, и мысль объ участковомъ мировомъ судьѣ была оставлена. Но у меня оставался цензъ — 1.200 десятинъ гдѣ-то „въ мѣстѣ пустѣ, мѣстѣ безплоднѣ, мѣстѣ безводнѣ“, и по настоянію Неклюдова я рѣшился баллотироваться въ почетные мировые судьи города Петербурга.

Для осуществленія этого намѣренія было необходимо побывать у городского головы, заявить ему о своемъ желаніи и представить ему документы, относящіеся къ имущественному цензу. Мы поѣхали вмѣстѣ съ Неклюдовымъ къ Н. И. Погребову, съ которымъ я былъ уже давно знакомъ по совмѣстной дѣятельности въ петербургскомъ особомъ присутствіи по городскимъ дѣламъ. Умѣлый администраторъ, рачительный хозяинъ и прекрасный самъ по себѣ человѣкъ, Николай Ивановичъ встрѣтилъ меня очень любезно и, не сомнѣваясь въ моемъ избраніи, радостно привѣтствовалъ мое будущее вступленіе въ составъ мировыхъ судей въ столицѣ. Мнѣ тоже думалось, что избраніе должно пройти успѣшно: я лишь полтора года назадъ оставилъ должность прокурора окружного суда въ Петербургѣ, которую занималъ около пяти лѣтъ, выступая почти по всѣмъ выдающимся дѣламъ, отчеты о которыхъ печатались въ газетахъ;—принималъ дѣятельное участіе въ городскихъ дѣлахъ въ качествѣ члена городского присутствія;—возбудилъ нѣсколько громкихъ дѣлъ, привлекшихъ общественное вниманіе, какъ, напримѣръ, дѣло о поджогѣ мельницы Овсянникова, дѣло игуменьи Митрофаніи и др., и, наконецъ, въ моей камерѣ въ окружномъ судѣ перебывало множество петербургскихъ обывателей, приходившихъ за совѣтомъ или защитой. Все это вмѣстѣ съ многочисленными печатными и общественными проявленіями сожалѣнія о моемъ уходѣ изъ прокуратуры давало, казалось бы, мнѣ основаніе считать себя человѣкомъ, настолько извѣстнымъ въ Петербургѣ, что никакихъ особыхъ недоумѣній или колебаній при выборахъ относительно меня произойти не можетъ. Мы съ Неклюдовымъ уже

собирались уходить, когда въ передней раздался звонокъ и вслѣдъ затѣмъ явились два купца, гласныхъ думы, состоявшихъ членами совѣта какой-то богадѣльни, пришедшихъ благодарить Погребова за участіе его въ какомъ-то торжествѣ, бывшемъ въ этой богадѣльнѣ наканунѣ, и за щедрое въ пользу ея пожертвованіе. Одинъ изъ нихъ былъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, другой въ длинномъ сюртукѣ стариннаго покроя. Когда оба они усѣлись въ довольно почтительныхъ позахъ, Погребовъ, указывая на меня и называя меня, сказалъ имъ: „Вотъ—имя рекъ—хочетъ сдѣлать намъ честь баллотироваться въ мировые судьи. Вы вѣдь избиратели, такъ позвольте его вамъ представить". Почтительныя позы немедленно исчезли, и, небрежно отклонясь на спинку кресла, фракъ сказалъ мнѣ: „А вы чѣмъ изволите заниматься?—Я служу въ судебномъ вѣдомствѣ.—А-а!—а по какой части?—Я вице-директоръ министерства юстиціи и пять лѣтъ былъ прокуроромъ окружного суда.—Такъ-съ. Это гдѣ же вы были?—Въ Петербургѣ.—Въ Петербургѣ? прокуроромъ?—и онъ вопросительно посмотрѣлъ на своего спутника. — Какъ ваша фамилія будетъ?" — спросилъ сюртукъ, безцеремонно разглядывая меня, и на мой отвѣтъ сказалъ, обращаясь къ фраку: „Не слыхивали что-то".—„Какъ же вы не знаете, кто былъ у насъ такъ долго прокуроромъ!"—раздражительно вмѣшался въ разговоръ Погребовъ. „Да помилуйте, ваше превосходительство,—отвѣтилъ, принимая опять почтительную позу, фракъ:—вѣдь мало ли ихъ, господъ служащихъ, гдѣ же объ нихъ обо всѣхъ знать, кто при чемъ состоитъ!"—„Ну что-жъ,—покровительственно заключилъ бесѣду сюртукъ,—вотъ соберемъ о васъ справки да посудимъ. Отчего же и не выбрать, вотъ особенно, коли его превосходительство порекомендуютъ. Выбрать всегда возможно"... Погребовъ вышелъ насъ провожать въ переднюю и, горячо пожимая мнѣ руку, видимо сконфуженный, сказалъ: „Извините, пожалуйста, за этихъ..., у насъ вѣдь большинство не такіе. Мнѣ такъ совѣстно. Пожалуйста, не вздумайте отказываться отъ вашего намѣренія. — И не думаю, Николай Ивановичъ, и даже благодаренъ случаю, давшему мнѣ маленькій урокъ, чтобы, какъ говоритъ Некрасовъ, „человѣкъ не баловался"...

Вслѣдъ за избраніемъ меня въ столичные почетные судьи я былъ избранъ почетнымъ судьею по Петербургскому уѣзду и по Петергофскому уѣзду съ городомъ Кронштадтомъ, такъ что, съ точки зрѣнія упомянутаго выше буйнаго обывателя, сидѣлъ сразу на трехъ цѣпяхъ. Первое же засѣданіе петербургскаго съѣзда—распорядительное—о направленіи дѣлъ по жалобамъ на

мировыхъ судей въ дисциплинарномъ порядкѣ—связано для меня съ довольно тяжелымъ воспоминаніемъ. Между участковыми судьями былъ мировой судья Трофимовъ, пользовавшійся большою популярностью. Крупный старикъ воинственнаго вида, съ сѣдой курчавой головой и большими усами, въ товарищескомъ кругу онъ былъ неоцѣненнымъ разсказчикомъ и оживленнымъ собесѣдникомъ на обѣдахъ, во время которыхъ декламировалъ довольно нескладные стихи собственнаго сочиненія, приличные случаю. Ходили слухи, что онъ держитъ себя чрезвычайно развязно въ судебномъ засѣданіи, шутитъ надъ свидѣтелями и подсудимыми, даетъ имъ наставленія изъ области житейской философіи и читаетъ нотаціи—и этимъ очень увеселяетъ собирающуюся въ большомъ количествѣ въ его камеру публику. Слухи эти проникали нерѣдко и въ печать, при чемъ мелкая пресса, не стѣсняясь, называла разбирательство у Трофимова „балаганомъ". Но жалобъ на такой образъ его дѣйствій не поступало, предсѣдатели же мирового съѣзда, повидимому, сами не желали возбуждать вопроса о странномъ поведеніи Трофимова, и за его камерой все болѣе и болѣе укрѣплялась репутація увеселительнаго мѣста. Наконецъ, однако, поступила и жалоба со стороны одного болгарина, при разбирательствѣ дѣла о которомъ Трофимовъ неумѣстно и довольно рѣзко прошелся на счетъ „братьевъ-славянъ", за которыхъ, по его мнѣнію, не стоило вести войну съ Турціей. Въ засѣданіи съѣзда, старикъ откровенно сознался въ томъ, что у него сорвалось съ языка лишнее, и, понуривъ сѣдую голову, вышелъ изъ залы совѣщанія, гдѣ долженъ былъ разрѣшаться вопросъ о возбужденіи противъ него дисциплинарнаго производства. Старые судьи, товарищи Трофимова по нѣсколькимъ трехлѣтіямъ, стали его выгораживать, доказывая, что „предостереженіе" оскорбитъ старика, столь преданнаго своему дѣлу, и пожалуй заставитъ уйти со службы, что было бы большой потерей для мировой юстиціи Петербурга. Они не отрицали неумѣстности того, что говорилъ болгарину Трофимовъ, но стояли на томъ, что отъ неумѣстности далеко до грубости или неприличія, и что для стараго и опытнаго судьи уже одна необходимость приносить передъ товарищами повинную есть достаточное наказаніе. Я не могъ раздѣлить такого взгляда, находя, что чрезмѣрная снисходительность къ дисциплинарнымъ нарушеніямъ со стороны судей можетъ легко и незамѣтно обратиться въ попустительство, которое грубо нарушитъ довѣріе, питаемое составителями Судебныхъ Уставовъ именно къ суду товарищей, призванныхъ общими силами охранять до-

стоинство представляемаго ими учрежденія. Указывая на то, что жалоба болгарина лишь подтверждаетъ ходячіе слухи и сложившееся представленіе о томъ, что̀ происходитъ въ камерѣ Трофимова, я находилъ, что оставленіе съѣздомъ жалобы безъ послѣдствій можетъ дать словоохотливому судьѣ основаніе для дальнѣйшихъ выходокъ въ томъ же родѣ. Поэтому я горячо поддерживалъ меньшинство съѣзда, признававшее необходимость возбужденія дисциплинарнаго производства. Мой maiden speech убѣдилъ нѣкоторыхъ изъ большинства и въ томъ числѣ предсѣдателя. Старикъ, приглашенный для участія въ дальнѣйшихъ дѣлахъ и узнавшій, конечно, чѣмъ рѣшено его дѣло, занялъ свое мѣсто сконфуженный и удрученный. Установленнымъ порядкомъ онъ получилъ предостереженіе.

Черезъ годъ на мою долю выпало обревизованіе его дѣлопроизводства, къ которому я приступилъ съ непріятнымъ ожиданіемъ найти разные безпорядки и упущенія. Еще до разсмотрѣнія книгъ и производствъ я рѣшилъ нѣсколько разъ посѣтить камеру Трофимова въ качествѣ частнаго человѣка, садясь въ публикѣ, которой въ его обширной камерѣ всегда было очень много и среди которой онъ меня едва ли замѣчалъ. И что же? Вмѣсто прославленнаго балагана я увидѣлъ настоящее мировое, жизненное, чуждое бездушной формальности и равнодушной торопливости разбирательство. За судейскимъ столомъ сидѣлъ умный и трогательно-добрый человѣкъ, по-отечески журившій участвующихъ въ дѣлѣ и по-отечески входившій въ ихъ нужды и ихъ понимавшій. Не неумѣстной фамильярностью вѣяло отъ него, а той искренностью отношеній и выраженій, которыя были гораздо понятнѣе простымъ людямъ, выходившимъ предъ судейскій столъ, чѣмъ холодныя, сакраментальныя слова процессуальнаго закона. И отношеніе всѣхъ находившихся въ камерѣ къ Трофимову было особенное: между нимъ и ими чувствовалась живая связь и взаимное пониманіе. Даже словечки, которыя онъ „отпускалъ", пріобрѣтали въ его устахъ и въ этой обстановкѣ совсѣмъ особенный характеръ: они служили чуткимъ выраженіемъ чувствъ и настроенія присутствующихъ; въ нихъ, иногда въ своеобразной формѣ, выражался удовлетворяющій внутреннее чувство нравственный приговоръ надъ тѣмъ, что̀ не умѣщалось въ узкія рамки юридическаго опредѣленія. И въ тонѣ и способѣ произнесенія Трофимовымъ его поученій и репримандовъ не было ничего оскорбительнаго. Напротивъ, среди наполнявшаго мѣста для публики сѣраго люда порою проносилось полушопотомъ: „правильно!.. справедливо!.. это такъ!.." и т. п. А тотъ, кто вызвалъ „выходку" судьи, по большей

части съ повиннымъ видомъ соглашался съ мировымъ судьей или добродушно раздѣлялъ сдержанный смѣхъ аудиторіи. По существу же всѣ дѣла, при разборѣ которыхъ я присутствовалъ, были рѣшены, по моему мнѣнію, вполнѣ правильно, и подъ каждымъ изъ этихъ рѣшеній я подписался бы обѣими руками. Не въ первый разъ увидѣлъ я при этомъ, какъ необходимо для того, чтобы судить о томъ, что происходитъ въ судебномъ засѣданіи, быть въ немъ самому и воочію познакомиться съ тѣми оттѣнками въ словахъ и дѣйствіяхъ участвующихъ лицъ, передать которые ни печать, ни обыкновенный разсказъ не въ состояніи. Мнѣ съ душевной болью вспомнилось, что я былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ возбужденія дисциплинарнаго производства о Трофимовѣ, во время котораго этотъ истинный народный судья пережилъ, конечно, не мало тяжелыхъ минутъ. Послѣ третьяго или четвертаго посѣщенія его камеры съ пребываніемъ въ публикѣ, я въ перерывъ засѣданія пошелъ къ нему въ кабинетъ и, объявивъ о возложенной на меня задачѣ, сказалъ ему: „Александръ Ивановичъ, я уже четвертый разъ сижу въ вашей камерѣ и смотрю, какъ вы рѣшаете дѣла"... Старикъ вопросительно приподнялъ брови, пошевелилъ усами, и на лицѣ его появилось выраженіе ожиданія какихъ-нибудь критическихъ съ моей стороны замѣчаній... „Я пришелъ вамъ сказать, что мнѣ больно и стыдно вспомнить, что я настоялъ на дисциплинарномъ судѣ надъ вами: я не зналъ васъ и понималъ васъ слишкомъ формально. Теперь я вижу, какъ я ошибался"... Трофимовъ вдругъ покраснѣлъ и глаза его наполнились слезами. „Голубчикъ!—воскликнулъ онъ—да что вы! да Богъ съ вами! да вѣдь я дѣйствительно иногда этакъ—знаете—за постромки заступаю! да что вы!" И онъ взволнованно подошелъ ко мнѣ вплотную и, прижавъ мою голову къ своей широкой груди, поцѣловалъ меня.

Года черезъ два онъ умеръ. Огромная толпа простыхъ людей проводила его до могилы на кладбище Александро-Невской лавры. Чрезъ нѣсколько недѣль, бывши въ лаврѣ и посѣтивъ эту могилу, я нашелъ на ней нѣсколько дешевыхъ вѣнковъ изъ ельника и бумажныхъ цвѣтовъ — эту настоящую „лепту вдовицы",—а бѣлый крестъ надъ насыпью оказался весь исписаннымъ вдоль и поперекъ различными надписями. „Добрый человѣкъ, тебя нельзя забыть", значилось на одной; „честный судья, другъ и учитель бѣдныхъ, спи спокойно!" — говорилось въ другой...

Несмотря на обиліе дѣлъ, поступавшихъ въ петербургскій

столичный съѣздъ и на небольшое число столичныхъ мировыхъ судей, сравнительно съ тѣмъ, которое существуетъ нынѣ, засѣданія всѣхъ отдѣленій съѣзда велись всегда въ образцовомъ порядкѣ и съ тѣмъ спокойнымъ достоинствомъ и вниманіемъ, которое довлѣетъ дѣлу правосудія. Этихъ свойствъ, я къ удивленію моему, не нашелъ въ засѣданіяхъ Tribunal de police correctionnelle въ Парижѣ. Особенно памятно мнѣ засѣданіе этого суда, при которомъ я присутствовалъ въ 1879 году. Въ полчаса было разсмотрѣно и рѣшено девять дѣлъ. Принималъ участіе въ ихъ разборѣ одинъ президентъ, съ крикливымъ словомъ и нетерпѣливыми движеніями. Подсудимые по разнымъ дѣламъ сидѣли рядомъ на длинной скамьѣ, сзади которой были двѣ двери. Въ одну ихъ вводилъ дежурный жандармъ, въ другую выводилъ. Судился крайній или крайняя, ближайшіе къ судейскому столу. По провозглашеніи резолюціи отворялись обѣ двери — осужденный уходилъ—всѣ остальные подсудимые, не поднимаясь на ноги, а лишь довольно комично ритмически привставая, передвигались — и скамья принимала новаго обвиняемаго. — За судейскимъ столомъ сидѣло два „совѣтника"; одинъ относился ко всему безучастно и повидимому дремалъ, другой, нисколько не стѣсняясь, читалъ газету, по временамъ широко ее развертывая или перегибая. Прокуроръ, на молчаливое обращеніе къ нему президента, повторялъ одно неизмѣнное: „я ходатайствую" (je requiers) — „Дѣло Матьё!—провозглашалъ президентъ:—Матьё?—Здѣсь, господинъ президентъ!—отвѣчаетъ крайній на скамьѣ подсудимыхъ. — Вы обвиняетесь въ нанесеніи удара полицейскому. Признаете ли себя виновымъ (plaidez-vous coupable ou non?)?—Да помилуйте! это онъ меня ударилъ. — Молчать! это всегда у васъ — *васъ* бьетъ полиція... (Taisez-vous! Ah, c'est toujours la police qui vous frappe). Есть свидѣтели? — Судебный приставъ отвѣчаетъ, что есть муниципальный сержантъ Андріё.—„Андріё,—подойдите! поднимите руку! вы клянетесь говорить правду, одну лишь правду... Опустите руку! *Онъ* васъ ударилъ?—Да, господинъ президентъ.—Можете идти.—Ну (обращаясь къ подсудимому), что вы можете сказать въ свою защиту?—Да, помилуйте! вѣдь не я его, а онъ меня...—Хорошо! (смотритъ въ сторону прокурора, который повторяетъ свою неизмѣнную фразу)—судъ, выслушавъ... приговариваетъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы и къ судебнымъ издержкамъ. Уведите! (Faites sortir!)"—Подсудимый кланяется, исчезаетъ — и начинается новое дѣло, ведущееся тѣмъ же способомъ. Когда предсѣдатель, съ которымъ я познакомился во время перерыва засѣданія, спросилъ о моемъ

впечатлѣніи, я не могъ скрыть отъ него, что такое отправленіе правосудія представляется мнѣ черезъ-чуръ поспѣшнымъ (trop expéditif), то онъ, разсмѣявшись, сказалъ мнѣ: „о! я знаю *ихъ* (je connais mon monde) и они *меня* знаютъ".

Я носилъ званіе почетнаго мирового судьи въ теченіе восьми лѣтъ и не разъ предсѣдательствовалъ въ одномъ изъ отдѣленій столичнаго мирового съѣзда. Но главная обязанность, связанная съ этимъ званіемъ, и которая за все это время всецѣло лежала на мнѣ, была еженедѣльное, кромѣ лѣта, участіе въ освидѣтельствованіи сумасшедшихъ въ особомъ присутствіи губернскаго правленія. Объ этомъ я подробно говорилъ въ „Русской Старинѣ" за февраль 1907 года. Въ засѣданіяхъ уѣзднаго съѣзда приходилось бывать рѣдко — обыкновенно въ лѣтнее время. Уѣзднымъ петербургскимъ съѣздомъ я былъ избранъ предсѣдателемъ коммиссіи по составленію особаго наказа и тутъ имѣлъ случай ближе узнать прекраснаго судью и человѣка, Евгенія Александровича Шакѣева, отчасти напоминавшаго своей судьбою Неклюдова и тоже не дожившаго до времени, когда его даръ слова и пониманіе общественныхъ интересовъ могли бы себѣ найти гораздо болѣе широкое примѣненіе. Оба съѣзда— и петергофскій, и уѣздный петербургскій — были составлены очень удачно, особенно послѣдній. Будучи въ 1885 году назначенъ оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената, я долженъ былъ сложить съ себя по несовмѣстимости званіе почетнаго мирового судьи. Съ грустью разстался я съ мировыми учрежденіями, сохранивъ о нихъ самыя лучшія воспоминанія и искренно тронутый добрыми чувствами, высказанными мнѣ моими товарищами на прощаніе. По новой должности моей и затѣмъ по званію сенатора черезъ мои руки прошло великое множество дѣлъ съ рѣшеніями и приговорами мировыхъ съѣздовъ со всѣхъ концовъ Россіи, и они свидѣтельствовали, что im Grossen und Ganzen мировая юстиція находилась въ Россіи въ добросовѣстныхъ рукахъ и исполняла свое предназначеніе. Конечно, встрѣчались промахи и ошибки, но они были немногочисленны, кассировать приговоры приходилось сравнительно рѣдко, и если встрѣчалось завѣдомо узкое толкованіе или тенденціозное примѣненіе закона, то эти рѣдкіе случаи имѣли мѣсто главнымъ образомъ среди мировыхъ судей *по назначенію*, въ Польшѣ и Западномъ краѣ, по отношенію къ дѣламъ о штундистахъ и уніатахъ, — или въ Прибалтійскомъ краѣ по примѣненію къ нѣмцамъ ст. 29 Уст. о нак. нал. мир. суд., гласящей о неисполненіи законныхъ распо-

ряженій и требованій полиціи. Въ дѣлахъ перваго рода мировые судьи и съѣзды подчинялись властнымъ требованіямъ мѣстной администраціи и представителей православнаго вѣдомства, забывшихъ про мечъ духовный и настойчиво взывавшихъ къ укрѣпленію господствующей церкви мечомъ свѣтскимъ въ рукахъ чиновъ полиціи и мировыхъ судей. Но и тутъ встрѣчались герои судейскаго долга. Таковъ былъ мировой судья одного изъ уѣздовъ Кіевской губерніи, отказавшійся въ эпоху усиленнаго гоненія на штундистовъ осудить нѣсколькихъ человѣкъ, собравшихся помолиться надъ умершимъ штундистомъ, своимъ родственникомъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ полиція усматривала нарушеніе циркуляра генералъ-губернатора, воспретившаго штундистамъ—въ явное нарушеніе великодушнаго закона 3-го мая 1883-го года—всякія молитвенныя собранія. Этотъ судья, о которомъ я буду говорить подробно въ другомъ мѣстѣ, имѣлъ гражданское мужество признать распоряженіе графа Игнатьева лишеннымъ законнаго основанія — и Сенатъ, въ общемъ собраніи кассаціонныхъ и перваго департаментовъ, раздѣлилъ его взглядъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ такіе приговоры были результатомъ ложнаго взгляда на задачи мѣстныхъ мировыхъ судей, въ которыя будто бы входило не одно отправленіе нелицемѣрнаго правосудія, а и посильная руссификація, достигавшая, впрочемъ, совершенно обратныхъ результатовъ. Таково, напримѣръ, было дѣло о нѣсколькихъ врачахъ города Риги, обвинявшихся въ неисполненіи распоряженія губернатора о томъ, чтобы всѣ „торгово-промышленныя заведенія имѣли вывѣски на русскомъ языкѣ“, причемъ подъ понятіе этихъ вывѣсокъ не въ мѣру усердная полиція подводила дверныя дощечки врачей на нѣмецкомъ языкѣ и, сорвавъ ихъ или разбивъ, привлекала врачей къ отвѣтственности по 29 ст. Но, повторяю, эти дѣла были рѣдкими исключеніями, и, конечно, не они были причиной разразившейся внезапно въ 1889 году бури, которая смела съ лица русской земли, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ, мировыя судебныя учрежденія и обратила въ ничто ихъ многолѣтнюю работу по воспитанію народа въ чувствѣ законности. На опустошенной судебной нивѣ выросли земскіе начальники и распустились пышнымъ цвѣтомъ узаконеннаго произвола и смѣшенія понятій о личномъ распоряженіи и о судебномъ рѣшеніи. Въ широковѣщательной коммиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ, занимавшейся искаженіемъ ихъ основныхъ началъ съ 1894 по 1900 годъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, нѣкоторые члены пытались предложить вернуться къ упраздненнымъ мировымъ

судьямъ, и даже министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, устами своего товарища Неклюдова, выразилъ согласіе на отмѣну *судебной власти* земскихъ начальниковъ. Но предположенія эти встрѣтили категорическій и рѣшительный отпоръ со стороны предсѣдателя коммиссіи, статсъ-секретаря Муравьева. Наивнымъ людямъ, мечтавшимъ въ „новизнѣ“ предпринятой работы услышать свою „старину“, было вразумительно объяснено, что возстановленіе мировыхъ судей „не входитъ въ виды правительства“ и что вопросъ объ этомъ не будетъ даже допущенъ къ обсужденію.

Такимъ образомъ былъ закрѣпленъ *судебный* институтъ земскихъ начальниковъ, повидимому — къ счастію, только повидимому — на много лѣтъ, такъ какъ предполагалось, что работа коммиссіи должна облагодѣтельствовать Россію не на одно десятилѣтіе: нельзя же пересматривать Судебные Уставы для каждаго новаго министра юстиціи. Судебная власть, близкая къ народу и связанная притомъ, къ сожалѣнію во многихъ случаяхъ, съ правомъ безконтрольнаго усмотрѣнія, осталась сосредоточенною надъ большею частью русскаго населенія въ рукахъ людей, иногда очень молодыхъ, возрастный и образовательный цензъ которыхъ былъ пониженъ до послѣднихъ предѣловъ, — людей часто совершенно чуждыхъ данной мѣстности, назначаемыхъ не по выбору, а по представленію администраціи, ей подчиненныхъ и увольняемыхъ ея же простымъ распоряженіемъ. Правда, коммиссія подъ руководствомъ статсъ-секретаря Муравьева проектировала для тѣхъ мѣстностей — въ Западномъ и Прибалтійскомъ краѣ, въ Польшѣ и т. д.,—гдѣ не существовало еще земскихъ начальниковъ и на ряду съ ними жалкихъ обломковъ мирового института, называемыхъ городскими судьями,—должность участковаго судьи, съ огромной подсудностью и обязанностями по производству слѣдствій и по исполненію нотаріальныхъ дѣйствій; но судья этотъ во многихъ отношеніяхъ былъ поставленъ въ худшее положеніе, чѣмъ старый мировой судья. Достаточно сказать, что ему не было присвоено несмѣняемости, еще гораздо болѣе необходимой единоличному судьѣ, чѣмъ члену коллегіи. Былъ также проектированъ особый почетный судья, назначаемый министромъ юстиціи (а не утверждаемый Сенатомъ, какъ старый выборный почетный мировой судья) изъ всякаго званія людей, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній и прослужившихъ три года на практическихъ судебныхъ должностяхъ. Земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ было однако предоставлено право представлять о назначеніи почетными судьями лицъ, обладающихъ извѣстнымъ цензомъ и кончившихъ курсъ среднихъ

учебныхъ заведеній, если только они мѣстные потомственные дворяне. Но тамъ, гдѣ введены земскіе начальники, такіе судьи никакого отношенія къ мѣстному, близкому къ народу, суду не имѣли.

Вопросъ о несмѣняемости мѣстныхъ судей тянулся въ коммиссіи три года, въ ежегодныхъ засѣданіяхъ разнаго состава. Обсужденіе его въ коммиссіи оставило во мнѣ самыя тягостныя воспоминанія. Съ грустнымъ чувствомъ вспоминаю я покорную услужливость многихъ старыхъ судебныхъ дѣятелей, подчинившихся въ этомъ вопросѣ предуказанному настроенію — и въ особенности одного причастнаго къ большимъ историческимъ событіямъ конца 70-хъ годовъ судебнаго сановника, участвовавшаго во всѣхъ этихъ засѣданіяхъ и измѣнявшаго свой взглядъ по мѣрѣ того, какъ онъ повышался и украшался. Въ первомъ засѣданіи онъ ворчливо и угрюмо стоялъ за несмѣняемость и подписалъ особое мнѣніе, поданное мною въ защиту этого принципа; чрезъ годъ — онъ уже молчалъ и не присоединился ко мнѣ, а чрезъ годъ еще, въ окончательномъ, многолюдномъ, хотя и нарочито замкнутомъ засѣданіи, состоявшемъ изъ особо приглашенныхъ высоко-поставленныхъ особъ, уже невнятно прорицалъ что-то противъ несмѣняемости и присоединялся къ огромному большинству противъ пяти членовъ коммиссіи, безплодно отстаивавшихъ эту необходимую принадлежность самостоятельныхъ судей, въ томъ видѣ, какъ она существовала даже по ограничительному закону 1885 года. Здѣсь не мѣсто описывать это знаменательное засѣданіе со всѣми его перипетіями, поучительными для будущаго историка судебной реформы, но надо надѣяться, что мировые судьи, хотя быть можетъ и подъ другими названіями, будутъ возстановлены совокупной работой нашихъ новыхъ законодательныхъ учрежденій, изъ обсужденій вопроса о мѣстномъ судѣ. Это возрожденіе изъ пепла не застанетъ, конечно, въ живыхъ почти никого изъ тѣхъ первоначальныхъ дѣятелей мировой юстиціи, которые были преемственно связаны съ мировыми посредниками и многіе изъ которыхъ еще запомнили то время, когда на русскомъ общественномъ горизонтѣ засіяли Судебные Уставы, разгоняя тьму безсудія и лихоимства. Быть можетъ и мнѣ, съ болью въ сердцѣ созерцавшему постепенное изувѣченіе этихъ Уставовъ, не придется дожить до этихъ дней, но, привѣтствуя ихъ уже теперь, я съ чувствомъ сердечнаго уваженія обращаюсь къ памяти ушедшихъ, съ которыми мнѣ пришлось работать въ мировыхъ учрежденіяхъ. Изъ нихъ тоже остались очень немногіе, да и жизнь повела насъ разными путями, такъ что встрѣчаться приходилось рѣдко, мимолетно и

иногда въ совершенно неожиданныхъ условіяхъ. Воспоминаніемъ объ одной такой встрѣчѣ съ мировымъ судьею Ц., моимъ сослуживцемъ по одному изъ уѣздныхъ съѣздовъ, я и закончу мое повѣствованіе.

Каждый вдумчивый судья, врачъ и священникъ должны знать по опыту своей профессіи, что жизнь представляетъ такія драмы и трагедіи, которыя нерѣдко превосходятъ самый смѣлый полетъ фантазіи. Но въ жизни бываютъ не однѣ драмы и высокія комедіи, а и происшествія чисто-водевильнаго характера. Такимъ характеромъ отличалась и упомянутая мною встрѣча съ Ц. Въ 1889 году я былъ избранъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, и мнѣ предстояло сдѣлать всѣмъ двадцати шести членамъ совѣта визиты, чтобы поблагодарить ихъ за честь избранія. Я исполнялъ эту скучную процедуру по списку, данному мнѣ изъ канцеляріи совѣта, исполнялъ, не торопясь, между дѣломъ, и моля судьбу не дать мнѣ заставать моихъ будущихъ товарищей, такъ какъ въ это время я былъ въ самомъ разгарѣ моей оберъ-прокурорской дѣятельности и дорожилъ каждымъ часомъ, да и предпочиталъ познакомиться съ ними за общимъ дѣломъ. По большей части судьба была ко мнѣ милостива, но такъ какъ въ то время между членами медицинскаго совѣта было много такихъ, которые въ сущности давно уже умерли и представляли то, что̀ Бисмаркъ называлъ „уволеннымъ въ отпускъ мертвецомъ“ (eine beurlaubte Leiche), то этихъ-то именно я и заставалъ. Такъ, напримѣръ, мнѣ долго пришлось прождать, покуда ко мнѣ вышелъ поддерживаемый лакеемъ, едва передвигая ноги, съ отвислыми губами беззубаго рта и безсмысленнымъ взглядомъ оловянныхъ глазъ, одинъ изъ „лейбъ-врачей“, начавшій свою практику еще въ царствованіе Александра I-го. Однажды, въ началѣ января, я отправился сдѣлать визитъ профессорамъ Траппу и Мерклину, жившимъ недалеко отъ меня на Литейной и въ Симеоновскомъ переулкѣ. Начинало смеркаться. На мнѣ было любимое старенькое пальто, про которое моя долголѣтняя домоправительница говаривала: „ну ужъ и пальто! стыдно на улицу выйти: кончится тѣмъ, что, посмотрѣвъ на него, вамъ когда-нибудь *подадутъ*“. Домъ, въ которомъ, согласно списку, жилъ Траппъ, былъ двухъ-этажный барскій особнякъ съ лѣпнымъ гербомъ на фронтонѣ. У подъѣзда стоялъ величественный швейцаръ, бесѣдовавшій съ лакеемъ въ гороховыхъ штиблетахъ. „Дома Траппъ?“ спросилъ я его, не доходя трехъ шаговъ. Швейцаръ, не прерывая бесѣды, отвѣтилъ утвердительно. „Принимаютъ?“ Онъ осмо-

трѣлъ меня съ ногъ до головы и высокомѣрно спросилъ: „Да вы кто такой?“ — „Я спрашиваю, принимаютъ ли?“ — „А я — отвѣтилъ онъ наглымъ тономъ — *васъ* спрашиваю, кто вы такой? Вотъ когда узнаю, кто вы, то и увижу, можно ли васъ принять. Много тутъ всякихъ шляется“. Лакей въ гороховыхъ штиблетахъ радостно хихикнулъ. Я вспылилъ и, отдавая швейцару мою оффиціальную карточку, сказалъ, что совѣтовалъ бы его хозяину не держать такихъ невѣжливыхъ слугъ. Чрезъ нѣсколько домовъ на мой звонокъ у квартиры Мерклина мнѣ отворилъ старичокъ-слуга нѣмецъ и заявилъ, что хозяина нѣтъ дома. „Отдайте карточку, скажите, что я, вновь избранный членъ медицинскаго совѣта, приходилъ благодарить за оказанную мнѣ честь и познакомиться“. — „Ахъ, Боже мой! — засуетился старый слуга; — они будутъ такъ жалѣть, они пошель тутъ возлѣ къ свой Schwager, профессоръ Траппъ. Я могу ихъ сейчасъ hohlen“. „Ну вотъ, — сказалъ я, — а я былъ у Траппа, и меня швейцаръ самымъ грубымъ образомъ не пустилъ“.

Поздно вечеромъ въ тотъ же день, когда я вернулся изъ какого-то засѣданія домой, швейцаръ того дома, гдѣ я жилъ, подалъ мнѣ карточку почетнаго мирового судьи Ц., на которой было написано, что онъ убѣдительно проситъ меня принять его на другой день рано утромъ по весьма важному и неотложному дѣлу. При этомъ швейцаръ объяснилъ мнѣ, что Ц. въ теченіе вечера заходилъ три раза въ надеждѣ меня застать. На другой день утромъ между нами зашелъ слѣдующій разговоръ: „Почетный мировой судья Ц. — Очень радъ возобновить знакомство. — Я управляю дѣлами графа Апраксина“. — Молчаніе. — „Я управляю дѣлами графа Апраксина. — Поздравляю васъ: это, вѣроятно, очень хорошее мѣсто. Но что̀ вамъ отъ меня угодно? — Что *вамъ* угодно отъ графа Апраксина? — Я никакого графа Апраксина не знаю. — То-есть, какъ же это? вы у него вчера были и оставили карточку. — Извините меня, тутъ какое-то недоразумѣніе: я ни у какого Апраксина карточки не оставлялъ. Повторяю, я его не знаю и дѣла къ нему никакого не имѣю. — Но позвольте! Вчера, часовъ въ шесть, графъ Апраксинъ послалъ за мной въ Мурзинку, гдѣ я живу, требуя немедленнаго прибытія. Я засталъ его крайне взволнованнымъ, и онъ съ ужасомъ показалъ мнѣ вашу карточку. Онъ — человѣкъ старый, больной и очень мнительный. „Помилуйте, — говорилъ онъ мнѣ, — я, вѣроятно, запутанъ въ какое-нибудь важное дѣло, можетъ быть даже политическое. Видите, что̀ тутъ написано: оберъ-прокуроръ, да еще уголовнаго, да еще кассаціоннаго, да

еще Правительствующаго Сената. У меня сердце не на мѣстѣ. Ради Бога, поѣзжайте сейчасъ, узнайте, въ чемъ дѣло: что̀ ему отъ меня надо. Скажите, что я человѣкъ смирный и ни въ какихъ дѣлахъ никогда замѣшанъ не былъ. Это просто ужасно"... Я поѣхалъ къ вамъ, не засталъ, а когда вернулся, то нашелъ графа въ еще большемъ волненіи. Оказалось, что швейцаръ, увидѣвъ суматоху, вызванную вашей карточкой, явился къ графу и повинился въ томъ, что онъ вамъ нагрубилъ, и просилъ его не увольнять". — Тогда мнѣ стало ясно, въ чемъ дѣло. Швейцаръ, очевидно, ослышался, и мой вопросъ: „дома Траппъ?" принялъ за „дома графъ?". Я успокоилъ моего посѣтителя, при чемъ онъ объяснилъ мнѣ, что нумеръ дома, указанный канцеляріей, существовалъ нѣсколько лѣтъ назадъ; нынѣ же нумерація измѣнена, и домъ, гдѣ живетъ Траппъ, имѣетъ другой нумеръ, а его старый нумеръ перешелъ на домъ графа Апраксина, разгуливавшаго въ пальто еще худшемъ, чѣмъ мое, и стяжавшаго себѣ извѣстность ретивой стрѣльбою въ крестьянъ при объявленіи въ 1861 году воли въ селеніи „Бездна".

Но водевиль не кончился этимъ. Черезъ нѣсколько дней я явился въ первый разъ въ засѣданіе медицинскаго совѣта. Предсѣдатель, почтенный старикъ профессоръ Здекауеръ, сказалъ мнѣ привѣтственное слово и члены совѣта стали подходить ко мнѣ для личнаго знакомства и рукопожатія. Подошелъ ко мнѣ и сѣдой старичокъ благообразнаго вида, сказавшій съ нѣмецкимъ акцентомъ: „Ахъ, ваше превосходительство, мнѣ такъ непріятно, вы были у меня и мой швейцаръ васъ грубо не принялъ. Мнѣ разсказалъ объ этомъ мой родственникъ, и, представьте, я позвалъ швейцара и выговаривалъ ему, а онъ говоритъ, что этого никогда не было и что онъ образъ со стѣны въ подтвержденіе этого готовъ снять. Я ему сказалъ: ты безсовѣстный человѣкъ! этотъ господинъ не такой, чтобы напрасно обвинять. Ach! diese Leute sind ja unverschämt! Я—профессоръ Траппъ".—Ну представьте, — вашъ швейцаръ совершенно правъ — отвѣтилъ я и разсказалъ ему всю исторію...

Стоило вплести въ эту исторію какую-нибудь романическую интригу—и довольно неправдоподобный водевиль былъ бы готовъ.

А. Ѳ. Кони.

СПОРЪ

ОБЪ

ОСНОВАХЪ КОНСТИТУЦІОННАГО ПРАВА

I.

По мѣрѣ того, какъ на востокѣ Европы упрочивается конституціонная и даже парламентарная монархія, достоинства и недостатки парламентаризма все болѣе и болѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе политическихъ дѣятелей и политическихъ писателей. Во Франціи это движеніе ясно сказалось въ 1900-мъ году на дебатахъ конгресса сравнительнаго законовѣдѣнія. Шарль Бенуа выступилъ нѣсколькими годами ранѣе съ книгою „Кризисъ современнаго государства или организація всеобщаго права голосованія", въ которой старался обосновать тотъ взглядъ, что неорганизованное всеобщее право голосованія неизбѣжно ведетъ къ анархіи. „Строить современное государство въ теоріи — на народномъ суверенитетѣ, а на практикѣ—на десяти милліонахъ избирательныхъ бюллетеней, получаемыхъ при неорганизованномъ всеобщемъ голосованіи, — говоритъ Бенуа, — такъ же безсмысленно, такъ же нелѣпо, какъ воздвигнуть, напримѣръ, крѣпость, подобную Mont Saint-Michel, не на твердомъ утесѣ, а на подвижномъ пескѣ морской бухты. Всякое политическое повѣтріе можетъ въ такой же степени увлечь собою избирателей, въ какой сильный вихрь разноситъ песокъ и построенное на немъ зданіе. Въ государствѣ, какъ въ природѣ, атомъ необходимо анархиченъ. Песочное зерно не болѣе анархично, чѣмъ входящій въ понятіе народнаго суверенитета голосъ отдѣльнаго избирателя. Зло современнаго государства,

несомнѣнно, лежитъ въ анархіи, а она, будемъ имѣть смѣлость признать эту истину, имѣетъ своимъ источникомъ суверенитетъ народный, сводимый къ представленію о самостоятельности входящихъ въ составъ народа человѣческихъ молекулъ. Неорганизованное всеобщее голосованіе, на которомъ построено народное самодержавіе, по природѣ своей можетъ быть только анархичнымъ".

Чтобы защитить такой взглядъ, Бенуа рисуетъ картину парламентскихъ выборовъ, на которыхъ, по его словамъ, ловкачи и циники легко берутъ верхъ надъ принципіальными людьми. „Честолюбцы большого и средняго калибра интригуютъ и ратоборствуютъ, покупаютъ и продаютъ, торгуются и посредничествуютъ, безсовѣстно выступая въ роли политическихъ кондотьеровъ". Такъ какъ все зависитъ отъ того, чтобы обезпечить себѣ численность, то къ этой цѣли и направлены всѣ стремленія политическихъ интригановъ. Только ихъ происками можно объяснить, что цѣлая нація, какъ напримѣръ французская, представлена исключительно журналистами, профессорами, медиками и адвокатами. Неорганизованное всеобщее голосованіе имѣетъ поэтому въ глазахъ Бенуа то послѣдствіе, что оно даетъ превратное представительство націи, подтасовываетъ выборы и открываетъ арену для господства политикановъ. Бенуа требуетъ не отмѣны всеобщаго права голосованія, но его организаціи, которая бы сдѣлала возможнымъ представительство въ парламентѣ всѣхъ реальныхъ интересовъ страны. Онъ не скрываетъ того, что преслѣдуемая имъ задача обезпечитъ торжество консервативныхъ элементовъ. Не отнимая голоса ни у кого, надо сдѣлать такъ, чтобы стало возможнымъ торжество на выборахъ такихъ дѣйствительныхъ интересовъ, какъ тѣ, какіе представлены всѣми производительными классами: земледѣльческимъ, промышленнымъ, торговымъ. Какъ этого добиться—составляетъ задачу изданной авторомъ книги. Онъ возлагаетъ большія надежды въ борьбѣ за предлагаемую имъ реформу на воспитательное вліяніе школы, стоитъ за обязательность голосованія, при которомъ политиканамъ труднѣе будетъ навязать странѣ мнѣніе не ея большинства, а слѣпо подчиняющагося ихъ руководительству меньшинства. Бенуа высказывается за голосованіе по спискамъ, за явную, а не тайную подачу голосовъ, за ограниченіе допускаемыхъ при производствѣ выборовъ затратъ, оплачиваемыхъ кандидатами или избирательными комитетами. Онъ—сторонникъ также той системы, при которой отъ избирателя требуется постоянное мѣстожительство, хотя бы, напримѣръ, шестимѣсячное, не простое совершеннолѣтіе, какъ во Франціи, Италіи и Англіи, а, напримѣръ,

24-хъ-лѣтній возрастъ, какъ въ Пруссіи, или 25-ти-лѣтній, какъ въ Бельгіи и при имперскихъ выборахъ въ Германіи,— наконецъ, тотъ минимумъ сознательнаго отношенія къ своему праву, который сказывается въ требованіи грамотности, какъ напримѣръ въ Италіи, и какъ этого желаетъ (прибавимъ отъ себя) выработанный министромъ Андраши для Венгріи проектъ всеобщаго голосованія. Бенуа сомнѣвается въ томъ, чтобы той же цѣли въ равной степени отвѣчала система косвенныхъ выборовъ, и придаетъ бо̀льшее значеніе началу множественности голосовъ, признава̀емой, какъ это имѣетъ мѣсто въ Бельгіи, за избирателями, заведшими собственный очагъ и удовлетворяющими повышенному умственному цензу. Но всего болѣе въ его глазахъ отвѣчаетъ преслѣдуемой имъ задачѣ пропорціональное представительство. Вслѣдъ за Джономъ-Стюартомъ Миллемъ, Бенуа настаиваетъ на той мысли, что при отсутствіи пропорціональности побѣда на выборахъ можетъ подчасъ остаться на сторонѣ не большинства, а меньшинства націи, такъ какъ достаточно половины плюсъ одинъ всѣхъ избирателей, чтобы помѣшать представительству меньшинства или меньшинствъ, сумма которыхъ всего на одинъ голосъ уступаетъ суммѣ тѣхъ, кто восторжествовалъ на выборахъ. Если принять во вниманіе массу уклоняющихся отъ участія въ избирательной кампаніи, то допустимымъ является предположеніе, что депутатъ будетъ ставленникомъ меньшинства. Бенуа высказываетъ мысль, что выборы во французскую палату въ 1881, 85 и 89 гг. сдѣланы были меньшинствомъ. При пропорціональномъ представительствѣ каждое теченіе общественной мысли можетъ найти глашатаевъ въ законодательномъ собраніи страны. Число ихъ будетъ болѣе или менѣе значительно сообразно размѣрамъ, какіе приняло то или другое движеніе общественной мысли, и весьма вѣроятно, что сумма этихъ представителей меньшинствъ мало чѣмъ уступитъ въ числѣ выразителямъ въ парламентѣ господствующаго теченія.

Но всѣ указанныя средства Бенуа считаетъ не болѣе, какъ палліативами; вѣрное представительство кажется ему обезпеченнымъ только въ томъ случаѣ, когда избиратели распредѣлены будутъ въ каждомъ департаментѣ, совпадающемъ съ избирательнымъ округомъ, по профессіональнымъ группамъ.

Предложеніе Бенуа несомнѣнно менѣе оригинально, чѣмъ думаетъ его авторъ. Система выбора по классамъ, существующая въ Пруссіи и еще недавно существовавшая въ Австріи, умѣло—или неумѣло—построена на томъ же принципѣ. Та же мысль находила сторонниковъ и у политическихъ писателей

60-хъ и 70-хъ годовъ, какъ-то у Роберта Моля, Гнейста, Вайтца и Гельда. И Гольцендорфъ не скрывалъ своего предпочтенія такимъ порядкамъ представительства, при которыхъ оно было бы пріурочено и къ мѣстнымъ союзамъ—общинамъ,—и къ союзамъ профессіональнымъ—синдикатамъ,—и къ группамъ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ, къ группамъ ремесленниковъ, оптовыхъ и отдѣльно отъ нихъ мелочныхъ торговцевъ, и къ религіознымъ и научно-педагогическимъ ассоціаціямъ, каковы академіи и университеты,—наконецъ, къ классу чиновниковъ [1].

Шарль Бенуа настаиваетъ на той мысли, что недостатки неорганизованнаго всеобщаго голосованія признавались ранѣе его такими англійскими писателями, какъ Бёркъ, Маколей, Мэнъ, Милль и Лоримеръ. Мы можемъ прибавить, что аргументація англійскихъ публицистовъ въ этомъ случаѣ отправлялась отъ анализа положительнаго права, которое до послѣднихъ избирательныхъ реформъ обезпечивало представительство такимъ корпораціямъ, какъ графства, города и университеты. Мысль о необходимости дать въ сенатѣ, напр., или въ высшей камерѣ представительство такимъ соціальнымъ силамъ, какъ земледѣліе, промышленность, торговля, наука, находитъ сторонниковъ и въ Италіи (Діомедъ Панталеони), и въ Бельгіи, гдѣ ее раздѣляютъ Адольфъ Принцъ, Гильомъ де-Грефъ и Гекторъ Дени. Послѣдній предлагалъ, напримѣръ, устройство двухъ палатъ: одной—изъ представителей труда, другой—изъ представителей недвижимой собственности и капитала. Въ основѣ всѣхъ такихъ предложеній лежитъ въ извѣстной мѣрѣ историческая традиція. Вѣдь то представительство корпоративныхъ группъ, которое мы находимъ въ прошломъ Англіи, извѣстно было и другимъ европейскимъ странамъ, столько же германскому имперскому сейму, сколько и земскимъ чинамъ отдѣльныхъ частей Германіи или такъ называемыхъ Landstände, столько же генеральнымъ штатамъ Франціи, сколько и кортесамъ Аррагоніи и Кастиліи. Нѣкоторыя государства доселѣ удержали черты этихъ старинныхъ порядковъ, въ особенности нѣмецкія, какъ, напримѣръ, Баденъ, Баварія, Саксонія, Вюртембергъ. Такъ, въ баденской первой, т.-е. высшей камерѣ засѣдаютъ, между прочимъ, согласно конституціи и избирательному закону, восемь депутатовъ отъ дворянства и два депутата отъ университетовъ. Въ Саксоніи верхняя палата включаетъ въ себя представителей 17 отдѣльныхъ группъ,

[1] Отголосокъ этихъ воззрѣній можно найти и въ общихъ принципахъ избирательной системы, рекомендованныхъ бывшимъ профессоромъ харьковскаго университета Леонидомъ Евстаф. Владимировымъ и опубликованныхъ при участіи нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей Екатеринославской губерніи.

построенныхъ на сословномъ началѣ, а нижняя считаетъ своими членами особыхъ представителей отъ городовъ и особыхъ отъ селъ. Австрія, или точнѣе Цислейтанія, какъ уже сказано, до послѣдней реформы имѣла четыре куріи избирателей: курію крупныхъ собственниковъ, курію горожанъ, курію торговыхъ и промышленныхъ камеръ, курію сельскихъ общинъ. Бенуа находитъ менѣе ясныя черты такой же системы сословнаго и классоваго или профессіональнаго представительства въ Испаніи, въ свободныхъ городскихъ республикахъ Германіи, въ частности въ Бременѣ, въ Нидерландахъ, Швеціи, Румыніи и Сербіи. Въ особой главѣ онъ указываетъ, какимъ образомъ та же система могла бы быть примѣнена и къ Франціи. Мы не станемъ, разумѣется, входить въ обсужденіе подробностей его плана и укажемъ только руководящіе имъ принципы. Земледѣліе, промышленность и торговля, какъ представленныя большимъ или меньшимъ числомъ лицъ во всѣхъ и каждомъ изъ департаментовъ Франціи, повсюду должны образовать основныя группы. Къ нимъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, можетъ быть присоединена особая категорія, составленная изъ лицъ, пріуроченныхъ къ заботѣ о передвиженіи; какъ болѣе малочисленные, классы военныхъ и морскихъ служащихъ, чиновниковъ, либеральныхъ профессій и лицъ, живущихъ доходомъ отъ процентныхъ бумагъ, образуютъ одну совмѣстную группу. Авторъ самъ не скрываетъ отъ себя искусственности этой послѣдней части предлагаемой имъ системы, и придаетъ ей, поэтому, характеръ не чего-то окончательнаго, а только примѣрнаго. Въ верхней палатѣ онъ желалъ бы видѣть представительство мѣстныхъ союзовъ, представительство отъ департамента и его земскаго собранія и представительство отъ общины и ея муниципальнаго совѣта. Независимо отъ департаментовъ и общинъ или муниципій, въ сенатѣ должны быть представлены и профессіональные союзы, на ряду съ союзами просвѣтительными, каковы академіи и университеты. Представительство должно быть распространено не только на торговыя палаты, адвокатскія корпораціи, нотаріальныя камеры (chambres des notaires) и корпораціи стряпчихъ (avoués), но и на синдикаты. Какъ консерваторъ, Бенуа затрудняется дать синдикатамъ или ассоціаціямъ несмѣшаннаго характера, т. е. не составленнымъ одновременно изъ предпринимателей и рабочихъ, такое же участіе въ выборахъ, какъ, напримѣръ, синдикатамъ земледѣльческимъ, въ составъ которыхъ входятъ одинаково и собственники, и фермеры, и половники, и батраки. Онъ задается вопросомъ о томъ, не преслѣдуютъ ли эти синдикаты задачу не столько обще-

ственной солидарности, сколько общественной борьбы; его безпокоитъ также мысль о томъ, не будутъ ли интересы предпринимателей принесены въ жертву интересамъ рабочихъ, благодаря тому факту, что число синдикатовъ среди послѣднихъ значительно больше, чѣмъ среди первыхъ. Въ то время, когда издана была книга Бенуа, число синдикатовъ предпринимателей равнялось во Франціи 1.622, а рабочихъ синдикатовъ—2.160. Но авторъ понимаетъ, что безъ участія синдикатовъ обоего рода не можетъ быть реальнаго представительства французской націи въ верхней палатѣ. „Какъ пренебречь,—пишетъ онъ,—при надѣленіи правомъ голоса, фактомъ существованія пяти тысячъ ассоціацій и мѣстныхъ союзовъ, насчитывающихъ вмѣстѣ болѣе милліона человѣкъ, и какъ при такомъ исключеніи ждать отъ представительства, чтобы оно было микрокосмомъ Франціи или передачей въ миніатюрѣ картины ея національной жизни?"

Писатели, пошедшіе по стопамъ Бенуа въ стремленіи, какъ они выражаются, замѣнить хаотическое или анархическое состояніе всеобщаго голосованія его организаціей, принадлежа къ другому, чѣмъ онъ, лагерю, раздѣляя иные идеалы, поставили представительство профессіональныхъ союзовъ краеугольнымъ камнемъ всей затѣваемой или, по меньшей мѣрѣ, рекомендуемой ими системы. Къ числу ихъ надо отнести профессора бордоскаго университета Дюги, имя котораго сдѣлалось популярнымъ за послѣднія пять лѣтъ, благодаря изданію ряда сочиненій, посвященныхъ не одной только критикѣ существующихъ системъ государственнаго права, но и попыткѣ построить свою собственную систему на болѣе или менѣе оригинальныхъ началахъ. Имя Дюги стало извѣстно уже со времени изданія имъ двухъ томовъ, озаглавленныхъ: „Государство, объективное право и положительный законъ". Они вышли въ 1901-мъ году. Шесть лѣтъ спустя обнародовано Дюги двухтомное сочиненіе: „О конституціонномъ правѣ". Оно появилось въ переводѣ на русскій языкъ въ изданіи „Библіотеки для самообразованія", руководимой нѣсколькими профессорами московскаго университета, и въ числѣ ихъ проф. Новгородцевымъ, который и снабдилъ переводъ своимъ предисловіемъ. Но переводчики, сами приватъ-доценты московскаго университета, обогатили изданный имъ томъ и вступительнымъ словомъ самого автора. Оно заключаетъ въ себѣ краткое изложеніе его основныхъ мыслей, болѣе обстоятельно выраженныхъ ранѣе этого въ рядѣ лекцій, прочитанныхъ въ парижской школѣ общественныхъ наукъ и появившихся затѣмъ не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году, подъ заглавіемъ: „Соціаль-

ное право, право индивида и право государства". Въ своихъ сочиненіяхъ и въ частности въ томъ, которое вышло недавно въ переводѣ на русскій языкъ, Дюги, вслѣдъ за рядомъ предшествовавшихъ ему и отчасти уже поименованныхъ выше писателей, вооружается противъ мысли, чтобы демократическія доктрины, какъ таковыя, могли всегда считаться либеральными. Это— пишетъ онъ (стр. 34)—чрезвычайно распространенная ошибка, которой надо тщательно избѣгать. „Мы называемъ демократическими—поясняетъ Дюги—тѣ доктрины, которыя источникъ обязательной власти видятъ въ коллективной волѣ общества, подчиняющагося ей, и учатъ, что она законна лишь по стольку, по скольку установлена управляемыми или коллективнымъ цѣлымъ". Такія доктрины у своихъ наиболѣе извѣстныхъ выразителей, въ томъ числѣ у Руссо, приводятъ, по мнѣнію Дюги, къ всемогуществу политической власти и къ полному, безграничному подчиненію индивида. „Было сказано—читаемъ мы на 43 стр. разбираемой книги,—что революція на мѣсто божественнаго королевскаго права поставила божественное право народа. Это вѣрно, ибо утвержденіе, что коллективное цѣлое имѣетъ законную власть, потому что оно коллективное цѣлое, является утвержденіемъ не менѣе метафизическаго или религіознаго характера, чѣмъ настаиваніе на божественности королевскаго права. Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, однако, чтобы Дюги являлся противникомъ самой широкой системы выборовъ. „Болѣе чѣмъ кто-либо—пишетъ онъ—мы вѣримъ въ преимущество и справедливость того, чтобы возможно значительное число индивидовъ участвовало въ политической власти. Мы полагаемъ, что прогрессъ лежитъ въ подъемѣ уровня общей культуры и въ прикосновенности къ государственнымъ дѣламъ все большаго и большаго числа индивидовъ. Нѣсколько далѣе Дюги объявляетъ себя сторонникомъ регламентированнаго и организованнаго всеобщаго избирательнаго права, а во вступительномъ очеркѣ, предпосланномъ имъ русскому переводу его книги, онъ болѣе систематично и выпукло выражаетъ свою основную мысль и свои политическія пожеланія, говоря: „существованіе парламента, избраннаго всеобщимъ голосованіемъ и имѣющаго преобладающее вліяніе въ странѣ, конечно, обезпечиваетъ управляемымъ серьезныя гарантіи. Но пусть не подумаютъ, что народъ сдѣлалъ неприкосновенной свою свободу съ того дня, когда у него завелся парламентъ, хотя бы и избираемый всеобщимъ голосованіемъ. Такой парламентъ или, точнѣе, правящее въ немъ большинство, легко начинаетъ считать себя всемогущимъ; оно становится, поэтому, тиранническимъ, а giранія, осуществляе-

мая коллективными единицами, даже грознѣе тираніи одного человѣка. Необходимо, слѣдовательно, принять серьезныя мѣры по отношенію къ организаціи избирательнаго права, съ которой неразрывно связано существованіе вѣрнаго или невѣрнаго представительства націи. Нѣтъ сомнѣнія—пишетъ Дюги—въ томъ, что всеобщее избирательное право возможно только въ странѣ, гдѣ образованіе широко распространено и гдѣ каждый имѣетъ представленіе объ общественной солидарности и о налагаемыхъ ею обязанностяхъ. Всеобщее избирательное право должно быть дисциплинированнымъ и организованнымъ; дисциплинированнымъ оно сдѣлается при существованіи настоящихъ политическихъ партій, т.-е. такихъ, которыя будутъ стремиться каждая къ обладанію политической властью и къ торжеству проводимыхъ ими политическихъ принциповъ, а не къ одной лишь смѣнѣ лицъ, стоящихъ у кормила правленія. Всеобщее избирательное право должно быть организовано такимъ образомъ, чтобы избранный парламентъ дѣйствительно представлялъ не индивидовъ, а партіи и избирательныя группы. Всеобщее избирательное право, неорганизованное, какимъ, къ сожалѣнію, оно является во Франціи, отдаетъ управленіе страной нерѣдко въ руки настоящей олигархіи. Въ своихъ лекціяхъ, прочитанныхъ въ вольной школѣ общественныхъ наукъ, въ Парижѣ, Дюги болѣе обстоятельно остановился на характеристикѣ той роли, какая, при организаціи всеобщаго избирательнаго права, должна выпасть въ удѣлъ профессіональнымъ синдикатамъ, а въ своемъ курсѣ онъ не только критикуетъ существующую во Франціи систему представительства, но и указываетъ, при какихъ условіяхъ всеобщее избирательное право изъ хаотическаго можетъ сдѣлаться организованнымъ. „Избирательная система, практикуемая во Франціи,—пишетъ онъ на стр. 514,—получила справедливо названіе „мажоритарной“ (отъ слова majorité—большинство). Населеніе образуетъ при ней единственную основу представительства, и законъ большинства примѣняется во всей своей силѣ. Избранными оказываются только тѣ кандидаты, которые имѣютъ за себя большинство избирателей въ округѣ, и при томъ независимо отъ того, какъ бы ни было значительно меньшинство, поддерживающее ихъ противниковъ. Такимъ образомъ эта система, проводимая послѣдовательно, можетъ привести къ тому, что въ парламентѣ окажутся отъ каждаго округа депутаты, избранные половиной плюсъ одинъ всѣхъ избирателей, а другая половина, на одного избирателя меньше, не будетъ представлена ни однимъ депутатомъ. Такая система приводитъ къ угнетенію одной части націи другою. Чтобы ослабить ея несправедливость, введено было

начало пропорціональнаго представительства; при немъ каждая, сколько-нибудь значительная партія или группа лицъ можетъ имѣть своихъ ставленниковъ въ парламентѣ. Парламентъ, выбранный по существующей мажоритарной системѣ, выражаетъ собою менѣе точно волю націи, чѣмъ парламентъ, выбранный по системѣ пропорціональнаго представительства. Вѣдь парламентъ—разсуждаетъ Дюги—долженъ быть снимкомъ съ того, что представляетъ собою нація, а она расчленена на различныя партіи. Но введенія пропорціональнаго представительства еще не достаточно. Собраніе, избранное по этой системѣ, представляло бы лишь отдѣльныхъ индивидовъ и, самое большее, политическія и соціальныя партіи. На самомъ же дѣлѣ не одни индивиды и партіи составляютъ націю; имѣются и другіе элементы, образующіе ея устойчивый фундаментъ. Таковы группы, построенныя на общности интересовъ и труда, профессіональные союзы, употребляя этотъ терминъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Разъ мы желаемъ обезпечить представительство всѣхъ элементовъ національной жизни, слѣдуетъ создать, на ряду съ собраніемъ, выбраннымъ индивидами пропорціонально численнымъ силамъ различныхъ партій, собраніе, выбранное профессіональными группами (стр. 529—530). Изъ сказаннаго видно, что Дюги, желая обезпечить торжество иныхъ интересовъ, чѣмъ тѣ, которыми озабоченъ Бенуа, въ то же время сходится съ нимъ въ стремленіи реформировать существующую систему демократическихъ или всеобщихъ выборовъ; при этомъ онъ не отступаетъ передъ мыслью о возрожденіи до нѣкоторой степени того представительства коллективныхъ группъ, на которомъ были построены средневѣковыя монархіи и сословныя республики. Только на смѣну сословій призываются имъ классы и профессіональныя организаціи, изъ которыхъ на первый планъ ставятся синдикаты—столько же предпринимателей, сколько и рабочихъ.

Очерченная только-что система, разностороннему обоснованію которой въ прошломъ году посвященъ былъ въ вольной школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ рядъ курсовъ и отдѣльныхъ конференцій, сопровождавшихся дебатами, конференцій, въ которыхъ принимали участіе и профессора—Бенуа и Дюги,—и выдающіеся политическіе дѣятели, какъ, напримѣръ, Рибо, отнюдь не можетъ считаться господствующей или общепризнанной. Наоборотъ, ортодоксальной доктриной надо считать ту, которая, отправляясь отъ основного положенія Руссо объ общей волѣ, какъ представляющей собою сумму всѣхъ частныхъ волей гражданъ государства и находящей выраженіе себѣ въ законѣ, требуетъ

подчиненія индивидовъ всѣмъ рѣшеніямъ, выражающимъ собою эту общую волю. Правда, Руссо не допускаетъ мысли о томъ, чтобы эта общая воля могла найти выраженіе себѣ иначе, какъ на народномъ сходѣ или вѣчѣ; правда, онъ былъ сторонникомъ прямого народоправства и училъ, что общая воля не можетъ быть ни отчуждаема, ни представлена кѣмъ бы то ни было. Но уже ближайшіе послѣдователи Руссо, предшественники и отчасти теоретики французской революціи и ея политической доктрины, сочли возможнымъ распространить представленіе Руссо о законѣ, какъ о выраженіи общей воли, и на правовыя нормы, поддерживаемыя большинствомъ, составленнымъ хотя бы изъ половины плюсъ одинъ всѣхъ членовъ законодательнаго собранія, которое въ свою очередь можетъ быть обязано своимъ существованіемъ побѣдѣ незначительнаго большинства неуклонившихся отъ выборовъ избирателей надъ значительнымъ ихъ меньшинствомъ. Ошибочно думать, что это въ концѣ концовъ превратное толкованіе доктрины женевскаго мыслителя составляетъ особенность однихъ тѣхъ политическихъ писателей и политическихъ порядковъ, которые признаютъ суверенитетъ, или верховенство, за народомъ. Ту же точку зрѣнія на практикѣ раздѣляютъ и тѣ, кто, какъ это можно сказать о большинствѣ нѣмецкихъ публицистовъ, въ тѣсномъ общеніи съ государственными порядками Германіи признаютъ верховенство или суверенитетъ, т.-е. неограниченную, надъ всѣми возвышающуюся власть, за государствомъ въ первоисточникѣ и за носителемъ его верховной власти, которымъ они считаютъ обыкновенно въ монархическихъ странахъ императора или короля. Въ этомъ отношеніи не безинтересно сопоставить то, что говоритъ наиболѣе популярный писатель по французскому конституціонному праву, Эсменъ, съ тѣмъ, чему учатъ выдающіеся государствовѣды въ Германіи. На первый взглядъ можетъ показаться, что ихъ точка зрѣнія отлична; и на самомъ дѣлѣ есть противорѣчіе между признаніемъ суверенитета за народомъ и признаніемъ его за государствомъ. Но тотъ фактъ, что и тѣ и другіе писатели одинаково допускаютъ неограниченность суверенитета, что они стоятъ за право лицъ и учрежденій, являющихся его носителями, если не первоисточниками, прибѣгать къ принужденію, къ матеріальной силѣ, съ цѣлью провесть въ жизнь велѣнія этой неограниченной власти, что на дѣлѣ эта послѣдняя осуществляется большинствомъ представителей, въ свою очередь являющихся ставленниками одного большинства избирателей,—все это, вмѣстѣ взятое, даетъ право настаивать на томъ, что монархисты и республиканцы, люди, стоящіе на

почвѣ представительной конституціонной монархіи, какъ и тѣ, которые открыто объявляютъ себя сторонниками парламентаризма, одинаково признаютъ за выраженіе общей воли рѣшеніе, въ пользу котораго высказалось большинство въ представительной или представительныхъ палатахъ.

Весьма поучительна въ этомъ отношеніи глава XVII „Общаго ученія о государствѣ" Еллинека. Читая ее, легко отмѣтить основныя различія въ пониманіи представительной системы нѣмецкими писателями, положившими въ основу своего ученія нѣмецкіе порядки, и писателями французскими, дающими синтетическое выраженіе началамъ демократическаго парламентаризма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ легко придти къ заключенію, что практическаго значенія эти различія не имѣютъ. Что въ томъ, если, отказываясь отъ мысли о делегаціи народомъ своихъ правъ избраннымъ имъ представителямъ, которые такимъ образомъ только осуществляютъ чужія права, мы станемъ на господствующую въ современной нѣмецкой литературѣ точку зрѣнія, что „парламентъ есть непосредственная народная воля". Говоря, что воля палатъ и никакая другая воля есть воля народа въ юридическомъ смыслѣ, а сами палаты составляютъ такимъ образомъ организованный въ государство народъ, мы этимъ, разумѣется, не отказываемся отъ мысли, что всякое постановленіе палатъ, получившее утвержденіе главы государства тамъ, гдѣ учрежденія требуютъ такой санкціи, является общеобязательнымъ, разъ его поддерживаетъ половина плюсъ одинъ наличныхъ членовъ парламента. Еллинекъ высказываетъ то положеніе, что при всемъ различіи демократической республики и конституціонной монархіи, и въ этой послѣдней организація народа съ цѣлью избранія имъ своихъ представителей является частью государственной организаціи. Выборы признаются волевымъ актомъ всего народа, и такимъ же волевымъ актомъ народа—всякое рѣшеніе, принятое простымъ большинствомъ депутатовъ, при утвержденіи его монархомъ. Неудивительно, поэтому, если, излагая, можно сказать, ортодоксальное ученіе о законѣ, какъ выражающемъ народную волю только потому, что въ его пользу высказалось численное большинство парламента, Эсмену приходится считаться не съ возраженіями нѣмецкихъ теоретиковъ, а съ однимъ новаторствомъ тѣхъ писателей, которые, какъ Бенуа или Дюги, озабочены мыслью объ организаціи всеобщаго права голосованія. Онъ дѣлаетъ въ частности Дюги упрекъ въ томъ, что послѣдній отрицаетъ рядъ основныхъ принциповъ, на которыхъ покоится, со времени американской и французской революціи, публичное право Франціи и значительной

части всего цивилизованнаго міра. Въ числѣ такихъ отрицаемыхъ Дюги началъ, Эсменъ считаетъ народный суверенитетъ и систему всеобщихъ выборовъ, прямыхъ и ограниченныхъ для каждаго избирателя правомъ подачи всего одного голоса. Въ противность Дюги и Бенуа, Эсменъ настаиваетъ на необходимости сохранить существующую систему всеобщаго голосованія и чуждается мысли о его организаціи. Онъ противникъ и пропорціональнаго представительства, и представительства отдѣльныхъ группъ, а не индивидовъ. Вотъ буквальная передача его основного ученія о народномъ суверенитетѣ и вытекающемъ изъ него правѣ гражданъ участвовать въ политическихъ выборахъ. „Нація, — пишетъ онъ, — которой принадлежитъ суверенитетъ, будучи не болѣе, какъ множественностью индивидовъ, а не реальной личностью, сама по себѣ не можетъ имѣть воли. Эквивалентомъ этой воли являются согласованныя воли извѣстнаго числа индивидовъ, взятыхъ изъ ея среды (разумѣется большинство избирателей и большинство выбранныхъ ими депутатовъ). Рѣшеніе, вытекающее изъ ихъ голосованія, будетъ разсматриваться какъ выраженіе народной воли... Каждый разъ, когда обращаются къ голосованію съ цѣлью обнаружить волю націи, большинство голосовъ, высказавшихся въ одномъ и томъ же смыслѣ, будетъ по необходимости считаться выраженіемъ этой воли. Основаніе этому надо видѣть не въ томъ, какъ думалъ авторъ „Общественнаго Договора“, что люди, создавая гражданское общежитіе, признали рѣшающее значеніе за большинствомъ, а въ томъ обстоятельствѣ, что нѣтъ другого выбора, какъ признать наличность общей воли или тогда, когда имѣется единогласіе, или тогда, когда за предлагаемое рѣшеніе стоятъ мудрѣйшіе, или, наконецъ, тогда, когда оно поддерживается большинствомъ. Но разсчитывать на единогласіе, разъ рѣчь идетъ о численной группѣ людей, было бы химерою. А для того, чтобы признать извѣстное предложеніе поддерживаемымъ мудрѣйшими, недостаетъ точныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы опознать ихъ, помимо тѣхъ, какіе въ первобытныхъ обществахъ представляетъ старческій возрастъ. Законъ большинства, т.-е. признаніе воли его равнозначащею съ общей волей, можетъ считаться, поэтому, одною изъ тѣхъ, какъ выражается Руссо, простыхъ идей, которыхъ нельзя не принять. Положеніе это Дюги оспариваетъ, справедливо замѣчая: „Именно потому, что законъ большинства есть идея простая, онъ намъ кажется вызывающимъ сомнѣнія“ (стр. 225). Эсменъ защищаетъ законъ большинства еще тѣмъ соображеніемъ, что онъ не благопріятствуетъ никому въ ущербъ остальнымъ и

ставитъ всѣхъ голосующихъ на одинъ уровень. На это Дюги (стр. 515) возражаетъ, что въ дѣйствительности онъ приводитъ къ порабощенію одной части націи другою подъ тѣмъ предлогомъ, что эта послѣдняя часть насчитываетъ нѣсколькими голосами болѣе.

Являясь сторонникомъ существующаго порядка всеобщаго голосованія во Франціи, Эсменъ стоитъ противъ пропорціональнаго представительства. „Оно кажется мнѣ—пишетъ онъ на стр. 242—иллюзіей и фальшивымъ принципомъ. Представительное правленіе необходимо правленіе большинства“. Эсменъ опираетъ это положеніе на той мысли, что управленіе государствомъ при представительной и парламентарной системѣ должно принадлежать на извѣстный срокъ, срокъ существованія законодательной палаты, тѣмъ, кого послало большинство. Еслибы вся страна образовала изъ себя одинъ избирательный округъ, большинство въ немъ имѣло бы право выбора всѣхъ депутатовъ. Оно бы этимъ только выразило желаніе осуществлять черезъ посредство своихъ представителей высшую функцію государственной власти—законодательную. Оно законодательствовало бы чрезъ своихъ ставленниковъ такъ точно, какъ оно сдѣлало бы это непосредственно въ томъ случаѣ, еслибы законодательная власть была ввѣрена, какъ это бываетъ въ прямыхъ демократіяхъ, и въ своемъ осуществленіи самому народу. Нельзя, поэтому, настаивать на томъ, что такая система заключаетъ въ себѣ какую-либо несправедливость по отношенію къ меньшинству. Вѣдь большинство добивается только признанія и ничего больше.

Съ неменьшимъ отрицаніемъ относится Эсменъ и къ идеѣ профессіональнаго представительства, которое вытекаетъ изъ мысли о представительствѣ интересовъ. „Принципъ народнаго суверенитета — говоритъ онъ — логически исключаетъ всякое представительство интересовъ. Избирательныя коллегіи должны быть только фракціями, или частями, одного избирательнаго тѣла, а потому и состоять изъ однокачественныхъ избирателей, отвѣчающихъ однимъ и тѣмъ же требованіямъ закона на протяженіи всей страны“. Эсменъ равно отрицательно смотритъ и на представительство отъ торговыхъ палатъ, и на представительство отъ рабочихъ синдикатовъ, въ пользу котораго, думаетъ онъ, несомнѣнно вотировала бы соціалистическая партія. Представительство тѣхъ и другихъ кажется ему равно непримиримымъ съ принципомъ единства народнаго суверенитета. Столь же враждебенъ онъ и мысли, высказанной еще членомъ революціонныхъ законодательныхъ собраній, знаменитымъ аббатомъ Сейэсомъ. Въ рядѣ рѣчей, произнесенныхъ въ конвентѣ при обсужденіи про-

екта конституціи 3-го года республики, то-есть 1795-го, Сейэсъ хотѣлъ для выборовъ устроить временную группировку трехъ господствующихъ интересовъ: интереса земледѣльческаго, интереса промышленнаго и интереса торговаго. Это та же мысль, какую, какъ мы видѣли, готовъ поддерживать Бенуа, когда рѣчь заходитъ о составѣ верхней палаты или сената. Эсменъ отрицаетъ пользу такой реформы, опираясь на слѣдующихъ соображеніяхъ. Разумнымъ основаніемъ къ введенію представительнаго и свободнаго образа правленія, пишетъ онъ, является предположеніе, что голосованіе дастъ возможность обнаружить общую волю или общій интересъ всей націи и дать этой волѣ законодательное признаніе. Но для этого необходимо, чтобы всякій, по мѣрѣ возможности, отказался отъ проведенія своихъ частныхъ интересовъ, руководствуясь соображеніями разума и справедливости. Говоря это, Эсменъ возвращается къ мысли Руссо, что законъ есть выраженіе общей воли, въ составъ которой не входятъ только индивидуальныя воли тѣхъ, кто ставитъ личный интересъ выше общаго блага. Въ данномъ случаѣ такими интересами считались бы интересы земледѣльческіе, промышленные, торговые, которые бы при профессіональномъ представительствѣ имѣли возможность, какъ думаетъ Эсменъ, одержать верхъ надъ общими интересами страны. Но, полагая это, Эсменъ, очевидно, впадаетъ въ ту ошибку, которая состоитъ въ допущеніи, что индивидуальные интересы профессіональныхъ группъ необходимо вступаютъ въ коллизію съ общимъ интересомъ народа, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ общій интересъ слагается изъ гармоническаго сочетанія этихъ отдѣльныхъ интересовъ.

II.

Разномысліе между современными теоретиками конституціоннаго права вызываетъ не только вопросъ о томъ, вправѣ ли большинство навязывать свои рѣшенія меньшинству и допустимо ли, поэтому, тождество общей воли съ волею большинства, но также и вопросъ, въ какой мѣрѣ за законодательными собраніями, построенными на началѣ представительства, должна быть признана неограниченность власти и можно ли считать всякое ихъ рѣшеніе общеобязательной нормой.

Вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, далеко не впервые ставится въ политической литературѣ Европы. Въ послѣ-революціонный періодъ французской жизни, подъ свѣжимъ впечатлѣ-

ніемъ тѣхъ вынужденныхъ обстоятельствами, а иногда и ненужныхъ, жестокостей, которыми конвентъ, комитетъ общественнаго спасенія и посылаемые въ провинціи и къ войскамъ коммиссары омрачили дѣло общественнаго обновленія Франціи и защиту ея территоріи отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, Бенжаменъ Констанъ, свидѣтель оффиціальнаго террора, сперва краснаго, а затѣмъ бѣлаго, неразрывно связаннаго съ памятью о „chambre introuvable" (той реакціонной французской камерѣ, какая созвана была послѣ пораженія наполеоновскихъ войскъ въ битвѣ подъ Ватерлоо и вторичнаго возвращенія Бурбоновъ), не безъ нѣкотораго права могъ заявить, что всякая неограниченность власти, будетъ ли она осуществляться главою государства или цѣлыми палатами, равно непримирима съ свободою личности. Тотъ же вопросъ поднимается Дюги. Въ предисловіи къ русскому изданію онъ пишетъ: „мало дисциплинировать и организовать всеобщее избирательное право. Надо также организовать и ограничить власть парламента. Народъ, который далъ бы парламенту, избранному имъ, всю власть, принадлежавшую раньше монарху, перемѣнилъ бы только господина. Даже избранный всеобщимъ голосованіемъ парламентъ не творитъ права; наоборотъ, онъ долженъ быть слугою его. Онъ не можетъ дѣлать ничего противнаго праву, а долженъ совершать извѣстныя дѣйствія, которыя право предписываетъ".

Но возможно ли такое ограниченіе всемогущества парламента въ странахъ, въ которыхъ существуетъ такъ называемый парламентаризмъ? При немъ руководительство исполнительной властью предоставляется королемъ или президентомъ, какъ извѣстно, комитету отъ палатъ—такъ называемому кабинету, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, независимостью пользуется одна только судебная власть, благодаря началу несмѣняемости судей и участію народа въ судоговореніи въ формѣ жюри или присяжныхъ. Парламентскій образъ правленія развился по преимуществу въ теченіе XIX столѣтія, по мѣрѣ роста системы кабинета. Природа его не была, поэтому, разгадана тѣмъ самымъ писателемъ, который впервые привлекъ вниманіе континентальной Европы къ англійскимъ порядкамъ и призналъ ихъ образцовыми. Вотъ почему Монтескьё и отмѣтилъ существованіе въ Англіи того обособленія законодательства, суда и исполненія, какое мы встрѣчаемъ скорѣе въ конституціонной, нежели въ парламентской монархіи. Новѣйшіе писатели, въ томъ числѣ Дюги, не прочь видѣть въ этомъ раздѣленіи властей или, точнѣе, въ ихъ сотрудничествѣ, лучшій способъ къ тому, чтобы избѣжать опаснаго,

какъ они выражаются, всемогущества парламента. Говоря о республиканскихъ правительствахъ, Дюги высказываетъ слѣдующую мысль: „благодаря тому, что всѣ власти сосредоточиваются въ нихъ въ рукахъ парламента, онъ легко становится тираническимъ. Что нужды въ томъ, если онъ и избираемъ? Дѣйствуя безъ противовѣса, онъ располагаетъ властью, которая легко переходитъ въ диктатуру. Парламентъ придетъ къ ней съ тѣмъ большей легкостью, что въ состоянiи будетъ опереться на народное избранiе, лежащее въ его основѣ. Если установлены были гарантiи противъ деспотизма королей, то небезполезно установить ихъ также и противъ деспотизма парламентовъ. Наиболѣе простое средство, повидимому, заключается въ томъ, чтобы создать, на ряду съ парламентомъ, независимое отъ него правительство, которое бы не было простымъ его исполнительнымъ агентомъ и могло само оказывать на парламентъ прямое и дѣйствительное влiянiе. Въ странѣ, гдѣ признается начало народнаго суверенитета и имѣется представительная система, необходимо существуетъ рядомъ съ парламентомъ, построенное на томъ же представительномъ началѣ правительство, власть котораго можетъ принадлежать одному человѣку или коллегiи лицъ. „Кровавая тиранiя конвента— прибавляетъ Дюги,—единаго собранiя, соединявшаго въ своихъ рукахъ власть законодательную и власть исполнительную, хорошо указываетъ на опасность облеченiя обѣими властями одного и того же органа—парламента, хотя бы и избраннаго на началѣ всеобщаго голосованiя". Дюги, очевидно, имѣетъ передъ глазами американскiе порядки, когда рекомендуетъ противоположенiе законодательнаго и исполнительнаго органа, одикаково осуществляющаго свою власть по порученiю народа. И дѣйствительно, нѣсколько далѣе мы читаемъ у него: „Американцы дали проблемѣ счастливое рѣшенiе, остановившись на мысли имѣть рядомъ съ законодательнымъ органомъ—конгрессомъ, исполнительный—президента, выбираемаго не палатами, а народомъ, хотя и путёмъ двойныхъ выборовъ". Французскому автору, повидимому, осталась неизвѣстной новѣйшая эволюцiя американскаго государственнаго права, которая клонится къ тому, чтобы приблизить его къ типу англiйскаго парламентаризма. Если президентъ независимъ отъ конгресса и воленъ въ выборѣ министровъ, то съ своей стороны палаты имѣютъ возможность поставить политику министерства въ зависимость отъ конгресса, такъ какъ распоряжаются доходами, поступающими въ казну отъ плательщиковъ налоговъ (акцизовъ и таможенныхъ сборовъ). Отъ двухъ постоянныхъ комитетовъ конгресса въ каждой изъ двухъ палатъ—коми-

тета субсидій и комитета аппропріацій—зависитъ дать или не дать министрамъ нужныя средства на покрытіе государственныхъ издержекъ, а отказъ всегда обусловливается несогласіемъ съ правительственной политикой.

Не смотря на эту тенденцію американскихъ порядковъ развиваться въ направленіи парламентаризма, нѣтъ сомнѣнія, что американскій государственный строй въ гораздо большей степени опирается на началѣ раздѣленія властей, чѣмъ англійскій. Сопоставляя американскіе порядки съ англійскими, американскій профессоръ государственнаго права Бёрджесъ говоритъ, что парламентъ въ Англіи сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ не только всю законодательную власть, но и исполнительную. Благодаря такому соединенію властей и достигаемому имъ единодушію, парламентъ не ограниченъ ни требованіемъ признанія индивидуальныхъ правъ, ни даже—думаетъ Бёрджесъ—требованіемъ считаться съ независимостью судовъ. Правда, онъ своими статутами предоставилъ обширную сферу индивидуальной свободѣ и поставилъ суды ея стражами, освободивъ членовъ ихъ отъ всякой зависимости по отношенію къ исполнительной власти въ дѣлѣ отправленія ихъ должности. Но парламентъ имѣетъ возможность упразднить, буде пожелаетъ, всякія гарантіи личной свободы. Для этого ему достаточно издать въ законодательномъ порядкѣ билль, отмѣняющій дѣйствіе акта habeas corpus на извѣстный срокъ, удлинить который онъ всегда вправѣ. Ему же предоставлено удалять любого судью съ занимаемаго имъ поста, добившись осужденія его верхней палатой по обвиненію нижней или, помимо этого, путемъ представленія королю адреса насчетъ необходимости лишить мѣста того или другого члена суда, не смотря на правило, гласящее, что они назначаются на все время, пока длится ихъ доброе поведеніе.

Если Дюги, подобно только-что приведенному американскому государствовѣду, не прочь думать, что свобода обезпечена гражданамъ только при проведеніи начала раздѣленія властей, то ортодоксальная доктрина современнаго конституціоннаго права, выразителемъ которой можно признать, напримѣръ, профессора Эсмена, не считаетъ нужнымъ протестовать противъ дальнѣйшаго существованія парламентаризма въ интересахъ защиты личныхъ правъ гражданъ. Признавая, что парламентаризмъ появился впервые „sous l'apparence d'un expédient", т.-е., такъ сказать, въ обходъ закона, Эсменъ говоритъ, что онъ нынѣ можетъ считаться главнѣйшей формой правительственнаго устройства въ мірѣ свободы. Авторъ справедливо указываетъ на то,

что при парламентаризмѣ нѣтъ строгаго отдѣленія (séparation tranchée) исполнительной и законодательной власти. Но онъ въ то же время заявляетъ, что парламентаризмъ не смѣшиваетъ эти власти, какъ думаетъ, напримѣръ, Беджготъ, говорящій о тѣсной уніи, о почти полномъ слитіи обѣихъ властей въ Англіи. По мнѣнію Эсмена можетъ идти рѣчь только о взаимномъ проникновеніи ихъ другъ другомъ. Министры, правда, въ нѣкоторомъ смыслѣ представители законодательнаго корпуса, пріуроченные къ отправленію исполнительной власти, но они также и прежде всего агенты главы государства, имъ назначенные, и его представители передъ законодательнымъ корпусомъ. Ихъ нельзя считать одними коммиссарами послѣдняго или, какъ нѣкоторые говорятъ, одними уполномоченными нижней палаты, призванными исполнять ея волю; нѣтъ, они также обязаны руководить большинствомъ, дисциплинировать его и начальствовать надъ нимъ. Это — единственный способъ дать исполнительной власти правильный и послѣдовательный ходъ. Съ другой стороны, это—необходимый и естественный выводъ изъ того положенія, какое раньше, чѣмъ сдѣлаться министрами, они занимали въ палатахъ, какъ руководители сознательнаго большинства въ нихъ. Это положеніе, которому они обязаны своимъ мѣстомъ на министерской скамьѣ, они, разумѣется, не теряютъ тогда, когда такое руководительство большинствомъ становится всего болѣе необходимымъ, т.-е. когда въ ихъ руки переходитъ осуществленіе исполнительной власти. При парламентскомъ образѣ правленія желательно и логично, чтобы иниціатива парламента исходила отъ членовъ, принадлежащихъ къ большинству. Вотъ почему предложеніе важныхъ мѣропріятій сосредоточивается въ рукахъ министровъ. Чрезъ ихъ посредство большинство палаты предлагаетъ эти мѣры странѣ, но въ опредѣленномъ закономъ порядкѣ. О поглощеніи исполнительной власти законодательною уже потому не можетъ идти рѣчь, что монархъ — или президентъ — призывается играть весьма выдающуюся и весьма полезную роль. Оба они — не простые фигуранты; они имѣютъ голосъ, когда рѣчь идетъ о принятіи тѣхъ или другихъ правительственныхъ актовъ. Ихъ именемъ совершаются всѣ дѣйствія, исходящія отъ исполнительной власти. Если мѣры, предлагаемыя министрами, покажутся имъ неполитичными или опасными, они могутъ представить противъ нихъ свои возраженія. Противодѣйствіе главы государства рѣдко когда принимаетъ форму открытаго отказа, такъ какъ министерство въ противномъ случаѣ могло бы отвѣтить выходомъ въ отставку. Если бы политика министерства нашла одо-

бреніе парламента, главѣ государства пришлось бы уступить или прибѣгнуть къ тому крайнему средству, какое представляетъ производство новыхъ выборовъ. При парламентскомъ образѣ правленія этотъ роспускъ палатъ является естественнымъ, законнымъ и почти необходимымъ средствомъ. Онъ служитъ гарантіей достаточнаго проведенія начала раздѣленія властей. Безъ него нижняя палата, даже тогда, когда ее перестало бы поддерживать общественное мнѣніе страны, имѣла бы возможность навязать свою волю правительству и тѣмъ самымъ упразднить необходимую независимость исполнительной власти. Но для того, чтобы произвести роспускъ палатъ, главѣ государства необходимо обезпечить себѣ содѣйствіе министра, т.-е. найти такого человѣка, который готовъ былъ бы принять на себя отвѣтственность за этотъ актъ. Каковъ бы ни былъ результатъ новыхъ выборовъ, роспускъ палаты—не изъ числа тѣхъ средствъ, къ которымъ можно прибѣгать часто. Изъ всего сказаннаго видно, что глава государства принимаетъ роль элемента уравновѣшивающаго и умѣряющаго. При наступленіи министерскихъ кризисовъ, его значеніе становится еще бо̀льшимъ. Если не имѣется къ этому времени въ палатахъ вполнѣ намѣченныхъ партіями лидеровъ, изъ которыхъ одинъ могъ бы принять на себя наслѣдіе уходящаго министерства, глава государства становится, по выраженію Сейэса, великимъ избирателемъ и собственнымъ выборомъ опредѣляетъ, кто изъ большинства долженъ взять на себя заботу о составленіи министерства. Эсменъ, такимъ образомъ не считаетъ парламентаризмъ равнозначительнымъ съ всевластіемъ парламента потому, что и при немъ продолжаетъ держаться, хотя и въ меньшей степени, то раздѣленіе властей, которое составляетъ особенность умѣренной или конституціонной монархіи.

М. Ковалевскій.

ФЛОРА И ЕВЛОГІЙ

Быль IX-го вѣка.

(Посвящается памяти барона В. Р. Розена.)

Въ Испаніи царствовалъ Абдерамъ II-й, пышно и великолѣпно, строилъ дворцы и мечети, насаждалъ сады, и по длиннымъ каналамъ проводилъ воды горныхъ потоковъ въ пруды и фонтаны среди своихъ садовъ. Онъ любилъ стихи и пѣсни и сочинялъ ихъ самъ. Онъ былъ мягокъ, добръ, даже слабъ, и имъ управляли богословъ берберъ Ялья, пѣвецъ Зиріабъ персіянинъ, прекрасная, надменная, жадная и холодная царица Тарубъ и другъ ея, безсердечный и жадный Насръ-евнухъ.

Они четыре управляли Абдерамомъ, а онъ правилъ Испаніей, и Испанія частью процвѣтала, частью страдала и возмущалась. И мусульмане и христіане бились въ кровавыхъ битвахъ, а между битвами предавались любви и веселью и воспѣвали битвы и любовь.

Но не всѣ мусульмане сражались, не сражались мечомъ и всѣ христіане во дни Абдерама II-го. И бывало часто, что христіане, для того, чтобы жилось имъ легче, принимали исламъ, и стало это для нихъ источникомъ многихъ бѣдъ. Ибо тотъ, кто разъ принялъ исламъ, не могъ никогда уже перемѣнить вѣры,—такъ гласилъ законъ,—иначе отступника казнили; и что еще было тяжелѣе, и дѣти и всѣ потомки его никогда уже не могли вернуться къ старой вѣрѣ и исповѣдывать Христа. Потому и было много тайныхъ христіанъ. Сердца людей въ дѣлѣ вѣры горятъ не однимъ огнемъ, и среди испанскихъ христіанъ поднялись такіе, которые не могли снести мерзости отреченія

отъ Христа своихъ братьевъ и считали позорнымъ и грѣховнымъ скрываніе истинной вѣры и подчиненіе омерзительному ученію лже-пророка. Они твердо помнили слова Учителя, учившаго учениковъ своихъ и посылавшаго ихъ на проповѣдь: „что вы сказали въ темнотѣ, то услышится въ свѣтѣ; и что говорили на ухо внутри дома, то будетъ провозглашено на кровляхъ... возложатъ на васъ руки и будутъ гнать васъ, предавая въ синагоги и темницы, и поведутъ предъ царей и правителей за имя Мое... и будете ненавидимы всѣми за имя Мое... Не бойтесь убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ ничего сдѣлать... бойтесь того, кто, по убіеніи, можетъ ввергнуть въ геенну! ей, говорю вамъ, того бойтесь“.

И читали они священное писаніе, творенія святыхъ отцовъ и житія святыхъ, но особенно памятовали они о главѣ десятой Евангелія отъ Матѳея, гдѣ сказано: „кто исповѣдуетъ Меня передъ людьми, того исповѣдаю и я передъ Отцомъ Моимъ Небеснымъ; а кто отречется отъ Меня передъ людьми, отрекусь отъ того и Я передъ Отцомъ Моимъ Небеснымъ“.

И возгорались сердца ихъ желаніемъ исповѣдать Христа передъ лицомъ всего народа и проклясть нечестивую вѣру лжепророка, и молчаніе казалось имъ позорнымъ отреченіемъ. „Настанетъ день Страшнаго Суда“,—думали они,—„и какой отвѣтъ дадимъ мы, отрекшіеся отъ Христа нашего и Спасителя?“ И имъ казалось блаженствомъ пріять вѣнецъ мученическій.

И среди этихъ людей первымъ и главнымъ былъ священникъ Евлогій, изъ стариннаго христіанскаго рода въ столицѣ Кордовѣ. Въ семьѣ его всѣ были христіане и ненавистники мусульманъ. Еще дѣдъ его, старецъ Евлогій, всякій разъ, когда слышалъ муэззиновъ, съ высоты минаретовъ призывающихъ мусульманъ къ молитвѣ, налагалъ на себя крестное знаменіе и произносилъ слова псалма: „Боже отмщеній, Господи, Боже отмщеній, явися! Возвысься, Судія земли, воздай возмездіе гордымъ! Доколѣ нечестивымъ, Господи, доколѣ нечестивымъ торжествовать? Они изрыгаютъ хулы; говорятъ дерзко; величаются всѣ дѣлающіе беззаконіе“.

Евлогій съ раннихъ уже лѣтъ былъ предназначенъ къ священству, а сестра его Анулона была монахиней. День и ночь учился Евлогій и вскорѣ превзошелъ не только своихъ товарищей, но даже и учителей. Тогда, чтобы не огорчить своихъ наставниковъ, онъ сталъ тайкомъ отъ нихъ посѣщать чтенія знаменитыхъ кордовскихъ ученыхъ, особенно одного изъ нихъ—Спера ин-Део, написавшаго опроверженіе ученія мухаммедовъ и по-

вѣсть о мученической кончинѣ двухъ христіанъ, обезглавленныхъ въ началѣ царствованія Абдерама. У этого учителя онъ еще болѣе усилилъ въ себѣ ту ненависть къ мусульманамъ, которой научился въ родительскомъ домѣ, и ненависть эта проникла въ его сердце, мрачная и жестокая.

На чтеніяхъ у знаменитыхъ учителей Евлогій узналъ одного богатаго и знатнаго юношу, именемъ Альваро. Юноши полюбили другъ друга пылкой и нѣжной любовью юности. Вмѣстѣ они слушали, напряженно и внимательно, слова учителя и клялись другъ другу въ неизмѣнной дружбѣ, посылали одинъ другому письма, писали стихи. Когда потомъ суровость и строгость зрѣлыхъ лѣтъ подернула дымкой эти воспоминанія юности, друзья сожгли и стихи и письма, потерявшіе уже для нихъ смыслъ. И все-таки въ житіи Евлогія, написанномъ Альваро уже въ преклонныхъ годахъ такъ, какъ писались и пишутся часто житія— по стариннымъ образцамъ и указкамъ,—сохранилось какое-то благоуханіе далекой весны ихъ дружбы и юности, благоуханіе высохшаго цвѣтка между листками молитвенника.

Альваро остался въ міру, а Евлогій сталъ сперва діакономъ, потомъ священникомъ, строгимъ въ нравахъ своихъ, ибо онъ непрестанно умерщвлялъ плоть свою постомъ и бдѣніемъ нощнымъ. И мысль, безпокойная и сомнѣвающаяся въ жизни и путяхъ ея, столь противорѣчивыхъ и несогласныхъ съ Писаніемъ, которымъ жилъ Евлогій и которое одно казалось ему истиннымъ руководителемъ человѣка, мысль томила его. Всѣ любили Евлогія и чтили его за вниманіе и любовь, которыя онъ выказывалъ всѣмъ, а онъ, мятущійся и безпокойный, молилъ у Господа, какъ милости, освободить его отъ этой жизни, потому что она была ему въ тягость, и даровать ему блаженство небесное среди избранниковъ Всевышняго. Такъ молился онъ, страдалъ и жилъ, потому что человѣкъ не умираетъ и не живетъ по волѣ своей. И въ жизнь его, темную, мучительную и одинокую, скользнулъ лучъ любви, такой неземной, что самъ Евлогій не понялъ, что то была любовь человѣческаго сердца, которое не хочетъ быть одинокимъ, и повѣствовалъ о ней открыто и прямо, отъ чистаго сердца, въ полномъ невѣдѣніи.

Флора родилась отъ смѣшаннаго брака и потому считалась мусульманкой. Мать ея, оставшись вдовою съ маленькой дѣвочкой, воспитала ее христіанкой; но исповѣдывать свою вѣру открыто дѣвочка не могла, потому что братъ ея былъ мусульманинъ и строго смотрѣлъ за сестрою. Флора была дѣвушкой, не только прекрасной по наружности, но и съ прекрасной

душой. Неправда угнетала ее, и слова Евангелія жгли ей душу, ибо они говорили: „кто исповѣдуетъ Меня передъ людьми, того исповѣдую и Я передъ Отцомъ Моимъ Небеснымъ, а кто отречется отъ Меня передъ людьми, отрекусь отъ того и Я передъ Отцомъ Моимъ Небеснымъ". И дѣвушкѣ казалось, что если она не пойдетъ и не объявитъ властямъ о томъ, что она христіанка, Христосъ отречется отъ нея. Флора была мужественна и безстрашна, а потому она и покинула домъ брата и поселилась у христіанъ. Братъ началъ искать сестру съ помощью властей, обыскивая монастыри и заключая въ темницу священниковъ, которыхъ подозрѣвалъ въ укрывательствѣ Флоры.

Тогда Флора, чтобы спасти единовѣрцевъ своихъ отъ преслѣдованій, явилась сама къ брату и сказала: „напрасно преслѣдуешь ты служителей Господа; вотъ я пришла къ тебѣ сама и говорю—я христіанка!" И сталъ братъ убѣждать ее и стращать казнью, которою законъ каралъ отступниковъ отъ вѣры мухаммедовой. Флора отвѣчала: „знаю, что̀ предстоитъ мнѣ, и не страшусь, на плахѣ скажу я: — Господи Іисусе Боже мой, сердце мое преисполнено любви къ Тебѣ и я умираю счастливая". Отъ этихъ словъ братъ ея пришелъ въ неистовство и ударилъ ее. Но она снесла боль и оскорбленіе, какъ вѣрная слуга Христова. Смягчилось отъ этой кротости и незлобивости сердце брата ея и сталъ онъ просить и молить ее — одуматься. Но она и тутъ осталась непреклонна.

И повелъ ее тогда братъ къ судіи и сказалъ ему все, какъ было. Спросилъ ее судія, правда ли то, что сказалъ ея братъ? Флора воскликнула: „Не братъ онъ мнѣ теперь, этотъ нечестивецъ, отрекаюсь отъ него. Ложь—слова его, никогда я не была мусульманкой. Съ младенческихъ лѣтъ поклонялась я Христу и Его единаго любила. Онъ Господь мой, Онъ единый Владыка мой".

Сжалился судія надъ ея молодостью, невинностью и красотою и не велѣлъ казнить смертью, какъ опредѣлялъ законъ, а только приказалъ двумъ прислужникамъ своимъ схватить ее за руки и бить плетьми по плечамъ и шеѣ. Онъ думалъ вернуть ее этимъ съ пути заблужденія на путь ученія пророка своего. Когда палачи кончили свое дѣло, судія передалъ окровавленную Флору брату ея.

Братъ Флоры сталъ охранять ее въ теремѣ своемъ и держалъ всегда всѣ двери на крѣпкомъ запорѣ, но не подумалъ онъ о мужествѣ и рѣшительности сестры своей: когда раны ея немного зажили, она ночью взобралась на крышу, оттуда на

стѣну, окружавшую строенія, а со стѣны соскользнула на улицу и скрылась въ домѣ у знакомыхъ христіанъ.

Здѣсь и увидѣлъ ее въ первый разъ Евлогій, и эта первая встрѣча навсегда запечатлѣлась въ сердцѣ его: шесть лѣтъ спустя онъ помнилъ каждую мелочь этого дня; неотразимая прелесть Флоры, ея глубокая, восторженная вѣра, твердость въ перенесеніи страданій, христіанское смиреніе,—все это зажгло въ сердцѣ Евлогія любовь, ту любовь, которую знаютъ безплотныя души въ обителяхъ вѣчной жизни.

Когда шесть лѣтъ спустя онъ встрѣтилъ вновь Флору и сталъ писать ей, то въ одномъ письмѣ Евлогій напомнилъ ей о первой ихъ встрѣчѣ: „ты позволила мнѣ тогда, сестра моя",—писалъ онъ ей,—„узрѣть шею твою, покрытую рубцами отъ ударовъ плетей, шею, на которую уже не спадали чудные волосы твои, тогда уже обрѣзанные. Я былъ для тебя духовнымъ отцомъ твоимъ, столь же чистымъ и цѣломудреннымъ, какъ и ты сама, святая. Осторожно положилъ я руку свою на раны твои, мнѣ хотѣлось исцѣлить ихъ прикосновеніемъ устъ моихъ, и я не дерзнулъ... И когда я разстался съ тобою, думы наполнили душу мою, а вздохи выдавали скорбь сердца моего"...

Жизнь разлучила Флору и Евлогія на долгіе годы, долгіе особенно потому, что то были тяжкіе годы страданій и испытаній: всюду кругомъ умирали на плахѣ близкіе и дорогіе, христіане и христіанки. И во всѣ эти годы они шли каждый путемъ своимъ, служа Христу и святой Его церкви. Во время преслѣдованій, которымъ подвергались исповѣдники Христа, очередь дошла и до Евлогія; онъ былъ схваченъ и отвезенъ въ тюрьму какъ разъ въ то время, когда писалъ свою „Память святыхъ". Въ темницѣ онъ нашелъ Флору, и тутъ настали для него самые сладкіе и вмѣстѣ съ тѣмъ самые горькіе дни его жизни.

Всѣ эти годы Флора служила Господу и непрестанно молилась, пока наконецъ не пробилъ ей часъ избавленія. Однажды, когда она стояла въ церкви на молитвѣ, туда пришла молодая дѣвушка, именемъ Марія, сестра монаха, только-что обезглавленнаго за то, что исповѣдалъ Христа и проклялъ лже-пророка и вѣру мухаммедову. Марія послѣ смерти брата впала въ тоску, и тосковала и мучилась, не зная, какъ ей быть и какъ жить, пока наконецъ одна монахиня не разсказала ей, что видѣла въ видѣніи новопреставленнаго мученика, который говорилъ ей: „скажи сестрѣ моей Маріи, чтобы не оплакивала она меня, ибо вскорѣ надлежитъ ей встрѣтиться со мною на небесахъ".

Марія перестала скорбѣть и поняла, что Господь предопре-

дѣлилъ ей близкую, мученическую кончину. Когда она встрѣтила Флору и разсказала ей все, онѣ обѣ рѣшили идти передъ судію. Здѣсь онѣ открыто исповѣдали и прокляли лже-пророка и вѣру его. По закону надлежало казнить ихъ, но судія сжалился надъ молодостью исповѣдницъ Христа и только повелѣлъ заключить ихъ въ темницу.

Въ темницѣ дѣвушки молились, постились, пѣли псалмы и мужественно переносили всѣ лишенія; но долгое заключеніе начало истощать ихъ силы, уговоры доброжелателей и угрозы судіи поколебали ихъ твердость, особенно когда судія объявилъ имъ, что если онѣ станутъ упорствовать, онъ отдастъ ихъ на блудъ. Въ это самое время, какъ бы для спасенія души Флоры, въ тюрьму былъ заключенъ Евлогій. И вотъ въ сердцѣ Евлогія поднялась борьба: укрѣпитъ онъ въ вѣрѣ колеблющуюся Флору, и ее поведутъ на мученическую казнь; захочетъ онъ сохранить драгоцѣнную для него жизнь, онъ погубитъ душу, которая довѣрилась ему какъ духовному отцу. Мучительна была борьба, но любовь восторжествовала, любовь не къ бренному тѣлу, а къ вѣчной душѣ. Съ душою, отравленною горемъ и напоенной горечью, сталъ онъ готовить Флору къ переходу въ иную жизнь. Довѣрчивая и ожидавшая только поддержки любящаго братскаго сердца, Флора вся отдалась проповѣди Евлогія. А онъ, чтобы какъ-нибудь заглушить голосъ человѣческаго сердца, который говорилъ ему о предстоящей мученической кончинѣ Флоры, усиленно писалъ и работалъ — кончилъ свою „Память святыхъ", написалъ длинное посланіе другу своему, епископу Пампелунскому, и даже сталъ составлять руководство для изученія латинскихъ размѣровъ, думая этимъ сослужить службу своимъ единовѣрцамъ и дать имъ въ изученіи римскихъ поэтовъ оружіе противъ арабской словесности, распространявшейся среди испанцевъ. Книжное воспитаніе помогало ему, онъ увлекался тѣмъ, что писалъ, жилъ въ мірѣ своихъ писаній и не такъ страдалъ отъ того, что̀ происходило въ самой жизни, которая готовила ему послѣднее тяжкое испытаніе, ему и Флорѣ. Судія въ послѣдній разъ позвалъ предъ себя Флору и Марію, и когда онѣ вновь отреклись отъ вѣры мухаммедовой и стали поносить ее, онъ предалъ ихъ палачамъ.

Когда Флора вернулась отъ судіи, осужденная, Евлогій пошелъ къ ней, и она показалась ему уже не жительницей земли, а ангеломъ небеснымъ. Она успокоила его своими сладкими рѣчами, и онъ ушелъ въ свою мрачную темницу освѣщенный лучами ея вѣры, согрѣтый огнемъ ея молитвы; прощаясь, она обѣ-

щала, что упроситъ Христа на небеси скорѣе освободить Евлогія и другихъ священниковъ изъ узъ.

24 ноября 851 года Флора пріяла вмѣстѣ съ Маріей вѣнецъ мученическій, и, заглушая боль своего сердца, Евлогій писалъ другу своему Альваро: „братъ мой, Господь даровалъ намъ великую милость и великая радость наполняетъ сердца наши. Мученическій вѣнецъ пріятъ дѣвами нашими, которыхъ наставили мы. Со словами молитвы на устахъ покинули онѣ этотъ міръ, говоря:—Тебѣ Господи, Боже нашъ, подобаетъ честь и слава, ибо Ты исторгъ насъ изъ власти геенны, Ты сдѣлалъ насъ достойными пріобщиться блаженствъ святыхъ Твоихъ, Ты призвалъ насъ въ царствіе Твое вѣчное.—Церковь ликуетъ и больше всѣхъ ликую я, которому дано было поддержать ихъ, когда онѣ колебались, и укрѣпить ихъ, когда онѣ усумнились". Евлогій писалъ такъ и вѣрилъ, что онъ ликуетъ вмѣстѣ съ церковью о мученической кончинѣ Флоры. Объ этомъ говоритъ намъ все, что онъ писалъ: между строкъ писаній церковнаго писателя не прочесть того, что говорило человѣческое сердце, и только когда мы вспомнимъ, что Евлогій писалъ о первой встрѣчѣ своей съ Флорой, мы поймемъ, что среди ликованія священника слышался и глубокій, простой человѣческій вздохъ страданія оставшагося въ живыхъ при мысли о той, которая ушла на долгую разлуку съ нимъ въ другой міръ.

Черезъ пять дней послѣ кончины Флоры Евлогій, какъ онъ вѣрилъ, по молитвамъ Флоры, былъ выпущенъ изъ темницы для новыхъ трудовъ на нивѣ Христовой.

Шли годы, и одного за другимъ своею горячей проповѣдью и вдохновеннымъ словомъ Евлогій посылалъ на смерть—священниковъ, мірянъ, монаховъ, женщинъ, и имя Евлогія стало славнымъ въ Испаніи. Когда умеръ митрополитъ въ Толедо, на его мѣсто единогласно избрали Евлогія, но власти не позволили ему пріѣхать въ митрополію, а епископы постановили, что при жизни Евлогія не будетъ избранъ другой митрополитъ. Слава земная выпала на долю Евлогія и сердце его поколебалось; не стало въ немъ той твердости, съ которою онъ когда-то послалъ на плаху любимую дѣвушку. Но Флора какъ бы охраняла его душу, какъ нѣкогда онъ охранилъ ее; какъ будто она знала тамъ на небеси, что сердцу Евлогія нужно только сильное испытаніе, чтобы укрѣпить его и вернуть на единый путь. И вотъ пришли послѣдніе дни Евлогія.

Была въ Кордовѣ дѣвушка, именемъ Леокриція, тайная христіанка. Мучимая совѣстью, она призналась въ вѣрѣ своей род-

нымъ, которые стали убѣждать ее вернуться въ исламъ, а когда она не послушалась ихъ, начали преслѣдовать ее и истязать. Она рѣшила бѣжать отъ нихъ и спросила у Евлогія, согласенъ ли онъ скрыть ее? Евлогій далъ на это согласіе, и Леокриція бѣжала. Родные ея тотчасъ обратились къ властямъ и у христіанъ были произведены обыски. Леокрицію нашли въ домѣ Евлогія и обоихъ заключили въ темницу, такъ какъ Евлогій призналъ, что наставилъ дѣвушку въ вѣрѣ Христовой и скрылъ ее у себя отъ преслѣдователей.

Евлогія не хотѣли сперва казнить смертью, ибо проповѣдь чужой вѣры по закону не каралась отнятіемъ жизни. Но вѣрный памяти Флоры, пострадавшей за вѣру Христову, Евлогій рѣшилъ сложить голову свою на плахѣ. Онъ проклялъ передъ судьями лже-пророка Мухаммеда и вѣру его, и тотчасъ же былъ осужденъ на смерть за хулу.

Въ сердце Евлогія проникли покой и смиреніе, предвѣстники близкой кончины. Когда одинъ изъ палачей, въ сердцахъ, ударилъ его по щекѣ, онъ, по слову евангельскому, молча подставилъ подъ ударъ и другую щеку. На плахѣ онъ сталъ на колѣни, перекрестился, тихо, про себя, произнесъ краткую молитву, и палачъ затѣмъ отсѣкъ ему голову. Это было 11 марта 859 года, почти восемь лѣтъ послѣ смерти Флоры.

Умеръ Евлогій и рѣдки стали въ Испаніи исповѣдники; другіе люди явились на смѣну имъ, и не словомъ и жизнью своею исповѣдывали они Христа, а мечомъ и копьемъ, въ ратномъ бою разили невѣрныхъ, сражаясь за вѣру Христову.

Другія времена и другіе люди, но о Евлогіи и Флорѣ осталась память въ сердцахъ испанскихъ христіанъ, а любовь ихъ, ими самими не познанная, горитъ яркимъ свѣточемъ черезъ долгіе вѣка, согрѣвая другія сердца, которыя, какъ сердца Флоры и Евлогія, станутъ въ свое время тоже могильнымъ прахомъ.

Сергѣй Ольденбургъ.

СОСѢДКА

РАЗСКАЗЪ.

(Посвящается В. С. Миролюбову).

I.

Скверно жить рядомъ съ бывшимъ артистомъ императорскихъ театровъ. Проснешься утромъ, выпьешь чаю, хочешь позаняться,— какъ вдругъ за стѣной громомъ загремитъ Марсель изъ „Гугенотовъ“:

— „Не дрогнетъ, не дрогнетъ наваррца рука-а! И ро-одъ и родъ твой сотретъ нечестивый!..“

— Проснулся, лѣшій!—подаетъ реплику Дарьюшка, подметающая корридоръ:—начался день! Вотъ человѣкъ таскается цѣлый вѣкъ: и Бога не боится, и людей не стыдится...

До слуха чуткаго доходитъ Дарьюшкино роптанье, и я слышу вопрошающій стонъ бывшаго артиста:

— Что такое? Бог-га не боюсь? Л-людей не стыжусь? „Х-ха-ха-ха! Сатана тотъ правитъ балъ!“ Бога я боюсь, но людей, дѣйствительно, не стыжусь: плевать мнѣ на нихъ въ высокой степени! „На зземлѣ весь родъ людской чтитъ одинъ кумиръ священный!“ Почему я, артистъ (онъ выговариваетъ: агтистъ), долженъ стыдиться этихъ животныхъ съ ненормально развитой мозговой дѣятельностью? Что мнѣ они? Пифъ-пафъ!

— Вотъ мармаладъ навязался на нашу голову грѣшную!— сокрушается Дарьюшка:—и когда же его унесетъ, лѣшаго, прости, Господи, мое великое души согрѣшенье!

— Имъ самовара не подавать!—слышится тоненькій демонстративно-громкій голосъ хозяйки Анны Сергѣевны, дамы пухлой, постоянно зябнущей. Она уже сочинила на пѣвца прошеніе и читала его мнѣ и другому жильцу, Акиму Исакычу. Прошеніе было убѣдительное: денегъ артистъ Свернцынъ не платитъ, день

и ночь рычитъ, какъ лютый звѣрь, затѣваетъ неудобные вопросы и грозитъ перестрѣлять всю квартиру изъ поганаго ружья.

— Имъ господинъ мировой слово скажетъ! — ехидничаетъ хозяйка во тьмѣ корридорной.

— Г-гаспадинъ мировой!—сію же минуту принимаетъ дискуссіонный вызовъ артистъ: — запугала меня г-гаспадиномъ мировымъ. Не видывалъ я таковыхъ! Мнѣ особы третьяго класса на Невскомъ первые шапку ломятъ, — помнятъ! А то: мировой! Что такое мировой? Кэскэсэ?

Слышно, какъ артистъ обулся и совершаетъ первое хожденіе по комнатѣ.

— Самоваръ! Нуженъ мнѣ твой самоваръ, какъ собакѣ пятая нога!—бормочетъ онъ:—въ Рязани я запѣлъ пѣсню отца изъ „Лакмэ", а мировой и нюни пустилъ. „Уведите, говоритъ, этого человѣка отсюда! Никакой вины на немъ нѣтъ!" Да-а.. А пока вотъ мы сейчасъ хрупнемъ..

— За вваше здоровье, милый студэнтъ!—и артистъ стучитъ ко мнѣ въ стѣну:—Да здравствуетъ солнце! Да скроется тьма! Люблю студэнтовъ: это не люди, а сундуки съ деньгами...

II.

Артиста выдворили. У мирового онъ сознался, что перестрѣлять всѣхъ изъ поганаго ружья дѣйствительно грозился, но только въ шуточной формѣ,—что же касается мужичьихъ словъ, о которыхъ хозяйка дала добавочное показаніе, то:

— Этого не бывало! Вотъ вамъ студэнтъ императорскаго университета, личность въ нравственномъ отношеніи самая безукоризненная, можетъ подтвердить!—и артистъ сдѣлалъ въ мою сторону бросающій жестъ:—я на казенныхъ сценахъ пѣвалъ, въ лучшихъ ансамбляхъ, — рецензіи обо мнѣ имѣютъ тридцать четыре фунта чистаго вѣса,—и я себѣ этого позволить не могу...

Послѣ суда, не дожидаясь полиціи, артистъ собрался, нанесъ мнѣ довольно продолжительный визитъ и отбылъ на Николаевскій вокзалъ, сдѣлавъ хозяйкѣ увѣренье, что деньги вышлетъ сейчасъ же по пріѣздѣ въ городъ Псковъ, гдѣ у него братъ ворочаетъ милліонными дѣлами.

Черезъ часъ я уже писалъ зеленый билетъ о томъ, что сдается комната, въ первомъ этажѣ, квартира № 2, два окна на улицу, цѣна по соглашенію. Къ вечеру уже комната была сдана,—явленіе это, такъ быстро совершившееся, было приписано моей легкой рукѣ,—а сегодня переѣхала новая жилица.

— Молодая и красивая!—вчера же, сейчасъ послѣ найма, поставила меня въ извѣстность Дарьюшка.—Такая блондёночка... Глаза синіе, а волоса—вотъ сюда на бокъ. Познакомишься, — меньше скучать будешь. Меньше изводить бумаги будешь. А то вотъ восемнадцать лѣтъ уже живу по хозяевамъ, ужь волосъ сѣдой сталъ, а еще не видывала, чтобы живой человѣкъ на бумагѣ столько писалъ. Бывали всякіе народы: и на гитарѣ играли, и въ карту сбивались,—а ты ужъ мозгою больно работаешь. Молодому человѣку это не особенно подходитъ. Вредъ можетъ быть. Да, вредъ,—и ты смѣяться-то особенно не смѣйся, а человѣка, ужъ немолодого, послушать иногда не мѣшаетъ. Всегда польза будетъ.

Сегодня, — вѣроятно по случаю переѣзда новой жилицы,— она оставила меня въ покоѣ: я безмятежно лежу въ своей постели, хотя уже скоро десять, и слышу, какъ новоприбывшая блондинка посвящается въ курсъ нашей квартиры.

— Жильцовъ у насъ,—говоритъ Дарьюшка:—по благородному: только трое. Вы вотъ будете—разъ! Въ той комнатѣ, гдѣ дворникъ корзинкой зацѣпился, Акимъ Исакычъ живетъ, человѣкъ хорошій, трудящій, — по вечерамъ со службы приходитъ, чай пьетъ и на цитрѣ играетъ. Рядомъ съ вами, здѣсь вотъ,— и Дарьюшка понизила, все-таки, голосъ:—студентъ живетъ. Все бумагу пишетъ и выкидывать не велитъ. Ничего парень, въ себѣ такой, иконостасъ смазливый, — но дрыхнуть здоровъ — прямо рѣдкость, страсти Господни! Вотъ уже десять, а его никакой пулеметъ не возьметъ.

— А вы знаете что?—и я въ первый разъ услышалъ новый, совершенно неизвѣстный мнѣ голосъ,—красивый, низкій альтъ:— а картину вонъ ту снимите. Я не хочу ее.

— Картину? Ту?—изумилась Дарьюшка:—это вотъ что парень разговариваетъ съ дѣвкой?

— Да, да...

— Зачѣмъ же?—взволновалась Дарьюшка:—такую хорошую картину? И краски много, и рама золотая, и подъ стекломъ. Стекло протереть можно..

— Не нравится она мнѣ! — видимо улыбаясь волненію Дарьюшки, настаивала новая жилица..

— Это дѣло другое,—разъ не нравится. Картина приличная. Студенту въ комнату повѣсимъ. Они, студенты, народъ аховой губерніи. Иконъ имъ не вѣшай, а картинъ съ дѣвками сколько угодно лѣпи.

Судя по интонаціямъ голоса, по манерѣ говорить, человѣкъ поселился интеллигентный. *Г* произноситъ какъ французское g, хотя *о* слышится съ *а*...

Кто она и что она?

Мнѣ думается, что она, съ такимъ голосомъ, должна любить лирическіе стихи, музыку Грига, изящную литературу. Люди, которые обладаютъ такой манерой говорить, бываютъ особенные, съ сказывающейся породой,—къ нимъ тянетъ, хочется имъ подражать, дотянуть до ихъ уровня.

— Вы провинціалка будете?—съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ спрашиваетъ Дарьюшка.

— Провинціалка.

— Въ Петербургъ первый разъ пріѣхавши?

— Да, въ первый разъ.

— А откедова, позвольте полюбопытствовать, пріѣхали?

— Изъ Крыма.

— Изъ Кры-ыма!—съ почтеніемъ протягиваетъ Дарьюшка:— Хорошая сторонка.

По комнатѣ, въ которой еще живутъ шаганія пьющаго пиво артиста, раздаются женскіе изящные шаги, слышится шуршаніе юбки. Стѣна, раздѣляющая мою комнату отъ сосѣдней, тонка, и я слышу за ней каждое движеніе. Вотъ выдвигаютъ ящикъ комода, перестилаютъ его бумагой. Вотъ шлепаютъ Дарьюшкины туфли...

Я слушаю застѣнные разговоры, шаги, шелестъ бумаги, ощущаю что-то новое, мягкое, влившееся въ нашу квартиру, и начинаю, по своему обыкновенію, гадать, что всякое можетъ случиться, когда чортъ шутитъ, а Богъ спитъ: это новое, неизвѣстно откуда пришедшее, неизвѣстно что содержащее, можетъ влиться въ мою жизнь, можетъ сдѣлаться для меня близкимъ и роднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ странно развертывается человѣческая жизнь: десять минутъ назадъ не подозрѣвавшая о моемъ существованіи, она знаетъ уже, что я—студентъ, пишу бумагу и выкидывать не велю, что иконостасъ у меня смазливый и что когда я сплю, то и пулеметы меня взять не могутъ. Какая-то новгородская баба, болтливая Дарьюшка, уже отравила насъ первыми каплями сближенія. Я родился на Волгѣ, она—въ Крыму. Даже думать не могли мы, что въ Петербургѣ гдѣ-то, на Васильевскомъ Островѣ, есть крыша, подъ которой мы сойдемся и до самой смерти, а кто знаетъ? можетъ, и послѣ смерти будемъ помнить другъ друга, а можетъ быть, будемъ проклинать... А можетъ, даже и не познакомимся, не увидимся: завтра же она

узнаетъ, что въ комнатѣ есть мыши, и съѣдетъ на другую квартиру. Теперь же мнѣ ясно то только, что за этой тонкой деревянной стѣной, оклеенной полинявшими обоями, поселился человѣкъ, присутствіе котораго я буду постоянно ощущать, который заинтересовалъ меня, который почти потянулъ меня къ себѣ. Если она останется здѣсь жить, то непремѣнно создадутся какія-нибудь отношенія. И что̀ дадутъ они, что̀ привнесутъ они въ мою только-что начинающую опредѣляться жизнь? Встрѣча съ дѣвушкой, у которой бѣлокурые волосы и синіе глаза, не проходитъ безслѣдно...

Уже половина двѣнадцатаго. На небѣ — холодное, почти осеннее солнце. Скоро пойдетъ снѣгъ, осыплются деревья, повянетъ уже и теперь дряхлая трава. Изъ Ладожскаго озера потянется ледъ, будетъ лѣниво трещать и большими, плохо разрубленными кусками—толкаться по застывающей рѣкѣ.

— Такъ снимать картину?—предостерегающе спрашиваетъ Дарьюшка.

— Снимайте!

— Снимемъ. Студенту повѣсимъ. Они — народъ таковскій. Намедни, въ субботу, говорю ему: „Ты бы ко всенощной сходилъ, лобъ перекрестилъ бы“... А онъ мнѣ такую пулю отлилъ, что на томъ свѣтѣ обязательно его, дурака, за языкъ повѣсятъ..

— А вдругъ онъ слышитъ?—тревожнымъ шопотомъ, — вѣроятно улыбаясь и кивая въ мою сторону головой,—спрашиваетъ сосѣдка.

Мнѣ очень понравился этотъ дѣтски-лукавый, наивный тонъ вопроса, который, не зная акустики стѣны, хотѣли скрыть,—и я затаилъ дыханіе, чтобы не упустить разговора о себѣ.

— Фу-у! Дѣловъ куча! — пренебрежительно отозвалась Дарьюшка:—И пусть слушаетъ! Я ему и въ глаза скажу!

И, проходя по корридору, она стучитъ мнѣ въ дверь.

— Вставай, кормилецъ! Люди ужъ отобѣдали! Охъ, и здоровъ же дрыхнуть! Какъ ты хлѣбъ зарабатывать будешь? Ой-ой-ёй-ёй.

III.

Вотъ уже второй день я сижу дома и слушаю, какъ живетъ какой-то чужой, незнакомый, но почему-то заинтересовавшій меня человѣкъ. Часовъ около трехъ она куда-то уходила,—вѣроятно обѣдать,—я побѣжалъ къ окну и выждалъ, когда она проходила мимо меня.

Дѣйствительно красивая дѣвушка. Бѣлое выразительное лицо. Синіе глаза встрѣтились съ моимъ взглядомъ. Въ этотъ моментъ она надѣвала перчатку на лѣвую руку, разглаживая пальцы... Я открылъ окно, еще не замазанное на осень,—и смотрѣлъ ей вслѣдъ, покамѣстъ она завернула за уголъ.

— Обернись!—гипнотизировалъ я ее:—посмотри!

Не обернулась и не посмотрѣла.

А когда я пришелъ домой, въ шесть часовъ вечера, она была уже у себя. Дарьюшка подала ей самоваръ и разсказывала интересныя вещи про ея предшественника актера...

— Охъ, и надоѣлъ же, жеребецъ проклятый! Повѣришь, милая барышня, жизни не рада была... Какъ утромъ встанетъ—и пойдетъ! Дарья въ пивную! Дарья за колбасой! Дарья въ монополію!

Въ передней звякнулъ звонокъ. Я уже привыкъ къ „своимъ" звонкамъ. Знаю звонокъ почтальона, Акима Исаковича и теперь увѣренъ, что пришелъ чужой человѣкъ, не нашъ.

Дарьюшка шмыгнула по корридору, и черезъ минуту уже слышно было, какъ она очень охотно кому-то докладывала:

— Дома, дома! Пожалуйте! Вотъ такъ прямо по корридору, слѣдующая дверь.

Кто-то бухаетъ тяжелыми каблуками и стучитъ ко мнѣ.

— Не туда, не туда! — кричитъ Дарьюшка: — слѣдующая дверь! Бѣлая которая!

— Виноватъ!—баситъ пришедшій:—не туда попалъ...

— Сюда, сюда! — послышалась отворяемая дверь и голосъ сосѣдки:—Это вы?

— Мы, мы!—снисходительно отвѣтствуетъ басъ:—собственной своей персоной! Здорово булы!

— Здравствуйте, здравствуйте, Акимъ Викторовичъ!—говоритъ сосѣдка; привѣтливость такъ и брызжетъ изъ ея тона: — получили мою открытку?

— Всенепремѣнно! Сегодня въ ранній утренній часъ! И сегодня же прямо къ вамъ...

— Я васъ ждала. Ну, сѣдайте! Куда вы? Въ уголъ? Попрежнему любите диваны? Ахъ, вы этакій... Шляпу давайте сюда. Все та же, Гарибальди? Какъ она постарѣла!

— Еще бы!—съ гордостью отвѣтствуетъ басъ:—и въ жаръ, и зной, какъ это поется въ „Русланѣ". Гдѣ эта шляпа не была? Какого неба она не видала? И на Волгѣ, и на Кавказѣ, и въ Финляндіи... Какіе дожди ее не мочили? Какое солнце не грѣло? Оттого она такъ сморщилась, оттого на ней такъ много рыжихъ пятенъ...

Басу присущъ паѳосъ—качество, довольно распространенное среди людей, говорящихъ басами. Трагики—всегда басы.

— Ну, вотъ мы и устроимъ ее, вездѣсущую, сюда вотъ, на лобное мѣсто,—говоритъ сосѣдка, и пріятельство, самое откровенное, не таящееся, „прётъ“ изъ ея тона.—Ну-съ, что новаго? Извольте вводить меня въ курсъ дѣла. Разсказывайте. Какъ братія? Нѣтъ, ей Богу!—и она засмѣялась:—не могу насмотрѣться на васъ; все тотъ же: волосы—копной, сапоги—бутылками... Бородишша еще длиннѣй стала.

— Бородишша! Оно конешно! Ростетъ!—весело повторилъ пришедшій:—я вѣдь вообще изъ породы не мѣняющихся... Чего тамъ? Я постоянство обожаю, потому человѣкъ я есть положительный, добросовѣстный. Линію свою аккуратно гну... Да-съ. А вы вотъ измѣнились. Да. Возмужали, похорошѣли... И очень напрасно...

— То-есть какъ это-такъ?—возмутилась, шутя, сосѣдка.

— А очень просто!—въ томъ же, искусственно-народномъ тонѣ, отвѣтилъ пришедшій:—что возмужали-то,—это, конечно, ничего... Всякому живому существу, какъ вотъ и моей бородишшѣ, этой самой, ростъ отъ Господа Бога полагается. А вотъ что похорошѣли—это напрасно. Совсѣмъ напрасно! Ну, на кой вамъ лядъ, прости Пресвятая Богородица, такіе вотъ глаза? Ну? Вѣдь это что такое? Безобразіе! Синіе, какіе-то мѣняющіеся... Смотрите вы вотъ на меня и, кажется, душу мою высасываете этими глазищами... Ей богу не вру! Потомъ волосы эти самые? Почему они такіе густые? Почему они такъ красиво лежатъ? Потомъ, простите, губы... Ей Богу,—не нравитесь вы мнѣ... Чувственныя губы! Годъ всего не видалъ я васъ, помню, что была такая милая, славная гимназисточка, похожая на ласточку, а теперь вотъ... Перемѣна!..

— Бѣда какая!—съ шутливымъ ужасомъ сказала сосѣдка, всплескивая, вѣроятно, руками...

— А вы думаете—не бѣда?.. Это такое осложненіе, которое требуетъ обстоятельнаго учета,—говорилъ пришедшій, и изъ его тона балагурство уже исчезало:—вѣдь это-то, и глаза, и губы, и волосы,—это, матушка моя,—земля и къ землѣ гнетъ. А земля, кромѣ какъ о себѣ, больше ни о чемъ не думаетъ и въ свою очередь къ жизни гнетъ. Земля страсть какъ жизнь любитъ!.. Ну, а сейчасъ на землѣ такая жизнь, которую любить, ей Богу, не за что! Жизнь будетъ хороша,—но только будетъ... А пока она—сѣрая и нудная и такія краски, синія, розовыя и золотистыя, какія я имѣлъ удовольствіе констатировать на вашемъ обликѣ,—

лишнія на ней, на землѣ-то... Сейчасъ въ жизни-то — осень, сплошная, гнилая осень, — ну, а когда осенью-то, въ такую сплошную и гнилую, видишь весну,—тогда какъ-то на душѣ неловко и грустно становится, и думаешь: „Уйди ты, Создателя ради, не искушай! Не соблазняй!“...

— Не искушай, не соблазняй! — трагически повторила сосѣдка и засмѣялась.—Не буду, не буду! Наше мѣсто свято! Ну, а чаемъ васъ искусить можно? Такимъ душистымъ, вкуснымъ чаемъ? И булками, — вы не шутите: по три копѣйки штука, сдобныя и мягкія... Право! И масло вотъ,—вы только понюхайте, какъ оно пахнетъ! Правда, и маслу не надо быть такому въ наши сѣрые и нудные дни?

— Логически разсуждая,—не надо... Вообще, никакихъ красокъ и изящныхъ линій не должно быть теперь, на землѣ... Должна быть—дума о той прекрасной и изящной жизни, которая только современемъ вспыхнетъ на землѣ...

— Но вѣдь мы-то ее не увидимъ?

— Какіе пустяки! Какъ это не увидимъ? Ну, пусть даже и не увидимъ... Мы ее учувствуемъ... А вѣдь это все равно!

...Она рада ему,—это несомнѣнно. И радость эта идетъ отъ сердца, отъ всего существа. Это, чувствуется, радость такая, которая дѣйствительно просвѣтляетъ лицо, дѣлаетъ глаза лучистыми и глубокими. Но кто онъ?

„Они“—для меня эти люди—таинственные „они“—вспоминаютъ, вѣроятно, что въ квартирѣ есть и другіе жильцы,—и понижаютъ тонъ разговора... Но „они“ не знаютъ еще, не приспособились къ акустикѣ деревянной перегородки, раздѣляющей насъ,—и пониженіе ихъ тона ничуть не отражается на моей слуховой воспріимчивости... Можетъ быть, мнѣ не нужно бы быть столь „воспріимчивымъ“? Но почему? Вѣдь я не подслушиваю, я слушаю,—невольно слушаю. Мнѣ сейчасъ ничего дѣлать не хочется, я валяюсь на своей кровати, а за стѣной разговариваютъ два неизвѣстныхъ мнѣ человѣка... И одинъ изъ нихъ, уже вышеупомянутый басъ, стараясь быть болѣе скромнымъ въ распредѣленіи своихъ голосовыхъ данныхъ, докладываетъ своей собесѣдницѣ, которая занимается, судя по льющемуся кипятку, оборудованіемъ чайнаго стола:

— Какъ получилъ вашу открытку,—прямо къ вамъ...

— А я вчера бросила ее поздно, часовъ въ одиннадцать... Боялась—не дойдетъ...

— Пошта въ Питерѣ исправная... — говоритъ постепенно понижающійся басъ.

...У нихъ, видимо, предстоитъ большой разговоръ,—и они, какъ всегда это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, откладываютъ его до того момента, когда улягутся первыя впечатлѣнія встрѣчи,—а до тѣхъ поръ говорятъ о ерундовыхъ мелочахъ, о погодѣ, о томъ, какъ ѣздилось, какъ прошло лѣто...

Въ квартирѣ тишина, которую я люблю въ эти тихіе предвечерніе часы... Скоро восемь, вотъ-вотъ прійдетъ Акимъ Исакычъ, будетъ долго раздѣваться въ своей комнатѣ, кашлять, потомъ спроситъ самоваръ, и когда онъ закипитъ и оживетъ, этотъ дорогой и близкій другъ всѣхъ одинокихъ, тогда до меня долетятъ звуки цитры,—Акимъ Исакычъ любитъ играть нѣжныя вещи, какъ-то: серенады Брага, Шуберта... Играетъ и думаетъ, вѣроятно, о любви, которая ему только снится... Акимъ Исакычъ, когда мы по вечерамъ встрѣчаемся въ коридорѣ, останавливаетъ меня и всегда говоритъ:

— Ахъ, еслибы приснился нѣжный сонъ! Какое это было бы счастье!.. Вы знаете, что̀ я сегодня дѣлалъ, чѣмъ былъ занятъ? Ой, Боже мой! Я корректировалъ бланки частнаго ломбарда, затѣмъ объявленіе о новѣйшихъ запахахъ духовъ косметической лабораторіи и сорокъ-семь страницъ закона Божія...

Акимъ Исакычъ будетъ играть серенаду Брага, а ко мнѣ въ мою темную, такъ хорошо усыпляющую комнату, какъ къ поэту, прилетятъ мои мечты, мои сны, до которыхъ старому еврею такъ же далеко, какъ небу отъ земли. Скорѣе же приходи, другъ Акимъ! Полно тебѣ сидѣть въ твоей вонючей типографіи... Настало время опять всколыхнуть воздухъ звуками, подъ которые когда-то тоже, быть можетъ, мечталъ Францъ Шубертъ...

— А рядомъ съ вами кто-нибудь есть? Живетъ?—тихонько спрашиваетъ басъ.

— Есть,—такъ же тихо отвѣчаетъ дѣвушка:—студентъ, кажется, какой-то...

Это, значитъ, указаніе на мою особу...

— А съ того боку?—продолжаетъ освѣдомляться любопытный басъ.

— А съ того боку—стѣнка уже каменная, другая квартира. Хотя, если, напримѣръ, шумятъ или играютъ на роялѣ, то слышно...

— Это плевать!—таинственно оцѣниваетъ басъ...

Голоса разговаривающихъ дѣлаются все тише, уходятъ куда-то далеко, уменьшаются... Я, почему-то, начинаю испытывать неизвѣстно откуда залѣзающую въ душу тревогу, какое-то безпо-

хозяйство... Мнѣ, почему-то, кажется, напримѣръ, что я долженъ слышать ихъ разговоръ, я долженъ ближе узнать ее, — но почему? Какое мнѣ дѣло? И тѣмъ не менѣе я потихоньку подхожу къ стѣнѣ, стою, какъ воръ, и отчаянно боюсь, что вотъ отворится моя дверь, войдетъ съ чайными приборами Дарьюшка и захватитъ меня, какъ подслушивающаго бездѣльника... „Ну, и чортъ съ ней, и пусть захватываетъ!“ — рождается въ головѣ тупая мысль,—и я осторожненько устраиваюсь у стѣнки, оклеенной синенькими, чѣмъ-то пропитанными обоями...

— Пріѣхалъ на дняхъ Вася,—слышу я баса:—письмо привезъ... Илюшку въ Самару услали...

— Въ Самару? — удивленно переспрашиваетъ сосѣдка: — а Женя?

— Женька скисся. Нюнитъ чего-то, ищетъ смысла жизни, Гартмана читаетъ... На бильярдѣ играетъ...

Пришедшій говоритъ еще тише, этимъ же тономъ отвѣчаетъ ему хозяйка, — и изъ всего послѣдующаго разговора я слышу только одну ея фразу:

— Чего-жъ вы чай-то забыли?

Басъ выразилъ, вѣроятно, свое согласіе и началъ звучно и хрупко кусать сахаръ...

Я убрался съ своего предательскаго поста.

IV.

За стѣной тишина, но тишина—не нѣмая: въ ней говорятъ занятно, содержательно, не замѣчая, какъ летятъ часы... Я лежу на своемъ ложѣ, поскрипываю, ворочаясь, пружинами матраца, что-то насвистываю... На улицу, какъ паукъ, спустилась ночь, и глупые люди уже протестуютъ противъ нея — вѣдь такой на самомъ-то дѣлѣ красавицы! — газовыми и электрическими фонарями,—смѣшными выродками дня. У меня темно и хорошо.

Вдругъ, вижу, просовывается изъ корридора Дарьюшка, и вмѣстѣ съ нею жалуетъ ко мнѣ расширяющаяся полоса желтаго корридорнаго свѣта.

— Вамъ въ лавочку не надо? — спрашиваетъ новгородское сокровище.

Свѣтъ мнѣ кажется ослѣпительнымъ, и я жмурю глаза... Думаю, что мнѣ надо, и, наконецъ, вспоминаю:

— Надо... Бумаги мнѣ на гривенникъ надо... Такой, знаешь, бѣлой, безъ полосокъ...

Дарьюшка, безформенная, вся какая-то сѣро-сплошная, приближается ко мнѣ за гривенникомъ и, нащупывая, протягиваетъ руку...

— Дарьюшка!—шепчу я:—нагнись поближе!..

У Дарьюшки, должно быть, мелькаетъ опасеніе, ужъ не облобызать ли я ее хочу... И мнѣ смѣшно дѣлается.

— Дарьюшка! Милая!—снова шепчу я:—кто это тамъ сидитъ... Тамъ...

— Рядомъ-то?

— Милая! Тише... Говори шепоткомъ... Да, рядомъ...

— Шутъ его знаетъ!—хрипитъ Дарьюшка, дыша чѣмъ-то старушечьимъ мнѣ въ лицо.—Какой-то малюсенькій... вотъ такой ростомъ... Въ рубашкѣ, безъ калошъ... Наслѣдилъ, оглашенный, въ корридорѣ...

— А что они дѣлаютъ?—смущаю я Дарьюшку вопросомъ.

— Самоваръ вносила,—сидѣли другъ противъ друга и разговаривали. Теперь чай пьютъ съ булкамъ.

— Дарьюшка! Милая! Тише! Сколько разъ я тебѣ говорилъ: не съ булкамъ, а съ булками. Ну, да это пустяки! Дарьюшка! Милая! А что онъ... гость... красивый?

— Кто? онъ-то?

— Да, онъ-то...

Дарьюшка фыркаетъ въ темнотѣ и дышетъ мнѣ въ лицо...

— Красота неописанная!—шепчетъ она:—малюсенькій, самъ вò, а сапоги вò! Съ печки прыгни—прямо въ голенище влѣзешь! А волосищи! Стогъ! Развѣ этакой дѣвкѣ такого нужно?

Для меня ясно, что Дарьюшка снабжена даромъ читать человѣческія мысли. Это меня радуетъ, и я даю разговору иное направленіе.

— Ну, а я подойду?—спрашиваю.

— Ужъ ты!—искусственно сердито говоритъ Дарьюшка и выпрямляется.—Бумаги-то, говоришь, чистой, безъ линеекъ?—громко спрашиваетъ она и снова, наклоняясь, шепчетъ:—Ты-то подойдешь! Убей меня Богъ!

И толкаетъ меня кулакомъ въ бокъ.

...Ушла Дарьюшка, и я остался радостный, успокоенный. Не знаю почему, но она тянетъ меня,—бѣлокурая, синеокая. Какія странныя слова: бѣлокурая, синеокая... Точно въ старинномъ дневникѣ. Я иду къ зеркалу, беру въ правую руку лампу и высоко поднимаю ее надъ головой. На меня изъ глубины гладкаго холоднаго стекла смотритъ молодое лицо съ лукаво и довольно ухмыляющимися глазами, и мнѣ пріятно.

„Сапожищи, голенищи“, вспоминаю я Дарьюшку. То, что̀ она мнѣ сказала, возбуждаетъ меня, хочется начать сейчасъ же съ малюсенькимъ поединокъ изъ-за нея.

Прекрасно. Вы сидите тамъ, у нея, господинъ малюсенькій? Вы укоряете ее за голубые глаза, бѣлокурые волосы? Прекрасно... Она *васъ* теперь любитъ?

Я ставлю лампу на столъ, два раза пробѣгаю изъ угла въ уголъ, ерошу себѣ волосы, и у меня создается въ умѣ цѣлая картина. Тамъ за стѣной сидишь ты. Я зналъ тебя съ дѣтства. Я любилъ тебя. Тебѣ, первой и единственной, я пѣлъ свои пѣсни. Вездѣ я видѣлъ только тебя. И росы, и зо̀ри, и звѣзды,— все это было только для тебя. А теперь вотъ пришелъ этотъ басъ, такой же сильный и грубый, какъ и его голосъ, и ты не устояла противъ его животной мощи, и синіе глаза твои льютъ теперь свои лучи на него, на его выпуклый лобъ, на его дерзкіе глаза, на возбуждающія красныя губы. Ты забыла меня, поэта. Я смѣю только думать о тебѣ, цѣловать слѣды твоихъ ногъ, и стономъ вырывается у меня фраза Чайковскаго:

— Забыть такъ скоро! Боже мой! Все счастье жизни прожитой!..

Какъ у тебя должно забиться сердце! Ты не знала, не могла даже подозрѣвать, что я здѣсь, рядомъ, подслушиваю ваши разговоры, мучаюсь... Ты не знала! Такъ пусть же эта пѣсня, которую ты такъ когда-то любила,—пусть она будетъ твоимъ укоромъ, твоею мукою, твоимъ страданіемъ!

Скрестивъ руки, какъ для молитвы, я обращаюсь лицомъ туда, гдѣ сидитъ она, и пою, и звуки идутъ легко и свободно:

Забыть, какъ полная луна
На насъ глядѣла изъ окна...
Какъ колыхалась тихо штора...
Забыть такъ скоро!..
Забыть такъ скоро...

Ха-ха... А что̀ ты теперь чувствуешь, невѣрная, забывшая клятвы? Да, да... Вѣдь все это было, все было... Мы сидѣли съ тобой въ комнатѣ, залитой луннымъ свѣтомъ... Было отворено окно въ задремавшій садъ, и колыхалась тихо штора... И ты шептала мнѣ слова вѣчной любви...

А теперь... Но что̀ съ тобой? Малюсенькій! Вы не удивляйтесь и не разспрашивайте, почему у нея теперь на глазахъ слезы, почему она сразу опустилась и обезсилѣла, какъ подстрѣленная птица, почему ея глаза смотрятъ вдаль, почему въ нихъ витаютъ незнакомыя вамъ тѣни, почему она не слышитъ

васъ, вашихъ нѣжныхъ и участливыхъ вопросовъ. Вы берете ее за руку, умоляете ее отвѣтить вамъ, но рука ея—безвольна, ничего не чувствуетъ, мертва.

— Забыть такъ скоро! Такъ скоро!.. Я жалѣю только объ одномъ: нѣтъ віолончели, которая великолѣпно сопровождаетъ въ аккомпаниментѣ эту часть романса.

Она услышала меня, вспомнила, и... я знаю, что теперь дѣлается въ ея душѣ... Знаю, знаю...

...Оборачиваюсь и—о удивленіе!—на порогѣ и, быть можетъ, уже давно, стоитъ милая Анна Сергѣевна... Вѣроятно, видѣла всѣ мои жесты, движенія... У нея флюсъ и щека повязана чернымъ... Смотритъ на меня и восхищенно удивляется.

— Шаляпинъ! Буквально, Шаляпинъ!—говоритъ она:—такой прекрасный голосъ! Такое дрожаніе! И вы до сихъ поръ ни разу не пѣли, имѣя такой голосъ! Такое дрожаніе! Но только еще нуженъ аккомпаниманъ... Да, да, аккомпаниманъ... На пьянино или на гитарѣ.

Слово „аккомпаниманъ" приводитъ меня въ бѣшенство своей слащавостью и носовымъ произношеніемъ, все что-то внутри меня порвалось, я съ бѣшенствомъ швыряю стулья и двигаю свой единственный столъ такъ, что все звенитъ на немъ, а Анна Сергѣевна стоитъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, разсказываетъ объ одномъ своемъ знакомомъ, который божественно пѣлъ „Ночи безумныя" съ аккомпаниманъ на гитарѣ, и она тогда плакала, и сердце ея разрывалось на части...

Не только что сосѣди, но и на улицѣ, вѣроятно, былъ слышенъ разсказъ Анны Сергѣевны.

Хрѣнъ старый!

V.

Знакомство произошло такъ.

Я стоялъ посреди ея комнаты и говорилъ:

— Вы человѣкъ интеллигентный, вы поймете. Полное одиночество, совершенно нѣтъ знакомыхъ. Огромный городъ, масса людей, лицъ, а разговариваешь только съ Дарьюшкой да съ Анной Сергѣевной. Рядомъ же живетъ существо интеллигентное, чуткое. Ну, думаю, пойметъ и проститъ, — и я рѣшился пойти къ вамъ. Вы простите? Да?

— Прощу,—отвѣтила она, улыбаясь:—Богъ ужъ пусть васъ накажетъ... Ну, садитесь. Чаю хотите?

...Передъ тѣмъ, какъ постучать къ ней, я разъ пять то

надѣвалъ воротникъ, то снималъ... Потомъ махнулъ рукой, облачился въ тужурку и рѣшительно зашагалъ къ ея двери.

Въ синей рубашечкѣ, перехваченной у таліи кожанымъ поясомъ, стояла она, держась рукой за спинку стула, и широко-раскрытыми своими синими глазами, не понимая сначала моего бормотанья, смотрѣла на меня. А я говорилъ ей объ ужасѣ одиночества, говорилъ о томъ, что слышу черезъ стѣну каждое ея движеніе, говорилъ о безднѣ нерѣшительныхъ, малодушныхъ колебаній, прежде чѣмъ войти къ ней...

— Что̀ я о васъ знаю? — говорилъ я: — знаю, что вы изъ Крыма. Помню, какъ вы приказывали Дарьюшкѣ убрать картину въ багетной рамѣ, и тогда же заключилъ съ радостью, что вы человѣкъ интеллигентный и тонкій. А Дарьюшка говорила вамъ, что я исписываю много бумаги и выкидывать не велю. И вы улыбнулись. Это чувствовалось черезъ стѣну. И мы уже, помимо нашей воли, немного узнали другъ друга. Между нами натянулись какія-то нити... Потомъ, когда у васъ сидѣлъ кто-то, я вообразилъ, что вы—это та, которую я когда-то, давно-давно, любилъ и которая теперь меня забыла... И уже любитъ другого, который вотъ сейчасъ сидитъ у нея. И тогда я пѣлъ романсъ Чайковскаго...

— Вы его пѣли для меня?—изумленно спросила она.

— Да, для васъ... Это были вы, измѣнившая и забывшая...

— Да вы мечтатель! — улыбаясь, сказала она:—вы—поэтъ. Вы, вѣроятно, пишете стихи... Такъ, такъ, такъ! — вспомнила она:—вѣроятно, про эту-то бумагу и говорила Дарьюшка...

Я почувствовалъ, что краснѣю глупо, ярко, по-мальчишески. Сказать, что я пишу не стихи, а разсказы? И она улыбнется тогда, какъ всѣ улыбаются, глядя на студентовъ, пишущихъ разсказы. И я совралъ:

— Нѣтъ,—сказалъ я:—это лекціи. Я переписываю лекціи.

Она, все-таки, уловила мое смущеніе и улыбнулась. Но улыбка была другая, не та. Для нея я, все-таки, поэтъ.

— Вы и поете... — съ той же улыбкой говорила она, и я почувствовалъ, что въ ней, въ ея душѣ заструилось что-то для меня ласковое и привѣтливое... Ясно, что она не сердится на мое навязчивое знакомство, ее не раздражаетъ мое пребываніе въ комнатѣ, ей не скучно, въ глазахъ у нея даже блеститъ что-то, она думаетъ, что передъ ней—поэтъ, который стыдится своихъ стиховъ, какъ дѣвушка стыдится цвѣтовъ, приготовленныхъ для возлюбленнаго.

— И пою!—сказалъ я.

— А знаете,—тогда, когда вы пѣли Чайковскаго, меня что-то захватило... Встревожило. Было, напримѣръ, понятно, что это поетъ страдающій человѣкъ. Вы умѣли что-то вообразить и пережить. И тогда мнѣ немножко захотѣлось познакомиться съ вами... А вотъ у меня сидѣлъ знакомый,—такъ ему пѣнье не понравилось...

— А-а, это тотъ, который говорилъ все, что не нужно быть землей и тянуть къ землѣ? Что не нужно вотъ ни этихъ глазъ, ни этихъ волосъ...

— Вы все слышали?

— Слышалъ... Стѣнка такая, что все слышно. Я лежалъ на кровати, у меня болѣла голова, и я по неволѣ выслушивалъ все, что говорили...

— И онъ—знаете,—какъ васъ назвалъ?

— Какъ?

— Баритонъ съ дрожементомъ.

Пришлось сдѣлать видъ, что мнѣ смѣшно.

Изъ этого разговора для меня совершенно опредѣленно выяснилось одно обстоятельство: малюсенькій или близокъ къ ней, или разсчитываетъ быть таковымъ. Инстинктивное раздраженіе, закипѣвшее въ немъ противъ меня сразу, обнаруживаетъ, что онъ зачуялъ во мнѣ врага. О! ему, вѣроятно, ужъ не такъ безразличны эти синіе глаза и золотистые волосы. А ей захотѣлось познакомиться... Какъ правъ раздраженный малюсенькій! „Сапожищи, голенищи“, вспомнилъ я Дарьюшку и засмѣялся...

— Чего вы?—спросила удивленно сосѣдка.

— Знаете... Я—баритонъ съ дрожементомъ, а его, знаете, какъ зоветъ Дарьюшка?

— Какъ?

— Малюсенькимъ. И говоритъ, что у него и сапожищи, и голенищи...

— Да что вы!—разсмѣялась она.

— Правда...

И что-то легкое, правдивое легло между нами съ этой первой же встрѣчи... Разговаривалось легко, свободно, неизвѣстно откуда брались занятныя, интересныя темы. Я увидѣлъ, какъ у насъ съ ней было много общаго, дорогого и любимаго въ литературѣ, въ искусствѣ, и былъ колоссально радъ новому знакомству: есть хоть съ кѣмъ слово молвить въ тоскливый, грустный часъ. Да исчезнетъ это проклятое столичное одиночество, терзающее душу, какъ чахотка! Еще больше радовало меня то обстоятельство, что и она, кажется, было довольна этимъ но-

вымъ знакомствомъ,—и потому мнѣ особенно было легко съ ней и свободно. Въ квартирѣ тишина; Акимъ Исакычъ, одинокій и мечтающій, играетъ на цитрѣ,—и я говорю ей:

— Вы слышите? Играютъ. Играетъ человѣкъ съ тонкой и нѣжной душой,—человѣкъ, которому некуда пойти...

Часовъ въ одиннадцать пришла Дарьюшка забирать самоваръ и самымъ искреннимъ образомъ ахнула на порогѣ:

— Ахъ, лѣшій! Да ты уже сюда пробрался! — и закачала головой. Эти слова, вырвавшіяся изъ самой глубины сердца новгородскаго сокровища, разсмѣшили ее, и она сказала съ напускнымъ сокрушеніемъ:

— Да, да, Дарьюшка! Онъ здѣсь!

— Вотъ лѣшій! — изумлялась та, забирая въ одну руку чайникъ и стаканы: — вѣдь надо же это сообразить! Ну, студенты! Ну, народъ! Восемнадцать лѣтъ вожусь съ ними! Ужъ теперь кто и студентомъ-то былъ, небось ужъ генераломъ сталъ... Ну и губернія! Булокъ тебѣ къ завтрему нужно что-ли? И масла? Тамъ вѣдь уже чуточку осталось. Ну, народецъ,—прости, Господи, мое великое согрѣшеніе!

И долго еще слышно было, какъ она возилась на кухнѣ и стучала самоварной трубой.

...Когда я пришелъ къ себѣ, — первымъ долгомъ отворилъ окно: стояла свѣтлая, чистая осенняя ночь. Было совершенно тихо. Я сѣлъ на подоконникъ и началъ смотрѣть на небо. Тамъ было много звѣздъ. И я подумалъ: какъ огромна и сложна жизнь! Вотъ люди спятъ,—они теперь беззащитны, какъ мертвецы. Они искренни. У нихъ не дѣйствуетъ мозгъ,—жало жизни. А засвѣтитъ вотъ солнце, наберутся они у ночи темной мощи, озвѣрѣютъ и будутъ днемъ смѣяться и ругаться надъ жизнью, которая могла бы быть, все-таки, прекрасной и счастливой.

Какъ разнообразна каждую минуту жизнь на землѣ! Рождаются люди. Умираютъ люди. Мчатся похожіе на червяковъ поѣзда. Плывутъ, какъ лебеди, пароходы. Въ алтаряхъ и могилахъ темно. Есть сердца, которыя полны трепета и предчувствій и которыя успокаиваетъ свѣжая, чистая, осенняя ночь. Свѣжая, чистая.

VI.

Создались славныя, товарищескія отношенія,—отношенія совершенно новыя, у которыхъ нѣтъ прошлаго. Я не спрашиваю, кто она, она не интересуется, кто—я, и это выходитъ пре-

красно. Если выдается хорошій день, мы ѣдемъ на Острова и съ высоты коночнаго имперіала наблюдаемъ толпы безконечно чуждыхъ и намъ, и другъ другу людей, ихъ лица, ихъ смѣхъ и печаль, и безконечное взаимное равнодушіе,—эту самую яркую и сильную тоску нашей окаянной жизни. Сквозь окна вторыхъ этажей, мимо которыхъ тянется нашъ ковчегъ, мы видимъ ихъ радости, ихъ начинающуюся любовь и, какъ вѣнецъ всего,—на мостовыхъ, бойкихъ, озабоченныхъ мостовыхъ,—длинныя, скучныя похороны. Въ закрытомъ гробу лежитъ въ смиренной, другими устроенной позѣ, и покачивается пившій чай, обѣдавшій, любившій женщинъ, смотрѣвшій на звѣзды, имѣвшій въ рукахъ деньги.

Я люблю эти прогулки на Острова. Стоятъ уже послѣдніе, прощальные и оттого, вѣроятно, какъ-то особенно привѣтливые, прозрачные вечера: похожи они на лицо женщины, закутанное вуалью. Чувствуется, что скоро осыплются послѣдніе листья и, какъ никому не дорогіе трупы, будутъ лежать на заброшенныхъ дорожкахъ, — вода залива сдѣлается злою и неуютною, постарѣетъ, будетъ неохотно отражать въ себѣ небо, и уже не хватитъ солнца, чтобы согрѣть ее и приласкать. Потускнѣютъ краски неба и будетъ оно, сейчасъ еще синее, походить на выцвѣтшій, старый слезящійся глазъ.

Къ закату наѣзжаетъ изъ города толпа, сѣрая, однообразно, словно по одному приказу одѣтая, и чувствуются въ ней стѣны города, каменнаго и дѣловитаго. Эти люди никогда по ночамъ не любуются звѣздами и пріѣзжаютъ смотрѣть засыпающее солнце только потому, что это случается послѣ ихъ обѣда и некуда дѣть двухъ часовъ: между сладкимъ и театромъ. Все въ нихъ застыло, отяжелѣло, какъ у наѣвшихся удавовъ, и, глядя на краски заходящаго солнца, они думаютъ о теплыхъ калошахъ.

Какимъ огромнымъ счастьемъ было, что вотъ возлѣ меня сидитъ дѣвушка, которая заставляетъ дрожать самыя нѣжныя, самыя красочныя струны моей души! Богъ для счастья на землѣ далъ ей золотистые волосы, синіе, глубокіе глаза. Отчего они такъ грустны, — эти синіе глаза? Отчего кажется, что въ нихъ никогда не засыхаетъ и вѣчной, отгораживающей отъ міра пленкой стоитъ никогда не тающая, прозрачная слезинка?

Начинало темнѣть, и въ далекомъ городѣ, бросая на небо багровыя колеблющіяся полотна, вспыхивали фонари, цилиндры переставали блестѣть и, тихо шурша по колючему гравію, гуськомъ тянулись къ мосту превратившіеся изъ измученнаго тѣла въ дерево и кожу прекрасные экипажи. И оставались мы почти

одни въ потемнѣвшемъ лѣсу. И тогда мы, одни, бродили по темнымъ, нигдѣ не кончающимся аллеямъ, такіе близкіе и такіе далекіе, и хотѣлось мнѣ узнать, что̀ волнуетъ душу этого человѣка, какія теченія, сильныя, видимо, и глубокія, намѣчаются въ ней? Еще одинъ, вѣчный, проклятый изъ проклятыхъ, законовъ жизни: можно быть безконечно близкимъ къ человѣку, не будетъ, кажется, граней между двумя душами,—но чѣмъ поручиться, что ты знаешь все, что̀ имѣетъ въ себѣ тотъ, другой? Если онъ не захочетъ сказать, ты никогда не будешь знать... Нѣтъ такихъ способовъ, чтобы тебѣ самому, чтобы твоя душа своими собственными глазами заглянула внутрь другой души!

И я думалъ о тѣхъ загадкахъ жизни, которыя такъ поверхностно именуются ея случайностями...

— Въ разныхъ концахъ, хотя и не далекихъ, мы родились съ вами,—говорилъ я:—росли и никогда не подозрѣвали о существованіи другъ друга. Но уже, можетъ быть, задолго до нашего рожденія была кѣмъ-то построена крыша, подъ которой мы встрѣтились и узнали другъ друга. И мы сошлись. И что-то внутри меня, такое что̀, которое рѣдко ошибается, говоритъ уже мнѣ: мы не такъ легко разойдемся, какъ сошлись.

— Вы думаете?—тихо спросила она.

— Да, я такъ думаю. И думаю, что въ васъ есть что-то мое, мнѣ принадлежащее. Когда у васъ сидитъ тотъ, я не могу заставить себя не слушать его баса, его рѣчей, его шаговъ, и думаю: отчего она не хочетъ познакомить насъ? Когда васъ иногда не бываетъ по цѣлымъ вечерамъ, я думаю: гдѣ она? Я слоняюсь изъ угла въ уголъ своей комнаты, въ которой не могу зажечь огня, я жду вашего звонка, вашего вопроса: „нѣтъ ли писемъ"?.. И душа моя болитъ, и, кажется, корчится въ судорогахъ.

Она ничего не сказала...

Медленно перешли мы мостъ, деревянный, покачивающійся отъ ѣзды, сѣли въ конку, долго ѣхали, потомъ долго шли по длинному проспекту и были чужими и для другъ друга очень, безконечно далекими.

Былъ вечеръ праздника, попадалось много пьяныхъ...

VII.

Когда пошли дожди и начались холода, я сталъ топить печку, самъ носилъ изъ кухни дрова, укладывалъ ихъ стоймя

и долго разжигалъ огонь,—а когда онъ, сначала такой неохотный, вспыхивалъ яркимъ пламенемъ и въ темной комнатѣ, по угламъ и на потолкѣ, начинали плясать обрывки тѣней, — я стучалъ къ ней въ перегородку и говорилъ:

— Маруся! Идите! Затопилъ печку...

И хотя она, обыкновенно, ничего не отвѣчала,—но я зналъ, что минутъ черезъ пять прійдетъ ко мнѣ дѣвушка, съ которой вотъ уже два мѣсяца я живу рядомъ и которой не знаю,— прійдетъ въ вечернихъ сумеркахъ неясная, таинственная, съ вязаннымъ шарфомъ на плечахъ... Лампы мы, обыкновенно, не зажигали, а садились передъ огнемъ: я—на стулѣ, а она—на маленькомъ табуретѣ, и голова ея касалась моихъ колѣнъ, были близки ко мнѣ ея волосы, мягкіе и золотистые...

Молчали. Проходило много времени,—и я начиналъ думать свою обычную, тяжелую думу: она любитъ? Если любитъ, то во всякомъ случаѣ—не меня. И сумерки, созданныя для самыхъ тихихъ и красивыхъ моментовъ любви, дѣлались мнѣ противными и враждебными,—и комната, съ ея неустающими тѣнями и отсвѣтами, мучила меня. Хотѣлось весны, синяго неба, сосноваго бора, въ которомъ можно бродить цѣлый день между огромными, прямыми деревьями, смотрѣть въ просвѣты вершинъ и слушать ихъ шумъ...

Иногда среди молчанія я наклонялся къ ней и, чувствуя, что смѣшонъ и надоѣдливъ, шопотомъ спрашивалъ:

— Ну, Маруся, милая,—скажите же мнѣ, кто вы?

Она чуть улыбалась... Начинало казаться, что ей даже нравится постоянство, съ которымъ я повторяю этотъ вопросъ... Глядя на меня снизу вверхъ своими немного прищуренными, блестящими глазами, она говорила:

— Какой вы чудакъ!.. Тысячу разъ я вамъ уже докладывала, что пріѣхала я поступить въ женскій медицинскій институтъ, не поступила потому, что не выдержала конкурса отмѣтокъ,— вотъ и все... А кто я? Ей Богу, не знаю, какъ вамъ отвѣтить. Обыкновенная провинціальная дѣвушка... Два года тому назадъ окончила гимназію, пріѣхала теперь сюда, въ Петербургъ, о которомъ всегда мечтала... Проживу вотъ еще три недѣли и уѣду къ себѣ, въ Крымъ... Вотъ и все... Кажется, ясно...

Потомъ въ эти прищуренные блестящіе глаза начинаетъ вкрадываться какое-то особенное, только женщинамъ присущее лукавство—и она добавляетъ:

— Иногда, знаете, я вспоминаю ваши слова, и тогда такимъ огромнымъ, великимъ счастьемъ мнѣ кажется, что въ свою соб-

ственную душу человѣкъ, если захочетъ, можетъ никого не пускать. Если захочетъ, только онъ одинъ, своими собственными глазами, можетъ глядѣть въ нее... Вотъ мы съ вами: сидимъ близко, насъ грѣетъ одинъ и тотъ же очагъ, смотримъ другъ на друга, а почемъ я знаю, что̀ у васъ дѣлается на душѣ, о чемъ вы думаете? Почемъ вы знаете, что̀ дѣлается у меня на душѣ, о чемъ я думаю? Можетъ быть, все, что̀ я вамъ сказала о себѣ—ложь? Какое счастье, ей Богу! Какая гордость!

И она начинала сильнѣе стягивать на плечахъ свой платокъ,—будто ее знобило...

— Маруся! вы любите?

— Люблю...

Что̀ говорить дальше? О чемъ? Чувствую, что нужно уйти, убѣжать,—иначе создамъ такое глупое положеніе, изъ котораго потомъ не уйдешь никакими судьбами,—но воля куда-то исчезаетъ, въ душѣ начинаетъ шевелиться какое-то несложное, непріятное чувство... Скоро оно остается все больше и больше одинокимъ, какъ тупая физическая боль,—и, наконецъ, выливается въ вопросѣ:

— А кто онъ?

И только тогда, когда уже эти три коротенькихъ слова сказаны,—стыдъ ѣдкій, острый, зажигается во мнѣ. Я вижу, какъ дружеское расположеніе этого, сидящаго около меня человѣка замѣняется холоднымъ и враждебнымъ чувствомъ. Она глядитъ на меня такъ же, какъ и прежде, снизу вверхъ, но обжигаетъ меня уже не улыбка, а равнодушіе, полное холода и безнадежности,—молчаніе, злое, таящееся. И въ отвѣтъ, какъ око за око, у меня пропадаетъ стыдъ и рождается прежнее несложное, непріятное чувство... Хочется причинить острую боль этому существу съ золотистыми волосами,—и я принимаю небрежную позу, ставлю правую ногу въ жерло печки и, придавая голосу умышленную небрежность, говорю:

— Ну, разумѣется, это тотъ, который часто по вечерамъ ходитъ къ вамъ... Малюсенькій... Нашли кого! Я его ни разу не видалъ, но Дарьюшка говорила: маленькаго роста, въ большихъ сапогахъ, а ходитъ такъ: бухъ, бухъ... Какъ дрессированная лошадь,—простите пожалуйста...

— Вы угадали...—говоритъ она:—онъ... да, я его люблю...

Черезъ нѣсколько секундъ, которыя кажутся мнѣ часами, я чувствую, какъ она потихоньку касается моей руки и говоритъ,—и въ тонѣ ея звучатъ уже иныя ноты,—мягкія, смиловавшіяся:

— Ну, будетъ...—шепчетъ она:—будетъ...

...Уже семь часовъ, а на сегодня куплены билеты въ театръ. Я заказываю самоваръ, помогаю Дарьюшкѣ колоть щепки, говорю, что у нея плохіе самовары, не умѣютъ скоро кипѣть,— а Дарьюшка лукаво подмигиваетъ мнѣ и говоритъ:

— Знаемъ мы плохіе самовары! Охъ, ужъ эти самовары, самовары...

Когда Маруся выходитъ ко мнѣ одѣтая для театра, отъ нея пахнетъ прекрасными духами, и тутъ только, почему-то, я начинаю уяснять себѣ, какъ мнѣ даже нельзя мечтать о ней... Ѣдемъ въ театръ въ фаэтонѣ съ поднятымъ верхомъ: съ неба капаетъ какая-то мелкая, нудная сырость... Тепло, уютно, фаэтонишко прыгаетъ и раскачивается. Извозчикъ оборачивается и говоритъ:

— Приготовьте, баринъ, деньги...

Такъ скоро... У подъѣзда, на фонѣ большихъ матовыхъ фонарей, видны короткія, прерывистыя нити дождя. Кричатъ и размахиваютъ руками околоточные въ резиновыхъ накидкахъ, похожіе на священниковъ... Гуськомъ, сзади какихъ-то дамъ въ капорахъ, входимъ въ вестибюль, полъ котораго, изъ квадратныхъ плитъ, покрытъ отпечатками калошъ... По крутой, старинной лѣстницѣ взбираемся далеко наверхъ... И когда усаживаемся на первой скамьѣ, я считаю себя очень счастливымъ: такъ много народу, а я, все-таки, сейчасъ, въ этомъ большомъ, кругломъ залѣ, ближе всѣхъ къ ней... И когда въ антрактахъ мы пьемъ съ ней у буфета лимонадъ, я молю Бога, чтобы не встрѣтилось никого изъ знакомыхъ.

VIII.

Подъ-рядъ, партія за партіей, я проигралъ маркеру шесть рублей,—и въ послѣдней игрѣ онъ „налилъ мнѣ сухую": я не сдѣлалъ ни одного шара...

— Волнуетесь, баринъ, — оттого и удару у васъ нѣту-ти... сказалъ маркеръ, улыбаясь: — игра, баринъ, вешшь такая, что спокойствіе любитъ...

— Ну и пусть любитъ... Какое мнѣ дѣло, что игра спокойствіе любитъ... А я вотъ не люблю спокойствія этого... Гдѣ у васъ тутъ водку пьютъ?

— Насчетъ водки въ залъ пожалуйста... До свиданьица!

И вотъ я уже сижу около огромнаго, съ странными блестя-

щими трубами, органа... Какъ чревовѣщатель, — не слышно откуда,—рычитъ онъ,—устало и протяжно,—вторую рапсодію Листа.

Много дыма. Много шума.

За большимъ столомъ, по срединѣ зала, возлѣ канделябровъ и искусственныхъ пальмъ, сидятъ студенты. Многихъ изъ нихъ я встрѣчаю въ корридорѣ университета. Блондинъ, высокій, съ падающимъ на лобъ чубомъ, говоритъ лакею:

— Слушайте: пусть замолчитъ этотъ дѣдъ... Ну его! надоѣлъ!

И дѣда останавливаютъ...

Блондинъ встаетъ, загадочно улыбается, обводитъ глазами свою компанію и, какъ регентъ, сквозь зубы, задаетъ тонъ, и въ залѣ раздается, среди пьянаго шума, незнакомое и странное:

— По рррюмочкѣ, по рррюмочкѣ... Тирлимбомбомъ, тирлимбомбомъ...

Дирижеръ талантливъ, умѣетъ заражать собой хоръ, и онъ то вспыхиваетъ, то замираетъ подъ его властной рукой...

— Пье-ешь, не пьешь — все равно умрешь, — запѣваетъ блондинъ высокимъ теноромъ, закрывъ глаза и съ упоеньемъ, видимо, слушая себя:—выпьешь, закусишь—и снова оживешь!

— Выпьешь, закусишь и снова оживешь! — подхватывали коллеги...

— И снова оживешь!—присоединялся мало-по-малу къ хору пьяный залъ...

...У васъ опять сидитъ малюсенькій? Вы опять говорите шопотомъ? И опять онъ спрашиваетъ про меня: „А этотъ дома?“ И опять вы молчаливо и многозначительно киваете головой... Я уйду, уйду... На весь вечеръ уйду...

— Господа, господа! — уже суетился около студенческаго стола управляющій: его прикрытая, какъ паутиной, лысина сверкала, наклоняясь, то тамъ, то здѣсь:—пѣть нельзя-съ. Закономъ строжайше воспрещено. Честное слово-съ... Намъ не жалко, только законъ-съ...—И онъ безпомощно выворачивалъ обѣ ладони...

— Выпьешь, закусишь...—и дирижеръ сдѣлалъ неожиданный, останавливающій жестъ—и всѣ сразу, какъ одинъ человѣкъ, стихли.

— Господа!..—среди тишины послышался управляющій:—прошу васъ...

— И снова оживешь!—шутя и смѣясь, перебилъ его хоръ... Вмѣстѣ съ этой компаніей, незнакомый, но свой, ушелъ я изъ трактира, долго бродилъ по спавшимъ холоднымъ улицамъ, затрагивая женщинъ, прохожихъ, городовыхъ...

— Господинъ! Господинъ! — приставалъ я къ какому-то встрѣчному: — изъ какого языка взято слово: женщина? Женщи-на? Понимаете?

— Извините!—отвѣчалъ тотъ, ухмыляясь:—мы полотеры-съ... И этими вещами не занимаемся-съ...

Потомъ все это надоѣло, голова прояснилась и я пошелъ къ себѣ. Одинъ, сразу лишившійся веселья и задора, долго добирался я по корридорамъ пустыхъ улицъ до своего дома...

— Вы, можетъ быть, еще сидите?—бормоталъ я:—но простите: больше не могу оставить васъ... Усталъ, хочу спать... Да...

Снѣгъ сыпалъ, — и на фуражкѣ, и на плечахъ лежали его холодные, пріятные пласты. Первый снѣгъ, падающій съ синяго неба! Какъ ты похожъ на молодую любовь...

Подошелъ къ дому. Ея окно было еще освѣщено. Еще, значитъ, не спитъ. Ушелъ тотъ или нѣтъ?

— А чѣмъ я рискую? — проносится у меня въ головѣ приказчичья фраза, и, приподнявшись на карнизъ, я стучу въ ея окно...

Колыхнулась чья-то тѣнь... Осторожно выглядываютъ изъ-подъ приподнятой шторы большіе испуганные глаза. Силятся разглядѣть, кто за окномъ. Я держусь за подоконникъ, мнѣ неудобно и все мое тѣло напряженно отклонено назадъ.

— Это я! — говорю я и чувствую, какъ на губахъ у меня появляется кривая улыбка.

Маруся узнаетъ и улыбается, что-то отвѣчаетъ, но за двойной рамой ничего не слышно.

— Я это!—кричу:—снѣгъ идетъ! Хорошо!

Малюсенькій, значитъ, ушелъ...

— Снѣгъ идетъ, Марья Константиновна!

И мнѣ казалось, что еслибы она чувствовала меня, то поняла бы, почувствовала эту фразу... Я не смѣю сказать: „Люблю тебя"—и говорю только о снѣгѣ, который такъ похожъ на молодую любовь,—о снѣгѣ, падающемъ съ синяго неба.

Маруся отворила форточку и высунула руку ладонью вверхъ...

— Снѣгъ?—говоритъ она:—смотрите, въ самомъ дѣлѣ: все бѣлое... Знаете что? Я сейчасъ къ вамъ выйду и мы пойдемъ гулять. Согласны?

— Согласенъ! Конечно, согласенъ!

И за опустившейся шторой снова заколыхалась черная, безпокойная тѣнь.

Жду. Стою на троттуарѣ. Кругомъ все тихо, никого нѣтъ. Ночь. Только въ противоположномъ огромномъ домѣ свѣтится

нѣсколько оконъ въ третьемъ этажѣ. Мнѣ видны бѣлые потолки и маленькія, съ тремя лампочками, люстры... Весь домъ спитъ и знать не хочетъ, что съ прозрачнаго хрусталя неба сыплется первый душистый сухой снѣгъ...

На освѣщенной шторѣ то и дѣло пробѣгаетъ ея суетливая тѣнь... Спѣшитъ, одѣвается... А вотъ рядомъ и мое окно, — темное и унылое, какъ моя душа... Погасъ мгновенно огонь и у нея, сразу потемнѣла штора... Теперь она осторожно, на цыпочкахъ, пробирается по темному корридору, словно на свиданіе... Вотъ стукнула уличная дверь, и на порогѣ показывается она, въ кофточкѣ и черномъ платкѣ, — веселая, улыбающаяся. Еще бы! Цѣлый вечеръ съ нимъ, безъ подслушивающаго...

— Вы здѣсь?

— Здѣсь!

И мы, почему-то торопливо, идемъ мимо сонныхъ домовъ, дворниковъ, извозчиковъ... Вотъ рѣка, которая еще блеститъ въ далекой рамкѣ немигающихъ огней... У разводящагося моста снуютъ буксиры... На мосту сторожа накручиваютъ на столбы канаты. Какой-то господинъ, въ котелкѣ и съ барашковымъ воротникомъ, бѣгаетъ по краю моста и кричитъ:

— Спите все, чортовы дѣти! Вотъ градоначальникъ примажетъ васъ по десяткѣ, — тогда узнаете камаринскаго мужика! Стервы проклятыя! Ужъ десять минутъ четвертаго! А? Ну, какъ это вамъ понравится?

Около моста стоятъ, глядя въ воду зелеными и красными глазами, большіе пароходы... Видны силуэты людей...

— Знаете что̀? Пойдемте къ крѣпости! — шепчетъ мнѣ Маруся: — пойдемъ? Я люблю смотрѣть на нее... Она такъ хороша бываетъ въ эту пору...

Мы идемъ на Биржевой мостъ. На фонѣ темнаго синяго неба изящными и легко уходящими въ высь контурами обрисовывается крѣпость. У темныхъ, похожихъ на монастырскія, воротъ горитъ фонарь, плохо разгоняя вокругъ себя тьму. Маруся облокачивается на перила моста и не спускаетъ глазъ съ этого огонька...

...Было темно, и Дарьюшка, отворившая намъ двери, долго не могла снова наложить крючокъ, — ворчала и говорила, что есть разные люди: которыя спящіе, а которые троттуары по ночамъ обивающіе.

Я пришелъ къ себѣ въ комнату и, не снимая пальто, усталый, разбитый, сѣлъ въ кресло... Тишина... Только Маруся осторожно ходитъ въ своей комнатѣ. Она тоже устала. Эхъ, — вы-

рваться поскорѣе бы изъ этого окаяннаго города! Теперь бы хорошо очутиться у себя, на Волгѣ,—въ своемъ домѣ, въ своей комнатѣ... И я ясно представилъ себѣ нашу Кирилловскую улицу, большія, немного холодныя комнаты, кабинетъ отца, книжные шкафы, бюстъ Гоголя... Братъ Петька теперь каждый день бѣгаетъ на рѣку смотрѣть: не замерзла ли,—и молитъ Бога, чтобы Онъ скорѣе ледъ пустилъ... У Петьки великолѣпные коньки съ винтами: вымѣнялъ ихъ онъ на пару лучшихъ своихъ черно-рябыхъ голубей и утверждалъ, что, все-таки, обманулъ дурака на четыре кулака: коньки дороже...

— У васъ спички есть, Иволгинъ? — негромко слышится изъ-за стѣны.

— Есть!—такимъ же тономъ отвѣчаю я.

— Дайте...

На цыпочкахъ я иду въ ея комнату...

— Вы гдѣ?—спрашиваю, боясь наткнуться на что-нибудь.

— Вотъ...

Зажигаю спичку. Среди мгновенно ожившей комнаты она стоитъ, не раздѣваясь: въ кофтѣ и платкѣ. У меня дрожитъ рука и спичка гаснетъ. Опять темнота, но я знаю теперь направленіе и иду прямо къ ней...

— На-те!

Она протягиваетъ руку, и я чувствую ее,—эти милые знакомые пальцы. Теперь они холодны, — я держу ихъ, хочу согрѣть... И говорю—не знаю зачѣмъ:

— Мои милые знакомые пальцы... Мои дорогіе знакомые пальцы...

И цѣлую ихъ... Я знаю, что она сейчасъ прогонитъ меня,— и помимо моей воли—срываются, все-таки, съ языка слова:

— Ты знаешь, что̀ значитъ: „снѣгъ идетъ?“... Это значитъ: „люблю тебя“... Понимаешь? Люблю тебя. Люблю...

И слезы, чортъ знаетъ откуда появившіяся, капаютъ на эти милые знакомые пальцы...

Она тихо отвѣтила:

— А я хочу счастья,—счастья... Понимаешь? Простого, маленькаго, но только моего личнаго счастья... Хочу, понимаешь? Глупый! Ты ревновалъ... Милый! Снѣгъ идетъ!

Она приподняла край шторы и еще разъ повторила:

— Идетъ снѣгъ! Милый снѣгъ!..

IX.

Сегодня я еще спалъ, какъ Маруся постучала ко мнѣ въ стѣну:

— Ты спишь?

— Нѣтъ, не сплю,—отвѣчаю я:—такъ лежу, мечтаю.

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы живемъ по новому. Я иногда разсказываю ей о своихъ мукахъ ревности, о вечерѣ въ трактирѣ, о разговорахъ съ Дарьюшкой. Мы подолгу сидимъ и мечтаемъ о свадьбѣ, о томъ, какъ проживемъ это лѣто у меня на Волгѣ, какъ въ іюлѣ съѣздимъ въ Нижній, посмотрѣть ярмарку, потомъ спустимся до Астрахани. И будемъ потомъ на пароходѣ изолироваться отъ всякихъ знакомыхъ... Нарочно выберемъ свѣтлыя лунныя ночи и будемъ одни,—совершенно одни! Какіе красивые и содержательные дни можно пережить...

Такъ мы мечтаемъ, сидя у огня... И теперь я уже свободно цѣлую и эти волосы, и эти дорогіе глаза, — и то прошедшее время, полное нелѣпыхъ душевныхъ переживаній, кажется мнѣ скучнымъ и досаднымъ...

— Я ухожу!—говоритъ она:—прощай...

Я не спрашиваю: куда? Какое мнѣ дѣло! Вездѣ, куда она ни пойдетъ, будетъ съ ней моя любовь, которая охранитъ ее...

— Надолго?

— Не знаю,—можетъ, къ вечеру вернусь...

Голосъ ея неспокоенъ, — нервно дрожитъ. Вѣроятно, получила письмо. Есть какія-то у нея письма, которыя волнуютъ ее... И послѣ нихъ блестятъ глаза Маруси какъ-то особенно: тревожно, боязливо, точно она ждетъ кого-то... И тогда она бываетъ особенно ласкова со мной, особенно тепла,—и любовь ея кажется мнѣ безграничной.

— Ты, можетъ, зайдешь ко мнѣ на минуту? — говорю я, чувствуя, что сейчасъ нужно быть съ ней, разогнать какую-то тучку, о которой я все собираюсь и никакъ не могу поговорить...

— Хорошо. Зайду.

Входитъ одѣтая въ теплую кофточку съ барашковымъ воротникомъ, въ барашковой маленькой шапочкѣ... Волосы изъ-подъ шапочки чуть выбились и золотистыми нитями протянулись къ уху черезъ уголъ лба. Дѣйствительно, — она и внѣшне возбуждена, глаза ея блестятъ, — блестятъ, какъ не умѣютъ обыкно-

венно блестѣть синіе, нѣжные глаза... Въ эти глаза ушла ея душа, чуткая, теперь почему-то встревоженная. Вотъ она сидитъ у меня, на краю моей постели, — сидитъ моя жена, — та самая, для которой я родился на свѣтъ и которая родилась для меня. Съ ней я проживу всю мою жизнь. Ничего на свѣтѣ нѣтъ для меня ближе... Для нея я открою самые далекіе, самые заповѣдные уголки моей души. И теперь, и въ сорокъ лѣтъ, и сходя въ могилу, я буду цѣловать эти синіе нѣжные глаза, — кусочки теплаго, весенняго, расцвѣтающаго неба... Она сидитъ около меня, какъ около мужа. Съ нѣжностью смотритъ на меня весеннее небо. Она такъ близка ко мнѣ, такъ близка... Вѣдь вотъ же я протягиваю къ ней руки, я наклоняю ее къ себѣ, я цѣлую ея глаза, ея губы, ея свѣжія упругія щеки, — ея шапочка сползаетъ на-бокъ и она смѣется,—смѣется какъ-то особенно, странно, и говоритъ:

— Ну, слушай, какъ тебѣ не стыдно такъ трепать меня...

Вѣдь такъ же это все близко, а вотъ... блестятъ ея глаза, какъ никогда не умѣютъ блестѣть синіе нѣжные глаза; смѣется она нервно, возбужденно, какъ бы стараясь забыть черную мысль, стоящую сзади нея,—и что я знаю, почему это? Почему я не могу самъ, своими глазами взглянуть въ ея душу? Почему я такъ близокъ и такъ далекъ, такъ безконечно, безгранично далекъ? Вотъ я спрашиваю у нея:

— Ты сегодня особенная, Маруся... Возбуждена, нервничаешь...

Она отвѣчаетъ:

— Да, есть немного... Это я чувствую, и это скверно.

— Ты получила письмо?

— Да, получила письмо... Впрочемъ,—лучше не будемъ говорить объ этомъ.

— Маруся! Ты любишь кого-нибудь?

— Люблю. Тебя.

— Ты любила кого-нибудь?

— Кромѣ тебя никого. Ты—первый и...

Заволакиваются кусочки синяго неба тѣмъ нѣжнымъ и сверкающимъ, которое, какъ пленка, отгораживаетъ ее отъ міра, отъ счастья...

— И послѣдній... Ну, впрочемъ, не будемъ говорить объ этомъ. Объ этомъ мы съ тобою будемъ всегда разговаривать въ сумеркахъ, знаешь,—когда начинаетъ засыпать день.. Мы будемъ сидѣть съ тобою такъ вотъ рядомъ,—пусть это смѣшно, но я обязательно положу тебѣ на плечо голову и буду говорить, какъ

я люблю тебя... И, понимаешь, ты всегда долженъ молчать... Ты всегда будешь молчать... Ты будешь мой... Только мой,—да?

— Только твой, да...

— Ну, а теперь вотъ ты спишь, а на дворѣ—морозъ... славный, славный такой морозъ...

— Ну-у? Морозъ? Уже? И извозчики на саняхъ?

— Да, на саняхъ... Посмотри въ окно: узоры...

— Вотъ хорошо-то! — протягиваю я: — морозъ! Приходи раньше,—поѣдемъ кататься далеко, на Острова, къ заливу...

— А ты долго еще будешь валяться?

— Я-то? Спится... И сны все такіе, что любить тебя еще больше хочется.

Она совсѣмъ припала лицомъ къ моему лицу, щекой къ щекѣ, нѣжно гладитъ мои волосы,—такая ласковая, святая,—и, почему-то, тихо, тихо,—я еле слышу,—шепчетъ мнѣ на ухо:

— Ну, а разсказъ ты мнѣ свой, первый разсказъ,—посвятишь?

И не знаю откуда,—но я начинаю ощущать въ себѣ страхъ за этого дорогого мнѣ человѣка,—я чувствую, что въ ней творится необычное, какая-то огромная, геѳсиманская тоска давитъ ее, душитъ,—вѣдь я же слышу эти скрытыя рыданія, — откуда они? почему они? Почему этого не дано мнѣ знать?

— Да, свой первый разсказъ я посвящу тебѣ... Но, Маруся... моя милая единственная Маруся... Ты—мое солнце, ты — моя жизнь... Ты—моя единственная, свѣтлѣйшая радость... Ты—мое счастье... Ты — смыслъ моего существованія... Заклинаю тебя, скажи: ты любишь меня?..

И чуть-чуть, только напряженіемъ всего своего существа я слышу:

— Только тебя!..

— Маруся! Но ты любила, ты сейчасъ получила письмо отъ него, и въ тебѣ плачетъ, въ тебѣ таится тоска по самому нѣжному и раннему твоему, можетъ быть, разбитому счастью?..

— Я и люблю, и любила только тебя... Ты первый и...

Опять нервная пауза. Опять эти сухія, затаенныя рыданья... Откуда они? Развѣ я ухожу отъ нея? Развѣ я не люблю ее? Развѣ она не видитъ, какъ это мучаетъ меня, рветъ мою душу на части?!..

— И послѣдній...

Молчаніе, въ которомъ минуты идутъ какъ дни... Вотъ она приподнимается, оправляетъ волосы... Глаза ея сухи... Не смотритъ на меня. Озабочена... Вотъ взглядъ ея упалъ на окно... Улыбнулась—самой себѣ... И опять говоритъ:

— Посмотри въ окно... Снѣгъ идетъ! Помнишь,—двѣ недѣли тому назадъ...

И вдругъ что-то тупое, свинцовое налегаетъ на мою душу... Я задыхаюсь, я забываю слова... Не знаю, какъ это сказать... Я сжимаю зубы, до боли, тру ладонью лобъ... Я понялъ,—эта женщина лжетъ,—да, лжетъ. Она мнѣ лжетъ. Лгутъ ея глаза, лжетъ ея дыханье, лжетъ ея душа,—все въ ней лжетъ! Каждое движеніе ея, каждый взглядъ, — то, что она сидитъ у меня на постели, какъ у мужа,—все лжетъ! Около меня—огромная, давящая ложь!..

— Маруся! — задыхаясь, спрашиваю я и беру ея руку:— смотри мнѣ въ глаза... Прямо въ глаза!.. Помни, что я знаю: ты утромъ получила письмо... Ну, теперь—скажи мнѣ еще разъ: ты любишь меня?..

Она долго смотрѣла на меня и... улыбнулась...

И я слышалъ... Слышалъ... И безсильный, счастливый, напоенный радостью, какъ солнцемъ,—я опять опустился на подушку...

— Ну, а скажи мнѣ, — проговорила она:—ты на кого похожъ: на отца или на мать?

— На мать...

— Значитъ, будешь счастливый...

— Ну, еще бы!

— Ну, вотъ... Ну, а теперь прощай... Прощай!..

Я обвилъ ея шею руками и прижалъ къ себѣ. Полегоньку, нѣжно, высвободилась она, поправила волосы и шапочку и пошла къ двери. У самаго порога остановилась и оглянулась.

— Спи! — чуть слышно сказала она и прижала къ губамъ палецъ: — прощай! А ну, зажмурь глаза: я погляжу, какъ ты спишь... Ага, вотъ такъ... Какой смѣшной! Ну? — и она нѣсколько секундъ помолчала.—Прощай, мой дорогой! Прощай!

И я слышалъ ея легкіе шаги въ корридорѣ, лязганье крючка у двери, — слышалъ, какъ она что-то сказала Дарьюшкѣ, и та отвѣтила: „Ладно, ладно, барышня!“ И чувствовалъ я, когда она проходила мимо моего окна,—она посмотрѣла на него, улыбнулась и сказала ласково, какъ мать:

— Спи!

И снова дремота охватила меня; я захотѣлъ хоть въ грёзѣ еще разъ увидѣть ее, Марусю, — а какими-то неисповѣдимыми судьбами очутился на воздушномъ шарѣ, надъ океаномъ, въ океанѣ плывутъ на обломкахъ мачтъ, на перевернутыхъ лодкахъ, на боченкахъ, люди, потерпѣвшіе караблекрушеніе, и кричатъ мнѣ: „Спаси насъ, спаси! Возьми насъ къ себѣ!“

А я безпомощно развожу руками и отвѣчаю:

— И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ! Этотъ окаянный шаръ не слушаетъ меня и не хочетъ спуститься! Но вы, ребята, не унывайте!.. Вонъ на горизонтѣ идетъ корабль—онъ спасетъ васъ... И вы вернетесь въ свои семьи, и будете цѣловать вашихъ дѣтей... Да, да,—не вертите, пожалуйста, головами, а слушайте, что вамъ говоритъ порядочный человѣкъ: идетъ корабль! И привезетъ васъ туда, гдѣ васъ ждутъ ваши милыя дѣти: мальчики и дѣвочки...

X.

Весь этотъ день былъ какой-то особенный: радостный и тревожный... Хотѣлось пѣть, работать, писать домой хорошее ласковое письмо. Накупилъ смѣшныхъ открытокъ и отправилъ ихъ Петькѣ, нарочно поддразнилъ его тѣмъ, что въ Петербургѣ уже роскошный ледъ, на каткахъ играетъ музыка, а среди катающихся есть такіе искусники, что пишутъ на льду вензеля и танцуютъ мазурку... Кстати: непремѣнно нужно будетъ и самому заняться этимъ спортомъ, и Марусю научить...

Былъ въ университетѣ. Какъ я люблю этотъ длинный, свѣтлый корридоръ, въ которомъ всегда такъ молодо, такъ весело, такъ шумно и такъ тѣсно... Встрѣтилъ Славова: стоитъ и съ серьезнѣйшей миной читаетъ объясненіе какого-то землячества.

— Слушай, говоритъ,—гдѣ ты пропадаешь? Ни въ „Маньчжуріи“ тебя не видать, ни у Гусевыхъ.

— Дѣла во, по горло, братъ. Занимаюсь, къ зачету готовлюсь.

Славовъ вынулъ какой-то инструментъ и началъ чистить ногти: еще въ гимназіи у него была мечта имѣть аристократическіе ногти.

— Счастливый! А я вотъ, понимаешь, проигрался въ пухъ и прахъ. Шурка три креста впередъ давалъ и, все-таки, выигралъ. Онъ, подлецъ, за лѣто въ своемъ Бѣлгородѣ насобачился и теперь житья нѣтъ православному народу. Съ маркеромъ, понимаешь, такъ-на-такъ играть берется... Каково?..

И Славовъ дѣлалъ круглые глаза.

...Давно уже смерклось, шестой часъ идетъ, а Маруси еще нѣтъ. Я хожу по ея комнатѣ и жду. Вотъ комодъ, вотъ столъ, книги. Такъ же, какъ и у меня, висятъ юбки, кофточки... Ея умывальникъ, мыло,—недавно начатое, съ чуть стёршимися бу-

квами. Полотенце съ кружевной оборкой, хорошей тонкой работы, буквы О и С, — почему же не ея инціалы? Это меня заинтересовываетъ и даже немного тревожитъ.

Слышу, какъ въ хозяйской комнатѣ пробило семь, потомъ половина восьмого. На улицѣ и въ окнахъ магазиновъ давно уже горятъ огни. Ко мнѣ приходила Дарьюшка, — ей, видимо, скучно, и лѣнь, для нея совершенно необычная, чувствуется во всѣхъ ея движеніяхъ: должно быть, кости ломятъ.

— Что-жъ въ потьмахъ-то сидишь? — спрашивала она: — самоваръ ставить надо бы... Нѣту барышни-то...

— Нѣту! — отвѣчалъ я: — пусть ужъ будетъ восемь... Авось подойдетъ...

— Засидѣлась, поди, гдѣ-нибудь...

— Да, конечно...

Дарьюшка начинаетъ зѣвать и крестить ротъ. Сейчасъ начнутся воздыханія о грѣхахъ.

— Нравится тебѣ барышня-то? — спрашиваю.

— Ндравится, очень! — тепло говоритъ Дарьюшка: — прямо рѣдкая барышня! И тебя любитъ... Очень, ей-Богу!.. Утромъ-то уходитъ и говоритъ: „Вы ужъ не будите его, Дарьюшка“. Это тебя-то, лѣшаго... „Пусть, гритъ, поспитъ“... Ну, пусть, думаю... Да-а... Тамъ сахаръ у тебя вышелъ... Купить бы пока что, а то вѣдь лавки-то запрутъ, будешь чай не сладкій пить...

...А что если все, что было, — шутка, капризъ? Что, если она, все-таки, несмотря на всѣ увѣренья, любитъ малюсенькаго?.. И слезы подступаютъ къ горлу, и дышать становится мнѣ трудно.

Противъ моего окна горитъ газовый фонарь, и свѣтлая полоса простыней легла на полъ комнаты, задѣла столъ, уголъ какой-то книги, ножку дивана. Заигралъ на цитрѣ Акимъ Исакычъ. Принесли мнѣ письмо. Долго держалъ его въ темнотѣ, — и руки дрожали: не отъ Маруси ли? Потомъ чиркнулъ спичкой, посмотрѣлъ на адресъ: изъ дому, рука отца. Зажегъ свѣчу. Разсѣянно пробѣжалъ по кривымъ строчкамъ. Пишетъ старикъ: „все благополучно, желаю тебѣ быть здоровымъ, въ дѣлахъ твоихъ — скораго и счастливаго успѣха, всѣ дома живы и здоровы, въ городѣ — новость: чуть не подрались на дуэли Абрамовъ и Санденцкій, поссорились на любительскомъ спектаклѣ у Евдокимовыхъ. Вторая новость: въ архіерейской церкви повѣсили новый колоколъ, вѣсомъ 553 пуда, гудитъ на весь городъ и даже, увѣряютъ, въ Михайловкѣ, за 8 верстъ, слышно“...

И опять пришла Дарьюшка.

— Ну, голубь,—сказала она:—будешь пить чай—пей, а то я спать лягу... Знать, заночуетъ гдѣ-нибудь барышня-то...

— Спи!

Ночь. А Маруси еще нѣтъ.

Я опять иду въ ея комнату, стою возлѣ стола и говорю:

— Маруся! Милая! Я люблю тебя. Вѣдь только же утромъ, сегодня, ты цѣловала меня! Гдѣ ты? Неужели ты забыла меня? Неужели ты теперь смѣешься надо мной?

У меня звенитъ въ ушахъ, а это, по примѣтамъ, значитъ, что кто-нибудь думаетъ въ эту минуту о тебѣ.

Темно. Квартира спитъ. Даже у Акима Исакыча пропала подъ дверью свѣтлая полоса: онъ ложится позже всѣхъ. Одинъ я хожу и думаю: вотъ звякнетъ звонокъ и прійдетъ она, раскраснѣвшаяся, здоровая, — и скажетъ мнѣ, блѣдному, измученному:

— Ну, вотъ и я. Здравствуй, мой дорогой! А я гдѣ была-а... И протянетъ это: „была-а"...

И вспоминается мнѣ, почему-то, ея вопросъ: „Ты на кого похожъ: на отца или на мать?" Вспоминаются ея глаза, горѣвшіе такъ, какъ никогда не умѣютъ горѣть синіе, лучистые...

...Разсвѣтъ. Медленно, медленно, какъ блѣдный цвѣтокъ, разворачивается изъ темноты утро. Погасъ фонарь на троттуарѣ и комната сдѣлалась сѣрой. Опять у порога стоитъ Дарьюшка и широко зѣваетъ:

— Да ты не раздѣвался что-ли? Дурашка! Перестань, выкинь изъ головы думы-то! Ну, заночевала у подруги, — что за бѣда! Какой вы, ей Богу, народъ, мужчины... Хотите, чтобы стой вотъ передъ тобой, какъ листъ передъ травой... И гляди въ твои шары... Да... Спятъ еще всѣ: давать самоваръ аль погодить?..

И опять день,—солнечный, яркій... Идетъ снѣгъ... Извозчики на саняхъ и верхи ихъ шапокъ запушены бѣлымъ...

Заходилъ Славовъ... Звалъ въ „Маньчжурію".

— Маруся! Гдѣ же ты?..

Вотъ опять ползетъ вечеръ, и опять будетъ ночь, длинная, какъ передъ казнью...

И опять утро...

Изъ зеркала глядитъ на меня чье-то чужое, постарѣвшее лицо, съ широкооткрытыми, не моргающими глазами... Обострившійся слухъ слышитъ каждое движеніе, каждый шорохъ въ квартирѣ.

— Надо полиціи заявить: пропала Марья Константиновна-то, —говоритъ въ корридорѣ хозяйка.

— И куда это она?—горюетъ Дарьюшка.

— Вещи, все-таки,—продолжаетъ хозяйка:—какъ ни какъ... Оно, конечно, можетъ, и уѣхала куда, а можетъ, и случилось что... Оформить дѣло нужно...

Передъ вечеромъ она надѣла шубу, шапку, натянула вуаль, пошла, проходила минутъ сорокъ и, вернувшись, сказала:

— Фу! Запыхалась! До участка-то далеко, а въ участкѣ народу — пушкой не пробьешь... А тутъ еще суета: какого-то генерала, сказываютъ, въ городѣ убили... Ну, покамѣстъ, туды-сюды,—околоточный сказалъ: „хорошо... дѣло видно будетъ"...

...Затопталисъ въ корридорѣ... Какая-то толпа... Какой-то голосъ...

— Здѣсь жила Ольга Солнцева?.. Ольга Петровна Солнцева?

Испуганная хозяйка отвѣчаетъ:

— Никакой у насъ Ольги Солнцевой, ваше благородіе, нѣту. Вотъ здѣсь изъ типографіи живетъ, здѣсь—студентъ Императорскаго университета, здѣсь вотъ—барышня Марья Константиновна, исчезнувшая... Больше никого нѣтъ...

— Марья Константиновна! — грубо передразниваетъ ее тотъ же голосъ: — хорошая Марья Константиновна, чтобъ ее...

— Ничего въ комнатѣ не трогали? Все какъ было?

— Вотъ вамъ святой крестъ... Ни-ни... Ни капельки... Какъ ушла, прислуга, конешно, прибравши комнаты, постель. Прислуга у меня старая, Дарьюшка,—вотъ она...

— Птичку вы у себя держали!

Зашумѣли въ Марусиной комнатѣ...

— Ага! — заговорилъ какой-то до сихъ поръ неслышный тенорокъ:—чаекъ это у ней, сахарокъ... Посмотрите-ко, Евграфъ Ивановичъ: чаекъ это у ней, сахарокъ...

— Удивительно! — иронически отвѣчалъ первый голосъ: — какое открытіе важное сдѣлали! Чаекъ, сахарокъ... Дворникъ! Корзину вонъ ту изъ-подъ кровати выволоки! Да осторожнѣе, остолопъ! Потому тамъ такое можетъ быть...

— Ваше вышескородіе! — залепеталъ чей-то голосъ: — я боюсь, ей Богу, боюсь... Ваше вышескородіе! Пусть лучше человѣкъ, который опытный...

— Ермоловъ! Вытащи корзину!

— Вы говорите, Евграфъ Ивановичъ, открытіе, чаекъ-то... А вотъ посмотрите: чаекъ-то пьютъ, а иконы не видать... Пожалуйста ужъ вы, Ермоловъ, поосторожнѣе!

— Ермоловъ! Скотина! Осторожнѣе!.. Что вы въ самомъ

дѣлѣ, господа, только-что родились, что-ли? Не знаете, какъ за дѣло взяться?

— Я такъ полагаю, Евграфъ Иканович, что удачный выстрѣлъ этой женщины вовсе не результатъ умѣнія... Просто случайность. До поступленія на полицейскую службу я служилъ въ 38-мъ пѣхотномъ полку, и у насъ...

— Слышали, батюшка, слышали! Служили вы въ 38-мъ полку и продолжали бы служить, спокойнѣй было бы.. А то понесло васъ въ полицію... Найдется вотъ такая стерва и отправитъ васъ безъ очереди къ Аврааму, Исааку и Іакову... Слушай ты, борода! А рядомъ кто живетъ? Дворникъ! Тебя я спрашиваю или нѣтъ?

— Рядомъ-съ?

— Да, рядомъ-съ.

— Студентъ-съ Иволгинъ...

— Ага!.. А ну-ка, госпожа хозяйка, пожалуйте сюда, на сцену!..

— Да я что же?—залепетала Анна Сергѣевна:—я же здѣсь при чемъ?

— Да вы, почтенная мадамъ, не дрожите... Васъ мы вѣшать не собираемся, обиды вамъ причинить не причинимъ,— повѣсьте, значитъ, ваше сердце на гвоздь терпѣнія и благоволите отвѣчать на мои вопросы,—вотъ вся ваша задача.. Итакъ,— дѣвица эта, здѣсь жившая и Марьей Константиновной себя именовавшая, вела знакомство съ студентомъ Иволгинымъ?

— Вела-съ..

— Вела-съ.. Ну, тэкъ-съ.. Осторожно, Ермоловъ... Отмычкой попробуй... Ну, вотъ... Ты, борода! Тебѣ я говорю или нѣтъ? Паспортъ его, этого самаго студента, явленъ?

— Обиждать изволите, ваше высокородіе! У насъ насчетъ этого насѣкомая муха и та, скажемъ, не пролетитъ. Мы завсегда, со всѣмъ усердіемъ то-есть.. А особливо насчетъ студентовъ и продчее...

— То-то „и продчее"! Услѣдилъ вотъ здорово! Поменьше бороду свою расчесывалъ бы,—а то ишь вѣеромъ то распустилъ... Какъ генералъ какой! Нажралъ морду-то! „И продчее"! Всыпать бы тебѣ горячихъ штукъ съ полсотни, тогда узналъ бы: „и продчее"... Мордоплюи! Арестанты!.. Тише, Ермоловъ! Болванъ! Тысячу разъ тебѣ говорить что-ли?

XI.

Теперь вотъ я уже могу писать, — а въ первый разъ проснулся, оглядѣлся... Какая-то незнакомая комната,—нѣтъ, очень знакомая... Знакомыя окна въ три стекла или незнакомыя? Знакомыя! Такъ и льетъ въ нихъ солнце! Знакомый потолокъ, — вонъ, на карнизѣ трещина...

— Дома я что-ли или еще сплю?

— Дома, дома, мой родной! Количка! Милый! Ненаглядный! Наконецъ-то! Дома ты, дома! Вѣдь это же я, твоя мама! Неужели ты опять меня не узнаешь? Я! Твоя мама!

Вижу: смотритъ на меня родное, — теперь почему-то измученное и постарѣвшее лицо... Въ глазахъ у нея такой яркій страхъ: узнаю я или нѣтъ? Смѣшная! Ну, какъ же не узнать?!

— Я дома? спрашиваю: — и это моя комната? И тамъ — Волга? Почему же кровать въ этотъ уголъ перенесли? А гдѣ же мой столъ?

— Столъ вонъ стоитъ, а кровать здѣсь нужно было поставить...

— А это Петька?

— Онъ, онъ... Петя! Подойди поближе.

Петька идетъ какъ-то бокомъ, глядитъ странно, немножко исподлобья... Онъ очень выросъ, остриженъ машинкой.

— Здоровъ, Петръ Андреевичъ! Чего жъ это ты на конькахъ-то не катаешься?

Петька отвѣчаетъ басомъ:

— Я всю зиму катался... А теперь ужъ и лёду нѣту... Пароходы пошли...

— Такъ что весна уже, значитъ?

— Хо-хо!—и Петька становится самоувѣреннѣе и важнѣе:— ну, конечно весна... Кто жъ теперь на конькахъ катается? Теперь всѣ карасей ловятъ! Пароходы уже изъ Нижняго побѣжали!—и Петька вдругъ потупился и сообщилъ скромнымъ тономъ: — а я вчера по-русски, по письменному, тройку съ плюсомъ получилъ.

— А папа гдѣ же?

— Папа на службѣ... Онъ тутъ за тобой цѣлыя ночи просиживалъ...

— Такъ, значитъ, я былъ боленъ?..

— Былъ, немножко...

– Такъ, такъ...

Хотѣлъ приподняться и посмотрѣть на Волгу, которая теперь тихо, вѣроятно, сверкаетъ на солнцѣ,—и не могъ. Что-то тяжелое толкало меня обратно на подушку... И потомъ, когда мама начала кормить меня, какъ ребенка, супомъ, я хотѣлъ самъ продолжать эту операцію, но ложка была стопудовая!

А потомъ, когда солнце освѣщало мамину голову,—я вспомнилъ что-то далекое, когда-то бывшее... Конечно, теперь ея уже нѣтъ,—но вѣдь это пустяки: пусть ея нѣтъ, но вѣдь есть же на свѣтѣ сумерки... Она такъ и обѣщала: въ сумерки. И всегда приходитъ ко мнѣ въ сумерки... Каждый день...

И я говорю:

— Мама! Какъ долго здѣсь тянется день!..

Она отвѣчаетъ:

— Теперь, милый, ужъ апрѣль на дворѣ... День-то прибавился... Большой сталъ...

— Сумерки придутъ еще не скоро...

— Придутъ,—Богъ дастъ...

...Никого нѣтъ. Всѣхъ попросилъ выйти изъ комнаты. Никто ничего не знаетъ. И я тихо говорю:

— Маруся!

И откуда-то, вонъ изъ того темнаго угла, слышится:

— А?

— Иди!—шепчу я:—никого нѣтъ. Мама ушла...

— Сейчасъ, милый...—отвѣчаетъ она:—сейчасъ...

И вотъ я жду, закрывъ глаза, жду, жду... Кто-то тихо касается моей руки... Смотрю—она. Сидитъ, какъ тогда, у меня на постели, въ той же кофточкѣ съ барашковымъ воротникомъ и такъ же прядь золотистыхъ волосъ протянулась черезъ лобъ къ уху... Но глаза у нея не тревожные, а спокойные, святые...

— Ты, ты, ты!—шепчу я:—снова ты! Дорогая! Мое солнце, моя жизнь! Моя единственная, свѣтлѣйшая радость... Ты меня любишь? Да? Попрежнему?

Она закрываетъ глаза рукою, будто что-то созерцаетъ или вспоминаетъ, и шепчетъ:

— Люблю ли я тебя? Да, люблю... Ты мой первый и...

Она уже смотритъ на меня, улыбается тому, что я знаю отвѣтъ...

— Значитъ, снѣгъ идетъ?

— Идетъ, милый, идетъ...

И она, какъ тогда, касается сначала щекой моей щеки, потомъ гладитъ мои волосы, дышитъ мнѣ въ лицо... Разсказываетъ

про тюрьму, про одно холодное, зимнее утро, пока еще не было на небѣ зари... Потомъ мы вспоминаемъ Дарьюшку, цитру Акима Исакыча, первый снѣгъ, который такъ похожъ на молодую любовь...

— Это ничего,—говорю я,—что ты днемъ никогда ужъ не будешь со мной... Это пустяки! Все равно, мы поѣдемъ съ тобой по Волгѣ и выберемъ красивые, красивые лунные вечера... И будутъ сумерки...

— Будутъ, будутъ,—шепчетъ она:—конечно, будутъ... Еслибы ты зналъ, какъ я жду сумерокъ...

— А я? Ты думаешь, не жду?..

— А вѣдь мы съ тобой и не видѣли, какъ прошла зима...

— Не видѣли...

— Уже снѣга нѣтъ, небо синее и звѣзды такія яркія...

— Какъ снѣга нѣтъ? — и я шутливо притворяюсь непонимающимъ:—какъ это снѣга нѣтъ? Снѣгъ же идетъ!..

Она понимаетъ меня и улыбается, и снова цѣлуетъ меня, и снова дышетъ мнѣ въ лицо:

— Идетъ! Идетъ! Снѣгъ идетъ!

И мы смѣемся, полные счастья и радости встрѣчи.

...Въ сумерки мало-по-малу вливается, какъ вино, вечеръ... Уже былъ звонокъ,—вѣроятно, пришелъ папа... Такъ и есть... Шаги...

— Прощай, прощай, моя милая! До завтра, до сумерокъ...

— Прощай,—торопливо шепчетъ она: — до завтра, до сумерокъ... И когда въ комнату входитъ съ лампой мама и стекла оконъ изъ темно-синихъ сразу дѣлаются лакированными черными, ея уже нѣтъ на постели... Я вижу, какъ она глядитъ на меня въ окно, въ верхнее стекло, улыбается и шлетъ свои поцѣлуи... Но не могу же я отвѣчать ей поцѣлуями при мамѣ! И я только тихо и радостно смѣюсь ей и однимъ шелестомъ губъ говорю про любовь къ своей проказницѣ... А мама, моя милая постарѣвшая мама—ну, конечно, она же не знаетъ, въ чемъ дѣло, — наклоняется ко мнѣ, слезы у нея, у старой и глупенькой, въ глазахъ и шепчетъ она:

— Ну, Колюшка! Ну, будетъ, будетъ! Ну, Господь съ тобой!.. Ну, будетъ, мой дорогой... Ну, перестань, перестань!.. Успокойся!

— Да вѣдь были же сумерки, мама!—говорю я:—ну, какъ же мнѣ не радоваться?

Еслибы она, старая, знала! Еслибы ей разсказать, какъ счастливъ ея сынъ!..

А она только и знаетъ, что шепчетъ:

— Ну, будетъ, будетъ!.. Полно, мой милый!..

И гладитъ меня рукой по лицу... И я цѣлую ея мягкую, милую, душистую ладонь.

— Ну, хорошо,—говорю:—я перестану, перестану...

Обѣщаю, а сдержать слова не могу: радость такъ и брызжетъ изъ меня и въ концѣ концовъ превращается въ смѣшокъ, такой маленькій, такой тихій, что я просто удивляюсь, какъ его можетъ замѣчать мама.

И. Сургучевъ.

ПАМЯТИ

В. Д. СПАСОВИЧА

I.

Уже два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ телеграфъ принесъ изъ Варшавы скорбную вѣсть о кончинѣ бывшаго профессора с.-петербургскаго университета Владиміра Даниловича Спасовича, который много лѣтъ подвизался на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, являясь однимъ изъ крупнѣйшихъ и замѣтнѣйшихъ дѣятелей Россіи.

За это время о Спасовичѣ появилось много замѣтокъ и статей, главнымъ образомъ посвященныхъ характеристикѣ его какъ адвоката, литератора, національнаго дѣятеля и человѣка; о научной дѣятельности этого выдающагося криминалиста написано сравнительно мало, хотя здѣсь мы имѣемъ нѣсколько яркихъ штриховъ въ блестящихъ характеристикахъ А. Ѳ. Кони.

Пишущій эти строки не претендуетъ на то, чтобы дать полный и всеобъемлющій очеркъ дѣятельности Спасовича; это — сложная задача, требующая чрезвычайныхъ познаній въ области языковъ, изящной литературы, соціологіи, этики, славянской и общей исторіи и т. д. Мы же преслѣдуемъ цѣль болѣе скромную — выясненіе роли Спасовича какъ ученаго, какъ криминалиста, и ограничимся самымъ бѣглымъ обзоромъ другихъ отраслей плодотворной дѣятельности покойнаго В. Д., который самъ призналъ уголовное право „главнымъ занятіемъ своей жизни“. Начнемъ съ данныхъ біографическихъ.

II.

Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ родился въ 1829 году въ гор. Минскѣ въ небогатой дворянской семьѣ и происходилъ отъ смѣшаннаго брака — православнаго отца и католички матери. По правиламъ того времени относительно смѣшанныхъ браковъ не требовалось, чтобы всѣ дѣти принадлежали къ православію; поэтому сестры Спасовича воспитывались въ религіи матери, а братья его и онъ самъ были православными.

Воспитанный въ идеяхъ широкой религіозной терпимости, В. Д., по его собственнымъ словамъ, развивался и окрѣпъ на своей родинѣ Литвѣ „въ готовой культурно-исторической формѣ, въ формѣ польской культуры“. Этому способствовало и вліяніе отца, питомца виленскаго университета, и вліяніе матери, внушившее сыну любовь къ польскимъ классикамъ и особенно къ Мицкевичу. Вступивъ, по окончаніи курса въ минской гимназіи, въ петербургскій университетъ на юридическій факультетъ, В. Д. слушалъ здѣсь лекціи съ 1845 по 1849 г. и принадлежалъ къ студенческимъ польскимъ земляческимъ кружкамъ.

Но отсюда не слѣдуетъ дѣлать вывода, будто В. Д. былъ проникнутъ національнымъ шовинизмомъ. Еще въ гимназіи, гдѣ преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, хотя учителя многое объясняли по-польски, онъ хорошо ознакомился съ русской литературой и освоился съ русскимъ языкомъ, на которомъ впослѣдствіи произнесъ всѣ свои важнѣйшія рѣчи и написалъ двѣ трети своихъ произведеній.

Если вѣрно, что польская струя преобладала въ его душѣ и опредѣляла главное направленіе его симпатій, то вѣрно и то, что рядомъ съ польской онъ находилъ и чувствовалъ въ своей душѣ и русскую струю. Это обстоятельство сдѣлало изъ В. Д. пламеннаго сторонника и проповѣдника сближенія двухъ братскихъ народовъ. По окончаніи курса въ университетѣ, В. Д. поступилъ на службу въ судъ и получилъ мѣсто секретаря, но прослужилъ недолго и вскорѣ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, былъ отставленъ отъ этой должности. Въ то же время онъ усиленно работалъ въ области науки и уже въ 1851 году, т.-е. черезъ два года по выходѣ изъ университета, получилъ степень магистра международнаго права, защитивъ въ петербургскомъ университетѣ диссертацію: „О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза“. Въ 1852 году Спасовичъ читаетъ пробныя

лекціи для полученія званія преподавателя военно-учебныхъ заведеній и здѣсь знакомится, а затѣмъ и сближается съ Кавелинымъ, который былъ въ то время начальникомъ отдѣленія въ штабѣ этихъ заведеній.

Въ 1857 году В. Д. представляетъ pro venia legendi диссертацію: „Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву“ и начинаетъ чтеніе лекцій въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ вскорѣ, вслѣдствіе забаллотированія выслужившаго срокъ Я. И. Баршева, при содѣйствіи близкаго ему К. Д. Кавелина, поддержаннаго деканомъ юридическаго факультета П. Д. Калмыковымъ, становится адъюнктомъ, съ возложеніемъ на него обязательства немедленно занять каѳедру уголовнаго права.

Спасовичъ принимаетъ это предложеніе и одновременно, какъ младшій, вступаетъ въ исполненіе обязанностей секретаря факультета. Съ іюля 1860 г. онъ становится по избранію экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ уголовнаго права.

Кромѣ лекцій студентамъ, уже на первыхъ порахъ своей преподавательской дѣятельности Спасовичъ начинаетъ читать публичныя лекціи, открывъ курсъ ихъ въ университетѣ въ сентябрѣ и октябрѣ 1860 года; онъ читаетъ „о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ въ связи съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ“, и этимъ проявляетъ огромную и плодотворную иниціативу, ибо, по справедливому его замѣчанію, сдѣланному въ началѣ первой лекціи, въ это время „публичныя бесѣды о законовѣдѣніи“ являлись „дѣломъ небывалымъ, совсѣмъ новымъ“.

Лекціи Спасовича, благодаря свѣжести, оригинальности и образности изложенія, имѣли большой успѣхъ; увлекались ими студенты, слушатели молодого профессора, увлекались и посторонніе. Въ эти годы незабвеннаго оживленія возрождающейся Россіи въ университетъ хлынулъ широкій потокъ и аудиторіи наполнялись разнохарактерной публикой, которая получала свободный доступъ въ храмъ науки и увлекалась лекціями лучшихъ профессоровъ того времени. Среди нихъ по праву числился и Спасовичъ.

Читалъ онъ публичныя лекціи и позже, вмѣстѣ съ Костомаровымъ, Стасюлевичемъ, Кавелинымъ и др., когда, послѣ закрытія петербургскаго университета, былъ открытъ рядъ систематическихъ публичныхъ чтеній въ зданіи городской думы въ 1862 году.

Насколько яркое впечатлѣніе оставляли эти чтенія, объ этомъ

свидѣтельствуетъ намъ А. Ѳ. Кони, который сперва гимназистомъ шестого класса посѣщалъ съ товарищами аудиторію Спасовича въ университетѣ, гдѣ „оригинальное живое слово Спасовича впервые ознакомило юношей съ философскими понятіями", а затѣмъ усердно слушалъ его лекціи въ думѣ. Здѣсь три раза въ недѣлю на эстраду „входилъ быстрой походкой человѣкъ въ очкахъ, съ коротко остриженной головою, энергическимъ лицомъ и живыми пронзительными глазами, въ глубинѣ которыхъ горѣло пламя мысли и смѣлаго стремленія къ истинному знанію. Сложныя понятія о преступленіи и наказаніи развивались передъ внимательной и пестрой аудиторіей ярко и понятно, очень часто художественно и всегда съ той широтой, которая одна даетъ уголовному праву основаніе называться наукой, а не сборомъ теоретическихъ положеній, чуждыхъ жизни и подчасъ тяжелыхъ для совѣсти человѣка. Этотъ профессоръ былъ Спасовичъ" [1]).

Далѣе, когда мы ознакомимся съ трудами Спасовича по уголовному праву, мы оцѣнимъ главныя причины его успѣха; пока же отмѣтимъ, что не только по формѣ, но и по духу и по содержанію его чтенія и его преподаваніе стояли на научной высотѣ, несоизмѣримой съ научнымъ уровнемъ его предшественниковъ по каѳедрѣ.

Но недолго суждено ему было заниматься профессорской дѣятельностью.

Въ 1861 году въ петербургскомъ университетѣ произошли длительныя и серьезныя студенческія волненія; эти волненія особенно обострились, когда въ университетской политикѣ верхъ взяло теченіе, враждебное какимъ бы то ни было студенческимъ организаціямъ, и принудительно были введены такъ называемыя „матрикулы". Небольшой тѣсный кружокъ профессоровъ (К. Д. Кавелинъ, А. Н. Пыпинъ, Б. И. Утинъ и М. М. Стасюлевичъ), къ которому сразу же примкнулъ въ университетѣ Спасовичъ, продолжалъ и въ это бурное время отстаивать идею университетской автономіи и предоставленіе студентамъ права собираться, имѣть свои выборные органы и т. д. Съ наступленіемъ „новаго курса" весь кружокъ подалъ въ отставку и не вернулся въ университетъ даже со введеніемъ новаго устава 1863 года, явившагося крупнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ прошлымъ, но не давшаго очень многаго изъ того, что названные профессора считали существеннымъ и необходимымъ для развитія и процвѣтанія университета.

---

[1]) А. Кони: „Очерки и воспоминанія" (1906), стр. 772—773.

Въ общемъ солидарно съ этимъ кружкомъ дѣйствовалъ и Спасовичъ. Правда, онъ продолжалъ работать для университета, участвуя по приглашенію новаго министра народнаго просвѣщенія въ разныхъ коммиссіяхъ по университетскимъ дѣламъ (о чемъ свидѣтельствуетъ въ своемъ дневникѣ профессоръ и академикъ А. В. Никитенко) и въ выработкѣ университетскаго устава, но въ университетъ онъ уже не вернулся и, оставаясь съ марта 1862 года причисленнымъ къ министерству народнаго просвѣщенія, занялъ профессуру уголовнаго права уже въ другомъ мѣстѣ,—въ училищѣ правовѣдѣнія, куда поступилъ еще въ декабрѣ 1861 года. Преподавалъ онъ также нѣкоторое время въ аудиторскомъ училищѣ (вмѣсто котораго потомъ была создана военно-юридическая академія), но вообще дни его преподавательской дѣятельности были сочтены, и она окончательно прекратилась въ 1864 году по причинамъ до сихъ поръ невыясненнымъ; одно можно сказать съ увѣренностью, что не прошелъ безслѣдно тотъ градъ обвиненій и подозрѣній, который былъ вызванъ опубликованіемъ въ 1863 году „Учебника уголовнаго права“ Спасовича (за который В. Д. получилъ степень доктора уголовнаго права). Недаромъ впослѣдствіи было даже запрещено печатать этотъ учебникъ вторымъ изданіемъ. Не увѣнчалась успѣхомъ и предпринятая Спасовичемъ вслѣдъ за этимъ попытка получить профессуру, хотя бы въ провинціи. Онъ рѣшился оставить Петербургъ, съ которымъ успѣлъ сродниться и гдѣ завязалъ цѣлый рядъ установившихся дружескихъ связей, и ѣхать профессоромъ въ далекую (а при путяхъ сообщенія того времени чрезвычайно далекую) Казань; онъ уже началъ усиленно готовиться къ чтенію лекцій, но приступить къ нимъ ему не пришлось: онъ былъ отставленъ послѣ состоявшагося уже назначенія по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, о которыхъ Спасовичъ (по свидѣтельству М. М. Винавера) узналъ лишь незадолго до своей смерти при разборѣ бумагъ покойнаго В. А. Арцимовича.

Итакъ, В. Д. пришлось отказаться отъ мысли о любимой дѣятельности, отказаться поневолѣ, ибо не онъ ушелъ, а его „отставили“, какъ отмѣтилъ онъ самъ въ своей юбилейной рѣчи, добавивъ при этомъ съ горькой ироніей: „Вѣроятно таковъ ужъ мой темпераментъ, къ государственнымъ дѣламъ не подходящій“.

Несомнѣнно, для Спасовича это былъ большой ударъ, и мы никакъ не можемъ согласиться съ однимъ изъ товарищей Спасовича по адвокатурѣ, который вопреки признаніямъ самого Спасовича, въ глубоко прочувствованной и яркой статьѣ, посвященной Спасовичу, какъ человѣку и судебному дѣятелю, утверждаетъ,

что не профессура была истиннымъ призваніемъ Спасовича, что „вся живая, настоящая, дѣйственная натура Спасовича, весь складъ его ума, всѣ порывы его сердца толкали его въ другую сторону; они влекли его на болѣе бурное поприще, туда, гдѣ въ условіяхъ борьбы—жестокой, повседневной борьбы—онъ могъ ...укрѣплять въ области людскихъ отношеній тѣ идейныя начала, которыя были ему особенно дороги“ [1])...

Во-первыхъ, благодаря спеціальнымъ условіямъ русской жизни, профессура до сихъ поръ отнюдь не является мирной и спокойной пристанью, болѣе соотвѣтствующей людямъ созерцательнаго и во всякомъ случаѣ не боевого темперамента; бурныя волны жизни непрерывно вторгаются и въ университетскія аудиторіи, и въ „тишину ученаго кабинета“. И теперь, и во времена Спасовича, не закончился еще тотъ процессъ, послѣ котораго начинается дифференціація и появляется ясная грань между ученой дѣятельностью съ одной стороны и политической — съ другой. Русскому профессору приходится становиться въ близкое соприкосновеніе не только съ книгами, но и съ дѣйствительностью, ибо мы все еще не вышли изъ періода, когда, по образному выраженію Моммсена, нужно „надѣвать тогу гражданина, не боясь скомпрометтировать ею шлафрокъ ученаго“.

Во-вторыхъ, дѣйствуя на университетской каѳедрѣ и въ публичной аудиторіи и проявляя въ своихъ ученыхъ трудахъ отзывчивость къ наиболѣе назрѣвшимъ вопросамъ, профессоръ можетъ не менѣе, а болѣе, чѣмъ на трибунѣ адвоката, укрѣплять въ области людскихъ отношеній тѣ особенно дорогія ему начала, о которыхъ говоритъ М. М. Винаверъ; не даромъ же Спасовичъ мыслилъ университетъ и русское общество XIX в. не иначе какъ въ системѣ взаимнаго, „живого ихъ другъ на друга воздѣйствія“.

Наконецъ, еслибы Спасовичъ заблуждался, еслибы самообманомъ были его неоднократныя признанія и увѣренія, что профессура была его „истиннымъ призваніемъ“ и „наиболѣе любимымъ дѣломъ“, что лишь „немилость судьбы“ оторвала его отъ „профессіи, которая ему была наиболѣе по душѣ“, то, конечно, мы не видѣли бы того перехода изъ одного учебнаго заведенія въ другое, той готовности бросить всѣ связи и ѣхать сравнительно въ глушь, лишь бы не разстаться съ любимымъ дѣломъ, съ которымъ мы выше познакомились...

Такимъ образомъ 1863 — 1866 годы были для Спасовича

---

[1]) М. М. Винаверъ, „Спасовичъ“, Право, 1907 г., № 2, стр. 84—85.

тѣмъ тяжелымъ періодомъ, когда рвалась и, наконецъ, окончательно оборвалась его связь съ профессорской каѳедрой. За этотъ періодъ онъ неутомимо работалъ для науки уголовнаго права. Въ началѣ 1863 года выходитъ въ свѣтъ его учебникъ уголовнаго права; къ тому же, приблизительно, времени относится его полемика съ Лохвицкимъ по вопросу о диффамаціи, гдѣ Спасовичъ съ энергіей и несокрушимой логикой обрушивался на попытки принципіально защищать возбужденіе процессовъ о диффамаціи, всегда имѣющихъ ту темную сторону, что въ нихъ по рукамъ и ногамъ связана защита.

Въ это же время В. Д. неутомимо работаетъ въ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ, особенно юридическихъ, которые зародились и оживились во время выработки судебной реформы и ожиданій введенія ея въ дѣйствіе. Кромѣ кружка Кавелина онъ, по свидѣтельству К. К. Арсеньева, участвовалъ въ собраніяхъ, организованныхъ С. Ф. Христіановичемъ, и въ собраніяхъ, еще раньше возникшихъ по иниціативѣ Д. В. Стасова; когда же эти собранія прекратились, В. Д. возобновилъ ихъ у себя и велъ съ неослабѣвающей энергіей вплоть до открытія юридическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ. За это же время (1865 годъ) онъ выпускаетъ въ свѣтъ статью „Права авторскія и контрафакція“, маленькій научный фельетонъ „Теорія взлома“,—этотъ маленькій литературно-научный перлъ, котораго мы коснемся ниже, небольшую, но интересную замѣтку о смертной казни и подробный разборъ уголовно-статистическихъ этюдовъ Неклюдова [1]).

Затѣмъ какъ будто идетъ большой перерывъ. Въ 1866 году Спасовичъ вступаетъ въ число перваго состава присяжныхъ повѣренныхъ округа петербургской судебной палаты, будучи принятъ въ первомъ же засѣданіи только-что сформировавшагося совѣта при близкомъ участіи въ этомъ дѣлѣ Арсеньева, Стасова и Турчанинова; съ этихъ поръ съ жаромъ отдается онъ трудамъ на поприщѣ адвокатуры, рука объ руку съ которыми пошла дѣятельная литературная работа самаго разнообразнаго содержанія, причемъ большинство изъ своихъ произведеній В. Д. помѣщаетъ въ видѣ статей въ „Вѣстникѣ Европы“, а до 1866 г.— въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ Корша, гдѣ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ.

---

[1]) Къ этому же времени (1864—1865 гг.) относится участіе Спасовича въ законодательной работѣ по уголовному праву: онъ былъ однимъ изъ составителей военно-судебныхъ уставовъ 1867 года.

III.

Въ адвокатурѣ Спасовичъ быстро завоевываетъ одно изъ первыхъ мѣстъ и становится тѣмъ „знаменитымъ Спасовичемъ“, каждое выступленіе котораго привлекаетъ общее вниманіе и оставляетъ яркій слѣдъ въ анналахъ русскаго суда. Мы не находимъ въ его рѣчахъ и манерѣ говорить внѣшняго блеска и красивыхъ эффектовъ; языкъ часто неправиленъ; нѣтъ изящества и размѣренности въ жестахъ; голосъ отчетливъ, но не подкупаетъ ни бархатистостью, ни мягкостью тембра. И, несмотря на все это, Спасовичъ являлся однимъ изъ крупнѣйшихъ судебныхъ ораторовъ и его рѣчи оставляли въ душахъ слушателей неизгладимый слѣдъ. Внѣшняя красота съ избыткомъ замѣнялась оригинальностью и образностью рѣчи. Глубина содержанія, одинаково богатая разработка фактической и юридической стороны, внимательное изученіе и выпуклая обрисовка не только дѣянія, но и личности подсудимаго, его духовныхъ свойствъ, а также ростившей и окружавшей его соціальной атмосферы, тонкій анализъ, произведенный во всеоружіи обширныхъ и разнообразныхъ научныхъ знаній, сила неотразимой логики, исчерпывающая аргументація, тонкая иронія, порой ѣдкій сарказмъ — все это придаетъ его судебнымъ рѣчамъ особую силу и дѣлаетъ его въ судебной борьбѣ противникомъ почти несокрушимымъ.

Сословіе не могло не оцѣнить такого сочлена, и мы видимъ Спасовича въ роли почти безсмѣннаго члена совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, причемъ многіе годы онъ является главою сословія въ роли предсѣдателя совѣта.

Принимая во вниманіе, что это вліятельное положеніе Спасовичъ занималъ въ первый періодъ бытія русской адвокатуры, когда приходилось создавать и укрѣплять самыя основы корпоративныхъ понятій и корпоративной этики, мы не можемъ не отмѣтить, что въ дѣлѣ подъема на извѣстную высоту этихъ понятій и этики въ средѣ адвокатуры петербургскаго округа В. Д. сыгралъ замѣтную и почетную роль. Но, не желая переходить въ панегирическій тонъ, мы не станемъ доказывать, что *всѣ* начала, защищаемыя В. Д., были плодотворны и высоко-этичны; мы даже находимъ, что иногда его взгляды были слишкомъ формальными и что тѣ нападки, которымъ онъ подвергся въ литературѣ со стороны Достоевскаго и отчасти Салтыкова, были невполнѣ безосновательны. Въ одной изъ застольныхъ рѣчей В. Д.

далъ слѣдующую характерную формулу: „Есть интересы, въ данную минуту непопулярные, а между тѣмъ вполнѣ законные. Присяжный повѣренный никогда не долженъ быть въ рабскомъ отношеніи къ общественному мнѣнію, лакействовать передъ этимъ мнѣніемъ. Идеаломъ для авдокатуры должно служить такое состояніе, когда самый непопулярный интересъ, насколько онъ законенъ, можетъ легко себѣ найти своего бойца“.

Поскольку эта формула возставала противъ рабства и лакейства передъ общественнымъ мнѣніемъ, она, несомнѣнно, вела адвокатуру на вѣрный путь: нужно имѣть мужество плыть противъ господствующаго теченія, если этого требуютъ разумъ и совѣсть. Но вторая половина формулы шла гораздо дальше; она a priori давала руководящія указанія разуму и совѣсти, и притомъ указанія чисто формальныя и недоказанныя. *Всякій законный* интересъ, какъ бы непопуляренъ онъ ни былъ, не только долженъ находить себѣ защитника въ средѣ адвокатуры, но и самое нахожденіе объявляется идеаломъ адвокатуры. Почему? Развѣ законы стоятъ на такой высотѣ, что торжество формальной законности есть торжество справедливости? Развѣ отказъ отъ защиты такого интереса не можетъ проистекать, безъ всякаго угодничества общественному мнѣнію, изъ нежеланія помогать побѣдѣ формальной правды надъ правдой истинной? — Эти и подобные вопросы Спасовичъ оставилъ безъ отвѣта. А между тѣмъ, если можно не осуждать адвоката, настолько чтущаго законъ и неуклонное его примѣненіе, что онъ берется за защиту всякаго законнаго интереса, оставляя безъ вниманія этическую сторону дѣла, то, очевидно, нельзя дѣлать обобщеній и возводить въ идеалъ подобный образъ дѣйствій: объявивъ здѣсь разрывъ съ этикой, мы попадемъ на очень скользкую почву и можемъ даже, сами того не желая, возвести въ перлъ созданія оппортунизмъ, прикрывающій корыстныя вожделѣнія ссылкой на формально-законную оболочку защищаемаго неправаго дѣла.

Не сходясь такимъ образомъ во взглядахъ съ В. Д. на одинъ изъ данныхъ имъ сословію директивовъ, мы должны отмѣтить, что въ массѣ случаевъ директивы В. Д. были высоко важны и плодотворны. Онъ требовалъ мужественной борьбы за свободу защиты и за ея права, онъ указывалъ на идею справедливости, какъ на лучшую руководящую идею эпохи, онъ вмѣнялъ въ доблесть адвокату энергичное отстаиванье правъ „единицы страдающей, тѣснимой и защищающейся“, для него дорогъ вольнолюбивый духъ адвокатуры и отзывчивость адвоката на такія событія въ жизни родины, когда нужно „заявить себя гражданами

и вообще европейцами", и т. д. Словомъ, и здѣсь его заслуги обширны и несомнѣнны.

Мы уже упоминали, что рядомъ съ адвокатской пошла у Спасовича дѣятельная литературная работа, относительно которой мы ограничимся самыми краткими указаніями. Она отличается большимъ разнообразіемъ содержанія; В. Д. пишетъ характеристики корифеевъ русской и польской поэзіи, съ особымъ вниманіемъ и любовью останавливаясь на Пушкинѣ и Мицкевичѣ, но отмѣчая и рядъ другихъ лицъ и литературныхъ явленій; онъ затрогиваетъ отдѣльные вопросы европейской литературы, останавливаясь главнымъ образомъ на томъ, что имѣетъ серьезное историческое и общечеловѣческое значеніе (Гамлетъ, Байронъ, дружба Шиллера и Гете и т. д.); онъ, далѣе, даетъ систематическіе очерки по исторіи литературы, — это написанная на русскомъ языкѣ исторія польской литературы, серьезный и глубокій трудъ, который самъ авторъ считалъ „задушевнѣйшимъ изъ своихъ произведеній".

Затѣмъ рядъ работъ посвященъ у Спасовича вопросамъ этики, соціологіи и національнымъ. По двумъ первымъ мы отмѣтимъ разборъ ученія Тарда о морали, разборъ книги Кавелина „Задачи этики", разборъ соціологическихъ работъ Стронина и вниманіе къ тѣмъ же мотивамъ въ статьѣ о Кавелинѣ. Второй вопросъ—національный и въ частности славянскій и связанный съ нимъ вопросъ о русско-польскихъ отношеніяхъ — является однимъ изъ наиболѣе близкихъ сердцу Спасовича; его онъ затрагиваетъ весьма часто и въ критическихъ статьяхъ, и въ историко-литературныхъ очеркахъ, и даже въ рѣчахъ по политическимъ процессамъ, обрисовывая и иногда сопоставляя почву и обстановку русскаго и польскаго революціонизма.

Не претендуя на критическую оцѣнку литературныхъ и публицистическихъ трудовъ Спасовича, мы не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ, по нашему мнѣнію, чертъ. Въ этихъ работахъ мы не встрѣчаемъ обильныхъ ссылокъ на авторитеты и вообще обширнаго такъ называемаго ученаго аппарата; но всегда видно, что авторъ глубоко продумалъ затронутые имъ сюжеты, и что они близки его сердцу. Отсюда оригинальность, иногда парадоксальность, но всегда отсутствіе шаблона. Можно не соглашаться съ авторомъ, можно найти предвзятой ту или иную изъ его идей, но нельзя встрѣтить перепѣвовъ и нельзя не увлечься широтой взглядовъ и мѣткостью характеристикъ. Особенно яркими являются тѣ статьи, въ которыхъ затронутъ вопросъ національный; какъ мощные аккорды звучатъ

здѣсь идеи братства и солидарности народовъ, проповѣдь необходимости взаимнаго изученія культурныхъ и политическихъ идеаловъ, уваженія къ особенностямъ каждой національности и предоставленія широкаго простора для развитія ея духовныхъ силъ. Главнымъ образомъ, все это писалось въ примѣненіи къ славянскому вопросу и въ частности къ русско-польскимъ отношеніямъ; въ нихъ Спасовичъ желалъ внести братскую примиряющую ноту и работалъ для этой цѣли съ особой интенсивностью, которая между прочимъ выразилась въ близкомъ и постоянномъ участіи въ польской петербургской газетѣ „Край" и въ изданіи въ Варшавѣ журнала „Атенеумъ".

Но мы бы ошиблись, еслибы предположили, что живая и кипучая адвокатская и литературная дѣятельность увела Спасовича далеко въ сторону отъ работы въ области науки уголовнаго права.

Конечно, онъ не могъ отдавать научнымъ занятіямъ столько времени, какъ прежде, и не могъ слѣдить за наукой такъ же тщательно, какъ это онъ дѣлалъ, когда былъ профессоромъ и наука составляла главное содержаніе его жизни. Но, во-первыхъ, адвокатскія рѣчи В. Д. по уголовнымъ дѣламъ носятъ на себѣ вплоть до его послѣднихъ дней ясный отпечатокъ вниманія къ научной литературѣ и освѣжаемыхъ теоретическихъ познаній; во-вторыхъ, Спасовичъ играетъ весьма дѣятельную роль въ открывшемся съ 1877 года въ Петербургѣ юридическомъ обществѣ, являясь то товарищемъ предсѣдателя общества, то членомъ редакціоннаго комитета, то предсѣдателемъ уголовнаго отдѣленія, трудами котораго В. Д. руководилъ 8 лѣтъ; девятнадцать докладовъ и рѣчей — таковъ научный вкладъ его въ дѣятельность общества; одиннадцать изъ нихъ посвящены вопросамъ уголовнаго права и процесса, затрогиваютъ разнообразные вопросы, иногда громадной важности (напримѣръ, о преступленіяхъ противъ вѣры или о правахъ обвиняемаго по вызову свидѣтелей къ судебному слѣдствію) и отличаются серьезными научными достоинствами. Въ-третьихъ, Спасовичъ принимаетъ живое участіе въ научныхъ съѣздахъ; такъ, въ 1875 году онъ участвуетъ въ первомъ (и, къ сожалѣнію, по независящимъ обстоятельствамъ, до сихъ поръ послѣднемъ) съѣздѣ русскихъ юристовъ, а въ 1890 году—въ четвертомъ международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ, на одномъ изъ засѣданій котораго произноситъ блестящую рѣчь о Джонѣ Говардѣ. Наконецъ, въ 1891 году онъ снова выступаетъ передъ публикой какъ лекторъ-криминалистъ, прочитавъ въ „Соляномъ Городкѣ" рядъ лекцій „о новыхъ направленіяхъ въ

наукѣ уголовнаго права“, которыя затѣмъ появляются въ печати и не разъ переиздаются.

Какъ видимъ, живая связь Спасовича съ наукой уголовнаго права не порвалась. Намъ предстоитъ теперь отмѣтить существенныя черты его дѣятельности въ этой области, какъ въ первый періодъ, такъ и въ позднѣйшее время.

IV.

Мы не будемъ строго придерживаться хронологическаго порядка и сосредоточимся исключительно на работахъ В. Д. по уголовному праву, раздѣливъ ихъ на матеріальныя и процессуальныя, хотя не можемъ не отмѣтить, что въ области гражданскаго права Спасовичъ далъ рядъ небольшихъ, но ярко и живо написанныхъ статей, а въ области международнаго права его работа „О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза“ встрѣтила вполнѣ сочувственную оцѣнку.

Изъ работъ В. Д. по матеріальному уголовному праву главное значеніе, конечно, имѣетъ его учебникъ. Въ свое время это былъ трудъ не только первый, но и единственный, ибо до его появленія книги, имѣющія характеръ учебниковъ уголовнаго права, не стояли у насъ на достаточной высотѣ и освѣщали преступленіе и наказаніе такъ, что авторитетъ научной мысли оказывался подчиненнымъ и подавленнымъ основными идеями свода законовъ [1]), а рядъ уродливыхъ явленій, столь обильныхъ въ до-реформенномъ правѣ, освѣщался спокойно и безъ критики, или, что гораздо хуже, съ патетическимъ одобреніемъ и декламаціей на тему о превосходствѣ нашихъ порядковъ надъ западными и о страждущей совѣсти преступника, требующей кнута или плетей для примиренія его съ самимъ собою.

По духу своему и направленію учебникъ стоитъ на уровнѣ лучшихъ европейскихъ курсовъ своего времени. Но ни замѣтное вліяніе Бернера, ни таковое же Миттермайера не уничтожаютъ индивидуальности автора и не позволяютъ признать его трудъ компиляціей: авторъ, какъ увидимъ далѣе, привлекаетъ много

---

[1]) Мы не беремъ въ разсчетъ маленькую работу Неймана: „Начальныя основанія уголовнаго права“ (1814 года), гдѣ имѣется много интересныхъ общихъ теоретическихъ положеній, но изложеніе неполно и отрывочно и совершенно не касается дѣйствовавшаго тогда русскаго уголовнаго права; имѣющія же характеры учебниковъ, хотя и неполныя работы Чебышева-Дмитріева и Жиряева вышли въ свѣтъ, когда учебникъ В. Д. былъ уже готовъ.

собственнаго матеріала и умѣетъ каждому предмету дать самостоятельное освѣщеніе.

Учебникъ охватываетъ всю общую часть уголовнаго права; онъ излагаетъ ее въ довольно стройной системѣ, вездѣ выдвигая на первый планъ теоретическую сторону, но не оставляя безъ вниманія исторію идей и институтовъ и положительное право русское и иностранное.

Такой планъ и характеръ учебника приняты Спасовичемъ вполнѣ сознательно; онъ не чуждался русскаго положительнаго права, знаніе котораго считалъ безусловно необходимымъ для образованнаго юриста, но онъ справедливо утверждалъ, что положительное законодательство содержитъ лишь сухіе, немотивированные запреты или приказы и является для науки лишь грубымъ и сырымъ матеріаломъ, и что задачей науки является „осмысливаніе положительнаго закона", раскрытіе „породившихъ его причинъ" и „потребностей народнаго быта", сведеніе матеріала „къ немногимъ кореннымъ юридическимъ идеямъ" путемъ „исключенія всего несущественнаго и случайнаго" и созданіе „стройной системы понятій о правосудіи уголовномъ".

Если здѣсь рѣзко подчеркнута философско-догматическая задача и лишь неясные штрихи говорятъ о задачѣ политической, о работѣ для созданія лучшаго права, то отсюда еще нельзя дѣлать выводы объ отрицательномъ отношеніи Спасовича къ этой второй задачѣ: напротивъ, его изложеніе и критика часто сопровождаются выработанными предложеніями de lege ferenda и стремленіе къ извѣстному и близкому его душѣ идеалу правосудія живо чувствуется во всей книгѣ.

Для разрѣшенія поставленныхъ себѣ задачъ В. Д. обильно пользуется сравнительнымъ методомъ и историческими экскурсами. Онъ считаетъ необходимымъ употребленіе сравнительнаго метода почти на каждомъ шагу, утверждаетъ, что безъ него „теперь не можетъ обходиться наука законовѣдѣнія ни въ одной изъ своихъ отраслей", — а потому дѣйствительно прибѣгаетъ къ нему постоянно, то сопоставляя обрисовку разныхъ институтовъ, данную европейскими учеными, то приводя обильный матеріалъ изъ законовъ Англіи, Франціи, партикулярныхъ германскихъ государствъ и т. д.

Изъ историческихъ экскурсовъ В. Д. прежде всего нужно отмѣтить блестящій очеркъ, посвященный исторической смѣнѣ взглядовъ на обоснованіе, цѣли и сущность права наказанія. Многимъ построеніямъ (Канта, Гегеля, Шталя, Фейербаха, Бентама, Оуэна и др.) здѣсь дана столь ясная формулировка и

вѣрная оцѣнка, что послѣдующимъ изслѣдователямъ пришлось лишь повторять В. Д. и ограничиваться дополненіями его изложенія.

Далѣе, весьма ярки и характерны у Спасовича страницы, трактующія исторію наказанія и въ частности такихъ его формъ, какъ ссылка.

При изложеніи исторіи ссылки В. Д. главнымъ образомъ пользуется матеріалами Гольцендорфа, но, во-первыхъ, дополняетъ эти матеріалы интересными данными изъ англійскихъ и французскихъ источниковъ, а во-вторыхъ, отливаетъ эти матеріалы въ сжатую, выпуклую и образную форму, соотвѣтствующую его оригинально мыслящей и излагающей личности. Особенно интересны страницы, посвященныя Риму. Здѣсь авторъ не только даетъ картину исторической смѣны уголовно-правовыхъ явленій, но и вскрываетъ ихъ подпочву, ихъ соціальную подкладку и связь съ перемѣнами общаго режима, на все налагавшаго свой отпечатокъ. Онъ уясняетъ намъ, что „въ древнемъ мірѣ дѣятельность политическая стояла неизмѣримо выше всякой иной и составляла для каждаго гражданина все счастіе, все благо, все достоинство и назначеніе его жизни", и даетъ ключъ къ пониманію того, какимъ образомъ изгнаніе, не сопровождаемое даже страданіями и лишеніями, было тягчайшимъ зломъ и имѣло болѣе чѣмъ достаточную репрессивную силу. Онъ ярко рисуетъ „величавую" карательную систему Рима и показываетъ, какъ неизбѣжно она преобразовалась послѣ кончины республиканскаго образа правленія, какъ явилось неравенство наказаній для знатныхъ и незнатныхъ, какъ „опошлѣла жизнь, потеряло свою цѣну званіе гражданина и единственнымъ источникомъ наслажденій стали частный бытъ, чувственныя наслажденія и изысканная роскошь" [1]). Перерождается вся карательная система; выростаютъ и новыя тяжкія формы ссылки.

Пусть мы не соглашаемся съ авторомъ въ его общей весьма оптимистической оцѣнкѣ ссылки, какъ карательнаго института; мы все же должны будемъ признать, что свой взглядъ авторъ обстоятельно аргументировалъ и снабдилъ яркими историческими иллюстраціями, лишь незначительная часть которыхъ нами выше указана.

То же придется сказать и относительно другихъ отдѣловъ учебника. Если въ вопросахъ конструктивнаго характера и въ изложеніи положительнаго права учебникъ для нашихъ дней

---

[1]) Спасовичъ, „Учебникъ", особ. стр. 203—211.

является уже во многомъ устарѣвшимъ, то за то въ томъ же учебникѣ нерѣдки страницы, еще и до сихъ поръ дышащія свѣжестью и современностью, несмотря на рядъ реформъ въ законодательствѣ и мощный ростъ ученій, явившихся въ свѣтъ позже книги В. Д.

Мы остановимся на пунктахъ, которые намъ кажутся наиболѣе важными. Въ центрѣ современной карательной системы стоитъ лишеніе свободы; оно варьируется на всѣ лады и можетъ принимать разнообразныя формы, несоизмѣримыя по своей тяжести; отдѣльные его виды имѣютъ энергичныхъ и пламенныхъ сторонниковъ, иногда доходящихъ до фанатизма и неразрывно связаннаго съ нимъ ослѣпленія. Одни видятъ все спасеніе въ системѣ молчанія и хотѣли бы эту систему сдѣлать единственной; отдѣльные, наиболѣе увлекающіеся ея сторонники готовы проводить ее даже въ тюремныхъ лазаретахъ, желая во имя чистоты принципа заградить уста преступнику на одрѣ болѣзни и чуть ли не на смертномъ ложѣ. Другіе съ такой же исключительностью отстаиваютъ идею одиночнаго заключенія, видя въ ней спасительный выходъ изъ всѣхъ трудностей, неразрывно связанныхъ съ сложнымъ тюремнымъ дѣломъ. Третьи исключительное вниманіе обращаютъ на вопросъ объ организаціи тюремнаго труда, не считаясь или мало считаясь съ другими пенитенціарными задачами, и т. п.

Ничего напоминающаго такую односторонность не встрѣчаемъ мы у Спасовича. Хотя во время выхода въ свѣтъ его учебника увлеченіе идеей одиночнаго заключенія достигло едва ли не кульминаціоннаго своего пункта, хотя всецѣло отдался защитѣ этой идеи такой корифей современной Спасовичу европейской науки, какъ Миттермайеръ, В. Д. не поддался увлеченію. Вполнѣ признавая важность одиночнаго заключенія, какъ карательной мѣры, и цѣлесообразность широкаго его примѣненія, В. Д. вноситъ общее и чрезвычайно важное ограниченіе: онъ напоминаетъ, что „главное назначеніе одиночества состоитъ въ томъ, чтобы расположить преступника къ исправленію; поэтому, разъ эта цѣль достигнута, одиночество уже не нужно; всѣ усилія правосудія должны быть направлены къ тому, чтобы сдѣлать изъ преступника не существо страдательное, тупоумное, слабовольное, но къ тому, чтобы, поддерживая въ немъ силу воли, постоянно дѣлать его свободнымъ, самостоятельнымъ, готовя его къ возвращенію въ общество“.

Стоя на такой глубоко соціальной и психологически вѣрной точкѣ зрѣнія, В. Д. проводилъ ее и въ другихъ вопросахъ, свя-

занныхъ съ тюремнымъ дѣломъ; онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на англо-ирландскую систему переходныхъ тюремъ, рекомендовалъ ее и уяснилъ ея значеніе, состоящее главнымъ образомъ въ томъ, что уничтожается переходъ отъ крайняго стѣсненія къ полной свободѣ и вводится такое промежуточное звено, благодаря которому воля понемногу закаляется отъ искушеній.

Обращаясь къ другимъ родамъ наказаній, мы найдемъ у В. Д. не менѣе интересные и цѣнные взгляды. Рѣже выступаетъ онъ противъ наказаній обезчещивающихъ, не допуская существованія ихъ въ законодательствѣ; онъ видитъ въ нихъ „остатокъ старинной системы устрашенія“, „неоправдываемый логически и весьма вредный по своимъ послѣдствіямъ“. Въ немногихъ сжатыхъ и вѣскихъ словахъ вскрываетъ онъ юридическую природу вопроса, и вопросъ оказывается исчерпаннымъ: „Честь личная не жалуется государствомъ, не приходитъ извнѣ, а струится, такъ сказать, изъ самого лица; такъ какъ она не зависитъ отъ государства, то государство и лишать ея не можетъ“. Не менѣе энергиченъ и протестъ В. Д. противъ тѣлесныхъ наказаній всякаго рода, которыя онъ образно именуетъ „тѣлесной казнью, младшей сестрою смертной казни“. Изъ цѣлаго ряда аргументовъ, здѣсь приведенныхъ, мы отмѣтимъ лишь одинъ, наиболѣе важный. В. Д. обличаетъ тѣхъ софистовъ, которые рекомендовали сѣчь простолюдина изъ состраданія къ нему, на томъ основаніи, будто бы послѣднему палка или розга сноснѣе денежной пени, которая заставитъ его голодать, или ареста, который лишитъ его работы, а слѣдовательно и средствъ къ пропитанію. На этихъ софистовъ В. Д. обрушивается со всею силой своего краснорѣчія и говоритъ слѣдующія незабвенныя слова: „Такимъ предположеніемъ нельзя пятнать цѣлые милліоны народонаселенія. Еслибы большинство въ народныхъ массахъ и не сознавало унизительности тѣлеснаго наказанія, то и это обстоятельство не резонъ, потому что въ массѣ равнодушныхъ найдутся многіе, которымъ розги будутъ обидны“. Но еслибы дѣло обстояло и не такъ, „законодатель не обязанъ подчиняться безусловно настроенію, привычкамъ и загрубѣлости массъ. Законодатель долженъ всячески заботиться о томъ, чтобы въ народѣ пробудились и расцвѣли понятія о личномъ достоинствѣ и чувствѣ чести личной, но эти чувства не могутъ развиваться и расцвѣтать въ массахъ подъ владычествомъ розогъ“ [1]).

---

[1]) Учебникъ, стр. 243, 280—281, 195—201, особ. стр. 198.

Тѣ же мысли и тѣ же чувства отразились и въ совершенно отрицательномъ отношеніи къ смертной казни; авторъ ставитъ здѣсь непереходимый барьеръ для государственной власти въ дѣлѣ наложенія ею каръ, ибо, приведя рядъ доводовъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности наказанія и разгромивъ „устарѣлыхъ защитниковъ крутыхъ мѣръ во имя Бога“, онъ принципіально отстаиваетъ ту позицію, что самая бо́льшая кара, на которую государство имѣетъ право по отношенію къ злодѣямъ, это исключеніе ихъ изъ общежитія и помѣщеніе за крѣпкими затворами, лишающими всякой возможности вліять на общество, вредить ему. По категорическому заявленію автора „все, что переходитъ за эту крайнюю мѣру наказанія, будетъ жестокостью, варварствомъ, безчеловѣчіемъ“.

Само собою разумѣется, что такъ ставить вопросъ можно было только отрицая идею устрашенія; и дѣйствительно, В. Д. неоднократно наноситъ этой идеѣ свои удары; онъ отрицаетъ у государства право „видомъ страданія преступника пугать другихъ“; онъ показываетъ намъ въ исторической перспективѣ, какъ система террора развивалась вездѣ въ Европѣ съ усиленіемъ центральной власти, прибиравшей къ своимъ рукамъ всѣ общественные дѣла и интересы, и какъ противъ этой системы возстала во имя униженнаго и оскорбленнаго достоинства человѣка философія XVIII столѣтія; онъ, наконецъ, указываетъ законодателю высокую задачу бороться съ преступностью тѣмъ путемъ, который въ наши дни одни именуютъ путемъ этическимъ (Владиміровъ), другіе (Петражицкій)—путемъ вниманія къ мотиваціи гражданъ. По его словамъ, „грозою и страхомъ можно господствовать только надъ рабами... человѣку противно подчиняться одной только внѣшней необходимости... законодательству слѣдуетъ не искажать эти благородные инстинкты, но поддерживать ихъ, стараться всячески о возвышеніи достоинства человѣка, которое будетъ унижено, если на массу будемъ смотрѣть какъ на толпу животныхъ, которыхъ можно пугать и заставлять повиноваться видомъ частыхъ казней“ [1])...

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ затрогиваетъ вопросы, казалось бы—исчерпанные, онъ умѣетъ привнести въ ихъ освѣщеніе свою оригинальную ноту. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о вліяніи христіанства на уголовное правосудіе. В. Д. высоко цѣнитъ это вліяніе; по его словамъ, „вездѣ въ Европѣ въ грубое первобытное общество христіанство внесло свой возвышенный

---

[1]) Учебникъ, стр. 34—36, 182, 184—185 и особ. 65.

взглядъ на преступленіе, какъ на грѣхъ и болѣзнь душевную, свое отвращеніе отъ насилія и кровопролитія; оно старалось врачевать испорченную волю, очищая душу отъ скверны". Но В. Д. не закрываетъ глазъ и на тѣневую сторону вопроса; онъ неустанно отмѣчаетъ, какое „непостижимое жестокосердіе" часто проявляли поборники религіи, какъ охотно они вмѣсто „христіанскаго закона всепрощающей благодати" выдвигали „моисеевъ законъ мести", какое вредное вліяніе оказало сурово-аскетическое теченіе христіанской мысли, усмотрѣвшее „главную вину язычества въ его грѣховномъ снисхожденіи къ дѣламъ богомерзкимъ" и признавшее основной задачей правительства стремленіе къ тому, чтобы „не давать ни на минуту успокоиться мстящему мечу правосудія".

Затрагиваетъ В. Д. вопросъ о паденіи въ Римѣ политической свободы и о развившейся на этой почвѣ системѣ жестокихъ каръ — и сейчасъ же у него является глубокое по мысли обобщеніе. Онъ считаетъ необходимымъ сознаться, что „мы и до сихъ поръ живемъ преданіями деспотическаго кесарскаго Рима, съ тою только разницей, что движеніе нашихъ уголовныхъ законодательствъ совершается въ діаметрально противоположномъ направленіи. Римское уголовное право въ послѣдовательной своей порчѣ низошло наконецъ... до господства въ немъ безобразнаго, ничѣмъ не сдерживаемаго и неопредѣляемаго личнаго произвола. Крайняя точка (этого) паденія сдѣлалась исходною точкою отправленія нашихъ христіанскихъ законодательствъ, (но за то) съ каждымъ вѣкомъ глубже и шире становится пропасть, отдѣляющая насъ отъ Рима временъ императоровъ".

Таковы наиболѣе оригинальныя и выдающіяся стороны учебника Спасовича. Его чисто догматическія построенія во многомъ устарѣли, да и не могли не устарѣть за почти полувѣковой промежутокъ времени, но и тамъ заключается матеріалъ, не лишенный цѣнности. Укажемъ, напримѣръ, на мѣткую характеристику и прекрасный разборъ нашего уложенія о наказаніяхъ, на сжатое, но чрезвычайно отчетливое ученіе объ объектѣ преступленія, наконецъ, на серьезное вниманіе къ вопросу о значеніи мотивовъ преступленія. Въ послѣднемъ вопросѣ трудно согласиться съ рѣшеніемъ, которое даетъ В. Д., и примириться съ той стѣной, которую онъ воздвигаетъ между вмѣненіемъ нравственнымъ и юридическимъ, но важно уже то, что В. Д., въ отличіе отъ многихъ другихъ криминалистовъ, отнесся къ данному вопросу съ глубокимъ вниманіемъ и подробно разсмотрѣлъ его.

Какова же была судьба учебника Спасовича?—Обычная судьба талантливаго, свѣжаго и прогрессивнаго произведенія. На него ополчились всѣ обскуранты, создали книгѣ репутацію опасной, и второе ея изданіе *было воспрещено*, а академическая карьера автора, какъ мы уже знаемъ, встрѣтила на пути преграды и безвременно оборвалась. Съ пространной критикой на учебникъ выступилъ московскій профессоръ Юркевичъ, который, приступая къ дѣлу, сразу же заявилъ, что онъ побьетъ автора въ логикѣ, уничтожитъ въ метафизикѣ и взорветъ на воздухъ его психологію. Продолженіе соотвѣтствовало началу и являлось верхомъ тупости, наглости и невѣжества. Критикъ характеризуетъ учебникъ какъ непрерывный рядъ нелѣпостей, какъ „нелѣпую игру понятій“, гдѣ авторъ „льститъ каждой страсти и каждой глупости“. Сужденія В. Д., по мнѣнію Юркевича, безтолковы, опредѣленія безграмотны, а вся книга — „галиматья“, ибо „сочинитель“ ея „теряется словно сонный въ области самыхъ простыхъ понятій“. Убѣжденный поклонникъ крайне реакціоннаго философа Шталя, разсматривавшаго государство, какъ намѣстника Бога на землѣ, и требовавшаго неуклоннаго возмездія каждому преступнику за нарушеніе воли Божіей, выражающейся въ государственныхъ уголовныхъ законахъ, Юркевичъ приходитъ отъ учебника В. Д. въ крайнее негодованіе; онъ удивляется, какъ могутъ пользоваться спросомъ подобныя произведенія, признаетъ автора никуда негоднымъ юристомъ, а мысли его сравниваетъ съ міазмами.

Доказательствъ почти нѣтъ; ихъ замѣняютъ ссылки на непререкаемые въ глазахъ критика авторитеты Шталя, яко-бы признаннаго всѣмъ ученымъ міромъ, и Баршева; тамъ же, гдѣ доказательства приводятся, они настолько слабы и невразумительны, что Спасовичу въ своемъ отвѣтѣ ничего не стоило не оставить отъ нихъ камня на камнѣ. Этотъ блестящій, уничтожающій и полный эрудиціи отвѣтъ является однимъ изъ лучшихъ образцовъ полемики въ нашей литературѣ. В. Д. отвѣчаетъ въ тонѣ полномъ ироніи и спокойнаго достоинства, несмотря на то, что противникъ пустилъ по его адресу „рядъ стрѣлъ, обмокнутыхъ въ кураре и другія вещества, о которыхъ толкуетъ токсикологія“. Дѣйствительно, въ своей „ученой“ критикѣ Юркевичъ не постѣснялся дѣлать намеки чуть не на сочувствіе В. Д. „революціонному жонду“, обвинять его въ ереси, безбожіи, матеріализмѣ, коммунизмѣ, притворствѣ („мудрый ляхъ по шкоди“) и т. д., и т. п.

„Я (пишетъ въ своемъ отвѣтѣ Спасовичъ) оказываюсь въ одно и то же время переодѣтымъ іезуитомъ и коммунистомъ и

вообще человѣкомъ съ вреднѣйшимъ образомъ мыслей. Помилосердствуйте, г. рецензентъ, съ вашей критикой я надѣюсь справиться, но ваши намеки не безопасны".

Очень близкая дѣйствительность подтвердила, что намеки подѣйствовали и оказались небезопасными... Авторъ разстался съ профессурой, хотя и не разстался съ наукой.

М. Чувинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НИК. ИВ. ТУРГЕНЕВЪ
О
КРЕСТЬЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ
ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I

(По неизданнымъ матеріаламъ.)

I.

Относительно очень немногихъ декабристовъ мы можемъ установить, какъ развивались ихъ взгляды по вопросу объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Мы знаемъ три послѣдовательныхъ предположенія Никиты Мих. Муравьева по этому предмету (въ разныхъ редакціяхъ его проекта конституціи); есть различіе въ планахъ рѣшенія крестьянскаго вопроса П. И. Пестеля въ его болѣе раннихъ набросках и въ „Русской Правдѣ"; значительно измѣнились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и предположенія И. Д. Якушкина [1]). Но лишь относительно одного декабриста мы имѣемъ очень большое количество данныхъ, рисующихъ его міросозерцаніе въ этой области: я разумѣю Н. И. Тургенева, въ неизданныхъ дневникахъ, запискахъ и письмахъ котораго заключается обильный матеріалъ, для характеристики какъ его взглядовъ по этому предмету, такъ и его отношенія къ собственнымъ крестьянамъ. Этотъ матеріалъ, хранящійся въ архивѣ

---

[1]) О взглядахъ декабристовъ вообще на крестьянскій вопросъ см. мою статью въ „Русскомъ Богатствѣ" 1908 г., № 11.

Н. И. Тургенева, пожертвованномъ его сыномъ П. Н. Тургеневымъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Академіи Наукъ, такъ обширенъ, что его невозможно исчерпать въ одномъ сжатомъ очеркѣ, но я надѣюсь отмѣтить все наиболѣе важное и значительное во взглядахъ Тургенева на крестьянскій вопросъ въ царствованіе Александра I.

Въ предисловіи къ своему извѣстному сочиненію „La Russie et les Russes", изданному за-границей въ 1847 г., онъ говоритъ: „Принадлежа по своему рожденію къ классу рабовладѣльцевъ, я зналъ съ дѣтства тяжелое положеніе милліоновъ людей, которые стонутъ въ Россіи въ узахъ рабства; зрѣлище столь вопіющей несправедливости живо поразило мое юное воображеніе и оставило въ душѣ неизгладимое впечатлѣніе. Занятія въ гёттингенскомъ университетѣ только укрѣпили это впечатлѣніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разъяснили мнѣ негодность тѣхъ учрежденій, которыя управляютъ моею родиною".

Еще юношею, въ Москвѣ, Тургеневъ, какъ видно изъ его дневника (1807 г.), прочелъ знаменитую книгу Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", которая въ связи съ указанными выше личными наблюденіями не могла не содѣйствовать развитію въ немъ рѣзко-отрицательнаго отношенія къ крѣпостному праву. Но Тургеневъ, какъ мы увидимъ ниже, не усвоилъ вполнѣ той программы постепеннаго улучшенія быта, а затѣмъ и освобожденія крѣпостного населенія Россіи, съ надѣленіемъ крестьянъ землею, которую предложилъ Радищевъ, или по крайней мѣрѣ не рѣшался настаивать на ея осуществленіи [1]).

Во время пребыванія въ гёттингенскомъ университетѣ (съ осени 1808 г. до Пасхи 1811 г.) [2]) и чтеніе, и лекціи про-

[1]) По мнѣнію автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" прежде всего нужно было отдѣлить „сельское рабство" отъ „рабства домашняго" и уничтожить второе,—не дозволять помѣщикамъ превращать крестьянъ въ дворовыхъ, подъ угрозою ихъ освобожденія въ случаѣ нарушенія этого правила; онъ считалъ также необходимымъ разрѣшить крестьянамъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика и запретить брать выводныя деньги за невѣстъ. Вслѣдъ за тѣмъ крестьяне должны получить въ собственность земельный надѣлъ: „Удѣлъ въ землѣ, ими обработываемой, должны они имѣть собственностію, ибо платятъ сами подушную подать". Крестьянинъ получаетъ право собственности на все пріобрѣтенное имъ движимое имущество и право быть судимымъ равными себѣ, то-есть въ расправахъ, члены которыхъ выбирались бы и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Слѣдуетъ дозволить ему покупать землю, а также выкупаться на волю за опредѣленную сумму; нужно запретить произвольно наказывать его безъ суда. Затѣмъ настаетъ совершенное уничтоженіе „рабства".

[2]) См. статью *М. Л. Вишницера*: „Гёттингенскіе годы Н. И. Тургенева", „Минувшіе Годы" 1908 г., №№ 4—6.

фессоровъ заставляли Тургенева размышлять о главномъ злѣ русской жизни — крѣпостномъ правѣ [1]). Такъ, 27-го января (8 февраля) 1809 г. онъ записалъ въ дневникѣ: „сегодня читалъ . . . . . „Негры въ неволѣ", соч. Коцебу. Это чтеніе, хотя и пріятное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, возродило во мнѣ чрезвычайно непріятныя мысли. О Россія, Россія! Еслибы жизнь моя могла быть въ семъ случаѣ полезна славному, доброму русскому народу, сейчасъ радъ бы пожертвовать оною тысячу разъ!" Въ слѣдующемъ году онъ нѣсколько опредѣленнѣе высказываетъ свои намѣренія: „Священнѣйшимъ долгомъ рѣшился я поставить себѣ *улучшеніе состоянія* земледѣльцевъ, на которыхъ буду имѣть вліяніе" (т.-е. крѣпостныхъ имѣнія Тургеневыхъ въ Симбирской губерніи), „и послѣ трудами, доказательствами стараться поспѣшествовать *къ облегченію судьбы* земледѣльцевъ вообще въ Россіи". Этотъ обѣтъ Тургеневъ вполнѣ сдержалъ, но любопытно, что въ его юношеской программѣ мы не находимъ желанія *освободить* крестьянъ своей семьи: онъ говоритъ только объ улучшеніи, облегченіи ихъ положенія. Однако, 30 октября (н. с.) 1810 г., подробно отмѣчая свои мысли о томъ, что̀ слѣдовало бы предпринять въ ближайшемъ будущемъ относительно крѣпостныхъ крестьянъ, онъ утверждаетъ, что „рабство должно, кажется, быть первѣйшею цѣлью внутренняго правительства. Уничтоженіе онаго есть первый важнѣйшій шагъ къ достиженію всѣхъ цѣлей государственныхъ вообще". Къ сожалѣнію онъ задается совершенно невѣрною мыслью, что правительство можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи менѣе, чѣмъ частныя лица, хотя тутъ же восхищается „стараніемъ" Александра I уничтожить рабство. Убѣжденный (какъ послѣдователь Адама Смита) въ меньшей производительности рабскаго труда, сравнительно со свободнымъ, онъ считаетъ освобожденіе крестьянъ выгоднымъ самимъ помѣщикамъ, такъ какъ указываетъ на то, что для такого освобожденія „частные люди . . . . . должны видѣть (въ немъ) свою пользу". Программа юнаго Тургенева въ этотъ моментъ такова: нужно просвѣтить помѣщиковъ и убѣдить ихъ въ пользѣ для нихъ самихъ освобожденія ихъ крестьянъ; тогда лучшіе изъ нихъ объединятся съ этою цѣлью подъ покровительствомъ правительства, которое „можетъ даже показать дорогу, сдѣлать первый примѣръ" (вѣроятно въ казенныхъ и удѣльныхъ волостяхъ), а затѣмъ Тургеневъ разсчитывалъ на „духъ подражанія самыхъ бла-

[1]) Какъ видно изъ дневника позднѣйшаго времени, на него произвело впечатлѣніе указаніе въ лекціи проф. Геерена на то, что оброчная система выгоднѣе для крестьянъ, чѣмъ барщинная.

городнѣйшихъ душъ", которыхъ, однако же, полагалъ не лишнимъ подгонять къ освобожденію крестьянъ „разноцвѣтными ленточками", т.-е. орденами.

Во время этого пребыванія за-границею, а можетъ быть позднѣе, во время службы при Штейнѣ, Тургеневъ сдѣлалъ нѣкоторыя личныя наблюденія надъ бытомъ крестьянъ въ Вестфаліи: такъ, онъ замѣтилъ улучшеніе положенія крестьянъ этой страны во время французскаго владычества, между прочимъ вслѣдствіе пріобрѣтенія права выкупать барщинныя повинности [1].

Въ 1812 г. онъ возвратился на родину и въ Москвѣ познакомился съ ходившимъ по рукамъ въ рукописи возраженіемъ гр. Ѳ. В. Растопчина съ крѣпостнической точки зрѣнія на книгу гр. Стройновскаго „О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами" [2] и, въ своемъ отзывѣ о немъ въ дневникѣ, замѣтилъ, что Растопчинъ несправедливо думаетъ „о выгодахъ рабства" [3].

Тургеневъ поступилъ на службу секретаремъ ученаго комитета министерства финансовъ, но въ сентябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1813 года былъ назначенъ русскимъ коммиссаромъ въ центральный департаментъ временнаго управленія, учрежденный послѣ битвы при Лейпцигѣ по соглашенію пяти союзныхъ державъ (Россіи, Австріи, Пруссіи, Англіи и Швеціи), во главѣ котораго стоялъ знаменитый прусскій государственный дѣятель, баронъ Штейнъ [4].

Проѣзжая на пути за-границу по Лифляндіи въ половинѣ октября 1813 г., Тургеневъ отмѣчаетъ печальное положеніе

---

[1] La Russie et les Russes, II, 155.

[2] См. о книгѣ Стройновскаго и воззрѣніи на нее Растопчина мою книгу „Крестьянскій вопросъ", I, 295—300, 302—306.

[3] Тургеневъ не оцѣнилъ нѣкоторыхъ разумныхъ замѣчаній Растопчина, подсказанныхъ ему близкимъ знакомствомъ съ положеніемъ крестьянъ: такъ, напр., Растопчинъ хорошо понималъ неудобство, при нашихъ общественныхъ и климатическихъ условіяхъ, хуторной системы хозяйства. „Размѣщеніе крестьянъ изъ большихъ селеній особыми дворами, на подобіе иностранныхъ фермъ", говоритъ онъ, „при большомъ количествѣ земли — безполезно, а при маломъ — невозможно, и тѣ, кои испытали, навѣрно въ первый годъ возвратились бы обратно на прежнія жилища или соединились многіе въ одномъ мѣстѣ отъ страха воровъ, дикихъ звѣрей и невозможности сообщеній зимнимъ путемъ, который въ большой части Россіи продолжается пять мѣсяцевъ въ году". „Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Россіи". 1860 г., т. II, 203—217.

[4] Въ слѣдующемъ, 1814 г. Тургеневъ былъ назначенъ русскимъ коммиссаромъ въ ликвидаціонную коммиссію, состоящую изъ представителей Австріи, Пруссіи, Россіи и Швеціи, членомъ которой состоялъ до іюня 1815 г. *М. Вишницеръ* „Баронъ Штейнъ и Н. И. Тургеневъ"—„Минувшіе Годы", 1908 г., № 7, стр. 246, 254 — 272, № 10, стр. 261. *Max. Lehmann.* Freiherr vom Stein, III, 320—336.

земледѣльцевъ, кои „всѣхъ болѣе имѣютъ право на счастіе“. Въ началѣ 1814 г. онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы правительство принялось за „возвышеніе званія . . . . земледѣльца. Сначала“,—продолжаетъ онъ,—„мало будетъ партизановъ, но послѣ нѣсколькихъ сильныхъ и, можетъ быть, крутыхъ поступковъ, доказывающихъ *твердую волю* правительства, общее мнѣніе обратится къ мнѣнію правительства, и сіе послѣднее найдетъ дѣятельнѣйшаго сотрудника въ томъ народѣ, котораго благо оно созидать желаетъ“. Въ началѣ марта того же года Тургеневъ обѣдалъ въ Шомонѣ, у Штейна, вмѣстѣ съ кн. Чарторыскимъ и отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что оба они были согласны съ нимъ въ томъ, что Россія не должна „созидать свое счастіе на несправедливости“, что „угнетеніе одного класса гражданъ другимъ“ не можетъ „быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно добраго государства“ [1]).

Въ 1815 г., находясь во Франкфуртѣ, Тургеневъ вновь начинаетъ обдумывать планъ крестьянской реформы. Онъ желаетъ, чтобы послѣ преобразованія мѣстной администраціи „богатымъ дворянамъ“ была предоставлена возможность „пріобрѣтать права пэровъ освобожденіемъ своихъ крестьянъ“ [2]). Онъ надѣется, что вслѣдствіе этого „богатые люди соединятся съ правительствомъ для достиженія великой цѣли общаго освобожденія“. Въ самомъ концѣ того же года онъ высказываетъ мысль, что можно употребить часть контрибуціи, полученной съ Франціи, на пользу крестьянъ, а именно на учрежденіе нѣсколькихъ провинціальныхъ заемныхъ банковъ, для ссуды имъ мелкихъ суммъ. „Покупка крестьянъ отъ помѣщиковъ приближаетъ также къ предполагаемой цѣли“. Относительно этого онъ считаетъ полезнымъ такой планъ дѣйствій. „Можно учредить общество или комитетъ изъ людей безкорыстныхъ и желающихъ жертвовать собою общей пользѣ“, въ составъ котораго слѣдуетъ включить „одного умнаго купца“. Этотъ комитетъ долженъ будетъ дѣлать за-границей, напримѣръ въ Голландіи, займы, съ поручительствомъ правительства или отъ его имени, и, на занятыя суммы, покупать у помѣщиковъ деревни. Тургеневъ высказываетъ увѣренность, что доходъ съ купленныхъ земель будетъ превосходить проценты на занятый капиталъ. По его словамъ, „самые высокіе проценты“

---

[1]) Приведенныя выше цитаты изъ дневника Тургенева показываютъ, что біографъ Штейна, Пертцъ, напрасно приписываетъ вліянію Штейна зарожденіе у Тургенева мысли о необходимости освобожденія крестьянъ.

[2]) Ср. мою статью „Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ“ въ „Русскомъ Богатствѣ“, 1907 г., № 12, стр. 119.

(очевидно, въ Западной Европѣ) составляютъ теперь 5% [1]) и можно сдѣлать заемъ даже на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Считая 5% по займу въ 100.000 руб. и принимая размѣры дохода съ земли въ 8% ея стоимости, Тургеневъ вычисляетъ, что весь капиталъ будетъ выплаченъ менѣе чѣмъ въ 34 года. Онъ мечтаетъ и о томъ, что крестьяне сами захотятъ выкупиться или что „найдутся арендаторы (не въ теперешнемъ подломъ смыслѣ слова)", которые согласятся платить болѣе назначенныхъ 8%. „Само собою разумѣется",—поясняетъ Тургеневъ,—„что крестьяне въ такомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, будутъ управляемы по правиламъ, начертаннымъ правительствомъ, ихъ обязанности, равно какъ и права помѣщиковъ, будутъ подъ покровительствомъ и надзоромъ законовъ". Несмотря на то, что имп. Александръ I прекратилъ пожалованіе населенныхъ имѣній, Тургеневъ допускаетъ такія пожалованія на извѣстныхъ условіяхъ, съ цѣлью содѣйствовать освобожденію крѣпостного населенія Россіи. „Крестьяне переходятъ въ свободное состояніе непримѣтнымъ образомъ и безъ малѣйшаго ущерба для кого-либо". Слѣдуетъ издать законъ, „что каждое недвижимое имѣніе съ крестьянами", которое перейдетъ съ 1817-го года въ другія руки, „не иначе можетъ быть управляемо, какъ по установленнымъ правиламъ: негативное средство, ведущее къ освобожденію крестьянъ и на которое никто не можетъ и не будетъ жаловаться. Тогда сей простой, тихій нравственный законъ дастъ сему капиталисту, вмѣсто бывшихъ у него рабовъ, людей свободныхъ" [2]). На слѣдующій день (31 декабря 1815 г.) Тургеневъ вновь возвращается въ дневникѣ къ „негативнымъ" средствамъ для освобожденія крестьянъ, изъ которыхъ многія, по его мнѣнію, легко примѣнимы. Напримѣръ: „отдѣленіе крестьянина отъ земли дѣлаетъ его совершенно свободнымъ (это средство еще самое строгое изъ прочихъ)".

Такимъ образомъ Тургеневъ допускаетъ здѣсь безземельное освобожденіе крестьянъ. Между тѣмъ, Штейнъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ высказалъ въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ слѣ-

---

[1]) Ср. *Бржескій*, „Государственные долги Россіи", стр. 180. Внутренній заемъ 1817 г. былъ заключенъ по 6% (ibid., приложеніе, стр. 22).

[2]) На мысль объ освобожденіи крѣпостныхъ при переходѣ населенныхъ имѣній въ другія руки могъ навести Тургенева Бентамъ (см. его „Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи", перев. М. Михайлова, Спб. 1806, II, стр. 270). Впослѣдствіи, въ своей книгѣ „La Russie" (II, 153—154), Тургеневъ повторяетъ мысль о займахъ за-границей съ цѣлью выкупа крестьянъ у помѣщиковъ, при чемъ предлагаетъ отдавать эти деньги въ ссуду самимъ крѣпостнымъ крестьянамъ.

дующее мнѣніе объ освобожденіи русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ. „Было бы благодѣтельно для развитія интеллектуальныхъ силъ и національнаго богатства, еслибы крестьянину предоставили полную собственность на участкѣ земли, обложивъ его возрастающею рентою, взимаемою натурою (напримѣръ 1/3 или даже половиною продукта), даровали бы крестьянамъ личную свободу и оставили бы его подчиненнымъ полицейскому надзору и суду господина. Такъ образовалось бы достойное уваженія свободное крестьянекое сословіе и увеличилось бы третье сословіе, которое оказалось бы тогда въ состояніи выполнить свойственныя ему занятія во всемъ ихъ объемѣ“ [1]). Слѣдовательно Штейнъ высказался за освобожденіе крестьянъ съ землею, Тургеневъ же допускалъ и безземельное освобожденіе: очевидно, онъ мало проникся въ этомъ отношеніи идеями Штейна, если только ему дѣйствительно, при постоянныхъ служебныхъ отношеніяхъ къ Штейну, приходилось подробно бесѣдовать съ нимъ о рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Россіи. Въ числѣ другихъ средствъ измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ Тургеневъ называетъ тутъ же запрещеніе помѣщикамъ обращать крестьянъ въ дворовыхъ и дозволеніе брать во дворъ людей лишь за плату, а также установленіе для крестьянъ, не исключая и крѣпостныхъ, судовъ общихъ съ другими „классами“ народа; слѣдовательно и въ этомъ отношеніи Тургеневъ не сходится со Штейномъ, высказавшимся за сохраненіе патримоніальной юрисдикціи помѣщика.

Допуская въ это время, какъ и позднѣе, безземельное освобожденіе крестьянъ, Тургеневъ считаетъ его однако „самымъ строгимъ“ средствомъ; тѣмъ не менѣе онъ горячо привѣтствовалъ безземельное освобожденіе крестьянъ въ Эстляндіи [2]), не имѣя

---

[1]) *Lehmann*, Stein, III, 174; *Pertz*, Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein, II, 469—470. Штейнъ приписывалъ неудачу конституціонныхъ плановъ Александра I отсутствію въ Россіи третьяго сословія.

[2]) Вотъ какъ наивно выражаетъ Тургеневъ свой восторгъ, по прочтеніи въ газетахъ извѣстія, въ началѣ іюня 1816 г., объ освобожденіи крестьянъ въ Эстляндіи: „Боже мой! какъ обрадовался я вчера, прочтя въ гамбургскихъ газетахъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ сенату подтвержденіе или узаконеніе, что рабство въ Эстляндской губерніи уничтожается. Ничѣмъ, говорится въ газетахъ именемъ эстляндскихъ дворянъ, нельзя было лучше встрѣтить освобожденіе всей Европы, какъ дарованіемъ свободы несчастнымъ крестьянамъ. Я давно зналъ уже объ этомъ распоряженіи, но въ первый разъ читалъ“ о немъ. „Не знаю, что во мнѣ происходило, но я всѣмъ хотѣлъ читать эту статью и всѣмъ говорить: вотъ она! Я всегда на Него надѣялся, какъ на существо, опредѣленное сдѣлать счастіе своего народа и славу своего отечества .... Одно жаль, что эстляндцы подали первый примѣръ, а не русскіе. Но il faut prendre son parti. Надобно рѣшиться и быть за это благо-

достаточныхъ свѣдѣній объ ихъ положеніи [1]). Однако черезъ полтора мѣсяца у него являются сомнѣнія въ полезности безземельнаго освобожденія. 20 іюля онъ отмѣчаетъ въ дневникѣ: „Важный вопросъ при освобожденіи крестьянъ — собственность земли. *Почему она болѣе принадлежитъ помѣщику, нежели крестьянамъ?*“ [2]) Но, вмѣсто того, чтобы серіознѣе задуматься надъ этою, въ высшей степени плодотворною мыслью, Тургеневъ перебрасывается къ другой, вовсе неудачной. „Вотъ что“, по его мнѣнію, „можно дѣлать при постепенномъ освобожденіи. Начать съ казенныхъ крестьянъ и отдать землю, на коей они живутъ, имъ во владѣніе. Кто потерпитъ отъ того? Общество выиграетъ“. Тургеневъ не соображаетъ, что общины казенныхъ крестьянъ и безъ того, обыкновенно, неотъемлемо владѣли землею. Повидимому, онъ разумѣетъ здѣсь надѣленіе крестьянъ землею въ подворное владѣніе. „Имѣя, такимъ образомъ, вольныхъ и имѣющихъ собственность [3]), должно будетъ опредѣлить непремѣнными ихъ повинности. Но какъ заставить дворянъ дѣлать (то же самое)? [4]) давать имъ вольныхъ крестьянъ и брать у нихъ

дарными... Что будутъ говорить наши журналы объ этомъ происшествіи? Сожалѣю, что меня нѣтъ теперь въ Россіи“. Ср. П. С. З. т. XXXIII, № 26.277.

[1]) Теперь даже авторъ сочиненія, написаннаго по порученію эстляндскаго дворянства, не можетъ не признать вреднаго вліянія закона 23 мая 1816 г. объ освобожденіи крестьянъ безъ надѣленія землею въ Эстляндіи, выработаннаго дворянами, на экономическій бытъ бывшихъ крѣпостныхъ этого края. См. *A. Gernet*, Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland, 1901, S. 162—163, 165, 169, 185. Полн. Собр. Зак. т. XXXIII, №№ 26.278, 26.279.

[2]) Гораздо позднѣе, въ книжкѣ, изданной за-границей въ 1860 г. на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Послѣднее слово объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи“, Тургеневъ, указавъ на то, что наши помѣщики имѣютъ извѣстныя обязательства относительно крестьянъ, — прокормленіе ихъ во время неурожаевъ и отвѣтственность за уплату ими податей, признаетъ, что, какъ доказала періодическая печать, крестьяне являются въ сущности совладѣльцами земли съ помѣщиками. Вполнѣ опредѣленно осудилъ безземельное освобожденіе крестьянъ въ Эстляндіи В. Н. Каразинъ въ особой Запискѣ по этому предмету 1816 г. „Дворянству оставить земли!.. Отнять ихъ у народа, которому онѣ принадлежатъ, поелику въ потѣ лица изъ вѣка оныя воздѣлывалъ! По моему понятію, тутъ кроется (варіантъ: „чуть ли не кроется“) „вопіющая неправда подъ личиною милосердія; бѣдный народъ пускаютъ на волю, какъ птицу“. Между тѣмъ, по мнѣнію Каразина, „земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками“. „Сборн. матер., извл. изъ арх. Соб. Е. В. канцеляріи“, VII, 147, 148; „Чтен. Общ. Истор. и Древн. Росс.“ 1860 г. II, 222, 223 (О принадлежности этой Записки Каразину ср. Записки кн. С. П. Трубецкого, 1907 г., стр. 17).

[3]) Эта часть предложенія Тургенева быть можетъ навѣяна соотвѣтственными мѣрами относительно казенныхъ крестьянъ въ Пруссіи. См. *Кпарр*, Die Bauern-Befreiung in den älteren Theilen Preussens, 1887, Bd. I, 105—114.

[4]) Уголъ рукописи сгнилъ.

крѣпостныхъ и давать симъ свободу? Это хорошо, если можетъ быть сдѣлано безъ вреда вольнымъ крестьянамъ; но какъ бы воля дворянина ни была ограничена, онъ всегда имѣетъ сильное вліяніе на мужиковъ, подъ его управленіемъ находящихся". Слѣдовательно, Тургеневъ предлагаетъ обмѣнивать казенныхъ крестьянъ, точно опредѣливъ ихъ повинности, на помѣщичьихъ, предоставляя послѣднимъ свободу. Но онъ самъ сомнѣвается, можно ли это сдѣлать „безъ вреда вольнымъ" (т.-е. казеннымъ) „крестьянамъ". Такъ какъ, конечно, это сопровождалось бы чрезвычайнымъ ухудшеніемъ положенія казенныхъ крестьянъ, переданныхъ помѣщикамъ, то весь планъ Тургенева рушится; а между тѣмъ, какъ увидимъ, онъ вновь возвращается къ этой мысли, въ нѣсколько иной формѣ, въ своей книгѣ о налогахъ, предлагая распродажу казенныхъ земель вмѣстѣ съ крестьянами. Однако, мысль его продолжаетъ работать надъ вопросомъ о земельномъ обезпеченіи крестьянъ, и черезъ четыре дня, 24 іюля 1816 г., еще находясь за-границею, онъ задается такимъ вопросомъ: (Чтобы?) [1]) „рѣшить собственность земли (sic), нельзя ли безъ несправедливости объявить, что половина земли принадлежитъ господину, другая крестьянамъ. Для пользы дворянъ, имѣющихъ много земли и мало крестьянъ, можно опредѣлить maximum участка крестьянина" [2]). Отдать крестьянамъ половину помѣщичьей земли предлагалъ позднѣе и Пестель, какъ въ первоначальномъ наброскѣ своей конституціи (на французскомъ языкѣ), такъ и въ „Русской Правдѣ". Пестель не дѣлаетъ оговорки, предложенной Тургеневымъ, т.-е. назначенія наибольшаго размѣра крестьянскаго надѣла, и, въ первоначальномъ наброскѣ, высказывается за то, чтобы крестьяне продолжали платить помѣщикамъ прежній оброкъ, а въ „Русской Правдѣ" предлагаетъ при этомъ для помѣщиковъ, имѣющихъ менѣе десяти десятинъ на душу, вознагражденіе землею или деньгами, хотя и не въ полномъ размѣрѣ, если въ имѣніи отъ 5 до 10 дес. на душу, а въ имѣніяхъ, гдѣ болѣе 10 десятинъ на душу, считаетъ необходимымъ безвозмездное принудительное отчужденіе половины помѣщичьихъ земель крестьянамъ. Тургеневъ не упоминаетъ здѣсь объ оброкѣ или вознагражденіи за отводимую крестьянамъ землю. На указанную мысль его могъ навести прусскій законъ 14 сентября 1811 г. о регулированіи отношеній крестьянъ и помѣщиковъ, по которому,

[1]) Рукопись опять пострадала отъ времени.

[2]) Въ своей книгѣ „La Russie et les Russes" (1847 г.) Тургеневъ предлагалъ отвести крестьянамъ лишь четверть земли имѣнія, назначаемый же имъ тогда maximum равнялся всего десятинѣ на душу или тремъ десятинамъ на тягло (II, 112).

для пріобрѣтенія земли въ собственность, крестьяне, имѣющіе ее въ наслѣдственномъ владѣніи, должны были уступить помѣщику 1/3, а тѣ, у которыхъ она была въ не-наслѣдственномъ владѣніи—половину; объ этомъ законѣ могла напомнить Тургеневу декларація 29 мая 1816 г., внесшая ограниченія въ законъ 1811 года [1]).

Постоянно мучаясь надъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, колеблясь между удачными и совершенно неудачными предположеніями для его рѣшенія, Тургеневъ въ августѣ 1816 г. задумывался, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ примѣровъ, и надъ установленіемъ неотчуждаемыхъ наслѣдственныхъ крестьянскихъ участковъ, съ наслѣдованіемъ ихъ исключительно старшимъ сыномъ: „Можно“,—говоритъ онъ,—„напримѣръ, у насъ дать каждому крестьянину, въ вѣчное владѣніе, извѣстные участки земли; при томъ дать имъ право и возможность покупать новыя земли, но запретить продавать наслѣдственный участокъ, который можно даже сдѣлать ихъ исключительною собственностью старшаго въ родѣ“. Это означаетъ насильственное разрушеніе общиннаго землевладѣнія, котораго, при своемъ преимущественно иностранномъ образованіи, Тургеневъ въ это время повидимому не зналъ, и не понималъ его громадной пользы. Тѣмъ болѣе онъ не зналъ, что попытки вводить подворное владѣніе дѣлались при Екатеринѣ II въ государевыхъ вотчинахъ Новгородской и Петербургской губерній, но вызывали волненія крестьянъ, а въ Петербургской губерніи—даже распродажу ими своей „собственности“, за которую они платили аренду; растративъ полученныя деньги, они не могли платить оброкъ и просили ввести старый порядокъ [2]). При Александрѣ I и нѣкоторые великороссійскіе помѣщики стали пытаться вводить у своихъ крестьянъ подворное владѣніе и этимъ иногда вызывали ихъ волненіе [3]).

Для распространенія мысли о необходимости освобожденія крестьянъ, Тургеневъ считалъ полезнымъ предложить отъ уче-

---

[1]) *Кнapp*, Die Bauern-Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in die ältern Theilen Preussens, 1887, I, 166, 184 (есть русск. перев. Л. С. Зака).

[2]) См. мою книгу „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II“, т. II, 146—147.

[3]) Тургеневъ задумывался не только надъ преобразованіемъ по западному образцу землевладѣнія помѣщичьихъ крестьянъ, но и надъ устройствомъ ихъ самоуправленія: „Для управленія деревней можно учредить муниципальное управленіе, члены коего будутъ избираемы крестьянами и утверждаемы господиномъ. Маленькій кодексъ для гражданскихъ дѣлъ будетъ нуженъ, пока таковое состояніе крестьянъ будетъ не повсемѣстное и также пока общая система управленія не будетъ усовершенствована“.

ныхъ обществъ тему о способахъ уничтоженія рабства въ различныхъ государствахъ [1].

20-го декабря 1816 года генералъ-губернаторъ Остзейскаго края маркизъ Паулуччи произнесъ въ засѣданіи курляндскаго ландтага рѣчь, въ которой говорилъ о духѣ времени и увѣщевалъ тамошнихъ помѣщиковъ отказаться отъ мнѣнія, будто бы для улучшенія политическаго состоянія крестьянъ необходимо выждать, пока сельское населеніе достигнетъ извѣстной зрѣлости. Какъ членъ курляндскаго дворянства, онъ просилъ своихъ собратьевъ послѣдовать примѣру всѣхъ культурныхъ народовъ и, установленіемъ извѣстныхъ правъ и законовъ, обезпечить бытъ сельскаго населенія [2].

Тургеневъ нашелъ, что однихъ либеральныхъ разговоровъ въ крестьянскомъ дѣлѣ недостаточно и, въ концѣ января 1817 г., высказалъ такое мнѣніе въ своемъ дневникѣ: „Рѣчь, которую говорилъ Паулуччи въ Митавѣ, печатаютъ, какъ я слышу, даже и на русскомъ въ „Инвалидѣ“. Этого бы я не совѣтовалъ, а еще менѣе говорить такія рѣчи. Тамъ, гдѣ нужно отвратить угнетеніе и жестокое своевольство, некстати говорить о свободѣ. Разстояніе между первѣйшими правами существа, только-что, по положенію своему, отличнаго отъ лошади, и свободою гражданина, весьма велико. Впрочемъ, дурной знакъ, когда говорятъ тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать“. Тутъ характерно для Тургенева, что онъ считалъ опаснымъ даже печатаніе рѣчи Паулуччи въ „Русскомъ Инвалидѣ“: онъ, вѣроятно, полагалъ, что она можетъ вызвать волненія крѣпостныхъ, какъ позднѣе (см. ниже) въ немъ вызывали опасенія рѣшительныя мѣры симбирскаго губернатора Магницкаго противъ жестокихъ помѣщиковъ. Что касается оцѣнки рѣчи Паулуччи въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Остзейскомъ краѣ, то къ этому Тургеневъ былъ тогда совершенно неподготовленъ: онъ и самъ признавалъ, что незнакомъ съ положеніемъ крестьянъ въ этой окраинѣ Россіи, а причины того или другого поведенія Паулуччи, по всей вѣроятности, не могли быть

---

[1]) Эта идея была осуществлена во время крестьянской реформы нашею Академіею Наукъ, когда на заданную ею тему были написаны и изданы въ 1861 г. обширный трудъ Зугенхейма (*Sugenheim*, Geschichte der Leibeigenschaft und Hörigkeit) и изслѣдованіе Гансена объ уничтоженіи крѣпостного права въ Шлезвигѣ и Гольштиніи (*Hanssen*, Die Aufhebung der Leibeigenschaft und die Umgestaltung der gutsherrlich-bäurlichen Verhältnisse überhaupt in den Herzogthümern Schleswig und Holstein).

[2]) Рѣчь Паулуччи напечатана въ книгѣ *Garl. Merkel'я*, Die freien Letten und Esthen, S. 274—278, и въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1817 г., № 19.

ему извѣстны. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ Паулуччи (отъ 24 ноября 1815 г.), по поводу проекта, составленнаго въ 1814 г. назначенною государемъ коммиссіею, онъ высказывался за предоставленіе крестьянамъ въ Курляндіи наслѣдственнаго пользованія дворами на то время, пока крестьяне будутъ прикрѣплены къ землѣ. Но послѣ того, какъ въ Эстляндіи совершилось въ 1816 г. ихъ безземельное освобожденіе, Александръ I, въ рескриптѣ на имя Паулуччи отъ 5 декабря 1816 г., поручилъ ему предложить курляндскому ландтагу или принять проектъ, составленный въ 1814 г., съ дополненіями генералъ-губернатора, или утвержденное 23 мая 1816 года, Положеніе о безземельномъ освобожденіи эстляндскихъ крестьянъ. Тогда Паулуччи, въ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи курляндскаго ландтага 20 декабря 1816 г., очень ясно высказался за безземельное освобожденіе и этимъ сильно содѣйствовалъ тому, что курляндское дворянство послѣдовало примѣру Эстляндіи [1]). Такое значеніе рѣчи Паулуччи, очевидно, осталось неизвѣстнымъ Тургеневу.

Въ сентябрѣ 1817 г. онъ записываетъ слухъ, что въ началѣ слѣдующаго года будетъ предложено предводителямъ дворянства четырехъ сѣверныхъ губерній „объ освобожденіи крестьянъ“, а черезъ нѣсколько дней—что предложатъ объ этомъ на будущихъ выборахъ предводителямъ вообще. „О свободѣ крестьянъ болѣе и болѣе говорятъ, какъ слышно. Боюсь, чтобы принимаемыя средства не были мало соотвѣтственны предполагаемой цѣли. Хотятъ, какъ сказываютъ, предложить объ этомъ при будущихъ выборахъ предводителямъ. Но что они скажутъ? Лучше бы, кажется, начать множествомъ мелкихъ средствъ и, наконецъ, уже употребить главное. Напримѣръ, запретить отдѣлять крестьянъ отъ земли, объявивъ, что такое отдѣленіе дѣлаетъ ихъ свободными, запретить заводчикамъ, откупщикамъ и всѣмъ разбогатѣвшимъ не-дворянамъ покупать деревни иначе, какъ съ свободными крестьянами“ (т.-е. съ освобожденіемъ ихъ при томъ), „запретить имъ даже имѣть крѣпостныхъ [2]). Потомъ постановить, чтобы и дворяне покупали имѣнія не иначе, какъ безъ

---

[1]) *Тобинъ*, „Лифляндское аграрное законодательство“. Рига, 1890 г., I, 327—328, 330—332.

[2]) О законахъ относительно пріобрѣтенія не-дворянами населенныхъ имѣній и владѣнія ими крѣпостными при Александрѣ I см. мою книгу: „Крестьянскій вопросъ“, I, 485—486. Пріобрѣтать крестьянъ (на поссессіонномъ правѣ) къ фабрикамъ и заводамъ, находящимся въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, было запрещено указомъ 6 ноября 1816 г. (П. С. З. XXXIII, № 26504; подтвержденія 1820 г. см. т. XXXVII, №№ 28340, 28753).

крестьянъ, коихъ каждая продажа дѣлаетъ свободными" (повидимому, безъ земли; Тургеневъ не предвидѣлъ, что крестьяне могли не пожелать такой свободы, какъ это и случилось въ имѣніи И. Д. Якушкина). „Потомъ можно распространить сіе положеніе и на наслѣдства, дальними родственниками получаемыя. Къ сему можно присоединить систему покупки крестьянъ отъ помѣщиковъ посредствомъ займа въ чужихъ краяхъ. Крестьяне, выплатившіе займы сіи, дѣлались бы не только свободными, но также и владѣльцами земель, къ ихъ селеніямъ принадлежащихъ. А эту идею, идею собственности недвижимой для крестьянъ, не должно терять изъ вида".

Въ концѣ того же мѣсяца Тургеневъ отмѣчаетъ, что на собраніи Арзамаса, извѣстнаго литературнаго общества, членомъ котораго онъ былъ, „нечаянно отклонились отъ литературы и начали говорить о политикѣ внутренней. Всѣ были согласны въ необходимости уничтожить рабство, но средства, предпринимаемыя (нынѣ), не всѣмъ нравились".

Въ 1818 г. Тургеневъ издалъ свой „Опытъ теоріи налоговъ", вчернѣ набросанный еще въ Гёттингенѣ, гдѣ онъ мѣстами касается и крестьянскаго вопроса въ Россіи. Авторъ указываетъ на то, что крѣпостное право невыгодно для самихъ помѣщиковъ, вслѣдствіе меньшей производительности несвободнаго труда. Рабство препятствуетъ развитію въ Россіи образованія и благосостоянія; оно вредно и для свободнаго населенія, такъ какъ понижаетъ рабочую плату. Лучшимъ средствомъ для уменьшенія количества ассигнацій онъ считаетъ „продажу государственныхъ имуществъ вмѣстѣ съ крестьянами". Онъ предлагаетъ при этомъ опредѣлить закономъ права и обязанности какъ этихъ крестьянъ, такъ и ихъ новыхъ помѣщиковъ, и такимъ образомъ подать „прекрасный и благодѣтельный примѣръ всѣмъ помѣщикамъ вообще". Надежда на то, что помѣщики добровольно послѣдуютъ этому примѣру, была ни на чемъ не основана, а между тѣмъ обращеніе государственныхъ крестьянъ въ крѣпостныхъ, хотя бы и съ нѣкоторымъ ограниченіемъ власти помѣщика, было бы очень большимъ зломъ.

II.

Въ письмѣ отъ 11 февраля 1818 года брату Сергѣю Н. И. Тургеневъ писалъ, что хотѣлъ бы съѣздить въ Симбирскъ (въ этой губерніи находилось имѣніе Тургеневыхъ). Сдѣлать это пу-

тешествіе онъ считалъ даже своею обязанностью: „надобно посмотрѣть, какъ живутъ наши крестьяне...; всегда въ нашей власти сдѣлать собственное состояніе крестьянъ лучшимъ". 3-го іюля того же года Н. И. былъ уже въ Москвѣ и свои наблюденія тамъ въ мірѣ крѣпостничества онъ описываетъ въ письмѣ брату: „съѣзжія охраняютъ права знаменитаго россійскаго дворянства, въ грамотѣ о дворянствѣ начертанныя. Въ самый день моего пріѣзда потребовали съ нашего дома человѣка для присутствія въ видѣ депутата отъ прочихъ" дворовыхъ „при наказаніи одного несчастнаго ихъ собрата, провинившагося противъ своего господина по привязанности своей къ свободѣ. Вотъ чѣмъ по сію пору ограничивается система нашего представительства! Но грѣшно шутить надъ нашими ужасами. Я не понимаю, какъ цѣлое государство можетъ искать и, что̀ еще удивительнѣе, находить гарантію своего спокойствія въ полиціи и во всѣхъ ея ненавистныхъ принадлежностяхъ. Народъ нашъ, право, заслуживаетъ, чтобы его болѣе узнали, болѣе любили, болѣе къ нему имѣли довѣренности: онъ уменъ и терпѣливъ". 18 іюня Тургеневъ, уже въ Симбирскѣ, заноситъ въ свой дневникъ первыя обобщенія, сдѣланныя имъ при наблюденіи быта помѣщичьихъ крестьянъ: „я замѣтилъ первое и главное, что̀ и неоспоримо: крестьяне на оброкѣ гораздо счастливѣе крестьянъ на пашнѣ; второе, что тѣ крестьяне, кажется, счастливѣе, съ которыми не живутъ ихъ помѣщики. Неужели и здѣсь laissez faire имѣетъ свое доказательство? Кажется, что такъ! — Я замѣтилъ, ... что присутствіе въ деревнѣ даже одного грамотнаго человѣка полезно для крестьянъ, защищая ихъ отъ нечестивыхъ подъячихъ и солдатъ, проѣзжающихъ на подводахъ. Сколь полезнѣе было бы присутствіе истинно-хорошаго помѣщика! Но не тутъ-то было! Кажется, что крестьянамъ лучше жить совсѣмъ безъ защиты, нежели съ защитой помѣщиковъ, которая, конечно, дѣйствительна противъ приказныхъ, но не противъ произвола господскаго".

Въ это время симбирскимъ губернаторомъ былъ Магницкій, пріятель до 1812 г. Сперанскаго, впослѣдствіи сдѣлавшійся, какъ извѣстно, крайнимъ реакціонеромъ. Но въ Симбирскѣ онъ энергично принялся за преслѣдованіе жестокихъ помѣщиковъ и въ теченіи 8 мѣсяцевъ, по его собственнымъ словамъ въ письмѣ къ государю, обнаружилъ 8 тиранствъ и предалъ виновныхъ суду [1]). Онъ приказалъ губернскому правленію дать предписаніе

[1]) Изъ дѣлъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ видно, что раскрытіе этихъ злоупотребленій было собственно произведено при исправленіи должности началь-

всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ, чтобы они наблюдали за обращеніемъ съ крестьянами помѣщиковъ и ихъ управляющихъ. Крайне странно, что Тургеневъ относится не вполнѣ сочувственно къ дѣятельности Магницкаго въ Симбирскѣ: „Магницкій дѣлаетъ здѣсь нѣкоторую эпоху своимъ управленіемъ. По всей губерніи безпрестанныя слѣдствія противъ дворянъ, употребляющихъ во зло власть свою. Нѣкоторые мужики, такъ называемые бунтовщики, говорили своимъ помѣщикамъ и управителямъ: „нынѣ, де-вѣдь, ужъ управлять нами должно по закону". Будетъ ли изъ всего этого польза? Все это есть какое-то приготовленіе, но много жертвъ погибнутъ! Желательно, чтобы гибель ихъ осталась не безъ пользы для прочихъ... Если Магницкій истинно желалъ добра и умѣлъ его сдѣлать, то ему не надобно было явно раздражать противъ себя помѣщиковъ". Такимъ образомъ либералъ Тургеневъ почему-то желалъ, чтобы мучители крестьянъ если и подвергались бы преслѣдованію, то какъ-то такъ, чтобы это не вызывало раздраженія помѣщиковъ. Чиновничья школа, которую онъ проходилъ въ Петербургѣ, очевидно, до нѣкоторой степени наложила свое клеймо даже на такого противника рабства. Свой взглядъ на дѣйствія Магницкаго Тургеневъ еще подробнѣе развилъ въ письмѣ къ брату отъ 18 іюля [1]). Если въ этихъ разсужденіяхъ было какое-либо зерно

ника губерніи д. с. с. Голынскимъ и управленіи губерніей предсѣдателемъ уголовной палаты Андреевымъ, который донесъ министерству о большей части открытыхъ злоупотребленій помѣщичьею властью. *Варадиновъ*, „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ". Спб., 1859 г., ч. II, кн. I, стр. 562.

[1]) „Здѣсь въ Симбирскѣ всѣ языки дворянскіе въ движеніи противъ Магницкаго. Сколько я могу судить по слышанному мною доселѣ, то, конечно, Магницкій дѣйствовалъ только противъ такихъ помѣщиковъ, которые, точно, тиранили своихъ крестьянъ, хотя нѣкоторые здѣсь и увѣряютъ, что Наумовъ, помѣщикъ Головнина, гдѣ была извѣстная исторія съ желѣзною шапкою, самъ не угнеталъ мужиковъ своихъ, но предоставлялъ сіе *право* своему управителю, и что сіи послѣдніе давно уже извѣстны за негодяевъ. Если въ дѣйствіяхъ своихъ Магницкій желалъ только добра и ничего болѣе, то, имѣя умъ, онъ не долженъ былъ такимъ образомъ возстановить противъ себя здѣшнихъ дворянъ. Въ теперешнемъ положеніи вещей помѣщики всегда будутъ имѣть довольно власти въ рукахъ своихъ, чтобы сдѣлать счастіе или несчастіе крестьянъ своихъ. И потому надобно стараться ладить съ помѣщиками, чтобы быть полезнымъ для ихъ крестьянъ. Магницкій же возсталъ противъ злоупотребленій, старался ихъ прекратить, а не искоренить, и, истребляя дурное, не искалъ лучшаго. Но и за то невольно скажешь ему спасибо! Лучше такое безпокойствіе, нежели такъ называемое спокойствіе, когда помѣщики спокойно угнетаютъ и тиранятъ крестьянъ своихъ, а сіи послѣдніе спокойно терпятъ. Надобно, однако-же, замѣтить, что такія частныя дѣйствія необходимо должны быть вредны, laissant dans les esprits des paysans beaucoup de vague: они видятъ, что за нихъ заступаются, но не знаютъ, что съ ними хотятъ дѣлать, и, потому, не знаютъ, что сами дѣлаютъ,

истины, то развѣ мысль о томъ, что частныхъ мѣръ недостаточно (хотя и это не выражено вполнѣ ясно), но общія мѣропріятія зависѣли не отъ Магницкаго. Тургеневъ опасался, что дѣйствія губернатора взволнуютъ крѣпостныхъ крестьянъ, и эти опасенія очень характерны для того времени.

Живя въ имѣніи своей семьи, селѣ Тургеневѣ, Н. И. имѣлъ разговоръ съ помѣщикомъ Кротковымъ о крестьянскомъ вопросѣ. Кротковъ, намекая на намѣреніе правительства относительно „вольности крестьянъ", сказалъ: „лучше бы уже вдругъ это сдѣлать, а не жечь насъ мало-по-малу!" Тургеневъ почему-то нашелъ нужнымъ успокаивать помѣщиковъ въ ихъ опасеніи, которое онъ иронически назвалъ „оппозиціей". Онъ сталъ говорить имъ, что „ничто не показываетъ, чтобы правительство само чего-нибудь хотѣло въ этомъ отношеніи, что оно даже не въ силахъ этого сдѣлать, но что оно споспѣшествуетъ помѣщикамъ, когда они сами желаютъ опредѣленнаго порядка для крестьянъ своихъ".

Деревни Тургеневыхъ, Ахматово и Аннѣево, ближе лежащія къ Симбирску, состояли на оброкѣ, и потому крестьяне находились тамъ въ довольно благопріятномъ положеніи. Напротивъ того, крестьяне села Тургенева были на барщинѣ и, кромѣ того, въ немъ была фабрика, гдѣ часть крѣпостныхъ, и въ томъ числѣ дѣти, отбывала свою обязательную работу. Немудрено, что крестьяне оказались здѣсь въ весьма незавидномъ положеніи. Общее впечатлѣніе свое о положеніи крѣпостныхъ въ этомъ имѣніи Н. И. передаетъ въ письмѣ къ братьямъ отъ 22-го іюля.

„Намъ, обыкновенно, твердятъ: „Мужики безпрестанно будутъ просить, какъ скоро не откажешь имъ въ первой просьбѣ". Какъ бы вы думали: съ какими просьбами приходили ко мнѣ мужики по сію пору? Тутъ 70-лѣтній старикъ проситъ освобожденія отъ господской работы, которой подвержена столь же старая жена его (надобно замѣтить, что, по предписаніямъ батюшки [1]), мужикъ долженъ нести тягло до 50-ти лѣтъ, послѣ сего до 60-ти полтягла, а послѣ освобождается отъ всего). Тамъ толпа женщинъ, совсѣмъ не имѣющихъ вида благоденствія, со слезами проситъ, чтобы я приказалъ принять отъ нихъ вытканный ими для насъ холстъ, который не подходитъ подъ обращикъ, изъ Москвы присланный, и не подходитъ, можетъ быть, потому, что ленъ или кудель, который имъ выдавался, нехо-

---

хотя впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ и говорили своимъ управителямъ: „нѣтъ-де, нынѣ велятъ нами управлять по закону!" Невинные! они не знаютъ, что законы, по сію пору, остаются еще in petto у Густава Андреевича!" (очевидно, намекъ на Александра I).

[1]) Извѣстный масонъ И. П. Тургеневъ, умершій въ 1807 г.

рошъ. Тутъ 70-лѣтній старикъ проситъ, чтобы освободили 10 или 12-лѣтнюю дочь его отъ фабрики. Надобно замѣтить, что, сверхъ того, крестьяне: 1) работаютъ на насъ 3 дня, 2) платятъ столовыя деньги по 1 рублю 50 коп. съ тягла, 3) что жены ихъ прядутъ на насъ и ткутъ по 20 арш. холста. Сверхъ всего, всѣ дѣти обоего пола, раздѣленные на двѣ части, работаютъ по 3 дня на фабрикѣ отъ ранняго утра до поздняго вечера, зимою до десятаго часа. Двѣ больныя женщины, между прочимъ, просили у меня, какъ милости, платить по $4^1/_2$ руб., вмѣсто того, чтобы ткать на насъ 20 арш. холста, и сіе по самой простой причинѣ: онѣ не въ состояніи прясть! Одинъ старикъ просилъ освободить его сноху отъ работы, ибо она, имѣя маленькихъ дѣтей и будучи вдовою, несетъ тягло. Все это надобно видѣть своими глазами, чтобы увѣриться въ истинномъ счастіи здѣшнихъ крестьянъ... Я не плакса и не одаренъ излишнею чувствительностью, а не могу хладнокровно мыслить о томъ, что, между тѣмъ, какъ мы ѣздимъ по чужимъ краямъ, служимъ изъ пустого честолюбія, 500 душъ, въ потѣ лица, достаютъ деньги для того, чтобы мы могли покойнѣе ѣздить и вкуснѣе ѣсть.—Послѣ всего этого я не считаю нужнымъ говорить вамъ, что я употреблю всевозможныя средства для облегченія нашей совѣсти; но употреблю съ великой осторожностью и умѣренностью такъ, чтобы впослѣдствіи можно было увеличить, а не уменьшить благодѣяніе, которое въ семъ случаѣ есть ни что иное, какъ справедливость, предписываемая закономъ и честью".

Изъ дневника Тургенева видно, что онъ задумалъ-было принять временныя мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ села Тургенева и объявить ихъ крестьянамъ „предварительно" до утвержденія двумя его братьями новаго порядка. Эти предположенія состояли въ слѣдующемъ.

Кромѣ назначаемаго господиномъ управителя, крестьяне должны были выбирать трехъ стариковъ „безсмѣнно" для защиты „выгодъ" крестьянъ. „До лучшаго устройства" трехдневная барщина сохраняется. Жены крестьянъ, вмѣсто 20 арш. холста, выдѣлываютъ 10 или платятъ за нихъ деньгами по цѣнѣ, назначаемой управителемъ вмѣстѣ съ выборными. Столовыя деньги, собираемыя съ мужиковъ, „вносятся въ мірскую казну, которая ввѣряется тремъ избраннымъ старикамъ (выборнымъ)". Фабрика становится не главнымъ дѣломъ, а побочнымъ. „Ткачамъ" (которые, вѣроятно, постоянно трудились на ней), „сверхъ мѣсячины, опредѣляется жалованіе. Работающіе на фабрикѣ, вмѣсто трехъ дней, работаютъ только два въ недѣлю", а нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе малочисленности семейства или по другимъ причинамъ, совсѣмъ освобождаются отъ работы на фабрикѣ. Дворовые и земскіе, сверхъ мѣсячины, получаютъ денежное жалованье. Выборные, съ утвержденія управителя, выдаютъ изъ

мірской казны вспомоществованіе бѣднымъ крестьянамъ заимообразно, или и безъ возврата, если это окажется необходимымъ.

Тѣлесныя наказанія должны быть прекращаемы. Провинившіеся и признанные міромъ виновными подвергаются штрафу, размѣръ котораго опредѣляется выборными. За легкіе проступки виновнаго заставляютъ исполнить подводную или другую повинность или берется денежный штрафъ въ пользу мірской казны. „За большія преступленія, какъ-то: озорничество, воровство, за обиду другихъ опредѣляется такое же наказаніе, и сверхъ того имя провинившагося вписывается въ штрафную книгу“. Записанные въ нее, при рекрутскомъ наборѣ, сдаются въ рекруты предпочтительно предъ другими. Если наказаніе и угрозы не дѣйствуютъ, то управитель, по приговору выборныхъ, дѣлаетъ представленіе господину о переводѣ виновныхъ въ другую вотчину, или объ отдачѣ въ рекруты въ зачетъ (т.-е. ранѣе наступленія рекрутскаго набора), или о ссылкѣ на поселеніе [1]). Выборные отвѣчаютъ „за малѣйшую несправедливость, пристрастіе или обманъ“; за эти проступки они не только отрѣшаются отъ своего званія, но и переводятся въ другія вотчины. Выборные обращаются прямо къ господину и представляютъ ему „о способахъ улучшить состояніе крестьянъ“, но въ то же время они исполняютъ приказанія управителя, не противорѣчащія ихъ обязанностямъ. Всѣ дворовые, сверхъ мѣсячины, получаютъ денежное жалованіе. „Свадьбы производятся не по принужденію, а по добровольному согласію родителей жениха и невѣсты“. Рекруты отдаются по приговору міра, съ утвержденія выборныхъ; управитель въ это не вмѣшивается, но, въ случаѣ нужды, дѣлаетъ свои представленія господину. Если кто изъ крестьянъ захочетъ перейти съ барщины на оброкъ, какъ это бывало и прежде, то размѣръ его опредѣляется управителемъ вмѣстѣ съ выборными, а въ случаѣ несогласія крестьянина дѣлается представленіе господину. Староста и десятскіе остаются въ вѣдѣніи управителя.

Вотъ тѣ скромныя преобразованія, которыя Тургеневъ рѣшился было ввести собственною властью до утвержденія ихъ его братьями. Однако и эти предположенія онъ не нашелъ пока возможнымъ осуществить. Изложенный проектъ своего „перваго *положенія*“ онъ отдалъ переписать земскому (который состоялъ

---

[1]) Тургеневу, какъ это ни удивительно, не было очевидно извѣстно, что въ это время право помѣщиковъ отправлять своихъ крестьянъ на поселеніе въ Сибирь, отмѣненное въ 1802 г., не было еще возстановлено; это было сдѣлано позднѣе, въ 1822 г. „Крестьянскій вопросъ“, I, 496—497.

при выборныхъ), и, такимъ образомъ, его содержаніе сдѣлалось извѣстно крестьянамъ. 25 іюля у Н. И. былъ продолжительный разговоръ съ выборными. Они сказали, что должны „противиться“, если управитель будетъ безвинно наказывать крестьянъ. Тургеневъ „почти согласился на это“, и было положено, что наказывать должно не иначе, какъ по мірскому приговору. Крестьяне поняли это такъ, что помѣщикъ „освободилъ ихъ отъ наказаній“. Тургеневъ опровергнулъ это предположеніе предъ выборными и собирался сдѣлать такое же разъясненіе и предъ сходомъ крестьянъ, подтвердивъ имъ, что они должны повиноваться управителю. Передъ этимъ онъ составилъ-было другое „положеніе“, въ которомъ было сказано, что „ни управитель, ни десятскій не должны ни бить, ни наказывать“, и это предоставляется міру. Но затѣмъ, „по настоянію управителя, и видя невозможность успѣшнаго исполненія“, отмѣнилъ это и приказалъ выборнымъ „жить мирно съ управителемъ“.—Выборные просили Тургенева опредѣлить количество десятинъ, которое должно обработать каждое тягло. Онъ признавалъ, что это было бы справедливо и согласно съ его собственнымъ мнѣніемъ, но нашелъ, что долженъ отказать имъ въ этомъ, во избѣжаніе еще бо̀льшихъ затрудненій. Такимъ образомъ пока̀ оставались и барщина, и работы на фабрикѣ, на которую опредѣлялись и дѣти. Вотъ что̀ говоритъ онъ о фабрикѣ въ своемъ дневникѣ: „Всѣ жалуются, т.-е. не хвалятъ фабрику; и подлинно, нельзя не жаловаться. Многія изъ дѣвокъ не выдаются замужъ, потому-что фабрика требуетъ ихъ работы...; работа фабричная изнуряетъ людей еще въ самомъ младенчествѣ. Мальчиковъ и дѣвочекъ бьютъ, когда учатъ. Нѣкоторые изъ нихъ, и всѣ, принадлежащіе къ школамъ, носятъ на лицахъ доказательства трудной сидячей работы. Блѣдность есть росписка въ доходѣ. Если нельзя запретить другимъ дѣлать несправедливости, то не надобно, по крайней мѣрѣ, самому ихъ дѣлать. Фабрика лежитъ у меня на сердцѣ, и я заплачу большой долгъ моей совѣсти въ тотъ день, когда фабрика уничтожится“ [1]).

Въ воскресенье 28 іюля управитель назначилъ „помочь“ (для работы на господъ). По этому поводу Тургеневъ записалъ въ дневникѣ: „Нѣкоторые изъ мужиковъ также хотѣли дѣлать въ воскресенье свои „помочи“, но, по предложенію выборныхъ, Тур-

---

[1]) Иногда Тургеневу удавалось слышать и пріятныя вещи; такъ, въ разговорѣ о бѣдности крестьянъ другого помѣщика выборные сказали, что они благодарятъ своихъ господъ, которыхъ въ околоткѣ считаютъ за смирныхъ и хорошихъ.

геневъ имъ это запретилъ. Уже на основаніи этого не трудно было предположить, что участіе въ барской „помочи“ было дѣломъ не совсѣмъ добровольнымъ; въ этомъ Н. И. скоро убѣдился, когда въ день Преображенія (6 августа) управитель вновь устроилъ „помочь“. „Я думалъ“, говоритъ Тургеневъ въ дневникѣ, „что всѣ приходятъ работать охотою, въ случаѣ „помочи“, и удивился, когда двѣ женщины просились у меня съ поля домой. Видѣлъ даже, что и десятскіе на „помочи“ не оставляютъ своей привычки“ (вѣроятно, бить крестьянъ),—„одного за то изругалъ“. Когда все это заставило Н. И. спросить, по доброй ли волѣ крестьяне приходятъ на „помочь“, то онъ узналъ, что половина ихъ была наряжена въ этотъ день на работу, а другіе пришли по своей охотѣ. Такимъ образомъ „помочь“ для части крестьянъ оказалась барщиной въ такой большой праздникъ, какъ Преображеніе,—и это дѣлалось во время присутствія въ имѣніи добраго помѣщика!

При всѣхъ своихъ благихъ намѣреніяхъ Тургеневъ не обнаруживалъ энергіи въ ихъ осуществленіи. 29 іюля онъ записалъ въ дневникѣ: „Я опять въ большомъ недоумѣніи и въ нерѣшимости насчетъ того, что̀ я здѣсь сдѣлалъ касательно выборныхъ старшинъ. Лучше бы этого не дѣлать. Дѣла отъ этого пойдутъ не лучше, а толки будутъ различные у мужиковъ и могутъ имъ самимъ обратиться во вредъ. Безъ управителя обойтись нельзя, и для того лучше оставить его, хотя и сжавъ сердце, полнымъ хозяиномъ и властителемъ, какъ и прежде. Я думаю, что рѣшусь на это... Еслибы можно быть увѣреннымъ, что оброкъ, вмѣсто барщины, улучшитъ состояніе крестьянъ, то можно бы согласиться на доходъ меньшій получаемаго нами. Но на оброкѣ нѣкоторые крестьяне не улучшатъ свое положеніе, другіе придутъ еще въ большую бѣдность“.

Колебанія кончились не въ пользу задуманныхъ преобразованій. 30 іюля Тургеневъ „отрѣшилъ“ выборныхъ и, давъ въ „мірскую казну“ 500 рублей [1]), предоставилъ завѣдываніе ею старостѣ и управителю. Чтобы вознаградить выборныхъ, лишившихся этого званія, онъ у двухъ изъ нихъ „освободилъ по ребенку отъ фабрики“, а третьему далъ взаймы денегъ. Тургеневъ позаботился объ оказаніи крестьянамъ медицинской помощи, которой они были совершенно лишены, несмотря на сильное распространеніе среди нихъ сифилиса. Онъ сдѣлалъ также кое-какія

---

[1]) На мысль объ устройствѣ мірской казны навело Тургенева желаніе его отца, о которомъ онъ узналъ изъ оставшихся послѣ него бумагъ.

облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ, а одному мужику далъ письменное разрѣшеніе жениться на вольной съ удостовѣреніемъ въ томъ, что жена его будетъ освобождена отъ всякой господской работы.

Отмѣтимъ еще тѣ размышленія, которыя пришли въ голову Тургеневу при наблюденіи жизни его крестьянъ, и тѣ предположенія на будущее время, на которыхъ онъ, наконецъ, остановился: „Сколько я слышу теперь о казенныхъ крестьянахъ, то мнѣ кажется, что у нихъ болѣе совершенно бѣдныхъ, нежели у порядочныхъ помѣщиковъ, но зато болѣе богатыхъ. „Ну, да вѣдь они люди вольные“, говорятъ мнѣ мои и въ похвалу, и въ укоризну казеннымъ крестьянамъ. А мнѣ при сихъ словахъ каждый разъ что-то тронетъ за сердце. „Они вольные, а мы“,— и „отъ кого? Отъ васъ!“ Это дополненіе всегда я дѣлаю въ головѣ своей“. Смотря на веселящихся во время „помочи“ крестьянъ, Тургеневъ „съ нѣкоторою жалостью думалъ, какъ могутъ рабы быть безпечны въ присутствіи своего господина. Они... твердили мнѣ: вы наши отцы, а мы ваши дѣти. Но я не принималъ сихъ привѣтствій, и мнѣ совѣстно было видѣть дѣтей, которые три дня въ недѣлю работаютъ для отцовъ своихъ, которые посылаютъ своихъ дѣтей на фабрику для отцовъ своихъ и т. д.“ [1]) Это зарожденіе совѣстливости у лучшихъ русскихъ людей изъ дворянъ очень знаменательно; но отсюда было далеко еще до практическаго осуществленія мысли, приходившей ранѣе въ голову Тургеневу, о томъ, что нужно было бы безвозмездно отдать крестьянамъ половину всей земли [2]). Впрочемъ, зарожденіе стыда, вызываемаго званіемъ владѣльца крѣпостныхъ душъ, сопровождалось не только человѣчнымъ отношеніемъ къ своимъ крестьянамъ, но и все же значительнымъ, хотя и послѣ нѣкоторыхъ колебаній, облегченіемъ ихъ тяжелаго положенія. „Порядка въ казенныхъ селеніяхъ нѣтъ“, писалъ Тургеневъ въ дневникѣ 1 августа, „но болѣе свободы и, право, болѣе благоденствія... Рѣшился отпустить мужиковъ на оброкъ, смотря по ихъ силамъ, и желаю произвесть это въ дѣйство будущимъ лѣтомъ, по совѣту съ братьями“. Черезъ нѣсколько дней онъ отмѣтилъ: „я теперь болѣе, нежели когда-либо, ненавижу всю гнусность

---

[1]) 2 августа Н. И. писалъ братьямъ изъ деревни: „никогда совѣсть моя не была въ такомъ волненіи, какъ теперь; ей тоже очень хлопотно“.

[2]) Впрочемъ, въ царствованіе имп. Александра I-го 16 помѣщиковъ освободили своихъ крестьянъ безъ платы со всею землею, но въ имѣніяхъ ихъ всѣхъ было лишь 415 душъ муж. пола. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ гр. С. П. Румянцовъ, обратившій въ свободные хлѣбопашцы 199 душъ муж. пола своихъ крестьянъ.

рабства, видя вблизи, до чего оно людей доводитъ и какъ оно существовать можетъ. Всѣ доводы, въ защищеніе, въ извиненіе рабства приводимые, суть самый гнусный вздоръ".

Наконецъ, у Тургенева начались переговоры съ крестьянами о переводѣ ихъ на оброкъ: „цѣлое утро говорилъ съ дворовыми и съ крестьянами и съ старостою о валовомъ оброкѣ съ крестьянъ", записываетъ онъ въ дневникѣ. „Предоставляя имъ все господское, я прошу съ нихъ 15.000 рублей въ годъ [1]). Староста говоритъ, что на первый годъ они дадутъ 10.000 рублей, и даже такъ, чтобы сія сумма падала на 100 тяголъ, а остальныя 50, съ ихъ теперешнею землею, предоставляются мнѣ, и что я могу ихъ освободить отъ всякой работы. Это бы очень хорошо. Мы не многимъ болѣе получаемъ доходу, но изъ какого источника? Если мнѣ дадутъ на выборъ: получать доходъ не иначе, какъ прежними и теперешними средствами, то я скорѣе откажусь отъ всего и въ семъ даю самъ себѣ, предъ Богомъ и отечествомъ, честное слово. Дѣло сдѣлано. Я далъ обѣщаніе и не могу отъ него отказаться. За Сергѣя ручаюсь; онъ будетъ со мною согласенъ. Брата Александра я не хочу обидѣть и сомнѣваться въ его согласіи" [2]). 8 августа онъ пишетъ: „я съ удивленіемъ думалъ, почему съ самаго моего пріѣзда и прежде мнѣ не пришло на мысль оставить крестьянъ на валовомъ оброкѣ. Я еще въ Гёттингенѣ, на лекціи Геерена, слышалъ объ этомъ средствѣ... Я сказывалъ мужикамъ о валовомъ оброкѣ; они всѣ на это согласны съ радостью, но просятъ въ первый годъ уменьшить оброкъ!" На слѣдующій день онъ отмѣчаетъ: „Заглядывалъ въ избы крестьянъ: какъ они живутъ! И съ людей, такъ живущихъ, надобно получать большой доходъ, чтобы самому жить гораздо лучше! Управитель вчера высчитывалъ, что еслибы весь прошлогодній хлѣбъ былъ проданъ, то за прошлый годъ было бы доходу 16.500 рублей (асс.), кромѣ фабрики. По вѣдомостямъ другихъ годовъ я видѣлъ, что доходъ можно" считать „круглымъ числомъ въ 12.000 рублей. Когда управитель вычи-

---

[1]) Такъ какъ въ имѣніи было 150 тяголъ, то слѣдовательно Тургеневъ хотѣлъ получать по 100 руб. (асс.) съ тягла оброка, а между тѣмъ въ своей статьѣ „Нѣчто о барщинѣ" онъ самъ называетъ такой оброкъ чрезмѣрнымъ (см. ниже).

[2]) Дѣйствительно А. И. Тургеневъ писалъ 18 сентября 1818 г. кн. Вяземскому: „Братъ возвратился изъ деревни и тебѣ кланяется. Онъ привелъ тамъ въ дѣйство либерализмъ свой: уничтожилъ барщину и посадилъ на оброкъ мужиковъ нашихъ, уменьшилъ черезъ то доходы наши. Но поступилъ справедливо, слѣдовательно и согласно съ нашею пользою". „Остафьевскій Архивъ", I, 121. Выраженіе либеральныхъ мнѣній С. И. Тургенева о крестьянскомъ вопросѣ см. ibid., II, 41.

слялъ мнѣ доходъ прошлаго года до 16 и даже до 18.000 рублей, я не говорилъ ни слова; но когда, окончивъ исчисленіе, онъ сказалъ мнѣ: „вѣдь вотъ оно, вотъ сколько доходу-то“, я отвѣчалъ ему: „хорошо, такъ, доходу много, но теперь надобно вычесть изъ него слезы, которыя пролиты мужиками и фабричными“. Ему было смѣшно; я же продолжалъ: „Мы доходъ получаемъ, издерживаемъ его, и тѣмъ дѣло кончится; но тамъ, на небѣ, есть можетъ-быть книга, въ которой инымъ образомъ этотъ доходъ записывается, и мы, оканчивая счеты здѣсь, на землѣ, не оканчиваемъ тамошняго счета и должны будемъ когда-нибудь по немъ разсчитаться“. Онъ все принималъ это въ шутку“ [1]).

III.

Въ Симбирскъ Н. И. пріѣхалъ проникнутый самыми добрыми намѣреніями относительно крестьянъ: „выѣхавъ изъ Тургенева“, отмѣтилъ онъ 14 августа, „я полюбилъ его болѣе, нежели когда-либо, и пріобрѣлъ нѣкоторую цѣль въ жизни: хоть для блага тамошнихъ крестьянъ“. Мать Н. И. была не очень-то довольна его распоряженіями, но братъ А. И. находилъ, что они „основаны на справедливости и человѣколюбіи“ и во всемъ полагался на брата Николая, находя, что въ немъ „почти столько же благоразумія, сколько и любви къ ближнему“. Въ письмѣ Н. И. къ брату Сергѣю А. И. дѣлаетъ приписку, показывающую, какъ мало сознательно относились къ положенію своихъ крѣпостныхъ даже весьма добрые помѣщики: „Николаша устроилъ, кажется, все къ лучшему въ деревнѣ, но когда вспомню о прошедшемъ, то едва могу успокоить совѣсть мою. Мы не думаемъ и о своихъ первыхъ обязанностяхъ“. Въ виду такого крайне недостаточнаго знакомства тогдашней интеллигенціи съ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ, была очень удачною мысль Тургенева написать разсужденіе о барщинѣ, которое онъ набросалъ на обратномъ пути въ Москвѣ и которое сохранилось въ его рукописяхъ. Перечитавъ это разсужденіе, подъ заглавіемъ: „Нѣчто о барщинѣ“, 12 ноября 1818 г., Тургеневъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „хорошо бы напечатать, но нигдѣ не пропустятъ по произволу министерскому“. Онъ имѣлъ основаніе опасаться этого, такъ

[1]) Въ декабрѣ 1826 г. Н. И. писалъ братьямъ изъ Лондона: „Прежде мнѣ всегда казалось, что я не дѣлаю всего того, что я могъ дѣлать въ святомъ дѣлѣ освобожденія“. „Русск. Старина“ 1901 г., № 5, стр. 261.

какъ въ 1818 г. было запрещено печатать что бы то ни было, какъ за, такъ и противъ крѣпостного права [1]).

Въ началѣ этого разсужденія Тургеневъ замѣчаетъ, что „у насъ слово рабство не всѣми принимается нынѣ въ одномъ и томъ же смыслѣ. Нѣкоторые стараются доказывать, что рабство не рабство, а что-то другое, и даже что рабство составляетъ не бѣдствіе, но благоденствіе народа, и что невыгодное мнѣніе о рабствѣ есть одна только игра воображенія молодыхъ умовъ... Подъ словомъ рабство“, продолжаетъ Тургеневъ, „разумѣютъ обыкновенно крѣпостное состояніе крестьянъ помѣщичьихъ“. Подъ названіемъ „свободныхъ крестьянъ“, по его мнѣнію, слѣдуетъ разумѣть всѣхъ земледѣльцевъ въ Россіи, не принадлежащихъ помѣщикамъ. Упомянувъ о раздѣленіи крѣпостныхъ крестьянъ на барщинныхъ и оброчныхъ, онъ приступаетъ къ описанію положенія оброчныхъ и изображаетъ его въ общемъ довольно вѣрно, хотя и съ значительною долею оптимизма [2]). Появленіе такого описанія въ печати было бы полезно уже потому, что оно могло бы побудить нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ помѣщиковъ перевести своихъ крестьянъ на оброкъ. Затѣмъ Тургеневъ задаетъ вопросъ: „въ такомъ положеніи вещей можно ли, по справедливости, оброчныхъ крестьянъ назвать рабами?“ И отвѣчаетъ: „нѣтъ, конечно. Они такъ же свободны, на самомъ дѣлѣ, какъ и крестьяне, не принадлежащіе помѣщикамъ“ (?). „Правда“, оговаривается авторъ, „что власть господская иногда является и надъ оброчными крестьянами: ихъ берутъ въ повара, кучера, въ камердинеры, но сіи исключенія не составляютъ правила. Такимъ образомъ оброчные крестьяне, будучи de jure въ рабствѣ, de facto пользуются почти такою же свободою, какъ и крестьяне не-господскіе; недостатокъ ихъ правъ, въ сравненіи съ сими послѣдними, часто вознаграждается лучшимъ управленіемъ, лучшимъ устройствомъ, слѣдственно большимъ спокойствіемъ и, скажемъ даже, большимъ счастіемъ, если, впрочемъ,

---

[1]) На мысль сопоставить положеніе барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ могла навести Тургенева статья „русскаго дворянина Правдина“ въ „Духѣ Журналовъ“ (1817 г., т. XXIV, стр. 981—1008), авторъ которой утверждалъ, что крестьянамъ, состоящимъ на барщинѣ, живется гораздо лучше, чѣмъ оброчнымъ.

[2]) Онъ утверждаетъ, между прочимъ, что ему „рѣдко случалось находить крестьянъ, платящихъ оброкъ чрезмѣрный и для нихъ изнурительный. Обыкновенно оброкъ назначается помѣщиками справедливо безъ отягощенія крестьянъ (?) и безъ убытка самому господину“... О размѣрѣ оброка при Александрѣ I см. мою статью: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“ въ сборникѣ „Крестьянскій Строй“, изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого, Спб. 1905, т. I, стр. 187—192.

сіе слово можетъ быть употреблено въ семъ случаѣ. Я находилъ, что оброчные крестьяне, имѣющіе весьма мало земли, въ отдаленности отъ большихъ городовъ и не занимающіеся никакимъ особеннымъ родомъ промышленности, платятъ помѣщику по 100 руб. съ тягла,—оброкъ чрезмѣрный; но при всемъ томъ, хотя и есть между сими крестьянами бѣдные, однако-жъ есть и такіе, которымъ подобныхъ въ достаткѣ не легко найти между крестьянами, на пашнѣ находящимися. Платящіе 100 руб. съ тягла сами соглашаются, что лучше быть даже на такомъ оброкѣ, нежели исправлять обыкновенную барщину". Изъ всего сказаннаго объ оброчныхъ крестьянахъ Тургеневъ дѣлаетъ выводъ, что ихъ „вообще нельзя назвать рабами de facto, хотя de jure они и не свободные люди".

Затѣмъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію крестьянъ „на барщинѣ, или на пашнѣ". Указавъ на то, что „главнѣйшая обязанность ихъ" состоитъ въ трехдневной работѣ на господина, онъ перечисляетъ другія ихъ повинности и, между прочимъ, замѣчаетъ, что дѣти крестьянъ обоего пола также работаютъ на барщинѣ 3 дня въ недѣлю. „Кромѣ того меркантильная зараза съ нѣкотораго времени сильно распространилась въ Россіи, и помѣщики, даже въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, завели фабрики, на которыхъ работаютъ крестьяне, въ особенности малолѣтніе". Увидѣвъ въ своемъ имѣніи, какъ сильно понижаетъ фабрика, заведенная въ помѣщичьей вотчинѣ, уровень благосостоянія крестьянъ, онъ указываетъ въ своемъ разсужденіи на вредъ, приносимый учрежденіемъ подобныхъ фабрикъ. „Несмотря на происшествія другихъ государствъ, несмотря на правила хозяйства государственнаго, которыя и въ Россіи начали распространяться, несмотря, наконецъ, на соображенія здраваго разсудка, наши помѣщики не прежде оставятъ свои смѣшныя, но для крестьянъ весьма обременительныя затѣи фабричныя, какъ когда ясно почувствуютъ раззореніе крестьянъ своихъ и, слѣдственно, свое собственное". Убѣжденный, что только собственный опытъ покажетъ помѣщикамъ всю нелѣпость заведенія фабрикъ въ ихъ имѣніяхъ, онъ считаетъ, однако, нужнымъ замѣтить, что „купецъ, устроившій свою фабрику по коммерческому порядку, слѣдственно платящій своимъ работникамъ по вольной цѣнѣ, получаетъ и всегда получать будетъ болѣе дохода отъ своего заведенія, нежели помѣщикъ, у котораго на фабрикѣ работаютъ его крѣпостные люди" [1]).

---

[1]) Эти свѣдѣнія онъ отчасти повторяетъ въ запискѣ 1820 г. (см. ниже). Между

Далѣе Тургеневъ возражаетъ противъ барщиннаго труда съ экономической точки зрѣнія. „Самый строгій присмотръ", говоритъ онъ, „не произведетъ того, что сдѣлаетъ собственное желаніе исполнить какое-нибудь дѣло. И сей-то главной потребности для успѣшной работы никакъ нельзя ожидать отъ работающихъ на барщинѣ. Когда въ Англіи и другихъ государствахъ было разсуждаемо объ уничтоженіи торговли черными невольниками, то нѣкоторые члены англійскаго парламента и нѣкоторые писатели доказывали, что работа посредствомъ свободныхъ людей выгоднѣе для хозяевъ, нежели работа посредствомъ невольниковъ. Сіе мнѣніе было принято многими политиками". Тургеневъ для доказательства невыгодности барщиннаго труда могъ бы, кромѣ мнѣній иностранцевъ, сослаться и на отвѣты проф. Якоба и Гарлиба Меркеля на задачу, заданную въ 1812 году нашимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ по этому предмету [1]).

Но исключительно экономическая точка зрѣнія въ этомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, недостаточна. „Въ послѣднія времена", продолжаетъ Тургеневъ, „одинъ изъ политическихъ писателей" (т.-е. политико-экономовъ), „Сей, доказывалъ, раздѣляя, впрочемъ, мнѣніе о рабствѣ съ людьми благомыслящими" (т.-е. отрицательно относясь къ нему), „что, напротивъ того, работа посредствомъ невольниковъ должна быть выгоднѣе для хозяевъ [2]). Мнѣ кажется, что въ такомъ дѣлѣ надобно, прежде всѣхъ другихъ разсчетовъ, сдѣлать разсчетъ съ своею совѣстью, и тогда искомое не будетъ подвержено никакому сомнѣнію" (мы видѣли выше тѣ нравственныя страданія, которыя причинило Тургеневу посѣщеніе имъ ихъ имѣнія). „Правила ариѳметическія недостаточны для вычисленій сего рода; правила справедливости въ семъ случаѣ равно необходимы. Если и доходъ помѣщиковъ отъ работы ихъ крестьянъ, на барщинѣ находящихся, будетъ подверженъ такому исчисленію, то всѣ итоги будутъ доказывать противъ барщины, въ пользу иныхъ средствъ получать прибыль отъ своей собственности".

Авторъ указываетъ, далѣе, на то, что крестьяне, состоящіе на пашнѣ, „находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи и управленіи своихъ помѣщиковъ" или опредѣленныхъ ими управителей, и что нѣтъ никакихъ правилъ или законовъ, регулирующихъ это

прочимъ онъ упоминаетъ, что иногда работы распредѣляются между крестьянами по урокамъ, что, конечно, для нихъ выгоднѣе, если уроки не „чрезмѣрны"; но и здѣсь десятскіе употребляютъ иногда понудительныя средства.

[1]) См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ", т. I, стр. 316—326.

[2]) См. *J. B. Say*, Traité d'économie politique. P. 1803, t. I, p. 215—225.

управленіе. Тургеневъ опровергаетъ мнѣніе, что собственныя выгоды помѣщиковъ заставляютъ ихъ заботиться о благѣ крестьянъ, и утверждаетъ, что нельзя предоставить ихъ судьбу произволу. „Неужели въ XIX в., неужели когда-либо можно было съ справедливостью утверждать, что права личныя, права собственности, неразлучныя съ достоинствомъ человѣка, не могутъ принадлежать всѣмъ людямъ вообще? Правосудіе, которымъ люди живутъ въ обществѣ, которымъ держится государство, должно быть равно дѣйствительно, равно благодѣтельно для всѣхъ и каждаго“.

Въ заключеніе авторъ задаетъ вопросъ: можно ли барщинныхъ крестьянъ назвать свободными, „или, по крайней мѣрѣ, похожими на людей свободныхъ?“ и отвѣчаетъ, что самое слово свобода служитъ достаточнымъ отвѣтомъ. Сопоставивъ окончаніе статьи Тургенева съ ея началомъ, мы видимъ, что, признавая оброчныхъ крестьянъ почти свободными, онъ считаетъ крестьянъ на барщинѣ, работающихъ притомъ иногда и на фабрикахъ и заводахъ,—рабами [1]). Положенія дворовыхъ онъ вовсе здѣсь не касается, хотя они еще болѣе, чѣмъ барщинные крестьяне, могли быть названы рабами.

Очеркъ Тургенева не претендовалъ на ту научную форму, которую придалъ проф. Якобъ своему отвѣту на задачу Вольнаго Экономическаго Общества, но напечатаніе его могло бы быть полезнымъ; особенно важны были тѣ мѣста его разсужденія, гдѣ онъ протестуетъ противъ учрежденія фабрикъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и противъ беззащитности отъ произвола помѣщика или его управляющаго крестьянъ, состоящихъ на барщинѣ.

Въ 1819 г. Тургеневъ задумывалъ изданіе журнала и сталъ писать для него статью о „Теоріи политики“. Тутъ онъ говорилъ и о рабствѣ, но первая часть этого труда не сохранилась или по крайней мѣрѣ пока не найдена.

Вѣсти изъ деревни были не радостныя: лекарь, котораго Тургеневъ нанялъ для оказанія медицинской помощи крестьянамъ, оказался бездѣльникомъ, управителю пришлось отказать и передать управленіе старостѣ, и наконецъ, Тургеневъ рѣшился перевести крестьянъ на оброкъ. 3 марта 1819 г. онъ писалъ брату Сергѣю: „деревенскія наши дѣла идутъ порядочно. Мужики не будутъ уже на проклятой барщинѣ. Съ 1819 г. она уничтожена въ нашемъ Тургеневѣ. Крестьяне будутъ намъ платить 10.000 руб. оброка всею деревнею en masse и раздѣлятся между собою землею, какъ хотятъ“ (исключая лѣса). „Ни фабрики, ни ткацкой

[1]) Тургеневскій Архивъ въ рукоп. отд. библ. Акад. Наукъ, № 730.

и никакой барской работы не будетъ. Сверхъ того крестьяне будутъ давать 300 руб. на лѣкарство и мѣсячину для дворовыхъ; мельница, ватага, также предоставлены крестьянамъ. По сію пору я не могъ еще завести вспомогательной кассы, ибо сначала положенные мною въ оную 500 руб. должно было раздать мужикамъ. Когда получу отъ Каверина твои 106 руб., то заведу сію кассу, какъ и прежде. Крестьяне будутъ довольны... Надобно бы, хоть черезъ годъ, совсѣмъ сдѣлать крестьянъ свободными, оставя за ними землю, и отъ сего мы бы ничего не потеряли“ (очевидно крестьяне должны были бы за землю вносить извѣстные платежи). „Но я не могу приступить къ этому, потому что матушка этого не захочетъ. Всѣ другіе наши крестьяне въ Симбирской губ. и безъ того на оброкѣ“. Такъ какъ въ состоявшемъ прежде на барщинѣ имѣніи Тургеневыхъ было 150 тяголъ, то, слѣдовательно, крестьяне, при общей суммѣ оброка въ 10.000 руб., платили по 66 руб. 67 коп. съ тягла или, если считать въ тяглѣ по 2,5 души мужск. пола, по 26 руб. 67 коп. асс. съ ревизской души (м. п.),—оброкъ по тогдашнему не легкій, но, конечно, уплачивая его, крестьяне жили все же сноснѣе, чѣмъ при существованіи фабрики, тѣмъ болѣе, что имъ были переданы мельница и рыбныя ловли.

Въ іюлѣ 1819 г. Н. И. далъ письменный приказъ старостѣ и всѣмъ крестьянамъ села Тургенева [1]), въ которомъ предписывалъ старостѣ завести три книги: 1) для мірской суммы, 2) для вспомогательной суммы и 3) штрафную. Мірскую сумму велѣно было собирать на платежъ подушныхъ и другихъ государственныхъ податей, на починку дорогъ, на разъѣзды въ городъ по сельскимъ дѣламъ, на жалованье старостѣ, земскому и десятскимъ. Денежное жалованье, выдаваемое дворовымъ, должно было вычитаться изъ оброчной суммы. Для учрежденія вспомогательной суммы Н. И. пожертвовалъ 1.000 руб.; изъ нея приказано было выдавать ссуды (не болѣе 100 руб.) изъ 6 годовыхъ процентовъ. Въ штрафную книгу должно было записывать денежные штрафы, налагаемые на провинившихся старостою, вмѣстѣ съ выборными стариками. При вторичномъ проступкѣ виновный долженъ быть оштрафованъ вдвое противъ прежняго и, кромѣ того, по мѣрѣ вины, наказанъ (очевидно, тѣлесно) при мірскомъ сходѣ. Въ случаѣ третьяго проступка („порока“) штрафъ увеличивается втрое противъ прежняго и, затѣмъ, „какъ нена-

[1]) Тургеневск. Архивъ, № 1168, ср. № 11.393.

дежный къ домоводству и вредный для всей вотчины поселянинъ,—молодой отдается безъ очереди въ рекруты, а пожилой и неспособный къ солдатской службѣ“ долженъ быть переведенъ „изъ селенія въ дальнія мѣста отъ дома“, но дѣлать это дозволялось не иначе, какъ съ разрѣшенія господина.

Тургеневъ ѣздилъ еще разъ въ деревню въ 1821 году, послѣ съѣзда членовъ Союза Благоденствія въ Москвѣ, въ которомъ онъ участвовалъ. Вотъ какъ онъ описываетъ то, что сдѣлалъ въ деревнѣ, въ письмѣ изъ Симбирска отъ 21-го февраля: „Нашелъ, что въ послѣдніе два года крестьяне платили оброкъ съ большимъ затрудненіемъ, по причинѣ двухгодичныхъ неурожаевъ. Помѣщики, на барщинѣ крестьянъ имѣющіе, получили прошлаго года весьма мало, а нынѣ почти никакого дохода. Если будетъ неурожай и на будущее лѣто, то надобно будетъ сложить или половину, или часть оброка на одинъ годъ... Нужна была помощь бѣднѣйшимъ изъ крестьянъ и сиротамъ, которыхъ у насъ довольно; для сего я употребилъ болѣе 1.000 руб., въ число коихъ поступили 800 руб., оставшіеся отъ денегъ за первое изданіе моей книги“ („Опытъ теоріи налоговъ“, 1818 г.)... „Несмотря на неурожаи, скотина у нашихъ крестьянъ поправилась продажею и раздачей господской скотины. Больныхъ у насъ также довольно. Я нанялъ лѣкаря за 200 руб. въ годъ изъ Симбирска. Сегодня онъ ѣдетъ туда и везетъ лѣкарства на 106 руб. [1]). Для больныхъ отведена особая изба; приставлены люди, которые за больными смотрѣть будутъ. Кромѣ того я отдаю къ здѣшнему лѣкарю человѣка обучиться кровопусканію и прививанію оспы на годъ за 200 руб. Сверхъ того я взялъ мальчика изъ деревни, сына ткача, по желанію отца и его самого. Сего мальчика я привезу въ Петербургъ и отдамъ въ медико-хирургическую академію для полнаго обученія медицинѣ. Поговорите, съ кѣмъ слѣдуетъ, объ этомъ заранѣе [2]). Я соби-

---

[1]) За лѣкаремъ должны были ѣздить 2 раза въ мѣсяцъ.

[2]) Въ 1808 г. помѣщикамъ было дозволено отдавать своихъ крѣпостныхъ въ медико-хирургическую академію со внесеніемъ всей суммы за ихъ содержаніе, съ тѣмъ условіемъ, что такой крѣпостной по окончаніи курса обязывается пробыть 6 лѣтъ на службѣ у своего помѣщика, послѣ чего получаетъ полную свободу. Во время жизни этихъ докторовъ у помѣщиковъ, они имѣли право на полученіе жалованья по крайней мѣрѣ равнаго тому, которое производилось имъ въ академіи, и были избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, въ случаѣ же нарушенія правилъ пострадавшій могъ просить защиты въ ближайшемъ присутственномъ мѣстѣ. П. С. З. XXX, № 23.185, гл. XIV, 23.193.

ралъ сходы; устроилъ освобожденіе 15 бѣднѣйшихъ тяголъ отъ оброка; отмѣнилъ бывшихъ старшинъ; оставилъ для управленія одного старосту и двухъ десятскихъ, разобралъ нѣсколько споровъ, написалъ нѣкоторыя правила для крестьянъ".

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В. Семевскій.

ПИСЬМА

изъ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

— Почему вы не отдадите въ печать эти письма? — спросилъ меня около полутора года тому назадъ одинъ знакомый, прочитавшій нѣкоторыя изъ нихъ.

— Что можетъ быть интереснаго для публики въ посланіяхъ, прошедшихъ черезъ цензуру такихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, какъ Плеве, Сипягинъ и др.? Вѣдь въ этихъ письмахъ мнѣ было запрещено говорить о чемъ бы то ни было, кромѣ своего здоровья, занятій и семейныхъ дѣлъ. Они ни для кого не интересны кромѣ моихъ собственныхъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ.

— Вы ошибаетесь,—возразилъ онъ.—Крѣпость, въ которой они писаны, не была обыкновенная темница. Это не былъ даже современный Шлиссельбургъ. Туда при васъ никого не заключали безъ особаго Высочайшаго повелѣнія и никого не выпускали безъ такого же повелѣнія. Самый островъ былъ двадцать лѣтъ изолированъ отъ всего живого міра. Поэтому все, что тамъ дѣлалось, стало интересно не для однихъ вашихъ друзей, но и для многихъ постороннихъ. Да и въ письмахъ вашихъ затрагиваются не одни ваши личныя дѣла, а также и разные вопросы...

— Но,—перебилъ я,—все это изложено въ видѣ посланій къ Вѣрочкѣ, Ниночкѣ, Манѣ и т. д., которыхъ никто еще не знаетъ въ публикѣ!..

— Такъ что жъ изъ этого? Кто вамъ запрещаетъ написать въ предисловіи, что Ниночка и Маня—ваши племянницы, Петя—братъ, а остальныя—сестры, или приложить ихъ списокъ на оборотѣ заглавнаго листа, какъ это дѣлаютъ въ трагедіяхъ!

Это меня разсмѣшило...

— Ваши письма—продолжалъ онъ—будутъ интересны многимъ по мѣсту, изъ котораго они писаны, а другимъ интересны кромѣ того и съ одной совершенно особой точки зрѣнія. Въ воспоминаніяхъ, появившихся въ „Быломъ", „Минувшихъ Годахъ", „Историческомъ Вѣстникѣ" и другихъ журналахъ, подробно описана внѣшняя сторона жизни заключенныхъ въ старой Шлиссельбургской крѣпости, но еще плохо выяснена ихъ внутренняя, интимная и духовная жизнь, а ваши письма именно и являются засвидѣтельствованными полиціей документами психическаго настроенія человѣка, считавшаго себя навѣки погребеннымъ.

— Но эта интимная сторона жизни мало, или, лучше сказать, односторонне очерчена и здѣсь. Неужели вы думаете, что я всѣ 25-ть лѣтъ своего третьяго заключенія только и думалъ о томъ, что можно было сообщать роднымъ черезъ департаментъ полиціи и министровъ внутреннихъ дѣлъ? Нѣтъ! Такія мысли постоянно чередовались съ другими, о которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшей возможности писать... Даже и изъ этихъ писемъ были вычеркнуты администраціей нѣкоторыя мѣста.

— Въ такомъ случаѣ, кто же мѣшаетъ вамъ затронуть тѣ стороны отдѣльно?...

. . . .

Со времени этого разговора прошло почти два года. Недавно мнѣ снова попались подъ руку эти уже полуразорвавшіяся по складкамъ письма, собранныя когда-то, по мѣрѣ ихъ полученія, моей сестрой Вѣрой. Три изъ нихъ уже затерялись, остальныя готовы были обратиться въ клочья. Я вновь перечиталъ ихъ, и на меня повѣяло минувшимъ. Мнѣ стало жалко этихъ остатковъ прошлаго, потеря которыхъ, рано или поздно, казалась мнѣ неизбѣжной при неустойчивости условій современной жизни, гдѣ никто ничего не можетъ предвидѣть даже за годъ впередъ. Подумавъ объ этомъ, я рѣшилъ послѣдовать совѣту моего друга.

Вѣдь всякое произведеніе печати, подумалъ я, по существу своему есть такая вещь, которая никому насильно не навязывается. Его прочтетъ только тотъ, кто такъ или иначе, сочувственно или враждебно, интересуется затронутымъ предметомъ,

или, въ рѣдкихъ случаяхъ, авторомъ. Кому оно не интересно ни въ какомъ отношеніи, тотъ совсѣмъ его не будетъ читать.

Николай Морозовъ.

Ноябрь 1908 г.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

18 февраля 1897 года.

Милые мои, дорогіе!

Вчера мнѣ сообщили разрѣшеніе писать вамъ два раза въ годъ и получать отъ васъ письма въ подлинникѣ. Еслибъ вы знали, какъ я обрадовался этому!

Мы такъ давно разстались, что, боюсь, вы всѣ, кромѣ матери, уже почти позабыли меня. Да и трудно было бы не забыть. Въ продолженіе этихъ шестнадцати, или даже, вѣрнѣе сказать, двадцати-трехъ лѣтъ у васъ было столько новыхъ впечатлѣній! Сестры, которыхъ я оставилъ почти совсѣмъ маленькими, успѣли выросги и давно повыйти замужъ. Братъ, котораго я помню ребенкомъ, крошечнымъ Петей, теперь женатъ и самъ имѣетъ дѣтей. Цѣлое молодое поколѣніе племянниковъ и племянницъ появилось на свѣтъ, нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли окончить курсъ въ гимназіяхъ, а одна изъ племянницъ даже поступила на курсы...

Столько новыхъ лицъ и событій не могли не заслонить въ вашей памяти давно прошедшую разлуку. Совсѣмъ другое дѣло относительно меня. Всѣ мои впечатлѣнія ограничивались почти одной моей внутренней жизнью и немногими, однообразными сношеніями съ одними и тѣми же окружающими лицами, а потому я не только ясно представляю себѣ каждаго изъ васъ, какъ будто бы мы лишь вчера разстались, но даже припоминаю почти каждое слово, сказанное кѣмъ-нибудь изъ васъ въ послѣдніе дни нашей общей жизни. Время, которое было для васъ такъ длинно, пролетѣло для меня какъ одинъ день, или даже какъ будто и совсѣмъ не существовало, хотя въ головѣ и начали кое-гдѣ показываться сѣдые волосы и здоровье стало не такъ крѣпко.

Теперь вы поймете, почему вы всѣ представляетесь для меня *вмѣстѣ*, такими, какъ я васъ оставилъ, и почему я пишу вамъ

всѣмъ въ одномъ письмѣ, хотя и знаю, что теперь вы живете уже въ различныхъ городахъ, на сотни или даже тысячи верстъ разстоянія другъ отъ друга.

Въ послѣднія десять лѣтъ я получилъ отъ вашего имени нѣсколько коротенькихъ извѣщеній. Изъ нихъ я знаю, что сестры, мать, братъ и кузина Марія Александровна живы, получилъ ихъ фотографическія карточки отъ всѣхъ по одной, а отъ Вѣрочки двѣ (одна снята растрепкой, а другая модницей), объ отцѣ же не имѣю никакихъ извѣстій, а только одну старую карточку, и это меня сильно безпокоитъ. Кромѣ того я получилъ карточки Вали и бѣднаго Сережи, который умеръ, семейную карточку, снятую братомъ Петей, благодаря которой познакомился съ двоими изъ своихъ beaux-frères. Какъ жаль, что вы не прислали мнѣ карточекъ остальныхъ близкихъ родственниковъ! Хотя я ихъ и не знаю, но уже горячо люблю.

Если кто-нибудь изъ нихъ будетъ сниматься, не позабудьте и обо мнѣ; я часто смотрю на фотографіи, которыя у меня есть, и если иногда бываю грустенъ, то мнѣ отъ этого дѣлается легче. Я еще не знаю, кому изъ васъ первому попадетъ это письмо. Когда будете мнѣ отвѣчать, сообщите адреса для дальнѣйшихъ писемъ. Мнѣ вчера объявили, что теперь мнѣ будутъ давать для прочтенія ваши собственноручныя письма. Я буду вамъ писать (какъ мнѣ позволено) разъ въ полгода, буду сообщать вамъ о себѣ все, о чемъ могу говорить, а вы напишите мнѣ подробно о томъ, чтѐ случилось съ вами за послѣднія 16 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ я простился въ Петропавловской крѣпости съ отцомъ, Вѣрочкой и Маріей Александровной. Всякое письмо отъ васъ будетъ для меня величайшей радостью.

Въ первые годы мнѣ было очень тяжело жить, но съ тѣхъ поръ условія много измѣнились къ лучшему. Уже болѣе десяти лѣтъ я снова отдаю почти все свое время изученію естественныхъ наукъ, къ которымъ, какъ вы знаете, я еще въ дѣтствѣ имѣлъ пристрастіе. Вы, вѣрно, помните, какъ, пріѣзжая къ вамъ въ имѣнье на каникулы, я каждое лѣто собиралъ коллекціи растеній, насѣкомыхъ и окаменѣлостей? Можетъ быть, старшія сестры и Марія Александровна даже не забыли, какъ въ послѣднее лѣто я завелъ васъ вечеромъ на Волгу, какъ вы помогали мнѣ собирать тамъ, подъ обрывистымъ берегомъ, окаменѣлости, и какъ мы до того запоздали въ увлеченіи, что, на возвратномъ пути, насъ застигла въ лѣсу ночь, и я долженъ былъ вести васъ по звѣздамъ, черезъ незнакомыя поля, болота и заросли, гдѣ не было никакихъ дорогъ? Помните, какъ сестры перетру-

сились?? Тогда въ глубинѣ души я былъ очень доволенъ, что знаю наиболѣе яркія звѣзды. Онѣ, дѣйствительно, помогли мнѣ довести васъ благополучно до самаго нашего сада, хотя ночь и была осенняя, безлунная и въ лѣсу такая темная, что мы едва могли видѣть кончики собственныхъ носовъ...

Здѣсь я нѣсколько лѣтъ занимался астрономіей, конечно— безъ телескопа, по однимъ книгамъ и атласу, но на волѣ еще до перваго заключенія я, одно время, имѣлъ въ распоряженіи небольшую трубу, и настолько хорошо помню наши сѣверныя созвѣздія, что по вечерамъ узнаю каждое изъ нихъ вверху черезъ мое окно.

Года два или три я спеціально занимался здѣсь ботаникой, могу разводить цвѣты въ крошечномъ садикѣ, а для зимнихъ занятій составилъ гербарій, въ которомъ набралось болѣе 300 видовъ растеній. Кромѣ всего этого я занимаюсь постоянно теоретической физикой и химіей и уже четыре или пять лѣтъ имѣю хорошій микроскопъ. Теперь я пишу книгу о строеніи вещества и, если позволитъ здоровье, окончу въ этому году. Написалъ уже почти полторы-тысячи страницъ и осталось не болѣе пятисотъ. Хотя этой книгѣ, вѣроятно, и не суждено никогда попасть въ печать [1]), но все же я усердно работаю надъ ней почти каждый день въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ и чувствую невыразимое удовольствіе всякій разъ, когда, послѣ долгихъ размышленій, вычисленій, а иногда и безсонныхъ ночей, мнѣ удается найти порядокъ и правильность въ такихъ явленіяхъ природы, которыя до сихъ поръ казались загадочными.

Въ послѣдніе годы я имѣю возможность пользоваться довольно значительнымъ количествомъ книгъ на русскомъ, французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ [2]). Кромѣ нихъ я выучился итальянскому и испанскому, чтобы знать всѣ главные языки.

Я часто, конечно, замѣчалъ, что если кто-нибудь изучаетъ слишкомъ много наукъ, то мало углубляется въ каждую изъ нихъ. Но мнѣ кажется, что относительно себя я могу сказать, что избѣжалъ этой альтернативы. Моя жизнь прошла въ исключительныхъ условіяхъ, и если вы припомните, что въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ у меня не было никакихъ другихъ радостей, кромѣ научныхъ, то поймете, почему я часто упрекаю себя, что плохо воспользовался этимъ временемъ, и что еслибъ

---

[1]) Она издана только черезъ десять лѣтъ, въ 1907 г., послѣ освобожденія автора.

[2]) Онѣ попали въ Шлиссельбургскую крѣпость благодаря содѣйствію доктора Безроднаго, тогдашняго крѣпостного врача, дававшаго ихъ подъ видомъ книгъ для переплета въ нашихъ мастерскихъ. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

не былъ склоненъ иногда помечтать и почитать романы, то могъ бы значительно болѣе пополнить запасъ своихъ знанiй.

Успокойте меня насчетъ отца, или, лучше всего, пусть онъ самъ меня успокоитъ. Онъ былъ такъ добръ и грустенъ, когда мы прощались съ нимъ въ крѣпости, что я не могу вспомнить объ этомъ свиданiи безъ того, чтобъ на глазахъ не навернулись слезы.

Какъ-то поживаетъ милая, бѣдная мамаша?—Я помню, что еще въ нашемъ помѣстьи, когда она заходила по вечерамъ въ мое лѣтнее жилище, во флигелѣ, чтобы ласково поговорить со мной и поцѣловать меня еще разъ на ночь, она жаловалась на „мельканье въ глазахъ", и могъ ли я ожидать тогда, что эта болѣзнь окончится такъ ужасно [1])! Какъ часто я съ любовью вспоминалъ потомъ эти нѣжныя вечернiя посѣщенiя!

Напишите же мнѣ обо всемъ подробно.

Какъ поживаютъ мои beaux-frères и belles-soeurs? Что̀ дѣлаетъ все младшее, незнакомое поколѣнье?

Всѣмъ передайте мой привѣтъ и напишите мнѣ обо всемъ!..

Вашъ *Николай.*

Письма адресуйте въ департаментъ государственной полицiи, для передачи мнѣ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

6 октября 1897 г.

Милая, дорогая моя мамаша! Когда послѣ столькихъ лѣтъ разлуки и полной неизвѣстности я принимаюсь писать это письмо, мое сердце полно такой жалости и любви къ вамъ, что я не знаю, какъ все это я могъ бы выразить словами. И прежде я былъ слишкомъ сдержанъ и застѣнчивъ въ этомъ отношенiи, и рѣдко находилъ подходящiя слова, а теперь я почти совсѣмъ отвыкъ говорить, думаю молча, и слова не спѣшатъ приходить ко мнѣ на помощь, когда я въ нихъ нуждаюсь.

Болѣе всего мнѣ хочется сказать вамъ, что во все время нашей разлуки, не только здѣсь, но и на волѣ, и за-границей, когда я могъ оставаться одинъ и отдаться своимъ собственнымъ мыслямъ, я часто вспоминалъ о васъ, и мнѣ было очень тяжело, что мы какъ бы безъ вѣсти пропали другъ для друга, и вы обо мнѣ ничего не знаете. Тогда вспоминалъ я и свое дѣтство, и за многое въ немъ не могъ не упрекнуть себя. Но, вѣрно, такова

---

[1]) Она почти ослѣпла. *(Позднѣйшее примѣчанiе.)*

ужъ судьба всякаго новаго поколѣнія. Въ первые годы жизни всякій ребенокъ, котораго мать дѣйствительно любитъ, живетъ лишь отраженіемъ ея жизни, простосердечно и безъ стѣсненія выражаетъ ей ласками свою нѣжность, и она знаетъ все, что онъ думаетъ и чувствуетъ. Но потомъ, когда мальчикъ подростаетъ и становится почти взрослымъ, онъ начинаетъ жить въ своемъ обособленномъ мірѣ. У него являются мысли и интересы, которые онъ охотнѣе повѣряетъ своимъ товарищамъ, чѣмъ старшимъ. Если по временамъ у него и является потребность выразить матери свою любовь, онъ рѣдко найдетъ для этого вполнѣ свободныя выраженія, а обыкновенныя дѣтскія ласки ему уже кажутся ребячествомъ...

Все это повторилось въ свое время и со мной. И въ дѣтствѣ, и въ ранней молодости я васъ глубоко любилъ, и если въ послѣдніе годы, когда я пріѣзжалъ къ вамъ на каникулы, моя внутренняя жизнь оставалась для васъ закрытой, то лишь потому, что такъ поступаетъ почти всякій человѣкъ въ этомъ переходномъ возрастѣ. За то теперь я уже не боюсь, что кто-нибудь упрекнетъ меня въ ребячествѣ, и потому часто цѣлую вашу фотографію.

Я очень радъ, дорогая, что вы снова поселились на Боркѣ. Правда, что при современномъ земледѣльческомъ кризисѣ сельское хозяйство едва ли можетъ приносить какія-либо матеріальныя выгоды, но все же для васъ открылась возможность болѣе дѣятельной и привычной жизни. Я думаю, что въ Петербургѣ вамъ было очень скучно при вашемъ зрѣніи. Будьте же здоровы и счастливы, моя дорогая, и подумайте, нельзя ли снова возвратить операціей свое зрѣніе!

Теперь, милыя сестренки, хочу написать по нѣскольку строкъ и вамъ. Ты, милая Груша, непремѣнно пришли мнѣ свою новую фотографію, такъ какъ твоя старая сильно попорчена. Ты и не замѣтила, что забыла сообщить мнѣ объ обычныхъ занятіяхъ своего мужа и о томъ, есть ли у васъ дѣти. Ты пишешь только, что фамилія его (т.-е. теперь и твоя тоже)—Франція—оригинальна. По моему, это очень хорошая фамилія. Докторъ Франція въ первой половинѣ этого вѣка былъ знаменитъ на весь міръ, какъ диктаторъ Парагвая въ Южной Америкѣ! Можетъ быть и ваша фамилія тоже изъ Испаніи? Впрочемъ, откуда бы она ни происходила—это все равно. Ты говоришь, что Молога—маленькій и скучный городъ. Я такъ и думалъ прежде, но потомъ перемѣнилъ свое мнѣніе. Я гдѣ-то читалъ, что у васъ существуетъ женская гимназія, даже яхтъ-клубъ на Волгѣ, зала для

гимнастики и много другихъ развлеченій и полезныхъ предпріятій. При томъ же, вѣдь Молога служитъ санитарной станціей для всего нашего семейства, такъ что я нисколько не удивляюсь и тому, что ты тамъ чувствуешь себя хорошо!

Не знаю, въ Мологѣ ли ты еще, милая Надя, или уже переселилась въ другой городъ? Твое письмо очень меня растрогало. Вполнѣ понимаю, какъ тяжело тебѣ было потерять такъ рано своего сына Мишу. Все письмо твое наполнено разсказомъ о твоихъ дѣтяхъ и о близкихъ тебѣ людяхъ, такъ что для себя самой у тебя не осталось и мѣста... Тебѣ незачѣмъ было хвалить такъ много свою дочку Ниночку. Она такая славная, что я съ перваго взгляда на ея карточку полюбилъ ее отъ всей души. Если въ слѣдующее лѣто она снова пріѣдетъ на каникулы на родину, то пусть побываетъ на моемъ островкѣ въ Борковскомъ паркѣ и наберетъ себѣ тамъ поляники.

Бѣдная моя Варя! Изъ всѣхъ сестеръ ты самая молодая, но жизнь принесла тебѣ болѣе горя, чѣмъ всѣмъ другимъ! По коротенькому сообщенію, которое я получилъ черезъ департаментъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, я все не могъ сообразить, который изъ твоихъ дѣтей умеръ, старшій или младшій. Только теперь я узналъ, что это бѣдный Сережа. На первой твоей карточкѣ ты смотришь совсѣмъ дѣвочкой, а на второй у тебя очень страдальческое выраженіе. Вѣрно ты была больна, или фотографія очень неудачна. Со слѣдующей посылкой непремѣнно пришли мнѣ хорошую, какъ обѣщала, и смотри, будь на ней бодрой и здоровой, какъ подобаетъ быть мамашѣ такого славнаго мальчика, какъ Валя. У твоего сынишки замѣчательно умная головка и умные, выразительные глаза. Такихъ славныхъ мальчиковъ я, кажется, еще никогда не видалъ,—просто прелесть! Цѣлую его заочно.

Что же касается до моей карточки, то едва ли твое желаніе имѣть ее исполнимо. Во время послѣднихъ свиданій съ отцомъ, я говорилъ или писалъ ему, что, если вы хотите получить мою хорошую фотографію, то напишите объ этомъ въ Швейцарію Элизэ Реклю. Если вы исполнили тогда этотъ совѣтъ, и письмо дошло, то онъ, конечно, давно исполнилъ ваше желаніе, такъ какъ, уѣзжая въ Россію, я ему оставилъ свою фотографію.

Я еще не получилъ твоего письма, милый Петя, и потому не все знаю о твоей жизни. Не знаю даже, какъ зовутъ твою жену и сына. Я очень былъ обрадованъ словами Вѣрочки, что твое полевое хозяйство идетъ не безъ успѣха.

До сихъ поръ я представляю себѣ Борокъ въ томъ же видѣ,

какъ въ молодости, но часто думаю и о перемѣнахъ, которыя тамъ могли произойти. Живъ ли еще флигель, въ которомъ мы всѣ увидѣли свѣтъ? Уничтожена ли при домѣ исакіевская колоннада, производившая мракъ и сырость въ тѣхъ комнатахъ, что прилегаютъ къ саду? — Я думаю, что давно уничтожена, потому что она была ужъ слишкомъ неудачно задумана отцомъ... Что сдѣлалось съ оружейной комнатой, съ ея вензелями изъ различнаго рода стариннаго оружія, клинковъ, рапиръ и проч., и проч?.. Много ли растетъ яблоковъ на яблоняхъ за сиренями, направо отъ балкона? Существуетъ ли еще кругъ изъ караганъ, которыя мы всѣ называли акаціями, передъ подъѣздомъ дома? Растутъ ли попрежнему вокругъ него кустарники пушистыхъ спирей, на которыхъ всегда засѣдали бронзовые жуки? Сильно ли разрослись липовыя клумбы, насаженныя отцомъ въ разныхъ мѣстахъ сада? Я думаю, что большая часть липокъ въ этихъ маленькихъ рощицахъ заглушили другъ друга, а изъ выжившихъ образовались огромные букеты, разбросанные посреди большого березоваго парка. Какія ягоды растутъ теперь у васъ? Отъ тѣхъ кустовъ крыжовника, что находились за маленькой безоконной бесѣдкой передъ спускомъ сада къ нижнему бѣгу, вѣрно не осталось и слѣдовъ? Отъ каменныхъ воротъ, тамъ, далеко въ полѣ, къ которымъ мы иногда путешествовали, навѣрно осталась только груда камней? А на старомъ Боркѣ, гдѣ въ мое время еще были живы оба этажа стараго, заколоченнаго наглухо каменнаго дома и виднѣлся даже шпицъ съ шаромъ наверху, вѣроятно давно образовались живописныя развалины? Я хорошо помню, какъ не разъ, рискуя сломить себѣ шею, взбирался туда на чердакъ по старымъ, шатающимся лѣстницамъ, на которыхъ недоставало многихъ ступенекъ...

А тебя, моя славная сестренка, Вѣрочка, я отложилъ на самый конецъ для того, чтобы расцѣловать на прощанье тысячу разъ за твое милое письмо. Право же, моя дорогая, еслибъ я могъ любить тебя еще больше, чѣмъ люблю, то непремѣнно полюбилъ бы за твое доброе посланіе. Для того, чтобы написать такое письмо, нужно имѣть любящую, отзывчивую душу, умѣть поставить себя на мѣсто другого, и на время чувствовать его чувствами. Твое письмо меня и растрогало, и утѣшило въ одно и то же время. Дня три подъ-рядъ у меня затуманивались отъ него глаза, и я ничего не дѣлалъ, а только мечталъ о васъ, и все смотрѣлъ на ваши карточки, особенно на ту, гдѣ ты сидишь

рядомъ съ мамашей, въ какой-то хижинѣ. Это такая прелестная картинка, что болѣе похожа на произведеніе искусства, чѣмъ на дѣйствительность.

Да, моя Вѣрочка, много прошло времени, много было и потерь, и радостей съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, и когда все это разомъ нахлынуло на меня, то въ душѣ получилась такая смѣсь счастья и горя, что въ ней трудно было разобраться. Но горе мало-по-малу улеглось, а радость и счастье остались. Сколько разъ въ прежніе годы, ходя взадъ и впередъ по своей комнаткѣ въ длинный зимній вечеръ, я думалъ что, можетъ быть, во всемъ широкомъ мірѣ нѣтъ уже ни одной живой души, которая меня помнила бы и любила хоть немного, и въ эти минуты я чувствовалъ себя такимъ одинокимъ и затеряннымъ. И вдругъ оказывается, что это были лишь мрачныя фантазіи, что не только одна моя дорогая мать, но и всѣ вы, сестрички, и братъ, и кузина Маша, помните и любите меня, и все время заботились обо мнѣ!

Но будетъ сантиментальничать и говорить о себѣ. Грустно было мнѣ читать о послѣднихъ годахъ жизни отца и о его тяжелой болѣзни, но извѣстіе о его смерти было для меня далеко не такъ неожиданно, какъ вы думали. Уже по одному старинному виду его карточки, не говоря объ отсутствіи положительныхъ извѣстій о его жизни, я давно догадался, что его нѣтъ въ живыхъ, и неизвѣстность (если это состояніе можно назвать неизвѣстностью) была едва ли не тяжелѣе, потому что дѣйствовала какъ безконечная хроническая болѣзнь.

Свои дѣтскіе мореходные опыты на нашемъ прудѣ, въ водопойной колодѣ, вмѣсто лодки, и съ парусомъ изъ простыни (о которыхъ ты спрашиваешь), я помню очень хорошо. Также хорошо помню и наши вечернія поэтическія прогулки въ настоящей лодкѣ вокругъ островка, когда окна хижины на островкѣ блестѣли такъ таинственно отъ луннаго свѣта, а по волнамъ на водѣ тянулась къ лунѣ широкая полоса блеска. Помню, какъ иногда во время нашего катанія поднимался надъ водой туманъ и лодка неслышно скользила посреди бѣловатаго облака, берега совсѣмъ исчезали изъ вида и только смутныя фигуры ивовыхъ кустовъ одна за другой поднимались изъ тумана какъ-то совсѣмъ неожиданно и близко. Эта любовь къ мореходству не оставляла меня и потомъ. Я очень любилъ кататься на парусахъ или на веслахъ по Женевскому [1]) озеру, когда поднимался

---

[1]) Во время жизни въ эмиграціи въ 1875 г. Объ этомъ, какъ и обо всемъ ка-

свѣжій вѣтеръ и лодку бросало, какъ мячикъ. А когда пришлось ѣхать моремъ изъ Англіи во Францію, то я былъ въ полномъ восторгѣ отъ того, что поднялся сильный вѣтеръ, пароходъ началъ переваливаться сбоку-набокъ и клевать носомъ воду. Почти всѣ пассажиры убѣжали въ каюты, лакеи начали бѣгать взадъ и впередъ за мѣдными тазиками, а я только радовался, забрался на самый носъ и все смотрѣлъ, какъ онъ сначала поднимался вмѣстѣ со мной высоко-высоко и я смотрѣлъ съ него внизъ какъ съ колокольни, а потомъ вдругъ мы оба (носъ и я) бухались въ воду и меня всего обдавало брызгами и пѣной.

Мнѣ такъ хотѣлось бы имѣть ту фотографію нашего островка, которую тебѣ возвратили обратно изъ департамента полиціи. Я писалъ туда объ этомъ, и мнѣ отвѣтили, что въ департаментѣ не знали о томъ, что эта фотографія имѣетъ такое близкое отношеніе къ моимъ семейнымъ воспоминаніямъ—иначе ее, вѣроятно, не задержали бы. Если вы хотите сдѣлать мнѣ большое удовольствіе, то снимитесь группами на островкѣ или въ другихъ живописныхъ мѣстахъ имѣнія и пришлите мнѣ.

Какіе именно цвѣты и древеса ты насаждаешь, Вѣрочка, и гдѣ именно? Я, какъ и ты съ Александромъ Игнатьевичемъ, умѣю набивать чучела птицъ и звѣрей. Что же касается до рыбъ, то это, по моему, куда труднѣе. На своемъ вѣку я успѣлъ набить только одну рыбу—селедку, и притомъ уже просоленую, изъ боченка! Я думаю, что этотъ подвигъ стоитъ набивки десяти птицъ, тѣмъ болѣе, что селедка была изображена мною плывущей и соотвѣтственно утверждена на проволокѣ.

Ну, прощайте всѣ, мои дорогіе! Въ какіе мѣсяцы вамъ удобнѣе получать мои письма? Что касается до меня, то въ моей жизни ничего не перемѣнилось. Здоровье иногда немного лучше, иногда немного хуже, но въ общемъ осталось безъ перемѣны. Одно время, по причинѣ сердцебіеній, пришлось пріостановить даже главную работу моей жизни—книгу о строеніи вещества, но теперь я снова принялся за нее. Не бойтесь, что я потрачу на это свое здоровье, какъ пишетъ Вѣрочка. Правильныя занятія и научные интересы—это мое единственное спасеніе. Безъ нихъ мнѣ было бы совсѣмъ плохо.

Цѣлую всѣхъ много разъ. Любящій васъ *Ник. Морозовъ.*

Милая мамаша! Зрѣніе не позволяетъ вамъ писать ко мнѣ. Такъ продиктуйте для меня Петѣ или Вѣрочкѣ хоть немного.

савшемся политики, было запрещено писать подъ угрозой прекращенія переписки. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

Мнѣ такъ хотѣлось бы имѣть отъ васъ хоть нѣсколько вашихъ собственныхъ словъ *Коля.*

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

24 февраля 1898 г.

Безцѣнная моя мамаша!

Обнимаю и цѣлую васъ множество разъ за тѣ добрыя строчки, которыя вы продиктовали для меня Вѣрочкѣ. Да! будемъ бодры, будемъ надѣяться на лучшіе дни! Теперь, когда я узналъ, что вы здоровы, окружены семьей, что вашъ день наполненъ обычными хозяйственными заботами, исчезла главная тяжесть, лежавшая у меня на душѣ. Если же намъ и не придется болѣе увидѣться, то будемъ радоваться тому, что въ послѣдніе годы жизни мы не были разлучены душою. Не плачьте обо мнѣ такъ много, моя дорогая!—Человѣкъ привыкаетъ ко всему, и для меня прошли самые тяжелые первые годы. Не будемъ думать, что душевное настроеніе человѣка, бодрое или унылое состояніе его духа зависятъ только отъ окружающей его обстановки. Человѣкъ носитъ ихъ въ своей собственной душѣ. Кто по природѣ склоненъ къ унынію, кто думаетъ только о самомъ себѣ, тотъ будетъ несчастливъ, гдѣ бы онъ ни былъ и съ кѣмъ бы онъ ни былъ. У меня же нѣтъ этого въ сердцѣ. Изъ-за своихъ стѣнъ я также могу сочувствовать всѣмъ, кто живетъ и любитъ на свободѣ, вспоминать о васъ, думать и гадать о томъ, что вы теперь дѣлаете и о чемъ думаете. Кромѣ того я имѣю счастливую въ моемъ положеніи особенность забывать все окружающее, когда читаю интересную для меня книгу, или просто думаю и мечтаю. А это бываетъ почти каждый день, такъ что я вѣчно гляжу куда-нибудь въ отдаленное пространство и время и почти не вижу того, что у меня подъ ногами.

Правда, всего этого слишкомъ мало для сколько-нибудь живого человѣка... И мнѣ хотѣлось бы поглядѣть на дорогія лица, услышать любимые голоса. Хотѣлось бы поговорить съ вами, дорогая, такъ, какъ можно говорить только съ самымъ близкимъ человѣкомъ, для котораго открытъ каждый уголокъ души... Не все скажешь при людяхъ [1]), что говорится наединѣ дорогому и любящему тебя существу, и не всякій можетъ писать

---

[1]) Всѣ письма просматривались въ департаментѣ полиціи или въ министерствѣ. *(Позднѣйш. примѣчаніе.)*

открыто такъ, какъ онъ могъ бы разговаривать въ тѣсномъ семейномъ кругу. Да и что значатъ всѣ слова и письма въ сравненіи съ одной возможностью просто обнять и поцѣловать тѣхъ, кого любишь? Но что же дѣлать! Будемъ утѣшать себя тѣмъ, что прежде не было и этого. Будемъ радоваться тому, что худшее прошло и, вѣроятно, не возвратится. Кто знаетъ? Можетъ быть дождемся и лучшихъ дней. Вѣдь, чѣмъ дольше продолжается ненастье, тѣмъ скорѣе можно надѣяться, что настанутъ наконецъ и свѣтлые дни. Отдадимся же, дорогая, на волю теченія. Куда оно насъ вынесетъ,—туда и хорошо.

Въ полдень, 13 января, передъ самымъ обѣдомъ, я получилъ, мои милые, вашу вторую посылку. Вы, конечно, поймете, что въ этотъ день я позабылъ о своемъ обѣдѣ, и онъ остался нетронутымъ на моемъ столѣ. Вы просите меня написать вамъ о моей обычной жизни [1]... Она очень однообразна! Встаю я довольно рано — часовъ въ 7 или 8, но передъ этимъ нѣкоторое время валяюсь въ постели и мечтаю. Передъ обѣдомъ гуляю довольно много, а послѣ обѣда въ прежнее время сейчасъ же принимался за работу надъ своей книгой вещества [2]), а по временамъ ходилъ въ мастерскую переплетать книги для нашей библіотеки и выучился дѣлать очень недурные и прочные переплеты. Сдѣлалъ даже большой альбомъ для вашихъ фотографій, и теперь мнѣ ихъ очень удобно разсматривать, не опасаясь, что онѣ изотрутся. Однако въ послѣдніе годы здоровье не позволяетъ мнѣ много работать или писать послѣ обѣда,—отъ этого начинается сердцебіеніе и боль подъ ложечкой. Въ это время я обыкновенно занимаюсь чтеніемъ, когда день свѣтлый, или привожу въ порядокъ свои коллекціи, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но часа черезъ три послѣ обѣда я каждый день (за очень рѣдкими исключеніями) пишу свою „книгу вещества“ вплоть до ужина, который по совѣту доктора я замѣнилъ кружкой молока съ бѣлымъ хлѣбомъ (потому что если съѣмъ за ужиномъ что-нибудь болѣе существенное, то ночью плохо сплю отъ кошмаровъ и сердцебіенія). Послѣ этого я хожу и мечтаю часовъ до одиннадцати, или посвящаю это время на чтеніе иностранныхъ

---

[1]) Писать что-либо о внутреннихъ порядкахъ и обращеніи властей было строго запрещено. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

[2]) „Періодическія системы строенія вещества“. Изд. Сытина. Москва, 1907. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

книгъ и журналовъ въ родѣ англійскаго „Idler"'а или „Revue des Revues", русскихъ же книгъ въ это время не читаю совсѣмъ.

Сплю теперь довольно спокойно, когда день прошелъ безъ треволненій, а года два назадъ почти совсѣмъ не спалъ отъ постояннаго звона въ ушахъ и плохого состоянія нервовъ. Чай пью два раза въ день, а обѣдъ свой рѣдко съѣдаю даже до половины, потому что совсѣмъ потерялъ аппетитъ. Остатокъ обѣда отношу на слѣдующій день на прогулкѣ воробьямъ, которые ко мнѣ слетаются уже на дорогѣ цѣлой стаей. Только ихъ обижаютъ голуби, которые тоже спѣшатъ на пиръ, и ихъ приходится отгонять, чтобъ воробьи не остались голодными. На прогулкахъ я прежде занимался огородничествомъ и цвѣтоводствомъ въ крошечномъ садикѣ, но въ послѣдніе годы земляныя работы оказались не по моимъ силамъ, и я сдалъ свою грядку своему товарищу по прогулкамъ [1]), который очень любитъ этимъ заниматься и выплачиваетъ мнѣ „арендную плату" огурцами, редиской, а иногда и дыней. Штокъ-розы у насъ почти не хуже Вѣрочкиныхъ, только цвѣтутъ очень поздно — къ самой осени. Обязательныхъ работъ здѣсь нѣтъ, и никогда не было, но въ первое время послѣ суда было нѣсколько лѣтъ такого полнаго одиночества (тогда я былъ въ другомъ мѣстѣ [2]), что я почти разучился говорить и не узнавалъ своего собственнаго голоса. Вотъ въ это-то первое время, когда приходилось жить только своей внутренней жизнью, и сложилась у меня въ общихъ чертахъ та теорія, о которой въ послѣдніе годы я пишу книгу, и вѣроятно только это счастливое обстоятельство, наполнившее пустоту моей жизни, и спасло меня отъ сумасшествія.

Въ прошломъ письмѣ я уже говорилъ вамъ, что всякій разъ, когда мнѣ позволяли мѣсто и обстоятельства, на свободѣ или въ заключеніи, я возвращался къ своему любимому предмету, о которомъ вы помните—естественнымъ и математическимъ наукамъ. Я думалъ, да и теперь думаю, что естественныя науки не только разъяснятъ намъ всѣ тайны окружающей насъ природы, облегчатъ трудъ человѣка и сдѣлаютъ его существованіе легкимъ и счастливымъ, но въ концѣ концовъ дадутъ отвѣтъ и на тѣ тревожные вопросы, которые такъ хорошо выражены въ одномъ изъ стихотвореній Гейне:

Кто объяснитъ намъ, что—тайна отъ вѣка,
Въ чемъ состоитъ существо человѣка,

---

[1]) Фроленкѣ. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

[2]) Въ Алексѣевскомъ равелинѣ. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

Какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ,
Кто тамъ, вверху, надъ звѣздами живетъ?

Оттого-то въ первые годы сознательной жизни я бросался отъ одной естественной науки къ другой и снова возвращался къ первой. Мнѣ всегда казалось, что наиболѣе интересное заключается именно въ томъ, съ чѣмъ я еще не успѣлъ ознакомиться, и для меня всегда было настоящимъ праздникомъ, когда приходилось преодолѣть какую-нибудь трудность. Вотъ и сейчасъ, напримѣръ, я вспомнилъ съ улыбкой объ одномъ минувшемъ вечерѣ, когда, занимаясь вмѣстѣ съ товарищемъ математикой, я въ первый разъ постигъ одинъ трудный символъ, называемый знакомъ интеграла и наводившій на меня до тѣхъ поръ суевѣрный трепетъ. Понявъ, въ чемъ дѣло, и написавъ этотъ крючокъ $\left(\int\right)$ въ первый разъ со смысломъ въ свою тетрадку, я былъ въ такомъ восторгѣ, что схватилъ товарища за руки, и мы оба вертѣлись, какъ сумасшедшіе, по комнатѣ [1]). Мы даже записали годъ и число этого памятнаго дня,—но, конечно, все это послѣ затерялось. Вотъ эта-то вѣра въ естественно-математическія науки и нѣкоторый запасъ знаній, который я могъ разрабатывать, когда остался одинъ, безъ книгъ и внѣшнихъ впечатлѣній, и поддержали меня въ трудные годы жизни, позволяя уноситься мыслью далеко отъ всего окружающаго и даже забывать о своемъ собственномъ существованіи. Я пишу вамъ это, потому что знаю, что все касающееся моей внутренней жизни послѣ разлуки съ вами, всѣ мои радости и страданія будутъ вамъ близки и интересны. Теперь, какъ я уже говорилъ вамъ, я могу пользоваться нѣкоторыми изъ самыхъ современныхъ научныхъ сочиненій, не только русскихъ, но и иностранныхъ. Попрежнему я интересуюсь всѣмъ новымъ въ естественныхъ наукахъ: и новыми элементарными тѣлами, въ родѣ аргона и гелія, и каналами на Марсѣ, и рентгеновыми лучами, и даже новыми математическими теоріями о многомѣрныхъ пространствахъ.

Все интересное я выписываю въ тетради, но, несмотря на это, уже давно пересталъ перебрасываться отъ одной науки къ другой, и въ послѣднія пять-шесть лѣтъ совсѣмъ спеціализировался на ученіи о строеніи вещества, которое, по моему, лежитъ въ основѣ всѣхъ остальныхъ наукъ о природѣ. Вотъ будетъ радость, когда удастся дописать послѣднюю страницу моей книги объ этомъ!

---

[1]) Съ Манучаровымъ. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

Милый Петя, и вы, сестренки! Вы отлично сдѣлали, что описали мнѣ все, что васъ окружаетъ, вплоть до того, какъ квакаютъ лягушки на прудѣ, и притомъ, по словамъ Нади, „очень грубыми голосами", и какъ ихъ боится Вѣрочка. Именно эти маленькія подробности я и читаю съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что вижу въ это время васъ такъ ясно, какъ будто бы вы находились у меня передъ глазами. Вотъ такъ пишите и въ будущемъ!—Каждый разъ когда я пріѣзжалъ въ Борокъ на каникулы, мой слухъ еще по дорогѣ со станціи поражалъ этотъ лягушечій концертъ, къ которому изрѣдка примѣшивался рѣзкій крикъ коростеля, похожій на скрипъ несмазанной телѣги или той деревянной качели, на которой мы съ вами и съ Мери качались иногда по вечерамъ. И вотъ, когда я читалъ о кваканьи лягушекъ, я все это припомнилъ очень живо. На меня такъ и пахнуло дѣтствомъ, свѣжестью деревьевъ, просторомъ полей, и на душѣ стало легко и хорошо! Давно я уже не видалъ ничего такого!..

Въ Боркѣ, по вашимъ сообщеніямъ, все такъ сохранилось, что я начинаю подозрѣвать, не уцѣлѣли ли на тесовой перегородкѣ флигеля (въ западной большой комнатѣ, гдѣ потомъ стоялъ билліардъ) и тѣ смѣшныя рожи, которыя я нацарапалъ гвоздемъ у самаго пола, когда мнѣ было года четыре или пять... Всякій разъ, когда я возвращался домой на лѣто и жилъ въ этомъ отдѣленіи, я очень смѣялся, глядя на эти произведенія своего дѣтства. Когда будете писать слѣдующій разъ, не забудьте сообщить мнѣ, цѣлы ли большіе портреты отца, дѣдушки и бабушки и разныя масляныя картины на стѣнахъ: всевозможныя нимфы-Калипсы, морскіе виды Айвазовскаго (которые мнѣ нравились болѣе всѣхъ другихъ изъ нашихъ картинъ) и разныя бытовыя и историческія картины въ залѣ наверху и въ другихъ комнатахъ.

Изъ вашихъ писемъ оказывается, что теперь можно дойти до самаго пруда, ни разу не выходя въ поле. Читая Надино и Вѣрочкино описаніе этихъ густыхъ зарослей около пруда, я невольно вспомнилъ одинъ сонъ, который я видѣлъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Мнѣ снилось, что я снова попалъ въ Борокъ, но весь садъ передъ балкономъ, до самаго спуска къ нижнему полю, заросъ густымъ и высокимъ еловымъ лѣсомъ, и я никакъ не могъ пробраться черезъ него къ дому, хотя и слышалъ ваши голоса на балконѣ. Вообще я вижу иногда сны, которые переносятъ меня къ вамъ, но все это—сны изъ нашей дѣтской жизни.

Какъ хорошо ты сдѣлалъ, Петя, что такъ подробно описалъ

мнѣ свою жизнь. Теперь исчезъ въ моей головѣ послѣдній пустой промежутокъ, который мѣшалъ мнѣ связать наше дѣтство съ вашей современной жизнью. Очень ли разрослись сосѣднія съ Боркомъ деревни: Дьяконово и Григорево? Измѣнились ли въ нихъ нравы и обычаи? Когда я былъ дома въ послѣдній разъ, тамъ не было еще ни одной школы, и крестьяне почти поголовно были безграмотны, а кругомъ на много верстъ не было ни одной души, съ которой можно было бы о чемъ-нибудь поговорить. Есть ли теперь около васъ какіе-нибудь сосѣди, съ которыми ты болѣе или менѣе близокъ?

Ты, Вѣрочка, спрашиваешь меня, какъ идетъ моя „книга вещества". Съ великимъ удовольствіемъ могу сказать, что какъ разъ въ день Рождества и въ день новаго (1898) года я окончательно разрѣшилъ два послѣднія затрудненія въ моей теоріи, и теперь мнѣ остается только изложить уже по готовому плану одинъ большой отдѣлъ книги, который, хотя и носитъ понятное и даже пріятное (особенно для женщинъ) названіе „ароматическихъ соединеній", однако представляетъ въ ученіи о структурѣ вещества (за исключеніемъ бѣлковъ) самую сложную часть. Очень охотно объяснилъ бы я тебѣ, въ чемъ состоитъ моя теорія и въ какомъ отношеніи она находится къ прежнимъ взглядамъ, но, къ сожалѣнію, вопросъ этотъ настолько спеціальный, что понятенъ только для немногихъ, и я самъ не могъ бы даже приступить къ нему, еслибъ въ прежнее время не занимался очень много теоретическимъ и практическимъ анализомъ минераловъ и органическихъ веществъ. На каждой страницѣ моей рукописи ты увидѣла бы структурныя формулы, отъ одного взгляда на которыя у непривычнаго человѣка (какъ сказалъ мой одинъ товарищъ) дѣлается „рябь въ глазахъ". Но для того, кто съ ними освоился, эти формулы совсѣмъ не такъ трудны, напротивъ — онѣ очень стройны и выразительны, а выводы изъ нихъ имѣютъ большое значеніе для всѣхъ отраслей естествознанія. Вотъ почему я очень люблю ихъ, и такъ свыкся съ ними, что вижу ихъ даже во снѣ и пишу почти всѣ наизусть, десятками, безъ передышки.

Вотъ теперь ты имѣешь понятіе о внѣшнемъ видѣ моей книги и не удивишься тому, что она подвигается такъ медленно. Въ послѣднія пять лѣтъ я занимаюсь серьезно только однимъ этимъ предметомъ. Каждый день (кромѣ болѣзней) посвящаю книгѣ три-четыре часа (больше физически не могу), и все таки рѣдко удается написать въ день болѣе трехъ-четырехъ страницъ. Однако, несмотря на эти медленные шаги, въ годъ выходитъ много, и книга медленно,

но явно приближается къ концу. Сначала я просто приходилъ въ отчаянье, когда послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы видѣлъ, что конецъ остается попрежнему далеко, или даже прямо удаляется, вслѣдствіе расширенія плана во время работы, но теперь перевалъ сдѣланъ, и заключительная глава приближается съ каждымъ мѣсяцемъ. Когда окончу всю книгу, думаю написать еще болѣе короткое популярное изложеніе ея содержанія, чтобъ теорія не оставалась доступна лишь тѣсному кругу спеціалистовъ, если книгѣ будетъ суждено когда-нибудь увидѣть свѣтъ.

Моя бѣдняжечка Надя! Тебя, какъ я вижу, совсѣмъ ограбили прошлое лѣто ваши литовскія баронессы. Смотри, если такъ пойдетъ и въ слѣдующіе годы, то Ниночка твоя скоро превратится въ Нисю (Panna Nisia). Вывожу эти слова такъ храбро, потому что, какъ-то между дѣломъ, подъучился немного и польскому языку [1]) и даже прочелъ съ успѣхомъ нѣсколько польскихъ книгъ: кое-что изъ романовъ Сенкевича, Яна-Ляма, Крашевскаго, и даже изъ стихотвореній Мицкевича. Тогда я думалъ, въ простотѣ души, что дѣлаю это только изъ любознательности, но теперь начинаю склоняться къ мнѣнію, что здѣсь было предчувствіе относительно Ниночки и что спириты правы, когда говорятъ, что грядущія событія бросаютъ на насъ свои тѣни... Но, серьезно: ты, вѣрно, очень скучала, не видя своей дочурки цѣлый годъ? Была ли ты у нея послѣ этого? Какъ она поживаетъ? Ты и Варя такъ хорошо описали мнѣ вашихъ дѣтей, что я теперь ихъ знаю не только по наружности, но и по характеру, какъ будто бы былъ лично знакомъ съ ними. А какъ славно описала ты заросли у пруда и лягушекъ — просто прелесть!

Одна изъ твоихъ новыхъ карточекъ, сестренка Варя, та, которая на большомъ листѣ, очень меня обрадовала: тамъ у тебя веселый и здоровый видъ. За то другая, гдѣ ты съ Валей, совсѣмъ меня огорчила твоимъ страдальческимъ выраженіемъ, да и Валя на ней совсѣмъ унылый. Вѣдь говорилъ я тебѣ, чтобъ ты не была грустной и больной, а здоровой и веселой, — а ты на этой карточкѣ чуть не плачешь!—Даже я, несмотря на всѣ свои приключенія, никогда не смотрѣлъ такъ уныло. Ободрись же, дружочекъ, и будемъ надѣяться, что изъ твоего Вали выйдетъ очень умный и талантливый человѣкъ. Его разсѣянность на уро-

---

[1]) Отъ товарища по заключенію, Яновича. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

кахъ, о которой ты пишешь, нисколько не служитъ дурнымъ признакомъ. Механическое заучиваніе буквъ, цифръ, таблицъ сложенія и умноженія, на которое сводится начало всякаго обученія, конечно мало удовлетворяетъ живого и наблюдательнаго ребенка, такъ какъ не доставляетъ никакой пищи его мысли или воображенію. Его умъ невольно переноситъ свою дѣятельность на что-нибудь другое, болѣе занимательное, и чѣмъ богаче одаренъ этотъ умъ, тѣмъ болѣе онъ находитъ себѣ посторонняго матеріала для размышленія и тѣмъ болѣе причинъ къ разсѣянности. Потомъ, когда періодъ скучнаго механическаго заучиванія окончится и начнется настоящая живая наука, пройдетъ и его разсѣянность. Когда я въ первый разъ смотрѣлъ на его карточку, мнѣ невольно вспомнился рисунокъ изъ одной старинной (начала XIX вѣка) книжки, гдѣ по выпуклости лба и головы д-ръ Галль училъ опредѣлять склонности и способности человѣка: по этой книжкѣ выходитъ, что у твоего Вали должно быть очень сильное воображеніе. Правда, что Галль хватилъ черезъ край, и потому его френологія послѣ временнаго успѣха была всѣми забыта. Однако нѣкоторые пункты въ ней были справедливы, и изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ надъ спеціальной дѣятельностью различныхъ областей мозга воскрешаютъ въ исправленномъ видѣ кое-что и изъ этой френологіи. Теперь, какъ до меня доходитъ, нѣкоторые ученые (въ родѣ Ломброзо) только тѣмъ почти и занимаются, что ощупываютъ головы всѣхъ и каждаго. Хотя тутъ и много увлеченія, но я увѣренъ, что воображеніе сидитъ именно въ передней части головы, за лбомъ, который у Вали такой большой и выпуклый. А воображеніе — это лучшая изъ человѣческихъ способностей, безъ которой немыслимо никакое творчество. Непремѣнно пусти его по научной дорогѣ, и лѣтъ черезъ двадцать онъ будетъ твоей гордостью, а въ ожиданіи этого крѣпко поцѣлуй его отъ меня.

Ты, дорогая моя Катя, просишь написать тебѣ о моемъ здоровьи... Вотъ именно матерія, о которой я менѣе всего люблю думать и говорить! Могу тебя только успокоить, что никакой смертельной болѣзни у меня пока нѣтъ, а что касается до несмертельныхъ, то ихъ было очень много. Было и ежедневное кровохарканье въ продолженіе многихъ лѣтъ, и цынга три раза, и бронхиты (пересталъ считать), и всевозможные хроническіе катарры, и даже грудная жаба. Года три назадъ былъ сильный ревматизмъ въ ступнѣ правой ноги, но убѣдившись, что никакія лекарства не помогаютъ, я вылечилъ его очень оригинальнымъ способомъ, который рекомендую всякому! Каждое утро, вставъ съ по-

стели, я минутъ пять (вмѣсто гимнастики) танцовалъ мазурку. Это былъ, могу тебя увѣрить, ужасный танецъ: словно бьешь босой ногой по гвоздямъ, особенно когда нужно при танцѣ пристукивать пяткой. Но за то, черезъ двѣ недѣли такой гимнастики, ревматизмъ былъ выбитъ изъ ступни, и болѣе туда не возвращался! Раза три совсѣмъ приходилось умирать отъ разныхъ острыхъ болѣзней, но каждый разъ съ успѣхомъ выдерживалъ борьбу со смертью. Теперь кровохарканья прошли, а съ сердцебіеніями кое-какъ справляюсь и чувствую себя даже лучше, чѣмъ въ прошломъ году. По наружности во мнѣ нѣтъ почти ничего болѣзненнаго и я даже кажусь моложе своихъ лѣтъ, только очень худъ, совсѣмъ не накопилъ никакого жиру. Нѣсколько сѣдыхъ волосъ, о которыхъ я вамъ писалъ, ведутъ себя очень странно и, очевидно, чисто нервнаго происхожденія. Въ самой головѣ ихъ нѣтъ и не было, но когда я чѣмъ-нибудь разстроенъ, ихъ можно замѣтить тутъ и тамъ въ бородѣ. Затѣмъ, когда я нѣкоторое время чувствую себя хорошо, они снова исчезаютъ. Сначала я думалъ, что они выпадаютъ, но потомъ убѣдился, что ничего подобнаго нѣтъ, и тѣ же самые волоса принимаютъ снова естественный цвѣтъ! Такъ продолжается и теперь.

Какъ твоя семья, милая Катя, по числу дѣтей походитъ на нашу! Воображаю, что̀ за чудесная лѣсенка выходитъ, когда поставить рядомъ всѣхъ твоихъ дѣтей—Тоню, Шуру, Маню, Колю, Мишу, Петю, Катю и Андрюшу. Ты говоришь, что съ маленькими много хлопотъ,—но за то сколько и радости, особенно когда подростутъ!

Мнѣ всегда нравились семьи, въ которыхъ много дѣтей, и когда мнѣ приходилось въ нихъ бывать, я всегда любилъ возиться съ дѣтьми, и дѣти меня всегда любили. Разъ, качая одну пятилѣтнюю дѣвочку на рукахъ, я поднялъ ее такъ высоко, что стукнулъ головой о потолокъ, но къ счастью не сильно, и она только собралась всплакнуть, но тотчасъ позабыла свое намѣреніе и взобралась ко мнѣ на колѣни. А я ужасно перепугался и думалъ, что у нея на головѣ вскочитъ шишка...

Ну, теперь прощайте всѣ, мои дорогіе. Еслибъ вы знали, сколько радости приносятъ мнѣ ваши милыя, милыя письма.

Любящій васъ *Николай Морозовъ.*

ВЗГЛЯДЪ НА ПРОШЛОЕ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

(1866—1908).

Въ 1865-мъ году русская періодическая печать представляла собою далеко не полное отраженіе теченій, существовавшихъ въ русскомъ обществѣ. Среди газетъ, именно тогда начинавшихъ получать серьозное значеніе, не было ни одной, которая служила бы органомъ „лѣвыхъ“ направленій. Тогдашніе „правые“ располагали „Московскими Вѣдомостями“, незадолго передъ тѣмъ перешедшими въ руки Каткова и Леонтьева, тогдашній „центръ“ — „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, во главѣ которыхъ стоялъ В. Ѳ. Коршъ; промежуточныя мнѣнія находили выраженіе въ „Голосѣ“ А. А. Краевскаго. Иначе обстояло дѣло въ средѣ толстыхъ журналовъ; здѣсь всего менѣе благопріятно было положеніе „центра“. На правой сторонѣ стоялъ катковскій „Русскій Вѣстникъ“, въ то время еще далекій отъ позднѣйшаго маразма и украшавшійся именами Льва Толстого, Тургенева, Достоевскаго; на лѣвой сторонѣ блестѣли, хотя и нѣсколько ослабѣвшимъ свѣтомъ, „Современникъ“ и „Русское Слово“; между тѣми и другими зіяло пустое пространство, котораго не могли заполнить опустившіяся и обезцвѣченныя „Отечественныя Записки“. А между тѣмъ, именно передъ „центромъ“ открывались тогда широкія, заманчивыя задачи. Я соединяю подъ именемъ „центра“ сторонниковъ безостановочнаго движенія по той дорогѣ, на которую вступила Россія въ эпоху великихъ реформъ. Послѣдняя, по времени, изъ этихъ реформъ (законъ 6-го апрѣля о печати) состоялась именно въ 1865-мъ году; тѣмъ не менѣе

легко было предвидѣть, что преобразовательной работѣ, и раньше нѣсколько разъ замедлявшейся и прерывавшейся, грозитъ опасность незаконченности и деже частичнаго разрушенія. Нужно было охранять сдѣланное и настаивать на осуществленіи всего задуманнаго, во всей его полнотѣ — и со всѣми логическими, хотя и не предусмотрѣнными выводами. Трудиться надъ этой задачей газетамъ было особенно тяжело: онѣ внушали правительству, при равенствѣ другихъ условій, больше опасеній, чѣмъ журналы. Достаточной защитой законъ 6-го апрѣля, съ его системой административныхъ каръ, не служилъ ни для тѣхъ, ни для другихъ; по его остріе грозило, главнымъ образомъ, ежедневнымъ листкамъ, съ ихъ предполагаемымъ — по формулѣ: saepe cadendo — вліяніемъ на читателей. Все это увеличивало потребность въ новомъ журналѣ, который, оставаясь одинаково свободнымъ отъ воздыханій о прошломъ и отъ стремленія покончить съ нимъ сразу и всецѣло, освѣщалъ бы путь, ведущій, безъ потрясеній, къ завѣтной цѣли. Такой журналъ былъ задуманъ, въ концѣ 1865-го года, Михаиломъ Матвѣевичемъ Стасюлевичемъ.

Родившійся въ августѣ 1826-го года, М. М. Стасюлевичъ, получилъ образованіе въ четвертой (ларинской) петербургской гимназіи и въ петербургскомъ университетѣ. Какъ ни далека была тогдашняя — такъ называемая уваровская — гимназія отъ идеала средней школы, она лучше удовлетворяла своему назначенію, чѣмъ позднѣйшее порожденіе толстовскаго псевдоклассицизма: меньше утомляла, меньше раздражала учениковъ и въ семь лѣтъ давала больше основательныхъ знаній, чѣмъ пріобрѣталось позднѣе при восьмилѣтнемъ гимназическомъ курсѣ. Въ М. М. гимназія оставила хорошія воспоминанія, способствовавшія, быть можетъ, оживленной борьбѣ, которую онъ велъ въ „Вѣстникѣ Европы“ противъ измышленій гр. Д. А. Толстого. Не мало далъ Михаилу Матвѣевичу и университетъ, гдѣ онъ слушалъ П. А. Плетнева, озареннаго отблескомъ пушкинской славы, А. В. Никитенко, неглубокаго, но искренняго поклонника литературы, ученыхъ знатоковъ классической древности — Фрейтага и Грефе, выдающагося слависта Прейса, талантливаго, гуманнаго экономиста Порошина и, наконецъ, историка М. С. Куторгу, въ то время еще молодого, увлекавшагося своимъ предметомъ и увлекавшаго своихъ слушателей, достойнаго, по методу преподаванія и критическимъ пріемамъ, стать рядомъ съ лучшими германскими профессорами. Подъ его вліяніемъ М. М. избралъ своею спеціальностью исторію древней Греціи, которую

съ особенною любовью разрабатывалъ Куторга. Ей посвящены всѣ три диссертаціи М. М. — магистерская („Аѳинская гегемонія“), докторская („Ликургъ аѳинскій“) и pro venia legendi („Защита Кимонова мира“). Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ сталъ читать всеобщую исторію въ спб. университетѣ, оставаясь въ то же время учителемъ исторіи въ гимназіи (ларинской) и въ патріотическомъ институтѣ. Получивъ командировку за границу, онъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1856—58) знакомился на мѣстахъ съ преподаваніемъ исторіи въ университетахъ Германіи, Франціи и Англіи. Возвратясь въ Петербургъ, онъ получилъ званіе профессора. Лекціи его, усердно посѣщавшіяся и посторонней публикой — для которой были тогда широко открыты двери университета, — касались преимущественно исторіи среднихъ вѣковъ. Въ 1859-мъ году профессорами спб. университета былъ задуманъ циклъ публичныхъ лекцій. М. М. выбралъ темой провинціальный бытъ Франціи временъ Людовика XIV-го и съ большимъ успѣхомъ воспользовался ею, между прочимъ, для того, чтобы подчеркнуть черты сходства между старой Франціей и до-реформенной Россіей. Въ 1860-мъ году онъ съ такимъ же успѣхомъ читалъ о Маркѣ Авреліи. Сблизившись еще во время заграничной поѣздки съ молодыми товарищами своими по профессурѣ—К. Д. Кавелинымъ, В. Д. Спасовичемъ, А. Н. Пыпинымъ, Б. И. Утинымъ,—М. М. составилъ вмѣстѣ съ ними дружно объединенную группу, стоявшую за права высшей школы, за самостоятельность совѣта, за свободу студенческихъ организацій. Къ этой группѣ примыкали и нѣкоторые другіе профессора, не послѣдовавшіе за нею, когда въ правительственныхъ сферахъ совершился поворотъ вправо и началась борьба съ только что слагавшейся автономіей университета. Тяжело было людямъ, всей душой преданнымъ своему дѣлу и точно созданнымъ для него, разставаться съ каѳедрой; но чувство долга, понимаемое сурово и строго, взяло верхъ — и пять названныхъ нами профессоровъ оставили университетъ, протестуя, тѣмъ самымъ, противъ вновь вводимыхъ порядковъ. Въ образѣ дѣйствій, такъ рѣшительно шедшемъ въ разрѣзъ съ вѣковыми традиціями „непротивленія начальству“, усмотрѣно было чуть не преступленіе. Не смотря на добрыя намѣренія новаго министра народнаго просвѣщенія, А. В. Головнина, ни одному изъ *пяти* не удалось возвратиться на покинутую дорогу. К. Д. Кавелинъ лишь много лѣтъ спустя получилъ возможность примѣнять свой огромный преподавательскій талантъ въ тѣсномъ кружкѣ офицеровъ-слушателей военно-юридической академіи. В. Д.

Спасовичъ долженъ былъ уйти изъ училища правовѣдѣнія, гдѣ онъ читалъ уголовное право, и посвятить себя главнымъ образомъ адвокатурѣ, продолжая находить, до конца жизни, что настоящимъ его призваніемъ была профессорская дѣятельность. Б. И. Утинъ сталъ членомъ окружного суда, потомъ судебной палаты — но какъ ни заманчива была въ то время судейская дѣятельность, она не могла наполнить его жизнь, какъ наполняло ее университетское преподаваніе. А. Н. Пыпину болѣе чѣмъ на четверть вѣка былъ закрытъ доступъ въ Академію Наукъ, гдѣ ему по праву принадлежало видное мѣсто. М. М. Стасюлевичу дана была возможность закончить преподаваніе всеобщей исторіи много обѣщавшему наслѣднику престола, Николаю Александровичу; но надежды на занятіе университетской каѳедры у него было столь же мало, какъ и у другихъ его товарищей. Историческіе труды, которые онъ издалъ въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ („Исторія среднихъ вѣковъ, въ ея источникахъ и современныхъ писателяхъ“, 3 тома, три изданія; „Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи“, два изданія), не могли удовлетворить той потребности въ непосредственномъ дѣйствіи на широкіе круги общества, которая свойственна каждому прирожденному профессору. Орудіемъ такого дѣйствія долженъ былъ стать, въ рукахъ М. М., журналъ, задуманный имъ сначала по типу англійскихъ трехмѣсячниковъ. Нелегко было въ то время добиться согласія администраціи на основаніе новаго періодическаго изданія, хотя бы и въ скромной формѣ научнаго сборника. Затрудненій и М. М. встрѣтилъ немало. Преодолѣть ихъ помогъ ему П. А. Плетневъ, въ разговорѣ съ которымъ и явилась у М. М. первая мысль о журналѣ. Когда министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, принялъ изъ рукъ М. М. просьбу о разрѣшеніи журнала, онъ обратился къ М. М. съ вопросомъ: „скажите, почему о васъ такъ *худо говорятъ?*“ — разумѣя, конечно, подъ худою молвою отзывы „наблюдающихъ“ лицъ и учрежденій. Отвѣтъ М. М.: „о комъ у насъ не говорятъ худо?“ — понравился, повидимому, министру. „Да, — воскликнулъ онъ, — не даромъ въ Россіи черноземная почва: что̀ ни посѣй на ней, все выростетъ“. М. М. ушелъ отъ него съ надеждой на успѣхъ; но объ одномъ изъ *пяти* продолжали, должно быть, говорить такъ „худо“, что отъ министерства послѣдовалъ отказъ. Тогда Плетневъ направилъ М. М. къ Ѳ. И. Тютчеву, близко стоявшему къ Валуеву не только по должности (предсѣдателя комитета цензуры иностранной), но и по родственнымъ отношеніямъ. Тютчевъ вы-

слушалъ М. М. Стасюлевича, обѣщалъ похлопотать — и въ скоромъ времени отрицательный отвѣтъ былъ замѣненъ утвердительнымъ... Бесѣдуя съ М. М., Валуевъ, конечно, не ожидалъ, что ему придется, много лѣтъ спустя, воспользоваться гостепріимствомъ „Вѣстника Европы“.

9-го марта 1866-го года вышла въ свѣтъ первая книжка новаго журнала. Данное ему названіе должно было воскресить память объ одномъ изъ первыхъ русскихъ журналистовъ—Н. М. Карамзинѣ, столѣтіе со дня рожденія котораго должно было исполниться въ концѣ 1866-го года. „Вѣстникъ Европы“, основанный Карамзинымъ въ 1802 г., послужилъ образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ толстыхъ журналовъ. Послѣ Карамзина имъ руководилъ, нѣкоторое время, Жуковскій, да и при послѣднемъ его редакторѣ, Каченовскомъ, онъ былъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, далеко не безполезнымъ органомъ русской мысли; достаточно вспомнить, что въ немъ выступилъ впервые Надеждинъ (Надоумко). Помимо установленія связи съ выдающимися моментами прошлаго, заглавіе журнала было какъ бы указаніемъ на будущее: оно свидѣтельствовало о близости къ западническимъ теченіямъ, борьба которыхъ съ славянофильствомъ проходила тогда черезъ новый фазисъ, но не прекращалась.

Собрать около себя надежный кругъ сотрудниковъ новому журналу было нетрудно. Въ его составъ естественно вошли бывшіе профессора, вышедшіе вмѣстѣ съ М. М. Стасюлевичемъ изъ университета, за исключеніемъ, на первое время, А. Н. Пыпина—издавна участвовавшаго въ „Современникѣ“ и раздѣлявшаго тогда съ Некрасовымъ труды по редактированью этого журнала, — но съ присоединеніемъ Н. И. Костомарова. Послѣдній хотя и не примкнулъ къ *пяти* въ моментъ ихъ демонстративной отставки, но раньше шелъ обыкновенно рука объ руку съ ними. Основанный историкомъ, „Вѣстникъ Европы“, особенно въ первоначальномъ своемъ видѣ, не могъ не отвести большого мѣста исторической наукѣ—и Н. И. Костомаровъ, въ качествѣ спеціалиста по русской исторіи, сталъ ближайшимъ товарищемъ М. М. Стасюлевича, какъ спеціалиста по исторіи всеобщей. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, пока „Вѣстникъ Европы“ выходилъ четыре раза въ годъ, Костомаровъ помѣстилъ въ немъ одно изъ главныхъ своихъ изслѣдованій: „Смутное время московскаго государства“; имя его не встрѣчается только въ одной изъ восьми книжекъ этого періода. Сотрудникомъ журнала онъ оставался и позже, до самой своей смерти, но, со времени перемѣны въ срокахъ изданія, не стоялъ къ нему такъ близко,

какъ въ началѣ. Истинными, неизмѣнными друзьями журнала и его редактора оставались до конца К. Д. Кавелинъ, В. Д. Спасовичъ и Б. И. Утинъ. Б. И. Утинъ, ранняя смерть котораго (1872 г.) была большой потерей для всѣхъ его знавшихъ, писалъ въ „Вѣстникѣ Европы" сравнительно мало, утомляемый судейскою дѣятельностью; но Кавелинъ и Спасовичъ, оба—неутомимые работники, отдавали журналу значительную часть своего времени, слѣдили за каждымъ его шагомъ, радовались его радостями и скорбѣли его скорбями. Уже во второй книжкѣ „Вѣстника Европы" статья Кавелина: „Мысли и замѣтки о русской исторіи" обратила на себя общее вниманіе. „Вѣстнику Европы" онъ отдалъ всѣ свои позднѣйшіе капитальные труды: „Задачи психологіи", „Задачи этики", „Крестьянскій вопросъ". Въ дружескія бесѣды ближайшихъ сотрудниковъ журнала онъ вносилъ богатый запасъ разнообразныхъ наблюденій, горячій интересъ къ вопросамъ народной жизни, неумолимое осужденіе всего идущаго въ разрѣзъ съ народнымъ благомъ, такъ ярко отразившееся въ печатаемыхъ выше письмахъ его къ графу Д. А. Милютину. Смерть застала его нѣсколько ослабѣвшимъ физически, но сохранившимъ вполнѣ духовную бодрость. Трудно было примириться съ мыслью, что не придется больше слышать его оживленныхъ разсказовъ, его звонкаго смѣха, его искренняго слова, не отступавшаго, когда надо, передъ горькой правдой. Дольше среди насъ оставался Спасовичъ, такой же отзывчивый, такой же разносторонній, такой же вѣрный своимъ привязанностямъ. Читателямъ „Вѣстника Европы" памятны, конечно, его статьи, всегда оригинальныя и содержательныя, какой бы темы онъ ни касался. Начиная съ 1866-го года, когда онъ далъ „Вѣстнику Европы" рядъ статей по новѣйшей исторіи Австріи, онъ выступалъ въ журналѣ то какъ авторъ воспоминаній, имѣвшихъ цѣлью объяснить и оправдать образъ дѣйствій *пяти*, то какъ публицистъ, освѣщавшій русско-польскія отношенія, то какъ критикъ (сочиненій Стронина, Кавелина, Д. С. Мережковскаго, Влад. Соловьева), то какъ историкъ литературы, русской, польской и западно-европейской, то какъ юристъ, одинаково знакомый съ различными отраслями права, переходившій отъ гражданскаго кодекса Черногоріи къ новымъ взглядамъ на преступника и преступность. Съ 1868-го года постоянное и, въ теченіе тридцати лѣтъ, очень дѣятельное участіе въ „Вѣстникѣ Европы" сталъ принимать и послѣдній изъ *пяти*, А. Н. Пыпинъ. Онъ провелъ черезъ журналъ всѣ свои главные труды, начиная съ „Общественнаго движенія при Александрѣ I-мъ" до

исторіи русской литературы, долго былъ главнымъ вкладчикомъ въ литературное обозрѣніе, часто раздѣлялъ съ М. М. Стасюлевичемъ редакторскія обязанности и выяснялъ такими статьями, какъ „Польскій вопросъ въ русской литературѣ", „Народничество", „Славянскій вопросъ по взглядамъ Ив. Аксакова", „Изъ исторіи панславизма" и др., отношеніе журнала ко многимъ существенно-важнымъ сторонамъ современной дѣйствительности.

Возвращаюсь къ первымъ годамъ „Вѣстника Европы", отъ которыхъ я отвлекся, чтобы показать, насколько дружескія связи, сложившіяся въ стѣнахъ университета, отразились на развитіи журнала. Къ небольшому профессорскому кружку, сплоченному общими воспоминаніями и общею судьбою, скоро присоединились новыя силы. Уже съ перваго года изданія на его страницахъ появляется имя С. М. Соловьева, не сходившее съ нихъ до самой смерти знаменитаго историка. Александръ Николаевичъ Веселовскій, только что начинавшій тогда блестящую ученую карьеру, помѣщаетъ въ „Вѣстникѣ Европы" свои первые труды по исторіи итальянской литературы. Живыми корреспонденціями изъ-за границы дебютируетъ Е. И. Утинъ. Въ критическомъ отдѣлѣ работаетъ П. В. Анненковъ. Немало мѣста отводится и текущей жизни: Н. Ѳ. Крузе (въ то время первый предсѣдатель с.-петербургской губернской земской управы) и Н. И. Колюпановъ (извѣстный земскій дѣятель, предводитель дворянства въ одномъ изъ уѣздовъ костромской губерніи) слѣдятъ за ходомъ земскаго дѣла; В. И. Лихачевъ (гласный спб. городской думы) пишетъ о городскомъ общественномъ управленіи. Программа журнала фактически расширяется помѣщеніемъ драматической хроники Островскаго: „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій". Къ концу второго года изданіе настолько окрѣпло, что у М. М. Стасюлевича возникла мысль объ обращеніи его въ ежемѣсячный журналъ обычнаго типа. Потребность въ новыхъ періодическихъ изданіяхъ была тогда еще болѣе велика, чѣмъ въ моментъ основанія „Вѣстника Европы". Мѣсто „Современника", запрещеннаго въ 1866-мъ году, еще не было занято; „Дѣло" и „Женскій Вѣстникъ" безъ большого успѣха замѣняли „Русское Слово"; „Отечественныя Записки" становились все болѣе и болѣе безцвѣтными; „Всемірный Трудъ" шелъ по стопамъ „Русскаго Вѣстника". Неудивительно, что одновременно были сдѣланы двѣ попытки возвратить толстымъ журналамъ прежнее ихъ значеніе — и обѣ попытки оказались удачными. „Отечественныя Записки", перейдя съ 1-го января 1868 года въ руки Некрасова, стали какъ бы продолженіемъ „Современ-

ника" и привлекли къ себѣ главныя силы тогдашнихъ „лѣвыхъ". „Вѣстникъ Европы", сдѣлавшись ежемѣсячникомъ, больше и лучше прежняго могъ служить органомъ тогдашняго „центра". Ему нужно было только обратить въ постоянные отдѣлы то, что до тѣхъ поръ имѣло въ немъ болѣе или менѣе случайный характеръ: беллетристику и хронику. И тамъ, и тутъ счастье не измѣнило журналу.

Постоянно обострявшійся консерватизмъ „Русскаго Вѣстника," въ связи съ деспотическими наклонностями его редактора, привелъ какъ разъ въ то время къ разрыву между Тургеневымъ и Катковымъ. Въ первой же книжкѣ обновленнаго „Вѣстника Европы" Тургеневъ помѣстилъ небольшой этюдъ: „Бригадиръ"— и съ тѣхъ поръ къ М. М. Стасюлевичу поступало почти все, выходившее изъ-подъ пера нашего великаго писателя. Въ „Вѣстникѣ Европы" появились воспоминанія Тургенева о Бѣлинскомъ, появились два большіе его романа — „Вешнія Воды" и „Новь", — появились его дивныя „Стихотворенія въ прозѣ" и послѣднее его произведеніе: „Клара Миличъ". Въ „Вѣстникѣ Европы" Тургеневъ помѣстилъ свой извѣстный отвѣтъ „Иногородному обывателю"; въ „Вѣстникѣ Европы" онъ поминалъ дорогихъ ему покойниковъ и выражалъ свой восторгъ по поводу Пергамскихъ раскопокъ. Съ редакторомъ журнала у него установились дружескія отношенія; они видѣлись ежегодно то въ Россіи, то за границей. М. М. Стасюлевичъ былъ первымъ русскимъ, поклонившимся гробу Тургенева, и сопровождалъ его прахъ отъ русской границы до Петербурга. Одновременно съ Тургеневымъ перешелъ въ „Вѣстникъ Европы" и гр. А. К. Толстой (раньше писавшій въ „Русскомъ Вѣстникѣ") и оставался вѣрнымъ нашему журналу до самой своей смерти. Въ 1869 г. въ „Вѣстникѣ Европы" напечатанъ былъ „Обрывъ" Гончарова, въ 1872 г. — его превосходная критическая статья: „Милліонъ терзаній", въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ — его воспоминанія и предсмертный завѣтъ: „Нарушеніе воли". М. М. Стасюлевичъ былъ однимъ изъ немногихъ людей, близкихъ къ Гончарову; отъ М. М. исходила иниціатива чествованія, въ небольшомъ кружкѣ, пятидесятилѣтія дѣятельности писателя; Гончаровъ назначилъ его своимъ душеприкащикомъ. Въ первой половинѣ 70-хъ годовъ въ „Вѣстн. Европы" печатала свои произведенія Н. Д. Хвощинская-Заіончковская (Крестовскій-псевдонимъ); ему же, много лѣтъ спустя, она отдала свой послѣдній разсказъ: „Жить какъ люди живутъ" (1888). Островскій, всего тѣснѣе связанный съ „Отечественными Записками", не прекращалъ, однако, сотрудниче-

ства въ „Вѣстн. Европы“; здѣсь напечатаны, между прочимъ, его „Василиса Мелентьева“ и „Снѣгурочка“. Располагая такими силами, „Вѣстникъ Европы“ сразу выдвинулся въ первые ряды русской журналистики.

Ставъ ежемѣсячникомъ, „Вѣстникъ Европы“ получилъ возможность и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ на себя обязанность отзываться на очередные вопросы, занимавшіе и волновавшіе русское общество. Съ этою цѣлью были образованы два отдѣла: „Внутренняя политика“ и „Иностранная политика“, съ октября 1868-го года переименованные въ обозрѣнія внутреннее и иностранное. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, до января 1880-го года, эти отдѣлы велъ Л. А. Полонскій, помѣщавшій въ журналѣ, сверхъ того, много статей политическаго, историческаго и литературно-критическаго содержанія. Кто слѣдилъ за „Вѣстникомъ Европы“ въ семидесятыхъ годахъ, тотъ помнитъ, съ какимъ интересомъ читались внутреннія обозрѣнія журнала, всегда написанныя съ знаніемъ дѣла, соединявшія ясность изложенія съ силою аргументаціи и серьозностью мысли. Съ особеннымъ вниманіемъ авторъ останавливался на вопросахъ экономическихъ и финансовыхъ и на всемъ касающемся народнаго образованія. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ жгучій интересъ возбуждала въ обществѣ реформа средней школы, предпринятая и осуществленная гр. Д. А. Толстымъ. „Вѣстникъ Европы“ явился самымъ рѣшительнымъ противникомъ министерскихъ проектовъ, а когда они получили силу закона—самымъ неутомимымъ врагомъ созданной ими системы. Можно сказать, безъ преувеличенія, что между журналомъ и министромъ велась настоящая борьба, достигшая своего кульминаціоннаго пункта къ концу десятилѣтія. Постояннымъ ея участникомъ былъ самъ редакторъ „Вѣстника Европы“, посвятившій ей множество статей и замѣтокъ. Министерство оборонялось не только черезъ посредство своихъ союзниковъ и вдохновителей—Каткова и другихъ публицистовъ „Московскихъ Вѣдомостей“,—но и прямо, путемъ длиннѣйшихъ „сообщеній“, напечатаніе которыхъ было обязательно для журнала. Это было нѣчто въ родѣ тѣхъ communiqués, которыми французское министерство внутреннихъ дѣлъ, въ послѣдніе годы второй имперіи, пыталось затушить „Фонарь“ Рошфора. Редакція неуклонно отвѣчала на министерскія сообщенія, раскрывая неосновательность ихъ по существу и некорректность по формѣ. Послѣдній отвѣтъ редакціи, помѣщенный въ декабрьской книжкѣ 1879-го года, послужилъ поводомъ къ задержанію книжки; но комитетъ министровъ, куда она была представлена для уничтоженія, не на-

шелъ достаточныхъ къ тому основаній. Это было дурнымъ предзнаменованіемъ для гр. Д. А. Толстого, нѣсколько мѣсяцевъ спустя сошедшаго—къ несчастію для Россіи, не надолго,—съ политической сцены. Не менѣе энергиченъ былъ отпоръ, встрѣченный со стороны „Вѣстника Европы" попытками исказить университетскій уставъ 1863-го года. Въ его защиту В. И. Герье напечаталъ, начиная съ 1873-го года, рядъ статей, безспорно способствовавшихъ неудачному—до поры, до времени—окончанію похода противъ болѣе или менѣе самостоятельной высшей школы. Постоянную поддержку эта школа находила и въ статьяхъ М. М. Стасюлевича и Л. А. Полонскаго.

Не одному только университетскому уставу грозила, въ то время, серьозная опасность. Остальныя великія реформы 60-хъ годовъ, съ самаго начала страдавшія нерѣшительностью и неполнотою, постоянно находились, если можно такъ выразиться, въ осадномъ положеніи. Самое ихъ существованіе еще не подвергалось спору, но не прекращались „поправки", равносильныя урѣзкамъ, а проекты „поправокъ" шли еще дальше, намѣчая рѣшительный возвратъ къ прошедшему. Задача журнала, отстаивавшаго все хорошее и стремившагося къ лучшему, заключалась прежде всего въ томъ, чтобы освѣтить съ возможною ясностью достоинства и недостатки новыхъ учрежденій. Это было сдѣлано, не говоря уже о внутреннихъ обозрѣніяхъ, въ рядѣ статей В. И. Лихачева, Н. П. Колюпанова, А. Ѳ. Жохова, бар. Н. А. Корфа, и др. („Новые суды въ Россіи", „Судъ и полиція", 1868; „Русскіе законы о печати", „Мировой судъ въ провинціи", 1869; „Земскіе итоги", 1870; „Итоги судебной реформы", 1871). Особенно выдаются между этими статьями очерки А. А. Головачева: „Десять лѣтъ реформъ" (1871 и 1872), вышедшіе затѣмъ отдѣльной книгой; они даютъ цѣльную картину, до сихъ поръ полную интереса. Въ статьѣ: „Политическій процессъ 1869—71 г." сдѣлана была попытка указать главную ошибку тогдашней правительственной системы — закрытіе всѣхъ путей легальной дѣятельности на пользу народа, безспорно способствовавшее успѣху революціонной пропаганды въ средѣ молодежи. За эту статью журналъ получилъ первое предостереженіе (26 ноября 1871-го года), мотивированное „превратнымъ толкованіемъ дѣйствій правительства, возбуждающимъ недовѣріе къ нему". О подрывѣ довѣрія къ правительству шла рѣчь и во второмъ предостереженіи, объявленномъ полтора года спустя, 6-го іюля 1873-го года; поводомъ къ такому обвиненію послужила на этотъ разъ статья (В. И. Лихачева): „Передѣлки су-

дебныхъ уставовъ". Другимъ мотивомъ предостереженія была выставлена статья А. Н. Пыпина: „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ"; цензурное вѣдомство усмотрѣло въ ней мысль, что осужденное въ 1849 г. общество (петрашевцевъ) „возникло вслѣдствіе мѣръ самого правительства". Эти два предостереженія продолжали тяготѣть надъ „Вѣстникомъ Европы" до общей амнистіи, данной журналамъ и газетамъ въ концѣ 1877-го года.

Бѣднѣе всего, въ семидесятыхъ годахъ, былъ въ „Вѣстникѣ Европы" отдѣлъ литературной критики; статьи этого рода появлялись рѣдко и случайно. П. В. Анненковъ ушелъ всецѣло въ исторію литературы, гдѣ и была его главная сила. Большой интересъ представляли этюды Александра Николаевича и Алексѣя Николаевича Веселовскихъ и Н. И. Стороженко по западно-европейскимъ литературамъ. Изъ статей Е. И. Утина особенное вниманіе обращали на себя письма о Франціи и французахъ послѣ франко-германской войны (1871) и о Болгаріи во время и послѣ восточной войны (1877—79). Нѣсколько лѣтъ сряду (1872—75) въ „Вѣстникѣ Европы" писалъ М. П. Драгомановъ, отчасти подъ своимъ именемъ, отчасти подъ псевдонимомъ М. Т—овъ; послѣднимъ подписана статья: „Восточная политика Германіи и обрусеніе", до сихъ поръ представляющая большой интересъ. Изъ научныхъ трудовъ, помѣщенныхъ за то же время въ „Вѣстникѣ Европы", выдаются статьи В. В. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ (1868), вызвавшія обширную и продолжительную полемику, статьи И. И. Мечникова („Задачи современной біологіи", 1874; „Антропологія и дарвинизмъ", 1875; „Очеркъ вопроса о происхожденіи видовъ", 1876; „Очерки воззрѣній на человѣческую природу", 1877; „Борьба за существованіе" 1878), статья А. Н. Бекетова о „Питаніи человѣка въ его настоящемъ и будущемъ" (1878), статьи И. М. Сѣченова („Физіологія растительныхъ процессовъ", 1870; „Замѣчанія на *Основы психологіи* Кавелина", 1872 и 1874; „Кому и какъ разрабатывать психологію", 1873; „Элементы мысли", 1878). Въ области исторіи большой интересъ представляли статьи И. Е. Забѣлина („Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ", 1871), В. И. Семевскаго (о положеніи русскихъ крестьянъ въ XVIII в., 1877 — 78), А. С. Трачевскаго („Германія наканунѣ революціи", 1875), въ области государственнаго хозяйства — статьи А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго („Прусскіе финансы", 1871) и Ѳ. Ѳ. Воропонова (рядъ этюдовъ, съ 1876-го года). Изъ беллетристовъ въ „Вѣстникѣ Европы" пи-

сали, кромѣ названныхъ выше, А. А. Потѣхинъ, М. В. Авдѣевъ, П. Д. Боборыкинъ, А. И. Пальмъ (Альминскій), Ф. Д. Нефедовъ, А. И. Левитовъ, Е. Л. Марковъ, Н. В. Успенскій, А. И. Эртель (дебютировавшій въ 1880-мъ году „Записками степняка"). Въ „Вѣстникѣ Европы" появились первыя стихотворенія Н. М. Минскаго (1877), С. А. Андреевскаго (1878), гр. А. А. Голенищева-Кутузова (1876). На рубежѣ между беллетристикой и публицистикой стояли талантливыя замѣтки В. Н. Назарьева о „Современной глуши" (1872 — 1886). Между заграничными корреспонденціями (изъ Берлина, Флоренціи, Лондона) сразу выдвинулись „Парижскія письма" Зола̀, появлявшіяся почти ежемѣсячно съ 1875-го по 1880-ый годъ. Отдѣлъ литературнаго обозрѣнія сдѣлался въ „Вѣстникѣ Европы" постояннымъ лишь съ 1879-го года, но и раньше въ журналѣ часто печатались статьи о новостяхъ иностранной литературы. Особенно усерднымъ сотрудникомъ журнала по этой части былъ В. Ѳ. Коршъ, послѣ того какъ у него было отнято (въ 1875 г.) изданіе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

Еще въ 1878 году М. М. Стасюлевичъ сдѣлалъ попытку основать въ видѣ дополненія къ „Вѣстн. Европы", еженедѣльную газету: „Воскресенье", но „согласія на то со стороны министра внутреннихъ дѣлъ (Макова) не послѣдовало" (начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати въ то время былъ В. В. Григорьевъ). Въ 1880-мъ году, когда, въ короткую эпоху „диктатуры сердца", расцвѣли надежды на лучшія времена, М. М. рѣшился на болѣе смѣлый шагъ: онъ задумалъ издавать ежедневную газету. Никакихъ препятствій со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ (министромъ тогда только-что сталъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ, начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати—Н. С. Абаза) онъ не встрѣтилъ, и 1-го января 1881-го года вышелъ первый № „Порядка" (первоначально проектировавшееся названіе: „Правовой порядокъ" не было разрѣшено). Катастрофа 1-го марта предрѣшила судьбу газеты: въ концѣ того же мѣсяца была запрещена розничная ея продажа, а въ самомъ началѣ 1882-го года выходъ ея въ свѣтъ былъ пріостановленъ на шесть недѣль, за нарушеніе одного изъ циркуляровъ, налагавшихъ молчаніе на печать. Продолженіе газеты, при такихъ условіяхъ, оказалось невозможнымъ, и она болѣе не возобновлялась. „Вѣстникъ Европы" уцѣлѣлъ, но для него, какъ и для всего русскаго общества, наступила новая эпоха. Съ назначеніемъ гр. Д. А. Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ не осталось никакого сомнѣнія въ томъ, что реакція пойдетъ

еще гораздо дальше, чѣмъ въ семидесятыхъ годахъ. И дѣйствительно, послѣ короткихъ колебаній, когда еще слышались иногда отголоски „новыхъ вѣяній“, началась эпоха „преобразованій наоборотъ“. За университетскимъ уставомъ 1884-го года послѣдовали положеніе о земскихъ начальникахъ (1889), новое земское положеніе (1890), новое городовое положеніе (1892), въ корнѣ измѣнившія организацію мѣстныхъ учрежденій. Ограничена была несмѣняемость судей, съужена сфера дѣйствій суда присяжныхъ, стѣснена гласность суда. Административный произволъ, и въ формахъ, установленныхъ положеніемъ объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, и внѣ всякихъ формъ, захватывалъ все бо̀льшую и бо̀льшую область. Сословныя различія получили давно небывалую остроту. Особенности окраинъ уважались все меньше и меньше; бюрократія все и всѣхъ старалась привести къ одному знаменателю. Въ средѣ православной церкви непререкаемо господствовали принципы и пріемы, характеризуемые именемъ Побѣдоносцева. Всего раньше силу новыхъ теченій испытала на себѣ, по обыкновенію, печать: правила 1882-го года отняли у нея и то немногое, чего не коснулись передѣлки семидесятыхъ годовъ. Усилія „Вѣстника Европы“ были направлены сначала къ отстаиванью всего существеннаго въ „великихъ реформахъ“, затѣмъ—къ раскрытію того, чѣмъ грозитъ попытка воскресить прошлое, давно отжившее и осужденное опытомъ. Какъ это ни странно, при гр. Д. А. Толстомъ журналъ встрѣчалъ на своемъ пути меньше внѣшнихъ препятствій, чѣмъ при его преемникахъ: по всей вѣроятности торжествующій министръ былъ такъ увѣренъ въ своей силѣ, что не видѣлъ надобности въ энергичной самозащитѣ. Случалось, что очередная книжка задерживалась цензурой, но все оканчивалось, бо̀льшею частью, исключеніемъ немногихъ строкъ, почему-либо признанныхъ опасными. Совершенно запрещена была при гр. Толстомъ только одна общественная хроника (мартъ 1889), очевидно—по настоянію К. П. Побѣдоносцева, такъ какъ рѣчь шла о письмѣ къ нему заграничнаго „евангелическаго союза“. Одною изъ первыхъ мѣръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, И. Н. Дурново, было объявленіе „Вѣстнику Европы“, 15-го декабря 1889-го года, перваго предостереженія, гласившаго такъ: „въ виду того, что „В. Е.“ въ цѣломъ рядѣ статей относится не иначе, какъ съ осужденіемъ, къ важнѣйшимъ мѣропріятіямъ правительства, а статьи В. Соловьева: „Очерки изъ исторіи русскаго сознанія“ раздражительною критикою, направленною противъ русской церкви и государства въ историческомъ ихъ развитіи, внушаютъ ложныя о

нихъ представленія и колеблютъ уваженіе къ основамъ ихъ и вообще къ принципу русской національности, министръ вн. дѣлъ" и т. д. Еще раньше, въ октябрѣ того же года, изъ внутренняго обозрѣнія былъ исключенъ параграфъ, озаглавленный: „случай административнаго тѣлеснаго наказанія", между тѣмъ какъ раньше не встрѣчало запрета такое же безусловное порицаніе отвратительной расправы, все больше входившей въ моду и особенно усердно практиковавшейся тогдашнимъ нижегородскимъ губернаторомъ Барановымъ. Апрѣльское внутреннее обозрѣніе 1890-го года, посвященное проекту новаго земскаго положенія, было совершенно запрещено, вѣроятно потому, что именно въ это время проектъ разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ. Когда онъ сталъ закономъ, возраженія противъ него, въ сущности тѣ же самыя, безпрепятственно могли появиться въ августовскомъ внутреннемъ обозрѣніи того же года. Второе предостереженіе „Вѣстникъ Европы" получилъ при И. Л. Горемыкинѣ, 20-го февраля 1899-го года, за статью г. Мехелина и за общественную хронику, трактовавшія, въ нежелательномъ для администраціи духѣ, объ обострившемся въ то время финляндскомъ вопросѣ. При Д. С. Сипягинѣ уничтожено было все январьское внутреннее обозрѣніе 1900-го года: оно подводило итоги близившагося къ концу столѣтія и подвергало критикѣ очередной отчетъ оберъ-прокурора св. синода.

Этотъ перечень административныхъ мѣръ, принятыхъ по отношенію къ „Вѣстнику Европы", не даетъ, конечно, полнаго понятія о тягости цензурнаго ига. Оно чувствовалось непрерывно, часто подавляя зарождавшуюся мысль или останавливая начатое дѣло. Всѣ тѣ, кто писалъ въ это время по вопросамъ дня въ „Вѣстникѣ Европы", должны отдать справедливость М. М. Стасюлевичу: какъ ни усиливался цензурный гнетъ, какъ неблагопріятно ни складывались обстоятельства, редакторъ всегда предоставлялъ своимъ сотрудникамъ—въ особенности ближайшимъ—широкую свободу дѣйствій, не присоединяя къ оффиціальной цензурѣ свою, домашнюю, обусловливаемую опасеніями за участь журнала. Для такихъ опасеній всегда было достаточно поводовъ, но М. М. не поддавался ихъ вліянію. Яснѣе чѣмъ когда-либо эта черта его характера выразилась въ тревожные дни, слѣдовавшіе за смертью императора Александра III-го: онъ, не колеблясь, напечаталъ характеристику только-что закончившагося царствованія, задавшуюся цѣлью сказать о немъ если и не *всю* правду, то во всякомъ случаѣ *только* правду. Писалъ М. М. въ своемъ журналѣ, въ послѣдніе годы, сравнительно мало, отвле-

каемый дѣятельностью въ городской думѣ (съ 1881 г.) и особенно въ городской коммиссіи по народному образованію (съ 1885 г.; съ 1890 по 1900 г. онъ былъ ея предсѣдателемъ); но веденію журнала онъ посвящалъ по прежнему много вниманія и времени.

Въ составѣ сотрудниковъ „Вѣстника Европы" происходили, начиная съ 80-хъ годовъ, большія перемѣны. Послѣ Л. А. Полонскаго внутреннее обозрѣніе сталъ вести, съ марта 1880-го г., пишущій эти строки; съ марта 1882-го онъ же велъ вновь основанный отдѣлъ общественной хроники, перешедшій, съ ноября 1905 го года, къ В. Д. Кузьмину-Караваеву. Съ 1883-го года иностранное обозрѣніе пишетъ Л. З. Слонимскій. Въ 1888-мъ году въ „Вѣстникѣ Европы" появились первыя статьи Вл. С. Соловьева (стихотворенія онъ печаталъ здѣсь и раньше), сразу выдвинувшія его въ первый рядъ русскихъ публицистовъ. Съ тѣхъ поръ, до самой своей смерти (въ 1900 г.), онъ не переставалъ отдавать „Вѣстнику Европы" бо̀льшую часть своихъ замѣчательныхъ трудовъ. Побѣдоносно проведя кампанію противъ нео-славянофильства—или, правильнѣе, псевдо-славянофильства,—онъ посвятилъ нѣсколько блестящихъ статей защитѣ вѣротерпимости и выясненію задачъ государства. Съ ними чередовались то экскурсы въ столь родственную автору область философіи, то глубокіе критическіе этюды о нашихъ поэтахъ. Его преждевременная кончина, тяжело поразившая всю мыслящую Россію, была особенно чувствительна для редакціи „Вѣстника Европы", въ средѣ которой онъ былъ не только высокоцѣнимымъ сотрудникомъ, но и близкимъ человѣкомъ. Еще раньше сошелъ въ могилу Е. И. Утинъ, въ жизни котораго, съ начала 70-хъ годовъ, главную роль играла адвокатская дѣятельность, но который никогда не порывалъ связей съ литературой. Въ „Вѣстникѣ Европы" печатались какъ историческіе его этюды (о Тьерѣ, Гамбеттѣ, императорѣ Вильгельмѣ I-мъ), такъ и критическія статьи (о Щедринѣ, о Глѣбѣ Успенскомъ, о Гонкурахъ). Вмѣстѣ съ Кавелинымъ, Спасовичемъ, Пыпинымъ, Гончаровымъ, Вл. С. Соловьевымъ, Евг. Ис. Утинъ былъ однимъ изъ „рыцарей круглаго стола" — выраженіе К. Д. Кавелина, приведенное въ воспоминаніяхъ А. Ѳ. Кони о „Вѣстникѣ Европы" [1],—сходившихся, для еженедѣльной бесѣды, въ гостепріимномъ домѣ М. М. и Л. И. Стасюлевичъ. Къ ихъ кругу принадлежалъ и А. Ѳ. Кони, помѣстившій въ „Вѣстникѣ Европы", съ 1881-го года,

[1] См. „Московскій Еженедѣльникъ" 1908 г., № 47.

рядъ юридическихъ и біографическихъ очерковъ, написанныхъ съ свойственнымъ ему искусствомъ (о В. А. Арцимовичѣ, о Д. А. Ровинскомъ, о докторѣ Гаазѣ). Изъ числа прежнихъ сотрудниковъ журнала В. В. Стасовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, печаталъ въ немъ всегда оригинальныя статьи о музыкѣ, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ. Алексѣй Николаевичъ Веселовскій далъ „Вѣстнику Европы", помимо многихъ отдѣльныхъ литературно-критическихъ этюдовъ, обширныя изслѣдованія свои о западномъ вліяніи въ русской литературѣ и о Байронѣ. Въ „Вѣстн. Европы" появилась одна изъ послѣднихъ статей Н. И. Стороженко. Ѳ. Ѳ. Воропоновъ помѣстилъ въ немъ, кромѣ статей по экономическимъ вопросамъ, интересныя воспоминанія о введеніи крестьянской реформы въ юго-западномъ краѣ и о первыхъ годахъ дѣятельности крестьянскаго банка. Изъ числа новыхъ сотрудниковъ „Вѣстника Европы" я назову только тѣхъ, участіе которыхъ не было скоропреходящимъ и случайнымъ: по исторіи—М. С. Корелинъ и Н. И. Карѣевъ; по исторіи литературы — Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Н. А. Котляревскій, В. Е. Якушкинъ, Е. А. Ляцкій, М. О. Гершензонъ, Л. Ю. Шепелевичъ, Влад. Каренинъ, Ю. А. Веселовскій; по политической экономіи—И. И. Иванюковъ, А. А. Исаевъ, И. И. Янжулъ, В. П. Воронцовъ (за послѣдніе годы много писавшій для литературнаго обозрѣнія), Н. А. Дингельштедтъ; по разнымъ отдѣламъ права и его исторіи—А. Д. Градовскій, М. М. Ковалевскій, В. Ѳ. Дерюжинскій; по текущей политикѣ—Г. Б. Іоллосъ, П. А. Тверской; по естественнымъ наукамъ—А. С. Фаминцынъ. Въ области беллетристики, въ „Вѣстн. Европы", за послѣднюю четверть вѣка, на первомъ планѣ стоитъ имя М. Е. Салтыкова, всѣ крупныя произведенія котораго, со времени запрещенія „Отечественныхъ Записокъ" и до самой его смерти (1884—89), появлялись на страницахъ нашего журнала. Здѣсь же напечатаны почти всѣ стихотворенія А. М. Жемчужникова, со времени возвращенія его въ Россію (1884). Редактора „Вѣстника Европы" упрекали иногда въ недостаткѣ вниманія къ молодымъ, начинающимъ беллетристамъ и поэтамъ. Этотъ упрекъ нельзя признать справедливымъ. Въ „Вѣстникѣ Европы" дебютировали или писали въ раннемъ періодѣ своей дѣятельности М. Н. Альбовъ, Н. А. Астыревъ, К. Бальмонтъ, К. С. Баранцевичъ, Ю. Безродная, И. Бунинъ, В. І. Дмитріева, В. Дѣдловъ, М. В. Крестовская, А. А. Луговой, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. С. Мережковскій, В. Микуличъ, И. Н. Потапенко, Ив. Щегловъ (Леонтьевъ), П. Якубовичъ.

О послѣднихъ годахъ дѣятельности прежней редакціи „Вѣст-

ника Европы" я говорить не буду: они еще слишкомъ свѣжи въ памяти читателей. Замѣчу только, что редакторъ журнала и двое изъ ближайшихъ его сотрудниковъ принадлежали къ числу основателей партіи демократическихъ реформъ, программа которой напечатана въ февральской книжкѣ 1906-го года. Для лицъ, ее подписавшихъ, она сохраняетъ все свое значеніе, хотя партіи и не суждено было получить дальнѣйшее развитіе.

К. Арсеньевъ.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ
ВЪ
ТРЕТЬЕЙ ДУМѢ

(Малоземелье и дополнительное надѣленіе.)

Законъ 9-го ноября 1906 г., какъ и слѣдовало ожидать, принимается третьей Думой, и даже съ тѣми изумительными измѣненіями, которыя были предложены ея земельной коммиссіей и которыя еще болѣе усилили его разрушительное значеніе. На защиту боевой политики въ области аграрныхъ отношеній выступилъ рядъ думскихъ ораторовъ, доказывавшихъ настоятельную необходимость примѣненія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ нашего сельскаго уклада и бытовыхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ потокѣ рѣчей, произнесенныхъ на эту тему съ думской каѳедры, слышались ясно отзвуки тѣхъ мотивовъ, которые не одержали полной побѣды въ эпоху освобожденія и которые торжествуютъ теперь въ средѣ избранниковъ по закону 3-го іюня, являющихся хозяевами положенія въ печальное время, нами переживаемое.

Отмѣтимъ наиболѣе выдающееся и остановимся, прежде всего, на вопросѣ о малоземельѣ и о дополнительномъ надѣленіи, который былъ особенно подчеркнутъ въ двухъ довольно пространныхъ рѣчахъ докладчика думской земельной коммиссіи, г. Шидловскаго, открывшаго дебаты по закону 9-го ноября. Остановиться на этомъ вопросѣ слѣдуетъ потому еще, что онъ поставленъ теперь въ Думѣ самостоятельно, по иниціативѣ депутатовъ крестьянъ, и хотя рѣшеніемъ большинства сданъ на неопредѣ-

ленное время въ коммиссію, тѣмъ не менѣе, такъ или иначе, долженъ будетъ все-таки обсуждаться въ Думѣ. Затрагивая весьма важную тему, которая выдвигается неизбѣжно на первый планъ и становится особенно острой въ виду начатаго разгрома деревни, г. Шидловскій даетъ ей довольно неопредѣленныя очертанія. По его мнѣнію, „малоземелье является однимъ изъ факторовъ земельнаго вопроса“, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно, при всемъ своемъ значеніи, „является факторомъ, наименѣе поддающимся воздѣйствію“ (?). Достаточно неясно выраженная въ этихъ словахъ мысль комментируется далѣе такъ: въ общемъ малоземелье — „явленіе до извѣстной степени нормальное, когда на него обращено своевременно вниманіе(?)... Съ одной стороны — ростъ населенія, а съ другой стороны—ограниченность извѣстной территоріи—сами собой предуказываютъ уже, что долженъ наступить такой моментъ, когда появится такъ называемое малоземелье“... Ничего угрожающаго въ такомъ явленіи докладчикъ, однако, не усматриваетъ, такъ какъ „малоземелье есть явленіе, которое всегда и повсюду замѣчалось и которое есть то единственное явленіе, на почвѣ котораго можетъ создаваться сельскохозяйственная культура и прогрессировать“...

Изъ приведенныхъ словъ докладчика, прежде всего, явствуетъ, что онъ не различаетъ „малоземелья“, въ смыслѣ недостаточнаго обезпеченія крестьянъ собственной землею и вынужденныхъ приарендовывать недостающее; иначе говоря — не различаетъ малоземелья, которое испытываютъ земледѣльцы, получившіе на свою часть изъ общей территоріи страны небольшую ея долю,—отъ того малоземелья, которое возникаетъ, когда вся площадь страны оказывается недостаточной для удовлетворенія потребностей въ землѣ всего трудящагося населенія. Повидимому, докладчикъ желалъ занять вниманіе Думы вопросомъ о малоземельѣ собственно въ этой второй, для насъ пока отвлеченной формѣ. Упражненіе на подобныя темы, само по себѣ не всегда производительное, непонятно въ средѣ лицъ, занятыхъ рѣшеніемъ вопросовъ характера исключительно практическаго, имѣющихъ близкое отношеніе къ жизни и ея нуждамъ. Но если допускать возможность экскурсій Думы въ область абстракцій, то все же г. Шидловскій является отвѣтственнымъ за неполноту своихъ теоретическихъ построеній. Такъ, ссылка его на печальныя послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ того обстоятельства, что родъ людской способенъ къ безпредѣльному размноженію, а земля, доставляющая ему средства продовольствія, ограничена въ своихъ размѣрахъ,—эта ссылка приводитъ на память депу-

татовъ лишь одну половину мрачной картины, уже второе столѣтіе какъ нарисованной, и оставляетъ безъ всякаго вниманія продолженіе той же картины, которая изображаетъ тяжелыя послѣдствія для рода людского, проистекающія изъ факта „уменьшающейся доходности отъ земли". Докладчикъ указываетъ, что, въ виду ограниченнаго пространства земли и постояннаго роста населенія, должно неизбѣжно наступить малоземелье, долженъ рано или поздно почувствоваться недостатокъ земли. Съ этимъ „факторомъ, наименѣе поддающимся воздѣйствію",—говоритъ онъ,—ничего не подѣлаешь; но, какъ только онъ возникаетъ, люди по необходимости вынуждены обращать вниманіе на улучшеніе земельной культуры, или, какъ выражается докладчикъ,—на „способы извлеченія изъ извѣстнаго опредѣленнаго пространства извѣстнаго количества продуктовъ". Онъ поясняетъ эту свою мысль тѣмъ, что, „по мѣрѣ возникновенія и появленія земельной тѣсноты, приходится уже брать при обработкѣ земли не количествомъ, а качествомъ". Говоря это, онъ забываетъ, однако, что и указываемое имъ средство, къ которому вынужденъ прибѣгать родъ людской, къ сожалѣнію, имѣетъ также свои предѣлы, установленные тою же доктриной, обратившей вниманіе на послѣдствія, возникающія изъ ограниченности земли. Наше время отвергаетъ точное опредѣленіе границъ плодородія земли и не вѣритъ, что населеніе увеличивается въ прогрессіи геометрической, а средства продовольствіа—въ прогрессіи ариѳметической; но оно не отвергаетъ все же закона уменьшающейся доходности отъ земли и признаетъ необходимымъ считаться съ вытекающими отсюда его послѣдствіями. Такъ отчего же г. Шидловскій, считавшій полезнымъ напомнить депутатамъ третьей Думы объ одной половинѣ доктрины, умолчалъ о второй ея части,—о томъ, что послѣдующія затраты труда и капитала на землю не даютъ того дохода, который давали затраты предъидущія? Послѣдствія факта ограниченности земли и факта уменьшающейся доходности, говоря отвлеченно, одинаково неблагопріятны для возрастающаго населенія, и если, при обсужденіи практическихъ мѣропріятій въ странѣ, населенность которой равняется,—въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи, — 26,3 жит. на 1 кв. версту, позволительно принимать во вниманіе послѣдствія ограниченности территоріи, то отчего не вспомнить также о тщетѣ агрикультурныхъ улучшеній, которыя, согласно доктринѣ, тоже имѣютъ свои предѣлы и которыя не могутъ гарантировать слишкомъ быстро увеличивающемуся населенію соотвѣтствующаго возрастанія продовольственныхъ средствъ.

При отвлеченной постановкѣ вопроса, когда онъ рѣшается внѣ пространства и времени, возможно, конечно, говорить о послѣдствіяхъ того и другого факта; но, при обсужденіи мѣръ практической политики, нельзя идти этимъ абстрактнымъ путемъ, а неизбѣжно считаться съ явленіями дѣйствительности, съ тѣми условіями, которыя существуютъ въ жизни въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Приступая къ рѣшенію практическаго вопроса о землѣ, надо имѣть въ виду дѣйствительную потребность въ ней, условія настоящаго времени, и нужно смотрѣть на то, достаточна ли площадь данной страны для удовлетворенія потребностей населенія въ данное время. Затѣмъ, говоря о малоземельѣ, надо ясно отдать себѣ отчетъ о томъ, какого рода малоземелье имѣетъ въ виду говорящій. Надо помнить, что явленіе это отнюдь не однородное, и что проявляется оно въ двухъ видахъ: въ формѣ такъ называемаго абсолютнаго малоземелья и условнаго, или искусственнаго. Послѣднее можетъ быть констатировано иногда и въ очень рѣдко населенной странѣ; оно можетъ ощущаться и тамъ, гдѣ территорія сама по себѣ была бы достаточной для удовлетворенія всей земельной потребности населенія въ землѣ: малоземелье условное появится вездѣ, гдѣ существуетъ сильная концентрація земли, гдѣ значительныя пространства ея находятся въ обладаніи немногихъ лицъ. Послѣдствія такого искусственнаго малоземелья не будутъ отличаться ничѣмъ существеннымъ отъ малоземелья абсолютнаго, возникающаго въ странѣ, слишкомъ густо населенной, гдѣ территорія дѣйствительно недостаточна для удовлетворенія потребности населенія въ землѣ. При указанной плотности населенія Европейской Россіи нельзя говорить объ абсолютномъ малоземельѣ, а можно и должно вести рѣчь только о малоземельѣ условномъ или искусственномъ, другими словами,—о недостаточномъ обезпеченіи трудящагося населенія землею, о недостаточности его надѣловъ. И такой чисто практическій вопросъ, имѣющій разрѣшаться непремѣнно въ условіяхъ даннаго времени, тоже не можетъ быть превращаемъ въ задачу характера отвлеченнаго—о томъ, какое численное отношеніе будетъ существовать между населеніемъ и территоріей страны черезъ столько-то поколѣній. Въ вопросахъ экономической политики подобный пріемъ недопустимъ, и онъ безусловно непригоденъ въ данномъ случаѣ, когда, по условіямъ поставленной задачи, опредѣляющими могутъ быть лишь двѣ величины: данное число лицъ, занятыхъ земледѣліемъ, и—площадь страны въ настоящее время.

Всѣ говорившіе у насъ о малоземельѣ имѣли въ виду именно вопросъ практическій — недостаточное обезпеченіе крестьянъ землею, ограниченность отведенныхъ имъ надѣловъ. Совершенно правильно указывалъ въ свое время А. В. Пѣшехоновъ, что въ сущности „крестьянское малоземелье было той формулой, въ которую отлилась аграрная проблема въ Россіи". Но было бы ошибочно полагать, что вопросъ объ ограниченности крестьянскихъ надѣловъ зародился лишь въ наши дни, тогда какъ въ дѣйствительности онъ возникъ съ самыхъ первыхъ дней крестьянской реформы. Рѣчь о недостаточности надѣльной нормы началась, въ виду урѣзокъ, которыя вынуждены были дѣлать, въ угоду помѣщичьимъ интересамъ, редакціонныя коммиссіи и потомъ Государственный Совѣтъ, допустившій въ концѣ концовъ даже возможность отвода ничтожнѣйшихъ надѣловъ, справедливо прозванныхъ народомъ „нищенскими". Со времени выхода въ свѣтъ извѣстнаго изслѣдованія проф. Ю. Э. Янсона—„Опытъ статистическаго изслѣдованія о надѣлахъ и платежахъ" — вопросъ о необходимости увеличенія площади крестьянскаго землевладѣнія становится очереднымъ и настоятельность его подтверждается обширными работами земскихъ статистиковъ, подробно уяснившихъ для огромной части нашего отечества фактическое положеніе крестьянства и его земельныя нужды.

Изслѣдованія эти показали, между прочимъ, что наиболѣе затруднительно положеніе бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, надѣленныхъ въ размѣрѣ значительно меньшемъ, сравнительно съ другими разрядами поселянъ: по даннымъ коммиссіи объ оскудѣніи центра (приведеннымъ у проф. А. А. Мануилова, въ его статьѣ: „Поземельный вопросъ въ Россіи".—Сборникъ „Аграрный вопросъ"),—средній надѣлъ на ревизскую душу въ началѣ шестидесятыхъ годовъ для 50-ти губерній Европейской Россіи составлялъ: у бывшихъ государственныхъ крестьянъ—6,7, у бывшихъ удѣльныхъ—4,9 и у бывшихъ помѣщичьихъ—3,2, а для всѣхъ разрядовъ — 4,8. Такимъ образомъ, у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ средній размѣръ надѣла на цѣлую треть ниже средняго для всѣхъ разрядовъ—и, однако, этотъ размѣръ все же значительно выше, чѣмъ тотъ, которымъ должны были удовлетвориться многочисленныя группы тѣхъ же бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, получившія надѣлъ по нормамъ „низшимъ". При подобныхъ условіяхъ отвода земли, мысль о дополнительномъ надѣленіи напрашивалась, разумѣется, сама собою, и она зарождается, дѣйствительно, совершенно естественно изъ самыхъ условій освобожденія, осуществленіе котораго было очень далеко

отъ его основной идеи: урѣзанные, незначительные куски полученной крестьянами земли совсѣмъ не могли служить „для обезпеченія быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ“.

Редакціонныя коммиссіи сначала предполагали предоставить въ надѣлъ крестьянамъ землю въ размѣрахъ ихъ фактическаго владѣнія, т.-е. все то, чѣмъ они пользовались въ 1859-мъ году. Остановясь на этихъ, такъ называемыхъ „существующихъ надѣлахъ“ и признавъ ихъ, въ общемъ, соотвѣтствующими продовольственной нормѣ, коммиссіи, подъ помѣщичьимъ напоромъ, вынуждены были признать полезнымъ: „во-первыхъ, въ огражденіе помѣщиковъ установить, на основаніи положительныхъ данныхъ, высшій предѣлъ крестьянскаго поземельнаго надѣла, на тотъ конецъ, чтобы каждый разъ, когда надѣлъ превышаетъ этотъ высшій предѣлъ, помѣщику было предоставлено отрѣзать изъ крестьянскаго пользованія излишнюю часть надѣла; во-вторыхъ, долженъ быть установленъ низшій предѣлъ надѣла для того, чтобы крестьяне въ настоящее время не могли бы быть надѣляемы меньшимъ противъ этого размѣра количествомъ земли“. Приступая къ осуществленію этой задачи, редакціонныя коммиссіи старались опредѣлить высшіе размѣры такъ, чтобы отрѣзки отъ фактическаго владѣнія излишнихъ угодій являлись только въ видѣ исключеній. При какихъ обстоятельствахъ появились въ проектѣ Положенія 19 февраля эти нормы высшихъ, указныхъ и низшихъ, третныхъ, и дарственныхъ или нищенскихъ, надѣловъ—это довольно общеизвѣстно. Исторія возникновенія этихъ степеней не составляетъ секрета и неоспоримо свидѣтельствуетъ о томъ, что редакціонныя коммиссіи, уступая помѣщикамъ, вынуждены были постепенно приносить въ жертву интересы освобождаемыхъ крестьянъ (см. проф. И. И. Иванюкова, „Паденіе крѣпостного права въ Россіи“—1903 г.). Опредѣливъ размѣръ высшихъ нормъ для отдѣльныхъ мѣстностей, въ общемъ ниже фактически существовавшихъ (въ 1859 г.), коммиссіи должны были уже во второй періодъ своихъ работъ (отъ 5-го сентября 1859 г. по 12 марта 1860 г.) произвести пониженіе этихъ первоначально предположенныхъ нормъ во всѣхъ трехъ полосахъ. При этомъ „коммиссіи выразили опасеніе, что принятые ими размѣры наибольшихъ надѣловъ малы и ни въ какомъ случаѣ дальнѣйшему пониженію подлежать не могутъ, и признавали, что они только обезпечиваютъ существованіе крестьянъ“. Тѣмъ не менѣе, послѣ провѣрки проектированныхъ надѣловъ на мѣстахъ и разбора возраженій со стороны помѣщиковъ, предъявленныхъ депутатами,

въ третьемъ періодѣ занятій коммиссій произошло новое пониженіе высшей нормы надѣловъ. Однако, и на этомъ дѣло не остановилось: несмотря на то, что убавленная такимъ образомъ высшая норма уже далеко не соотвѣтствовала даже фактическому надѣлу 1859 г., она была урѣзана еще и при окончательной редакціи Положенія въ Государственномъ Совѣтѣ.

Послѣ всѣхъ произведенныхъ сокращеній, надѣлъ въ размѣрахъ даже высшей нормы оказывался недостаточнымъ и отнюдь не могъ служить для обезпеченія быта крестьянъ. Но какъ ни затруднительно было положеніе крестьянъ, получившихъ надѣлъ по высшей нормѣ, и какъ ни очевидна была несправедливость отрѣзокъ, имѣвшихъ мѣсто при отводѣ имъ земли, положеніе ихъ все же не можетъ быть сравниваемо съ тѣмъ, въ которомъ оказались получившіе надѣлъ по убавленной нормѣ. Такой отводъ земли имѣлъ мѣсто, прежде всего, въ силу ст. 20 Мѣстн. Великор. Пол. и 14 Мѣстн. Малоросс. Пол., благодаря важному праву, отвоеванному помѣщиками, удержать въ своемъ распоряженіи одну треть имѣнія (даже половину его въ степной полосѣ). Подъ предлогомъ сохраненія такой трети, помѣщикъ имѣлъ возможность убавлять существовавшіе до освобожденія размѣры надѣловъ, доводилъ ихъ до низшей нормы и даже до предѣловъ ниже этой низшей нормы; все же, чѣмъ крестьяне владѣли во время крѣпостного права сверхъ этого, онъ преспокойно отрѣзалъ въ свою пользу. Кромѣ того, надо имѣть въ виду тѣ вопіющіе „отрѣзки", которые производились, на основаніи ст.ст. 121, 122 и въ особенности 123 Мѣстн. Великор. Пол., когда крестьяне склонялись „къ добровольному соглашенію", къ полученію даровыхъ и „нищенскихъ" надѣловъ, когда въ пользу помѣщика отрѣзалось все излишнее противъ этого,—въ сущности все, чѣмъ они пользовались ранѣе.

Послѣдствія произведеннаго надѣленія сказались весьма скоро послѣ завершенія реформы. Уже въ половинѣ 70-хъ годовъ безспорный фактическій матеріалъ давалъ возможность князю А. И. Васильчикову указать въ его извѣстномъ произведеніи „Землевладѣніе и земледѣліе" на бѣдственное положеніе крестьянъ,—что было затѣмъ особенно уяснено проф. Янсономъ въ его „Опытѣ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ". Профессоръ Янсонъ свидѣтельствовалъ: „Надѣлъ не обезпечиваетъ быта крестьянъ даже при той численности ихъ, какая опредѣлена была послѣднею ревизіей, причемъ, вслѣдствіе различія въ величинѣ надѣловъ отъ высшаго до низшаго и четвертного включительно, не только въ разныхъ

мѣстностяхъ бытъ крестьянъ не обезпеченъ въ одинаковой степени, но и въ одной и той же мѣстности не всѣ крестьяне обезпечены одинаково". Особенно тяжело оказывалось положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, получившихъ сравнительно съ другими разрядами наименьшій надѣлъ, причемъ разница въ размѣрахъ его у бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ доходила въ нѣкоторыхъ губерніяхъ до 60% въ среднемъ. Весьма естественно, что недостатокъ собственной земли, въ соединеніи съ высокими платежами за нее, заставлялъ крестьянъ обращаться къ съемкѣ частно-владѣльческой земли и порождалъ такъ называемую вынужденную аренду. О распространеніи ея, между прочимъ, въ приволжской полосѣ кн. Васильчиковъ говоритъ слѣдующее: „Здѣсь проявляется другое обстоятельство, это — быстрое возвышеніе арендныхъ цѣнъ вслѣдствіе малоземелья крестьянъ, такъ какъ въ этой полосѣ было наиболѣе примѣнено распоряженіе объ уступкѣ крестьянамъ въ даръ ¼ надѣла (по ст. 123 Положенія о крестьянахъ), распоряженіе, которое было проведено, вопреки мнѣнію редакціонной коммиссіи, по настоянію нѣкоторыхъ крупныхъ и знатныхъ собственниковъ, владѣвшихъ большими имѣніями въ этихъ краяхъ. Дѣйствія этой мѣры не замедлили обнаружиться; въ окрестностяхъ имѣній, перешедшихъ на такъ называемый даровой или нищенскій надѣлъ, наемная плата на земли установляется почти произвольно немногими богатѣйшими собственниками-землевладѣльцами, и крестьяне нанимаютъ свои прежнія пашни по цѣнѣ, возрастающей съ каждымъ годомъ" (т. I, стр. 513). Послѣдствія эти предусматривались уже и въ эпоху освобожденія; такъ, министръ внутреннихъ дѣлъ—гр. Ланской—въ „мнѣніяхъ по проектамъ губернскихъ положеній"—постоянно утверждалъ, что „уменьшеніе надѣла поведетъ къ ухудшенію крестьянскаго быта" (А. Скребицкій, „Крестьянское дѣло", т. II, ч. I, стр. 15); такъ же смотрѣли на дѣло земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ и редакціонныя коммисіи: „они прямо выражали, что если крестьяне не будутъ обезпечены *достаточнымъ количествомъ земли*, то могутъ впасть въ матеріальную зависимость отъ прежнихъ владѣльцевъ, иногда еще болѣе тяжкую, чѣмъ крѣпостное состояніе" (Янсонъ, стр. 127).

Подробнѣйшія изслѣдованія земскихъ статистиковъ, коснувшіяся огромной части Европейской Россіи, подтвердили безусловную справедливость этихъ сужденій; они представили полную картину тяжелыхъ послѣдствій недостаточнаго надѣленія землею и непосильныхъ платежей за нее. Данныя, опубликованныя въ

трудахъ „Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности", свидѣтельствовали о томъ же. „Значеніе аренды, — согласно этому источнику, — въ современномъ строѣ хозяйственной жизни крестьянства доказывается не только распространенностью арендъ, но и самой неизбѣжностью ихъ, во многихъ случаяхъ, для успѣшности крестьянскаго хозяйства. Важно не только то, что изъ двухъ крестьянскихъ дворовъ одинъ арендуетъ казенную или частновладѣльческую землю, но, главнымъ образомъ, то, что этотъ арендующій дворъ не можетъ обойтись безъ пользованія чужою землею. Послѣдняя ему настолько необходима, что, лишись онъ аренды, хозяйство станетъ невозможнымъ, потому что изъ состава хозяйственной организаціи выпадутъ необходимые элементы—будь то недостающіе въ крестьянскомъ надѣлѣ покосы, выгоны или попасы (паръ, ржище, овсянье), или просто прогоны для скота, клинья, разъединяющіе крестьянскія угодья, и проч." (Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ.—„Аренда", стр. 5). „Между тѣмъ, владѣлецъ имѣнія можетъ во всякое время прекратить эти отношенія, разъ обстоятельства сложатся такимъ образомъ, что въ имѣніи окажется возможнымъ вести самостоятельное хозяйство, обезпечивающее владѣльцу большій доходъ. Такіе случаи, нерѣдко бывавшіе на практикѣ, создавая весьма тяжелое хозяйственное затрудненіе для крестьянъ, могутъ повести къ разоренію цѣлой округи и принять характеръ бѣдствія, имѣющаго общественное значеніе. До какой степени подобное обстоятельство можетъ отразиться на интересахъ крестьянъ и до чего доходитъ ихъ нужда въ арендованіи близлежащихъ земель, доказывается, между прочимъ, приводимымъ Николаевскимъ комитетомъ, Самарской губерніи, случаемъ, когда цѣлая деревня принуждена была выселиться послѣ того, какъ арендовавшаяся ею въ теченіе долгихъ лѣтъ земля была передана въ содержаніе частному лицу (тамъ же).

Матеріалъ этихъ изслѣдованій давалъ несомнѣнное право проф. Мануилову сдѣлать слѣдующій правильный выводъ: „въ Россіи, какъ и въ Ирландіи, масса земледѣльческаго населенія оказывается вынужденною искать примѣненія своему труду въ обработкѣ чужой арендуемой земли. И здѣсь, и тамъ, господствуетъ мелкая, краткосрочная аренда продовольственнаго типа и принудительнаго характера. Сомнѣвающіеся въ подневольности нашихъ внѣнадѣльныхъ арендъ благоволятъ взглянуть на прилагаемые планы нѣсколькихъ волостей въ Московской губерніи. Надѣльныя земли ряда селеній окружены владѣніями одного, много

двухъ собственниковъ. Естественно, что вынужденные, вслѣдствіе недостаточности собственной земли, арендовать угодья сосѣдняго владѣльца, крестьяне не могутъ не подчиняться условіямъ, которыя онъ диктуетъ имъ. Такой сдатчикъ является полнымъ монополистомъ предмета первой необходимости, какимъ служитъ для малоземельнаго крестьянина земля. „Въ большинствѣ случаевъ,—справедливо говоритъ А. Н. Куломзинъ въ своей запискѣ о наймѣ недвижимыхъ имуществъ,—русскій крестьянинъ заключаетъ съ собственникомъ арендный договоръ не потому, что это ему выгодно, но исключительно подъ давленіемъ нужды въ удовлетвореніи своихъ первыхъ потребностей; онъ не можетъ отказаться отъ заключенія договора, если условія послѣдняго для него слишкомъ тягостны. Взаимное положеніе договаривающихся сторонъ получается, конечно, при этомъ далеко не одинаковое; безразлично, будетъ ли этотъ договоръ долгосрочнымъ или краткосрочнымъ, письменнымъ или устнымъ, онъ будетъ все же договоромъ не свободнымъ“ (А. Мануиловъ, „Поземельный вопросъ въ Россіи“, стр. 79 и 80). Совершенно то же самое свидѣтельствуетъ и покойный А. И. Чупровъ: „изъ-за арендныхъ участковъ возникла бѣшеная конкурренція, которая стала поднимать арендныя цѣны до безумнаго при нашихъ условіяхъ размѣра. Такъ какъ, однако, и по такимъ повышеннымъ цѣнамъ нельзя было найти необходимой земли, то въ мѣстностяхъ особенно густого населенія началась усиленная распашка всѣхъ угодій. Дѣло дошло до того, что пашня въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поглотила собою и покосы, и выгоны, захвативъ болѣе 90% всей земли. Такъ создалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи отчаянное положеніе, которое грозитъ цѣлымъ милліонамъ нашего населенія періодическимъ голодавіемъ и вырожденіемъ. Это безвыходное положеніе обширныхъ массъ нашего народа является самымъ острымъ вопросомъ времени, предъ которымъ отходятъ на задній планъ всѣ остальные“ (А. И. Чупровъ — „Къ вопросу объ аграрной реформѣ“, стр. 4).

Игнорируя указанные факты, докладчикъ земельной коммиссіи, въ своихъ возраженіяхъ противъ необходимости увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, предпочитаетъ вращаться опять въ сферѣ отвлеченной. „Вѣра въ пространство,—по его мнѣнію,—какъ цѣлителя всѣхъ недуговъ, несомнѣнно убиваетъ вѣру во всякіе другіе способы достиженія той же цѣли, потому что, разъ у меня есть вѣра въ то, что я могу расширить свое пространство тѣмъ или другимъ способомъ, зачѣмъ же я буду прилагать

всѣ свои силы къ использованію извѣстнаго, опредѣленнаго куска земли". Мысль г. Шидловскаго не ясна. Выраженная въ этой формѣ, она даетъ поводъ къ явнымъ недоразумѣніямъ: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, утверждать серьезно, что разъ кто-либо имѣетъ надежду расширить свое земельное владѣніе, то онъ перестаетъ прилагать трудъ для надлежащаго использованія этого владѣнія. Если, однако, докладчикъ земельной коммиссіи имѣлъ намѣреніе сказать, что, пользующіеся недостаточными и неудобными надѣлами, крестьяне, ради процвѣтанія собственнаго хозяйства, должны навсегда отказаться отъ надежды увеличить незначительную площадь своего земельнаго владѣнія, въ такомъ случаѣ интересно знать, какъ бы можно было убѣдить ихъ принять къ руководству подобный совѣтъ?

Признавъ, что, въ интересахъ сельскаго хозяйства, не слѣдуетъ расширять крестьянскаго землевладѣнія, г. Шидловскій, конечно, противъ увеличенія существующихъ надѣловъ, которыхъ, къ тому же, и нельзя увеличить сколько-нибудь замѣтно, такъ какъ, по заключенію или „манипуляціямъ" докладчика, „площадь Европейской Россіи и ея размѣры и значеніе ея въ аграрномъ вопросѣ значительно преувеличены". Въ дѣйствительности, если подѣлить всѣ имѣющіяся въ 44-хъ губерніяхъ Европейской Россіи земли *не-крестьянскія* (принадлежащія казнѣ, удѣлу, частнымъ лицамъ, церквамъ и монастырямъ) на число душъ мужского наличнаго крестьянскаго населенія, то на каждую изъ нихъ придется, говоря отвлеченно, около одной десятины, именно той десятины, „за счетъ которой должно быть достигнуто всякое благополучіе". Упрощенные до крайности статистическіе разсчеты, приведшіе докладчика къ этой десятинѣ,—которая, по его собственному замѣчанію, „представляетъ изъ себя не какую бы то ни было десятину, существующую въ натурѣ", — казались ему достаточно убѣдительными, и потому въ первой своей, вступительной, рѣчи онъ прямо перешелъ къ характеристикѣ разныхъ способовъ, рекомендованныхъ для „разрѣшенія того явленія, которое называется аграрнымъ вопросомъ".

Не останавливаясь на проектахъ, не вышедшихъ еще „изъ стадій теоретической разработки", онъ переходитъ къ предложенію о „дополнительномъ надѣленіи на основаніи принудительнаго отчужденія" и свидѣтельствуетъ предъ третьей Думой о полной его несостоятельности. Послѣ описанія различныхъ нормъ дополнительнаго надѣленія, докладчикъ находитъ возможнымъ такъ характеризовать всѣ эти предложенія: „мы опредѣленно знаемъ, что нельзя достигнуть дополнительнаго надѣленія по трудовой

нормѣ; мы не знаемъ, достаточно ли земли для дополнительнаго надѣленія по нормамъ 1861 г.; мы не знаемъ, достаточно ли земли для дополнительнаго надѣленія по потребительной нормѣ, а посему постановимъ отчуждать землю у однихъ и отдавать другимъ и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ". Говоря здѣсь о незнаніи указываемыхъ фактовъ, докладчикъ подразумѣваетъ, конечно, себя и тѣхъ, кто раздѣляетъ съ нимъ такое невѣдѣніе, и потому его характеристика не имѣетъ никакого отношенія къ лицамъ, отстаивавшимъ тѣ или иныя нормы и убѣжденнымъ въ возможности ихъ практическаго осуществленія. При описаніи предлагавшихся нормъ надѣленія крестьянъ землею, г. Шидловскій не всегда различаетъ ихъ правильно и дѣлаетъ фактическія ошибки, требующія исправленія. Я остановлюсь здѣсь лишь на той изъ нормъ, съ которой докладчикъ связываетъ мое имя. Указывая, что такъ называемая трудовая норма защищалась, между прочимъ, мною, г. Шидловскій продолжаетъ: „эта норма, по отзыву всѣхъ лицъ, занимавшихся ею, является единственной нормой, раціонально защищаемой, но и единственной на дѣлѣ совершенно неосуществимой, потому что для достиженія ея необходимо было бы къ существующей территоріи Россійскаго государства, — я говорю про Европейскую Россію, ибо площадь, годная для земледѣльческой культуры въ Сибири, мнѣ неизвѣстна, да едва ли и кому-нибудь другому извѣстна, — понадобилось бы по этой нормѣ прибавить къ существующей территоріи еще территорію такого же размѣра".

Не лишено интереса, что та самая Сибирь, которую сторонники правительственной аграрной программы представляли намъ въ послѣдніе годы страной, способной своими безграничными пространствами удовлетворить всѣ разряды крестьянъ, нуждающихся въ землѣ, трактуется г. Шидловскимъ въ его исчисленіяхъ земельныхъ запасовъ прямо какъ quantité négligeable. Что касается до нормъ дополнительнаго надѣленія, то, долженъ замѣтить, я раздѣляю въ этомъ отношеніи точку зрѣнія программы партіи демократическихъ реформъ, въ составленіи которой принималъ участіе и начало которой отстаивалъ въ печати. Трудовая норма, упоминаемая въ этой программѣ, есть тотъ предѣльный размѣръ надѣла, болѣе котораго никто изъ землевладѣльцевъ не въ правѣ имѣть ни при какихъ условіяхъ. Это — идеальный предѣлъ, къ достиженію котораго въ дѣйствительности слѣдуетъ, по мѣрѣ возможности, стремиться, но который программа вовсе не выставляетъ обязательнымъ при добавочномъ надѣленіи. Въ ней ясно указано, какъ должно бы производиться подобное надѣленіе: „низ-

шимъ размѣромъ его признается высшій или указный надѣлъ 1861 г., отводимый на наличную душу мужского пола; надѣленіе ниже этого предѣла допускается лишь въ силу прямой невозможности въ данномъ мѣстѣ отвести землю по такой нормѣ и только при нежеланіи крестьянъ выселяться. Вездѣ, гдѣ окажется возможнымъ, слѣдуетъ надѣлять *сверхъ этой низшей нормы*, стараясь приблизиться къ такому размѣру землепользованій, при которомъ земля можетъ быть обработана собственными силами земледѣльца, ведущаго хозяйство по системѣ, господствующей въ данной мѣстности". Ясно, что здѣсь признается необходимымъ надѣленіе „сверхъ низшей нормы", и указывается затѣмъ высшій или тотъ идеальный предѣлъ, до котораго вообще допустимо отводить въ надѣлъ землю сверхъ низшей нормы. „Конечно,—писалъ я въ „Странѣ" 1906 г., № 16,—въ этомъ идеальномъ размѣрѣ можетъ быть иногда произведено надѣленіе въ дѣйствительности, напримѣръ, при переселеніяхъ или въ мѣстностяхъ многоземельныхъ; но то, о чемъ говоритъ вышеприведенная статья програмы,—*надѣленіе сверхъ низшей нормы*,—будетъ возможно, да и необходимо производить не иногда, а въ очень многихъ случаяхъ". Установленіе извѣстной максимальной нормы требовалось также и для опредѣленія границъ, до какихъ допустима концентрація земли, что прямо и предусматривалось одною изъ статей программы, въ которой сказано, что сосредоточеніе нѣсколькихъ надѣловъ въ однѣхъ рукахъ, свыше принятой максимальной нормы, не допускается. Понятно, однако, что наиболѣе важное практическое значеніе имѣлъ бы не этотъ высшій размѣръ, къ которому можно было бы лишь стремиться, какъ къ нормѣ желательной, а именно размѣръ низшій, за предѣлы котораго, кромѣ исключительныхъ случаевъ, не слѣдовало опускаться. Такимъ размѣромъ программа признавала разсчитанный на наличную душу мужского пола высшій или указный надѣлъ 1861 г., неоспоримая потребность въ которомъ вытекала уже изъ самыхъ условій первоначальнаго надѣленія и краснорѣчиво подтверждена фактами всѣхъ послѣдующихъ мѣстныхъ изслѣдованій.

Норма надѣленія, предложенная мною, далеко не та, какую имѣетъ въ виду г. Шидловскій, и для увеличенія крестьянскаго землевладѣнія въ рекомендованныхъ мною предѣлахъ вовсе не требуется „къ существующей территоріи Россійскаго государства прибавить еще территорію такого же размѣра". Судя по самому осторожному подсчету, земли для такой операціи хватитъ съ избыткомъ: „результаты произведенныхъ мною вычисленій,—говоритъ

А. А. Чупровъ,—несмотря на всю ихъ неполноту и приблизительность, позволяютъ сдѣлать выводъ, что для надѣленія нуждающихся земледѣльцевъ до нормъ высшихъ или указныхъ надѣловъ Положенія 19-го февраля 1861 г. земли въ Европейской Россіи хватитъ и останется еще не мало на долю частныхъ собственниковъ. Принимая во вниманіе, что примѣненными мною пріемами вычисленія площадь прирѣзки во многихъ случаяхъ преувеличена и иногда весьма значительно, я рѣшаюсь даже утверждать, что нормы могли бы быть замѣтно повышены". Къ тому же выводу пришелъ, какъ извѣстно, и проф. Мануиловъ.

Противъ этихъ исчисленій докладчикъ земельной коммиссіи ссылается на мнѣніе лицъ, относящихся къ нимъ отрицательно, и приводитъ, прежде всего, слова Н. Н. Кутлера, сказанныя во второй Государственной Думѣ, изъ которыхъ явствуетъ, что, по приблизительнымъ разсчетамъ г. Кутлера, для надѣленія крестьянъ по нормамъ 1861 г. не хватитъ земли около 30 милліоновъ десятинъ. Затѣмъ, во второй своей, отвѣтной, рѣчи г. Шидловскій ссылается еще на разсчеты А. А. Кауфмана, который пришелъ къ заключенію, что если для надѣленія по указаннымъ нормамъ воспользоваться земельными угодьями казны, удѣла и частныхъ лицъ, то въ 44 губерніяхъ Европейской Россіи не хватитъ для того 28 милліоновъ десятинъ. Докладчикъ подчеркиваетъ эти возраженія и ставитъ на видъ, что „среди людей не противоположныхъ лагерей, а, до извѣстной степени, единомышленниковъ—есть несогласные относительно того, возможны ли извѣстныя нормы или недостижимы". Самъ онъ, разумѣется, раздѣляетъ мнѣніе лицъ, полагающихъ, что земли не хватитъ; но, въ подкрѣпленіе этого мнѣнія, онъ, съ своей стороны, не приводитъ никакихъ новыхъ доказательствъ и довольствуется „приблизительными разсчетами", съ которыми выступили въ печати болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ противники надѣленія по нормамъ 1861 года.

Доведя до свѣдѣнія Думы объ этихъ разсчетахъ, г. Шидловскій не объяснилъ, однако, что противники надѣла по нормамъ 1861 г. выработали собственный и очень подробный планъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Въ окончательномъ видѣ онъ былъ внесенъ въ Государственную Думу второго созыва подъ именемъ „проекта главныхъ основаній закона о земельномъ обезпеченіи землевладѣльческаго населенія". Чтобы судить о практическомъ направленіи даннаго проекта, достаточно привести одну лишь его статью 20-ую. Она гласитъ, что для увеличенія крестьянскихъ надѣловъ должны быть отчуждены изъ частнаго

землевладѣнія слѣдующіе разряды: „а) земли, обычно сдаваемыя, непосредственно или путемъ пересдачи, трудовому земледѣльческому населенію (за деньги, изъ доли урожая или за отработки), а также эксплоатируемыя преимущественно крестьянскимъ инвентаремъ, и б) земли, хотя и эксплоатируемыя за счетъ владѣльцевъ (или крупныхъ арендаторовъ) и ихъ инвентаремъ, но превышающія (не считая лѣса) высшій размѣръ владѣнія, устанавливаемый для каждой мѣстности въ законодательномъ порядкѣ“...

Можно соглашаться или не соглашаться съ этими предложеніями, позволительно указывать на недочеты и неполноту нѣкоторыхъ изъ нихъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что практическое осуществленіе предлагаемаго вполнѣ возможно. Земли, на которыя здѣсь указывается и которыя имѣется въ виду отчуждать, существуютъ въ дѣйствительности и большею частью сдаются именно на указанныхъ мною тяжелыхъ условіяхъ въ аренду крестьянамъ или обрабатываются ихъ инвентаремъ въ пользу помѣщика. Еслибы докладчикъ земельной коммиссіи остановился хоть на одномъ этомъ проектѣ закона „о земельномъ обезпеченіи“, онъ, можетъ быть, согласился бы съ тѣмъ, что добавочное надѣленіе отнюдь не представляется дѣломъ столь утопичнымъ, какъ онъ старался изобразить его. Но онъ не пожелалъ привлечь вниманіе Думы къ этому проекту и ограничился лишь ссылкой на возраженія, которыя дѣлались нѣкогда его защитниками противъ нормы надѣленія 1861 года. Слѣдуетъ пожалѣть о столь неправильномъ освѣщеніи вопроса первостепенной важности, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо отмѣтить, что возражавшіе тогда противъ этихъ нормъ строили свои разсчеты на довольно устарѣлыхъ, неполныхъ данныхъ статистики поземельной собственности 1887 г., на переписи населенія 1897 г. и на матеріалахъ такъ называемой коммиссіи о центрѣ. Между тѣмъ, г. Шидловскій находился въ условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ цитированные имъ авторы. Дѣло въ томъ, что въ 1907 г. центральнымъ статистическимъ комитетомъ издано обслѣдованіе поземельной собственности къ 1905 г., дающее, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и погрѣшностяхъ, не только новѣйшія свѣдѣнія о раздѣленіи у насъ поземельной собственности, но и рядъ существенныхъ данныхъ по такимъ вопросамъ, по которымъ раньше не имѣлось достаточно полныхъ свѣдѣній: о пообщинномъ и подворномъ распредѣленіи земель среди крестьянъ, о распредѣленіи купчихъ крестьянскихъ земель и т. д... Докладчикъ земельной коммиссіи Думы обязанъ былъ использовать эти новые матеріалы и использовать ихъ

возможно тщательно. За годъ своего существованія коммиссія могла бы сдѣлать въ этомъ отношеніи кое-что весьма полезное для себя; но, очевидно, никакихъ подсчетовъ, на основаніи новѣйшихъ данныхъ, она не предпринимала, если ея представитель рѣшился выступить въ Думѣ съ столь жалкимъ основаніемъ, какъ сопоставленіе 46 милліоновъ десятинъ земли „не крестьянской“ съ 44 милліонами душъ крестьянъ, изъ которыхъ — замѣтимъ кстати — милліоновъ около десяти ему вовсе не слѣдовало бы принимать въ разсчетъ.

Г. Шидловскій нашелъ излишнимъ обращаться къ указанному оффиціальному изданію, и во всякомъ случаѣ изъ его возраженія г. Шингареву явствуетъ, что матеріалъ, заключающійся въ этомъ источникѣ, былъ бы не особенно поучителенъ для него, если онъ полагалъ, что лица, доказывавшія возможность осуществленія добавочнаго надѣленія, не принимали въ разсчетъ существованія разрядовъ крестьянъ, не одинаково обезпеченныхъ землею. Опубликованныя нынѣ центральнымъ статистическимъ комитетомъ данныя цѣнны, между прочимъ, тѣмъ, что даютъ возможность болѣе точнаго учета этого важнаго момента, который ранѣе могъ быть опредѣленъ лишь весьма приблизительно. Данныя эти цѣнны и потому, что укрѣпляютъ мнѣніе тѣхъ, кто отстаиваетъ возможность осуществленія дополнительнаго надѣленія и кто,—вмѣстѣ съ покойнымъ А. И. Чупровымъ, — полагаетъ, что такое надѣленіе необходимо осуществить „немедленно, потому что всякая дальнѣйшая отсрочка только увеличитъ жертвы государства для выполненія задачи, съ которою, все равно, непремѣнно, рано или поздно, придется считаться“ (Тамъ же, стр. 15).

А. Посниковъ.

ПРИЧИНЫ И ЦѢЛИ
НОВѢЙШАГО СЛАВЯНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

Насколько я могу понять происходящую въ нашемъ обществѣ переоцѣнку цѣнностей, мнѣ кажется, что крушеніе прежнихъ надеждъ оставило послѣ себя пустоту, которую пока общество не знаетъ, чѣмъ заполнить. Старые кумиры повержены, а новые, въ родѣ „Санинства", культа „Леды" или „Навьихъ чаръ", слишкомъ малы для того, чтобы имъ серьезно молиться. Имъ можно помазать ротъ кашей, какъ это дѣлаютъ эскимосы со своими божками, но ждать отъ нихъ спасенія въ той пустынѣ, которую создала промчавшаяся буря—никакъ невозможно. Если общество не лишено здоровыхъ стремленій, оно должно выйти на новый путь развитія, плодотворнаго и разумнаго развитія тѣхъ основъ, на которыхъ когда-то предки его строили государственную жизнь своей родины. Отказаться въ дальнѣйшемъ отъ такого строительства значило бы наложить на себя руки, но если все старое, что казалось когда-то разумнымъ и прочнымъ, изжито и стало уже неразумнымъ пережиткомъ, то самъ собой вытекаетъ отсюда выводъ: нужно найти другой фундаментъ и на немъ возвести другое зданіе—не храмъ бездушнаго канцелярскаго патріотизма, который былъ тюрьмой для заключенныхъ въ немъ, какъ и для самихъ сторожей, но крѣпкіе чертоги, въ которыхъ было бы много свѣта, воздуха, простора и привѣта для всѣхъ входящихъ.

На чемъ же строить эти чертоги? На націонализмѣ, который гласитъ, что „Россія для русскихъ", но и подъ русскими-то подразумѣваетъ лишь великоруссовъ? Нѣтъ, націонализмъ необходимъ для всякаго государственнаго народа, который достигаетъ самосознанія, но онъ самъ нуждается въ широкомъ горизонтѣ: иначе

онъ превращается въ шовинизмъ, въ то человѣконенавистничество, въ которое такъ быстро выродились наши погромные націоналистическіе союзы. Въ Россіи врядъ ли могутъ быть основы національнаго чувства достаточно широкія для того, чтобы охранить его отъ превращенія въ лозунгъ „Россія для русскихъ“ и т. п.,—иныя, кромѣ славянскаго сознанія. На почвѣ національнаго славянскаго самосознанія найдутъ разрѣшеніе всѣ тѣ „вопросы“, которые остались намъ въ наслѣдіе отъ нашего мрачнаго прошлаго. Вспомнимъ, что и польскій вопросъ — славянскій, и что именно польскій вопросъ былъ всегда мѣриломъ большей или меньшей степени реакціоннаго настроенія въ правительствѣ. „Дней Александровыхъ прекрасное начало“, дней Александра I и Александра II, ознаменовалось для Россіи — прогрессомъ, для Польши — возможностью національнаго развитія. Правда, это „начало“ такъ и осталось началомъ, но все же оно успѣло обнаружить связь между тѣмъ или другимъ отношеніемъ къ польскому вопросу и извѣстнымъ общественнымъ и правительственнымъ настроеніемъ. И земскіе съѣзды 1905-го года говорятъ съ достаточной ясностью о несокрушимости этой связи до послѣдняго времени. Между тѣмъ, понять польскій вопросъ, какъ славянскій, значитъ объединить въ своемъ общественномъ міросозерцаніи разрозненные члены одного тѣла и избѣжать внутренняго противорѣчія, о которое безпомощно толкалось русское славянофильство 70-хъ годовъ, когда пламенныя рѣчи объ утѣсненныхъ братьяхъ-славянахъ мирно уживались съ самой грубой политикой обрусенія въ Польшѣ. Но вѣдь то же самое обрусеніе и съ той же самой безпощадной тупостью проводилось въ Литвѣ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, на Кавказѣ и среди приволжскихъ татаръ, и среди бурятъ Прибайкалья, и среди якутовъ сѣверной Сибири. Стоитъ сказать себѣ: да будетъ Россія славянской державой, и сразу станетъ ясно, что *вся* внутренняя политика Россіи должна принять иной характеръ, и что свобода національнаго развитія, предоставленная одной славянской—польской—народности имперіи, должна стать удѣломъ и всѣхъ другихъ культурныхъ народовъ ея, должна сдѣлаться принципомъ будущаго ея развитія. Смутно сознавалось это всегда,—и тогда, когда Карамзинъ отговаривалъ императора Александра I дать Польшѣ конституцію, и теперь, когда правительство дѣлитъ гражданъ на два сорта: первосортныхъ и второсортныхъ. Такимъ образомъ, принципіально новое славянское движеніе должно имѣть для нашего общества и для всей будущности Россіи громадное значеніе: оно подложитъ подъ его

національное сознаніе широкія основы гуманности и истинной государственности, оно откроетъ новые пути и далекія перспективы. Безъ будущаго, идейнаго будущаго, не можетъ развиваться ни одинъ здоровый и могучій государственный организмъ—а для Россіи другого будущаго, кромѣ объединенія всего славянства на новыхъ основахъ и съ опредѣленной высокой цѣлью, не можетъ быть.

Въ высшей степени знаменательно, что наше народное представительство, собранное даже по такой искусственной системѣ, какъ Дума третьяго созыва, все-таки не обошлось безъ принципіальной постановки славянскаго вопроса. Уже во второй Государственной Думѣ подготовлялся переходъ къ славянскому самосознанію, которое все болѣе широкой струей выбивается изъ-подъ сословныхъ и классовыхъ интересовъ третьей Думы. Эта непрерывность развитія—лучшее подтвержденіе тому, что Россія неизбѣжно должна будетъ перейти къ славянской политикѣ, какъ только общественное національное самосознаніе начнетъ въ ней крѣпнуть. Проявленія этого самосознанія въ славянскомъ вопросѣ обладаютъ признаками новизны, хотя *кое-что* роднитъ ихъ съ первичнымъ славянофильствомъ Хомякова или Константина Аксакова. Въ современномъ славянофильствѣ все-таки такъ много совсѣмъ новаго, что его названіе *неославизма* мнѣ представляется оправданнымъ.

Первая особенность его заключается въ томъ, что неославизмъ — сплошь политическое ученіе. Славянофильство Шафарика и Суровецкаго, Хомякова и К. Аксакова обнимало все славянство, какъ и нашъ неославизмъ, но представляло собой лишь историческое міровоззрѣніе: міръ славянскій, объединенный извѣстными нравственными особенностями, противопоставлялся германскому, тоже единому въ своей психикѣ. Противоположность этихъ двухъ началъ—славянскаго, съ его пристрастіемъ къ общинѣ, миру, тихому веселію и ласковому гостепріимству, и германскаго, съ его страстью къ индивидуальному строю, войнѣ и захватамъ, — объясняла, по мнѣнію теоретиковъ историческаго славянофильства, весь ходъ исторіи славянскихъ и германскихъ народовъ. Одни изъ нихъ остались ближе къ этимъ первоосновамъ, другіе удалились и утратили свое національное самобытное развитіе. Но все-таки славянинъ и нѣмецъ—два противоположныя психологическія существа, и ничто ихъ не соединитъ и не примиритъ, какъ воду съ огнемъ. Неославизмъ подобными историческими конструкціями не интересуется. Намъ нѣтъ дѣла до того, дѣйствительно ли между славянскимъ и германскимъ

мірами наблюдается такая рѣзкая психологическая разница. Намъ нѣтъ дѣла до того, уклонились ли поляки и чехи отъ своего „славянства“, принявъ католичество, и правда ли, что православіе болѣе отвѣчаетъ національному настроенію славянства, чѣмъ всякая другая церковь. Мы не будемъ также разбираться въ вопросѣ, почему въ своемъ быту современные чехи такъ похожи на нѣмцевъ, и значитъ ли это, что они вошли въ германскій міръ и вышли изъ славянскаго? Фактъ тотъ, что словинцы и поляки, чехи и сербы *сознаютъ* себя славянами, и на основаніи только этого *сознанія*, а не какихъ-либо другихъ объективныхъ признаковъ, говорятъ о своей принадлежности къ „славянской семьѣ“. Среди латышей раздаются иногда голоса, основанные, пожалуй, даже на устарѣвшемъ пониманіи мѣста латышскаго языка среди индо-европейскихъ, — что они тоже нѣчто въ родѣ славянъ. Я убѣжденъ, что еслибы латыши захотѣли быть *славянами*, то въ глазахъ неославизма они и были бы славянами, потому что никакого паспорта съ обозначеніемъ „особыхъ примѣтъ“ неославизмъ не выдаетъ, а довольствуется лишь тѣмъ, что славянскій міръ, какъ *политическое цѣлое*, испытываетъ потребность объединиться въ борьбѣ съ другимъ тоже лишь политическимъ цѣлымъ, условно называемымъ германскимъ міромъ. Изъ этого опредѣленія вытекаетъ противоположность новѣйшаго славянскаго движенія старому московскому славянофильству. „Нѣмцы обижали и тѣснили славянъ, а славяне были мирными пахарями“: вотъ лейтмотивъ стараго славянофильства.

„И оживитъ онъ въ пѣсняхъ славы
Славянъ плѣнительные нравы,
Ихъ доблесть на поляхъ войны,
Ихъ добродушныя забавы,
И геній русской старины
Торжественный и величавый“ (Языковъ).

„Вникнувъ хорошо въ исторію древнихъ славянъ, видимъ, что они были люди кроткіе, спокойные, любившіе земледѣліе, ремесла и торговлю, всегда охотнѣе защищавшіе свой бытъ, нежели заботившіеся о покореніи“—такими чертами опредѣляетъ славянъ авторъ „Славянскихъ древностей“, Шафарикъ. „Отличительный признакъ нравственныхъ свойствъ народовъ славянскихъ составляли простота, чуждая всякой злости и обмана, искренность, услужливость и людскость“—продолжаетъ онъ свою характеристику, представляя себѣ тогдашнихъ нѣмцевъ въ совершенно противоположныхъ чертахъ. Нѣмцы обижали славянъ и

тогда, какъ теперь: вотъ скрытая мысль Шафарика и другихъ родоначальниковъ славянофильства и панславизма.

Можно сказать, что и теперь именно на этой почвѣ создался неославизмъ. Германскій міръ, стремясь къ объединенію, создалъ бисмарковскую Германію, но остановился передъ Австріей. Процессъ объединенія германскаго племени еще не завершился: онъ задержался на границѣ Австро-Венгріи и пока не пошелъ дальше, а не пошелъ онъ дальше прежде всего потому, что здѣсь, въ Австро-Венгріи, натолкнулся на чуждые элементы, точно также созрѣвшіе для національной жизни, точно также стремящіеся къ политическому объединенію. Среди этихъ элементовъ нѣкоторые были признаны германцами за равноправные съ ними: къ мадьярамъ и румынамъ нѣмцы отнеслись, какъ къ величинамъ, не выступающимъ явно враждебно противъ нихъ. Напротивъ, они постарались привлечь и румынъ, и мадьяръ на свою сторону, чтò имъ до извѣстной степени и удалось, хотя, какъ мнѣ кажется, нѣмцы не должны обманывать себя относительно прочности добытыхъ ими успѣховъ. Въ бытность свою въ Румыніи, лѣтомъ 1908-го года, мнѣ пришлось читать въ мѣстныхъ газетахъ статьи о германскомъ вліяніи и о нѣмецкой колонизаціи въ этой странѣ—статьи, исполненныя весьма непріязненныхъ чувствъ къ Пруссіи. Что касается Венгріи, то поскольку Пруссія поддерживаетъ сепаративныя стремленія мадьяръ, они оказываются на ея сторонѣ, но стоитъ Пруссіи отказаться отъ своего вмѣшательства во внутреннюю жизнь Австріи, чтобы въ Венгріи возстановилось давнишнее германофобское настроеніе. Какъ бы то ни было, теперь германскій міръ выступаетъ съ открытой враждебностью лишь по отношенію къ славянамъ, особенно славянамъ Австріи. Ослабленіе русскаго престижа послѣ неудачной войны—„l'absence de la Russie“, какъ говоритъ французская печать,—обострило стремленія пангерманизма. Съ этого времени и начинается, собственно, новая фаза въ развитіи междуславянскихъ отношеній, приведшая къ созданію такого яркаго и новаго явленія, какъ неославизмъ.

Поэтому, посмотрѣть, какъ сложились къ настоящему времени славяно-нѣмецкія отношенія въ разныхъ странахъ, представляется особенно своевременно. Начнемъ съ Германской имперіи, гдѣ живутъ теперь два славянскія племени, а когда-то ихъ было очень много. Еще недавно, при послѣдней нѣмецкой переписи, часть жителей Люнебурга показала въ рубрикѣ народнаго языка свой языкъ вендскимъ; это вызвало большое движеніе въ ученомъ славянскомъ мірѣ. Думали, что здѣсь еще сохрани-

лась славянская народность, не подчинившаяся окончательно процессу германизаціи. Оказалось, однако, что жители Люнебурга просто по наивности назвали свой діалектъ вендскимъ и что славянъ здѣсь нѣтъ уже давно. Только кашубы, поляки и лужичане составляютъ современное славянское населеніе Германской имперіи. Кашубовъ трудно отдѣлять отъ поляковъ съ политической точки зрѣнія, хотя вопросъ о томъ, принадлежатъ ли они къ польскому племени, скорѣе рѣшается отрицательно. Во всякомъ случаѣ, кашубовъ взяли подъ свою національную охрану поляки, которые, впрочемъ, врядъ ли съумѣютъ пробудить чувство отпора противъ естественнаго процесса онѣмеченія въ этомъ приморскомъ населеніи, состоящемъ изъ бѣдныхъ малограмотныхъ рыбаковъ. Совсѣмъ другое дѣло поляки прусскихъ провинцій и Познанскаго княжества, а также лужичане. Послѣдніе смотрятъ на свое народное дѣло пессимистически. Еще недавно, на всеславянскомъ студенческомъ съѣздѣ въ Прагѣ, мы слышали горькія жалобы студента-лужичанина на все далѣе подвигающійся съ неизбѣжной силой процессъ германизаціи. Бороться съ нимъ маленькому лужицкому народцу, насчитывающему всего около 130.000 человѣкъ, конечно не подъ силу. Но онъ трогательно заботится о сохраненіи родного языка: „Сербская матица" и другое просвѣтительное общество распространяютъ книжки на родномъ языкѣ, устраиваютъ собранія съ рѣчами и т. п. Маленькое племя, уцѣлѣвшее въ серединѣ Саксоніи и окруженное нѣмцами, врядъ ли, однако, можетъ представить какое-нибудь практическое значеніе для политическаго славянскаго движенія. Во всякомъ случаѣ, пренебрегать тѣмъ, что еще осталось въ славянскомъ мірѣ, неославизмъ не долженъ, и по отношенію къ лужицкимъ сербамъ у него прямой долгъ поддерживать ихъ народную жизнь помощью въ изданіи лужицкихъ книгъ, сношеніями русскихъ, чешскихъ и польскихъ неославистовъ съ лужичанами и т. п. Надо сказать, что чехи и поляки это и дѣлаютъ, и на послѣднемъ съѣздѣ въ Будишинѣ отсутствовали, какъ водится, только русскіе.

По отношенію къ лужицкимъ сербамъ германизмъ не имѣетъ надобности въ крутыхъ мѣрахъ. Совсѣмъ другое дѣло—прусскіе поляки, прежде всего познанскіе, на которыхъ направленъ по преимуществу furor germanicus. Здѣсь отношенія напряжены до послѣдней степени. Острота ихъ заключается, прежде всего, въ томъ, что, вопреки всѣмъ усиліямъ германизаціи, количество земли въ польскихъ рукахъ все возрастаетъ. Авторъ недавно вышедшей книги: „Die Polenfrage. Das polnische Gemeinwesen im preussischem

Staate", Бернгардъ, просто съ бѣшенствомъ говоритъ о тѣхъ польскихъ экономическихъ организаціяхъ, которыя препятствуютъ переходу земли изъ польскихъ рукъ въ нѣмецкія. Главный секретарь нѣмецкаго общества восточныхъ окраинъ (гакаты), Фосбергъ, издалъ вслѣдъ затѣмъ книжку „Polenspiegel", которая призываетъ германскій міръ прямо къ расовой борьбѣ съ поляками, какъ представителями славянства. „Kölnische Zeitung", которая распространяетъ въ прирейнскихъ провинціяхъ правительственные взгляды, принялась трубить, что теперь-то всему свѣту станетъ ясна польская интрига. „Поляки вытѣсняютъ насъ изъ Познани", „славянскія волны насъ заливаютъ" и т. п.,—въ такихъ выраженіяхъ нѣмецкіе политики, начиная съ Бисмарка и кончая какимъ-нибудь мелкимъ окраиннымъ чиновникомъ-нѣмцемъ, опредѣляютъ причину своего гнѣва на польскій народъ въ Пруссіи. До какихъ неумѣренныхъ заявленій доходятъ они, хорошо видно изъ книжки Гюре (Huret, „En Allemagne", 1908). Дѣйствительно ли германизмъ вытѣсняется изъ этой провинціи прежней Рѣчи Посполитой—провинціи, которая нѣкогда была совсѣмъ на краю германизаціи—сказать трудно. Ясно лишь, что при современныхъ способахъ борьбы *славянское* самосознаніе познанскихъ поляковъ пріобрѣтаетъ все бо̀льшую силу и, что̀ особенно важно, оно пріобрѣтаетъ именно характеръ *славянской*, а не спеціально польской борьбы: оно обращается за нравственнымъ содѣйствіемъ ко всему славянству. На послѣдніе познанскіе митинги, на которыхъ еще можно было, до введенія пресловутаго 7-го параграфа, говорить по-польски, были присланы привѣтственныя и сочувственныя телеграммы едва ли не изъ всего славянскаго міра, за исключеніемъ, разумѣется, Россіи, которая даже и не знала о нихъ. Въ февралѣ 1908-го года прошелъ въ прусскомъ ландтагѣ законъ о принудительномъ отчужденіи польскихъ земель въ Познани, дающій колонизаціонной коммиссіи право пріобрѣсти для раздѣла среди нѣмецкихъ колонистовъ (главнымъ образомъ, изъ Россіи) 70.000 гектаровъ. До сихъ поръ, однако, она не воспользовалась своимъ правомъ отчужденія, пріобрѣтая попрежнему необходимое количество земли изъ нѣмецкихъ рукъ, которыя предлагаютъ ея больше, чѣмъ нужно коммиссіи. И вотъ, замышляются уже новые способы борьбы съ поляками Познани. „Schlesische Volksgeitung" (въ октябрѣ 1908 г.) спрашиваетъ, можно ли болѣе позорно признаться въ полномъ фіаско антипольской политики, если не успѣлъ еще пройти въ жизнь проектъ объ отчужденіи польскихъ земель въ Познани, а потребовались уже какія-то новыя мѣры борьбы? И долго ли еще нѣмецкое

населеніе, платящее подати, будетъ равнодушно смотрѣть на подобное мотовство національныхъ денегъ на какіе-то фантастическіе планы? Въ этихъ словахъ силезской газеты звучитъ нота, которая все чаще раздается въ германской печати: Германія разоряется на совершенно ненужныя затѣи, выбрасываетъ сотни милліоновъ марокъ на никому, кромѣ чиновниковъ, не нужную борьбу съ поляками, которые сидятъ себѣ на своей землѣ, все болѣе захватывая въ свои руки мѣстную торговлю и мѣстную промышленность, бывшія прежде нѣмецкими. Статистическія данныя, составленныя — какъ отмѣчаютъ польскія газеты Познани — съ извѣстнымъ тенденціознымъ желаніемъ умалить польскій элементъ, обнаруживаютъ, тѣмъ не менѣе, что число дѣтей, говорящихъ только по-польски, все время возрастаетъ въ процентномъ отношеніи: въ 1891-мъ году онъ составлялъ въ Познани 62,70, а въ 1906-мъ—66,09, и это послѣ всѣхъ репрессій прусскаго правительства. Въ Силезіи, которая считалась совершенно онѣмеченной страной, совершилась одна изъ интереснѣйшихъ эволюцій: польское ея населеніе вернулось къ своей національности, и въ настоящее время посылаетъ въ рейхстагъ нѣсколько польскихъ депутатовъ... Послѣдніе антипольскіе проекты создали лишь такой поворотъ въ польскихъ отношеніяхъ, что дѣло русско-польскаго сближенія могло бы пойти съ чрезвычайной легкостью, еслибы только правительство Россіи могло стать на примирительную точку зрѣнія въ своей польской политикѣ. Это предвидѣла уже одна либеральная нѣмецкая газета („Kölnische Volkszeitung“), и, что не лишено значенія, крайняя націоналистическая польская печать подтвердила справедливость ея наблюденія („Gazeta Narodowa“, 3 марта 1908 г.), а „Галичанинъ“ торопливо возвѣстилъ (№ 27 за 1908 г.) поворотъ поляковъ на славянскій путь. Этотъ поворотъ несомнѣненъ, но вмѣстѣ съ нимъ долженъ произойти поворотъ въ сторону Польши и въ нашемъ общественномъ мнѣніи, и въ правительствѣ. И въ этомъ заключается, пожалуй, центръ тяжести новославянскаго движенія. Такъ дальше относиться къ польскому вопросу наше общество не можетъ и не должно, если въ немъ есть хоть смутное пониманіе этическихъ требованій въ отношеніяхъ одного народа къ другому. Какъ можетъ наше общество, наше представительство, хотя бы такое классовое и эгоистическое, какъ въ третьей Думѣ, относиться равнодушно и пассивно къ тому, что дѣлается съ культурнымъ народомъ, да еще живущимъ близъ нашихъ важнѣйшихъ западныхъ границъ, да еще славянскимъ! Только нравственной халатностью можно объяснить себѣ покорное молчаніе на разглагольство-

ванія реакціи о „польскихъ интригахъ", но развѣ можно оправдать такую безпринципность? Нѣтъ сомнѣнія, что безъ разрѣшенія польскаго вопроса не подвинется ни на шагъ неославянское движеніе. Если въ Германіи поляки съумѣли обезпечить за собой извѣстную побѣду, для славянства во всей его совокупности важную и практически, и принципіально, то всѣ результаты этой побѣды могутъ пропасть отъ продолженія антипольской политики въ Россіи. Это мнѣ дали очень ясно понять во время моего пребыванія въ Познани; это вытекаетъ и изъ того настроенія, которое создается въ Польшѣ постояннымъ недоброжелательствомъ правительства по отношенію къ ея національной жизни. Подъ вліяніемъ этого настроенія русское господство представляется многимъ не лучше и не хуже нѣмецкаго, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, пожалуй, даже и худшимъ: вѣдь въ Познани все-таки существуетъ свобода промышленныхъ коопераций и извѣстная законность, между тѣмъ какъ въ Царствѣ Польскомъ профессіональные союзы закрываются по усмотрѣнію начальства, а законность замѣнена всякими охранами. Итакъ, установится сколько-нибудь сносная жизнь въ Россіи, опредѣлятся условія, въ которыхъ польскій народъ будетъ въ состояніи развивать свою національную жизнь—и борьба Познани съ германизаціей получитъ громадную поддержку, а на границѣ нашей съ Пруссіей создастся непроходимая живая изгородь, крѣпость, состоящая изъ трехъ-милліоннаго культурнаго народа, который, видя въ себѣ форпостъ славянства, грудью встанетъ на защиту своихъ зарубежныхъ братьевъ. Съ грустью мнѣ приходится повторить слова, сказанныя въ публичной лекціи 8 ноября 1908-го года: „20 милліоновъ друзей и союзниковъ: кто сталъ бы, кромѣ Россіи, пренебрегать этой силой, кто не поспѣшилъ бы сдѣлать все, чтобы привлечь ихъ возможно скорѣе и крѣпче на свою сторону?" („Моск. Еженед." № 46 за 1908 г.).

Въ Австріи тяжесть борьбы съ германизмомъ лежитъ прежде всего на чехахъ. То, что происходитъ именно теперь въ Прагѣ, служитъ лучшимъ указаніемъ на всю тяжесть этой борьбы, которая лишь иногда обостряется до открытой взаимной ненависти, но ведется съ обѣихъ сторонъ непрерывно. Въ славянствѣ чехи выполняютъ теперь ту же роль, которая нѣкогда принадлежала черногорцамъ: тѣ боролись съ тогдашними заклятыми врагами славянства, боролись тѣмъ оружіемъ, которое имѣлось тогда въ распоряженіи человѣчества; чехи, какъ и черногорцы стараго времени, ведутъ теперь ежедневную, ежечасную борьбу съ самымъ опаснымъ врагомъ славянства, и ведутъ ее современнымъ оружіемъ—

капиталомъ и промышленностью. Одинъ изъ дѣятелей „Всенѣмецкаго союза“ восклицаетъ съ отчаяніемъ: „въ противоположность прежней иммиграціи нѣмецкаго населенія изъ Германіи, иммиграціи, продолжавшейся столѣтія, теперь наблюдается отливъ нѣмецкихъ рабочихъ силъ изъ Чехіи въ имперію, особенно въ Саксонію, и наоборотъ, приливъ чеховъ изъ глубины Чехіи къ нѣмецкой границѣ“. Эти слова сказаны десять лѣтъ тому назадъ (K. Türk, „Böhmen, Mähren und Schlesien“, 1898). Теперь положеніе чеховъ стало гораздо труднѣе: за эти десять лѣтъ окрѣпъ пангерманизмъ, перестала пугать Россія. Бывшій министръ Чехіи, д-ръ Форжтъ, отмѣтилъ въ февралѣ 1908 года еще небывалую аггрессивность нѣмцевъ по отношенію къ Чехіи („Nàrodnì Listy“, № 52), а истекшіе мѣсяцы подтвердили всю справедливость его словъ: безпорядки въ Эгерѣ и другихъ чешско-нѣмецкихъ городахъ, кровопролитныя столкновенія въ Прагѣ, обструкція нѣмецкаго меньшинства въ чешскомъ сеймѣ — все это вызвало такое обостреніе чешско-нѣмецкихъ отношеній, какое не обнаруживалось съ конца 60-хъ годовъ. И чѣмъ кончится эта борьба, какъ избѣжать новой 30-лѣтней войны, новыхъ гуситскихъ войнъ? Я не вижу другого исхода, кромѣ союза всѣхъ славянскихъ народностей Австріи въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. И этотъ союзъ, кажется, подготовляется: въ концѣ мая 1908-го года въ маленькомъ городкѣ Подѣбрадахъ чешскіе, южнославянскіе и русинскіе депутаты парламента устроили конгрессъ, на которомъ выработали общую культурную программу, которой должны держаться славянскіе народы Австріи. Хорваты, словинцы, чехи и русины Галиціи объединились въ требованіи полнаго равноправія для своихъ народовъ и языковъ въ Австріи (см. „Čas“, № 144, 1908). Въ ихъ съѣздѣ не участвовали только поляки. Почему? Неужели поляки стоятъ въ сторонѣ отъ общеславянскаго дѣла? Вѣдь они и теперь, когда зашла рѣчь о Босніи, такъ рѣзко обособили свою точку зрѣнія. И здѣсь мы опять сталкиваемся съ тѣмъ грустнымъ положеніемъ польскаго вопроса, которое составляетъ проклятіе неославянскаго движенія. Вѣдь пока полякамъ въ „славянской“ Россіи живется такъ худо, могутъ ли они выступать противъ того государства, которое одно только признало за ними права національнаго развитія? Еслибы часть Чехіи входила въ составъ Россійской имперіи и подверглась, какъ Царство Польское, процессу нелѣпо задуманнаго и грубо проводимаго обрусенія, навѣрное и чехи стали бы въ сторонѣ отъ неославизма. Къ счастью для нихъ и для насъ этого нѣтъ, но винить поляковъ Галиціи, что они не участвуютъ въ

протестѣ славянскихъ народовъ Австріи противъ германизма, было бы несправедливо. Хуже то, что, повидимому, значительная часть поляковъ Галиціи не хочетъ понять, куда ихъ манитъ сиренья пѣсня пангерманизма. „Alldeutscher Verband" горячо поддерживаетъ стремленія приверженцевъ „выдѣленія Галиціи" изъ Австріи (подробнѣе объ этомъ см. мою книгу: „Главныя теченія польской политической мысли", 1907). „Автономное выдѣленіе Галиціи, которая никогда не принадлежала Нѣмецкому союзу и географически, этнографически, а также исторически лежитъ въ сторонѣ отъ насъ, дало бы и въ численномъ отношеніи нѣмцамъ Австріи перевѣсъ, который они и безъ того имѣютъ въ Цислейтаніи, благодаря своей культурѣ и податной выносливости, такъ что руководящая роль повсюду принадлежала бы нѣмцамъ": такъ говоритъ одинъ изъ вожаковъ „Всенѣмецкаго союза". Такимъ образомъ, славянство Австріи объединено въ своей борьбѣ съ нѣмецкимъ движеніемъ на югъ и на востокъ—движеніемъ, которое стремится повсюду поглотить славянство, лишить его самоуправленія и права на національную школу, поработить экономически и вытѣснить изъ родныхъ земель, которыя должны быть заняты нѣмецкими колонистами. Въ этой роковой борьбѣ славянство Австріи готово объединиться; но не примыкаютъ къ нему поляки Галиціи, а также украинская партія въ Галиціи, которая опирается въ своей политикѣ на довольно явную помощь Берлина. Въ обоихъ этихъ случаяхъ виновата опять-таки антиславянская политика русскаго правительства, которое не хочетъ считаться ни съ поляками, ни съ малоруссами Россіи. Въ этой политикѣ пангерманизмъ находитъ своего лучшаго союзника, и вотъ почему неославизмъ, который не можетъ закрывать глаза на настоящее положеніе вещей, долженъ работать для созданія такихъ условій, въ которыхъ политика правительства сдѣлалась бы славянской.

Опасности пангерманизма подлежатъ и южные славяне, начиная съ словинцевъ Австріи и хорватовъ королевства Кроаціи и кончая независимыми сербами, черногорцами и болгарами. Стоитъ вспомнить усилія словинцевъ добиться національной школы, тѣ митинги протеста противъ германизаторскихъ стремленій австрійской школы и суда, которые происходили весной въ Крайнѣ и Штиріи, чтобы понять, что пангерманизмъ, торжествовавшій здѣсь въ полной мѣрѣ до 1898 года, и теперь далеко не отказывается отъ своихъ захватовъ. Черногорія съ 1878 года была отдана въ политическое рабство къ Австріи. Хорваты борются съ мадьярскимъ режимомъ, поддерживаемымъ Вѣной. Положеніе

словаковъ Венгріи въ высшей степени жалкое, унизительное. Однимъ словомъ, если и такимъ крупнымъ культурнымъ единицамъ, какъ чехи или словинцы, приходится выносить тяжесть борьбы съ повседневными германизующими стремленіями австро-венгерскаго правительства, то иногда совсѣмъ непосильнымъ становится это бремя для народовъ мелкихъ, какъ словаки или сербы Босніи и Герцеговины. Сербовъ королевства Австрія давно стремилась вовлечь въ сферу своего культурнаго и политическаго вліянія. Торговые договоры, высасывающіе изъ земледѣльческой и скотоводческой страны всѣ ея соки и дававшіе ей взамѣнъ дешевый, но дрянной товаръ; политическіе договоры, по большей части тайные, обезпечивающіе для Австріи возможность проводить свои войска черезъ сербскую территорію или настаивающіе на проведеніи черезъ Сербію желѣзныхъ дорогъ для соединенія Вѣны съ Солунью; облегченія для студентовъ „съ Оріентовъ", которыя дѣлались при поступленіи молодыхъ славянъ въ австрійскіе университеты, откуда они выходили со вкусами нѣмецкой буржуазіи и съ ненавистью и презрѣніемъ къ Россіи; арміи коммивояжеровъ, проникавшихъ въ самые глухіе уголки Сербіи и Болгаріи и дававшихъ всякій товаръ на всяческихъ условіяхъ разсрочки; государственные займы, которые Сербія заключала безъ труда въ Вѣнѣ — все это создавало широкую дорогу, по которой пангерманизмъ могъ легко докатиться до синяго моря. И докатился бы, еслибы Австрія не надѣлала въ смѣлое, но неосторожное министерство Эренталя крупныхъ промаховъ, еслибы она не раскрыла слишкомъ широко своихъ картъ, и этимъ не посодѣйствовала перевороту въ Турціи, рѣшительному отказу Сербіи отъ прежнихъ условій торговыхъ договоровъ съ Австріей и ловкой дипломатической игрѣ Англіи.

Болгарія стояла пока не такъ лицомъ къ лицу съ германизмомъ. Впрочемъ, послѣднему не для чего было и хлопотать здѣсь особенно. За него дѣло его исполняли тѣ нѣмецкіе принцы, которые, благодаря отказу русскаго правительства поставить на престолъ Болгаріи лицо, близкое къ императору Александру II, руководили судьбами этой страны въ продолженіе истекшихъ 30-ти лѣтъ: сначала легкомысленный Александръ Баттенбергскій, потомъ осторожный принцъ Кобургскій. Этотъ послѣдній все болѣе пріучаетъ свой народъ къ сознанію, что онъ входитъ въ сферу чисто нѣмецкихъ интересовъ: прибытіе германскаго крейсера къ берегамъ Болгаріи празднуется, какъ всенародное торжество; о пріѣздѣ нѣмецкаго герцога, главы *династіи* Кобурговъ, въ Софію упоминается въ тронной рѣчи, тогда какъ рус-

скій адмиралъ, прибывшій съ эскадрой въ Варну, только всемилостивѣйше приглашается къ высочайшему завтраку въ Софіи. Имѣя такихъ помощниковъ въ Болгаріи, пангерманизмъ можетъ не безпокоить себя лишними усиліями.

Таково современное положеніе славянства передъ лицомъ германскаго міра. Какъ видно, это положеніе тяжелое. Славянамъ повсюду приходится обороняться отъ наступающаго на нихъ германизма, который особенно въ послѣднее время такъ высоко поднялъ голову и провозгласилъ лозунгъ: „долой славянскій міръ!" (ср. отчетъ о манифестаціяхъ берлинскаго студенчества въ „Рѣчи" 29 ноября 1908 г.). И мы въ Россіи чувствуемъ на себѣ это пагубное для нашей свободы, для нашего національнаго развитія германское вліяніе, которое вьется по дереву русской реакціи, какъ плющъ, стремясь подняться все выше и выше. Длинными цѣпями вьются по Польшѣ, по южной Россіи, по берегамъ Крыма и къ прибрежью Волги нѣмецкія колоніи, которыя слишкомъ послѣдовательны, чтобы быть случайными. Въ прибалтійскихъ провинціяхъ балты-бароны тяжело давятъ мѣстное населеніе, тѣхъ латышей и эстовъ, которые такъ стремятся опереться въ своей борьбѣ за землю на русское общественное мнѣніе. Когда однажды, полушутя, одинъ изъ видныхъ членовъ польскаго „коло" въ Государственной Думѣ сказалъ мнѣ, что, пожалуй, ему придется еще быть депутатомъ въ берлинскомъ рейхстагѣ, могъ ли я отвѣтить ему, что этого никогда не будетъ, что Россія, которая съ такимъ легкимъ сердцемъ бросила двѣ части славянской Польши въ пасть германизма, не отдастъ ему и всей Польши? Не шовинизмъ, а здоровый націонализмъ, на знамени котораго будетъ написано: „Равноправіе всѣмъ народамъ Россіи, объединеніе всѣхъ славянъ для культурной борьбы съ германизмомъ!"—вотъ что должно лежать въ основѣ нашего общественнаго самосознанія. Такова программа новаго славянскаго движенія, *неославизма*, который возникъ на почвѣ не философскихъ умозрѣній, но вполнѣ реальной опасности, грозящей всему славянству, а слѣдовательно и Россіи, отъ все надвигающихся, все болѣе грозно наступающихъ волнъ пангерманизма.

Въ отличіе отъ прежняго славянофильства, возникшаго въ эпоху, когда златоглавая Москва гордилась передъ Варшавой и передъ всѣмъ славянствомъ, когда ждали, что славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ, — въ отличіе отъ этого гордаго и бурнаго славянофильства современный неославизмъ требуетъ рѣшительно, въ устахъ даже тѣхъ, кого не прельщаетъ общечело-

вѣческое „равенство и братство“, равенства и братства для всѣхъ славянскихъ народовъ. Правда, не всѣ тѣ, кто готовъ примкнуть къ неославянскому движенію, продумали до конца, что вытекаетъ изъ этихъ лозунговъ; но важно уже и то, что надъ новой ратью развѣвается такое чудное знамя. Можетъ быть, оно станетъ дорого и тѣмъ, кто чурается „польскаго вопроса“, кто не признаетъ малорусскаго народа равноправнымъ великорусскому, кто, наконецъ, не умѣетъ сойти въ своихъ дѣлахъ съ узко-партійной или узко-сословной почвы. Слова воспитываютъ людей—слова, которыя на первыхъ порахъ остаются лишь словами, но для послѣдующихъ поколѣній превращаются въ символъ вѣры и становятся дѣломъ. Вотъ почему надо неустанно настаивать на равноправіи всѣхъ народовъ и требовать для славянства, котораго никто не защититъ, кромѣ Россіи, свободы, равенства и права. Неославизмъ демократиченъ: онъ не дѣлитъ народы на избранные, которые могутъ разсчитывать на національное развитіе, пасынковъ природы, которымъ предстоитъ питаться крохами со стола богатыхъ. Всѣ славянскіе народы должны найти себѣ мѣсто за трапезой, и въ ихъ внутренніе раздоры неославизмъ не долженъ вмѣшиваться. Намъ говорятъ: посмотрите, что дѣлаютъ поляки съ русинами въ Галиціи; можемъ ли мы примириться съ поляками, разъ они притѣсняютъ русиновъ?“ Вотъ одна изъ тѣхъ помѣхъ въ разрѣшеніи русско-польскихъ отношеній, которая становится передъ нами теперь. Оставляя даже въ сторонѣ справедливость обвиненія, по моему—весьма пристрастнаго и преувеличеннаго, все-таки спросимъ себя: неужели мы-то должны быть всѣхъ злѣе, обязаны побить рекордъ всякой злости и спѣшить прежде всего наказывать! Вѣдь совершенно ясно, что разрѣшеніе натянутыхъ русско-польскихъ отношеній въ Галиціи зависитъ прежде всего отъ устройства польскаго вопроса у насъ дома, въ Россіи. Когда поляки у насъ будутъ чувствовать себя не изгоями, не „врагами внутренними“, а нашими братьями и сотрудниками въ устройствѣ новой, разумной государственной жизни, то и въ Галиціи всѣ отношенія сложатся иначе, и борьба между русинами и поляками станетъ одной изъ темныхъ тѣней прошлаго. Но и мы, у себя въ Россіи, должны наконецъ признать за малоруссами право свободнаго національнаго развитія, не вмѣшиваясь въ ихъ партійные счеты. Намъ нѣтъ дѣла до того, какая партія сильнѣе и вліятельнѣе, пока намъ не приходится сталкиваться непосредственно съ ихъ проявленіями. Содѣйствовать развитію украинскаго шовинизма въ Холмской Руси путемъ выдѣленія ея изъ Царства Польскаго

было бы, поэтому, неразумно и негосударственно (см. „Москов. Еженед.“ за 1908 г., № 26, „Украинство и малорусскій вопросъ“); но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что малорусскій народъ не долженъ получить въ школѣ, судѣ и администраціи національныя права, принадлежащія ему, какъ народу. Итакъ, равноправіе всѣхъ славянскихъ народовъ—это первое, чего долженъ добиваться неославизмъ для достиженія своей цѣли: необходимо созданіе такихъ условій, въ которыхъ человѣчество могло бы переступить за рамки узкой національной борьбы.

Нѣтъ сомнѣнія, что побѣда неославизма будетъ побѣдой человѣческой культуры, большимъ шагомъ впередъ въ развитіи гуманизма. Въ настоящее время національная борьба въ Европѣ свелась, въ чистомъ своемъ видѣ, къ борьбѣ именно нѣмцевъ со славянами. Сплотивъ послѣднихъ не для завоевательныхъ, а для мирныхъ цѣлей, неославизмъ—въ отличіе отъ стараго славянофильства, которое кричало о мирныхъ наклонностяхъ славянъ, но въ то же время восторгалось успѣхами „русской политики“ въ Польшѣ (Ив. Аксаковъ, Катковъ, даже В. И. Ламанскій) и дѣлило Балканскій полуостровъ на сферы русскаго и австрійскаго вліянія (гр. Игнатьевъ),—въ отличіе отъ него неославизмъ потребуетъ, чтобы и пангерманизмъ сложилъ оружіе своихъ завоевательныхъ стремленій. Какъ одинъ изъ факторовъ мирнаго развитія народовъ, неославизмъ имѣетъ право на вниманіе со стороны всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ Россіи: узкій національизмъ ему чуждъ. Таковы основы неославизма въ Россіи. Самымъ своимъ возникновеніемъ онъ представляетъ угрозу германскому элементу Австріи, и въ этой странѣ все болѣе укрѣпляется убѣжденіе, что лишь на почвѣ признанія равноправія народовъ Австріи можетъ быть достигнутъ прогрессъ государства, въ которомъ національныя распри продолжаютъ и послѣ выборной реформы задерживать развитіе политическаго могущества и соціальныя преобразованія, давно висящія въ воздухѣ. Такими знаменіями австрійскаго либерализма съ нѣмецкой стороны являются, напр., труды Хармаца и Шпрингера. Первый въ своей книгѣ „Deutsch-Oesterreichische Politik. Studien über den Liberalismus und über die auswärtige Politik. Oesterreichs“ (Лейпц., 1907) настаиваетъ на отреченіи нѣмецкихъ элементовъ имперіи Габсбурговъ отъ узкаго національизма, а второй, въ своей интереснѣйшей книгѣ „Національная проблема. Борьба національностей въ Австріи“, вышедшей недавно въ русскомъ переводѣ, такъ опредѣляетъ роль нѣмцевъ въ этой имперіи: „Австрійскіе нѣмцы были когда-то господствующимъ народомъ въ Австріи. Ихъ господству наступилъ

конецъ, но народомъ-*руководителемъ* они навсегда останутся. И развѣ не лучше руководить семью націями, чѣмъ тащиться за Гогенцоллернами? Къ тому же каждый понимающій австріякъ-нѣмецъ и, еще больше, каждый имперскій нѣмецъ знаетъ, что австрійскіе нѣмцы больше принесутъ пользы дѣлу нѣмцевъ, если они будутъ слѣдить на своемъ посту за тѣмъ, чтобы *во что бы то ни стало* южнымъ и восточнымъ славянамъ открыть дверь на западъ, а не гнать эти народы въ объятія всепоглощающей Россіи". Итакъ, Австрія, въ которой славянскому элементу открыто широкое поприще для развитія и дѣятельности, и рядомъ съ ней Россія, въ которой установилась гражданская свобода, достигнуто равноправіе народовъ, польскій и малорусскій вопросы разрѣшены на основѣ широкой терпимости и равенства и права: таковы идеалы современнаго неославизма. Славяне Австріи понимаютъ эти идеалы такимъ же образомъ: недавно въ органѣ Краковскаго Славянскаго клуба, журналѣ „Swiat Slawiański", была напечатана статья о русско-австрійскихъ отношеніяхъ, гдѣ идеаломъ было выставлено превращеніе Австріи въ славянскую федерацію, дружественную и союзную Россіи. Такъ смотритъ и большинство чеховъ, которые отнеслись съ нескрываемой враждебностью къ заявленіямъ Крамаржа по боснійскому вопросу. И въ южномъ славянствѣ подготовляется процессъ слиянія сербовъ и болгаръ, сербовъ и черногорцевъ въ одно цѣлое. Органъ этого движенія, газета „Славенски Iуг", встрѣчаетъ все больше сочувствія въ массахъ.

Настанетъ пора, когда борьба національностей будетъ далекимъ прошлымъ, когда о ней будутъ говорить такъ же, какъ мы говоримъ теперь о процессахъ вѣдьмъ или о религіозныхъ войнахъ. Съ ужасомъ оглянется человѣчество на тѣ жалкія поколѣнія, которыя убивали другъ друга изъ-за вопроса о томъ, на какомъ языкѣ должна преподаваться ариѳметика, которыя рвали другъ у друга клочки земли изъ-за того, кому сидѣть на ней: поляку или нѣмцу, чеху или нѣмцу. Національности будутъ жить одна около другой, покуда не сольются въ общей человѣчности. Для этого далекаго будущаго должны работать и мы, но путь къ этой цѣли идетъ черезъ признаніе правъ за всякой національностью. И чѣмъ больше національность, чѣмъ больше признаковъ входитъ въ ея опредѣленіе, тѣмъ менѣе она индивидуалистична, тѣмъ дальше отъ узкаго шовинизма. Поэтому, процессъ синтеза, совершающійся во всемъ мірѣ и выражающійся въ образованіи пангерманизма, панроманизма, панисламизма, объединенія желтой расы и т. п., не представляетъ, по моему убѣжденію, явленія

болѣзненнаго, опаснаго и нежелательнаго. Это все этапы на пути объединенія человѣчества, объединенія, въ которомъ ни религіозныя, ни языковыя, ни расовыя особенности не будутъ служить поводами къ взаимной неугасимой ненависти. И неославизмъ, стремясь объединить разноязычное и разновѣрное славянство, пережившее столько разнообразныхъ стадій, стремится къ той же цѣли: мирнаго культурнаго единенія человѣческихъ сердецъ въ полетѣ къ общему идеалу гуманнаго развитія человѣчества. Защитить славянство отъ поглощенія враждебнымъ міромъ, заставить уважать въ немъ равноправнаго члена европейской семьи и этимъ содѣйствовать большему объединенію ея—вотъ задача неославизма.

А. Погодинъ.

МОЛОДЫЯ ДѢВУШКИ

Романъ В. Маргеритта.

„Jeunes filles“. Victor Margueritte. Paris. Bibl. Charpentier, 1908.

I.

Г-жа Дорли показалась на широкомъ каменномъ порогѣ.

Ея короткая полная фигура выступила изъ балконной двери, какъ изъ рамы, и спустилась съ трехъ ступеней стариннаго дома Louis XVI, ведшихъ въ небольшой садъ. Она окинула взоромъ, не видя ихъ, прямоугольники, засаженные геранью розоваго, пурпуроваго и розовато-желтоватаго оттѣнка, окаймлявшіе зеленую баллюстраду террасы.

Она едва взглянула направо, гдѣ подъ группою каштановъ хорошенькая горничная Марьетта спѣшила накрывать къ чаю, разставляя голубой парадный сервизъ на дамасской скатерти. Тонкій батистовый передникъ обрисовывалъ изящную округлость ея бюста и стройную талію, а бѣлизна затылка и золотистый узелъ волосъ—представляли контрастъ съ чернымъ платьемъ.

Г-жа Дорли, облокотясь на перила, смотрѣла на разстилавшійся внизу пейзажъ, залитый ослѣпительнымъ сіяніемъ. Августъ парилъ въ безоблачной лазури надъ извилинами рѣки, надъ зеленѣющими лѣсами и парками, испещренными свѣтлыми пятнами виллъ, надъ всѣмъ громаднымъ пространствомъ предмѣстій съ фабричными трубами и огородами. На заднемъ планѣ виднѣлась феерическая панорама большого города.

— Ахъ, этотъ Парижъ!—вздохнула г-жа Дорли.

Дымка пыли и тумана казалась ей дыханіемъ человѣческой

толпы, которая боролась, любила, страдала, работала тамъ. Palais de Justice — было пунктомъ, привлекавшимъ всѣ помыслы пожилой женщины. Сегодня ея сынъ защищаетъ тамъ какое-то дѣло. Онъ готовится къ карьерѣ адвоката и работаетъ покуда въ качествѣ помощника, въ ожиданіи будущихъ тріумфовъ... Онъ обѣщалъ быть сегодня къ чаю. Быть можетъ, онъ уже ѣдетъ съ этимъ поѣздомъ?

Свистокъ локомотива заставилъ вздрогнуть г-жу Дорли.

— Марьетта, все ли готово?

— Да, сударыня.

— Принесите еще тарелку сухого печенья, pralinés.

— Пожалуйте ключъ. — „Раскутилась нынче!“ — подумала Марьетта.

— Вотъ. Только пожалуйста принесите его обратно!

Г-жа Дорли проводила дѣвушку взглядомъ. Транжирка и держится черезчуръ независимо, но за то очень мила, а главное — нравится Жаку.

Несмотря на буржуазную нетерпимость своихъ взглядовъ, г-жа Дорли невольно дѣлалась снисходительна, когда дѣло шло о Жакѣ... Она сѣла въ качалку и вытянулась. Тѣнь отъ листвы каштановъ ложилась золотистыми бликами на скатерть, на росписной сервизъ. Стая мошекъ кружилась въ воздухѣ. Г-жа Дорли задремала въ мечтахъ о Жакѣ...

Шумъ шаговъ по гравію, легкій поцѣлуй въ лобъ — разбудили ее. Она быстро встала.

— Жакъ!

— Добрый день, maman.

Она обвела его любящимъ взоромъ. Какъ онъ милъ — со своимъ свѣжимъ цвѣтомъ лица, тонкими усиками и этой ниспадающей на лобъ прядью, придающей ему видъ художника!

— Я сегодня почти не видѣла тебя, ты такъ рано уѣхалъ.

— Дѣла — вещь священная!

Онъ положилъ на садовый стулъ свой портфель изъ зеленаго сафьяна съ золотыми иниціалами въ углу. M-me Дорли любовалась изящной простотой его манеръ и костюма. Онъ былъ невысокъ ростомъ, но строенъ, съ красивою головою и лукавыми глазами. Въ немъ чувствовалась энергія, такъ же, какъ въ его тѣлѣ съ хорошо развитыми мускулами — сила. Онъ отличался кошачьей лѣностью, вкрадчивостью и упругостью.

— Ты правъ. Дѣла — прежде всего, бѣдныя матери — на второмъ планѣ. Я и не жалуюсь. Только бы ты возвращался ко мнѣ...

— И шелъ впередъ!

Она съ восхищеніемъ посмотрѣла на него.

— Въ твоей карьерѣ я не сомнѣваюсь. Съ твоими способностями, съ твоимъ даромъ слова...

— Ахъ, мамочка! Намъ — бѣднякамъ — приходится работать втрое. Обидно плестись вслѣдъ за людьми ничего не стоющими, за выскочками... Сейчасъ, напримѣръ, я ѣхалъ съ Пьеромъ Савенэ...

— Вотъ какъ! — воскликнула г-жа Дорли. — Я жду его къ намъ сегодня съ отцомъ и сестрою. Женевьева — очаровательна...

Знакомая пѣсня! Очаровательно безобразна! И что это за женщина? Дѣвчонка, пансіонерка...

Жакъ ничего не отвѣтилъ на замѣчаніе матери и продолжалъ:

— Этотъ самый Пьеръ Савенэ, напримѣръ... Врачъ-любитель. Таланта никакого, но съ такой лабораторіей, какую построилъ ему отецъ...

Г-жа Дорли шумно вздохнула, и стеклярусъ на ея могучей груди зазвенѣлъ.

— Еслибы Господь былъ справедливъ, ты имѣлъ бы такое же состояніе. Подумать только, что безъ краха „Crédit Marseillais" у насъ было бы пятьдесятъ тысячъ дохода! Еслибы твой бѣдный отецъ слушался меня... Теперь приходится урѣзывать себя, экономить, вѣчно дрожать за слѣдующій день, жить въ этой виллѣ на окраинѣ...

— Знаешь, у нея очень приличный видъ. На дверяхъ не написано, что она заложена.

— Къ счастью! Наша задача сводится къ тому, чтобы выиграть время.

— Неужели дѣло такъ плохо?

— Я двадцать разъ говорила тебѣ это. Торопись прославиться.

— Гмъ! Это не легко. Конкурренція слишкомъ велика.

— Есть еще средство — болѣе легкое для тебя. Постарайся вскружить чью-нибудь хорошенькую головку...

Онъ нахмурился. Перспектива лишеній, неопредѣленность будущаго принуждала его къ тому, чего онъ особенно не любилъ: къ раздумью.

— Поговоримъ откровенно. До сихъ поръ я не особенно обращалъ вниманіе на эти маленькія сцены, такъ какъ въ заключеніе ты всегда вынимала билетъ въ тысячу франковъ.

— Да вѣдь это были послѣднія, пойми! Сядь сюда, поближе...

Послѣ самоубійства твоего отца у насъ остались эти четыре стѣны и триста тысячъ франковъ. Девятитысячная рента,—понимаешь?

— Ровно столько, чтобы заплатить мяснику.

— И за твои галстухи.

— Это—необходимость. Казаться—значитъ быть!

— У тебя нѣтъ сердца,—вздохнула г-жа Дорли.—Посмотри, какъ я одѣваюсь! Этому шолку три года. Насъ считаютъ людьми со средствами, но, несмотря на всю мою экономію, деньги таютъ, таютъ... Я хотѣла бы продать виллу...

— Ни за что, мамочка! Ты къ ней привыкла. Ужъ лучше я продамъ себя.

Она взяла его голову обѣими руками и поцѣловала его.

— Благодарю. Это — хорошія слова. Послушай, Жакъ, ты сегодня такой благоразумный, что я хочу тебѣ сказать... насчетъ твоего недавняго проигрыша въ клубѣ...

Онъ быстро поднялся.

— Потомъ, потомъ... Я долженъ переодѣться...

— По случаю пріѣзда Савенэ? Для Женевьевы?

— Нѣтъ.

— И ты неправъ. Эта дѣвочка очаровательна. У отца ея— Фернейльскія копи. Онъ можетъ быть тебѣ полезенъ. Это—прекрасная партія.

— Онъ или она? Да ты не разглядѣла ее. Она плоска какъ доска.

Г-жа Дорли скользнула по немъ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ.

— Очевидно, ей вредитъ сосѣдство Эленъ Нэйрталь.

Что-то вспыхнуло въ глазахъ Жака.

— Эленъ—это я понимаю!

— Женевьева неудачно выбрала себѣ компаньонку. Взять въ свой домъ бывшую подругу! Мужчины всѣ на одинъ ладъ. Если у дѣвушки хороши глаза и она умѣетъ ими пользоваться, они считаютъ себя побѣдителями, но твоя Эленъ...

— Еслибъ это было такъ! Увы, мамочка, ты ошибаешься. M-lle Нэйрталь — самая добродѣтельная и безукоризненная изъ женщинъ... Я глубоко ее уважаю.

— Да, я знаю: она очень умна.

Г-жа Дорли задумалась. Неужели увлеченіе сильнѣе, чѣмъ она предполагала? Она заговорила съ сыномъ, идя рядомъ съ нимъ по широкой аллеѣ. Не думаетъ ли онъ жениться, надѣть себѣ петлю на шею? Кто женится на компаньонкѣ? У него нѣтъ

состоянія, она горда, требовательна, черезъ какой-нибудь годъ ихъ жизнь станетъ адомъ. Съ его именемъ, воспитаніемъ, наружностью, съ тою обстановкою, которую она создала ему—онъ можетъ многаго требовать отъ жизни. Онъ—сила.

— Я—твоя слабость,—сказалъ онъ съ лукавою усмѣшкой.

Они взошли на террасу и облокотились о перила, любуясь отдаленнымъ Парижемъ въ лучахъ заходящаго солнца.

— Ты—моя слабость, это правда. Всю жизнь я страдала для того, чтобы ты былъ счастливъ. Разоренная, униженная—я живу лишь тобою и для тебя. Ты воплотишь все то, о чемъ я мечтала. Такъ и должно быть. Мы живемъ для дѣтей.

Онъ попробовалъ балагурить.

— Молчи. Я разстроюсь...

— Ты понимаешь меня, мой Жакъ? Вѣдь ты немножко любишь меня?

Онъ поцѣловалъ ее въ сѣдѣющіе волосы; она видѣла, что онъ готовъ уступить.

Наивно-эгоистически она воспитала его въ тепличной атмосферѣ своей любви, и ей не приходило въ голову, чтобы можно было поступить иначе. Его наклонности къ спорту, его первые выѣзды тревожили ее. Она гордилась его школьными наградами, его аристократическіе вкусы льстили ея буржуазному тщеславію. Съ его воспитаніемъ онъ долженъ проложить себѣ дорогу въ свѣтѣ.

Мірокъ ея былъ очень маленькій, но другого она не знала.

II.

Экипажъ Савенэ, запряженный парою рыжихъ, мягко катился по дорогѣ. На блестящей упряжи играло солнце, и сами кони—вмѣстѣ съ кучеромъ и ливрейнымъ лакеемъ, казалось, сознавали всю важность своего общественнаго положенія. Они словно говорили:

— Мы служимъ богачамъ! Мы—богачи. Посторонитесь!

При поворотѣ Женевьева Савенэ переложила зонтикъ на другое плечо, чтобы прикрыть отъ солнца подругу, и на фонѣ блѣдно-голубого шолка и кружевъ серьезное и улыбающееся лицо Эленъ отчетливо выдѣлилось рядомъ съ ея худенькимъ, полудѣтскимъ личикомъ.

Г. Савенэ, опираясь руками и подбородкомъ на золотой набалдашникъ трости, ласково наблюдалъ за ними. Девятнадцать лѣтъ и двадцать-три года!

Несмотря на всю свою отцовскую любовь, г. Савенэ долженъ былъ сознаться, что хрупкая, нѣжная Женевьева казалась на ряду съ Эленъ блѣднымъ подснѣжникомъ предъ пышно расцвѣтшею розою. У нея были сѣрые глаза, высокій лобъ подъ мягкими пышными свѣтлыми волосами.

Эленъ поблагодарила ее, окинувъ ее любящимъ взглядомъ старшей сестры. Часть ея признательности относилась и къ старику. Еслибы не исключительная доброта этихъ двухъ существъ, она была бы не болѣе, чѣмъ старшая прислуга, такъ какъ гувернантка и компаньонка, считаясь какъ бы членами семьи, бываютъ въ сущности на положеніи живой машины.

Чего не натерпѣлась она за два мѣсяца, проведенныхъ ею въ домѣ банкира Видерлейна, гдѣ Женевьева случайно открыла ее и не успокоилась до тѣхъ поръ, покуда не перевезла къ себѣ бывшую подругу по пансіону, свою „старшую", окружавшую ее когда-то заботами и попеченіями.

— О чемъ вы задумались? — спросилъ г. Савенэ, ласково коснувшись ея тонкой ручки въ шолковой перчаткѣ.

— Я думала о томъ, что никогда не буду въ состояніи достаточно отблагодарить васъ за вашу доброту, — отвѣтила она просто.

— Ты съ ума сошла!—воскликнула Женевьева.—А вотъ мы и пріѣхали.

M-me Дорли шла къ нимъ на встрѣчу съ распростертыми объятіями. Она поцѣловала Женевьеву въ обѣ щеки.

— Вы прелестны сегодня! Какъ идетъ къ вамъ эта шляпка! Вы очень любезны, что собрались къ намъ, г. Савенэ. А, здравствуйте, mademoiselle. Я не знала, что вы пріѣдете.

— Это правда,—отвѣтила Эленъ,—я—не въ счетъ.

Г-жа Дорли, не желая убить однимъ ударомъ двухъ зайцевъ, тѣмъ не менѣе нанесла ударъ.

— Какъ можете вы это говорить? При васъ не въ счетъ всѣ другія.

Спѣша загладить свой промахъ, она сорвала нѣжную rose de France и приколола ее къ корсажу Женевьевы.—Совершенно вашъ цвѣтъ лица!—Затѣмъ, обернувшись къ г. Савенэ, она стала его разспрашивать о его сынѣ. Жакъ, нарочно вернувшійся изъ Парижа, только-что восхищался талантами мосьё Пьера, какъ врача...

— Онъ теоретикъ, — замѣтилъ отецъ;—во всякомъ случаѣ манія его не опасна. Онъ никого еще не убилъ.

Г-жа Дорли любезно засмѣялась.

— Напрасно ты шутишь, папа! — воскликнула Женевьева съ боевымъ энтузіазмомъ юности.—Это—великое дѣло, и будь я мужчиною...

Она остановилась и покраснѣла при такомъ непредвидѣнномъ и смущающемъ предположеніи.

— А вы, mademoiselle?—обернулась г-жа Дорли къ Эленъ.

— Я тоже не знаю болѣе благородной цѣли. Хотя я и не мужчина, но охотно отдалась бы этому труду, тяжелому и требующему всего человѣка, не будь у меня такой милой сестры какъ Женевьева, устроившая иначе мою жизнь. Для ухода за больными нужны нѣжныя женскія руки.

— Конечно, — согласилась г-жа Дорли,—но въ мое время женщины исполняли эти обязанности не на глазахъ у всѣхъ. Женщина посвящала себя домашнему очагу. Теперь появились женщины-врачи, женщины-адвокаты. Что вы сдѣлаете съ вашими мужьями, mesdames?

— Не всѣ дѣвушки могутъ выйти замужъ,—отвѣтила Эленъ.

— Но всѣ къ этому стремятся...

— Очевидно. Но тѣ, кому недостатокъ приданаго или другая случайность помѣшали осуществить эти стремленія — имѣютъ право устроить свою жизнь по другому.

— M-lle Нэйрталь права,—заключилъ г. Савенэ:—въ обществѣ, въ силу измѣненія экономическихъ законовъ, совершается извѣстная эволюція. Женщинѣ приходится вести борьбу за существованіе, и на насъ—мужчинахъ—лежитъ вина...

— А вотъ и Жакъ!—воскликнула г-жа Дорли, радуясь возможности прервать этотъ разговоръ. Движеніемъ руки она словно отметала всѣ эти соображенія. Не собираются ли обвинить ея Жака въ томъ, что онъ породилъ конкурренцію женскаго труда? Не обвѣнчаться ли ему съ какой-нибудь бесприданницей и старой дѣвой? Непростительно со стороны милліонера говорить такой вздоръ...

Жакъ былъ безъ шляпы, въ галстухѣ одного оттѣнка съ рубашкою. Онъ любезно извинялся.

— Не прощу себѣ, что я потерялъ нѣсколько минутъ, которыя могъ бы провести съ вами...

— Вы не присутствовали при турнирѣ, — отвѣтилъ г. Савенэ:—m-lle Эленъ сражалась за феминизмъ...

— Меня къ этому принудили.

— Я такъ и буду знать, — проговорилъ Жакъ такимъ тономъ, словно онъ объяснялся въ любви. Эта галантная фамильярность была у него въ обычаѣ. Онъ вѣрилъ въ неотразимость

своего голоса съ теплыми ласкающими нотами и своего полудерзкаго взгляда.

Вблизи послышались мычаніе и стукъ автомобиля. Г-жа Дорли насторожилась.

— Вѣроятно, это Данжэ и съ ними — баронъ Мейерлейнъ.

Передъ террасою остановился громадный красный моторъ, покрытый слоемъ пыли. Дамы въ свѣтлыхъ муслиновыхъ капюшонахъ жестикулировали, размахивая широкими рукавами своихъ cache-poussière. Баронъ снялъ фуражку со стеклянными наглазниками и отиралъ свой лысый лобъ. Г-жа Дорли, шелестя шолкомъ и звеня стеклярусомъ, поспѣшила къ нимъ на встрѣчу. Рядомъ съ нею длинная и сухая г-жа Данжэ, съ лицомъ овцы и маленькими бѣгающими глазками, казалась почти безплотною. Кромѣ барона пріѣхали двѣ хорошенькихъ женщины: одна изъ нихъ— миссъ Анна Фергусъ — олицетворяла типъ американки-завоевательницы съ свободными движеніями, унаслѣдованными отъ различныхъ расъ, съ красивымъ, смѣло очерченнымъ лицомъ и стройною, гибкою фигурою спортсмэнки. На ней былъ простой костюмъ изъ полотна. Другая была „очаровательная г-жа Ланфрэ“, попросту—Жаклина, напоминавшая въ тридцать лѣтъ одинъ изъ тѣхъ розовыхъ сочныхъ персиковъ, которые зрѣютъ подъ іюньскимъ солнцемъ. Она развелась съ мужемъ, но военныя почести остались на ея сторонѣ. Позади всѣхъ шла молоденькая Марта Данжэ, лукаво улыбавшаяся любезностямъ Жака.

Эленъ ощутила легкій уколъ въ сердце. Манера, съ которою Жакъ наклонялся къ Мартѣ, игра его лица, нѣжный взглядъ— все это было слишкомъ хорошо ей знакомо. Неужели она его ревнуетъ? Значитъ, ея чувство къ нему — не простая симпатія. Вѣдь ревнуютъ лишь тамъ, гдѣ любятъ. Она отвернулась, но глаза ея помимо воли останавливались на этой парочкѣ, и она не замѣтила печальнаго взора, какимъ блѣдная Женевьева смотрѣла на нихъ троихъ.

Марта съ живостью сбросила свое манто на руки Жака. Она была въ платьѣ экрю съ прошивками—довольно короткомъ, открывавшемъ хорошенькую ножку, и вся она со своимъ задорнымъ личикомъ и граціей маленькой плясуньи—напоминала танагрскую статуэтку. Большіе орѣховаго цвѣта глаза сверкали остроуміемъ.

— Вы не похожи на вашу мать, — сказалъ Жакъ, видимо удовлетворенный.

— Даже удивительно, до чего не похожа! Я вышла въ отца и еще въ какую-то прабабушку, миніатюра которой у насъ со-

хранилась. Должно быть, она была хорошенькая, что не помѣшало отрубить ей голову въ дни революціи...

— Странная вещь — наслѣдственность! Въ насъ оживаютъ другіе люди съ ихъ вкусами, наклонностями, пороками, добродѣтелями, наружностью... Семья — не шутка. Меня даже волнуетъ мысль о томъ, что я составляю звено въ длинной цѣпи существъ...

Она сдѣлала гримаску, сложивъ губы на подобіе спѣлой вишни.

— А меня это тревожитъ. Я желала бы быть только собою и болѣе ничѣмъ. Чувствуешь себя несвободной. Притомъ, эта прабабушка, какъ говорятъ, была порядочная кутила...

— Ну, что жъ? Такое было время. Добродѣтель во многомъ зависитъ отъ подробностей: мѣста, климата, эпохи...

— Замолчите! Я васъ не слушаю.

Марта Данжэ любила флёртъ, но она прекрасно соблюдала чувство мѣры и тотчасъ же поняла, что Жакъ его нарушилъ.

Барона и Марту познакомили съ Эленъ, но тамъ, гдѣ банкиръ увидѣлъ лишь барышню не своего круга, Марта сразу почуяла опасную соперницу; на Женевьеву—блѣдненькую и молоденькую—она не обратила вниманія. Но компаньонка можетъ отбить интереснаго и богатаго жениха, котораго ожидаетъ кромѣ того блестящая будущность.

Женевьева Савенэ вѣжливо освѣдомилась у г-жи Ланфрэ о здоровьи ея прелестнаго мальчика. Жаклина сухо отвѣтила, что онъ уже третью недѣлю у отца, и, улучивъ минуту, ускользнула отъ нея и подошла къ Жаку, наливавшему лимонадъ. Дѣлая видъ, что помогаетъ ему, она шепнула:

— Здравствуй. Какъ поживаешь послѣ вчерашняго?

— Отлично. А ты, Лина?

Она отвѣтила шопотомъ, очень быстро:

— Я обожаю тебя. Послѣ завтра въ тотъ же часъ.

Марта не замѣтила, къ счастію, этого діалога. Она знакомила г-жу Дорли съ хорошенькою американкой. Мать Жака растаяла: И эта—хороша собою и богата, нельзя упускать изъ виду и ее.

— Жакъ, что же ты не передашь mademoiselle ея чашку?

Жакъ поспѣшилъ повиноваться. Г-жа Дорли взглядомъ указала ему на эту богатѣйшую добычу, продолжая любезно разговаривать съ молодою дѣвушкой.

— Очень рада познакомиться съ вами, mademoiselle. Давно ли вы въ Парижѣ? Долго ли здѣсь останетесь? Будемъ ли мы имѣть удовольствіе видѣть васъ осенью?

— Это зависитъ,—отвѣтила Анни Фергусъ. Она выговаривала слова очень отчетливо, и въ голосѣ ея слышался металлъ.

— Отъ чего? — съ живостью спросилъ Жакъ, словно отъ него зависѣло это устроить.

— Отъ кого—скорѣе!—насмѣшливо вставила Марта.

Анни погрозила ей пальцемъ.

— Почему же не сказать того, что̀ думаешь?—воскликнула Марта.

— Это могло бы завести насъ далеко!—сказала m-me Ланфрэ и сама покраснѣла, встрѣтивъ взглядъ Жака, который отвѣтилъ, смѣясь:

— Если—вдвоемъ, то это ничего.

— Послушайте, мосьё Дорли,—продолжала Марта,—какъ вы думаете, что̀ можетъ миссъ Анни сдѣлать здѣсь?

— Сдѣлать... многихъ несчастными.

— Это — само собою. Но у нея есть опредѣленная цѣль. Она, подобно тому философу древности...

— Подобно всѣмъ намъ, ищетъ...

— Не понимаю, mesdames?..

— Засвѣтите вашъ фонарь!

— А! Вы говорите о Діогенѣ?

— Вотъ именно. Она ищетъ...

Раздался веселый дѣвичій смѣхъ:

— Мужчину! Мужа!

— Марта! Что̀ ты говоришь?!—воскликнула шокированная г-жа Данжэ.

— Мамочка! Почему же не сказать правды? Мы всѣ ищемъ мужа — самаго лучшаго, самаго красиваго изъ людей. Анни—богата, свободна, она можетъ не торопиться. Она посѣтила Парижъ, Лондонъ, Берлинъ. Она ищетъ...

— Она найдетъ!—сказалъ Жакъ многозначительно, сопровождая слова краснорѣчивымъ взглядомъ, но Анни рѣзко проговорила:

— Надѣюсь!

И поднявшись съ мѣста, она подошла къ Женевьевѣ и Эленъ, которая понравилась ей своимъ видомъ, полнымъ скромнаго достоинства.

— Она ищетъ титула,—прошептала Марта, наклоняясь къ г-жѣ Дорли.

— Вотъ какъ! — протянула хозяйка дома, разочарованная, а Жакъ прибавилъ насмѣшливо:

— Это совсѣмъ по-американски. Бѣдняжки! Онѣ думаютъ, что все можно купить.

Марта вскинула на него глаза; ей хотѣлось продолжать разговоръ, но онъ уже обернулся къ Эленъ, и они вдвоемъ направились къ террасѣ. Лицо дѣвушки омрачилось; она дѣлала видимыя усилія надъ собою, чтобы отвѣчать впопадъ г. Савенэ. Въ сущности изъ него вышелъ бы очень приличный свекоръ; Пьеръ гораздо богаче Жака, но не обладаетъ ни его красотою, ни утонченностью. Она еще не встрѣчала ни одного человѣка, который до такой степени подходилъ бы къ ея идеалу, какъ Жакъ. Конечно, Дорлй не милліонеры, но сама она до такой степени бѣдна, а жизнь такъ дорого стоитъ...

Горечь переполняла ея сердце въ то время какъ она съ улыбающимся лицомъ, въ черезчуръ богатомъ платьѣ, играла свою роль въ этой обстановкѣ кажущагося богатства. Вѣчно лгать и лгать, влачить эту мишурную жизнь, какъ ядро, привязанное къ ногѣ каторжника...

Марта знала, какою цѣною покупается ихъ показная роскошь. Она съ дѣтства видѣла „тройственный союзъ". Барона Мейерлейна она знала всю свою жизнь. Послѣ смерти ея отца онъ „спасъ" остатки ихъ состоянія и устроилъ ихъ существованіе. Для другихъ это было бы довольство, для нихъ—нищета въ кружевахъ. Иногда она вѣрила, что все это должно кончиться; порою она впадала въ тоску и мечтала о замужествѣ, въ которомъ видѣла спасеніе. Кого винить? Мать? Но, оставшись молодой вдовою, она естественно должна была искать любви и опоры. Баронъ держалъ себя по внѣшности безукоризненно. Къ ней онъ всегда относился съ нѣжностью почти отеческой, но она чувствовала къ нему инстинктивное отвращеніе.

III.

Стоя съ Эленъ на террасѣ, Жакъ любовался при блескѣ заката ея высокою фигурою, матовымъ лицомъ съ розоватымъ оттѣнкомъ, тяжелыми темными волосами и глубокими глазами, въ которыхъ отражались солнце и просторъ.

Ни у одной изъ женщинъ, свѣтлыя платья которыхъ оживляли садъ, не было этого очарованія искренности, простоты и вмѣстѣ съ тѣмъ — энергіи, немного пугавшей Жака, и ни въ одной изъ нихъ не было такъ много женственности. Одну Марту, пожалуй, можно было бы сравнить съ нею. Быть можетъ, самое

мудрое—выбрать Марту, которая не такъ богата, какъ Женевьева Савенэ, но за то прелестна.

И тѣмъ не менѣе его непреодолимо влекло къ Эленъ. Если онъ женится на ней, его ожидаетъ тяжелый трудъ изъ-за куска хлѣба, но только этимъ путемъ онъ можетъ добиться обладанія любимою дѣвушкой. На его несчастіе, она не похожа на Жаклину Ланфрэ.

Оба они молчали, и это молчаніе пугало Жака,—въ немъ было слишкомъ много недоговореннаго. Услышавъ смѣхъ миссъ Анни, онъ обрадовался и разразился филиппикою противъ американокъ, воображающихъ, что онѣ все могутъ купить, какъ ихъ отцы покупали скотъ...

Эленъ стала защищать миссъ Анни. Эта дѣвушка откровенна, она знаетъ, какую силу даютъ деньги, и желаетъ купить себѣ то, чего не могли ей доставить до сихъ поръ всѣ ея милліоны: аристократическій престижъ.

— Неужели и вы вѣрите въ голубую кровь, m-lle Эленъ?

— Нѣтъ, я не такая дикарка, какъ m-lle Фергусъ, и не такая... цивилизованная, какъ m-lle Данжэ. Я скромно стою между этими двумя полюсами.

— Я знаю. Вы—революціонерка.

— Потому что я считаю личный трудъ—бо̀льшею заслугою, чѣмъ подвиги предковъ?

— Вы горды, мужественны, вы таковы, какими должны быть всѣ женщины. Вы—сами по себѣ и ни на кого не похожи.

— Это упрекъ?

— Наоборотъ. Вамъ можно сказать не то, что̀ взбредетъ въ голову, но то, что̀ лежитъ на душѣ... Мнѣ казалось, что я могу надѣяться на вашу дружбу, на вашу... симпатію... Съ вами я становлюсь чище, лучше... И я хотѣлъ бы...

— Чего?

Она смотрѣла на него своими ясными глазами.

— Самъ не знаю. Но я чувствую себя способнымъ на подвигъ. Вы смѣетесь? Я не дурной человѣкъ, но я не честолюбивъ.

— Напрасно!

— Развѣ честолюбіе можетъ дать счастье? Жениться на той, кого любишь...

— Жакъ! Жакъ! Пріѣхалъ твой другъ докторъ...

Это звала г-жа Дорли, и Жаку пришлось идти на встрѣчу къ гостю.

Застѣнчивый и близорукій Пьеръ Савенэ всегда чувствовалъ себя неловко въ незнакомомъ обществѣ. Онъ сдержанно покло-

нился m-me Ланфрэ и американкѣ, но взоръ его оживился при видѣ Эленъ и Жака.

— Здравствуйте, Жакъ.

— Добрый день, дорогой другъ.

Пьеръ пожалъ руку Эленъ, но лицо его снова омрачилось, между тѣмъ какъ ея глаза, казалось, спрашивали: что̀ съ вами?

— Я не помѣшалъ?

— Ничуть,—просто отвѣтила Эленъ.

— Идите къ намъ, мосьё Савенэ! — задорно окликнула его Марта: — вы видите, что m-lle Эленъ монополизируетъ мосьё Дорлѝ.

— Вы ревнуете?—спросила Эленъ.

— Теперь—нѣтъ, потому что съ нами мосьё Савенэ. А вы, Женевьева?

Молоденькая дѣвушка вздрогнула, словно отъ укола, и, невольно поднявъ свои сѣрые глаза на Жака и Эленъ, она проговорила:

— Съ какой стати мнѣ ревновать?

— Вотъ именно!—разсмѣялась Марта.—Пойдемте, докторъ. Мы покажемъ Анни и Жаклинѣ кіоскъ. Оттуда видъ еще лучше.

— Пойдемте, маленькій цвѣточекъ!—сказала Анни, обвивъ рукою талію Женевьевы, къ которой она почувствовала симпатію.

Жакъ снова очутился наединѣ съ Эленъ, которая съ легкою улыбкою указала ему на группу подъ каштанами. Старикъ Савенэ съ церемонною галантностью прежнихъ временъ ухаживалъ за Жаклиной, которая охотно слушала его, ничуть не обезпокоенная ухаживаніемъ Жака за дѣвицами. Ея роль — самая выигрышная. Обѣ матери, ведшія такую упорную борьбу за существованіе: одна—ради сына, другая—ради дочери, мирно бесѣдовали другъ съ другомъ.

Сердце Эленъ билось частыми, сильными ударами. Она не скрывала отъ себя, что ей было бы отрадно пройти жизненный путь рука объ руку съ Жакомъ. Онъ слабъ, избалованъ, но она сильнѣе его, она поддержитъ его своимъ мужествомъ и твердостью. Инстинктъ самоотреченія, присущій благородной женской душѣ, говорилъ въ ней сильнѣе голоса страсти.

— О чемъ вы думаете?—спросила она.

— Это глупо, конечно, но я взволнованъ. Сегодняшній день имѣетъ для меня большое значеніе. Я долженъ повидать васъ, поговорить о... многомъ.

— Когда захотите.

Онъ почти обрадовался, видя, что къ нимъ подходитъ Же-

невьева. Еще немного—и онъ не удержался бы, онъ произнесъ бы рѣшительное слово. Жакъ всталъ, чтобы уступить ей мѣсто.

— Я васъ спугнула?—спросила m-lle Савенэ, тономъ, который, несмотря на ея усилія, былъ скорѣе обиженнымъ и рѣзкимъ, чѣмъ шутливымъ.

— Ничуть, mademoiselle, я шелъ къ вамъ на встрѣчу.

— Въ самомъ дѣлѣ?—вырвалось у нея.

Жакъ отмѣтилъ это восклицаніе. Такъ искусный рыболовъ по сотрясенію удочки чувствуетъ, что рыба клюетъ...

Воспользовавшись приближеніемъ веселой группы, онъ бросилъ Эленъ на прощанье полный обожанія взглядъ, а Женевьевѣ— другой, почтительно-восхищенный.

— Вы возвращаете намъ мосьё Дорли?—пошутила Марта.— Берите въ обмѣнъ доктора. Онъ сумраченъ какъ ночной колпакъ...

— Изъ него не выжмешь самой маленькой консультаціи...

— Не будете ли вы счастливѣе?

— До чего онѣ глупы!—разсмѣялась Эленъ:—не правда ли, мосьё Пьеръ?

Сумрачное лицо доктора заставило ее замолчать.

Пьеръ Савенэ смотрѣлъ на нее своими большими насмѣшливыми глазами, сверкавшими изъ-подъ стеколъ pince-nez. Ей показалось, что этотъ огонь подъ стекломъ былъ подобіемъ его ума и души, заключенныхъ въ непривлекательную оболочку. Она такъ высоко цѣнила его душевныя качества, что не замѣчала его недостатковъ. Даже его некрасивость нравилась ей. Маленькаго роста, сутуловатый, съ нервнымъ лицомъ и остроконечной бородкой, въ которой уже виднѣлись бѣлыя нити, Пьеръ Савенэ производилъ впечатлѣніе человѣка мысли и на немъ лежалъ отпечатокъ духовнаго изящества.

— Что съ вами? — спросила она.— Кажется, все это васъ не забавляетъ?

— Менѣе чѣмъ васъ, во всякомъ случаѣ. Но я не вторгаюсь въ ваши тайны.

— У меня нѣтъ тайнъ, — отвѣтила она, удивленная его тономъ.

— Вы вправѣ ихъ имѣть.

— А вы—не вѣрить мнѣ?

— Нельзя быть ни въ чемъ увѣреннымъ.

Они медленно шли по аллеѣ. Неугомонная Марта не утерпѣла.

— Что я вамъ говорила? Она расшевелила и доктора. Браво, m-lle Нэйрталь!

— Мы просто ссоримся, — отозвалась Эленъ, удивленная неожиданною вылазкой.

— Этимъ начинаются всѣ объясненія въ любви.

Жакъ подхватилъ мячъ на лету.

— Вы очень компетентны въ этихъ вопросахъ, m-lle Марта, — вѣроятно, вы не мало выслушали ихъ?

— Не отъ васъ, насколько мнѣ извѣстно.

Взоры ихъ скрестились; г-жа Дорли была видимо довольна.

Савенэ стали собираться домой. Жакъ проводилъ ихъ до экипажа, и когда коляска завернула за уголъ, онъ пересталъ о ней думать. Онъ привыкъ жить настоящею минутой. Что за прелестная картина! Анни, Марта, Жаклина въ свѣжихъ туалетахъ, со своими свѣжими молодыми лицами, поодаль — двѣ почтенныхъ, мирно бесѣдующихъ дамы, и все это — на фонѣ зелени и окутаннаго легкою дымкою города, въ багровомъ заревѣ заката, отъ котораго пламенѣли окна....

Жакъ направлялся къ группѣ подъ деревьями, когда неожиданно послышалось мычаніе автомобиля. Баронъ Мейерлейнъ пріѣхалъ за своими дамами. Онъ снялъ фуражку моториста и тщательно пригладилъ щеточкой свои рѣдкіе волосы, смазанные фиксатуаромъ, прежде чѣмъ надѣть дорогую панаму, поданную ему шоффёромъ. При этомъ онъ тяжело вздохнулъ.

— Ахъ, еслибы мнѣ было двадцать лѣтъ, какъ вамъ, другъ мой!

— Извините, двадцать-девять.

— А мнѣ цѣлыхъ шестьдесятъ.

Когда они подошли, барышни, буквально, покатывались со смѣху. Г-жа Данжэ обратилась къ Мейерлейну:

— Ахъ, баронъ, вы очень кстати! Заставьте замолчать Марту. Она разсказываетъ такія вещи, что я прихожу въ ужасъ.

— Очень удивляюсь этому, дорогой другъ, — отвѣтилъ банкиръ, почтительно цѣлуя ея сухощавую руку, — но до сихъ поръ мнѣ еще не удалось пріобрѣсти ни малѣйшаго вліянія на Марту...

Въ этомъ словѣ заключался тайный упрекъ. Дѣвочка выросла у него на глазахъ, онъ окружалъ ее чисто отеческими, по его мнѣнію, попеченіями, а она платила ему незаслуженною враждебностью.

— Я говорю, что нельзя давать молодымъ дѣвушкамъ подобное воспитаніе! Это безнравственно, да. Выходя замужъ, онѣ не знаютъ, что ихъ ожидаетъ, какъ это случилось съ моей пріятельницей Луизою Ланьеръ, которая въ слезахъ прибѣжала къ родителямъ на другой день послѣ свадьбы.

Миссъ Анни тоже возмутилась. Она нашла, что мать, которая изъ лицемѣрнаго приличія скрываетъ правду жизни отъ дочери, поступаетъ преступно. Какъ это возможно въ странѣ, называющей себя цивилизованной?

Жакъ, котораго американка раздражала, отвѣтилъ:

— Успокойтесь, миссъ. Теперь это встрѣчается не часто. Спросите m-lle Марту.

— Вотъ какъ! — воскликнула обиженная Марта: — вы сами вызываете насъ на откровенность, а потомъ сами же осуждаете. Но я не понимаю, почему нужно дѣлать тайну изъ такого важнаго жизненнаго акта? Мы должны знать наши права и обязанности. Я васъ шокирую, признайтесь.

Она посмотрѣла ему прямо въ глаза, что напомнило ему Эленъ.

— Что же? Можетъ быть, вы отчасти правы, — пошелъ онъ на уступки.

— Вы очень отстали отъ вѣка, — рѣшила Анни: — у васъ, у французовъ, души собственниковъ.

Жакъ расхохотался. Гости стали прощаться.

— Какъ здѣсь хорошо! Жаль уѣзжать, — вздохнула Марта.

— Останьтесь. Заключимъ контрактъ. Хотите?

Онъ крѣпко пожалъ ея руку, поцѣловалъ руку m-me Ланфрэ и простился съ Анни короткимъ рукопожатіемъ. Она очень хороша, — жаль, что она не можетъ довольствоваться человѣкомъ безъ титула!

Когда автомобиль отъѣхалъ, съ лицъ матери и сына сразу соскользнула улыбка, подобно маскѣ, шнурки которой развязались. Они остались вдвоемъ подъ каштанами, гдѣ уже темнѣло. Марьетта прибирала со стола, думая о томъ, какъ онъ волочился за тою высокою, а также — за маленькой въ платьѣ экрю. Слишкомъ она бойка, — такъ себя хорошія барышни не держатъ. Впрочемъ, онъ — такой милашка! Неудивительно.

Она медленно удалилась, унося на подносѣ остатки посуды.

— Уфъ! — произнесла г-жа Дорли, опускаясь въ кресло, на которомъ только-что сидѣла Марта. — Какой пріемъ, не правда ли?

— Да, недурно, — сказалъ Жакъ, тоже садясь и закуривая папиросу.

Они заговорили на ту же тему. Г-жа Дорли попробовала позондировать сына. Не вздумалъ бы онъ жениться немедленно на Эленъ! Изъ его словъ она поняла, однако, что онъ объ этомъ не думаетъ. Его, очевидно, пугаетъ перспектива бѣдности и усиленной работы.

— А Марта тебѣ понравилась? Самъ не знаешь? Ну, я пойду, сниму свое парадное платье, а то его не надолго хватитъ.

Уходя, она замѣтила на столѣ рядомъ съ самоваромъ двѣ ложечки.

— Ахъ, эта Марьетта! Она меня уморитъ!

Оставшись одинъ, Жакъ тяжело вздохнулъ. Если бы можно было не думать! Онъ протянулъ ноги и закрылъ глаза, наслаждаясь вечернею свѣжестью. Запахъ пригрѣтой солнцемъ земли смѣшивался съ ароматомъ растеній и цвѣтовъ. Безчисленныя золотыя звѣздочки огней прорѣзывали тьму, образуя свѣтлый ореолъ надъ Парижемъ. Съ Эйфелевой башни лились потоки блѣднаго электрическаго свѣта, а небо усѣяно было звѣздами.

Передъ Жакомъ вставали въ мечтахъ образы Эленъ и Марты. „Которая изъ двухъ?"—спрашивалъ онъ себя.

Вдругъ чьи-то свѣжія руки закрыли ему глаза и тихій голосъ прошепталъ:

— Ку-ку!

Онъ обернулся—передъ нимъ стояла Марьетта.

IV.

Г-жа Данжэ, съ бѣлою эгреткой въ волосахъ, сильно декольтированная, стояла по срединѣ маленькой гостиной, выходившей въ большой салонъ. Бѣлыя стѣны, нѣсколько картинъ, электрическія люстры, растенія...

— А знаешь, Марта, эта квартира очень хороша. Немножко далеко отъ центра, но двѣ-тысячи-девятьсотъ-девяносто-пять франковъ, и какая лѣстница! Аристократическая!

Марта согласилась. Комнаты—каморки, но лѣстница—великолѣпная.

Г-жа Данжэ опустилась въ широкую бержерку. Прошло уже три мѣсяца, а со стороны Жака еще не было сказано ничего опредѣленнаго. Любезности, полу-объясненія... Она разсчитывала на сегодняшній вечеръ. Марта волновалась, лицо ея горѣло, грудь поднималась подъ кружевомъ и тонкая ножка въ золотистой туфелькѣ нервно двигалась, шелестя шолкомъ юбки.

— Ты очень интересна сегодня,—сказала мать.

Горничная подала на серебряномъ подносѣ письмо, которое г-жа Данжэ распечатала, и при всемъ ея умѣніи владѣть собою лицо ея омрачилось.

— Въ чемъ дѣло?

— Пустяки... Счетъ отъ ресторатора.

Она обернулась къ горничной, которая ожидала съ тѣмъ неподвижнымъ, какъ маска, лицомъ, подъ холоднымъ выраженіемъ котораго чуется скрытая насмѣшка.

— Скажите, чтобы пришли завтра.

— Какая наглость! Сразу потребовать уплаты за все! Семьсотъ-тридцать-семь-франковъ! И въ подобную минуту! Я ни за что не заплачу.

Горничная вернулась. Рестораторъ заявляетъ, что если по счету не будетъ уплачено, они сейчасъ же все унесутъ обратно.

— Что такое? — г-жа Данжэ обернулась къ Мартѣ. — Ты слышишь? Это шантажъ. Я ничего не буду брать у него.

— Лучше всего заплатить ему,—замѣтила Марта.

— А я еще считала его честнымъ человѣкомъ!

— Что сказать ему, сударыня? — невозмутимо освѣдомилась горничная.

— Ничего. Я иду сама.

— Хорошо, сударыня.

Какъ только дверь закрылась за горничною, г-жа Данжэ воскликнула:

— Мороженое, шампанское, чай, пирожки, посуду—неужели онъ все это унесетъ? Неужели онъ осмѣлится? Гдѣ я возьму ему семьсотъ-тридцать-семь франковъ?

— Это уже не его дѣло,—сказала Марта, небрежно обмахиваясь вѣеромъ.

— Какъ ты меня злишь твоимъ хладнокровіемъ! Вѣдь я хлопочу о томъ, чтобы выдать тебя замужъ.

— Я и выйду.

— Поторопись. Иначе я, право, не знаю, что съ нами будетъ!

Съ глубокимъ сожалѣніемъ въ душѣ она приблизилась къ старинному бюро на колонкахъ и открыла его.

— А какъ дѣла съ Пьеромъ Савинэ?

— Никакъ. И затѣмъ я, разумѣется, предпочла бы Жака.

— Положимъ, состояніе г-жи Дорлй солидное. Земля, рента... Но, кажется, мнѣ придется пожертвовать запасомъ.

Она достала синій банковый билетъ. Марта расхохоталась.

— Ну, мама, если платить—такъ платить съ честью,—она протянула руку и позвонила.—Давай, я распоряжусь.

Явилась горничная, по виду которой можно было замѣтить, что она потѣшается надъ господами.

— Заплатите ему,—крикнула Марта,—и скажите, что мы очень недовольны.

— Слушаю, барышня.

Подъ ея почтительной улыбкой m-lle Данжэ угадала скрытое презрѣніе.

— Откуда онъ у тебя? — начала-было Марта, и сразу осѣклась.

— Откуда же, какъ не отъ...

— Конечно! — оживленіе Марты сразу упало.

— Кстати, я и забыла объ уплатѣ за квартиру. Впрочемъ, онъ долженъ пріѣхать сегодня.

— На новоселье? — Марта горько усмѣхнулась.

— Ты несправедлива, Марта. Мы еще счастливы, что встрѣтили на своемъ пути барона, безкорыстно преданнаго намъ.

— Не вѣрю я въ его безкорыстіе! — проговорила Марта, и упрямая морщинка перерѣзала ея лобъ. Г-жа Данжэ задумалась. Откуда это раздраженіе, которое, какъ она чувствуетъ, все возрастаетъ? Воспоминанія, связывавшія ее съ барономъ, уже настолько отошли въ область прошлаго, что она прямо удивлялась поведенію Марты.

— Такой старый другъ! Подумай только: мы знаемъ его пятнадцать лѣтъ.

— Будь спокойна. Баронъ не упуститъ своего, онъ готовитъ „транспортъ" — такъ это называется на биржевомъ языкѣ...

— Я тебя не понимаю!

Она съ секунду колебалась, но потомъ рѣшила, что лучше открыть матери глаза сейчасъ же, какъ ни болѣзненна эта операція.

— Ты меня поймешь. Наблюдай за нимъ сегодня.

Г-жѣ Данжэ показалось, что все закружилось вокругъ нея — стѣны и огни. Волна горечи залила ея сердце: необходимость краснѣть передъ дочерью, смутная ревность, глухой гнѣвъ противъ обманщика... Слова рвались съ ея губъ, но Марта предупредила ее:

— Гости!

Внутренняя буря мгновенно улеглась, глаза ихъ улыбались, губы складывались въ любезную улыбку...

— Это ты, Жаклина? — воскликнула довольная Марта: — ну-ка, покажись!

Г-жа Ланфрэ въ розовомъ креповомъ, плотно облегавшемъ ее туалетѣ, казалась почти обнаженною. Хозяйка, на ходу пожавъ ей руку, прошла къ себѣ, чтобы освѣжить глаза водою и подрумянить свои помертвѣвшія щеки.

— А ты во всеоружіи? — засмѣялась Жаклина.

Марта присѣла, причемъ линія ея бюста округлилась подъ кружевами.

— Подъ всѣми парусами!

— Идешь на завоеваніе?

— Надо жить, сударыня. Не всѣмъ такъ повезло, какъ тебѣ. Въ двадцать-пять лѣтъ — свобода, деньги, belle-mère, воспитывающая твоего младенца...

— Я не жалуюсь. Но у тебя—все впереди.

— А покуда—ни гроша...

— Развѣ баронъ отказывается? Возьми у меня.

— Благодарю. Ты очень добра. Онъ не отказывается. Наоборотъ. Но теперь не время говорить объ этихъ денежныхъ дрязгахъ.

— Съ пріятельницей можно говорить во всякое время.

— Эта жизнь съ ея постоянными треволненіями и униженіями — наскучила мнѣ. Но гдѣ взять мужа? У порядочныхъ людей нѣтъ денегъ, у непорядочныхъ — сердца. Большинство мужчинъ тоже ищетъ денегъ, и уже не одинъ претендентъ пошелъ на попятный, узнавъ о томъ, что наше достояніе заключается въ одномъ баронѣ...

— Поставь себя на ихъ мѣсто.

— Конечно, мнѣ не слѣдуетъ ихъ судить. Я дѣлаю то же самое, но у меня есть извиненіе: я—не мужчина, у меня нѣтъ мужскихъ рукъ и мужского образованія. Въ этомъ обществѣ у меня нѣтъ другого оружія, кромѣ кокетства, легкомыслія, женской слабости. Я пользуюсь ими, а при случаѣ могу ими и злоупотребить...

— Я думаю, что ты этимъ кончишь.

— Да услышитъ тебя Богъ! Но что̀ всего комичнѣе, а если хочешь—всего печальнѣе, такъ это то, что я въ сущности рождена для добродѣтельной жизни...

— Знаю. Ты гораздо лучше, чѣмъ кажешься...

— И все-таки даже ты обрекаешь меня на... вѣчное проклятіе. Видишь ли, я не часто объ этомъ думаю, но когда думаю, мнѣ становится грустно...

Онѣ поглядѣли другъ на друга, и затѣмъ обнялись, повинуясь внезапному порыву. Но въ откровенности своей онѣ не дошли до конца, хотя имя Жака было на губахъ у обѣихъ. Жаклина порвала съ нимъ мирно, дружелюбно и легко, безъ всякой ревности, убѣдившись въ томъ, что онъ предпочитаетъ ей Марту,—порвала послѣ того, какъ онѣ, уступая его приглашенію, побывали у него вдвоемъ на его холостой квартирѣ. Изъ

этого посѣщенія Жаклина вынесла увѣренность, что она уже не привлекаетъ его въ той мѣрѣ, какъ прежде, а Марта—что онъ не прочь замѣнить ею Жаклину. Это заставило ее быть на сторожѣ. Теперь Жакъ былъ для Жаклины — пріятнымъ воспоминаніемъ, чѣмъ-то въ родѣ засушеннаго цвѣтка; для Марты, наоборотъ, онъ былъ расцвѣтомъ ея надеждъ на лучшую жизнь.

Элекрическій звонокъ разъединилъ пріятельницъ. Вошелъ Мейерлейнъ. Онъ поспѣшилъ къ Мартѣ. Въ рубашкѣ у него были крупныя жемчужины. Усы и прядь его волосъ лоснились, какъ его лакированныя ботинки. Марта видѣла только эту прядь, она съ нетерпѣніемъ отняла у него свои пальцы.

— Добрый вечеръ, баронъ. Мы не видѣли васъ цѣлую вѣчность...

— Вы такъ хороши, что я уже упрекалъ себя за то, что долго не былъ.

— Какъ вы становитесь любезны!

— Становлюсь? Это жестоко. Знаете, еслибы я былъ молодъ...

— Это объясненіе? По счастью, вотъ мама.

Она дерзко повернулась къ нему спиною и подбѣжала къ матери.

— Марта, гдѣ же ты? Тебя ждутъ.

— Я слушала барона.

— Онъ въ голосѣ!—пошутила Жаклина, и обѣ онѣ, смѣясь, исчезли.

— Онѣ съ ума сошли!—воскликнула г-жа Данжэ, указывая барону на кресло, въ которое тотъ послушно опустился.

— Ахъ, безуміе свойственно всѣмъ возрастамъ! Но въ молодости оно такъ очаровательно...

— Берегитесь, баронъ. Вы слишкомъ молодѣете. Это опасно... для несовершеннолѣтнихъ.

Мейерлейнъ грустно улыбнулся.

— Увы, другъ мой! Волосы мои слишкомъ... черны! Притомъ Марта совершеннолѣтняя. Ей двадцать-три года.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я всегда путаю числа и цифры.

— Позвольте мнѣ вести ваши счеты, и кстати поблагодарить васъ за ваше сегодняшнее довѣріе. Вы были правы, разсчитывая на участіе стараго, преданнаго друга.

— Баронъ!—смущенно прошептала г-жа Данжэ, смягченная. Она начинала думать, что Марта понапрасну встревожилась. Онъ до сихъ поръ питалъ слишкомъ большую симпатію къ ней самой для того, чтобы...

— Послѣ вашего отъѣзда у меня явилось угрызеніе совѣсти,—

продолжалъ Мейерлейнъ:—мнѣ показалось, что я не съумѣлъ достаточно васъ поблагодарить за ваше довѣріе и даже упрекнуть васъ въ томъ, что вы не довольно часто оказываете мнѣ его. Надѣюсь, что при случаѣ вы объ этомъ вспомните...

Онъ понизилъ голосъ и заключилъ съ оттѣнкомъ почтительной нѣжности:

— Какъ въ былое время...

Г-жа Данжэ, хотя нѣсколько успокоенная, рѣшила, однако, довести испытаніе до конца.

— А я надѣюсь, наоборотъ, дорогой другъ, что мнѣ болѣе не придется прибѣгать къ этому...

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ онъ недовѣрчиво.

— Мы, кажется, у пристани. Взгляните на Марту.

Она внимательно слѣдила за нимъ и уловила хорошо знакомое ей нервное подергиваніе верхней губы. Это было единственнымъ признакомъ волненія на его каменномъ лицѣ.

Они поднялись. Мейерлейнъ могъ видѣть Марту, окруженную молодыми людьми. Онъ проговорилъ съ наружнымъ спокойствіемъ:

— Вижу. Она очень похорошѣла.

— Не правда ли? Это — настоящій расцвѣтъ красоты. И когда она выйдетъ замужъ...

— Почему вы такъ торопитесь?

— Развѣ вы не хотите, чтобы она выходила замужъ?

Наступило молчаніе, и эти секунды образовали между ними пропасть. Мысли ихъ скрещивались, не получая отвѣта. „Для чего мнѣ скрывать правду?—говорилъ взглядъ барона.—Что же изъ того, что я перенесъ на Марту частицу той нѣжности и обожанія, которыя я питалъ къ вамъ? Ваша дочь не является ли частью васъ самой? Это—не конецъ, это — продолженіе любви. И притомъ чѣмъ же я виноватъ? Кто устоитъ противъ судьбы?“

Глаза г-жи Данжэ говорила: „Неблагодарный! Неужели вы такъ скоро забыли? Мы по взаимному уговору рѣшили ликвидировать наше прошлое, но я думала, что оно болѣе живуче, что память о немъ долѣе сохранится въ васъ“.

Но она не высказала громко своихъ мыслей. Баронъ произнесъ измѣнившимся тономъ:

— У васъ есть кто-нибудь на примѣтѣ?

Еслибы у нихъ достало мужества поговорить откровенно, недоразумѣніе разсѣялось бы, но между ними тѣснилось слишкомъ многое, и это озлобляло ихъ другъ противъ друга.

— Кто-нибудь на примѣтѣ? — раздраженно воскликнула г-жа Данжэ:—да посмотрите же!

Баронъ досадливо вставилъ въ глазъ свой монокль.

— Кто это такіе?

— Во-первыхъ, вотъ этотъ старикъ, только что вошедшій,— она указала на полнаго господина, казавшагося моложе Мейерлейна лѣтъ на пятнадцать („вотъ тебѣ!“)—будущій дипломатъ, человѣкъ со средствами... Фамилія его кончается на *уа*... Д'Ормуа.

— Еще кто?

— Графъ Кёрэ... Жанъ Лафайль, сынъ нотаріуса.

— А затѣмъ?

— Князь Орлонскій. Аристократическій домъ...

— Продается за долги?

— Докторъ Савенэ...

— Этого я знаю.

Баронъ прикусилъ себѣ губу. Это становится серьезнымъ. Неужели Марта ускользнетъ отъ него въ то время, когда онъ думалъ, что кругъ съуживается? Появилась г-жа Дорли, и онъ почувствовалъ, что сердце у него сжалось. Лицо Марты вдругъ просіяло... Она бросила своихъ предполагаемыхъ поклонниковъ и пошла на встрѣчу тому, кто былъ еще за дверью. Мейерлейнъ назвалъ его:

— Жакъ, не правда ли?

— Позвольте, баронъ! Я должна поздороваться съ моей пріятельницей.

Позади г-жи Дорли шелъ Жакъ—очень красивый. Разстроенный Мейерлейнъ остался одинъ. Демонстративное поведеніе г-жи Данжэ, порывъ Марты — показали бы ему, гдѣ кроется опасность, еслибы онъ самъ не угадалъ ее по той тоскѣ, которая наполнила его душу.

V.

Поздоровавшись съ Мартою, Жакъ инстинктивно осмотрѣлся.

— Вы ищете m-lle Нэйрталь?—насмѣшливо сказала Марта:— будьте спокойны, она здѣсь. Въ глубинѣ галереи—дверь направо...

Жакъ уловилъ въ ея голосѣ глухое раздраженіе. Отлично!

— Проводить васъ?

— Благодарю васъ. Это было бы трогательно. Группа для часовъ въ стилѣ Empire. Взрослый болванъ, которому служитъ проводникомъ дитя-Амуръ съ повязкою на глазахъ.

— Полноте! — Марта пожала плечами: — вы не болванъ, вы—фатъ. Я—Амуръ? Во-первыхъ: я никого не люблю...

— Потому что всѣ васъ любятъ!—Онъ подчеркнулъ эту фразу нѣжнымъ взглядомъ. Кого онъ обманываетъ? Конечно, не ее! Но графъ Кёрэ и Лафайль уже спѣшили къ ней. Графъ пропищалъ своимъ голосомъ Пьерô:

— На одного пропавшаго—двое найденныхъ!

Она улыбнулась имъ, а мысленно обозвала ихъ глупцами и уродами.

Жакъ пробирался среди свѣтлыхъ платьевъ и черныхъ фраковъ съ изящною увѣренностью. Онъ былъ болѣе взволнованъ, чѣмъ казался. Все исчезло для него. Даже Марта стала туманнымъ видѣніемъ. Образъ Эленъ засіялъ передъ нимъ, какъ яркое пламя. Она одна—и свѣтитъ, и грѣетъ.

Онъ замѣтилъ ее—сидѣвшею подъ ниспадавшими листами большой пальмы. Она опиралась рукою на монументальный шкафъ Renaissance, и ея гордая красота гармонировала съ тонкими линіями каріатидъ. Съ нею были Женевьева и миссъ Анни, но онъ видѣлъ ее одну.

И въ то же время при видѣ ея онъ почувствовалъ, что объясненіе будетъ ему безконечно тяжело. Отказаться отъ нея—самое разумное, но легко ли отказываться отъ подобнаго счастья?

За послѣднее время онъ рѣдко видѣлъ Эленъ; въ концѣ ноября Савенэ переѣхали въ Парижъ, гдѣ дружескія сношенія между двумя семьями были значительно рѣже. Жакъ видѣлъ ее случайно на выставкахъ, въ театрѣ, у знакомыхъ, и заранѣе радовался вечеру у Данжэ, который дастъ ему возможность поговорить съ нею, объясниться. Необходимъ рѣшительный разговоръ. Несмотря на свое легкомысліе, Жакъ не могъ не видѣть, насколько чувство Эленъ было серьезно. И самъ онъ, какъ ни сильно былъ ею увлеченъ, до сихъ поръ не могъ принять того или другого рѣшенія.

Чѣмъ болѣе онъ допрашивалъ себя, тѣмъ очевиднѣе становилось ему, что къ Мартѣ, какъ и къ Жаклинѣ, его влекло простое желаніе. Остынетъ страсть—и всему конецъ. Эленъ, наоборотъ, не будетъ женою на часъ, съ нею его любовь будетъ постоянно возобновляться. Онъ, можетъ быть, сталъ бы ее обманывать, но никогда не пострадалъ бы изъ-за нея. У какой женщины найдетъ онъ столько истинныхъ радостей въ любви?

Жакъ постоянно вспоминалъ свое случайное свиданіе съ Эленъ въ тотъ вечеръ, когда проводилъ бывшихъ у нихъ въ гостяхъ Марту и Жаклину: онъ, смутно разочарованный и не-

удовлетворенный, вышелъ освѣжиться и, встрѣтивъ на улицѣ Эленъ, проводилъ ее домой. Они были вдвоемъ въ вагонѣ. Подъ грохотъ поѣзда мимо окна проносились окутанные туманомъ лѣса, огоньки виллъ, платформы станцій. Никого не было во всемъ мірѣ, кромѣ него и нея! Слабый свѣтъ фонаря золотилъ ея матовый лобъ, ея прямой носикъ. Милые, каштановаго оттѣнка глаза свѣтились какъ звѣзды, губы таинственно улыбались въ полутьмѣ. Онъ снова слышалъ ихъ рѣчи, онѣ вспыхивали, онѣ звучали нѣжнымъ напѣвомъ...

— Ваше присутствіе изглаживаетъ всѣ воспоминанія. Вы убиваете всѣхъ, кого я ранѣе любилъ или думалъ, что люблю! Онѣ были ночами безъ зари. Вы—ясный день.

— А другія? Тѣ, которыхъ вы полюбите?

— Я могу любить васъ одну. Вы показали мнѣ жизнь въ новомъ свѣтѣ. Я смотрю на нее вашими глазами.

— Жизнь длинна, жизнь вдвоемъ можетъ показаться тяжелой.

— Съ вами я сочту себя способнымъ на все. Самый тяжелый трудъ покажется мнѣ легкимъ. Испытайте меня. Вы увидите.

Когда онъ простился съ нею у воротъ виллы Савенэ—какъ памятна ему эта прогулка вдвоемъ во мракѣ, ощущеніе ея руки, довѣрчиво опирающейся на его руку!—рѣшеніе его было принято и казалось неизмѣннымъ. Съ завтрашняго же дня онъ засядетъ за свои книжки, онъ будетъ держать экзаменъ на степень доктора правъ, а въ ожиданіи этого онъ съ завтрашняго же дня станетъ пріискивать себѣ мѣсто: не очень скучное и съ достаточнымъ вознагражденіемъ. Въ концѣ недѣли г-жа Дорлй сдѣлаетъ отъ его имени предложеніе, а черезъ мѣсяцъ или два, какъ только онъ получитъ дипломъ, состоится и свадьба...

Но что за лицо было у его матери, когда онъ вошелъ къ ней и покаялся ей во всемъ! Онъ уже успѣлъ нѣсколько остыть, но тѣмъ не менѣе храбро отстаивалъ позицію. Таково его желаніе, его воля. И все же права была его мать, или по крайней мѣрѣ она не совсѣмъ была неправа. Онъ понялъ это, какъ только ему пришлось засѣсть за книги и отправиться обивать пороги...

Съ первыхъ же дней онъ долженъ былъ сознаться себѣ, что вся его работа—ни къ чему. Никогда не обновить ему познаній, наскоро и кое-какъ вбитыхъ ему въ голову во время прохожденія курса. Учиться съизнова — было свыше его силъ. Оставалась надежда на выгодное мѣсто, на которомъ онъ

съумѣетъ не хуже другихъ проявить свои способности. При помощи друга его друзей, дружнаго въ свою очередь съ молодымъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ, ему предложили наконецъ подъ-префектуру въ такой глуши, что при одной мысли схоронить въ этой глуши свое счастье, онъ чувствовалъ, что счастью этому—конецъ. Въ такомъ случаѣ, быть можетъ, лучше всего подождать, повременить?

— Подождемъ,—согласилась Эленъ.

Но съ тѣхъ поръ, при каждой встрѣчѣ съ нею, къ его затаенному сожалѣнію примѣшивалось чувство униженія. Онъ старался оправдаться передъ собою. „Обстоятельства сильнѣе меня“. Онъ скрывалъ отъ самого себя сознаніе своего безсилія. Но каждый разъ онъ страдалъ отъ смутнаго стыда, вспоминая сказанныя имъ слова, свою увѣренность въ свѣтломъ будущемъ. И на ряду съ этимъ его страсть къ Эленъ все возростала. Такъ мало-по-малу, переходя отъ угрызенія къ сожалѣнію, онъ сталъ мечтать о другихъ возможностяхъ. Еслибы Эленъ согласилась! Сколько разъ она говорила съ презрѣніемъ о свѣтскихъ предразсудкахъ, клеймила общественное лицемѣріе и высоко ставила порывъ свободной любви. Вѣдь если бракъ, вслѣдствіе недостатка средствъ, невозможенъ, по крайней мѣрѣ—въ ближайшемъ будущемъ, если она слишкомъ горда для роли любовницы—почему бы имъ не заключить передъ лицомъ свѣта, смѣло и открыто, свободный союзъ? Еще недавно за обѣдомъ у Савенэ она сказала, что не боится скандала. Что до него—онъ готовъ пойти на всякій рискъ. Да и есть ли тутъ какой-нибудь рискъ—даже для нея? Современемъ деньги найдутся, все устроится.

„Надо предложить ей свободный союзъ,—подумалъ онъ,—я сейчасъ же это сдѣлаю“.

Онъ подошелъ къ группѣ подъ пальмою. Анни и Женевьева взяли Эленъ за обѣ руки и заставили ее подняться для того, чтобы идти слушать музыку.

— А, мосьё Дорли!—воскликнула Анни.

И такъ какъ она одна владѣла собою, то замѣтила, что обѣ ея пріятельницы взволновались, хотя каждая — различнымъ образомъ. Легкая краска проступила на анемичномъ лицѣ Женевьевы и залила даже ея худенькія плечи. Эленъ поблѣднѣла.

Взволнованный Жакъ видѣлъ только чудныя линіи лица и стана Эленъ, напоминавшія прекрасныхъ флорентинокъ. Мысленно посылая миссъ Фергусъ и m-lle Савенэ ко всѣмъ чертямъ, онъ засвидѣтельствовалъ имъ свое почтеніе. Къ счастію, начался вальсъ.

— Кто это?—спросила Анни, указывая на поляка, усы котораго казались двумя стрѣлами, угрожавшими небу.

Жакъ лукаво подчеркнулъ:

— *Князь* Орлонскій.

Анни небрежно навела на него свой лорнетъ, висѣвшій на жемчужной цѣпочкѣ.

— Князь? Онъ недуренъ.

— Онъ—живописецъ и, кажется,—пріятель Пьера. Хочешь, я тебѣ представлю его?—спросила Женевьева.

— Хочу.

— Постойте, миссъ Фергусъ,—насмѣшливо прервалъ Жакъ:—почему вамъ непремѣнно нуженъ князь?

— Вы смѣетесь? У молодой Америки есть свои недостатки и достоинства: дѣятельность, практическій умъ, дѣловой геній. У васъ, людей Стараго Свѣта,—свои особенности. Для васъ поработало время, создавшее древнюю аристократію. Законъ жизни—обмѣнъ.

— Законъ торговли, миссъ Діогенъ!

— Вотъ именно. Я покупаю здѣсь то̀, чего нельзя купить тамъ.

— Не обманитесь въ разсчетѣ. Интересы вашей республики могутъ пострадать.

— Нѣтъ. Все относительно. Въ республикѣ князь сто̀итъ дорого. Представь мнѣ его, Гэби.

Онѣ, смѣясь, упорхнули. Раздался нѣжно убаюкивающій мотивъ „Вальса розъ". Эленъ и Жакъ молча глядѣли другъ на друга.

— Вы свободны?—спросилъ онъ, наконецъ, нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.

Она оживленно отвѣтила:

— Я свободна.

Онъ обвилъ рукою ея стройную, гибкую талію, грудь ея мѣрно поднималась, онъ чувствовалъ прикосновеніе ея волосъ, видѣлъ близко отъ своего лица ея матово-бѣлую кожу. Они кружились молча, она—спокойная, онъ—охваченный безуміемъ страсти. Когда они остановились, Жакъ провелъ ее въ маленькій салонъ, гдѣ никого не было, и усадилъ въ низенькое кресло.

— Хорошенькій уголокъ, у Марты много вкуса.

— Оставимъ это. Дорогая Эленъ, намъ не скоро удастся найти подобную минуту для разговора по душѣ. Я такъ ждалъ, такъ пламенно желалъ ея! Подумать только, что вы здѣсь—рядомъ со мною, что мы—наединѣ, и что вы такъ же спокойны,

какъ были сейчасъ во время танца, когда моя рука обвивала вашъ станъ. Вы—олицетворенная Мудрость...

— Вы ставите мнѣ это въ вину?

— Могу ли я радоваться этому?

— Почему же нѣтъ, если вы меня любите?

— Послушайте, Эленъ, вы правы, какъ всегда, но намъ слѣдуетъ объясниться.

— Объяснимся.

Онъ понялъ, что избралъ не тотъ путь, и въ то же время раздражался, видя ее такою холодною, такою далекою, почти недоступною.

— Конечно, я не правъ, что надѣялся растопить ваше равнодушіе, вызвать въ васъ другое, болѣе сильное чувство, а не простое любопытство... платоническаго характера. Вы—натура высшая, вамъ безразлично, что люди увлекаются вами искренно, глубоко. При звукахъ моего голоса ничто не трепещетъ въ васъ; ваша рука, держащая вѣеръ, такъ же спокойна, какъ и ваша грудь, дыханіе которой такъ безтревожно, что я спрашиваю себя: бьется ли въ ней сердце?

Эленъ слушала его болѣе огорченная, чѣмъ удивленная. Во время ихъ поѣздки она также повѣрила, что эта счастливая минута явится началомъ общей ихъ жизни. Увѣренность, что ее любятъ ради нея самой — наполняла ее нѣжной радостью. Страсть Жака опьянила ее, какъ вино. Она предчувствовала, что вслѣдъ за опьяненіемъ настанетъ тяжелая минута пробужденія, но принимала ее, какъ расплату за счастье. Она мужественна, у нея хватитъ бодрости и веселости на двоихъ...

Затѣмъ потянулись дни, и она поняла, что Жакъ не женится на ней. Онъ обладаетъ умомъ, привлекательностью, обаяніемъ, всѣми качествами, исключая твердой мужской воли. Съ той поры она перестала страдать, потому что поняла. Таковъ Жакъ, неспособный ни на какое усиліе. У него слабая душа, и ее окончательно ослабили воспитаніемъ. Каково дерево, таковы и плоды.

— Знаете, мнѣ кажется, что вы ищете ссоры?—проговорила она сдержанно.

— Напротивъ, я желаю, чтобы мы поняли другъ друга.

Эленъ обрадовалась; она сама желала объясненія. Она заговорила ласково и серьезно:

— Согласитесь, что между нами есть что-то недоговоренное? Кто этому виною? Нѣтъ, дайте мнѣ высказаться. Нынче лѣтомъ, когда вы замѣтили мое существованіе, вы дали мнѣ понять, какое впечатлѣніе произвели на васъ мой образъ мыслей, мои воз-

зрѣнія. Вы нашли меня непохожей на другихъ. Почему же мнѣ не сознаться, что я повѣрила въ вашу искренность и была польщена?

— Эленъ!

— Порою, послѣ нашихъ разговоровъ, я мечтала о томъ отдаленномъ будущемъ, когда мы соединимся навѣкъ, о жизни трудовой, полезной, согрѣтой благороднымъ честолюбіемъ, о тѣсной внутренней связи между супругами...

— Почему же относить эту мечту въ область прошедшаго, когда она еще можетъ осуществиться?

— Какимъ образомъ? Одушевлявшая васъ вѣра мало-по-малу исчезла.

— Вы ошибаетесь... Я хочу...

— Другія вліянія, съ которыми я не желаю бороться, разъединили насъ,—продолжала она, становясь все спокойнѣе, между тѣмъ какъ онъ все больше волновался.

— Клянусь вамъ...

— Почему вы протестуете? Я ни въ чемъ не упрекаю васъ, я никого не виню. Наши идеалы были слишкомъ различны— вотъ и все. Старая исторія! Жизнь и мечта. Но я благодарна вамъ за тѣ часы иллюзіи, которыми я обязана вамъ.

Она поднялась. Жакъ взялъ ее за руки и заставилъ сѣсть.

— Эленъ, вы не знаете меня. Досада, неудачи, страданія— меня озлобили. Мечта была такъ отрадна, жизнь такъ тяжела! Вы знаете, какъ я перебиваюсь, какова сущность моей жизни подъ этою мишурною оболочкой. Ничто не удается мнѣ. Я не могъ предложить вамъ жалкаго существованія, недостойнаго васъ...

Она смотрѣла на него безъ удивленія и огорченія. Онъ такъ наивно оправдывался въ своемъ малодушіи, что нельзя было на него сердиться. Видя ее такою прекрасною, почти растроганною, онъ расхрабрился и продолжалъ вкрадчиво:

— Но если бракъ невозможенъ для насъ, милая, дорогая Эленъ, невозможенъ — покуда, а затѣмъ условія могутъ измѣниться... И въ ожиданіи... еслибы вы согласились...

Она молча поднялась съ мѣста. Онъ забормоталъ:

— Вы не понимаете меня... Вспомните, сколько разъ вы говорили при мнѣ о красотѣ и святости свободнаго союза. Вы говорили, что онъ такъ же нерасторжимъ, какъ и церковный... Я презираю, какъ и вы, условную мораль. Сойдемся честно, открыто, гордые сознаніемъ своей правоты. Мы не будемъ страдать отъ нашей бѣдности, такъ какъ станемъ жить не

вмѣстѣ. Нашимъ богатствомъ должны быть неистощимыя сокровища сердца...

Онъ говорилъ поспѣшно, лихорадочно, безсознательно. Эленъ съ грустью читала въ его душѣ. А она еще думала, что знаетъ его! Наконецъ, она серьезно сказала:

— Мы никогда не поймемъ другъ друга.

Жакъ увидѣлъ, что партія проиграна,—онъ измѣрилъ глубину своего униженія и гнѣвно воскликнулъ:

— Я зналъ это! Вы слишкомъ сильны. Вы не любите меня, это уже моя вина. Я одинъ во всемъ виноватъ.

Эленъ возмутилась.

— Если вы такъ легко говорите о винѣ, значитъ—она не кажется вамъ тяжелою. Въ свою очередь, я покаюсь въ своемъ грѣхѣ. Я думала, что вы почтили меня не простою любезностью или тѣмъ оскорбительнымъ ухаживаніемъ, которымъ дарятъ первыхъ встрѣчныхъ. Я была неправа. Я полагала, что вы можете возвыситься до болѣе благороднаго пониманія жизни, ея обязанностей, труда и отвѣтственности. Еще полчаса тому назадъ я думала, что вы желаете сдѣлать изъ меня подругу, дѣлящую съ вами горе и радость, отдающую вамъ всю душу. Теперь я вижу, что вамъ нужна была только... оболочка. Простите.

— Какъ вы клевещете на меня!

— Будьте откровенны. Вы сказали себѣ: „бракъ меня пугаетъ, попробуемъ свободнаго союза. Всѣ выгоды—и никакихъ неудобствъ! Изъ этой Эленъ, на которой я боюсь жениться, выйдетъ хорошенькая любовница“. Вотъ что̀ таилось въ вашемъ предложеніи. Благодарю васъ. Свободный союзъ? Еслибы вы были способны меня понять, онъ не испугалъ бы меня. У него есть своя святость и своя красота, величіе нерасторжимыхъ узъ. Онъ, быть можетъ, благороднѣе всякаго другого, такъ какъ законъ не ограждаетъ ни матери, ни ребенка, и, соглашаясь на него, женщина все отдаетъ. Скажу вамъ болѣе: еслибы не было другой возможности дать счастье любимому человѣку, я съ радостью пошла бы на все. Я сказала бы вамъ... Но къ чему это? Слова имѣютъ для насъ съ вами различный смыслъ...

— Я это вижу.

— Итакъ, я прощаюсь съ тѣмъ Жакомъ, который, какъ мнѣ показалось, дремлетъ въ васъ и который существовалъ въ моемъ воображеніи... А теперь—не дотанцовать ли намъ нашъ вальсъ?

Жакъ вздохнулъ. Она невольно разсмѣялась.

— Вы страдаете? Конечно. Рушился такой прекрасный воз-

душный зàмокъ! Давайте мнѣ руку и вернемся въ населенныя мѣста. И не дѣлайте такого лица. Мы оба ошиблись—вотъ и все. Я не сержусь... И знаете, чтò я скажу вамъ еще? Завтра вы обо всемъ этомъ забудете. Тò, чтò васъ тревожитъ сегодня, это...

— Любовь!—докончилъ онъ искренно.

— Вношу поправку: самолюбіе. Вотъ чтò заставляетъ васъ страдать. Но не безпокойтесь. Ранка зарубцуется.

Съ франц. О. Ч.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НАЦІОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

И

ЕЯ НОВѢЙШІЯ ИЗВРАЩЕНІЯ

I.

Національное чувство всегда играло огромную роль въ жизни народовъ; оно вдохновляло поэтовъ, героевъ и государственныхъ людей, увлекало массы на путь разнообразныхъ активныхъ выступленій и служило одинаково источникомъ величайшихъ подвиговъ самоотверженія, какъ и величайшихъ насилій и несправедливостей.

Область національнаго чувства доступна и понятна самымъ первобытнымъ и некультурнымъ умамъ; но въ чемъ должно выражаться это чувство, къ чему оно обязываетъ, какую руководящую идею оно даетъ общественнымъ и политическимъ дѣятелямъ, какую практическую программу оно предписываетъ или оправдываетъ,—остается спорнымъ и неяснымъ даже для самыхъ просвѣщенныхъ умовъ.

Непримиримыя противорѣчія и разногласія проявляются на каждомъ шагу, когда въ печати и обществѣ обсуждаются сложные и жгучіе національные вопросы. Съ одной стороны, національное чувство предполагаетъ любовь къ своему народу и солидарность съ его общими интересами и стремленіями, а съ другой—опредѣленное, враждебное, пренебрежительное или сочувственное отношеніе къ чужимъ народамъ и племенамъ; но для любви, какъ и для вражды, нѣтъ разумныхъ логическихъ правилъ. Каждый любитъ и

ненавидитъ по своему; каждый понимаетъ интересы своего народа соотвѣтственно своему собственному кругозору, своимъ привычнымъ понятіямъ, инстинктамъ и стремленіямъ. Все можетъ оказаться подходящимъ матеріаломъ для національнаго самосознанія и народной гордости: одни, какъ гоголевскій сапожникъ Шиллеръ, гордятся тѣмъ, что у нихъ есть свой собственный король въ Саксоніи; другіе превозносятъ исконную покорность, смиреніе и безправіе своего народа; третьи особенно дорожатъ безконечнымъ просторомъ и унылою запущенностью родной страны; четвертые восторгаются полнотою власти начальствующихъ лицъ, сдерживающихъ народныя силы и народную самодѣятельность при помощи милліона штыковъ; впрочемъ есть и такіе, которые выдвигаютъ на первый планъ нравственныя качества и умственныя дарованія, выражающіяся въ народномъ творчествѣ, въ литературѣ и искусствѣ.

Для угнетенныхъ и подвластныхъ народностей, вынужденныхъ бороться за свое существованіе, національная идея имѣетъ значеніе освободительнаго, возбуждающаго и творческаго начала; для народностей господствующихъ она становится большею частью элементомъ консервативнымъ, реакціоннымъ, насколько она касается внутренней жизни государства. Страстная забота о сохраненіи извѣстныхъ историческихъ традицій и объ огражденіи націи отъ иноплеменныхъ вліяній приводитъ къ борьбѣ противъ требованій прогресса и культуры, къ попыткамъ искусственнаго возврата къ прошлому, къ воинственнымъ порывамъ и мечтаніямъ, къ травлѣ инородцевъ и иновѣрцевъ, къ проповѣди злобы и насилія. Національная идея вырождается въ болѣзненную манію, въ безплодную погоню за чистотою расы, въ мечту объ исключительной самобытности и въ то же время объ исключительномъ историческомъ призваніи даннаго народа или племени. Французскіе націоналисты желаютъ возстановить старую Францію, съ несравненнымъ блескомъ ея аристократіи и съ ея громкою военною славою; они оплакиваютъ современное торжество мѣщанства и приписываютъ упадокъ прежнихъ французскихъ доблестей иностраннымъ пришельцамъ, преимущественно евреямъ. Нѣмецкіе патріоты вѣрятъ въ существованіе чисто-германскаго духа, коренящагося въ природныхъ свойствахъ германской расы, и настойчиво, хотя и тщетно, оберегаютъ его отъ постороннихъ примѣсей, вносимыхъ иноземцами и опять-таки главнымъ образомъ евреями. Антисемитизмъ, наглядно указывающій публикѣ на опредѣленное, непопулярное по разнымъ причинамъ племя, какъ на источникъ всѣхъ бѣдъ, является объединяющимъ нача-

ломъ и неизбѣжною принадлежностью новѣйшихъ извращеній національной идеи.

Вопросъ о разлагающемъ вліяніи чужихъ расъ сдѣлался центральнымъ пунктомъ тревожныхъ исканій и разсужденій націоналистовъ разныхъ странъ. Въ Германіи образовалась цѣлая школа ученыхъ писателей, признавшихъ для себя авторитетомъ французскаго дипломата, графа Гобино, автора четырехтомнаго трактата о неравенствѣ человѣческихъ расъ, изданнаго въ пятидесятыхъ годахъ,—трактата, отличающагося несомнѣнною эрудиціею, но принимающаго за безспорную аксіому происхожденіе всего человѣчества отъ Сима, Хама и Яфета, какъ основателей рѣзко разграниченныхъ и обособленныхъ человѣческихъ типовъ.

Мысль о высшей, благородной арійской расѣ, страдающей отъ вреднаго смѣшенія съ другими расами, усердно разрабатывается въ патріотической нѣмецкой литературѣ,—причемъ, вмѣсто индо-европейской или индо-германской, говорится просто о германской расѣ. Двухтомное сочиненіе нѣмецкаго автора съ англійской фамиліей, Чамберлэна, „объ основахъ девятнадцатаго вѣка", представляетъ любопытный образчикъ тѣхъ явныхъ логическихъ несообразностей, при помощи которыхъ проводится и поддерживается идея о превосходствѣ германцевъ надъ всѣми народами міра. „Пока еще существуютъ на свѣтѣ истинные германцы,—говоритъ Чамберлэнъ въ предисловіи къ своей книгѣ,—до тѣхъ поръ мы можемъ и хотимъ надѣяться и вѣрить". Самъ основатель христіанства, по мнѣнію автора, былъ арійцемъ и, слѣдовательно, германцемъ, ибо онъ былъ родомъ изъ Галилеи, гдѣ населеніе было смѣшанное, и потому онъ не былъ и никакъ не могъ быть іудеемъ; если же Ренанъ и другіе ученые спеціалисты держатся противоположнаго взгляда, то, конечно, только вслѣдствіе своихъ связей съ „Alliance israélite". Вся современная цивилизація и культура создана германцами: это положеніе ничѣмъ не можетъ быть опровергнуто, такъ какъ оно вытекаетъ изъ твердаго и яснаго личнаго чувства автора и подобныхъ ему живыхъ представителей германской расы. Отрекаясь отъ книжной учености, которая будто бы сбиваетъ съ толку непредубѣжденные умы, Чамберлэнъ пользуется, однако, своею обширною и разностороннею начитанностью для смѣлой самобытной оцѣнки историческихъ событій и для побѣдоносной полемики съ такими дѣятелями науки, какъ „бѣдный Вирховъ". Между прочимъ, говоря о пуническихъ войнахъ, авторъ безусловно одобряетъ разрушеніе Карѳагена и истребленіе финикійцевъ римлянами: „еслибы финикійскій народъ не былъ уничтоженъ и еслибы остатки его не

лишились своего послѣдняго опорнаго пункта, то человѣчество никогда не дожило бы до культурнаго уровня девятнадцатаго вѣка", ибо финикійцы, въ качествѣ семитовъ, непремѣнно помѣшали бы позднѣйшему торжеству германцевъ надъ Римской имперіей. Такъ же превосходно и дальновидно поступили римляне, разрушивъ Іерусалимъ: этимъ подготовлена была почва для превращенія христіанской секты въ всемірную и въ то же время германскую религію. Германцы сохранили чистоту своей расы и стали единственными творцами всемірной исторіи; славяне, происходившіе первоначально изъ того же индо-европейскаго корня, большею частью смѣшались съ другими человѣческими расами и, по словамъ Чамберлэна, утратили творческія силы и нравственныя качества, свойственныя ихъ отдаленнымъ предкамъ. И несмотря на это — снисходительно продолжаетъ авторъ, — „эти народы имѣютъ въ себѣ еще столько германской крови, что образуютъ одинъ изъ великихъ цивилизаторскихъ факторовъ владычества Европы надъ міромъ. Безъ сомнѣнія, при Эйдкуненѣ мы проѣзжаемъ печально-замѣтную границу, и слѣды нѣмецкой культурной работы вдоль Остзейскаго моря, какъ и тысячи мѣстъ внутри Россіи, гдѣ та же продуктивная сила чистой расы (германской) внезапно выступаетъ предъ изумленнымъ путешественникомъ, дѣлаетъ контрастъ еще болѣе осязательнымъ; тѣмъ не менѣе, здѣсь скрывается еще извѣстная специфически-германская способность, или только тѣнь ея, однако родственная, и потому она что-нибудь производитъ и осуществляетъ, вопреки всему противодѣйствію наслѣдственной азіатской культуры" [1]). Что славянскія племена смѣшались главнымъ образомъ съ германскими и что нѣмцы и особенно пруссаки имѣютъ въ своихъ жилахъ не менѣе, если не болѣе, славянской крови, чѣмъ русскіе—германской или татарской,—объ этомъ умалчиваетъ въ данномъ случаѣ Чамберлэнъ: это не входитъ въ планъ его аргументаціи.

---

[1]) Houston Stewart Chamberlain, Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts, т. I—II, Мюнхенъ, 1906 (первое изданіе вышло въ 1899 г.). Изъ этого обширнаго, крайне односторонняго диѳирамба германизму наша русская фирма А. С. Суворина извлекла одну главу (пятую) и напечатала въ русскомъ переводѣ, какъ особую книгу, безъ указанія ея нѣмецкаго источника („Евреи" и пр., Спб., 907); эта мнимая книга показалась научнымъ откровеніемъ такому умному критику, какъ В. В. Розановъ, и имѣла у насъ повидимому нѣкоторый успѣхъ, въ качествѣ общедоступнаго руководства для нашихъ отечественныхъ антисемитовъ, не подозрѣвавшихъ, конечно, объ истинномъ характерѣ подлиннаго сочиненія Чамберлэна. См. мою замѣтку въ февральской книгѣ „Вѣстника Европы" за 1907 г.

Съ болѣе солиднымъ научнымъ аппаратомъ, но столь же неосновательно развивается теорія исключительнаго благородства германской расы въ изслѣдованіи Вольтмана о „политической антропологіи". Скрещиваніе этой „наиболѣе одаренной" человѣческой расы съ средиземнымъ смуглымъ типомъ — говоритъ авторъ — „должно быть на протяженіи большого періода разсматриваемо какъ гибельное, несмотря на то, что многіе ублюдки (!), какъ Лютеръ, Гёте, Бетховенъ, Микель-Анджело, Рафаэль, обнаружили высокую или даже высочайшую даровитость. Германская раса теряетъ въ этихъ скрещиваніяхъ свой выдающійся ростъ и длинноголовость, что̀ въ послѣднемъ отношеніи означаетъ физическое и духовное ухудшеніе. Имѣется достаточный опытъ,—разсуждаетъ далѣе Вольтманъ,—позволяющій признать физіологическое смѣшеніе человѣческихъ расъ вреднымъ и гибельнымъ процессомъ и подтверждающій наблюденія, сдѣланныя при искусственномъ разведеніи животныхъ и растеній (!). Что касается германской расы, то она путемъ смѣшенія съ средиземнымъ и альпійскимъ типами рѣшительно ухудшается въ физическомъ отношеніи. Что путемъ такихъ смѣшеній ей сообщаются второстепенныя духовныя свойства, поощряющія проявленіе художественнаго генія—это возможно, но не доказано; также мало имѣется доказательствъ, что спеціальная склонность къ пластическому искусству происходитъ отъ этихъ смѣшеній, ибо два величайшихъ скульптора Ренессанса и новой Италіи, Леонардо да-Винчи и Канова, принадлежали къ чисто-германскому типу. Въ общемъ германцы не нуждаются въ улучшеніи и облагороженіи другими расами". Графъ Гобино правъ—говорится въ другомъ мѣстѣ,—„когда онъ вырожденіе народовъ приписываетъ скрещиванію съ болѣе низкими расами, ибо каждый духовно-одаренный народъ терпитъ при скрещиваніи съ малоцѣнными элементами невознаградимыя потери". Въ Австріи „превосходящая и господствующая раса" пыталась навязать всѣмъ подчиненнымъ народностямъ одинъ и тотъ же языкъ, какъ „самое подходящее средство для физіологическаго вліянія и выравненія"; однако, „это навязываніе языка можетъ вести къ гибели націи, когда посредствомъ его въ культурное и кровное общеніе вводятся малоцѣнные расовые элементы (въ данномъ случаѣ—славянскія племена!) и путемъ болѣе сильнаго размноженія вытѣсняютъ болѣе благородную расовую вѣтвь". Въ такомъ же положеніи низшихъ расъ относительно германскаго племени находятся и романскіе народы. „Въ государствахъ, гдѣ романскіе народы и славяне путемъ общенія языка и обычаевъ восприняли

въ себя германскіе элементы, — въ Италіи, Франціи, Россіи и Венгріи, — естественно имѣло мѣсто *для этихъ народовъ* облагораживающее скрещиваніе, которое подняло ихъ культурную и политическую исторію на болѣе высокій уровень", — конечно, въ ущербъ германцамъ. Повсюду въ Европѣ „въ руководящихъ государствахъ и сословіяхъ преобладаетъ германская кровь въ чистомъ и смѣшанномъ видѣ"; изъ этого предполагаемаго факта выводится „антропологическое доказательство того, что вся европейская цивилизація, также въ славянскихъ и романскихъ странахъ, есть продуктъ германской расы". Папство, эпоха Возрожденія, французская революція и міровое господство Наполеона были „великими дѣяніями германскаго духа". Близкое расовое родство и единство высшихъ человѣческихъ типовъ, по мнѣнію Вольтмана, не исключаютъ и въ будущемъ горячей взаимной между ними борьбы за существованіе, — борьбы неизбѣжной и плодотворной, составляющей будто бы для культурнаго человѣчества „естественный біологическій законъ". „Самыя важныя по послѣдствіямъ событія міровой исторіи и міровой цивилизаціи — заключаетъ Вольтманъ — родились изъ противоположностей и борьбы между германскими племенами и между германскими героями. Папство и цезаризмъ — германскія творенія; оба — германскія организаціи господства, предназначенныя къ тому, чтобы покорить міръ. Германская раса призвана охватить земной шаръ своимъ господствомъ, использовать сокровища природы и рабочей силы и включить пассивныя расы, какъ служебные элементы своего культурнаго развитія". Существуютъ сентиментальные политики, мечтающіе о союзѣ всѣхъ германскихъ племенъ; но „германецъ есть для германца величайшій и опаснѣйшій противникъ, и устранить эту вражду изъ міра — значитъ прекратить культурное развитіе въ его основныхъ условіяхъ, — ребяческое мечтаніе разбить естественные законы путемъ мечтаній" [1]). Этотъ наивный выводъ о спасительной роли вражды и борьбы — не только для настоящаго, но и для будущаго развитія и процвѣтанія народовъ — есть также, вѣроятно, продуктъ спеціальнаго германскаго духа.

Само собою разумѣется, что авторы, пишущіе о чистотѣ и превосходствѣ германской расы, выражаютъ скорѣе свои чувства, чѣмъ научно провѣренныя убѣжденія; они отлично знаютъ, что всѣ лучшія разновидности человѣческаго рода представляютъ

---

[1]) Людвигъ Вольтманъ, Политическая антропологія. Перев. съ нѣм. Г. Оршанскаго. Спб., 1905.

собою результаты многочисленныхъ вѣковыхъ скрещиваній, которыхъ никто никогда не контролировалъ, и что въ современномъ мірѣ, при постоянномъ живомъ общеніи между націями и племенами, нѣтъ и не можетъ быть чистыхъ, вполнѣ обособленныхъ и замкнутыхъ расъ. Тамъ, гдѣ искусственно устраняется физіологическое смѣшеніе, различія сглаживаются непрерывнымъ соціальнымъ и культурнымъ взаимодѣйствіемъ; но отсутствіе смѣшенія ведетъ къ упадку и истощенію расы, а не къ ея совершенствованію. Если для фанатиковъ племенной чистоты Лютеръ, Гёте, Бетховенъ, Микель-Анджело, Рафаэль оказываются „ублюдками", то нужно желать, чтобы такихъ ублюдковъ было какъ можно больше. Къ такимъ „ублюдкамъ" мы могли бы причислить и многія изъ высшихъ воплощеній русской народности—Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Карамзина, Аксаковыхъ, Тургенева. Примѣсь инородческой крови дала въ этихъ случаяхъ превосходнѣйшіе плоды, предъ которыми должны умолкнуть теоретики чистыхъ расъ. Исторія лишилась бы своего живого разнообразія и привела бы къ мертвящему самоудовлетворенію и застою, еслибы когда-нибудь осуществилась мечта о неизмѣнной дѣвственности и законченности главныхъ человѣческихъ типовъ; но мечта эта безсильна и никогда не выйдетъ изъ области фантазій, такъ какъ она противорѣчитъ природѣ вещей. Смѣшеніе и перекрещиваніе расъ происходятъ стихійно, внѣ наблюденія и контроля, и ни о комъ нельзя сказать въ точности, какая кровь течетъ въ его жилахъ и какіе предки участвовали въ его зарожденіи. Безполезно поэтому говорить о людяхъ чисто-германской или чисто-славянской крови, и нелѣпо хлопотать объ огражденіи и закрѣпленіи на будущее время такихъ расовыхъ чертъ, которыя сами выработались вѣками свободнаго стихійнаго подбора и развитія.

Узко-племенной націонализмъ, переносящій національную идею на почву расы, имѣетъ въ своей основѣ ложныя представленія о націи и государствѣ. Всякая нація есть продуктъ разнообразныхъ расовыхъ смѣшеній, и чѣмъ болѣе инородныхъ элементовъ она растворяетъ въ себѣ, тѣмъ сильнѣе и свободнѣе она развивается и тѣмъ крупнѣе ея роль и положеніе въ мірѣ. Націи съ великимъ историческимъ призваніемъ не могутъ быть замкнутыми и однородными въ расовомъ или племенномъ смыслѣ; національное для нихъ выходитъ уже изъ предѣловъ данной народности и обнимаетъ всю совокупность интересовъ народа, какъ политическаго цѣлаго. Великобританія не знаетъ англійскаго націонализма; въ ней нѣтъ особой національной партіи, ибо британская нація въ широкомъ значеніи этого слова воплощается

въ государствѣ, для котораго всѣ британскіе подданные суть одинаково полноправные граждане великой имперіи. Британская политика всегда по существу національна и не можетъ быть иною, при дѣйствительной внутренней солидарности между властью и народомъ. Отдѣльныя народности, добивающіяся самостоятельной политической организаціи или автономіи, имѣютъ своихъ націоналистовъ, какъ, напр., ирландцы; но господствующая англійская національность не противопоставляетъ себя другимъ элементамъ британской націи и вполнѣ сливается съ нею, сознавая свою принадлежность къ міровой державѣ, существующей не для однихъ англичанъ и не для однихъ сторонниковъ „малой Англіи". Нѣтъ также особой національной партіи въ Соединенныхъ штатахъ, гдѣ нація включаетъ въ свой составъ и перерабатываетъ въ себѣ различныя племена и національности; тамъ нація и государство совпадаютъ, и нѣтъ и не можетъ быть другой американской политики, кромѣ національной. Германскій націонализмъ расходится съ притязаніями Германіи на широкую міровую роль въ международной политикѣ; нѣмецкіе патріоты, ставящіе своимъ идеаломъ племенное единство націи и возлагающіе на государство спеціальную заботу объ интересахъ господствующей народности, съуживаютъ задачи и положеніе Германской имперіи и вводятъ ее въ ограниченныя рамки племенного государства, которое никакъ не можетъ претендовать на успѣшное соперничество съ дѣйствительно міровыми державами—Великобританіею и сѣверо-американскою республикою.

Въ германскомъ политическомъ строѣ существуетъ еще значительный разладъ между народомъ и государствомъ, между національными интересами и династическими, и для прикрытія этого антагонизма служитъ усиленное подчеркиваніе племенного чувства, объединяющаго народъ съ династіею и съ высшими владѣющими классами. Оттого у нѣмцевъ идея народности часто вытѣсняетъ собою понятіе націи, и національное низводится на степень чего-то узко-племенного. Новѣйшій ростъ соціалъ-демократическаго движенія пока еще слабо отразился на пониманіи задачъ національной политики въ Германіи: нѣмецкая соціалъ-демократія вообще удѣляетъ слишкомъ мало вниманія сохранившимся съ среднихъ вѣковъ аномаліямъ нѣмецкой государственной жизни [1]). Можно ли говорить о національномъ единствѣ, когда

---

[1]) Интересная книга Отто Бауэра о „національномъ вопросѣ съ точки зрѣнія соціалъ-демократіи" касается главнымъ образомъ положенія дѣлъ въ Австріи (Die Nationalitätenfrage und die Socialdemokratie, Вѣна, 1908); тому же австрійскому

нація политически раздѣлена на крупныя и мелкія самостоятельныя государства, не имѣющія для себя другого оправданія, кромѣ традиціонныхъ связей съ извѣстными владѣтельными фамиліями? Исторія этихъ владѣтельныхъ фамилій считается также національнымъ достояніемъ. Чисто-личныя рѣшенія и предпріятія въ области важнѣйшихъ международныхъ вопросовъ выдаются за акты національной и даже міровой политики, хотя въ дѣйствительности они большею частью антинаціональны и могутъ только вредить міровому положенію Германіи. Истинно-національная, направляемая самимъ народомъ политика остается еще дѣломъ будущаго, и въ ожиданіи этого будущаго широкая и свободная національная идея уступаетъ мѣсто мелочному, придирчивому и злобному національнизму.

II.

У насъ въ Россіи національный вопросъ искусственно затемненъ и запутанъ многолѣтними усиліями лицъ, считающихъ себя призванными, безъ достаточнаго къ тому основанія, говорить и дѣйствовать отъ имени народа и государства. Казалось бы, что подавляющее численное преобладаніе русской народности не должно оставлять мѣста чувству страха предъ другими племенами и народностями, входящими въ составъ Россійской имперіи; можно было бы спокойно допустить равноправное существованіе инородныхъ элементовъ рядомъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, не опасаясь за цѣлость страны, и никакихъ бѣдъ не произошло бы отъ того, что иноплеменные обыватели были бы довольны своей судьбою. Россія, по исключительнымъ преимуществамъ своего географическаго положенія и по составу и характеру своего населенія, имѣетъ возможность держаться такой же разумной и плодотворной системы относительно подвластныхъ народностей, какъ Англія; но по разнымъ причинамъ наши оффиціальные патріоты упорно идутъ по стопамъ иноземныхъ націоналистовъ, сѣютъ вражду и недовѣріе тамъ, гдѣ само собою навязывается мирное соглашеніе, и поддерживаютъ суровый непримиримый тонъ по принципу, съ единственною цѣлью укрѣпить и поднять авторитетъ своей власти.

Въ чемъ можетъ у насъ выражаться національная идея, какъ не въ стремленіи улучшить и облегчить положеніе русской на-

національному вопросу посвящено вышедшее недавно въ русскомъ переводѣ поучительное изслѣдованіе Рудольфа Шпрингера: „Національная проблема“ (Спб., 1909).

родности, избавить ее отъ гнета произвола и безправія, возвысить ее до уровня передовыхъ культурныхъ націй? Если существуетъ особая партія, озабоченная спеціально интересами и нуждами истинно-русскихъ людей, т.-е. коренного русскаго населенія, то программа ея должна быть несомнѣнно направлена къ указаннымъ цѣлямъ. На дѣлѣ наши націоналисты имѣютъ въ виду не подъемъ націи, не удовлетвореніе ея насущныхъ потребностей и желаній, а возбужденіе дурныхъ чувствъ противъ иноплеменниковъ и иновѣрцевъ, натравливаніе народа противъ мнимыхъ враговъ, приниженіе чужихъ народностей, подвластныхъ Россіи. Для собственнаго народа они проповѣдуютъ крутыя мѣры обузданія и устрашенія, предлагаютъ расширить и упрочить неустанную начальственную опеку, отстаиваютъ запрещеніе или стѣсненіе всякой культурной самодѣятельности и находятъ излишними другія качества, кромѣ пассивной покорности и терпѣнія. Они рѣшительно и откровенно выдвигаютъ на первый планъ династическіе и правительственные интересы, подчиняя имъ интересы національные и народные.

„Всероссійскій національный союзъ", учрежденный лѣтомъ истекшаго года, имѣетъ цѣлью, какъ сказано въ уставѣ, содѣйствовать „господству русской народности въ предѣлахъ Россійской имперіи, укрѣпленію сознанія русскаго народнаго единства, устройству русской бытовой самопомощи и развитію русской культуры, и упроченію русской государственности на началахъ самодержавной власти царя въ единеніи съ законодательнымъ народнымъ представительствомъ".

Каждый изъ пунктовъ этого краткаго перечисленія цѣлей возбуждаетъ недоумѣніе. Такъ какъ союзъ названъ „всероссійскимъ", то подъ русскою народностью, о господствѣ которой идетъ рѣчь, надо разумѣть не однихъ великороссовъ, но и малороссовъ, и бѣлоруссовъ;—какое же здѣсь предполагается господство? Если имѣть въ виду численное господство въ предѣлахъ имперіи, то оно и безъ того обезпечено, и содѣйствовать ему даже едва ли возможно; а всякое другое господство русской народной массы исключается фразою объ упроченіи государственной власти на началахъ самодержавія. Не предоставлено ли будетъ по крайней мѣрѣ малороссамъ свободное употребленіе своего языка и безпрепятственное исповѣдываніе украинофильства? Однако, этотъ видъ „господства" противорѣчилъ бы требованію „укрѣпленія сознанія русскаго народнаго единства", и потому онъ также недопустимъ.

Въ чемъ же выразится то господство русской народности,

которому собирается содѣйствовать новый національный союзъ? Въ облегченіи непосильнаго податного бремени? Въ избавленіи отъ посторонних распорядителей и опекуновъ, или въ установленіи твердыхъ принциповъ самоуправленія? Нѣтъ, это не согласовалось бы съ основами крѣпкой власти. Истинно-русская народная масса будетъ по прежнему бѣдствовать подъ ферулою земскихъ начальниковъ, помѣщиковъ и промышленныхъ хозяевъ, и мысль о господствѣ надъ другими явится для нея лишь злою насмѣшкою надъ печальною дѣйствительностью. Мнимое господство русской народности должно означать только свободу дѣйствій и привилегированное положеніе чиновниковъ и обывателей русскаго происхожденія въ предѣлахъ нашихъ окраинъ: очутившись гдѣ-нибудь въ Польшѣ, Финляндіи или на Кавказѣ, русскій человѣкъ долженъ чувствовать себя хозяиномъ и проявлять свои хозяйскія права по отношенію къ мѣстнымъ національностямъ, чтобы послѣднія не забывали, въ какомъ государствѣ и подъ какою властью онѣ живутъ. Русская народность въ собственномъ смыслѣ этого слова—многомилліонная масса русскаго населенія, подчиненная многочисленнымъ пришлымъ администраторамъ съ исключительными полномочіями,—тутъ совершенно ни при чемъ.

Нѣтъ основанія думать, что эта народная масса недостаточно сознаетъ свое единство и нуждается въ чьемъ-либо содѣйствіи для укрѣпленія этого сознанія; трудно также предположить, что „русская бытовая самопомощь“ можетъ быть предметомъ цѣлесообразнаго „устройства“ со стороны предпріимчивыхъ патріотовъ,—тѣмъ болѣе, что уже изъ уваженія къ обычному смыслу слова „самопомощь“ слѣдовало бы эту область предоставить самому населенію. Что касается самодержавія, то совмѣщеніе его съ законодательными правами и функціями народнаго представительства считается любимою оригинальною идейкою націоналистовъ. Съ выдѣленіемъ законодательства остается еще область неограниченной административной власти, сохраненіемъ которой особенно дорожатъ патріоты, и, конечно, не изъ интереса къ русской народности.

Русская народность вообще играетъ только роль декораціи въ программахъ и разсужденіяхъ нашихъ проповѣдниковъ національизма. Народъ самъ по себѣ не имѣетъ даже права голоса въ своихъ собственныхъ дѣлахъ; за него рѣшаютъ представители государства, ничѣмъ не стѣсненные и не контролируемые. Безправные у себя дома, русскіе люди должны утѣшаться сознаніемъ еще большаго безправія инородцевъ и иновѣрцевъ. Инородческіе элементы надо держать въ постоянномъ страхѣ; дѣлать имъ

уступки, хотя бы въ самыхъ законныхъ ихъ требованіяхъ, значило бы обнаруживать слабость, непростительную для крѣпкой власти. Безсильное раздраженіе, сдерживаемое угрозами суровой законной расправы, должно быть удѣломъ всѣхъ племенъ и народностей, проживающихъ въ предѣлахъ Россіи и не съумѣвшихъ пріобрѣсть довѣріе и расположеніе русскихъ властей и ихъ „истинно-русскихъ“ союзниковъ. Русская народность останется въ томъ же печальномъ положеніи, въ какомъ была и раньше; за то инoплеменникамъ будетъ еще хуже. Такова сущность политическихъ стремленій и цѣлей всѣхъ нашихъ русско-національныхъ организацій,—„Союза русскаго народа“, „Русскаго собранія“ и „Всероссійскаго національнаго союза“.

Ничего національнаго, отвѣчающаго потребностямъ и чувствамъ русской народности, не содержатъ въ себѣ эти странныя политическія программы, въ которыхъ почти не удѣляется мѣста насущнымъ интересамъ народныхъ массъ. То направленіе, которое принято у насъ называть охранительнымъ и патріотическимъ, было всегда враждебно народу и, слѣдовательно, было по существу антинаціонально. Народъ всегда представлялъ для нашей оффиціальной политики какъ бы пустое мѣсто, на которомъ можно разрисовывать какіе угодно узоры; ничего святого, завѣтнаго не признавалось и не признается въ самыхъ упорныхъ историческихъ идеяхъ, учрежденіяхъ и традиціяхъ русскаго народа, и насильственная ломка ихъ производилась и производится безъ всякихъ стѣсненій, при дѣятельномъ участіи „истинно-русскихъ патріотовъ“ и націоналистовъ. Въ былое время наша поземельная община была „драгоцѣннымъ наслѣдіемъ“ самобытнаго прошлаго, надежнымъ залогомъ свѣтлаго будущаго, гарантіей противъ всякихъ соціальныхъ золъ; общиною гордились славянофилы передъ Западомъ—а теперь новые канцелярско-дворянскіе дѣятели смѣло разрушаютъ ее, изъ уваженія будто бы къ опыту западной Европы, не спрашивая мнѣнія самого народа. Какъ бы ни смотрѣть на институтъ общиннаго землевладѣнія или на принципъ семейной собственности, во всякомъ случаѣ надо признать, что крестьянскій поземельный бытъ имѣетъ огромное значеніе для всего народа и что передѣлывать этотъ бытъ произвольными мѣрами сверху, независимо отъ желаній, взглядовъ и потребностей заинтересованнаго населенія, по меньшей мѣрѣ рискованно и неразумно. Если община дѣйствительно устарѣла и приноситъ только вредъ крестьянству, то и въ такомъ случаѣ, хотя бы изъ приличія, слѣдовало предоставить самому крестьянству рѣшить вопросъ объ упраздненіи или реформѣ общин-

ныхъ порядковъ, и, по всей вѣроятности, вопросъ разрѣшился бы неодинаково въ разныхъ мѣстахъ, въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями, безъ внѣшняго принужденія и вмѣшательства, безъ напрасныхъ несправедливостей и насилій. Поразителенъ тотъ цинизмъ, съ какимъ открыто выражается въ этомъ случаѣ презрѣніе къ народной массѣ, игнорированіе не только ея взглядовъ, требованій и интересовъ, но и ея безспорныхъ, закрѣпленныхъ закономъ и обычаемъ правъ поземельной собственности,—правъ, признаваемыхъ священными и неприкосновенными, когда дѣло идетъ о собственности высшихъ сословій. Поразительна та легкость, съ какою говорилось и говорится о неизбѣжномъ обезземеленіи значительной части сельскаго населенія, о желательномъ торжествѣ сильныхъ надъ слабыми и о будущемъ образованіи многомилліоннаго безработнаго пролетаріата. Такъ разсуждать о судьбѣ своего народа могутъ только люди, чувствующіе къ нему инстинктивную вражду и не признающіе за нимъ никакихъ человѣческихъ правъ. И эти люди выступаютъ убѣжденными защитниками русской государственности, въ которой нѣтъ мѣста народу. Въ ихъ устахъ сама государственность превращается въ отрицаніе народности и національной идеи, въ воплощеніе голаго принципа силы, безъ всякаго внутренняго содержанія. Къ этой безпочвенной, хотя и грозной, государственности пристегивается и мнимый націонализмъ, принимающій иногда уродливыя, болѣзненныя формы.

Умственный багажъ націоналистовъ отличается нѣкоторымъ однообразіемъ. Всѣ они любятъ дѣлать экскурсіи въ область историческаго прошлаго, руководствуясь популярными школьными учебниками,—любятъ мечтать о счастливыхъ временахъ княгини Ольги или царя Алексѣя Михайловича, открываютъ Америку въ какой-нибудь переводной книжкѣ, отыскиваютъ причины непріятныхъ событій въ таинственныхъ комбинаціяхъ всемірнаго масонства или еврейства и старательно слѣдятъ за фамиліями, происхожденіемъ и родственными связями общественныхъ дѣятелей, чтобы уловить между ними зловредные инородческіе элементы. Пріемы нападенія и борьбы, практикуемые національно-патріотическою печатью, разсчитаны на легковѣріе и невѣжество обычныхъ читателей. Сильнѣйшимъ орудіемъ полемики служитъ указаніе иностранныхъ именъ и подозрительныхъ фамилій дѣйствующихъ лицъ; списки такихъ именъ въ составѣ того или другого вѣдомства или учрежденія всегда имѣются наготовѣ. Но убѣдительная сила этого первобытнаго способа разсужденія подрывается частыми исключеніями въ пользу отдѣльныхъ носите-

лей нерусскихъ именъ, допускаемыхъ въ избранный кругъ истинно-русскихъ людей или даже играющихъ тамъ руководящую роль.

Нѣкогда все направленіе нашей внѣшней политики объяснялось нѣмецкими именами нашихъ дипломатовъ, такъ какъ нельзя было прямо указывать на чисто-фамильный закулисный источникъ государственной дѣятельности въ области международныхъ отношеній Россіи. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, передъ турецкою войною, генералъ М. Г. Черняевъ напечаталъ въ газетѣ „Русскій Міръ" длинный списокъ нѣмецкихъ именъ начальствующихъ лицъ въ составѣ арміи; но тогда существовало очень сильное нѣмецкое вліяніе при дворѣ, — оно опиралось на близкія родственныя связи съ Берлиномъ и дѣйствительно представляло опасность для національныхъ русскихъ интересовъ, которые иногда сознательно приносились въ жертву прусской дружбѣ. Внѣшняя политика того времени, при безраздѣльномъ господствѣ „исконныхъ началъ", столь дорогихъ нашимъ націоналистамъ, всецѣло подчинялась иностраннымъ внушеніямъ и была безусловно антинаціональна даже въ тѣхъ случаяхъ, когда поддавалась напору обстоятельствъ и выступала какъ будто на защиту славянства; къ чему на дѣлѣ сводилась эта защита — видно на примѣрѣ Босніи и Герцеговины, преданныхъ по секрету австрійцамъ, безъ малѣйшаго къ тому основанія. Въ теченіе многихъ лѣтъ прусскіе посланники, генералы и военные уполномоченные пользовались въ Петербургѣ совершенно исключительнымъ положеніемъ; они были интимными совѣтниками и вдохновителями тѣхъ, отъ кого зависѣло давать тонъ иностранной политикѣ Россійской имперіи. Тогдашняя борьба русскихъ патріотовъ противъ нѣмецкаго направленія имѣла серьезный смыслъ, при всей кажущейся наивности тѣхъ формъ, въ какія она облекалась; она была въ то же время косвеннымъ протестомъ противъ смѣшенія фамильныхъ связей съ государственными, — смѣшенія, вытекавшаго изъ духа стараго режима. Нынѣшнія же ссылки на иностранныя имена ничего не доказываютъ и не объясняютъ, даже съ точки зрѣнія самыхъ безыскусственныхъ умовъ; это только пустая, безсмысленная игра, которая рано или поздно должна надоѣсть самимъ націоналистамъ.

Правильно понимаемая національная идея должна лежать въ основѣ всякой политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней. Государство, какъ воплощеніе націи въ ея сложномъ историческомъ составѣ, не можетъ и не должно имѣть другой политики, кромѣ національной, соотвѣтствующей жизненнымъ интересамъ, потребностямъ и желаніямъ народа, какъ цѣлаго. Національная идея,

коренящаяся въ твердомъ сознаніи естественныхъ правъ народа на распоряженіе своей судьбою и своими дѣлами, есть начало благотворное и необходимое для разумной государственной жизни. Ничего общаго съ такимъ пониманіемъ національной идеи не имѣетъ извращенный національзмъ, „безсмысленный и лживый", „завывающій и хрюкающій", по выраженію покойнаго Владиміра Соловьева.

Л. Слонимскій.

„ПѢСНЯ ПѢСНЕЙ“

Романъ Г. Зудермана.

Hermann Sudermann. „Das Hohe Lied“. Roman. 1908.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Лилли было четырнадцать лѣтъ, когда отецъ ея, капельмейстеръ Киліанъ Чепанекъ, однажды исчезъ.

Вотъ какъ это случилось.

Онъ цѣлый день давалъ уроки игры на фортепіано, въ промежуткахъ бранился и пилъ мозельвейнъ съ сельтерской—было страшно жарко; отъ времени до времени забѣгалъ въ столовую, чтобы выпить коньяку или поправить завязанный бантомъ галстухъ, дергалъ за локоны Лилли, сидѣвшую за французскими вокабулами, и снова исчезалъ въ залѣ, гдѣ ученицы мѣнялись каждый часъ и только диссонансы и брань оставались тѣ же.

Когда послѣдняя несчастная ученица отбарабанила свой урокъ и за нею закрылась входная дверь, онъ не вышелъ въ столовую съ обычнымъ гнѣвомъ и обычнымъ голодомъ, а еще остался въ залѣ. Онъ въ этотъ день не свисталъ, не плакалъ, не обрушивался бѣшено на клавиши, какъ обыкновенно послѣ уроковъ, а напротивъ того, не подавалъ и признака жизни. Отъ времени до времени онъ глубоко переводилъ дыханіе—и больше ничего.

Лилли страшно интересовалась всѣмъ, что бы ни дѣлалъ ея красавецъ-папа; она поэтому сбросила съ колѣнъ книжку съ вокабулами и подкралась къ замочной скважинѣ.

Она увидѣла, что отецъ ея стоитъ передъ большимъ зеркаломъ между окнами въ простѣнкѣ, и погруженъ въ изученіе собственнаго лица. Отъ времени до времени онъ поднималъ лѣвую руку и въ какомъ-то отчаяніи прижималъ ее къ шелковистымъ темнымъ локонамъ, которые мама ежедневно смачивала ямайскимъ ромомъ и французскими маслами. Онъ глядѣлъ на свое отраженіе въ зеркалѣ жадными глазами; щеки его разрумянились. Сердце Лилли расплывалось въ любви къ отцу, котораго она обожала. Она не разъ видѣла его стоящимъ передъ зеркаломъ. Онъ этимъ утѣшался отъ мыслей о своей потерянной жизни. Онъ думалъ о большомъ свѣтѣ, гдѣ герцогини и примадонны вспоминали съ тоской объ исчезнувшемъ любимцѣ, и глядѣлъ на себя, похожаго на состарившагося бога любви съ слегка заплывающими глазами и округляющимся брюшкомъ.

Мама и Лилли заботились о его благополучіи и неустанно восхищались имъ. Онъ казался имъ райской птицей, по счастливой случайности попавшейся въ стѣны ихъ комнаты, и онѣ старались съ напряженіемъ всѣхъ силъ сохранить эту птицу въ клѣткѣ.

Лилли уже давно должна была сидѣть за роялемъ, потому что въ домѣ Чепанека замолкшія клавиши считались тратой времени и святотатствомъ. Ей полагалось играть четыре, пять часовъ въ день. Часто, когда отецъ ея, охваченный вдохновеніемъ, забывалъ о предназначенныхъ для нея часахъ, ей приходилось начинать работу лишь въ полночь, и тогда она часто сидѣла у рояля замерзшая, съ заспанными глазами, почти до самаго утра.

Изъ любви къ отцу она предпочитала не выучить пьесу, чѣмъ помѣшать ему,—хотя онъ же приходилъ потомъ въ отчаяніе, если она играла слишкомъ по-дилетантски. Но теперь она какъ разъ работала надъ патетической сонатой, съ которой, какъ извѣстно, шутки плохи. Она поэтому отважилась было вывести отца изъ раздумья, какъ вдругъ заскрипѣла дверь въ кухнѣ. Она быстро отскочила на свое мѣсто, ибо въ комнату входила мать съ тарелками, чтобы накрывать къ ужину.

Увядшія щеки фрау Чепанекъ раскраснѣлись отъ стоянія у плиты; очень худая фигура, съ выступающимъ животомъ—слѣдствіе неудачныхъ многочисленныхъ родовъ,—выпрямилась, и изъ нѣкогда прекрасныхъ глазъ, превратившихся въ тусклыя щелки отъ тупого супружескаго горя, на этотъ разъ сверкнули гордость и надежда. Она въ этотъ день надѣялась порадовать мужа вкуснымъ блюдомъ.

Когда раздался стукъ тарелокъ на столѣ, дверь залы раскрылась и оттуда высунулась голова папы въ черныхъ локонахъ.

— Какъ, уже ужинъ?—спросилъ онъ съ растеряннымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Черезъ десять минутъ, — отвѣтила мама, таинственно улыбаясь желтыми, потрескавшими губами, въ предвкушеніи приготовленнаго ею сюрприза.

Онъ вошелъ въ комнату, перевелъ нѣсколько разъ дыханіе, точно ему трудно было говорить, и произнесъ наконецъ:

— Я только что замѣтилъ, что ремень у моего чемодана лопнулъ.

— А развѣ онъ тебѣ нуженъ?—спросила мама.

— Чемоданъ долженъ быть всегда на-готовѣ, — отвѣтилъ онъ, и глаза его безпокойно забѣгали по комнатѣ. — Иногда вдругъ призовутъ кого-нибудь замѣщать и нужно быть готовымъ.

Минувшей зимой, дѣйствительно, какой-то піанистъ, объѣзжавшій восточныя провинціи, застрялъ около Бромберга изъ-за снѣжнаго заноса, и папу вызвали замѣнять его въ сосѣдній городъ. Но ничего подобнаго нельзя было ожидать лѣтомъ, когда вообще никакихъ концертовъ не было.

— Хорошо; Мина снесетъ его послѣ ужина къ сѣдельщику, — сказала мама, не рѣшаясь, конечно, противорѣчить вспыльчивому мужу. Онъ кивнулъ головой и прошелъ въ залу, а мама побѣжала въ кухню, чтобы закончить изготовленіе лакомаго блюда.

Черезъ нѣсколько минутъ папа снова появился, держа въ рукѣ чемоданъ. Онъ остановился передъ бѣльевымъ шкапомъ.

— Я хотѣлъ бы знать, Лиличка,—сказалъ онъ,—войдетъ ли партитура, если ее положить поперекъ? Когда потомъ придется ѣхать исполнять ее...

Партитуру „Пѣсни Пѣсней“ прятали въ бѣльевой шкапъ на тотъ случай, еслибы вдругъ произошелъ пожаръ въ отсутствіе папы; изъ бѣльевого шкапа каждый членъ семьи могъ сейчасъ же спасти это величайшее сокровище.

Лилли оглянулась, ища ключи; но, очевидно, мама ихъ взяла въ кухню. Она предложила пойти за ними, но отецъ остановилъ ее съ тѣмъ испугомъ, который Лилли часто въ немъ замѣчала, когда шла рѣчь о мамѣ.

— Я сначала самъ пойду отдать чемоданъ въ починку,— сказалъ онъ. Но Лилли даже испугалась при мысли, что ея

знаменитый папа пойдетъ самъ въ какую-то темную и грязную мастерскую.

— Боже сохрани! — крикнула она, схватывая кожаную ручку чемодана, чтобы самой пойти вмѣсто отца; но онъ ее не пустилъ.

— Нѣтъ, ты уже слишкомъ большая, чтобы быть на побѣгушкахѣ, дѣвочка, — сказалъ онъ и оглянулъ, съ блеснувшимъ въ глазахъ восхищеніемъ, ея высокую, нѣжную фигуру.—Ты уже почти синьора.

Онъ потрепалъ ее по щекѣ, попробовалъ, нельзя ли открыть шкапъ безъ ключа, очень зло сжалъ при этомъ губы, потомъ вдругъ встрепенулся, насмѣшливо взглянулъ по направленію къ кухнѣ—Лилли знала эти взгляды—и быстро вышелъ изъ комнаты.

Вышелъ и больше не вернулся.

II.

Цѣлую ночь Лилли и ея мать прождали, сидя у окна, и уже подъ утро, когда у Лилли стали смыкаться глаза и она уже сто разъ подробно разсказала матери, какъ отецъ стоялъ передъ шкапомъ и что̀ онъ говорилъ, она, наконецъ, сидя, заснула. Но черезъ нѣсколько времени она вскочила съ крикомъ: мать, въ глубокомъ обморокѣ, соскользнула со стула и лежала на полу безъ движенія.

Киліанъ Чепанекъ такъ и не вернулся.

Конечно, нашлись сейчасъ же добрые друзья, которые говорили, что давно уже это предвидѣли, что вдохновенный художникъ съ Каиновымъ знакомъ геніальной тревоги на мрачномъ челѣ не могъ выдержать обыденной обстановки. Другіе его ругали негоднымъ соблазнителемъ невинныхъ дѣвушекъ, совратителемъ молодыхъ людей, которыхъ онъ дѣлалъ игроками. Они доказывали его женѣ, что она должна быть счастлива, освободившись отъ него, и совѣтовали Лилли забыть недостойнаго отца.

Но самое ужасное—то, что были люди, сначала ничего не говорившіе, но потомъ являвшіеся со счетами. Чтобы платить кредиторамъ, жена Чепанека продала и заложила все, что̀ у нея накопилось цѣннаго, а вслѣдъ за этимъ стала продавать мебель, платье и бѣлье... Тогда только кредиторы умолкли.

Пѣвческій союзъ, руководителемъ котораго Киліанъ Чепанекъ состоялъ пятнадцать лѣтъ, выплачивалъ еще въ теченіе полугода

его жалованье женѣ въ благодарность за его заслуги. Но когда этотъ срокъ миновалъ, началось хожденіе по разнымъ благодѣтелямъ, начались просьбы о работѣ въ лавкахъ и магазинахъ. Мать Лилли занялась шитьемъ дешеваго бѣлья, и въ теченіе цѣлыхъ дней и ночей не умолкалъ стукъ швейной машины. Пошли воспаленные глаза, распухшія колѣни, уколы пальцевъ, компрессы съ уксусомъ, приготовленіе чая въ четыре часа утра, замѣна обѣда и ужина подогрѣтымъ жидкимъ кофе съ такъ называемыми бутербродами — словомъ, наступила нищета. Но, страннымъ образомъ, чѣмъ больше проходило времени со дня исчезновенія Киліана Чепанека, тѣмъ болѣе брошенная имъ жена была увѣрена въ его возвращеніи. Прошло полгода; явился новый дирижеръ, и на зло ему въ газетахъ нѣсколько недѣль пѣли диѳирамбы исчезнувшему. Но миновало и это, и наступило гробовое молчаніе. Память о Чепанекѣ сохранилась еще только въ нѣсколькихъ пивныхъ и въ нѣсколькихъ дѣвичьихъ сердцахъ.

Но фрау Чепанекъ, которая долго только поджимала отъ стыда губы, когда шла рѣчь о мужѣ, стала теперь говорить о его возвращеніи, какъ о чемъ-то несомнѣнномъ. Мало того: она, давно уже утратившая всѣ помыслы о красотѣ и юности, ушедшая вся въ заботы и страхъ, давно уже забывшая о нарядахъ, вдругъ стала обнаруживать странное тщеславіе, покупала на послѣднія деньги пудру и притиранія, завивала съ утра волосы, и когда лицо ея отъ работы принимало истощенный видъ, быстро проводила по губамъ краснымъ карандашомъ для губъ. Она каждую минуту ждала возвращенія мужа, наряженная какъ невѣста и готовая раскрыть объятія, когда онъ придетъ къ ней со словами раскаянія на устахъ.

Онъ долженъ былъ вернуться. Гдѣ ему найти такое полное пониманіе, такое сліяніе душъ, такую преданность душой и тѣломъ, какъ у нея, такое подчиненіе всѣмъ его капризамъ? Гдѣ онъ найдетъ женщину, которую можно и взять, и оставить по желанію? Она отдалась ему юнымъ, веселымъ, невиннымъ существомъ, отдалась, не скупясь, ничего не требуя взамѣнъ. Когда, по требованію отца, скромнаго чиновника, — и по требованію всего города, который бы иначе лишилъ соблазнителя его теплаго мѣстечка, — онъ назвалъ ее своей женой передъ алтаремъ, она была наверху блаженства.

А когда потомъ началось горе, она приняла и горе не ропща; она его такъ любила, что считала и это справедливой платой за счастье обладанія.

Но вернется онъ навѣрное. Она это знала, потому что

обладала залогомъ, который долженъ былъ заставить его рано или поздно вернуться въ ея домъ.

Этотъ залогъ не была Лилли. Онъ любилъ свою дочку, но скорѣе какъ игрушку. Для настоящей отцовской любви въ этомъ цыганскомъ сердцѣ не было мѣста; это она хорошо знала. Даже въ часы самаго страшнаго одиночества ему, навѣрное, и не вздумается искать утѣшенія въ объятіяхъ своего ребенка.

Но у нея былъ другой залогъ, болѣе вѣрный — свертокъ нотной бумаги и больше ничего. Онъ легко могъ спрятать эти ноты въ чемоданѣ, уйдя изъ дому. Онъ даже пробовалъ сдѣлать это, но въ рѣшительную минуту слишкомъ боялся возвращенія жены, которая могла бы догадаться,—и ушелъ безъ нотъ.

Въ этихъ нотахъ заключалось все, что связывало его въ теченіе пятнадцати лѣтъ буржуазной жизни съ мечтами его юности.

Этотъ свертокъ нотной бумаги—очень тонкій—заключалъ въ себѣ содержаніе всей его жизни: „Пѣсню Пѣсней“.

Съ тѣхъ поръ какъ Лилли помнила себя, ни о чемъ въ ихъ домѣ не говорилось съ такимъ преклоненіемъ, съ такимъ нѣжнымъ благоговѣніемъ, какъ объ этомъ произведеніи.

Это было по ихъ общему убѣжденію нѣчто небывалое, неслыханное, новый міръ звуковъ, начало новой музыкальной эры. Опера достигла высшаго развитія въ Вагнерѣ и послѣ него глубоко пала; симфоническое творчество уже не отвѣчало современнымъ требованіямъ, пѣснь измельчала... Будущее принадлежало ораторіи, но не тѣмъ жалкимъ произведеніямъ этого рода, въ которыхъ дѣлали уступки церковности, а совершенно новой;— тутъ начинался міръ „Пѣсни Пѣсней“.

Партитура готова была уже много лѣтъ. Но предоставить ее исполненію провинціальныхъ музыкантовъ было бы святотатствомъ. Она лежала, поэтому, въ шкапу, испуская лучи надежды на свѣтлое будущее, сдѣлавшись домашней святыней, придававшей чистоту и святость жизни. Преклоненіе передъ произведеніемъ отца сохранилось у Лилли въ самыхъ далекихъ воспоминаніяхъ дѣтства. И самую музыку она знала съ дѣтства, хотя отецъ не любилъ, когда мама или она пѣли священные напѣвы.

— Пойте „Ахъ, милый Августинъ“ или „Прощаніе съ лебедемъ“ изъ „Лоэнгрина“,—говорилъ онъ, когда ловилъ ихъ на запретномъ пѣніи.—И этого съ васъ хватитъ!

Съ теченіемъ времени мать вообще перестала что-либо напѣвать, и Лилли тоже не стала выдавать свои чувства. Она устроила изъ „Пѣсни Пѣсней“ цѣлую мессу, которую служила

передъ зеркаломъ, когда никого не было дома. Она тогда опоясывалась простыней, надѣвала на плечи оконныя занавѣски, украшала волосы пряжками и лентами и переживала съ пѣніемъ, рыданіями и ликованіями, съ колѣнопреклоненіями, танцами и воздушными объятіями, упоеніе Суламиты, воскрешенное послѣ тысячелѣтій къ новой жизни въ „Пѣснѣ Пѣсней“ ея отца.

Рукопись „Пѣсни Пѣсней“ Киліанъ оставилъ дома, уйдя изъ него, и она сдѣлалась якоремъ всѣхъ надеждъ его семьи. Можно было представить себѣ, что странствующій чехъ, самъ рано выброшенный родителями на улицу, могъ оставить въ нищетѣ жену и ребенка; но что онъ покинетъ дѣло своей жизни, мечъ, которымъ онъ хотѣлъ завоевать себѣ на-ново доступъ въ великій свѣтъ—это была полная нелѣпость.

И въ то время, какъ на чердакѣ, куда переселилась брошенная женщина съ дѣвочкой, день и ночь стучала машина, въ то время, какъ все болѣе увядала согбенная надъ работой жена Чепанека, и слой румянъ ложился на все болѣе заостренныя скулы,—въ это время, въ знакъ грядущаго свиданія, въ ящикѣ бѣльевого шкапа, уцѣлѣвшаго отъ общаго банкротства, лежала, творя чудеса своей близостью, „Пѣсня Пѣсней“.

III.

Лилли выросла и сдѣлалась высокой, рано развившейся дѣвушкой, которая шла по улицамъ, держа въ рукахъ ранецъ съ книгами, поступью молодой королевы.

Она носила сморщившееся отъ дождя клѣтчатое платьице изъ полушерстяной матеріи, сношенныя ботинки, нитяныя перчатки, но она такъ граціозно слегка покачивалась, подвижная головка такъ красиво сидѣла на молодыхъ, еще не округлившихся плечахъ, глаза ея—знаменитые „Лиллины глазки“—такъ глядѣли на міръ, что никто не замѣчалъ убогости ея одежды и никому бы не пришло въ голову, что этотъ юный, пышный организмъ питается картофелемъ и плохой колбасой. За ней шли толпой молодые гимназисты, и ей это въ сущности нравилось. Ей было пріятно вспоминать потомъ, кто изъ мальчиковъ наиболѣе низко кланялся ей при встрѣчѣ. Самаго почтительнаго она больше всѣхъ любила въ тотъ день, но въ слѣдующій разъ онъ смѣнялся кѣмъ-нибудь другимъ.

Въ школѣ подруги относились къ Лилли съ большой любовью, даже ревнуя ее другъ къ дружкѣ, такъ какъ Лилли, считая

своимъ долгомъ отвѣчать взаимностью на каждое выраженіе ей симпатій, слишкомъ быстро склонялась на всякую новую дружбу. Учителя тоже хорошо къ ней относились, и когда, перейдя въ новый классъ, она сидѣла въ качествѣ новенькой на угловомъ мѣстѣ, не одна наставническая рука отечески гладила мимоходомъ ея темные волосы.

Въ школѣ ей дали прозвище: „Лилли съ неправдоподобными глазами“, такъ какъ всѣ увѣряли, что такихъ глазъ, какъ у нея, не бываетъ на свѣтѣ. Однѣ говорили, что глаза ея кошачьи, другія — что они русалочные. Третьи увѣряли, что они темно-фіолетовые; утверждали даже, что она обводитъ края углемъ. Во всякомъ случаѣ, всякій, взглянувши ей въ лицо, прежде всего видѣлъ эти глаза и этимъ довольствовался.

На шестнадцатомъ году она прошла общій курсъ и вступила въ спеціальный классъ, такъ какъ должна была стать потомъ учительницей, чтобы этимъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Въ спеціальномъ классѣ уже царилъ болѣе взрослый тонъ въ обращеніи между учителями и ученицами, и ученицъ промежъ себя. Прекратились шалости, раздавались фразы о „святости призванія“. Только и было рѣчи, что о любовныхъ исторіяхъ и о тайныхъ помолвкахъ.

Лилли въ первый разъ въ жизни почувствовала нѣкоторую зависть, такъ какъ у нея не было еще ни малѣйшаго любовнаго приключенія; такія глупости, какъ анонимныя любовныя посланія, букеты цвѣтовъ или стихи съ подписью: „На вѣки твой“ — не шли въ счетъ.

Но пришло время любви и для Лилли. Изъ мраморныхъ статуй и колоннъ, изъ храмовъ, изъ вѣчно-зеленыхъ кипарисовъ и вѣчно-голубого неба, изъ состраданія и тоски о прекрасномъ далекѣ, изъ ученическаго преклоненія и состраданія выросла въ ней любовь.

Онъ былъ учителемъ гимназіи, преподавалъ элементарные предметы въ младшихъ классахъ, а въ спеціальномъ выступилъ въ качествѣ лектора по исторіи искусства. Самое названіе предмета его преподаванія — „исторія искусства“ — вызывало восторгъ и ожиданіе въ молодыхъ дѣвичьихъ душахъ, и обаяніе еще усиливалось отъ того, что преподавателемъ былъ больной юноша съ глубоко лежащими жгучими глазами и блѣднымъ лицомъ.

Имя его было Арпадъ.

Но этимъ и исчерпывалась вся романтичность преподавателя исторіи искусства. Въ остальномъ онъ былъ бѣдный, чахоточный юноша, съ трудомъ прошедшій курсъ университета и уже близкій

къ смерти. Гимназическое начальство всячески щадило его, давая ему самые легкіе уроки и отсылая его домой, какъ только у него на щекахъ загорался лихорадочный румянецъ. Но этимъ достигалась только отсрочка смертнаго приговора.

День, въ который директоръ ввелъ новаго учителя въ спеціальный классъ, навсегда остался въ памяти Лилли. Былъ послѣдній урокъ школьнаго дня—въ три часа. Вошелъ директоръ, а за нимъ—стройный, красивый молодой человѣкъ въ узкомъ сѣромъ сюртукѣ, въ которомъ онъ казался еще болѣе худымъ, и въ модномъ шолковомъ жилетѣ. Директоръ представилъ ученицамъ доктора Мельцера, сообщилъ имъ, что онъ познакомитъ ихъ съ искусствомъ эпохи Возрожденія, и предложилъ имъ съ вниманіемъ отнестись къ этому важному для общаго развитія предмету.

Съ этими словами онъ вышелъ, оставивъ молодого учителя, казавшагося въ первую минуту нѣсколько смущеннымъ. Его нерѣшительный видъ вызвалъ сначала посмѣиваніе у нѣкоторыхъ ученицъ, но онъ сразу остановилъ смѣхъ, указавъ на полноту жизни, которая открывается всѣмъ его юнымъ, полнымъ силъ ученицамъ, и сейчасъ же, приковавъ общее вниманіе, заговорилъ и о томъ, какъ онъ счастливъ, что ему предстоитъ изучать съ ними самую яркую эпоху развитія человѣческой личности.

Его горячій, страстный тонъ дѣйствовалъ волнующимъ образомъ на молодыя души. Онъ смѣлыми, торопливыми штрихами обрисовалъ имъ эпоху и людей, и всѣ онѣ почувствовали, что передъ ними не холодный педагогъ, а восторженный мечтатель, отдающій послѣднія силы любимой мечтѣ. Съ первой же минуты всѣ онѣ воспылали къ нему страстной, блаженной преданностью.

Лилли больше всѣхъ отдалась новому очарованію. Она слушала учителя, поблѣднѣвъ отъ волненія. Образы волшебной страны съ ея храмами, со всѣмъ величіемъ и чарами природы; образы языческой красоты и католическаго паѳоса будили въ ней невѣдомыя до того чувства, и она съ восторгомъ глядѣла на учителя, лицо котораго озарено было такой одухотворенностью, точно онъ ясно видѣлъ передъ собой вызываемые имъ далекіе образы и мучительно рвался въ прекрасную даль...

Когда звонкомъ былъ оборванъ урокъ, учитель оглянулся, какъ пробужденный лунатикъ, и быстро выбѣжалъ изъ комнаты, гдѣ еще нѣкоторое время длилось очарованное молчаніе. Лилли вышла изъ школы отдѣльно отъ подругъ и медленно пошла домой съ тихимъ плачемъ въ душѣ.

Слѣдующіе дни проходили въ спеціальномъ классѣ исключительно въ разговорахъ о новомъ учителѣ. Одна изъ учениць, дочь врача, пользовавшаго учителя, разсказала, что онъ очень боленъ, что ему нужно ѣхать на югъ, но что на это у него нѣтъ средствъ. Тогда Лилли и ея подруги тотчасъ же рѣшили составить комитетъ, чтобы достать нужныя деньги, и ревностно взялись за дѣло. Состоялось нѣсколько собраній въ одной изъ лучшихъ кондитерскихъ, за чашками шоколада и пирожнымъ съ кремомъ. Предложено было устроить благотворительный спектакль, концертъ съ участіемъ лучшихъ силъ, или даже собирать частныя пожертвованія, обходя дома разныхъ благотворителей. Но всѣ эти планы оказались неосуществимыми; планъ спасенія провалился, и отъ него остался только довольно значительный счетъ изъ кондитерской, гдѣ происходили засѣданія комитета. Одной Лилли пришлось уплатить на свою долю около четырехъ марокъ, для чего она принуждена была заложить свой золотой крестикъ, послѣднее воспоминаніе лучшихъ дней.

Пришла осень, и доктору Мельцеру стало хуже. Наконецъ, заявлено было о прекращеніи на время уроковъ по исторіи искусства. Дочь врача разсказала, что у него пошла кровь горломъ.

Лилли поняла, что̀ это значитъ: она была увѣрена въ его близкой смерти. Нѣсколько вечеровъ подъ-рядъ она подолгу стояла передъ домомъ, въ которомъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ дочерью врача, жилъ больной учитель. Лилли видѣла въ окнѣ его комнаты лампу подъ зеленымъ абажуромъ, представляла себѣ, какъ онъ лежитъ, задыхаясь, совершенно одинъ; никакая женская рука не отираетъ потъ съ его лица!

Наконецъ, тревога ея разрослась до такихъ размѣровъ, что она уже и днемъ не могла усидѣть дома. Ходить передъ домомъ при дневномъ свѣтѣ было, конечно, невозможно. Пройдя разъ, она не рѣшилась снова вернуться. Но вдругъ у нея блеснула мысль. Она отправилась въ цвѣточный магазинъ, пожертвовала оставшимися отъ залога крестика деньгами, около трехъ марокъ, и вернулась къ его дому съ букетомъ осеннихъ розъ. Быстро, не оставляя себѣ времени на размышленіе, она взбѣжала вверхъ по лѣстницѣ и позвонила у дверей во второмъ этажѣ, соотвѣтствующихъ окну съ зеленой лампой. Ей открыла старая женщина въ синемъ грязномъ передникѣ; но когда Лилли, заикаясь, назвала имя учителя, она сказала, что онъ живетъ окнами во дворъ, и захлопнула дверь.

Зеленая лампа, значитъ, озаряла не его комнату. Тамъ жила

старуха, носящая грязные передники. Цѣлую недѣлю Лилли молилась ложному кумиру! Она уже собиралась, съ отчаяніемъ въ душѣ, спуститься назадъ по лѣстницѣ, какъ вдругъ увидѣла съ другой стороны площадки прибитую къ дверямъ карточку съ его именемъ. Сердце ея встрепенулось, и она быстро постучала въ дверь.

Прошло нѣсколько времени, пока онъ просунулъ голову въ слегка пріоткрытую дверь. Онъ приподнялъ отворотъ своего сѣраго пиджака, чтобы скрыть отсутствіе воротничка. Волосы у него были спутаны, и въ глазахъ его виденъ былъ вопросъ: „чего тебѣ?“

— Это вы, вы?—пробормоталъ онъ, очевидно узнавъ ее, но не помня ея фамиліи.

Лилли хотѣла-было протянуть ему розы и быстро убѣжать, но не могла шевельнуться съ мѣста.

— Вы, вѣроятно, пришли по порученію вашего класса?—сказалъ онъ, и она радостно подтвердила его спасительное предположеніе.

— Иначе я не могъ бы васъ пригласить войти, — продолжалъ онъ съ робкой улыбкой,—такъ какъ это могло бы имѣть непріятныя послѣдствія для васъ и для меня... Но такъ какъ вы являетесь депутаткой,—онъ на минуту задумался,—то... пожалуйста!

Лилли воображала, что онъ живетъ въ высокихъ, просторныхъ комнатахъ, окруженный книгами, бюстами великихъ людей и разными средневѣковыми предметами. Она была поэтому крайне поражена, очутившись въ комнатѣ въ одно окно, гдѣ стояла неубранная постель, раскрытый карточный столъ и полочка съ книгами безъ переплета.

„Да онъ живетъ еще бѣднѣе, чѣмъ мы“,—подумала она и гораздо непринужденнѣе, чѣмъ представляла себѣ, сѣла на стулъ. Общая бѣдность приблизила ее къ нему. Онъ поблагодарилъ ее и ея подругъ за вниманіе. Тогда только она вспомнила о розахъ и протянула ихъ ему. Онъ прижалъ ихъ къ лицу...

— Онѣ уже не пахнутъ, — сказалъ онъ. — Это послѣднія розы, но у меня онѣ первыя, и вы можете судить по этому, какъ онѣ мнѣ дороги...

У Лилли отъ радости затуманило въ глазахъ, и она спросила учителя—все ли онъ еще боленъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ съ улыбкой: — у меня ничто не болитъ. Иногда только—легкій жаръ. Но это скорѣе пріятно... Душа точно въ воздушномъ шарѣ летитъ надъ всѣмъ—надъ го-

родами, морями... и тогда являются разные высокіе посѣтители, не столь прекрасные, конечно... Ахъ, простите!

Онъ испугался своему комплименту, вспомнивъ, что она—его ученица. Но среди своего смущенія онъ сталъ пристально смотрѣть на нее своими горящими глазами, точно впервые видѣлъ ее:

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ онъ еще болѣе глухимъ голосомъ, чѣмъ обыкновенно.

— Меня зовутъ Лилли—Лилли Чепанекъ.

Онъ еще недавно пріѣхалъ въ городъ, и это имя ему ничего не говорило.

— И вы хотите стать учительницей,—вы?

— Да, господинъ докторъ.

— Знаете, ухаживайте лучше за чумными больными, выходите замужъ за пьяницу, который васъ будетъ колотить, только не будьте учительницей. У кого плоская грудь и увядшія щеки, у кого водянистые глаза, кто во всемъ видитъ только одну сторону, тотъ пусть будетъ учителемъ... У кого не хватаетъ нервовъ и соковъ для того, чтобы жить самому, тотъ пусть дрессируетъ другихъ... Но у кого кровь движется въ жилахъ какъ расплавленный огонь, у кого глаза горятъ отъ полноты желаній, кто можетъ увидѣть жизнь, кто... но объ этомъ я не могу съ вами говорить, хотя бы и хотѣлъ.

— Говорите, господинъ учитель!—попросила она.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Шестнадцать.

— Вы такъ прекрасны...—Онъ оглянулъ ее съ грустнымъ восхищеніемъ.—И я былъ когда-то человѣкомъ,—сказалъ онъ.—Теперь и повѣрить нельзя... И я протягивалъ къ небу жадныя руки... И я смотрѣлъ въ глаза дѣвушекъ,—хотя, впрочемъ, такихъ глазъ не видалъ. Позвольте мнѣ болтать... Умирающему все дозволено!

— Вы не умрете, господинъ докторъ!—воскликнула она, вскочивъ съ мѣста.

Онъ засмѣялся.—Сядьте, дѣточка, и не волнуйтесь,—сказалъ онъ.—Не стоитъ. Я вѣдь уже примирился. Но, вотъ, когда смотрю на васъ, мнѣ тяжело.

— Вы хотите, чтобы я ушла?—спросила она, отворачиваясь, чтобы не показать слезъ.

— Хочу!—Онъ снова засмѣялся.—Я буду питаться воспоминаніемъ о васъ, какъ голодный—крошками, оставшимися у него въ карманѣ. Я помню васъ... Вы сидѣли въ лѣвомъ углу по-

слѣдней скамьи. Я еще подумалъ: что это за неправдоподобные глаза! Такіе были только у волшебныхъ собакъ, въ сказкахъ Андерсена. Имъ точно хочется сказать: пожалуйста, не раскрывайтесь такъ широко! А они отъ изумленія раскрываются все шире и шире.

Она разсмѣялась.

— Вотъ видите,—сказалъ онъ,—я васъ и разсмѣшилъ. А правда, хорошо было на нашихъ урокахъ? Помню, когда я говорилъ объ Италіи, видно было, какъ страшно васъ туда тянетъ, и я подумалъ, что вы также рветесь туда, какъ и я,—но не такъ безнадежно, какъ я.

— А вамъ хотѣлось бы туда, господинъ докторъ?—рѣшилась она спросить.

— Спросите горящаго въ пламени, хочетъ ли онъ окунуться въ холодную воду! Думаю, что онъ скажетъ „да", если вообще сможетъ что-нибудь сказать.

— Такъ это сохранило бы вамъ жизнь, господинъ докторъ?

Онъ нѣсколько времени смотрѣлъ на нее мрачнымъ взглядомъ.

— Зачѣмъ вы спрашиваете? Что вы хотите отъ меня знать? Скажите вашимъ подругамъ, что я очень тронутъ...

Припадокъ кашля остановилъ его. Лилли вскочила, схватила стаканъ, стоявшій на столѣ и наполненный слегка окрашенной жидкостью, и приблизила его ко рту больного. Онъ жадно выпилъ, потомъ съ разслабленнымъ видомъ откинулся въ креслѣ и посмотрѣлъ на нее нѣжными глазами. Она отвѣтила ему слабой улыбкой и думала про себя только одно: „Какое счастье быть здѣсь съ нимъ! Какое великое, великое счастье!"

Онъ слабо протянулъ къ ней руки, и она охватила ихъ своими сильными руками, чувствуя горячее біеніе пульса, вдвое болѣе быстраго, чѣмъ у нея.

— Знаете что, милое дитя,—прошепталъ онъ:—я вамъ дамъ хорошій совѣтъ... Въ васъ слишкомъ много любви. Любви всѣхъ трехъ видовъ: душевной, чувственной и любви изъ жалости. Одинъ изъ трехъ видовъ любви долженъ быть у всякаго человѣка, а то онъ станетъ деревомъ. Два уже опасны, а три ведутъ къ гибели... Берегитесь своей собственной любви... Не расточайте ее. Это я вамъ совѣтую. На меня вы ее не расточаете, потому что мнѣ она дѣйствительно нужна—безконечно нужна!

— А при васъ никого нѣтъ, господинъ докторъ?—спросила она съ испугомъ, думая, что какая-нибудь другая женщина имѣетъ право ухаживать за нимъ.

Но онъ покачалъ головой и сказалъ:—Нѣтъ.

— Можно мнѣ опять къ вамъ придти?

Онъ не сразу отвѣтилъ, изумленный страстностью ея вопроса.

— Если васъ пошлетъ вашъ классъ,—конечно.

— Да вѣдь я солгала,—проговорила она, отбрасывая всякую сдержанность.—Никто не знаетъ, что я пошла къ вамъ.

Онъ вскочилъ—почти какъ здоровый, и глаза его наполнились слезами. Онъ вытянулъ дрожащія руки, какъ бы отстраняя ее.

— Уходите, уходите!—шепталъ онъ.—Вы губите свое будущее. Молодой дѣвушкѣ нельзя приходить къ неженатому человѣку... хотя бы онъ былъ учитель и былъ такъ боленъ, какъ я. Не говорите никому, что вы здѣсь были, ни одной подругѣ, никому. Вашъ кусокъ хлѣба зависитъ отъ вашей репутаціи. Я не хочу воровать у васъ хлѣбъ. Идите, идите!

— И вы не позволяете мнѣ опять придти?—спросила она умоляющимъ голосомъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Онъ ее слегка толкнулъ къ двери, и дверь затворилась за нею.

Но въ тотъ же часъ она ослушалась его, побѣжавъ къ Розаліи Катцъ, чтобы во всемъ ей признаться и выплакаться у нея на груди. А такъ какъ маленькая смуглая еврейка отличалась мягкостью сердца, и кромѣ того еще была влюблена въ учителя, то онѣ стали плакать вмѣстѣ.

Но онѣ забыли закрыть дверь, и вотъ почему случилось, что господинъ Катцъ, у котораго выросло круглое брюшко отъ благополучной жизни, вошелъ въ комнату дочери, чтобы попросить ее пришить отскочившую отъ жилета пуговицу. Увидавъ, что дѣвушки сидятъ рядышкомъ и плачутъ, онъ сначала деликатно удалился, но послѣ ухода Лилли выспросилъ свою дочку и узналъ все про бѣднаго учителя, про неудачную дѣятельность комитета и порціи шоколада въ кондитерской.

— Ну, этому дѣлу можно помочь,—сказалъ онъ съ улыбкой, покручивая очень тонкую цѣпочку отъ часовъ, протянутую по жилету направо и налѣво отъ пуговицъ. Толстыя цѣпочки носятъ уже только торговцы хлѣбомъ, да и то отставшіе отъ общества.

Недѣлю спустя, докторъ Мельцеръ получилъ заказное письмо, въ которомъ два неизвѣстныхъ господина сообщали ему, что средства для его пребыванія на югѣ имѣются, что онъ долженъ только взять отпускъ и получить деньги на дорогу въ конторѣ Гольдбаума, Катца и Комп.

Въ ясный октябрьскій вечеръ докторъ Мельцеръ уѣхалъ. Его провожали на вокзалъ всѣ учителя. Пришли также Лилли и Розалія, узнавшія о часѣ отъѣзда въ конторѣ у папы Катца; но онѣ стояли въ темнотѣ.

Онъ прошелъ мимо нихъ, завернутый въ толстый плэдъ, съ горящими глазами, устремленными вдаль. Когда поѣздъ двинулся, онѣ крѣпко обнялись и заплакали отъ любви и гордости.

На обратномъ пути, Розалія пригласила подругу зайти съ ней съѣсть по кусочку пирожнаго, такъ какъ для мороженаго было уже слишкомъ холодно. Черезъ четверть часа онѣ сидѣли въ кондитерской и разсматривали иллюстраціи въ журналахъ.

IV.

Съ возвращеніемъ весны, для матери Лилли началась новая веселая жизнь. Она была увѣрена, что теперь уже скоро вернется ея мужъ, и кромѣ того рѣшила, что не стоитъ оставшійся короткій срокъ корпѣть надъ противнымъ шитьемъ. Гораздо проще—нанять квартиру въ девять комнатъ, взять на прокатъ мебель, вывѣсить бѣлую эмалевую дощечку съ надписью: „Пансіонъ для учениковъ". А все остальное уже придетъ. Эти мысли стали исключительно занимать несчастный мозгъ фрау Чепанекъ, дырявый какъ сито отъ вѣчнаго стука машины.

При всей склонности къ фантазерству, Лилли все же сомнѣвалась въ успѣхѣ подобнаго плана. Она помнила еще сердитыхъ кредиторовъ, осаждавшихъ ихъ квартиру послѣ исчезновенія отца, и спрашивала себя также, откуда набрать пансіонеровъ по срединѣ учебнаго года, когда всѣ уже такъ или иначе устроились.

Но мать ея была непоколебима.

— Я пойду къ директорамъ, пойду къ членамъ городского совѣта, — говорила она, и чердакъ снова оглашался ея торжествующими криками:—Я пойду! я пойду!

Она дѣйствительно стала куда-то таинственно исчезать, и часто, возвращаясь изъ школы, Лилли уже не слышала привычнаго стука машины и находила ключъ подъ соломенной подстилкой у двери.

Чѣмъ дальше разростался замыселъ матери Лилли, тѣмъ она становилась все молчаливѣе, и на лицѣ ея было застывшее лукавое выраженіе, какъ у матери, приготовившей дѣтямъ сюрпризъ на елку. Она еще больше румянилась, чѣмъ прежде, и

уже не прятала ящика съ румянами, а спокойно ставила его на комодъ.

Денегъ становилось все меньше. Лилли должна была пользоваться каждой минутой досуга, чтобы работать на машинѣ за мать, которая лишь очень рѣдко соглашалась, по очень настойчивой просьбѣ Лилли, работать сама.

Она все неправильнѣе стала доставлять работу, и имъ грозила опасность вслѣдствіе этого лишиться привычнаго заработка.

Лилли, несмотря на тяжесть труда, не унывала, какъ-то надѣясь, что все „устроится“... Еслибы только она могла хоть разъ выспаться вволю, вмѣсто того, чтобы лежать одѣтой на краю постели между двумя часами ночи и шестью утра, — она ничего бы не имѣла противъ юношескихъ иллюзій матери. Но отъ постояннаго недосыпанія она приходила въ классъ съ красными глазами, чувствовала какую-то завѣсу, отдѣляющую ея тяжелѣющее сознаніе отъ всего окружающаго, и часто вызывала порицанія учителей.

Нужно было, наконецъ, чтобы началась новая жизнь. И дѣйствительно, въ одинъ сѣрый душный іюльскій день совершился поворотъ въ ея судьбѣ.

Придя изъ школы, она увидѣла передъ домомъ два воза, нагруженныхъ новой мебелью, и снизу услышала рѣзкій голосъ матери, очевидно вошедшей въ какія-то препирательства съ чужими людьми. Она побѣжала наверхъ, замирая отъ тяжелаго предчувствія. Два возчика въ черныхъ кожаныхъ передникахъ стояли со счетами и требовали денегъ. Мать бѣгала по комнатѣ, хватаясь за свѣже-завитые волосы, и кричала что-то о мошенничествѣ и эксплуатаціи бѣдныхъ людей. Когда возчики стали смѣяться и заявили, что уѣдутъ обратно, она пришла въ ярость, бросилась вырывать счетъ изъ рукъ возчика, и когда тотъ не давалъ, подскочила къ нему съ кулаками. Лилли съ трудомъ оттащила ее и попросила рабочихъ уйти, говоря, что все будетъ улажено потомъ.

Они ушли, и тогда все бѣшенство матери обратилось на дочь.

— Не будь тебя, — кричала она, — и у меня была бы въ рукахъ квитанція. Мебель уже сегодня разставлена была бы въ новой квартирѣ.

— Какой новой квартирѣ?

Мать разсмѣялась ея недогадливости. Выяснилось, что нанятъ цѣлый этажъ въ девять комнатъ, что къ дверямъ прибита фарфоровая дощечка, которая должна магически привлечь пансіонеровъ. Затѣмъ пріобрѣтено все нужное: мебель... о ней мать

не хотѣла и говорить, чтобы опять не волноваться, затѣмъ занавѣси для двѣнадцати оконъ, ковры, туалетные приборы. Столовая посуда, къ сожалѣнію, еще не готова—выжигаютъ монограммы. Будетъ готово черезъ мѣсяцъ, а пока она купила только простой фаянсъ на восемнадцать персонъ — совсѣмъ простой. Вотъ какая она практичная!

Она разсказывала все это, быстро ходя вокругъ стола. Лилли сдѣлалось почему-то жутко, и она нерѣшительно спросила, какъ она устроилась съ уплатой за вещи. Мать съ достоинствомъ отвѣтила, что такой дамѣ, какъ она, женѣ капельмейстера Чепанека, всякій сочтетъ за честь оказать какой угодно кредитъ.

— Все уже доставлено на квартиру?—спросила Лилли.

Мать засмѣялась.

— Конечно, нѣтъ. Нужно вѣдь раньше привести въ порядокъ квартиру, заново обить, выбѣлить потолки. — Я выбрала очень красивые обои,—съ торжествомъ прибавила она. У Лилли усилилось жуткое чувство. Пока что—обѣда у нихъ не было, и Лилли сварила кофе, пропуская, какъ это у нихъ часто водилось, обѣдъ. Мать жадно выпила кофе, говоря, что нужно торопиться укладывать вещи.

Потомъ на нее вдругъ напалъ новый припадокъ бѣшенства. Она опять стала горько попрекать Лилли за то, что изъ-за нея они въѣдутъ въ новую квартиру не съ прекрасной новой мебелью, а со старой рухлядью. Что̀ скажетъ весь городъ?

Она рвала на себѣ волосы и съ отчаяніемъ размахивала большимъ кухоннымъ ножемъ, которымъ разрѣзала хлѣбъ на ломти. Послѣ того она стала метаться по комнатамъ, вынимать изъ комода и шкапа вещи, наваливая все грудой на полъ. Лилли съ ужасомъ смотрѣла на безцѣльную суету матери и вдругъ увидѣла среди наваленнаго бѣлья свертокъ нотъ, святыню семьи, брошенный на полъ безъ всякаго вниманія... Она наклонилась и подняла его.

— Зачѣмъ ты взяла „Пѣсню Пѣсней“?—крикнула мать, бросаясь къ дочери.

— Я хотѣла только положить ее на столъ, — отвѣтила съ изумленіемъ Лилли.

— Лжешь!—крикнула мать.—Лжешь, негодница! Ты хочешь украсть ее у меня, какъ украла квитанцію. Погоди-ка!

У Лилли что-то вдругъ сверкнуло передъ глазами, она почувствовала боль въ шеѣ, и что-то теплое окутало ей шею и грудь.

Только когда мать замахнулась вторично, она увидѣла, что въ рукахъ у нея хлѣбный ножъ. Она̀ громко вскрикнула и схватила ее за руку.

Но мать вдругъ пріобрѣла какую-то нечеловѣческую силу, и Лилли не могла бы справиться съ нею, еслибы крикъ не привлекъ сосѣдей. Мать схватили сзади и связали ее полотенцами. Ножа, однако, она не выпускала, и только когда призванный врачъ далъ ей успокаивающее средство, она смирилась и разжала руку.

Лилли перевязали и отправили въ больницу, гдѣ она временно и осталась, такъ какъ не знали, куда ее дѣвать. Ей сообщили тамъ, что мать ея отправлена въ одну изъ провинціальныхъ психіатрическихъ больницъ, гдѣ она, вѣроятно, останется на всю жизнь.

Лилли осталась одна на свѣтѣ.

V.

Видный адвокатъ, д-ръ Пиперъ, назначенный опекуномъ Лилли, вызвалъ ее къ себѣ послѣ ея выхода изъ больницы и прочелъ ей цѣлую проповѣдь о томъ, какъ ей нужно заботиться о своей дальнѣйшей карьерѣ въ жизни. Онъ объявилъ ей, что продолжать ученье она не можетъ — на это нѣтъ средствъ, и кромѣ того для красивой дѣвушки нѣтъ смысла сдѣлаться гувернанткой, такъ какъ гувернантки выходятъ замужъ только въ англійскихъ романахъ. Онъ сообщилъ ей далѣе, что самымъ лучшимъ для нея было бы принимать заказы въ большомъ фотографическомъ ателье — тамъ бы ее замѣтили. Но для этого она еще не пріобрѣла достаточнаго умѣнья держаться. На первое время онъ нашелъ ей поэтому болѣе скромное, но подходящее ей пока мѣсто — въ одной библіотекѣ для чтенія. Тамъ она сможетъ и показываться людямъ, и въ то же время завершать свое образованіе, питая свою фантазію чтеніемъ книгъ и получая скромное вознагражденіе—двадцать марокъ въ мѣсяцъ.

Адвокатъ думалъ, что Лилли просіяетъ отъ его отеческихъ заботъ, и былъ страшно удивленъ, когда въ отвѣтъ на его внушенія раздались неожиданныя рыданія молодой дѣвушки.

— Что съ вами?—спросилъ онъ. — Вы, кажется, плачете?

Лилли быстро вытерла слезы и извинилась, оправдываясь тѣмъ, что она еще недавно вышла изъ больницы и еще не вполнѣ оправилась.

Адвокатъ объяснилъ ей, что прежде всего она должна отъучиться отъ всякихъ слезъ, и затѣмъ еще сказалъ, что все оставшееся отъ ея матери должно быть продано; вырученныя деньги

будутъ положены въ сберегательную кассу на черный день. Онъ предложилъ ей отправиться въ сопровожденіи его служащаго на ихъ бывшую квартиру, взять то, что̀ она желаетъ сохранить на память—при этихъ словахъ онъ улыбнулся—и, отдавъ долгъ чувствительности, предоставить все остальное для продажи.

Съ этими словами адвокатъ распростился съ нею холоднымъ рукопожатіемъ, и Лилли отправилась въ сопровожденіи канцелярскаго служителя въ прежнюю квартиру, которую занимала съ матерью. Когда она очутилась въ маленькой, душной комнаткѣ, гдѣ прошли годы ея ученья, у нея было такое чувство, точно передъ нею раскрылась могила ея молодости, точно ей ничего больше не оставалось, какъ лечь и умереть тутъ же на мѣстѣ.

Служитель открылъ окна, раскрывъ ставни, и Лилли увидѣла нетронутую картину ужасающаго послѣдняго вечера: разбросанное бѣлье, засохшія темныя капли крови изъ ея раны... ножъ на полу...

Рыданія подступали ей къ горлу, но она сдержалась, тупо устремила взглядъ въ пространство и взялась за дѣло. Она бросила въ безпорядкѣ всѣ свои платья и вещи, бѣлье, разныя маразрозненныя книги въ дорожную корзину, приготовленную матерью для переселенія въ новую квартиру въ девять комнатъ, и стала осматривать, что̀ бы ей взять на память изъ другихъ вещей. У нея былъ туманъ въ головѣ. Она все видѣла и ничего не узнавала.

На столѣ лежалъ свертокъ, перетянутый резинкой, въ черныхъ пятнахъ отъ ея запекшейся крови—никѣмъ не тронутый, такъ какъ никто не придавалъ ему значенія—„Пѣсня Пѣсней“.

Она схватила рукопись, захлопнула крышку корзины и вышла со сверткомъ нотъ подъ мышкой изъ комнаты—на встрѣчу новой жизни.

VI.

Обѣ дочери фрау Асмусенъ опять покинули кровъ матери. Объ этомъ знала вся Юнкерстштрассе, и Лилли узнала объ этомъ, какъ только вступила въ полутемное помѣщеніе, пропитанное запахомъ пыли и кожи, и гдѣ на полкахъ сосноваго дерева книги тѣснились до самаго потолка.

Фрау Асмусенъ, почтенная съ виду, очень внушительныхъ размѣровъ дама, встрѣтила Лилли съ распростертыми объятіями и стала тотчасъ же увѣрять ее, цѣлуя и проливая слезы, что

она уже заранѣе полюбила ее, какъ родную дочь, но что теперь, увидавъ ее, она совершенно очарована ею.

„А еще говорятъ о холодныхъ чужихъ людяхъ!“—подумала Лилли, растроганная радушнымъ пріемомъ.

Выражая ей свою любовь, фрау Асмусенъ стала тутъ же осыпать ругательствами своихъ родныхъ дочерей, ядовитыхъ змѣй, бросившихъ ее ради отца—тоже негодяя, отверженнаго Богомъ и людьми... Подумать только: онѣ исчезли, оставивъ на столѣ вотъ какую записку: „мы уходимъ къ отцу, потому что ты слишкомъ насъ бьешь и намъ надоѣла вѣчная молочная каша“. Ну, похожа ли она на мать, которая колотитъ своихъ дочерей? Не ясно ли, что она—воплощенная доброта? А вѣдь онѣ, негодныя, уже въ третій разъ вотъ такъ убѣгаютъ отъ нея, позоря ее передъ всѣмъ городомъ... Пусть за то попробуютъ вернуться въ третій разъ! Тутъ въ углу стоитъ метла. Этой метлой она ихъ сейчасъ же выгонитъ на улицу, не пустивъ на порогъ.

Лилли отъ души жалѣла бѣдную женщину и рѣшила употребить всѣ силы души, чтобы возмѣстить покинутой матери ея невѣрныхъ дѣтей.

Среди ихъ перваго сразу откровеннаго разговора въ библіотеку вошелъ молодой человѣкъ, потребовалъ томъ Зола̀, самодовольно оглянулся на Лилли, какъ бы говоря: „вотъ я какой!“, и вышелъ съ торжествующимъ видомъ, получивъ книгу. Онъ при этомъ не обратилъ вниманія на покачиваніе головой дородной библіотекарши.

Послѣ его ухода, фрау Асмусенъ стала плакаться на то, что юность идетъ на встрѣчу гибели, и что она же, злосчастная женщина, вынуждена освѣщать путь погибшимъ созданіямъ.

Въ отвѣтъ на недоумѣніе Лилли она стала говорить ей объ аптекахъ, гдѣ яды хранятся въ особыхъ шкапахъ подъ замкомъ и строгимъ контролемъ, и о томъ, какъ, напротивъ того, духовный ядъ—развращающія книги—свободно дается всѣмъ въ руки. Вотъ она сама принуждена, хотя сердце ея обливается при этомъ кровью, всякому выдавать зловредныя книги, когда ихъ требуютъ... Книги эти вѣдь загубили ея дочерей... Изъ-за книгъ онѣ возмечтали, перестали довольствоваться жизнью и столомъ у матери и ушли къ отцу... этому негодяю, гнусному обманщику, выродку. Она стала предостерегать Лилли отъ этого человѣка, на случай, если она когда-нибудь его встрѣтитъ, и посовѣтовала ей въ подобномъ случаѣ отвернуться и плюнуть въ его сторону.

Лилли прониклась ужасомъ къ страшной преступности этого

человѣка, и ее успокаивала только мысль о томъ, что она нашла покровительницу въ его благородной женѣ.

Черезъ часъ онѣ сѣли ужинать, и неизбалованная Лилли удовольствовалась молочной кашей и хлѣбомъ, намазаннымъ жиромъ. Получи она еще кусочекъ ветчины на этотъ хлѣбъ, какъ въ больницѣ, она считала бы, что очутилась на вершинѣ земного благополучія.

Идти спать было очень весело. Она должна была устроить себѣ ночлегъ на складной кровати, такъ помѣщенной въ тѣсномъ пространствѣ между книжными полками, что Лилли очутилась между двумя книжными утесами, головой у подоконника; въ ногахъ стоялъ стулъ, на которомъ она сложила свои вещи.

На слѣдующее утро она начала учиться новому дѣлу. Она очень легко усвоила принципъ распредѣленія книгъ по шкапамъ въ алфавитномъ порядкѣ и узнала, что такой же порядокъ установленъ для записей взятыхъ и возвращенныхъ книгъ. Она поэтому могла бы сейчасъ же совершенно легко приступить къ исполненію своихъ обязанностей. Но оказалось, что сама фрау Асмусенъ не придерживалась ею же установленнаго порядка, а всовывала возвращенныя книги куда попало; записи же она вносила тоже на первую попавшуюся свободную страницу. Это создало такой хаосъ, что Лилли, взявшись за свое дѣло съ горячимъ рвеніемъ, провела много недѣль въ возстановленіи нарушеннаго порядка.

Со второго дня своей службы въ библіотекѣ она стала замѣчать странныя привычки у своей хозяйки. Въ дневные часы ея почти никогда не было видно, но въ часъ ужина Лилли застала ее сидящею у стола за дымящейся чайной чашкой, причемъ въ воздухѣ носился пріятный запахъ рома и лимона.

— Я страдаю отъ катарральнаго состоянія слизистыхъ оболочекъ,—объяснила она, глядя на Лилли слегка помутнѣвшими глазами,—и принимаю лекарство, прописанное мнѣ однимъ изъ лучшихъ нашихъ докторовъ.

Въ то время какъ Лилли смиренно ѣда жидкую молочную кашу, фрау Асмусенъ пила свое лекарство и отъ времени до времени глубоко вздыхала.

— Разсказывала я вамъ про моихъ дочерей?—вдругъ спросила она.

— Да, разсказывали,—почтительно отвѣтила Лилли.

Все утро вѣдь только и была рѣчь, что о двухъ негодныхъ дочеряхъ и объ ихъ возмутительномъ отцѣ...

— И все-таки, — продолжала фрау Асмусенъ, — вы не мо-

жете вполнѣ представить себѣ ихъ очарованіе. Я, какъ мать, должна была бы молчать, но все-таки должна безпристрастно сказать, что дѣвушекъ съ такими рѣдкими качествами ума и сердца мало на свѣтѣ. Берите съ нимъ примѣръ, милое дитя. Вамъ еще далеко до столь идеальной дѣвичьей чистоты.

У Лилли выпала ложка изъ руки отъ изумленія, а старая дама продолжала свой диѳирамбъ.

— Я разсталась съ ними съ болью въ душѣ, — говорила она, — и онѣ тоже плакали день и ночь. Но что же было дѣлать! Онѣ должны были уѣхать къ отцу. Разсказывала ли я вамъ о моемъ чудномъ мужѣ? Насъ разлучила злая судьба, но мы будемъ любить другъ друга до смерти... Молите Бога, дитя мое, чтобы Онъ далъ вамъ подобнаго мужа и чтобы вы были достойны его. Я, къ несчастію, не оказалась достойной.

Слезы безграничнаго раскаянія текли по ея щекамъ. Много еще она разсказывала въ этотъ вечеръ о достоинствахъ своихъ двухъ дочерей и о благородствѣ своего супруга, пока, наконецъ, нѣсколько разъ возобновивъ порціи лекарства, прописаннаго лучшимъ изъ врачей города, она заснула, обливаясь слезами.

На слѣдующій день съ утра она съ бѣшенствомъ набросилась на Лилли, которая стала подметать библіотеку щеткой, стоявшей у дверей.

— Эта щетка—кричала она — приготовлена для моихъ низкихъ дочерей, если онѣ осмѣлятся переступить мой порогъ. А если вы, негодная дѣвчонка, еще разъ возьмете ее въ руки, то первая же познакомитесь съ нею на себѣ!

Лилли поняла, что у чужихъ людей вовсе не такъ хорошо, какъ ей казалось въ избыткѣ жизненныхъ силъ.

Но наступило еще худшее. Фрау Асмусенъ, видимо сильно заботившаяся о душѣ Лилли, о неприкосновенности ея дѣвичьей фантазіи, запретила ей читать книги изъ библіотеки — чтобы спасти ее отъ участи ея собственныхъ испорченныхъ дочерей. Пока Лилли занята была приведеніемъ въ порядокъ книгъ, у нея не являлось соблазна нарушить запретъ. Но съ осени, когда, несмотря на большій приливъ подписчиковъ, все же увеличивалось число свободныхъ часовъ, а подъ зеленой лампой надъ прилавкомъ такъ уютно сидѣлось, въ то время какъ фрау Асмусенъ мирно погружалась въ сонъ отъ своего „лекарства", у Лилли проснулось любопытство и явился соблазнъ вкусить отъ запрещеннаго плода.

Поводомъ къ этому послужила одна молоденькая дѣвушка, которая пришла въ библіотеку за продолженіемъ взятаго ею ро-

мана и горько расплакалась, когда оказалось, что второй томъ взятъ. Лилли добродушно посовѣтовала ей навѣдаться въ другой, большей библіотекѣ и выдала ей обратно ея залогъ. Сама же она стала перелистывать съ интересомъ книжку, изъ-за которой такъ волновалась молодая посѣтительница. Это оказался романъ Фрейтага, о которомъ Лилли уже много слышала въ школѣ. Она подошла къ двери въ столовую, убѣдилась, что фрау Асмусенъ спитъ глубокимъ сномъ,—и поплыла на всѣхъ парусахъ по океану романтической фантазіи.

Было уже четыре часа утра, когда она кончила первый томъ,—и отчаяніе ея, когда она никакъ не могла найти продолженіе въ теченіе всего слѣдующаго дня, было такъ же велико, какъ у дѣвушки, соблазнившей ее на опасный путь. Чтобы утѣшиться, она взяла другой романъ,—и съ этого злополучнаго вечера Лилли стала жить въ оргіяхъ воображенія. Она пускала въ ходъ всяческія уловки и хитрости, чтобы не возбудить подозрѣнія хозяйки, которая могла бы въ сущности заподозрить ее, видя ея постоянно воспаленные глаза и увеличивающіеся счета за керосинъ. Среди зимы фрау Асмусенъ накрыла, наконецъ, преступницу, вставши случайно раньше ея. Она увидѣла выскользнувшую изъ рукъ Лилли на одѣяло книжку романа и горѣвшую еще на подоконникѣ лампу. Лилли, которую въ жизни никогда никто не ударилъ, проснулась въ ужасѣ отъ жестокихъ побоевъ, которыми ее осыпала взбѣшенная хозяйка. Лилли сознались въ своей винѣ, обѣщала исправиться — но ничто не помогло. Она слишкомъ захвачена была страстью, слишкомъ стремилась уноситься въ міръ фантазіи, гдѣ не было надоѣдливыхъ подписчиковъ, дерзкихъ горничныхъ, приходившихъ за книгами, разрозненныхъ томовъ, молочной каши и побоевъ. Она мирилась со всѣми печалями своей дѣйствительной жизни, зная, что какъ только, наконецъ, фрау Асмусенъ угомонится, принявъ „лекарство“, она опять сможетъ наброситься на первый попавшійся романъ и перенестись въ беззаботный міръ чужихъ прекрасныхъ чувствъ.

VII.

Былъ теплый солнечный день въ мартѣ мѣсяцѣ. Съ крышъ стекали потоки воды, въ воздухѣ пахло оттепелью и чувствовалось, что гдѣ-то вдали зеленѣютъ луга и распускаются вербы.

Лилли, которая за всю зиму выходила на улицу не болѣе трехъ разъ, сидѣла у прилавка и съ тоской глядѣла вдаль. Она

видѣла, какъ вездѣ раскрываются окна и двери, какъ отовсюду высовываются люди, чтобы подышать свѣжимъ весеннимъ воздухомъ. Она тоже тогда широко раскрыла окна, а также открыла входную дверь навстрѣчу веснѣ. Вдругъ она увидѣла комнату въ квартирѣ сосѣдей, жившихъ насупротивъ ихъ и тоже открывшихъ двери, чтобы впустить весенній воздухъ. Она увидѣла красный диванъ съ старомодной спинкой, увидѣла на стѣнахъ засушенные цвѣты подъ стекломъ, артиллерійскій шлемъ съ двумя подвѣшенными накрестъ подъ нимъ шпагами, потомъ фарфороваго льва, портреты въ рамкахъ, бассейнъ съ золотыми рыбками, козій мѣхъ на полу и среди всего этого—молодого человѣка, который ходилъ по комнатѣ съ книжкой въ рукахъ и то исчезалъ на минуту, то снова появлялся передъ дверью.

Этотъ молодой человѣкъ сразу обратилъ на себя ея вниманіе. У него были волнистые свѣтлые волосы, онъ смѣло и свободно откидывалъ голову назадъ, и его темно-красный галстухъ въ цвѣточкахъ показался Лилли идеаломъ свѣтскаго изящества. Она сейчасъ же стала мысленно уподоблять его своимъ любимымъ героямъ изъ прочитанныхъ романовъ и рѣшила, что онъ — воплощеніе одного изъ самыхъ очаровательныхъ героевъ Фрейтага.

Молодой человѣкъ не замѣтилъ ее, и она могла свободно наблюдать за нимъ. Каждый разъ, когда онъ появлялся въ полѣ ея зрѣнія, ей становилось отрадно на сердцѣ, а когда исчезалъ, ей казалось, что у нея похитили нѣчто, составляющее ея неотъемлемую собственность.

Но вдругъ онъ какъ-то поднялъ глаза съ книги и замѣтилъ открытую дверь библіотеки и сидѣвшую тамъ дѣвушку. Въ слѣдующее свое появленіе въ дверяхъ онъ уже принялъ болѣе искусственную позу, преувеличивая свою погруженность въ чтеніе, хмуря лобъ. Лилли въ свою очередь тоже инстинктивно оправила волосы и опустила съ дѣланной небрежностью руку на спинку стула.

Пришедшія въ библіотеку горничныя съ книгами для обмѣна нарушили идиллію. Одна изъ нихъ, уходя, захлопнула за собой дверь, и Лилли уже не рѣшилась снова ее открыть. Но съ этого вечера новый герой занялъ видное мѣсто въ ея мечтахъ.

Съ фрау Асмусенъ она не имѣла случая говорить въ этотъ вечеръ, такъ какъ она стала въ послѣднее время принимать лекарство уже передъ ужиномъ. Но на слѣдующее утро она рѣшилась осторожно справиться о томъ, кто ихъ сосѣди, о которыхъ она сама до того не имѣла никакого представленія.

— А вамъ на что это знать, дрянь-дѣвчонка? — крикнула на нее фрау Асмусенъ, которая отъ прежняго ласковаго тона перешла на непрерывныя ругательства въ обращеніи съ Лилли.

Лилли сказала, что ее разспрашивали подписчики и что она не могла дать имъ никакихъ свѣдѣній. Тогда фрау Асмусенъ, для которой всѣ желанія подписчиковъ были священны, сдѣлалась тотчасъ же очень общительной. Она разсказала, что люди эти ничтожные, совсѣмъ не компанія такой дамѣ, какъ она, что мужъ, отставной фельдфебель, служитъ гдѣ-то въ канцеляріи, а жена шьетъ галстухи на продажу, что они ведутъ самый плебейскій образъ жизни и картофельный супъ съ сосисками считается у нихъ праздничной ѣдой. А всякаго человѣка съ утонченнымъ вкусомъ такая ѣда можетъ вѣдь только привести въ ужасъ.

Лилли, которой уже давно, какъ и недостойнымъ дочерямъ фрау Асмусенъ, надоѣла молочная каша, была противоположнаго мнѣнія объ описанномъ блюдѣ. Чтобы отвлечь разговоръ, она спросила, живетъ ли у сосѣдей еще кто-нибудь.

— Кажется, нѣтъ,—отвѣтила фрау Асмусенъ.— Но у нихъ есть сынъ, гимназистъ. Не знаю, зачѣмъ такіе люди даютъ образованіе своимъ дѣтямъ!

Лилли знала—зачѣмъ. Она понимала, что юноша этотъ—избранникъ, отмѣченный печатью генія, призванный властвовать на землѣ.

Днемъ она опять открыла дверь въ сѣни, но такъ какъ день былъ холодный, то у сосѣдей никому не пришло въ голову тоже открыть двери. Она полюбовалась съ часъ на фарфоровую продолговатую дощечку, на которой написано было: „Л. Редлихъ. Просятъ сильно звонить“, и потомъ вынуждена была закрыть дверь, такъ какъ ноги ея превращались въ ледяныя сосульки.

Съ этого времени она стала слѣдить за возвращеніемъ гимназистовъ домой къ обѣду и, прижавъ къ оконному стеклу лобъ, узнавала уже издалека синія съ бѣлымъ фуражки учениковъ послѣдняго класса. Она узнавала также фуражки товарищей своего сосѣда, приходившихъ къ нему вмѣстѣ готовиться къ экзамену. Постепенно она такъ изучила привычки героя своихъ мечтаній, что даже когда въ библіотекѣ были посѣтители, она по звуку шаговъ на лѣстницѣ знала, кто изъ товарищей ея героя пришелъ; если кто-нибудь изъ нихъ не являлся въ обычный часъ, она думала о томъ, что̀ бы могло его задержать.

Тѣмъ временемъ надвигалась весна и передъ домомъ поставлены были съ обѣихъ сторонъ скамьи. На скамейку съ лѣвой

стороны выходили посидѣть товарищи ея сосѣда до начала совмѣстныхъ занятій, а скамейка съ правой стороны стояла большей частью пустою, потому что сама библіотекарша предпочитала сидѣть въ комнатѣ за „лекарствомъ“, а Лилли не рѣшалась просить у нея позволенія выйти посидѣть на воздухѣ.

Но однажды въ майскій вечеръ она не выдержала въ затхломъ воздухѣ библіотеки и, взявъ для виду вышиванье, вышла посидѣть на скамеечкѣ. Она знала, что „его“ нѣтъ дома, но что онъ навѣрное вернется не позже десяти часовъ. Тогда онъ во всякомъ случаѣ долженъ будетъ хоть пройти мимо нея. Она терпѣливо прождала болѣе получаса и дѣйствительно увидѣла приближающуюся бѣлую съ синимъ фуражку. Въ первую минуту ей хотѣлось поскорѣе убѣжать обратно въ комнату, но она устыдилась и продолжала сидѣть. Онъ подошелъ, поклонился ей, снявъ шапку, и прошелъ мимо.

Она была счастлива: „Вотъ онъ даже поклонился мнѣ!“ думала она въ упоеніи. Прошло десять минутъ, и онъ снова вышелъ изъ дому, сѣлъ на скамейку съ своей стороны и сталъ свистать, дѣлая видъ, что совсѣмъ ее не замѣчаетъ. Она сидѣла, свернувъ вышиванье, и отъ времени до времени вздыхала—даже не отъ любви къ нему, а чтобы не задохнуться отъ волненія. Прошло еще полчаса, и Лилли уже думала, что такъ они и не познакомятся въ этотъ вечеръ. Но вдругъ онъ, притронувшись учтиво къ шапкѣ, сказалъ:

— Теперь, пожалуй, ужъ скоро закроютъ входную дверь, фрейлейнъ.

— Да неужели?—съ испугомъ сказала она.

Боясь, что это обстоятельство окончательно разстроитъ ихъ знакомство, она легкомысленно прибавила:

— Не все ли равно, вѣдь окно открыто.

Онъ что-то пробормоталъ, и Лилли почувствовала, что должна дѣйствовать энергично, для того, чтобы разговоръ опять не оборвался сразу.

— Мы, кажется, сосѣди,—сказала она.

Онъ поднялся съ скамейки и сказалъ:

— Позвольте представиться: Фрицъ Редлихъ, гимназистъ послѣдняго класса.

Лилли, почувствовавшая почти благоговѣніе передъ такимъ титуломъ, разсказала сосѣду, что и она до прошлаго года ходила въ спеціальный классъ и знала кое-кого изъ его товарищей, катаясь съ ними на конькахъ. Она назвала ихъ имена. Но Фрицъ,

заявилъ, что съ ними онъ не ведетъ знакомства: они слишкомъ легкомысленны и скорѣе всего поступятъ потомъ въ полкъ.

— А вы служите теперь въ библіотекѣ? — спросилъ въ свою очередь Фрицъ Редлихъ, и она отвѣтила утвердительно.

Она затѣмъ узнала отъ него, что онъ надѣется осенью сдать окончательный экзаменъ, и стала говорить восторженномъ тономъ, какимъ пишутъ сочиненія въ старшихъ классахъ, о томъ, что завидуетъ ему, что онъ теперь завоюетъ себѣ жизнь, будетъ бороться за правду, что это будетъ чудесно, что она хотѣла бы, хотѣла...

Она чувствовала, что все ея существо проникается ощущеніемъ безграничнаго блаженства, что она готова теперь свершить какое угодно безумство. Быстро пожелавъ ему спокойной ночи, она, наконецъ, убѣжала къ себѣ и заперла дверь на засовъ. Очутившись въ библіотекѣ, она стала метаться между пыльными полками, вздыхая. Душа ея жаждала звуковъ. Ей хотѣлось пѣть пѣснь о Валгаллѣ изъ Вагнеровской оперы, но ее нельзя было передать пѣніемъ безъ оркестра.

И вдругъ она вспомнила одну изъ пѣсень, озарявшихъ ея дѣтство, отрывокъ изъ „Пѣсни Пѣсней“ ея отца: „Я ищу того, кого любитъ душа“... Она пѣла тихимъ, нетвердымъ голосомъ, но достаточно громко, чтобы онъ могъ услышать за окномъ. Когда она, однако, выглянула за окно, его уже не было на улицѣ.

Тогда она стала пѣть еще громче и вдругъ почувствовала безпричинную великую скорбь, точно сама испытывала на себѣ позоръ и боль отъ ранъ, о которыхъ она пѣла, точно сама бродила по улицамъ и тщетно искала того, кого не могла найти.

И все-таки все это было великимъ счастьемъ.

Съ нѣмецкаго З. В.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СУМЕРКИ

Въ сумеркахъ я подхожу къ окну,
Тишина за мной недвижно встала.
Все вокругъ глубоко воспріяло,
Какъ живую душу, тишину.
Есть восторги жизни у предметовъ:
Часто слышу я, когда одинъ,
Голоса портретовъ и картинъ;
Съ книжныхъ полокъ—музыку поэтовъ.
И одни лишь сумерки полны
Видимой, зеркальной тишины.
Вся беззвучность, но не бездыханность,
Тишина стоитъ, сомкнувъ уста,
И въ ея безмолвьи разлита
Сумерекъ загадочная странность;
Какъ печаль, они плывутъ извнѣ,
Заливаютъ рѣзкость очертаній
И дрожатъ и таютъ на окнѣ
Трепетомъ послѣднихъ угасаній.
Все молчитъ. Лишь скорбь поетъ во мнѣ
Роковую пѣснь воспоминаній.

Океанъ унылъ какъ небеса.
Лишь на самомъ горизонтѣ мутномъ,
Такъ сурово-дико безпріютномъ,
Желтая осталась полоса.
И гляжу я, глазъ не отрывая,
Какъ она тускнѣетъ, остывая,
Сѣрымъ пепломъ кроется...

Прощай,
Отблескъ дня послѣдній и печальный!
Скоро ночь сама изъ края въ край
Развернетъ свой саванъ погребальный,
И душѣ глубоко станетъ жаль
Сумерки, безмолвье и печаль.

А. Ѳедоровъ.

НА СОВРЕМЕННУЮ ТЕМУ

Въ нашей росписи на 1909-й годъ мы читаемъ, что обыкновенные доходы и расходы доведены въ ней до крайнихъ своихъ предѣловъ. И ранѣе неоднократно уже указывалось бывшимъ министромъ финансовъ С. Ю. Витте и государственнымъ контролеромъ на истощеніе платежныхъ силъ населенія.

Между тѣмъ, много самыхъ насущныхъ потребностей остается безъ удовлетворенія. Здѣсь не поможетъ и нажиманіе податного винта. Налоговыя реформы имѣютъ свое значеніе, но относительное: впередъ должна быть выдвинута мысль о развитіи производительныхъ силъ страны. Нужно сначала въ карманъ населенію положить, и тогда уже выкачивать изъ него.

Въ сущности, обложеніе въ абсолютныхъ цифрахъ у насъ не очень велико, но, вслѣдствіе бѣдности населенія, и въ этомъ размѣрѣ налоги для него непосильны; вотъ почему въ настоящее время мы и уперлись въ вопросъ о развитіи производительныхъ силъ страны.

До сихъ поръ эта проблема не ставилась во всей своей широтѣ и полнотѣ; теперь ее слѣдуетъ поставить, и поставить вмѣстѣ со всѣми вытекающими изъ нея послѣдствіями. Мы думали достичь блестящихъ финансовыхъ результатовъ, привлекая иностранные капиталы и создавая крупныя промышленныя предпріятія безъ должнаго экономическаго фундамента: мы маскировали наши бюджеты системой преуменьшенныхъ исчисленій, и, постоянно получая превышеніе дѣйствительныхъ поступленій надъ смѣтными предположеніями, склонны были считать это за матеріальное преуспѣяніе страны.

Оффиціальныя сферы не разъ ссылались на ростъ потребленія въ Россіи, но на этотъ ростъ оказывала вліяніе усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, а недоимочность крестьянскихъ массъ кричала о паденіи деревни. Недоимки слишкомъ били въ глаза, и ихъ, время отъ времени, срѣзывали, пока совсѣмъ не уничтожили. Теперь этого

показателя дѣйствительнаго положенія деревни нѣтъ. Мы поступили здѣсь такъ же, какъ поступилъ одинъ браминъ, которому религія запрещала убивать живыхъ существъ; ему показали подъ микроскопомъ воду, и онъ увидалъ въ ней миріады инфузорій; приходилось, чтобы согласовать свою жизнь съ религіей, не пить воды,—слѣдовательно, отказаться отъ жизни. Браминъ поступилъ просто: разбилъ микроскопъ, пересталъ видѣть въ водѣ инфузорій и спокойно продолжалъ пить воду.

Мы теперь срѣзали выкупные платежи, но этимъ не измѣнили той почвы, на которой выростали недоимки, какъ волдыри на зараженномъ организмѣ. Гдѣ прямые сборы въ той или другой формѣ касаются массъ населенія, мы видимъ, что недоимки вновь появляются. Такъ, недоимочность въ платежахъ по крестьянскому банку сильно растетъ: въ 1904 году, при годовомъ окладѣ платежей, причитающихся съ заемщиковъ банка въ размѣрѣ 22,4 милл. рублей, недоимка составляла 8% оклада, а въ 1905 году — уже 17%, въ 1906 году—25%; въ нѣкоторыхъ же губерніяхъ, какъ-то Черниговской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Тамбовской, Пензенской и Казанской, недоборъ въ 1906 году достигъ 54—85% годового оклада. Здѣсь оправдывается пословица: „гони природу въ дверь—она влетитъ въ окно".

По даннымъ объяснительной записки, приложенной къ смѣтѣ доходовъ департамента окладныхъ сборовъ на 1909 годъ, съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель поступило налога государственнаго и поземельнаго 6.200 тыс. р., при годовомъ окладѣ въ 7.700 тыс. рублей. „Такимъ образомъ, — читаемъ мы въ этой запискѣ, — въ минувшемъ году, несмотря на вполнѣ удовлетворительный урожай, не допоступило налога съ земель указанныхъ категорій—1.500 тыс. рублей". Итакъ, и годовой окладъ въ 7.700 тыс. р. для крестьянской массы непосиленъ даже при вполнѣ удовлетворительномъ урожаѣ. Одинъ этотъ фактъ чрезвычайно краснорѣчиво говоритъ о печальномъ положеніи нашего крестьянства. Если огромная крестьянская масса не можетъ уплатить оклада въ *7.700* тыс. р., то, очевидно, положеніе ея весьма тяжелое.

Да, бюджетъ Россіи быстро растетъ, населеніе же остается во тьмѣ, и ему не подъ силу отрабатывать все растущее бремя. Мелкій кредитъ не организованъ, крестьяне располагаютъ въ этой области до смѣшного ничтожными средствами: въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на душу населенія выданныхъ ссудъ изъ учрежденій мелкаго кредита приходится по одной копѣйкѣ!

Я не буду приводить данныхъ, иллюстрирующихъ урожайность главнѣйшихъ хлѣбовъ у насъ и за границей. Это—общеизвѣстно. Но

приведу данныя объ урожайности льна. У насъ урожайность десятины льна за послѣднее десятилѣтіе около 17—20 пудовъ. Ранѣе она доходила до 22,5 пуд., а въ Пруссіи средній урожай — 36 пуд., въ Ирландіи — отъ 33 до 37 пуд., въ Бельгіи — отъ 33 до 40 пуд., во Франціи — отъ 55 до 58 пуд. (см. записку всероссійскаго общества льнопромышленниковъ о льноводствѣ и льняной промышленности въ Россіи) [1]).

Итакъ, урожайность льна у насъ гораздо ниже, чѣмъ въ другихъ странахъ, и, повидимому, она уменьшается. Даже въ упомянутой запискѣ констатируется „неуклонное паденіе льняного волокна, о чемъ можно судить по уменьшенію выхода чесанаго льна изъ льна сырца. Качество льна ухудшается, такъ какъ ленъ, за истощеніемъ почвы, не находитъ въ землѣ достаточныхъ питательныхъ веществъ, необходимыхъ для полнаго его развитія, а для удобренія почвы минеральными веществами у крестьянъ нѣтъ средствъ. Ленъ очень истощаетъ почву, и послѣ него требуется хорошее удобреніе. Вотъ почему для культуры льна нужно хорошее скотоводство, а въ нашемъ скотоводствѣ замѣтны грозные признаки паденія. Льноводство, какъ говоритъ одинъ спеціалистъ, можно совершенствовать лишь вмѣстѣ съ развитіемъ всѣхъ частей хозяйства, иначе за свою ошибку можно поплатиться разореніемъ.

Самая обработка льна у насъ мало удовлетворительна. И въ этомъ, сравнительно узкомъ вопросѣ мы сталкиваемся съ общими условіями поднятія у насъ сельскаго хозяйства. Намъ надо снабдить населеніе знаніемъ, обезпечить его агрономической помощью, нужно указать ему пути для выхода изъ даннаго положенія вещей. Надо снабдить наши земства средствами, и только тогда дѣло агрономической помощи населенію будетъ поставлено правильно.

Для льна нужны хорошія сѣмена, нужны льномялки, а у крестьянъ нѣтъ денегъ; поэтому надо организовать въ широкихъ размѣрахъ мелкій кредитъ. Надо развить въ нашей деревнѣ ассоціаціонное начало; только при такихъ условіяхъ наше сельское хозяйство станетъ развиваться.

Не только падаетъ у насъ сельское хозяйство, но мѣняется самая поверхность земли: растутъ овраги, развиваются пески. Если Голландія отвоевываетъ песчаныя дюны у моря, засаживая ихъ растеніями, скрѣпляющими почву, то мы ежегодно отдаемъ большія пространства пескамъ...

---

[1]) А также интересную статью бар. А. Нольде—„Льноводство и льняная промышленность въ Россіи“ въ приложеніи къ книгѣ Автальона: „Борьба хлопка и льна“. Москва 1909 г.

При падающемъ сельскомъ хозяйствѣ, при страшно низкой покупательной способности населенія промышленность не можетъ у насъ быстро развиваться; вотъ почему и населеніе не можетъ разсасываться въ промышленности, въ городскихъ центрахъ. Подъ вліяніемъ этого у насъ особенно обострилась жажда земли: крестьянинъ, какъ улитка, присосался къ землѣ, и его трудно оторвать отъ нея.

Условія нашей общественной жизни всѣ были опутаны произволомъ и не содѣйствовали развитію энергіи и предпріимчивости въ населеніи. Я не говорю уже о школѣ, но и самая жизнь представляла неблагопріятную воспитательную обстановку. Какой, напр., воспитательный матеріалъ давало наше законодательство? Я приведу нѣсколько иллюстрацій, выхваченныхъ наудачу.

На казенныхъ земляхъ существуетъ у насъ горная свобода относительно опредѣленныхъ ископаемыхъ. Если кто-либо найдетъ таковыя, отводка ему мѣстности можетъ быть произведена подъ условіемъ минимальнаго количества добычи; но это количество можетъ быть таково, что условіе окажется неисполнимымъ, отводъ будетъ отобранъ и проявленная энергія вознаграждена не будетъ.

У насъ допущена горная свобода на золото на казенныхъ земляхъ и земляхъ Кабинета Его Величества. Кто найдетъ золото, тотъ долженъ сдѣлать заявку, съ указаніемъ мѣста, результата пробной промывки, состава пріисковой партіи и т. д. Если будетъ пропущено лицо, бывшее въ пріисковой партіи, или невѣрно указаны результаты промывки, и такъ далѣе, то это можетъ отсрочить отводъ или даже опорочить заявку. Относительно каждаго, неугоднаго тому или другому чиновнику, можетъ быть пущена въ ходъ со всею строгостью эта законодательная формалистика. Такой формализмъ у насъ существовалъ до 1903 г., когда новымъ закономъ онъ былъ нѣсколько ослабленъ.

Наше законодательство одной рукой какъ будто поощряетъ развитіе предпріимчивости и энергіи, а въ другой всегда держало кандалы, чтобы, въ случаѣ чего, скрутить эту предпріимчивость. И пока царитъ административное усмотрѣніе, проникающее всѣ поры нашей жизни, не можетъ развиваться предпріимчивость. Для развитія ея надо, чтобы люди почувствовали вокругъ себя другую атмосферу.

Передъ нами въ настоящее время стоитъ великая задача: развитіе производительныхъ силъ страны, при иной, конечно, политической обстановкѣ. Налоговая реформа, снявъ чрезмѣрный налоговый гнетъ съ массъ, дастъ имъ больше возможности развивать свои производительныя силы; но одной этой реформы недостаточно. Передъ нами масса задержанныхъ потребностей, самыхъ элементарныхъ, самыхъ насущныхъ, безъ удовлетворенія которыхъ нельзя вести чело-

вѣческое существованіе; но для этого нѣтъ средствъ. И какіе налоги ни придумывать, они дадутъ лишь крохи сравнительно съ тѣми огромными требованіями, которыя предъявляетъ жизнь.

Сознаніе пріоритета основной задачи слѣдуетъ пробудить и въ обществѣ, и въ правительствѣ. Къ сожалѣнію, и въ обществѣ у насъ эта мысль недостаточно продумана: мы недостаточно сознаемъ тѣ громадныя богатства, которыми располагаемъ, и ту жалкую роль, которую мы играемъ, не эксплоатируя ихъ. Въ нашемъ обществѣ дѣятельность, направленная на эксплоатацію такихъ богатствъ, на проложеніе новыхъ путей въ этой эксплоатаціи, не окружается должнымъ вниманіемъ.

Вслѣдствіе нашей спячки мы превратились въ экономическихъ данниковъ болѣе культурныхъ государствъ: около половины нашего долга находится за границей и очень крупную сумму намъ приходится уплачивать по нашему долгу.

Мы расходуемъ крупныя суммы на пріобрѣтеніе хлопка для снабженія нашихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, а между тѣмъ, въ Закаспійской области мы могли бы въ широкихъ размѣрахъ повести его культуру, и не только снабжать имъ себя, но и Европу.

Можно сказать, что мы переплатили за границу за хлопокъ около 4 милліардовъ рублей; мы ввозимъ его ежегодно на сумму около 80—100 милл. рублей, тогда какъ въ нашихъ рукахъ всѣ условія для того, чтобы Европу превратить въ нашу данницу въ этомъ отношеніи, а не намъ оставаться данниками Соединенныхъ Штатовъ [1]).

Соединенные Штаты за послѣднее время стремятся свой хлопокъ перерабатывать у себя: это даетъ заработокъ большему количеству рабочихъ.

Только за пять послѣднихъ лѣтъ Германія на такую цифру увеличила свою внѣшнюю торговлю, которая равняется всему обороту по внѣшней торговлѣ Россіи. Что мы сдѣлали въ теченіе тысячелѣтія, то Германія произвела въ пять лѣтъ.

И въ этой области многое могло бы быть сдѣлано нами, но у насъ нѣтъ должной предпріимчивости.

Тормозомъ къ развитію русской торговли съ Германіей служитъ опять-таки наше нежеланіе двигаться. Прежде мы просто сидѣли дома, теперь начинаемъ посылать за границу образцы товаровъ, но самимъ поѣхать намъ не хочется, а на мѣстѣ лично лучше было бы столковаться.

---

[1]) Какъ англичане интересуются культурой хлопка! См. интересный Report on agriculture in Asia Minor with special reference to cotton cultivation, by prof. Wyndham Dunstan. Лондонъ, 1908 (Parliam. Pap.).

При желаніи можно было бы развить нашу торговлю съ Германіей, хотя бы фруктами. Итальянцы открыли свои фруктовыя лавки въ Берлинѣ, и дѣло идетъ. Можно было бы сильно увеличить нашъ экспортъ въ Германію терпентина. Теперь онъ иногда сбывается туда такого плохого качества, что его и очищать-то нельзя. По полученнымъ мною лично въ Берлинѣ свѣдѣніямъ, экспортъ терпентина въ Германію могъ бы увеличиться разъ въ 5—8, а то и болѣе. Даже такіе продукты, съ которыми мы не знаемъ, что дѣлать—сухая кровь животныхъ, рыбья чешуя, нашли бы себѣ здѣсь сбытъ.

Надо обратить вниманіе на перевозку нашихъ продуктовъ: иногда они приходятъ въ такомъ ужасномъ видѣ, что и показать-то совѣстно покупателямъ. Очевидно, мы или упаковывать не умѣемъ, или наши желѣзныя дороги относятся очень небрежно къ перевозкѣ. Нашимъ биржамъ слѣдовало бы послать нѣсколькихъ лицъ на главнѣйшіе рынки Германіи для изслѣдованія, какъ можно расширить нашъ вывозъ, какъ вообще оживить наши торговыя сношенія. Здѣсь вѣдь иногда мелочи, напримѣръ упаковка яблокъ, имѣютъ крупное значеніе. Оживленіе торговыхъ сношеній повело бы за собой притокъ иностранныхъ капиталовъ къ намъ. Конечно, общія условія у насъ для этого притока не вполнѣ благопріятны: и наша концессіонная система утвержденія акціонерныхъ предпріятій, и наше отношеніе къ евреямъ. Въ Берлинѣ въ торговлѣ крупную роль играютъ евреи, а, между тѣмъ, поѣздки ихъ въ Россію обставлены особыми разрѣшеніями. Какъ же можно вести торговлю съ Россіей, когда побывать въ ней трудно, а тѣмъ болѣе—какъ помѣщать свои средства въ промышленныя предпріятія въ Россіи? Недавно въ этомъ смыслѣ высказался такъ-называемый Русско-нѣмецкій союзъ для развитія торговли Россіи съ Германіей. Этотъ союзъ указалъ на желательность облегченія указанныхъ выше затрудненій въ интересахъ развитія торговли Россіи съ Германіей. Евреи явились бы здѣсь дрожжами, они оживили бы нашъ товарообмѣнъ. Недаромъ весьма компетентное въ вопросахъ торговли лицо, знакомясь съ экономической жизнью одного захолустнаго, но обладающаго естественными богатствами угла, телеграфировало императору Александру III, что для оживленія края надо бы сюда послать вагона два евреевъ... Локализируя талантливую расу въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи, мы этимъ самымъ вредимъ самимъ себѣ, вредимъ нашему экономическому преуспѣянію.

Когда посмотришь на нашу страну и ея спящія богатства, больно становится за нашу нищету.

Въ нашихъ сказкахъ говорится о магическихъ заклинаніяхъ, которыми вызываются наружу клады, цѣлые вѣка сокрытые въ тайникахъ земли...

Эти заклинанія, по народнымъ старымъ легендамъ — удѣлъ волшебниковъ, колдуновъ. Только они знали волшебныя слова, которыя заставляли раскрываться нѣдра земли и обнаруживать сокровища.

Но то было прежде.

Теперь каждый можетъ сдѣлаться такимъ волшебникомъ, магомъ, и эти заклинательныя формулы стали извѣстны... наукѣ, знанію.

Зачѣмъ же мы не пользуемся ими? Какой злой рокъ тяготѣетъ надъ нами? Въ самомъ дѣлѣ, геологи могутъ легко опредѣлить, есть ли нефть или золото въ данной мѣстности. Агрономъ знаетъ формулу, по которой можно получить урожай не самъ-4, самъ-5, а самъ-50—60, самъ-100 и больше.

Жезлъ Аарона расцвѣлъ въ еврейской синагогѣ, а теперь наука можетъ заставить цвѣсти не только маленькую сухую палку, а цѣлыя песчаныя пустыни. Посмотрите, какъ умѣютъ пользоваться этими научными заклинаніями американцы, какъ громадныя пустыни они превратили въ цвѣтущіе сады...

Что же тяготѣетъ надъ нами? Почему не можемъ мы разсѣять тьму, насъ окружающую?

Все спитъ въ Россіи: спятъ громадные богатѣйшіе наши лѣса, спитъ золото, мраморъ.

Давайте же, властнымъ словомъ подчинимъ себѣ природу, спабдимъ населеніе формулами изъ богатаго запаса науки. Самая насущная задача времени — народное образованіе, разсѣяніе тьмы. У насъ жалуются—нѣтъ людей. Во тьмѣ не видно, порѣдѣетъ тьма, и въ проблескахъ свѣта мы увидимъ таланты, людей власти надъ природой, и гиганты ума предстанутъ тогда передъ нами.

Мы ищемъ алмазовъ, идемъ для этого въ пустыни, мы стремимся промывать золото, чтобы добыть его. Сколько лишеній для этого претерпѣваемъ мы, а живые алмазы — дѣтскія души — мы оставляемъ втунѣ, мы проходимъ мимо нихъ, не хотимъ нагнуться, чтобы придать имъ оправу—а пытливыя очи малютки лучше собираютъ въ себя лучи свѣта, чѣмъ алмазъ...

Учителя — вѣдь это гранильщики этихъ живыхъ алмазовъ. Какъ цѣнный алмазъ можно испортить, обезцѣнить неумѣлымъ гранѳніемъ, такъ и учителя, если они не влагаютъ душу свою въ это святое дѣло, могутъ испортить живой алмазъ. Шлифуя дѣтскую душу, они должны сохранять всѣ ея индивидуальныя особенности, всю ея многогранность.

Каковъ учитель, такова будетъ молодая Россія.

Дѣти, которымъ теперь 9 — 10 лѣтъ, черезъ 15, много 20 лѣтъ будутъ имѣть огромное значеніе для нашей родины. Мы должны обставить благопріятно въ матеріальномъ отношеніи народнаго учителя, чтобы онъ могъ отдаться своему дѣлу.

Теперь въ Россіи народный учитель—забитое существо. Надо ему влить мужество, сознаніе великой задачи: пусть онъ почувствуетъ себя зодчимъ новой Россіи, пусть онъ знаетъ, что новое зданіе Россіи онъ самъ еще увидитъ.

Пусть новая Россія отнесется съ бо̀льшимъ вниманіемъ къ новому зодчему и скажетъ ясно, чего она отъ него ждетъ. Вѣдь отъ этого зависитъ и поднятіе земледѣлія въ Россіи, и наша внѣшняя оборона, и развитіе производительныхъ силъ страны.

Выдача желѣзнодорожныхъ концессій послѣдняго времени, помимо лучшаго оборудованія Россіи желѣзными дорогами, имѣетъ своей задачей и привлеченіе къ намъ золота.

Въ самомъ дѣлѣ, уже болѣе половины платежей по нашему государственному долгу въ настоящее время идетъ за границу. Мы стремились перевести нашъ долгъ за границу, и для даннаго момента это было хорошо—получался притокъ золота; но теперь, какъ послѣдствіе этого, постоянной, все притомъ утолщающейся струей золото должно течь за границу, какъ % по долгу...

Въ 1892 году изъ всѣхъ платежей, произведенныхъ по системѣ нашего государственнаго кредита, за границу шло только 13,4% (всего было уплачено 241,4 милл. руб., въ томъ числѣ за границу—32,6 милл. руб.); въ 1905 году туда шло уже 47,9%. Въ 1906 году передвиженіе долга за границу повидимому пріостановилось, по крайней мѣрѣ относительно; изъ всѣхъ платежей, произведенныхъ по системѣ государственнаго кредита, туда пошло 170,5 милл. руб., т.-е. 47,8%, хотя абсолютно платежи за границу значительно увеличились (въ 1905 году уплачено было за границу 146,9 милл. руб.). Эта пріостановка передвиженія долга объясняется тревожнымъ настроеніемъ: очевидно, за границей неохотно брали наши бумаги. Въ 1907 году нашъ долгъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ за границу: по отчету государственнаго контроля въ этомъ году по системѣ государственнаго кредита было израсходовано 374.266 тыс. руб., въ томъ числѣ за границей 190.590 тыс. руб., т.-е. 50,9%. Слѣдовательно, болѣе половины нашего долга въ настоящее время находится за границей. Золотая дань, которую мы должны платить, растетъ и растетъ. А между тѣмъ нашъ торговый балансъ за послѣднее время все ухудшается и ухудшается: въ 1905 году онъ далъ намъ 442,2 милл. руб., въ 1906 году онъ былъ въ нашу пользу на 294,2 милл. руб., а въ 1907 году—на 211,4 милл. руб. Причина этого ухудшенія—неудовлетворительный сборъ хлѣбовъ за 1905—1907 г.г.

Съ неурожаемъ улетаетъ изъ Россіи и золото, накопленное съ та-

кимъ трудомъ, и снова приходится накачивать его извнѣ. И здѣсь поднятіе урожайности у насъ могло бы сильно измѣнить балансъ въ нашу пользу. Увеличеніе расходовъ на народное образованіе, на агрономическую помощь населенію, помимо всего прочаго, могло бы отразиться весьма благопріятно на нашемъ торговомъ балансѣ.

За текущій 1908 годъ наблюдается еще большее ухудшеніе въ нашемъ торговомъ балансѣ: такъ, въ 1907 году за первые 8 мѣсяцевъ балансъ былъ въ нашу пользу на 158 милл. руб., а въ 1908 году— только на 76,3 милл. руб., т.-е. за первые 8 мѣсяцевъ въ 1908 году нашъ торговый балансъ ухудшился сравнительно съ 1907 годомъ на цѣлыхъ 81,6 милл. руб.

Въ 1907 году за первые 8 мѣсяцевъ было вывезено пшеницы изъ Россіи на 86,5 милл. руб., въ 1908 году—только на 48,9 милл. Кукурузы за тотъ же срокъ вывезено въ 1907 году на 33,4 милл. руб., въ 1908 г.—на 22,4 милл. руб.

Итакъ, въ 1905 году мы уплатили по нашему долгу за границу почти 147 милл. руб., торговый балансъ далъ въ нашу пользу въ томъ же 1905 г. 442,2 милл. руб. (у насъ есть много другихъ платежей за границей, но я на нихъ не буду останавливаться). Въ 1907 году мы уплатили за границу по нашему долгу уже 190,6 милл. руб., а торговый балансъ далъ намъ всего 211,4 милл. руб., т.-е. золотомъ, полученнымъ по торговому балансу, мы покрываемъ только платежи по государственному долгу, на остальные же расходы—казенные заказы, расходы нашихъ путешественниковъ и такъ далѣе—остается очень немного. Въ 1908 году торговый балансъ такъ ухудшился, что золота, полученнаго нами такимъ путемъ,—это уже ясно въ настоящее время,—не хватитъ даже только для оплаты нашихъ государственныхъ долговыхъ обязательствъ, находящихся за границей, и намъ придется, волей-неволей, заключать займы для оплаты нашихъ заграничныхъ расходовъ.

При такой утечкѣ золота, понятно, почему мин-во финансовъ торопится съ займомъ для покрытія дефицита по бюджету 1909 года. Въ самомъ дѣлѣ, размѣръ дефицита Думой еще не былъ опредѣленъ, а министръ настаивалъ на томъ, чтобы былъ принятъ заемъ для покрытія его. Между тѣмъ, дефицитъ можетъ оказаться въ меньшемъ размѣрѣ, и, въ крайнемъ случаѣ, сравнительно небольшой заемъ могъ бы быть помѣщенъ въ Россіи при помощи сберегательныхъ кассъ, гдѣ вклады постоянно растутъ. Министерство финансовъ располагаетъ въ этихъ кассахъ резервуаромъ для помѣщенія небольшихъ внутреннихъ займовъ. Если оно, тѣмъ не менѣе, поторопилось съ займомъ, то при этомъ, быть можетъ, играли роль отмѣченные выше неблагопріятные симптомы въ нашемъ торговомъ балансѣ и усили-

вающаяся перепродажа нашихъ долговыхъ обязательствъ за границу. При такихъ условіяхъ можетъ стать необходимымъ дѣлать займы даже и въ томъ случаѣ, когда нѣтъ дефицита въ бюджетѣ.

Другая черта любопытна въ нашемъ государственномъ долгѣ: въ 1902 году нашъ государственный долгъ равнялся 4.648 милл. руб., въ то же время значилось долговъ и недоимокъ госуд. казначейству на 4.026 милл. руб. На 1-ое января 1908 года нашъ государственный долгъ увеличился до 8.725 милл. руб., а долги и недоимки государственному казначейству составляли только 1.886 милл. руб. Итакъ, долги государства растутъ, а долги государственному казначейству уменьшаются. Въ этомъ уменьшеніи главная роль принадлежала сложенію долговъ желѣзныхъ дорогъ при выкупѣ ихъ въ казну и сложенію выкупного долга съ крестьянъ. Въ настоящее время въ суммѣ долга государственному казначейству главную роль играютъ долги желѣзно-дорожныхъ обществъ — 764 милл. руб., долги по ссудамъ изъ госуд. казначейства—299 милл. руб., военное вознагражденіе—408 милл. руб.

Итакъ, нашъ балансъ за послѣднее время очень неблагопріятенъ. Мы не принимали мѣръ къ постепенному поднятію производительныхъ силъ. Золото не срослось органически съ нашей страной. Но ужъ если надо накачивать его къ намъ, то, прежде всего, намъ надо имъ воспользоваться для нуждъ народнаго образованія: золотымъ ключомъ, занятымъ у европейцевъ, мы откроемъ тогда темныя головы нашихъ массъ. Намъ надо всячески привлекать иностранные капиталы. Но это трудно, пока не измѣнится направленіе политики. Капиталъ—очень пугливая птичка. Онъ идетъ туда, гдѣ спокойно; онъ боится всякихъ чрезвычайныхъ мѣръ, и пока Россія окружена охранами, до тѣхъ поръ надежды немного на его привлеченіе къ намъ.

Недавно мнѣ пришлось говорить съ однимъ американцемъ, знающимъ хорошо свое отечество и настроеніе капиталистовъ. И когда я поставилъ ему вопросъ, пойдутъ ли къ намъ американскіе капиталы, онъ категорически заявилъ: „нѣтъ, пока не измѣнится политика въ Россіи, пока не будутъ сняты чрезвычайныя охраны, не будетъ дана свобода печати; и это—прибавилъ онъ—не мое личное мнѣніе, а мнѣніе капиталистовъ въ Америкѣ"... Да, русскій крестьянинъ сорокъ восемь лѣтъ тому назадъ *формально* сдѣлался свободнымъ, но въ дѣйствительной жизни онъ вновь закованъ въ крѣпкія цѣпи экономической зависимости, умственной тьмы...

Надъ нимъ тяготѣетъ необходимость аренды земель на какихъ угодно условіяхъ. И въ этихъ тяжелыхъ кандалахъ еле движется русскій крестьянинъ на громадныхъ россійскихъ пространствахъ. Голодъ и холодъ постоянно вѣютъ надъ его головой.

Тамъ, у сосѣдей и за океаномъ, развивается жизнь, тамъ бьетъ ключомъ энергія, тамъ люди побѣждаютъ природу. Тамъ гордо, поднявъ голову, стоитъ человѣкъ—у насъ онъ согбенъ, ковыряетъ по прежнему матушку-землю, какъ это дѣлали его дѣды и прадѣды...

И, конечно, природа не отвѣчаетъ на эти грубыя ласки, скудно вознаграждаетъ его, и онъ долженъ голодать...

Нашъ крестьянинъ забитъ, онъ всего боится, боится по старой памяти: „въ Москвѣ—бояре, въ деревнѣ—татаре, въ лѣсу—сучки, въ городѣ—крючки"... Онъ опутанъ суевѣріями, связывающими каждый его шагъ. Въ школѣ не развивали его духовныхъ силъ; внѣ школы его пріучали быть послушнымъ, выполнять чужую, непонятную для него волю.

Слѣпой, безвольный, запуганный, стоялъ крестьянинъ передъ новой надвигающейся жизнью, стоялъ и не зналъ, что ему дѣлать... И, конечно, не онъ побѣждалъ жизнь, а жизнь гнела его. На его зовъ богатства не выходили изъ земли, природа не слушалась его, не исполняла его желаній.

И все-таки, несмотря на реакцію, крестьянскія массы просыпаются: онѣ вездѣ тянутся къ свѣту, понимаютъ значеніе школы и будутъ больше и больше средствъ удѣлять на нихъ. Они понимаютъ значеніе печати, начинаютъ читать газеты—и какія трогательныя письма приходится получать изъ пробуждающейся деревни!

Крестьянскія массы понимаютъ теперь важность для нихъ участія въ земствѣ, вообще въ самоуправленіи, и сюда, конечно, они внесутъ здоровую струю.

Въ этомъ углубленномъ сознаніи собственныхъ своихъ реальныхъ нуждъ лежитъ фактъ великой важности. Не можетъ политическое строительство провести послѣднія теченія государственной мысли въ темную разъединенную массу; прежде всего надо объединить эту массу, раскрыть ей глаза—и масса инстинктивно начинаетъ идти въ этомъ направленіи.

Мы должны учиться строительному соціальному искусству—иначе не съумѣемъ довести до конца начатую постройку, или, пожалуй, то, что построимъ, обрушится.

Ныньче лѣтомъ было нѣсколько ужасныхъ катастрофъ, напр. на Рыковскихъ рудникахъ, гдѣ, по сообщенію газетъ, хотя и были нѣкоторыя предохранительныя лампы, но инженеры не знали ихъ употребленія. Было нѣсколько катастрофъ со строящимися домами — и опять говорятъ о важныхъ дефектахъ, допущенныхъ при постройкѣ, по небрежности или по незнанію.

Это намъ урокъ. Мы, русскіе, нерѣдко небрежно относимся ко всему, вездѣ полагаясь на авось.

У насъ нерѣдко слышишь отъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно отъ юристовъ, что они ищутъ лишь общаго образованія, что детали ихъ не интересуютъ, что, когда жизнь предъявитъ на нихъ требованіе, можно справиться. Но вѣдь детали деталямъ рознь, и безъ усвоенія общей связи изучаемыхъ явленій не будетъ дѣйствительнаго пониманія жизни, а слѣдовательно, невозможна будетъ и работа.

Молодежь должна понять, — и въ значительной своей части уже понимаетъ,—что на ней лежатъ серьезныя обязанности, особенно теперь, когда въ нѣкоторой дозѣ, хотя и небольшой, намъ принадлежитъ участіе въ строительствѣ Россіи.

Трудъ, серьезный трудъ, любовь къ нему, вмѣстѣ со строгимъ отношеніемъ къ разъ принятымъ на себя обязанностямъ—вотъ что должно быть привито къ нашему обществу.

Слишкомъ легкое отношеніе ко всему—у насъ въ характерѣ и объясняется нашей малой культурностью.

Коренной переработки требуетъ не только русскій государственный строй, но и русское общество.

Ив. Озеровъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1909.

Общій характеръ положенія.—Разладъ между формой и содержаніемъ.—Серьозная ошибка думскаго большинства. — Неудачныя историческія ссылки. — Статистика смертныхъ казней. — Поучительный процессъ. — Крайности „мѣстнаго законодательства".—Эксперты и думскія коммиссіи.—Предѣлы власти предсѣдателя Думы.— Н. В. Муравьевъ †.

Кто живетъ или живалъ въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, какое удручающее впечатлѣніе производятъ дни позднихъ осеннихъ оттепелей, сырые, холодные, темные, парализующіе энергію, несущіе съ собою сѣмена всѣхъ возможныхъ болѣзней. Всего труднѣе переносятся они тогда, когда возвращаются съ новой силой послѣ короткаго промежутка бодрящей, ясной погоды. Обманутая надежда на конецъ ненастья усиливаетъ тоску, которую оно всегда ведетъ за собою. Не помогаетъ и сознаніе, что ненастье пройдетъ; безконечнымъ кажется промежутокъ времени, послѣ котораго вновь проглянетъ солнце. Нѣчто подобное испытываетъ теперь русское общество. Долго, очень долго его окружала густая, безпросвѣтная тьма. Единственной поддержкой служила увѣренность, что должна же наступить, рано или поздно, желанная перемѣна. И она дѣйствительно наступила — наступила среди бури, тѣмъ болѣе сильной, чѣмъ продолжительнѣе и полнѣе было искусственное затишье. Естественно было думать, что эта буря очиститъ воздухъ, что жертвы, которыхъ она стоила, принесены не даромъ. Можно было, пожалуй, опасаться новыхъ потрясеній — но всего менѣе вѣроятнымъ представлялся возвратъ къ прошедшему, сѣрому, тягучему и безотрадному, какъ ноябрьская непогода. Невѣроятное, однако, оказывается возможнымъ. Реакція опять овладѣла Россіей; опять не видно конца положенію дѣлъ, тягостному для народной массы и выгодному лишь для немногихъ. Конечно, исторія не повторяется: въ русскую жизнь вошли новые элементы — но ими

далеко не уравновѣшивается усиленіе и обостреніе старыхъ, слишкомъ давно знакомыхъ.

Невыносимое бремя налагаютъ на Россію, прежде всего, всякаго рода охраны. Введенныя оффиціально болѣе четверти вѣка тому назадъ, существовавшія и раньше, въ видѣ полномочій третьяго отдѣленія и корпуса жандармовъ, онѣ никогда, при прежнемъ режимѣ, не достигали такого распространенія и такой интенсивности, какъ въ настоящее время. Поразительно противорѣчіе между общимъ закономъ, гарантирующимъ извѣстную сумму правъ и обѣщающимъ извѣстную долю свободы—и экстраординарными положеніями, ставящими большинство населенія въ зависимость отъ ничѣмъ не ограниченнаго бюрократическаго произвола. Громадная власть, для которой можетъ найтись нѣкоторое оправданіе развѣ въ исключительныхъ случаяхъ и въ немногія критическія минуты, ввѣряется нѣсколькимъ десяткамъ лицъ, бо́льшею частью вовсе не подготовленныхъ къ правительственной дѣятельности, на долгіе, много разъ возобновляемые сроки и остается неприкосновенной—или умаляется едва замѣтно,—хотя давно и безслѣдно миновали обстоятельства, которыми мотивировалось ея созданіе. Не дальше, какъ нѣсколько дней тому назадъ, продлено еще на полгода дѣйствіе чрезвычайной охраны въ Москвѣ, гдѣ она была введена въ 1905-мъ году, наканунѣ декабрьскихъ событій. Напрасно было бы искать этому объясненіе въ какихъ-нибудь новыхъ, тревожныхъ усложненіяхъ. Въ Москвѣ, какъ и во всей Россіи, несомнѣнно наступило *успокоеніе*. Безспорно, его нельзя смѣшивать съ тѣмъ дѣйствительнымъ *спокойствіемъ*, необходимой предпосылкой котораго служитъ увѣренность въ ненарушимости права; но оно не оставляетъ мѣста для мѣръ, къ которымъ государство можетъ прибѣгать только въ состояніи „необходимой обороны“, т.-е. въ виду непосредственно грозящей опасности, неотвратимой другими, нормальными средствами. Обычный доводъ защитниковъ чрезвычайной охраны—ссылка на продолжающуюся подпольную работу, на раскрываемые, одинъ за другимъ, преступные замыслы противъ государственнаго или общественнаго порядка — не что̀ иное, какъ плохой софизмъ: чтобы предупредить и преслѣдовать преступленія—*настоящія* преступленія, предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ — органы правительства не нуждаются въ внѣ-легальной или сверхъ-легальной дискреціонной власти.

Казалось бы, что обязанность протеста противъ безконечно длящихся исключительныхъ положеній лежитъ, главнымъ образомъ, на Государственной Думѣ. Какъ бы ненормаленъ ни былъ избирательный законъ, которому она обязана своимъ существованіемъ, все же она представляетъ собою часть населенія—и, что̀ еще важнѣе, является

единственнымъ учрежденіемъ, имѣющимъ право и возможность возвышать свой голосъ среди всеобщаго молчанія. Ей слѣдовало бы понять, что ничѣмъ не оправдываемое дѣйствіе экстраординарныхъ охранъ ставить ее въ фальшивое положеніе, создаетъ для нея условія, несовмѣстныя съ ея достоинствомъ и прямо противорѣчащія ея назначенію. Призванная къ законодательной дѣятельности, она присутствуетъ при изданіи, цѣлымъ рядомъ маленькихъ законодателей, цѣлаго ряда мѣстныхъ законовъ. Облеченная правомъ и обязанностью убѣждаться въ закономѣрности административныхъ распоряженій, она видитъ ежедневно повторяющіяся отступленія отъ закона, ускользающія отъ ея контроля, какъ входящія—или относимыя—въ область той или другой категоріи охранныхъ правилъ. Отъ народнаго представительства ожидалось обновленіе политическаго и соціальнаго строя, давно переставшаго отвѣчать потребностямъ и степени развитія страны—а ему приходится быть свидѣтелемъ усилій, направленныхъ къ сохраненію или возстановленію старыхъ порядковъ. Много разъ Государственной Думѣ представлялся случай заявить, что пора возвратиться къ закону, какъ къ единственной нормѣ государственной жизни—но большинство упорно отказывалось вступить на эту дорогу. Даже тогда, когда изъ среды большинства исходили попытки осудить по крайней мѣрѣ самыя рѣзкія крайности генералъ-губернаторскаго произвола, онѣ отодвигались на задній планъ и подолгу оставались какъ бы забытыми: припомнимъ, напримѣръ, что до сихъ поръ не разсмотрѣнъ Думой внесенный еще весною запросъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ ялтинскаго градоправителя, генерала Думбадзе. Дѣло въ томъ, что думское большинство никакъ не можетъ освободиться отъ двойного гипноза: гипноза вражды, непримиримой вражды къ лѣвымъ партіямъ, въ особенности къ партіи народной свободы—и гипноза вѣры въ спасительную силу ссылокъ и казней. Чрезвычайно характерна, съ этой точки зрѣнія, рѣчь депутата Половцева (октябриста, мало чѣмъ отличающагося отъ умѣренныхъ—и даже неумѣренныхъ—правыхъ), произнесенная въ засѣданіи 10-го декабря. Она вызвала продолжительныя рукоплесканія справа и въ центрѣ и можетъ быть разсматриваема, слѣдовательно, какъ вѣрное отраженіе настроеній, широко распространенныхъ въ средѣ Думы.

Законопроектъ, по поводу котораго была сказана рѣчь г. Половцева, касался „вспомоществованія изъ средствъ Государственнаго Казначейства пострадавшимъ отъ разбойническихъ дѣйствій революціонныхъ партій и лицъ“. Предшествующіе ораторы говорили о томъ, необходимо ли такое вспомоществованіе, и если необходимо, то за кѣмъ должно быть признано право на полученіе пособій. Совершенно ясно было для всѣхъ, что характеръ законопроекта—чисто политическій,

что въ основаніи его лежатъ соображенія цѣлесообразности, не имѣющія ничего общаго съ положеніями гражданскаго права. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это понималъ и г. Половцевъ; но ему понадобилась ссылка на первую часть десятаго тома, чтобы уклониться въ сторону отъ предмета преній и развить еще разъ любимые тезисы нашихъ „охранителей“: „во всемъ виноваты кадеты, вмѣстѣ съ гр. Витте“ и „поменьше сантиментальности, побольше крови“. Въ этихъ видахъ онъ цитировалъ ст. 687 св. зак. гражд., по которой „господа и вѣрители отвѣтствуютъ за вредъ и убытки, причиненные ихъ слугами и повѣренными при исполненіи ихъ порученій“. Государство, какъ господинъ и вѣритель, должно отвѣчать за убытки, причиненные дѣйствіями— или бездѣйствіемъ — его слугъ, т.-е. носителей правительственной власти. Бездѣйствовало „освободительное правительство 1905-го года“; его бездѣйствіемъ обусловленъ длинный рядъ преступленій, отъ которыхъ пострадали тысячи мирныхъ гражданъ и должностныхъ лицъ; съ непосредственныхъ виновниковъ происшедшіе отсюда убытки взыскать нельзя за ихъ несостоятельностью, съ „подстрекателей“ — за трудностью установить причинную связь между ихъ словами и внушенными или заранѣе оправданными ими дѣлами; ergo—государство обязано принять убытки на свой счетъ и покрыть ихъ назначеніемъ пенсій пострадавшимъ или ихъ семействамъ. Такова канва, на которой г. Половцевъ вышилъ свои узоры. Само собою разумѣется, что разрѣшеніе вопроса, лежащаго въ совершенно другой плоскости, не подвинулось отъ того ни на шагъ впередъ; но ораторъ получилъ дорогую для него возможность растравить лишній разъ зіяющую рану, до закрытія которой нельзя и думать о дѣйствительномъ умиротвореніи страны.

Объединивъ непосредственныхъ виновниковъ — террористовъ — общими имъ всѣмъ принципами соціализма и усмотрѣвъ въ соціализмѣ продуктъ недовольства людей, не умѣющихъ достигнуть желательнаго для нихъ благосостоянія (!), г. Половцевъ перешелъ къ „подстрекателямъ“, кругъ которыхъ онъ очертилъ весьма широко. Сюда вошли и представители лѣвой печати, и члены „крупной общественной группы“, публично протягивавшей руку террористамъ, восхвалявшей ихъ преступныя дѣянія, заслонявшей ихъ отъ преслѣдованія со стороны правительства. Подъ именемъ этой группы разумѣется, конечно, партія народной свободы, противъ которой и были выдвинуты... давно забытая газетная статья и давнишнее, никѣмъ не провѣренное сообщеніе объ одномъ эпизодѣ тверскихъ выборовъ 1907-го года. Добавочной уликой должна была послужить роль, которую съиграла еврейская группа въ установленіи (на выборахъ 1907-го года) списка кадетскихъ кандидатовъ; но ораторъ забылъ объяснить, въ чемъ заключается

отношеніе между этою ролью и „подстрекательствомъ“ къ террору. Къ чему понадобилось вообще новое переливаніе мутной воды, въ которой уже много разъ тщетно старались утопить непріятную и неудобную партію — это тайна г. Половцева и его друзей, столь же мало, какъ и онъ, заботящихся о сбереженіи времени и объ охраненіи достоинства Государственной Думы.

За разворачиваньемъ пепла нашего недавняго прошлаго, въ тщетной надеждѣ разжечь потухшее пламя, послѣдовала экскурсія въ область западно-европейской исторіи. Меньше всего г. Половцевъ останавливается на Англіи, утверждая, что англійскій парламентъ, въ моментъ особенно сильнаго чартистскаго движенія, пріостановилъ дѣйствіе „великой хартіи свободы“—между тѣмъ какъ пріостановлено было, въ 1848 г., только дѣйствіе акта Habeas Corpus, да и то не въ самой Англіи, а только въ Ирландіи, гдѣ смуты шли вовсе не отъ чартистовъ. Больше матеріала даетъ оратору Франція, гдѣ усмиреніе іюньскаго возстанія—Кавеньякомъ, и возстанія парижской коммуны—Тьеромъ, дѣйствительно сопровождалось потоками крови. Чтобы справка была вѣрна и полна, нужно было, однако, прибавить, что и въ 1848-мъ году, и въ 1871-мъ за возстановленіемъ порядка не послѣдовало длиннаго ряда казней: въ 1871 г., напримѣръ, казнено было въ силу судебныхъ рѣшеній всего двадцать одно лицо. Одно дѣло — стихійныя проявленія жестокости, пока продолжается или когда только что окончился отчаянный бой; совершенно другое дѣло—смертные приговоры, постановляемые и исполняемые одинъ за другимъ въ сравнительно спокойное время, когда нѣтъ никакой открытой борьбы и ничто не угрожаетъ существующему государственному строю. Да и что доказываетъ ссылка на Кавеньяка и на Тьера? Лучше ли жилось французамъ послѣ массовыхъ разстрѣловъ на улицахъ Парижа? Надолго ли укрѣпился тотъ порядокъ, въ защиту котораго сражался Кавеньякъ? Можно ли отрицать глубокую внутреннюю связь между способомъ подавленія іюньскаго мятежа и декабрьскимъ переворотомъ? Безслѣдно ли исчезли сѣмена вражды и недовѣрія, посѣянныя въ маѣ 1871-го года?... Да, крутыя репрессіи знакомы и западной Европѣ; но еслибы и можно было установить тождество условій, при которыхъ онѣ примѣнялись тамъ и примѣняются у насъ, это служило бы только нѣкоторымъ объясненіемъ, а отнюдь не оправданіемъ печальной дѣйствительности.

Въ концѣ рѣчи г. Половцевъ направляетъ свои удары противъ „освободительнаго правительства 1905-го года“, утверждая, что оно „распустило заразу по всей странѣ“ и вызвало, своею „нераспорядительностью“, рядъ террористическихъ актовъ. „Освободительнымъ“ министерство графа Витте можетъ считаться лишь на столько, на

сколько оно участвовало въ законодательномъ актѣ, измѣнившемъ государственный строй Россіи. Не странно ли, что его *иронически* называетъ этимъ именемъ членъ союза, знаменемъ котораго служитъ манифестъ 17-го октября?... Еще болѣе странно, что въ нераспорядительности, въ неиспользованіи полномочій обвиняется министерство, при которомъ совершены первыя „карательныя экспедиціи" и стали произноситься въ небываломъ до тѣхъ поръ числѣ смертные приговоры. Что же оно должно было еще сдѣлать, чтобы не навлечь на себя упрекъ въ „распущеніи заразы"? Его стараются пристыдить примѣромъ Кавеньяка и Тьера; но чѣмъ же многое, происходившее, въ декабрѣ 1905-го года, въ окрестностяхъ Москвы и въ деревняхъ Лифляндіи, отличается отъ аналогичныхъ сценъ на улицахъ Парижа, на кладбищѣ отца-Лашеза? Что же нужно было еще сдѣлать, чтобы стать на высоту положенія, какъ ее понимаетъ представитель октябристовъ? Казнить безъ суда весь совѣтъ рабочихъ депутатовъ, съ Хрусталевымъ-Носаремъ во главѣ? Разгромить редакціи радикальныхъ газетъ и услать куда-нибудь подальше вождей только что слагавшейся тогда кадетской партіи? Для такихъ мѣръ не найдется прецедентовъ и въ дѣятельности самыхъ энергичныхъ французскихъ усмирителей... Ретроспективная критика „освободительнаго правительства" заключаетъ въ себѣ, implicite, программу требованій, предъявляемыхъ къ нынѣшнему министерству. Если гр. Витте и П. Н. Дурново оказываются виновными въ „нераспорядительности", то отъ П. А. Столыпина ожидается, очевидно, неуклонная твердость въ проведеніи „успокоительной" политики, немыслимой безъ экстраординарныхъ охранъ и чрезвычайныхъ репрессій. Отвѣтственность за эту политику ложится всецѣло на думское большинство, апплодирующее такимъ ораторамъ какъ г. Половцевъ. Совершенно незначительная сама по себѣ, его рѣчь заслуживаетъ вниманія какъ показатель теченій, господствующихъ въ третьей Думѣ.

А между тѣмъ, больше чѣмъ когда-либо ясна именно теперь несостоятельность системы, требующей непрерывно растущихъ и все-таки безплодныхъ жертвъ. По истинѣ потрясающее впечатлѣніе производитъ появившаяся недавно въ печати статистика смертныхъ приговоровъ и смертныхъ казней. Въ теченіе одного ноября мѣсяца приговорено было къ смерти 210 человѣкъ (на 32 больше, чѣмъ въ октябрѣ), казнено—82 (на 29 больше, чѣмъ въ октябрѣ). За одиннадцать первыхъ мѣсяцевъ 1908-го года смертныхъ приговоровъ постановлено 1691, исполнено—663. Въ теченіе этого времени было очень мало крупныхъ террористическихъ актовъ, да и не по всѣмъ тѣмъ, къ которымъ прикосновенно значительное число лицъ, закончено судебное производство; и все-таки количество казней достигаетъ

ужасающихъ размѣровъ. Распредѣленіе ихъ по мѣсяцамъ свидѣтельствуетъ о томъ, что устрашающаго значенія онѣ не имѣютъ. Когда извѣстный видъ уголовной кары глубоко возмущаетъ чувство человѣчности, идетъ въ разрѣзъ съ элементарной справедливостью, понижаетъ уровень народной нравственности, оправданіемъ для него не можетъ служить даже достиженіе ближайшей его цѣли, т.-е. нѣкоторое уменьшеніе числа или тяжести преступленій; оно покупается слишкомъ дорогою цѣною. Что же сказать о такой карѣ, если въ ея защиту нельзя сослаться даже на ея цѣлесообразность? Вся сумма вреда, приносимаго широкимъ, не уменьшающимся примѣненіемъ смертной казни, опредѣлится только въ будущемъ; но и теперь уже нельзя сомнѣваться въ томъ, что кровавый слѣдъ смертныхъ приговоровъ проникаетъ далеко и изгладится нескоро. Народнымъ представителямъ, какъ бы мало они ни имѣли правъ на это имя, пора отрѣшиться отъ солидарности съ системой, за каждый день дѣйствія которой придется расплачиваться цѣлыми годами. Пора дать ходъ законопроекту объ отмѣнѣ смертной казни, внесенному въ Государственную Думу еще весною; пора вспомнить, что аналогичный законопроектъ первою Думой былъ принятъ единогласно и нашелъ принципіальныхъ защитниковъ даже въ Государственномъ Совѣтѣ. Если его сторонники на этотъ разъ и останутся въ меньшинствѣ, пренія, во всякомъ случаѣ, освѣтятъ новымъ свѣтомъ наболѣвшій вопросъ. Не можетъ быть, чтобы въ средѣ центра и даже правыхъ не нашлось людей, способныхъ возстать если не противъ смертной казни вообще, то хотя бы противъ злоупотребленія ею. Уже въ засѣданіи 10-го декабря священникъ Маньковскій, принадлежащій къ числу правыхъ, имѣлъ мужество осудить всякое лишеніе жизни, не исключая того, которое совершается на основаніи судебнаго приговора. „Каждая капля человѣческой крови священна“!—воскликнулъ почтенный представитель подольской губерніи.—„Съ глубокимъ убѣжденіемъ я повторю эти слова и въ тотъ великій историческій день, когда будетъ рѣшаться вопросъ о поддержаніи или объ отмѣнѣ смертной казни. Какъ служитель Христа, заповѣдавшаго семьдесятъ разъ прощать вину и молившагося о врагахъ своихъ, какъ служитель Христа—отъ имени Христа я не стану поддерживать смертную казнь и къ закону о продолженіи смертной казни никогда не приложу своей руки, приносящей безкровную жертву объ умилостивленіи Бога за грѣхи всѣхъ людей“. Нѣтъ причины думать, что такъ смотритъ на дѣло въ средѣ правыхъ только отецъ Маньковскій. Уже по этому одному дальнѣйшее промедленіе въ постановкѣ на очередь законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни было бы—въ противоположность извѣстной французской формулѣ—больше чѣмъ ошибкой: оно было бы преступленіемъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что апологеты и поклонники смертной казни пустятъ въ ходъ, какъ аргументъ въ ея защиту, недавнее рѣшеніе французской палаты депутатовъ, отклонившей, большинствомъ голосовъ, законопроектъ о совершенномъ исключеніи смертной казни изъ числа уголовныхъ наказаній. Нетрудно, однако, показать, что этотъ аргументъ не имѣетъ никакой убѣдительной силы. Во Франціи число ежегодно исполняемыхъ смертныхъ приговоровъ давно уже опредѣлялось единицами, а въ послѣдніе годы сводилось къ нулю: президентъ республики, пользуясь принадлежащимъ ему правомъ помилованія, систематически даруетъ жизнь осужденнымъ, даже за самыя тяжкія преступленія. Сохраненіе смертной казни въ французскомъ уголовномъ кодексѣ является, слѣдовательно, не чѣмъ инымъ, какъ угрозой, примѣнимой только къ немногимъ, исключительнымъ случаямъ, да и въ этихъ случаяхъ почти никогда не приводимой въ дѣйствіе. Совсѣмъ другое значеніе, какъ показываетъ печальный опытъ, имѣетъ сохраненіе смертной казни въ Россіи, при нынѣшнихъ условіяхъ. Не говоримъ уже о томъ, что во Франціи смертная казнь можетъ быть совершена только на основаніи вердикта присяжныхъ, произнесеннаго послѣ тщательнаго судебнаго разбирательства, при соблюденіи всѣхъ гарантій, установленныхъ общимъ закономъ. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила являются тѣ крайне рѣдкіе случаи, когда смертный приговоръ постановляется военнымъ судомъ, противъ военнослужащихъ, признанныхъ виновными въ особенно тяжкомъ нарушеніи служебнаго долга. За чисто политическія преступленія смертная казнь не назначается во Франціи уже съ 1848-го года. Какъ мало, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, сходства между французскими порядками и нашими — это слишкомъ хорошо извѣстно.

Чрезвычайно яркою иллюстраціей одного изъ главныхъ доводовъ противъ смертной казни—обусловливаемой ею непоправимости судебной ошибки — служитъ процессъ, производившійся недавно въ московскомъ окружномъ судѣ. Въ маѣ 1906-го года совершено было въ Москвѣ, пятью лицами, ограбленіе винной лавки. Грабители бѣжали; во время погони за ними однимъ изъ нихъ былъ убитъ городовой. Нѣсколько времени спустя ткачиха Прохоровской фабрики Рыжова показала у судебнаго слѣдователя, что она видѣла людей, входившихъ въ винную лавку передъ совершеніемъ преступленія, и узнала въ одномъ изъ нихъ бывшаго рабочаго той же фабрики, Кузнецова; затѣмъ она видѣла, какъ Кузнецовъ выстрѣлилъ въ городового. Что Кузнецовъ былъ въ числѣ убѣгавшихъ изъ винной лавки — это подтвердилъ свидѣтель Запольскій. Пять свидѣтелей — въ томъ числѣ сидѣлица винной лавки, хорошо знавшая Кузнецова, какъ постояннаго

покупателя,—показали, что онъ не участвовалъ въ нападеніи на винную лавку. Два свидѣтеля подтвердили объясненіе Кузнецова, что въ моментъ нападенія онъ былъ въ своей квартирѣ. Преданный суду по законамъ военнаго времени, Кузнецовъ, въ ноябрѣ 1906-го года, былъ приговоренъ московскимъ окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Генералъ-губернаторъ замѣнилъ казнь безсрочной каторгой. Въ январѣ 1907-го года Кузнецовъ заявилъ прокурору московскаго окружного суда, что Рыжова и Запольскій свидѣтельствовали противъ него ложно, по злобѣ: Рыжова была съ нимъ раньше въ любовной связи, прерванной имъ потому что она „гуляла“ съ другими, а Запольскому онъ далъ пощечину за оскорбленіе, нанесенное имъ сестрѣ Кузнецова. Началось новое слѣдствіе, во время котораго бывшій защитникъ Кузнецова, прис. повѣренный Николаевъ, и исполнявшій обязанности секретаря въ военно-окружномъ судѣ Анферовъ показали, что только Рыжова и Запольскій, въ особенности первая, дали матеріалъ для обвинительнаго приговора; никто, кромѣ нихъ, не опозналъ Кузнецова, а нѣкоторые свидѣтели, описывавшіе наружность напавшихъ на винную лавку, прямо говорили, что въ числѣ ихъ Кузнецова не было. И Николаевъ, и Анферовъ удостовѣряютъ, что показаніе Рыжовой отличалось необыкновенной страстностью; она не разъ порывалась вмѣшиваться въ показанія другихъ свидѣтелей, и предсѣдателю приходилось неоднократно останавливать ее. Показанія Рыжовой и Запольскаго были во многомъ несогласны съ показаніями другихъ свидѣтелей. Такъ, разстояніе, съ котораго Кузнецовъ будто бы стрѣлялъ въ городового, указано Запольскимъ несогласно съ другими. Рыжова говорила, что Кузнецовъ во время возстанія участвовалъ въ боевой дружинѣ и тамъ ему дали прозваніе „Золотой“; между тѣмъ по провѣркѣ оказалось, что въ дружинникахъ онъ не былъ, а прозваніе „Золотой“ имѣлъ и прежде, также какъ и всѣ его родственники, по названію деревни, изъ которой они родомъ (Золотово). Вообще всѣ показанія Рыжовой производили впечатлѣніе неискренности. Запольскій оказался глухимъ настолько, что на судѣ ему приходилось кричать вопросы на ухо; между тѣмъ, онъ показывалъ, будто *слышалъ* разговоръ четырехъ злоумышленниковъ. Запольскаго переспрашивали нѣсколько разъ, и каждый разъ въ показаніи его былъ какой-нибудь новый варіантъ то въ числѣ убѣгавшихъ грабителей, то въ ихъ костюмахъ и т. п. Свидѣтели, и раньше показывавшіе въ пользу Кузнецова, подтвердили свои показанія, а единственная, кромѣ Рыжовой и Запольскаго — и гораздо менѣе важная — свидѣтельница обвиненія отказалась отъ своихъ прежнихъ объясненій. Результатомъ слѣдствія было преданіе Рыжовой и Запольскаго суду за лжеприсягу. Кузнецовъ явился на судъ въ кандалахъ, какъ отбывающій безсроч-

ную каторгу. Все раскрытое слѣдствіемъ подтвердилось на судѣ. Показанія Николаева и Анферова обнаружили еще одинъ важный фактъ: въ производствѣ военно-окружного суда имѣлись двѣ бумаги охраннаго отдѣленія, въ которыхъ ничего дурного о Кузнецовѣ не сообщалось. По словамъ Николаева, приговоръ, назначившій Кузнецову смертную казнь, былъ совершенной неожиданностью для всѣхъ, кто былъ въ это время въ залѣ суда: всѣ ахнули, а раздавшійся затѣмъ отчаянный крикъ Кузнецова: „Клянусь, что я умру безвинно!“ —потрясъ всѣхъ. Присяжные засѣдатели признали обоихъ подсудимыхъ виновными въ лжеприсягѣ: Рыжову — съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, Запольскаго—вслѣдствіе замѣшательства и по недостаточному пониманію святости присяги; Рыжова приговорена къ каторгѣ на четыре года, Запольскій — къ заключенію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи на одинъ годъ. Послѣдствіемъ этого приговора долженъ быть пересмотръ дѣла о Кузнецовѣ; оправданіе его едва ли подлежитъ сомнѣнію—но кто вознаградитъ его за душевную пытку, перенесенную имъ въ то время, когда надъ нимъ тяготѣлъ смертный приговоръ, и за двухлѣтнее отбываніе каторжной работы, безъ всякой почти надежды на освобожденіе? А что, еслибы смертная казнь не была замѣнена для Кузнецова безсрочной каторгой, и его невинность обнаружилась бы лишь послѣ его смерти? Это было вполнѣ возможно. Смягченіе наказанія, опредѣленнаго военнымъ судомъ, предоставлено всецѣло усмотрѣнію генералъ-губернатора или командующаго войсками. Трудно предположить, что его резолюціи всегда предшествуетъ подробное изученіе дѣла; слишкомъ много постановляется смертныхъ приговоровъ, слишкомъ велика, обыкновенно, торопливость въ ихъ исполненіи, слишкомъ распространено убѣжденіе, что для возстановленія порядка необходима строгость. Часто ли, притомъ, у осужденныхъ бываютъ заступники, до конца усиливающіеся спасти ихъ жизнь? А когда приговоръ исполненъ, часто ли находятся люди, готовые и способные взять на себя трудъ возстановленія добраго имени погибшихъ? Если случаевъ обнаруженія невинности казненныхъ до сихъ поръ было мало, то отсюда еще не слѣдуетъ, что мало въ этой области произошло судебныхъ ошибокъ. Одной безспорно доказанной ошибки достаточно, впрочемъ, для того, чтобы раскрыть весь ужасъ неотмѣнимой и невознаградимой уголовной кары.

Процессъ Рыжовой и Запольскаго поучителенъ еще въ другомъ отношеніи: онъ указываетъ на существенные дефекты въ производствѣ военно-окружныхъ судовъ. Можно сказать съ достовѣрностью, что въ другомъ судѣ, при другихъ условіяхъ, осужденіе Кузнецова—въ особенности осужденіе его на смерть — было бы совершенно немыслимо. Въ самомъ дѣлѣ, изъ двухъ единственныхъ свидѣтельскихъ

показаній, служившихъ опорой обвиненія, одно было отмѣчено печатью явнаго пристрастія, другое было полно противорѣчій. Въ пользу подсудимаго свидѣтельствовалъ цѣлый рядъ лицъ, ничѣмъ съ нимъ не связанныхъ, ничѣмъ не заинтересованныхъ въ его оправданіи. Удостовѣрялось его alibi; удостовѣрялось, что его не было въ числѣ лицъ, ограбившихъ винную лавку. Со стороны суда не было принято мѣръ къ выясненію обстоятельствъ, которыя Кузнецовъ приводилъ въ свое оправданіе; не были вызваны указанные имъ свидѣтели, только потому, что онъ не могъ назвать ихъ по имени, а обозначалъ лишь нумера фабричныхъ станковъ, при которыхъ они вмѣстѣ съ нимъ работали. Совершенно понятно, что приговоръ, постановленный судомъ, удивилъ и поразилъ всѣхъ присутствовавшихъ. Самая передача дѣла на разсмотрѣніе военнаго суда возбуждаетъ въ судьяхъ презумпцію о виновности подсудимаго — презумпцію, изъ-подъ гнета которой трудно освободиться. Она усиливается сознаніемъ судей, что отъ нихъ ожидается обвинительный приговоръ—и притомъ приговоръ именно къ смертной казни. Разсматриваемое сквозь такую призму, все дѣло получаетъ особую окраску: слабыя улики превращаются въ полновѣсныя доказательства, все говорящее за подсудимаго обезцвѣчивается и отбрасывается въ сторону. Пора, давно пора положить этому конецъ и возстановить для всей категоріи дѣлъ, теперь относимыхъ къ вѣдѣнію военнаго суда, нормальный порядокъ производства. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи должна быть повсемѣстная отмѣна не только чрезвычайной, но и усиленной охраны.

Къ чему приводятъ исключительныя положенія въ другой сферѣ— въ сферѣ разросшагося до невѣроятныхъ размѣровъ „мѣстнаго законодательства“—это показываетъ новѣйшее обязательное постановленіе московскаго генералъ-губернатора, состоявшееся вслѣдъ за продленіемъ въ Москвѣ срока дѣйствія чрезвычайной охраны. На основаніи этого постановленія „книжные склады, магазины, учрежденія, а равно и *частныя лица*, имѣющія произведенія печати, изъятыя изъ обращенія по распоряженію подлежащихъ властей, обязаны, немедленно по опубликованіи о таковомъ изъятіи въ установленномъ порядкѣ, сдавать означенныя произведенія печати на храненіе полиціи или предъявлять ихъ полиціи для опечатанія, съ оставленіемъ на храненіи у себя подъ личную отвѣтственность какъ за сохранность наложенныхъ печатей, такъ и за цѣлость опечатанныхъ изданій“. Дѣйствіе этого постановленія распространяется и на произведенія печати, раньше изъятыя изъ обращенія. Нарушителямъ постановленія оно грозитъ штрафомъ до 3.000 рублей, или заключеніемъ въ тюрьмѣ или крѣпости до трехъ мѣсяцевъ, или арестомъ на тотъ же срокъ. Всѣ эти кары налагаются въ административномъ порядкѣ. Оставляя въ сторонѣ стѣсненія, ко-

торымъ новый продуктъ административно-законодательнаго творчества подвергаетъ нашу многострадальную книжную торговлю, посмотримъ, въ какое положеніе ставятся имъ частныя лица. На нихъ возлагается новая, не всегда исполнимая обязанность—слѣдить за оффиціальными объявленіями объ изданіяхъ, изъемлемыхъ изъ обращенія. Этого мало: всякій любитель чтенія ставится въ необходимость пересмотрѣть эти объявленія за послѣдніе три года, чтобы убѣдиться въ томъ, не наложено ли ими veto на одну изъ книгъ, находящихся въ его владѣніи. Если онъ этого не сдѣлаетъ — и если, притомъ, онъ состоитъ „на худомъ счету" у мѣстной полиціи,—онъ ежеминутно можетъ ожидать обыска и затѣмъ крупнаго денежнаго штрафа или продолжительнаго лишенія свободы. Отъ обыска, впрочемъ, его не оградитъ и самое точное исполненіе начальственныхъ предписаній: полиція можетъ явиться къ нему во всякое время, съ цѣлью—или подъ предлогомъ—удостовѣренія, все ли „предосудительное" представлено имъ куда слѣдуетъ. И въ чемъ же заключается опасность, для предотвращенія которой ограничивается свобода дѣйствій частнаго лица, нарушается неприкосновенность его жилища? Въ томъ, что владѣлецъ „заподозрѣнной" книги прочтетъ ее самъ (если не сдѣлалъ этого раньше) и, можетъ быть, дастъ ее для прочтенія двумъ-тремъ знакомымъ! Замѣтимъ, что книга еще не осуждена, а только заподозрѣна; быть можетъ, осужденіе и даже преслѣдованіе ея вовсе не состоится — а ея злосчастный пріобрѣтатель, можетъ быть вовсе не знавшій о наложенномъ на нее арестѣ, все-таки подвергнется болѣе или менѣе тяжкой карѣ! Какъ ни строги теперь наши суды, какъ ни отзывчива прокуратура на предложенія цензурнаго вѣдомства, все же отъ временного изъятія книги изъ обращенія до признанія въ нѣй чего-либо преступнымъ еще очень далеко, и сколько-нибудь сильныхъ противъ нея презумпцій предварительный арестъ не создаетъ. Нерѣдки случаи, когда арестъ налагается на книгу много мѣсяцевъ, если не лѣтъ, послѣ выхода ея въ свѣтъ—и чѣмъ продолжительнѣе такой промежутокъ, тѣмъ меньше у владѣльца книги можетъ быть опасеній за ея судьбу, тѣмъ меньше и основаній охранять владѣльца — и другихъ — отъ вреднаго ея вліянія: если оно было возможно, то оно, по всей вѣроятности, стало уже совершившимся фактомъ.. Глубоко несправедливое и нераціональное само по себѣ, новѣйшее обязательное постановленіе должно быть признано прямо опаснымъ, если припомнить, что примѣнять его будетъ та самая полиція, дѣйствія которой были недавно предметомъ сенаторской ревизіи. Увольненіе нѣсколькихъ служащихъ не можетъ сразу измѣнить общій характеръ учрежденія. Злоупотребленія властью по прежнему возможны, и одна эта возможность — достаточный аргументъ

противъ расширенія власти, благопріятствующаго злоупотребленіямъ... Замѣтимъ, въ заключеніе, что насъ удивляетъ тенденція администраторовъ, облеченныхъ правомъ изданія обязательныхъ постановленій, не только изобрѣтать новые проступки, неизвѣстные закону, но и доводить назначаемыя за нихъ кары до максимальной нормы. Допуская возможность трехтысячныхъ штрафовъ и трехмѣсячнаго лишенія свободы, положеніе о чрезвычайной охранѣ имѣло въ виду, безъ сомнѣнія, серьозныя, общеопасныя нарушенія порядка, а отнюдь не такія „дѣянія“, какъ храненіе у себя книгъ, которыя могутъ быть, но могутъ и не быть подведены подъ дѣйствіе уголовнаго закона. И пускай намъ не говорятъ, что административная власть съумѣетъ отличить важное отъ неважнаго, съумѣетъ соразмѣрить отвѣтственность съ виною. Нѣтъ, за это отнюдь нельзя ручаться: ко всякой дискреціонной власти, особенно въ наше время, вполнѣ примѣнимо нѣмецкое слово: unberechenbar (не подлежащее предвидѣнію, не допускающее заранѣе опредѣленія или учета). Громадные штрафы, которымъ подвергались недавно нѣкоторыя московскія періодическія изданія, свидѣтельствуютъ о томъ, что высокія цифры, включаемыя въ обязательныя постановленія, имѣютъ не одно только устрашающее значеніе.

Менѣе опасна по своимъ результатамъ, чѣмъ усиленная и чрезвычайная охрана, но столь же мало гармонируетъ съ новымъ государственнымъ строемъ Россіи другая особенность современнаго положенія дѣлъ: подведеніе политическихъ партій подъ понятіе объ обществахъ и обусловливаемое этимъ раздѣленіе партій на легализованныя и нелегализованныя. Вопіющею аномаліей является тотъ фактъ, что принадлежность къ партіи, представители которой образуютъ фракцію Государственной Думы и безпрепятственно излагаютъ свои взгляды съ думской каѳедры, за стѣнами Думы оффиціально считается преступленіемъ и дѣйствительно служитъ иногда предметомъ судебнаго преслѣдованія. Въ уголовномъ уложеніи по прежнему остается статья (124-ая), грозящая заключеніемъ въ крѣпости или арестомъ за участіе въ сообществѣ, завѣдомо воспрещенномъ въ установленномъ порядкѣ. Такимъ сообществомъ можетъ быть признана всякая партія, которой особое присутствіе — учрежденіе съ ясно выраженнымъ бюрократическимъ характеромъ — откажетъ, какъ обществу, въ правѣ на существованіе. Что законъ долженъ быть понимаемъ совершенно иначе, что партія, въ конституціонномъ государствѣ, составляетъ нѣчто существенно отличное отъ общества и нуждается въ утвержденіи развѣ настолько, насколько ей предстоитъ дѣйствовать въ качествѣ юридическаго лица — объ этомъ мы уже много разъ говорили; теперь мы

хотимъ только отмѣтить до крайности странный взглядъ, нашедшій недавно немало сторонниковъ въ одной изъ думскихъ коммиссій. Въ правительственномъ законопроектѣ объ исключительныхъ положеніяхъ, разсматриваемомъ, уже второй годъ, коммиссіею о неприкосновенности личности, перечислены проступки, дающіе администраціи, при дѣйствіи исключительнаго положенія, право подвергать обвиняемыхъ, безъ судебнаго приказа, аресту на срокъ не свыше двухъ недѣль. Къ числу такихъ проступковъ принадлежность къ запрещенному сообществу, предусмотрѣнная ст. 124-ою угол. уложенія, не была отнесена. Нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи предложили пополнить этотъ пробѣлъ, исходя изъ убѣжденія, что сообщества, повидимому не ставящія себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго строя (при наличности такой цѣли примѣнима уже не 124-ая, а 126-ая статья), на самомъ дѣлѣ могутъ быть иногда „духовными вождями революціи“ (это—та же теорія „подстрекательства“ или моральной виновности, которую развивалъ въ своей рѣчи депутатъ Половцевъ). Имъ указывали на опасность подобной мѣры, значительно расширяющей границы административнаго произвола; но большинство оказалось на сторонѣ предложенія, за которое подали голосъ не только правые, но и октябристы (кромѣ двухъ, гг. Антонова и Фаворскаго)! Позволительно предположить, что коммиссія, заходя въ своемъ усердіи дальше министерства внутреннихъ дѣлъ, мѣтила, главнымъ образомъ, въ партію народной свободы, имѣющую даръ навлекать на себя особую ненависть какъ цѣльныхъ, такъ и половинчатыхъ реакціонеровъ.

Когда законопроекты юридически (хотя и далеко не въ полной мѣрѣ)—вводящіе, фактически (путемъ исключительныхъ положеній)—упраздняющіе неприкосновенность личности, будутъ, наконецъ, поставлены на обсужденіе Думы, думскому центру представится случай показать, на сколько ему подобаетъ именоваться союзомъ *17 октября*. Такія рѣшенія, какъ только что упомянутое нами, не возбуждаютъ большихъ надеждъ на будущее. Все больше и больше стирается грань между центромъ и правыми; все меньше и меньше Дума обнаруживаетъ уваженія къ правамъ меньшинства. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы большинство усердно и умѣло отстаивало свои собственныя права, т.-е. права Думы, разсматриваемой какъ одно цѣлое. Когда засѣдала вторая Дума, большое волненіе въ ея средѣ возбудилъ запретъ, наложенный предсѣдателемъ совѣта министровъ на приглашеніе постороннихъ лицъ, въ качествѣ экспертовъ, въ засѣданія думскихъ коммиссій. Недавно тотъ же вопросъ опять выдвинулся на сцену. Думская переселенческая коммиссія пожелала выслушать представителей общеземской организаціи, кн. Г. Е. Львова и кн. Орбеліани, для выясненія лучшихъ способовъ постановки врачебно-продо-

вольственной помощи переселенцамъ въ областяхъ Приморской и Амурской. Президіумъ Думы, по просьбѣ предсѣдателя коммиссіи, кн. Голицына (октябриста), вошелъ объ этомъ въ сношеніе съ П. А. Столыпинымъ, который увѣдомилъ, что не находитъ возможнымъ исполнить желаніе коммиссіи. Съ тѣхъ поръ прошло около трехъ недѣль—а между тѣмъ не слыхать, чтобы въ средѣ коммиссіи, президіума и вообще Думы возникала мысль объ охранѣ, тѣмъ или другимъ путемъ, нарушаемаго права. Мы говоримъ: *права*, такъ какъ думаемъ, что не о милости же, не о снисхожденіи шла рѣчь въ заявленіи предсѣдателя коммиссіи и президіума Думы. Совѣщаніе съ экспертами во многихъ случаяхъ необходимо для всесторонняго и правильнаго обсужденія вопроса. Никто не можетъ помѣшать коммиссіи бесѣдовать въ частной квартирѣ со всѣми тѣми, отъ кого она желаетъ получить свѣдѣнія и указанія; гдѣ же основаніе для запрещенія такой бесѣды въ одной изъ залъ Таврическаго дворца? Статья 42-я учр. Гос. Думы, въ силу которой постороннія лица не допускаются въ засѣданія думскихъ коммиссій, имѣетъ, очевидно, только тотъ смыслъ, что эти засѣданія происходятъ непублично. Подъ понятіе о постороннихъ лицахъ нельзя подводить тѣхъ, кого желаетъ выслушать коммиссія, въ чьихъ разъясненіяхъ она нуждается для успѣшнаго исполненія возложенной на нее задачи. Еслибы, наконецъ, и можно было признать, что допущеніе или недопущеніе экспертовъ въ засѣданія коммиссій зависитъ отъ усмотрѣнія предсѣдателя совѣта министровъ (или министра внутреннихъ дѣлъ), то все же оставалось бы непонятнымъ, почему незаслуживающимъ довѣрія власти оказался предсѣдатель переселенческой коммиссіи, октябристъ — и притомъ воинствующій октябристъ, произнесшій еще недавно цѣлую филиппику противъ партіи народной свободы. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что при нѣкоторой настойчивости Дума могла бы оградить свободу дѣйствій своихъ коммиссій и предупредить повтореніе такихъ „репримандовъ", какимъ является отказъ, объявленный кн. Голицыну.

Достоинство Государственной Думы требуетъ признанія за ея предсѣдателемъ такой власти, которая распространялась бы, хотя бы и не въ равной мѣрѣ, на всѣхъ присутствующихъ въ засѣданіи. Безъ соблюденія порядка и приличія немыслимъ правильный ходъ занятій законодательнаго собранія. Ораторъ, кто бы онъ ни былъ—депутатъ, или министръ, или другое должностное лицо,—обязанъ оставаться въ предѣлахъ разбираемаго вопроса, избѣгать всего несовмѣстнаго съ значеніемъ „высокаго дома" и не нарушать общепринятыхъ правилъ корректности и вѣжливости. Отсюда вытекаютъ сами собою извѣстныя права предсѣдателя Думы по отношенію къ представителямъ правительства. Если они не состоятъ въ то же время членами Думы, онъ

не въ правѣ дѣлать имъ замѣчанія, не въ правѣ принимать или предлагать дисциплинарныя противъ нихъ мѣры—но онъ можетъ и долженъ останавливать ихъ, если они уклоняются отъ предмета преній и, тѣмъ болѣе, если въ ихъ словахъ заключается что-либо оскорбительное для Думы или для отдѣльныхъ ея членовъ. Не такъ, повидимому, понимаетъ свои права и обязанности нынѣшній президіумъ Государственной Думы. Когда, въ вечернемъ засѣданіи 10-го декабря, замѣститель намѣстника кавказскаго произнесъ извѣстную фразу по адресу деп. Пуришкевича, предсѣдателю слѣдовало бы немедленно подчеркнуть ея полнѣйшую неумѣстность. Что̀ бы ни позволилъ себѣ передъ тѣмъ г. Пуришкевичъ—а онъ позволилъ себѣ, безспорно, очень многое, недопустимое въ стѣнахъ законодательнаго собранія, — это можетъ служить только объясненіемъ, но отнюдь не оправданіемъ рѣзкихъ фразъ, вырвавшихся у барона Нольде. Больше всего сдержанность выраженій обязательна для представителей власти, въ виду привилегированнаго положенія, принадлежащаго имъ въ силу учрежденія Госуд. Думы. Своевременное вмѣшательство предсѣдателя предупредило бы безпорядокъ, поднявшійся въ Думѣ послѣ словъ бар. Нольде, и сдѣлало бы излишнимъ протестъ, заявленный противъ нихъ большинствомъ Думы. Наше мнѣніе о г. Пуришкевичѣ извѣстно нашимъ читателемъ; тѣмъ не менѣе мы не можемъ не сказать, что насъ удивили рукоплесканія, которыми они, какъ видно изъ стенографическаго отчета, были встрѣчены *слѣва*. Именно лѣвымъ партіямъ надлежало бы помнить, что оскорбленіе правительственнымъ ораторомъ депутата, *кто бы онъ ни былъ*, есть оскорбленіе всей Думы. Вѣдь то, что̀ сказано сегодня о „союзникѣ", можетъ быть завтра повторено о любомъ изъ лѣвыхъ—повторено при условіяхъ особенно неблагопріятныхъ, такъ какъ за оскорбленнаго лѣваго едва ли вступится думское большинство...

Инцидентъ съ г. Пуришкевичемъ и барономъ Нольде — не единственный, въ которомъ насъ удивили рукоплесканія лѣвой стороны Думы. Въ засѣданіи 3-го декабря, при обсужденіи законопроекта объ увеличеніи штатовъ нѣкоторыхъ судебныхъ установленій, четырнадцатью членами крайней правой была внесена слѣдующая формула перехода къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ статей: „имѣя въ виду, что судебное вѣдомство имѣетъ въ своей средѣ значительное число людей, по дѣятельности своей принадлежащихъ или сочувствующихъ политическимъ партіямъ, преслѣдующимъ противогосударственныя цѣли, Госуд. Дума, признавая неотложною необходимость освобожденія судебнаго вѣдомства отъ вышеназваннаго вреднаго элемента, переходитъ" и т. д. Противъ этой формулы былъ предъявленъ „горячій протестъ" министромъ юстиціи, которому и во время рѣчи, и послѣ ея окончанія

апплодировали „въ центрѣ и слѣва“. Не въ первый разъ И. Г. Щегловитовъ выступаетъ защитникомъ судебнаго вѣдомства; но мы не помнимъ, чтобы ему устраивали по этому поводу оваціи члены лѣвыхъ партій. Слишкомъ хорошо извѣстно, что словамъ министра не всегда соотвѣтствуютъ его дѣйствія. Наше время—воскликнулъ онъ въ своей послѣдней рѣчи,—„слишкомъ заражено развившеюся склонностью съ политическими тенденціями подходить къ какимъ угодно вопросамъ. Но надо помнить, что есть вопросы, которые должны стоять внѣ политическихъ тенденцій; эти вопросы охватываютъ и судъ“. Совершенно вѣрно: но какъ согласить съ этимъ принципомъ фактически вынужденный уходъ съ судейской службы нѣсколькихъ выдающихся дѣятелей, или вмѣшательство постороннихъ лицъ въ отправленіе правосудія (припомнимъ, напримѣръ, дѣло Бродскихъ)? Въ одномъ изъ некрологовъ Н. В. Муравьева („Право“, № 49) мы читаемъ слѣдующія слова: „нужно было конституціонное министерство И. Г. Щегловитова, чтобы воздать должное Н. В. Муравьеву. Въ этомъ отношеніи Муравьевъ умеръ въ благопріятный для него моментъ. Да, въ тяжелое время реакціи онъ проявилъ несомнѣнно больше заботъ о русскомъ судѣ, больше думалъ о его достоинствѣ, чѣмъ это дѣлается теперь въ обновленномъ строѣ“. Вполнѣ раздѣляя этотъ взглядъ, мы недоумѣваемъ, какимъ образомъ думская оппозиція могла присоединиться хоть на одинъ моментъ къ естественнымъ сторонникамъ И. Г. Щегловитова—октябристамъ и умѣреннымъ правымъ.

Возвращаемся къ Н. В. Муравьеву, скончавшемуся на дняхъ въ Римѣ, гдѣ онъ занималъ, въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ, постъ русскаго посла при королѣ Италіи. Одно изъ обстоятельствъ, говорящихъ въ его пользу, указано въ только что упомянутой нами статьѣ „Права“: въ эпоху „преобразованій наоборотъ“ онъ шелъ не такъ далеко въ искаженіи судебныхъ уставовъ, какъ этого желали прямолинейные реакціонеры. Другое обстоятельство было отмѣчено нами, когда Н. В. Муравьевъ сложилъ съ себя званіе министра юстиціи. „Трудно—писали мы въ январѣ 1905-го года—быть въ одно и то же время хранителемъ правосудія и носителемъ произвольной власти: одна изъ противоположныхъ функцій непремѣнно должна отразиться на другой. Которой изъ нихъ суждено умаляться, которой—расти, это угадать легко: стоитъ только вспомнить, въ какую сторону идетъ у насъ линія наименьшаго сопротивленія. Законъ 1871-го года положилъ начало участію судебнаго вѣдомства въ функціяхъ не-судебнаго характера. Съ теченіемъ времени это участіе постоянно расло. Съ конца 80-хъ годовъ до половины 1904-го года министерствомъ юстиціи рѣшались совмѣстно съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, почти всѣ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ—рѣшались внѣ закона, безъ соблю-

денія элементарныхъ правилъ уголовнаго процесса. Съ 1882-го года министръ юстиціи участвовалъ въ совѣщаніи, отъ котораго зависѣло прекращеніе навсегда любого періодическаго изданія; съ 1887-го года его дискреціонной власти предоставлено закрытіе дверей судебнаго засѣданія; съ 1889-го года онъ обреченъ на роль безвластнаго зрителя порядковъ, господствующихъ въ судебно-административныхъ учрежденіяхъ — порядковъ, идущихъ прямо въ разрѣзъ съ духомъ судебныхъ уставовъ и ставящихъ въ крайне тяжелое положеніе немногихъ уцѣлѣвшихъ на мѣстахъ представителей судебнаго вѣдомства. Если прибавить къ этому общій характеръ послѣдняго десятилѣтія (1894—1904), то нетрудно понять, почему эпоха управленія Н. В. Муравьева не была и не могла быть эпохой процвѣтанія началъ, во имя которыхъ была произведена великая реформа 1864-го года". Благопріятнымъ для памяти Муравьева оказывается еще одинъ фактъ: составленная при немъ, подъ непосредственнымъ его вліяніемъ, новая редакція судебныхъ уставовъ не получила силу закона. Систематическая порча уставовъ была только задумана и подготовлена, но не проведена въ жизнь. Не съ именемъ Муравьева соединена, поэтому, большая часть того, что придется, въ видахъ возстановленія правосудія въ Россіи, отмѣнить или передѣлать. Все это, конечно, только смягчающія обстоятельства; они не могутъ заставить забыть всего ненормальнаго, внесеннаго Н. В. Муравьевымъ въ область русскаго суда. Движеніе назадъ, начавшееся еще при Н. А. Манасеинѣ, продолжалось при Н. В. Муравьевѣ съ удвоенною быстротою и сдѣлало возможнымъ современный упадокъ судебнаго вѣдомства.

P. S.—Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда мы прочли въ газетахъ, что обязательное постановленіе генерала Гершельмана, разобранное нами выше, сдѣлалось предметомъ запроса въ Государственной Думѣ. Чашу терпѣнія оно переполнило даже у октябристовъ, такъ долго остававшихся пассивными зрителями всего творимаго на почвѣ экстраординарныхъ охранъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ *)

1 января 1909.

I.

— І. М. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ. Томъ второй. Девятнадцатый вѣкъ, Спб., 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Теоретическая экономія изслѣдуетъ вопросъ о доходѣ съ капитала дедуктивно, исходя изъ немногихъ положеній, выражающихъ простѣйшія основы современнаго намъ капиталистическаго хозяйства. Авторъ разсматриваемаго нами труда (первый томъ котораго вышелъ въ свѣтъ въ 1906 г.) переноситъ вопросъ о проблемѣ прибыли на другую почву. Онъ дѣлаетъ попытку примѣнить къ изученію прибыли—этой, какъ онъ выражается, „теоретической категоріи хозяйственной жизни"— историческій методъ, съ такимъ успѣхомъ прилагавшійся къ изслѣдованію эволюціи формъ хозяйственной дѣятельности, хочетъ дать „эволюціонную теорію прибыли". Авторъ не считаетъ свой методъ „противоположностью абстрактному методу изолированія хозяйственныхъ явленій". Онъ намѣревается примѣнять именно этотъ послѣдній методъ, но примѣнять его ко всѣмъ прошлымъ формамъ хозяйства, а не только къ современной. Для этого надлежитъ предварительно выяснить „основы экономической жизни каждаго періода, условія производства и распредѣленія въ каждую эпоху", послѣ чего нетрудно уже установить присущій эпохѣ характеръ прибыли и рѣшить основной вопросъ проблемы: „изъ какого источника берется и почему получается предпринимательская прибыль въ различныя эпохи хозяйственной жизни".

*) Отдѣлъ литературнаго обозрѣнія редакція предполагаетъ въ ближайшемъ будущемъ подвергнуть коренному преобразованію.

Изъ того, какъ опредѣляетъ свою задачу I. М. Кулишеръ, видно, что его трудъ представляетъ двойной интересъ. Это, во-первыхъ, если не систематическая исторія хозяйственныхъ формъ, то во всякомъ случаѣ „характеристика хозяйственной жизни различныхъ эпохъ вообще, и развитія промышленности и торговли въ особенности, являющаяся въ значительной степени результатомъ самостоятельныхъ работъ автора; это, во-вторыхъ, изслѣдованіе объ эволюціи прибыли— тоже самостоятельная попытка примѣнить историческій методъ къ изученію важнѣйшихъ категорій экономической теоріи. Въ выполненіи исторической задачи авторъ идетъ, однако, очень далеко, прибѣгая къ фактическимъ даннымъ болѣе, чѣмъ это нужно для разъясненія главныхъ вопросовъ, иногда представляя ихъ (особенно въ первомъ томѣ) въ мало переработанномъ видѣ, подчасъ даже въ прямыхъ выдержкахъ изъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе, историческая часть труда, трактующая о такихъ предметахъ, какъ организація промышленности и торговли, торговая и предпринимательская прибыль, заработная плата, длина рабочаго дня, дѣтскій трудъ и т. п., весьма интересна и поучительна. Къ сожалѣнію, съ большой оговоркой слѣдуетъ это сказать о главной части теоретической задачи автора, которой посвященъ второй томъ его труда. Результаты своего изслѣдованія г. Кулишеръ формулируетъ такъ. „Эволюція прибыли можетъ быть выражена въ слѣдующихъ четырехъ фазисахъ. Періодъ возникновенія прибыли изъ насильственнаго захвата имущества; періодъ прибыли, получаемой изъ дохода потребителя; періодъ прибыли, извлекаемой хозяиномъ изъ труда рабочаго...; наконецъ, періодъ прибыли, источникъ которой составляетъ творческій трудъ изобрѣтателя". „Центромъ тяжести" разсматриваемаго нами тома является доказательство послѣдней мысли, именно, что „прибыль въ XIX-мъ вѣкѣ получается не только отъ труда рабочаго, но также и прежде всего отъ творческаго труда изобрѣтателя, воплощаемаго въ машинахъ, двигателяхъ, аппаратахъ, во всевозможныхъ усовершенствованіяхъ и улучшеніяхъ техники, примѣняемыхъ въ производствѣ".

Заранѣе можно было предвидѣть, что авторъ не выполнитъ своего обѣщанія; и дѣйствительно, послѣ длиннаго изслѣдованія мы остаемся при томъ же пониманіи вопроса о производительности (а слѣдовательно и объ источникѣ прибыли), какъ и до него—именно, что техническія изобрѣтенія громадно возвышаютъ производительность труда. Авторъ, правда, пытается истолковать это положеніе въ смыслѣ своей теоріи, принимая, что „производительность исполнительнаго труда возрастаетъ лишь въ томъ случаѣ, если усиливается интенсивность работы или происходятъ измѣненія въ самомъ характерѣ ея, требующія отъ рабочаго бо̀льшаго вниманія и напряженія". Примѣ-

неніе же машинъ ведетъ къ возрастанію производительности не физическаго, а творческаго труда (стр. 41). Но далѣе самъ авторъ показываетъ, что трудъ изобрѣтателя не составляетъ экономической категоріи, что ему нѣтъ мѣста въ учетѣ труда, воплощеннаго въ машинѣ, и что самая мысль о сведеніи созданій этого труда „къ числу часовъ должна быть признана абсурдомъ". Нельзя „идею" сводить къ числу часовъ, поясняетъ свою мысль авторъ, и этимъ признаетъ, что въ машинѣ воплощается не трудъ, а идея изобрѣтателя. Въ производствѣ, поэтому, затрачивается одинъ лишь видимый всѣмъ и подлежащій учету, непосредственно прилагаемый въ разныхъ отрасляхъ исполнительный и распорядительный трудъ лицъ, участвующихъ въ промышленной дѣятельности, и продуктами этого труда оплачивается и прибыль предпринимателя. Включеніе г. Кулишеромъ въ число непосредственныхъ экономическихъ факторовъ творческаго труда изобрѣтателя, воплощеннаго будто бы въ машинѣ, есть неудачная попытка водворить въ наукѣ подъ новымъ флагомъ то самое понятіе о производительности капитала, которое, вслѣдъ за другими экономистами, было отвергнуто и г. Кулишеромъ.

При большей послѣдовательности г. Кулишеръ долженъ бы былъ еще болѣе умалить значеніе физическаго труда, какъ фактора современной производительности. Исключительнымъ продуктомъ физическаго труда авторъ считаетъ промышленныя издѣлія среднихъ и ближайшихъ къ нимъ вѣковъ; все же огромное приращеніе продукта вслѣдствіе преобразованія промышленности, вызваннаго крупными изобрѣтеніями XVIII-го и XIX-го вѣковъ, „создано—говоритъ онъ—творческимъ трудомъ изобрѣтателя, а не исполнительнымъ трудомъ рабочихъ" (стр. 41). Предложимъ г. Кулишеру слѣдовать дальше по этому пути и отнять у физическаго труда добавочный продуктъ современныхъ обществъ сравнительно не только съ средневѣковьемъ, но и съ тѣмъ „естественнымъ" состояніемъ человѣка, когда онъ не зналъ ни ножа, ни молотка, ни сохи, и добывалъ средства существованія помощью голыхъ рукъ и зубовъ. Вводя подобныя соображенія въ число данныхъ экономической науки при изслѣдованіи современныхъ отношеній, нужно будетъ вовсе отвергнуть производительное значеніе физическаго труда и приписать все почти національное богатство производительности машинъ и другихъ техническихъ изобрѣтеній. А если послѣдовать за цитируемымъ г. Кулишеромъ проф. Георгіевскимъ, напоминающимъ, что самыя изобрѣтенія являются продуктомъ развитія общественности (стр. 376), то придется отвергнуть производительное значеніе и у техническихъ усовершенствованій.

Смыслъ нашихъ замѣчаній сводится къ тому азбучному положенію, что зависимость явленій данной категоріи отъ явленій смежной области,

отъ причинъ болѣе и болѣе отдаленныхъ, не можетъ служить препятствіемъ существованію обособленныхъ наукъ, устанавливающихъ зависимости въ средѣ явленій именно данной категоріи. Рѣшающее значеніе техническихъ изобрѣтеній или развитія общественности не исключаетъ необходимости установленія связей между различными экономическими явленіями вообще, изслѣдованія прибыли, какъ результата взаимоотношеній рабочихъ и капиталистовъ, продавцовъ и покупателей.

II.

— А. А. Николаевъ. Теорія и практика коопераціи. Москва, 1908. Ц. 95 коп.

— М. Слобожанинъ. Смотръ кооперативнымъ силамъ. По печатнымъ матеріаламъ и личнымъ впечатлѣніямъ на 1-мъ всероссійскомъ съѣздѣ кооператоровъ. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

Двѣ книги, указанныя въ заголовкѣ этой замѣтки, имѣютъ совершенно различный характеръ. Первая задается теоретическими, вторая—практическими цѣлями. Г. Николаевъ намѣревается освѣтить кооперативное движеніе съ точки зрѣнія того, насколько оно является „новой соціальной силой, создающей новыя соціальныя отношенія и одаряющей соціальныя массы новыми свойствами“. Начинается его книга опредѣленіемъ понятій „коопераціи“ и классификаціей кооперативныхъ предпріятій. Вслѣдъ за нѣкоторыми другими авторами г. Николаевъ подъ коопераціей разумѣетъ „добровольный и самоуправляющійся союзъ лицъ, основанный для достиженія общихъ имъ хозяйственныхъ цѣлей и построенный на демократическомъ и трудовомъ началѣ“. Что касается устраненія „путаницы“, господствующей, по мнѣнію г. Николаева, „въ области классификаціи и номенклатуры различныхъ разновидностей „коопераціи“, то сообразно идеѣ, что „трудовая и демократическая кооперація стремится высвободить хозяйственную жизнь народа отъ власти капитализма“, за основаніе классификаціи кооперацій авторъ, естественно, принимаетъ различіе видовъ капитала и подраздѣляетъ кооперативныя предпріятія на 1) производительныя, 2) направленныя противъ торговаго и 3) противъ ростовщическаго капитала. Дальнѣйшее подраздѣленіе кооперацій вызываетъ, однако, нѣкоторое недоумѣніе. По отношенію къ производительнымъ коопераціямъ, напр., авторъ такъ строго проводитъ установленныя имъ начала коопераціи, что исключилъ изъ данной категоріи не только молочныя и фабрики при потребительныхъ обществахъ, какъ основанныя на наемномъ трудѣ, но и артели плотниковъ, каменщиковъ и т. п. (причисляемыя имъ къ „кооперативному сбыту труда“), на томъ основаніи, что такимъ коопера-

ціямъ не приходится „оборудовать предпріятія или заботиться о сбытѣ выработаннаго ими продукта“, и что ими преслѣдуется цѣль „поставить сбытъ своей рабочей силы въ наиболѣе выгодныя условія“. Но вѣдь сооруженіе, напр., дома по заказу собственника есть самостоятельное капиталистическое предпріятіе, и если артель строительныхъ рабочихъ устраняетъ капиталиста-предпринимателя и беретъ выполненіе заказа на себя, то она, казалось бы, имѣетъ такое же право считаться чистой производительной коопераціей, какъ и артель портныхъ, работающая на заказъ. Прибавимъ кстати, что въ исторической части книги г. Николаева строительныя коопераціи фигурируютъ на ряду съ производительными.

Мы не имѣемъ мѣста для дальнѣйшихъ замѣчаній, и по отношенію къ разсматриваемой книгѣ скажемъ лишь, что она составляетъ первый выпускъ задуманнаго труда, посвященный коопераціямъ производительнымъ и по сбыту труда. Главной задачей этого выпуска является не полнота фактическаго матеріала (особенно бѣднаго относительно Россіи), а выясненіе вопроса объ условіяхъ развитія, въ данной хозяйственной обстановкѣ, тѣхъ или другихъ видовъ кооперацій. Слѣдуя главнымъ образомъ иностраннымъ писателямъ, авторъ разъясняетъ причины неудачъ и вырожденія въ полукапиталистическія предпріятія производительныхъ кооперацій въ области индустріи (положеніе этихъ кооперацій въ сельскомъ хозяйствѣ авторъ находитъ гораздо болѣе благопріятнымъ) и приходитъ послѣ того къ заключенію, что „упорство въ области созиданія производительныхъ кооперативовъ не только безплодно, но и вредно“ (стр. 77).

Вопросъ о чистыхъ производительныхъ коопераціяхъ занимаетъ видное мѣсто и во второй изъ разсматриваемыхъ нами книгъ, посвященной первому всероссійскому съѣзду кооператоровъ, имѣвшему мѣсто въ Москвѣ, весною 1908 г. Вопросъ этотъ вызвалъ на съѣздѣ горячіе споры между представителями двухъ противоположныхъ воззрѣній. Никто, впрочемъ, изъ споривших не отрицалъ тѣхъ опасностей, которыя встрѣчаются на пути развитія этого вида кооперацiи; но большинство участвовавшихъ въ обсужденіи вопроса — вопреки мнѣнію меньшинства—допускало возможность самостоятельнаго существованія производительныхъ кооперативовъ не только „въ промыслахъ, еще незатронутыхъ промышленной революціей, но и въ сложной капиталистической индустріи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли не всѣ находили, что и устойчивость, и размѣры производительныхъ кооперативовъ въ весьма значительной степени будутъ зависѣть отъ связи ихъ съ другими кооперативами и демократическими учрежденіями“ (стр. 110). Нѣкоторые члены съѣзда, въ томъ числѣ и г. Слобожанинъ, считаютъ раціональнымъ приступать къ организаціи производи-

тельныхъ кооперативовъ не сразу, „а черезъ нѣкоторыя подготовительныя ступени“. Г. Слобожанинъ разсматриваетъ въ своей книгѣ различные виды коопераціи, вопросы относительно объединенія коопераціи; взаимоотношенія кооперативовъ разныхъ типовъ и отношеніе ихъ къ коопераціямъ правительства. Всѣ эти вопросы служили предметомъ обсужденія на съѣздѣ, и въ живомъ изложеніи г. Слобожанина работы съѣзда разсматриваются въ связи съ исторіей и современнымъ положеніемъ соотвѣтствующихъ вопросовъ. Отдѣльныя главы его книги представляются цѣльными очерками того, въ какомъ положеніи находятся въ настоящее время различные вопросы кооперативнаго дѣла въ Россіи, причемъ авторъ освѣщаетъ дѣло собственными соображеніями.

Обѣ указанныя книги, каждая въ своемъ родѣ, представляютъ живой, современный интересъ и служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ признакомъ оживленія интереса къ кооперативному дѣлу въ широкихъ слояхъ русскаго общества.

III.

— А. И. Чупровъ. По поводу указа 9-го ноября 1906 г. Москва, 1908 г. Ц. 40 к.

Эта небольшая книжка составляетъ послѣдній напечатанный при жизни автора трудъ недавно похищеннаго судьбою у русскаго общества писателя. Голосъ ученаго, пятьдесятъ лѣтъ находившагося въ центрѣ разносторонняго изученія сотнями и тысячами лицъ хозяйственнаго быта нашей страны, прервался какъ разъ въ такое время, когда его опытъ и знанія могли бы принести особую пользу его родинѣ, а многочисленные факты и обобщенія, вынесенныя изъ долголѣтняго личнаго наблюденія западно-европейской хозяйственной жизни, обогатили его новыми орудіями для научнаго истолкованія экономическихъ отношеній Россіи. Послѣдними предметами заграничныхъ занятій А. И. Чупрова—насколько можно судить по его статьямъ—были вопросы крестьянскаго хозяйства, интересовавшія его особенно потому, что главнымъ предметомъ интеллектуальнаго и моральнаго интереса покойнаго, какъ истаго представителя русской народолюбивой интеллигенціи, была судьба земледѣльческихъ массъ русскаго народа. Современное ихъ положеніе вызывало глубокое сочувствіе и горькія опасенія, а будущее ихъ заволакивалось мрачными тучами хищничества, произвола и невѣжества властъ и силу имущихъ. Освободительное движеніе, захватившее всѣ слои народа, на минуту окрылило русскаго человѣка надеждой, что тучи разсѣются и передъ

народомъ откроется свободный путь культурнаго развитія. Но свѣтлая надежда смѣнилась горькимъ разочарованіемъ. Послѣдніе дни жизни А. И. Чупрова протекли подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ покушенія на благополучіе широкихъ народныхъ массъ. 9-го ноября 1906 года былъ изданъ указъ, характеризуемый покойнымъ писателемъ какъ разрушающій „вѣковой порядокъ сельско-хозяйственныхъ отношеній, съ которымъ сроднилось большинство нашего крестьянства, съ которымъ тѣсно переплелся его домашній бытъ, его семейный укладъ, его воззрѣнія, чувствованія и привычки“. Этотъ „вѣковой“, общинный порядокъ—говоритъ сынъ покойнаго, А. А. Чупровъ,—былъ „однимъ изъ тѣхъ народно-хозяйственныхъ явленій, которыми А. И. всю жизнь особенно интересовался. О поземельной общинѣ писалъ онъ въ первой изъ сколько-нибудь значительныхъ своихъ работъ („Мелкая промышленность въ связи съ артельнымъ началомъ и поземельной общиной“, 1871 г.); общинѣ былъ посвященъ и послѣдній его трудъ, увидѣвшій свѣтъ за нѣсколько дней до его кончины. Можно сказать буквально, что мысль о судьбахъ общины и о значеніи ея для русскаго крестьянства не покидала А. И. съ юности и до послѣдняго дыханія“.

Этотъ послѣдній трудъ А. И. Чупрова, печатавшійся первоначально въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, только что изданъ отдѣльно подъ заглавіемъ, указаннымъ выше. Главную часть его составляютъ статьи о хозяйственныхъ и соціальныхъ послѣдствіяхъ разрушенія общины. Послѣдствія эти, къ выясненію коихъ призваны данныя и русской, и западно-европейской, прошлой и настоящей жизни, рисуются покойному писателю-гражданину въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, выбившемъ его, такого сдержаннаго, изъ обычнаго спокойнаго тона и заставившемъ характеризовать составителей новаго закона въ выраженіяхъ, вполнѣ ими заслуженныхъ, но рѣдко когда срывавшихся именно съ устъ А. И. Чупрова. Излишне останавливаться на содержаніи разсматриваемаго труда. Большая часть нашихъ читателей познакомилась съ нимъ, конечно, изъ газетныхъ статей. Многіе не преминутъ, вѣроятно, перечесть его и въ отдѣльномъ изданіи, особенно умѣстномъ теперь, когда временный указъ 9-го ноября, волею дворянской Думы, обращается въ постоянный законъ, и разрушительная его тенденція рѣзко подчеркивается.—В. В.

IV.

— Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1906 г. (Изд. Деп. таможенныхъ сборовъ. Спб., 1908).

Во вновь выпущенномъ ежегодномъ „Обзорѣ“ за 1906 г., составленномъ подъ редакціей В. И. Покровскаго, кромѣ обычно помѣщаемыхъ свѣдѣній за отчетный годъ, въ текстѣ „Введенія“ впервые помѣщены основныя данныя о внѣшней торговлѣ Россіи за все время, въ теченіе котораго годовые отчеты вѣдомства публиковались.

Особаго вниманія заслуживаетъ таблица о вывозѣ товаровъ изъ Россіи по странамъ назначенія за 79 лѣтъ (1827—1905 гг.) и о привозѣ по странамъ происхожденія ихъ за тотъ же періодъ времени. При составленіи этой таблицы, какъ сказано въ самомъ „Обзорѣ“, сдѣлана попытка выяснить относительное значеніе для внѣшняго товарообмѣна Россіи каждой изъ странъ, имѣющихъ съ Россіей торговыя сношенія, за всѣ 79 лѣтъ. Таблица эта составлена на основаніи русскихъ данныхъ; свѣдѣнія о цѣнности вывоза и привоза товаровъ приведены въ ней погодно въ нынѣшней валютѣ, свѣдѣнія же объ отдѣльныхъ товарахъ—по періодамъ, сообразно измѣненіямъ русской торговой политики. Такъ, напримѣръ, 1827 — 31 гг. выдѣлены какъ періодъ строго охранительнаго тарифа, 1840—50 гг.—какъ время, когда провозныя пошлины были повышены, а со многихъ отпускныхъ товаровъ пошлины были уничтожены, и т. д.

Обращаясь къ цифровымъ даннымъ таблицы, видимъ, что вывозъ изъ Россіи, оцѣненный въ 1827 г. въ 96 милліоновъ рублей, постепенно возрастая, въ 1905 г. достигъ 1.077 милліоновъ рублей, а привозъ за то же время возросъ съ 84 милл. руб. до 635 милл. руб. Ростъ вывоза и привоза шелъ далеко не равномѣрно: были періоды, какъ, напр., съ 1857 г. по 1869 г., когда, благодаря смягченію строгостей таможеннаго тарифа, вывозъ и привозъ быстро увеличивались; въ начавшійся послѣ 1877 года періодъ (1878—90 гг.) покровительственная система отразилась на сокращеніи привоза (на 7%), тогда какъ за то же время отпускъ русскихъ товаровъ за границу, благодаря усилившемуся въ Европѣ спросу на русскій хлѣбъ, продолжалъ возрастать.

Сумма вывоза изъ Россіи почти всегда превышала сумму привоза. Годы, въ которые замѣчается обратное явленіе, составляютъ исключеніе. Это—годы крымской войны, во время которой наша внѣшняя торговля вообще сильно сократилась и нашъ вывозъ въ Англію—

въ страну наибольшаго отпуска изъ Россіи — свелся почти на нѣтъ. Такъ, въ 1855 г. въ Англію отпущено было товаровъ на сумму 166 тыс. руб., тогда какъ до войны, въ 1853 г. — на 98 милл. руб.

Перевѣсъ привоза надъ вывозомъ наблюдается въ періодъ низкихъ пошлинъ (1869—76 гг.).

По привозу товаровъ въ Россію, какъ и по вывозу изъ него, до крымской войны на первомъ мѣстѣ стояла Англія; за время самой войны Германія почти удвоила ввозъ своихъ товаровъ въ Россію и съ того времени, послѣ ряда лѣтъ борьбы съ Англіей, удержала за собою первенство на русскомъ рынкѣ. За послѣдніе годы Германія ввозитъ въ Россію вдвое болѣе товаровъ, чѣмъ ея соперница Англія.

Хлѣбъ, нынѣ главный предметъ русскаго экспорта, въ первой половинѣ истекшаго столѣтія во внѣшней торговлѣ Россіи имѣлъ сравнительно небольшое значеніе, и тогда на первомъ мѣстѣ стоялъ экспортъ льняного и друг. сѣмянъ, волокна (льняное, пенька), лѣса, шерсти, сала. Экспортъ хлѣба изъ Россіи, особенно усилившійся въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія, въ 50-хъ годахъ выражался 66 милл. пудовъ, а въ 1905 г. — 698 милл. пудовъ, т.-е. за 50 лѣтъ увеличился болѣе чѣмъ въ 10 разъ.

Изъ приведенныхъ отрывочныхъ выборокъ видно уже, какой громадный интересъ можетъ возбудить новый трудъ В. И. Покровскаго и какую пользу можетъ онъ оказать при изученіи нашей заграничной торговли. Благодаря этому труду получается возможность прослѣдить во времени связь между нашей внѣшней торговлей и различными политическими и экономическими условіями жизни страны. Вслѣдствіе этого новый „обзоръ“ заслуживаетъ подробнаго изученія, а собранныя въ немъ данныя — разработки. Къ сожалѣнію, ежегодно публикуемые „обзоры“ нашего таможеннаго вѣдомства мало распространены среди публики. Ихъ не держатъ въ книжныхъ магазинахъ; искать ихъ приходится въ самомъ таможенномъ департаментѣ, въ другихъ малодоступныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ или въ фундаментальныхъ библіотекахъ.—Д. Р.

V.

— Проф. Н. И. Стороженко. Очеркъ исторіи западно-европейской литературы. Лекціи, читанныя въ московскомъ университетѣ. Изданіе учениковъ и почитателей. М. 1908.

Нигдѣ въ Европѣ не наблюдается такого спроса среди студентовъ на общія руководства по разнымъ спеціальностямъ, особенно истори-

ческимъ и филологическимъ, какъ у насъ. Студенты нашихъ университетовъ, за немногими исключеніями, не составляютъ конспектовъ лекцій и готовятся къ экзамену или по литографированнымъ лекціямъ, или по печатнымъ руководствамъ (особенно юристы). По предметамъ, по которымъ лекціи не издаются, является большой спросъ на общія руководства и пособія. Такъ, исторія западныхъ литературъ, которая и по объему, и по содержанію немыслима въ видѣ даже большого руководства, издавна ставила студентовъ въ затруднительное положеніе: конспекты признавались слишкомъ трудными, а единственное порядочное руководство—Корша-Кирпичникова—недоступно студентамъ и по объему, и по цѣнѣ. Такъ какъ всякій спросъ рождаетъ предложеніе, то появилась неимѣющая научнаго значенія и даже несамостоятельная книга г. Когана. Вліяніе лекцій проф. Стороженка на книжкахъ г. Когана сказалось весьма замѣтно. Проф. Стороженко не издавалъ своихъ лекцій, считая необходимымъ проредактировать ихъ —а по состоянію своего здоровья въ послѣднее время жизни онъ не имѣлъ возможности это сдѣлать. Теперь ученики покойнаго издали его общій курсъ, и мы имѣемъ небольшое, но цѣнное руководство по западнымъ литературамъ.

Редакторы отнеслись къ своей задачѣ съ подобающимъ критическимъ тактомъ, тщательно избѣгая всякихъ вставокъ и измѣненій, дополняя курсъ проф. Стороженка лишь тамъ, гдѣ это было необходимо, и притомъ на основаніи его собственныхъ записокъ, сокращая нѣкоторые отдѣлы, неподходящіе по изложенію къ требованіямъ руководства. Основной чертой, отдѣляющей культурный памятникъ отъ литературнаго, признается присутствіе художественнаго элемента. „Сфера литературнаго созерцанія есть сфера внутренней жизни человѣка, его нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ". „...Литературный талантъ есть сумма изъ двухъ слагаемыхъ: изъ способности проникновенія въ сущность жизни и изъ способности воспроизводить свои наблюденія въ живыхъ образахъ, дающихъ иллюзію дѣйствительности". Опредѣливъ содержаніе понятія литературы, проф. Стороженко даетъ рядъ цѣнныхъ методологическихъ указаній. „...Критикъ долженъ прежде всего выяснить нити, связывающія его съ духомъ времени, руководящими идеями эпохи и требованіями публики". „Художественное произведеніе... есть также продуктъ творческой фантазіи автора; поэтому его надо изучить не только въ связи съ идеями эпохи, но и съ міромъ идеаловъ самого художника". Необходимо уяснить условія, среди которыхъ сложился талантъ художника. Затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе степени оригинальности сюжета при посредствѣ сравнительнаго метода. На универсальность идеи произведенія и его мотива

должно быть обращено преимущественное вниманіе, какъ на „первое условіе прочности литературнаго произведенія".

Книга Н. И. Стороженка распадается на три самостоятельныхъ отдѣла, по основнымъ эпохамъ литературы, и заключаетъ рядъ краткихъ характеристикъ. Это — précis de littérature comparée: родъ учебника для взрослыхъ, въ которомъ каждая фраза критически провѣрена и строго обдумана на основаніи научныхъ данныхъ. Обиліе темъ и масса матеріала использованы авторомъ почти всегда согласно ихъ внутреннему значенію. Не подлежитъ сомнѣнію, что желающимъ ознакомиться съ полной картиной развитія западныхъ литературъ книга Н. И. Стороженка, вполнѣ научная, будетъ надолго цѣннымъ пособіемъ. Изложена книга красивымъ, образнымъ языкомъ. Во второмъ изданіи необходимо пополнить библіографію. Главная редакція изданія принадлежитъ М. Н. Розанову, при сотрудничествѣ гг. Брауна, Лютера и Мюллера, учениковъ покойнаго Н. И. Стороженка.—Л. Ш.

Въ теченіе декабря мѣсяца поступили въ редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Авенаріусъ, В. П. — Два регентства. Историч. повѣсть для юношества. Съ 12 карт. и портр. Спб. Ц. 1 р. 50 коп.

Андреевъ, Ник. (Николинъ). — Изъ исторіи труда и капитала. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1908. Ц. 30 коп.

——— Крестомъ и мечомъ. Спб., 1908. Изданіе Ф. Павленкова. Ц. 15 коп.

Аникинъ, С.—Мордовскія народныя сказки. Спб., 1909. Ц. 50 коп.

Ардовъ, Е. (Е. И. Апрѣлева).—Два міра. Разсказы для дѣтей средняго возраста. Спб., 1909. Ц. 80 коп.

Аугсбургъ, Ж.—Новая школа рисованія. Книга первая. Рисованіе для дѣтей младшаго и средняго возраста. Перев. съ англійскаго. Со многими рисунками. Москва, 1909. Ц. 80 коп., въ папкѣ 1 руб.

Де Ла-Бартъ, гр. Р. Ф.—Разысканія въ области романтической поэтики и стиля. Томъ I. Романтическая поэтика во Франціи. Кіевъ, 1908. Ц. 3 р.

Бёльше, Вильгельмъ.—Горящіе камни. Перев. съ 6-го нѣмецк. изданія. Ц. 50 коп.

Бельшовскій, А.—Гёте. Его жизнь и произведенія. Перев. подъ ред. Петра Вейнберга. Т. 2-й. Спб., 1908. Ц. 3 руб.

Бергъ, Л.—Аральское море. Спб., 1908. Ц. 4 руб.

Бертенсонъ, Сергѣй.—Павелъ Александровичъ Катенинъ. Спб., 1909. Ц. 80 к.

Блохъ, Ив. — Половая жизнь нашего времени. Перев. съ 6-го нѣмецкаго изданія. Спб., 1909. Ц. 3 руб. 50 коп.

Брюсовъ, Валерій. — Огненный ангелъ. Въ двухъ частяхъ. Москва, 1908. Ц. за обѣ части 3 р. 50 коп.

Бурхардтъ, Генрихъ.—Начала дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Съ 39 фигурами въ текстѣ. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1909. Ц. 2 руб. 40 коп.

Буткевичъ, Анатолій. — Какъ живутъ пчелы и какъ ихъ водить. Книжка первая. Москва. 1909. Ц. 25 коп.

Бѣлоконскій, И. П. — Деревенскія впечатлѣнія. Разсказы, т. I. Изд. 2-ое. Спб., 1909. Ц. 1 р. 25 коп.

Венгеровъ, С. А.—Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. Изд. 2-ое, съ прибавленіемъ этюда: „Побѣдители или побѣжденные?“ Спб., 1909. Ц. 40 коп.

Веселовскій, Александръ Николаевичъ.—Собраніе сочиненій. Т. III. (I-ый второй серіи: Италія и Возрожденіе). Спб., 1908.

Волковичъ, В. А. — Педагогика—наука передъ судомъ ея противниковъ. Спб. и М. Ц. 45 к.

Высоцкій, Н. Ѳ.—Очерки современнаго состоянія кавказскихъ минеральныхъ водъ. Съ рисунками. Казань, 1908.

Гетчинсонъ.—Автобіографія земли. Изд. 3-е. Съ 63 рисунками. Спб., 1908. Ц. 80 коп.

Григорьева, О. — Что было и чего не было. Семь разсказовъ для дѣтей. Спб., 1909. Ц. 1 рубль.

Добровольскій, В. И. — Предметно-алфавитный сводъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента. Спб., 1909. Ц. 3 р. 50 коп.

Заболотный, В.—Роль войны въ развитіи культуры. Спб., 1909. Ц. 50 коп.

Засодимскій, П.—Два эпизода изъ исторіи Франціи. Спб., 1908. Ц. 15 коп.

——— Урокъ народамъ. Спб., 1908. Ц. 10 коп.

Зигвартъ.—Логика. Т. II, вып. 1-ый. Спб., 1908. Ц. 2 р. 50 коп.

Златовратскій, Н. Н. — Избранные разсказы для юныхъ читателей. Съ портретомъ автора. Москва, 1909. Ц. 80 коп.

Искренній.—Къ членамъ Госуд. Думы и Госуд. Совѣта. Спб., 1908. Ц. 30 коп.

Калининъ, М. С.—Безплатное всеобщее питаніе. Смоленскъ, 1909. Ц. 50 к.

Кантъ. Имм.—Критика практическаго разума. Перев. съ нѣм. Н. М. Соколова. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб., 1908. Ц. 1 руб.

——— Религія въ предѣлахъ только разума. Перев. съ нѣмец. Н. М. Соколова. Спб., 1908. Ц. 1 р. 50 коп.

Карлейль, Томасъ.—Герои. Почитаніе героевъ. Перев. съ англ. Спб., 1908. 3-е изд. Ц. 1 руб.

Ковалевскій, С. Н.—Проблема половъ. Харьковъ, 1908.

Кожевниковъ, В. А. — Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Ч. 1-ая. Москва, 1908. Не для продажи.

——— Отношеніе соціализма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности. Изд. 2-ое. Спб., 1909. Ц. 40 коп.

Коринфскій, Аполлонъ.—Подъ крестною ношей. Стихотворенія. 1905—8 гг. Спб. 1909. Ц. 2 рубля.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. I. Изд. 7-е, съ дополненіями З. Д. Авалова, М. Б. Горенберга и К. Н. Соколова. Спб., 1909. Ц. 3 руб. 50 коп.

Кошутичъ, Р.—Сербскій народъ и аннексія Босніи и Герцеговины. Спб., 1908.

Курловъ, Е.—Пророкъ. Москва, 1909. Ц. 1 руб. 50 коп.

Ланге, Елена. — Женскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Перев. съ нѣмецкаго. Москва, 1909.

Лоренцъ, Гансъ.—Техническая механика неизмѣняемой системы. Съ 254 фигурами въ текстѣ. Перев. съ нѣмецкаго. Спб., 1909. Ц. 4 руб.

Львовъ, Л.—Бюрократическіе силуэты. Спб., 1908. Ц. 35 к.

Лункевичъ, В. В.—По пути къ лучшему. Вып. 3: Реформа государственнаго хозяйства. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1908. Ц. 15 коп.

——— Права человѣка и гражданина. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1908. Ц. 15 коп.

Мастрюковъ, А. — Всякій человѣкъ—геній (о призваніи). Москва, 1909. Ц. 20 коп.

Мехелинъ, Л.—Разногласія по русско-финляндскимъ вопросамъ. Перев. со шведскаго. Спб., 1908. Ц. 90 коп.

Михайловскій, Н. К. — Полное собраніе сочиненій. Т. 4-ый. Спб. 1909. Ц. 2 руб.

Морозовъ, Николай.—Начала векторіальной алгебры. Спб., 1909. Ц. 2 руб.

Мюллеръ, I. П. Гигіеническіе совѣты. Съ 26 снимками съ натуры. Спб., и М. Цѣна 75 коп.

Невечеря, М. (псевд.).—Разсказы. Спб., 1909. Ц. 1 руб.

Нечаевъ, А. П.—И камни живутъ. Съ 62 рисунками. Спб., 1908. Ц. 50 коп.

Озеровъ, И. Х.—Русскій бюджетъ. Ц. 25 коп.

——— На борьбу съ народной тьмой. Ц. 10 коп.

Орловскій, Сергѣй.—Вечернія сказки для отрочества. Вып. 1-ый. Москва, 1909. Ц. 1 рубль.

——— Сказаніе объ аломъ цвѣткѣ. Драма. Москва, 1909. Ц. 80 коп.

О'Руркъ, Гр.—Разсказы. Т. I-ый. Спб., Ц. 1 руб.

Оствальдъ, В.—Международный языкъ. Москва, 1908. Ц. 10 коп.

Охитовичъ, А. П.—Геометрія круга. Казань, 1908. Ц. 1 руб.

П-въ, Н.—Россія въ 1905. Европа черезъ 100 лѣтъ. Сказка для взрослыхъ. Москва, 1907. Ц. 90 коп.

Піонтковскій, А. А.—Смертная казнь въ Европѣ. Казань, 1908.

Полянскій, М. И.—Памяти М. Д. Скобелева. Вып. I. Спб., 1908. Ц. 1 руб.

Райковъ, Б. Е.—Первыя работы по анатоміи и физіологіи. Съ 59 рисунками и чертежами. Спб., 1909.

Рейснеръ, М. А. — Теорія Л. I. Петражицкаго, марксизмъ и соціальная идеологія. Спб., 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Самаринъ, Ѳ. — Еще о юридическихъ послѣдствіяхъ отмѣны выкупныхъ платежей. Москва, Спб., 1908. Ц. 20 коп.

Слобожанинъ, М.—Смотръ кооперативнымъ силамъ. Спб., 1909. Ц. 1 руб.

Снельманъ, Густавъ.—Сны туриста. Ц. 60 коп.

Стриндбергъ, Авг.—Полное собраніе сочиненій. Т. II. Адъ. Москва, 1909. Ц. 1 рубль.

Сѣровскій, Н.—Электрическіе звонки и сигнализація при помощи ихъ. Съ 74 рисунками. Спб., 1908. Ц. 30 коп.

Толстой, Л. Н.—Любите другъ друга. Ц. 5 коп. Праздникъ просвѣщенія. Ц. 4 коп. Требованія любви. Ц. 4 коп. Москва, 1909.

Ферворнъ, Максъ. — Естествознаніе и міросозерцаніе. Проблема жизни. Москва, 1909. Ц. 50 коп.

Форлендеръ, Карлъ.—Кантъ и Марксъ. Перев. съ нѣм., съ предисловіемъ М. И. Туганъ-Барановскаго. Спб., 1909. Ц. 1 рубль.

Фуксъ, П. — Англійскій самоучитель. По методѣ Оллендорфа. Москва. Ц. 1 р. 75 коп.

Чарнолускій, В.—Основные вопросы организаціи школы въ Россіи. Спб., 1909. Ц. 65 коп.

Челышевъ, М. Д.—Рѣчи о вредѣ народнаго пьянства и другія. Самара, 1908.

Чер-нъ, А.—У великаго писателя. Ярославль, 1908.

Черткова, А.—Мелодіи. Пять выпусковъ. Москва и Лейпцигъ. Цѣна первыхъ четырехъ выпусковъ—по 40 коп., цѣна послѣдняго не показана.

Чупровъ, А. И. — По поводу указа 9-го ноября 1906 г. Москва, 1908. Ц. 40 коп.

Шимкевичъ, В. М.—Отцы и дѣти. Зоологическій очеркъ. Съ 16 рисунками. Спб. и М. Ц. 30 коп.

Штрюмпель.—Учебникъ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Русское изданіе шестое. Спб., 1909. Ц. 4 руб.

Шульговскій, Н. Н.—Идеалъ человѣческаго поведенія. Спб., 1907. Ц. 30 к.

——— Право на жизнь. Спб. Ц. 30 коп.

Эйнгорнъ, Виталій. — Къ исторіи иноземцевъ въ старой Малороссіи. Москва, 1908. Ц. 75 коп.

Эртель, А. И.—Собраніе сочиненій. Т. I и II („Записки Степняка"). Москва, 1909. Цѣна за оба тома 2 р. 50 к.

Яроцкій, А. И.—Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ. Юрьевъ, 1908. Ц. 1 руб. 25 коп.

Ѳедоровъ, А. М.—Подвигъ. Романъ. Спб., 1909. Ц. 1 руб.

— *Альманахи* для всѣхъ. Книга первая. Спб., 1908. Ц. 40 к.

— *Вопросы обществовѣдѣнія* (ред. М. И. Туганъ-Барановскій и П. И. Люблинскій). Спб., 1909. Ц. 1 руб.

— *Извѣстія* Импер. русскаго географическаго общества. Т. XLIV. Вып. IX. Спб., 1908.

— *Mercator* (період. изданіе на нѣмецк. и швед. яз., № 24). Гельсингфорсъ, 1908.

— *Молодые порывы*. Литературный, общественный и научно-популярный журналъ. Ноябрь. 1908. № 2.

— *Московская губернія* по мѣстному изслѣдованію 1898—1900 г. Т. IV—Земледѣльческое хозяйство и промыслы крестьянскаго населенія. Вып. 2-ой. Промыслы. Москва, 1908.

— *Новый журналъ для всѣхъ*. 1908 г. Ноябрь, № 1.

— *Обзоръ* перевозокъ хлѣбныхъ грузовъ по жел. дорогамъ Харьковскаго раіона въ 1906 г. Харьковъ, 1908.

— *Общественное движеніе* въ Россіи въ началѣ XX-го вѣка. Подъ редакціей Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. I. Спб., 1909. Ц. 5 руб.

— *Отблески*. Книга для чтенія и изученія родного языка. Составилъ В. И. Поповъ. Ч. 1-ая, съ рисунками. Спб., 1909. Ц. 1 р. 50 коп.

— *Отчетъ* о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1906 г. Спб., 1908.

— *Отчетъ* стенографическій Портъ-Артурскаго процесса. Вып. 4-ый. Съ приложеніемъ плана. Спб., 1908. Ц. 1 руб.

— *Отчетъ* Харьковскаго нораіоннаго комитета по регулированію массовыхъ перевозокъ грузовъ по жел. дорогамъ и Харьковскаго комитета по перевозкѣ минеральнаго топлива за 1907 г. Харьковъ, 1908.

— *Переселенческое дѣло* въ 1908 г. Спб., 1908.

— *Политическая энциклопедія*. Подъ ред. Л. Слонимскаго. Т. II. Вып. VII. (Кавказъ—Національзація земли). Исправл. изданіе. Стр. 961—1104. Спб., 908. Ц. 1 р. 25 к.

— *Пушкинъ и его современники.* Выпускъ 7-ой. Спб., 1908.

— *Свѣтлый лучъ.* Ноябрь. 1908 (періодическое изданіе).

— *Свѣточъ.* Альманахъ на 1907-ой годъ. Варшава, 1907.

— *Сельско-хозяйственное законодательство Пруссіи.* Спб., 1908.

— *Синяя птица.* Сборникъ статей. Москва, 1908. Ц. 40 к.

— *Славянскій Міръ,* ежемѣсячный журналъ. № 1.

— *Сѣверныя сказки.* Сборникъ Н. Е. Ончукова. (Записки Имп. Русскаго геогр. общества, т. XXXIII). Спб., 1908. Ц. 3 рубля.

— *Уголки жизни.* Хрестоматія для приготовительнаго и перваго классовъ. Составили Ѳ. Л. Новицкій и В. Мадцевичъ. Спб., 1908. Ч. 1-ая, ц. 90 коп. Ч. 2-ая, ц. 1 рубль.

— *Философія въ систематическомъ изложеніи.* Перев. со 2-го нѣмецкаго изданія. Спб., 1909. Ц. 3 руб.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1909 г.

Главныя событія истекшаго года. — Австрійскія предпріятія на Балканскомъ полуостровѣ. — Парламентскія рѣчи по внѣшней политикѣ. — Отношенія между Австро-Венгріей и Италіею. — Князь Бюловъ и русская политика. — Циркулярная нота по балканскому вопросу. — Рѣчь А. П. Извольскаго въ Государственной Думѣ. — Турецкій парламентъ.

Двадцать шесть лѣтъ тому назадъ пишущій эти строки начиналъ свое первое „Иностранное обозрѣніе" въ „Вѣстникѣ Европы" (декабрь, 1882) указаніемъ на странную воинственность, періодически овладѣвающую нѣкоторою частью нашего общества въ періоды внутренняго застоя. „Въ каждой странѣ—писали мы тогда—существуетъ особый классъ людей, стоящихъ на стражѣ внѣшняго величія государства; этимъ людямъ постоянно кажется, что „иностранной политики" дѣлается слишкомъ мало, что громкія событія совершаются слишкомъ рѣдко, и что достоинство націи страдаетъ отъ отсутствія дипломатическихъ усложненій, кровавыхъ споровъ и разорительныхъ предпріятій". Въ настоящее время мы опять наблюдаемъ то же явленіе: приверженцы внутренняго застоя и безправія требуютъ болѣе энергическаго участія нашего отечества въ международныхъ дѣлахъ, нападаютъ на слабость нашей дипломатіи и говорятъ о необходимости заступничества за балканскихъ или даже австрійскихъ славянъ во имя великаго историческаго призванія России.

Перемѣны, происшедшія на ближнемъ Востокѣ за послѣдній годъ, вновь оживили у насъ интересъ къ иностранной политикѣ. Въ январѣ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Эренталь, нашелъ своевременнымъ раскрыть широкіе планы культурно-политической предпріимчивости Австро-Венгріи по отношенію къ Балканскому полуострову и въ частности сообщилъ о предстоящемъ сооруженіи желѣзной дороги въ предѣлахъ Ново-базарскаго округа, отдѣляющаго Сербію отъ Черногоріи. Формально вѣнскій кабинетъ, на основаніи берлинскаго трактата (ст. 25), имѣлъ право не только содержать гарнизоны, но и проводить военныя и торговыя дороги на всемъ протяженіи этого турецкаго санджака; но особый самоувѣренный тонъ, какимъ возвѣщалась новая австрійская программа, возбудилъ сильную

тревогу въ ближайшихъ славянскихъ государствахъ и долженъ былъ также произвести непріятное впечатлѣніе и въ Россіи, тѣмъ болѣе, что фикція австро-русскаго соглашенія по македонскому вопросу еще сохраняла свою силу для дипломатіи. Фактически русская политика на Балканахъ давно потеряла всякую самостоятельность и превратилась въ пассивное орудіе односторонняго австрійскаго вліянія; поэтому въ соображеніяхъ барона Эренталя она уже совершенно не принималась въ разсчетъ. Австрійскій министръ, бывшій прежде посломъ въ Петербургѣ и находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ вліятельными дѣятелями нашихъ реакціонныхъ партій, воспользовался своими наблюденіями для соотвѣтственныхъ практическихъ выводовъ; однако, онъ упустилъ изъ виду, что опираться на настроеніе придворныхъ сферъ слѣдуетъ съ большою осторожностью, такъ какъ оно перемѣнчиво по существу и очень легко поддается воздѣйствію извѣстныхъ общественныхъ элементовъ, соединяющихъ угодливость съ показнымъ патріотизмомъ. Не всегда удобно высказывать публично то, что безпрепятственно практикуется на дѣлѣ; постепенное расширеніе круга австрійскихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ ни съ чьей стороны не вызывало протеста, пока оно не формулировано было въ видѣ сознательнаго оффиціальнаго принципа, связаннаго съ прямымъ отрицаніемъ или игнорированіемъ чужихъ интересовъ, славянскихъ и русскихъ.

Неожиданное выступленіе Австро-Венгріи дало сильный толчокъ славянскому движенію, и новое славянофильство нашло у насъ усердныхъ адептовъ, чему способствовалъ пріѣздъ въ Россію нѣкоторыхъ выдающихся чешскихъ и сербскихъ дѣятелей. Славянскій вопросъ крайне обострился и въ самой Австріи; рѣзкія уличныя столкновенія между нѣмцами и чехами постоянно повторяются въ разныхъ мѣстахъ, принимая иногда характеръ кровавыхъ побоищъ. Быть можетъ, для того, чтобы отвлечь вниманіе отъ этихъ внутреннихъ споровъ и открыть славянамъ новыя перспективы, предпринята наступательная политика по отношенію къ турецко-славянскимъ провинціямъ; усиленіе славянскаго элемента на счетъ сосѣднихъ балканскихъ земель подготовляетъ почву для преобразованія монархіи въ федерацію, въ которой славянство займетъ подобающее самостоятельное мѣсто.

Балканскіе проекты Австро-Венгріи значительно измѣнились послѣ турецкой революціи, озадачившей Европу въ началѣ іюля. Обновленіе Оттоманской имперіи въ конституціонномъ духѣ поставило державы въ необходимость считаться съ патріотическими чувствами турецкихъ прогрессистовъ и отказаться на время отъ прежнихъ пріемовъ и способовъ дѣйствія по отношенію къ Портѣ. Обширныя реформы, предположенныя устроителями переворота, должны были удовлетворить

христіанъ и отнять у нихъ всякіе поводы къ неудовольствію; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ дѣлали излишнимъ постороннее вмѣшательство въ турецкія дѣла и устраняли опеку чужихъ державъ надъ Турціею и ея султаномъ. Провозглашеніе конституціи дало себя почувствовать и въ областяхъ, занятыхъ австрійцами, но принадлежащихъ номинально къ составу турецкихъ владѣній,—въ Босніи съ Герцеговиною. Если Турція возрождается къ новой жизни и предоставляетъ своимъ славянскимъ землямъ всѣ блага правильнаго политическаго строя и самоуправленія, то въ глазахъ босняковъ и герцеговинцевъ отпадаетъ мотивъ дальнѣйшей австрійской оккупаціи, и возвращеніе подъ власть Порты можетъ оказаться предпочтительнѣе „швабскаго“ владычества. Мѣстные жители, христіане и мусульмане, заволновались; болѣе передовые и активные представители ихъ заговорили объ автономіи, о конституціонныхъ гарантіяхъ, о мѣстномъ выборномъ представительствѣ. Австрійская власть пошла на встрѣчу этимъ требованіямъ и обѣщала ввести нѣчто въ родѣ провинціальнаго земскаго сейма; въ то же время возникло опасеніе, что среди мѣстнаго вліятельнаго мусульманства будетъ поддерживаться броженіе подъ вліяніемъ успѣшнаго преобразованія и культурно-политическаго подъема Оттоманской имперіи. Вѣнскій кабинетъ рѣшилъ заранѣе предупредить возможныя недоразумѣнія и замѣшательства, объявивъ объ окончательномъ присоединеніи Босніи и Герцеговины къ имперіи Габсбурговъ; въ началѣ октября (нов. ст.) великимъ державамъ сообщено было объ этомъ рѣшеніи для свѣдѣнія, съ указаніемъ на соотвѣтственную уступку въ пользу Турціи отказомъ Австро-Венгріи отъ важныхъ договорныхъ правъ въ Ново-базарскомъ санджакѣ. Мысль объ экономическомъ завладѣніи этимъ санджакомъ путемъ желѣзнодорожнаго строительства была пока оставлена и уступила мѣсто болѣе серьезному и крупному предпріятію—превращенію двухъ турецкихъ провинцій въ австрійскія владѣнія. Одновременно съ этимъ, подготовлено было и другое, менѣе существенное нарушеніе берлинскаго трактата—провозглашеніе независимости Болгаріи, съ принятіемъ царскаго титула княземъ Фердинандомъ. Баронъ Эренталь придумалъ для своего плана такую формулу, которая, какъ ему казалось, должна была съ одной стороны затруднить дипломатическія возраженія, а съ другой — оставить открытымъ вопросъ о томъ, къ какой половинѣ монархіи присоединяются занятыя провинціи; дѣло шло какъ будто объ актѣ личной верховной власти императора, распространяющей отнынѣ свои права на Боснію съ Герцеговиной.

Имѣя за собою безусловную поддержку Германіи, вѣнскій кабинетъ считалъ себя въ правѣ не придавать большого значенія академическимъ протестамъ другихъ державъ; очевидно, онъ не предви-

дѣлъ эффекта своего шага и не разсчиталъ всѣхъ его послѣдствій. Открыто заявленное притязаніе на произвольную отмѣну формальныхъ международныхъ постановленій безъ согласія государствъ, участвовавшихъ въ ихъ подписаніи, смутило даже тѣхъ, кто привыкъ вѣрить въ исключительное господство права силы въ международныхъ отношеніяхъ. Положеніе затруднялось еще тѣми удивительными аргументами и требованіями, которыми баронъ Эренталь защищалъ неприкосновенность принятой имъ мѣры. По его мнѣнію, вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Босніи и Герцеговины касается только Турціи и Австро-Венгріи и долженъ быть предметомъ непосредственнаго соглашенія между двумя названными державами; если же будетъ созвана европейская конференція для пересмотра берлинскаго трактата, то она можетъ только принять къ свѣдѣнію совершившійся фактъ „аннексіи" турецкихъ провинцій, безъ всякаго его обсужденія. Другими словами, то, что установлено берлинскимъ конгрессомъ и закрѣплено участвовавшими въ немъ правительствами, не имѣетъ никакого обязательнаго значенія и можетъ быть уничтожено въ каждый данный моментъ по инициативѣ любой изъ заинтересованныхъ державъ, и остальные участники договора должны молча присутствовать при его нарушеніи, не позволяя себѣ даже обсуждать такого рода событія. Никогда еще подобное притязаніе не высказывалось съ такимъ откровеннымъ, почти наивнымъ цинизмомъ. Князь Бисмаркъ умѣлъ по своему истолковывать и примѣнять международные договоры, или оставлять безъ примѣненія отдѣльные ихъ параграфы; но онъ никогда не доходилъ до утвержденія, что заключенные трактаты ни для кого не обязательны и что каждый участникъ можетъ передѣлывать и измѣнять ихъ по произволу. Ни одна держава не могла примкнуть къ точкѣ зрѣнія барона Эренталя, даже при самомъ индифферентномъ отношеніи къ вопросу объ „аннексіи" по существу. Англія рѣшительно отвергла смѣлую австрійскую теорію; мягче возражали Россія и Франція, и—что всего важнѣе,—съ Австро-Венгріею разошлась въ этомъ случаѣ ея союзница, Италія. Вѣнскій кабинетъ забылъ, что въ тройственномъ союзѣ, кромѣ Германіи, участвуетъ на равныхъ правахъ и Итальянское королевство; австрійцы слишкомъ часто пренебрегали интересами и чувствами итальянской націи, въ разсчетѣ на незыблемую прочность политическихъ связей, соединяющихъ Италію съ Берлиномъ и Вѣною,—и это пренебреженіе къ пассивному союзнику болѣзненно отзывалось въ сердцахъ итальянскихъ патріотовъ. Оставаясь пока въ тройственномъ союзѣ, Италія сблизилась съ Англіею и Франціею, а въ послѣднее время согласилась дѣйствовать заодно съ Россіею по балканскому вопросу.

Австрійская политика создала въ Италіи оппозиціонное движеніе

противъ Австро-Венгріи и подвергла опасности самое существованіе тройственнаго союза; это настроеніе не разъ выражалось и въ итальянскомъ парламентѣ, въ рѣчахъ популярныхъ ораторовъ большинства и въ уклончивыхъ заявленіяхъ министровъ. Въ засѣданіи 3 декабря бывшій министръ-президентъ Фортисъ краснорѣчиво выразилъ патріотическія чувства всѣхъ вообще итальянцевъ, безъ различія партій, и возбудилъ единодушный энтузіазмъ въ палатѣ своей неожиданной импровизаціей, направленною главнымъ образомъ противъ Австріи. Захватъ Босніи, по его словамъ, значительно расширяетъ могущество Австріи и представляетъ формальное, ничѣмъ не оправдываемое, нарушеніе берлинскаго трактата, тогда какъ предложенная компенсація, въ видѣ очищенія Новаго-Базара и отказа отъ ограничительныхъ правилъ относительно порта Антивари, оказывается только мнимою или вполнѣ ничтожною. Необходимо требовать,—говорилъ Фортисъ—чтобы Австрія измѣнила свое поведеніе относительно Италіи. „Въ самомъ дѣлѣ, единственная держава, съ которою можетъ намъ угрожать война, есть Австрія, наша союзница, вооруженія которой направлены противъ Италіи. Если Австрія не измѣнитъ своего образа дѣйствій, правительство обязано потребовать отъ страны новыхъ жертвъ и усилій, чтобы поднять военныя средства націи до уровня настоящаго положенія“. Тройной взрывъ апплодисментовъ встрѣтилъ эти слова бывшаго премьера; самъ глава кабинета, Джіолитти, поднялся съ своего мѣста и выразилъ ему свое сочувствіе, что послужило сигналомъ для шумной оваціи, сопровождаемой возгласами въ честь Италіи и отечества. Продолжая затѣмъ свою рѣчь, Фортисъ доказывалъ, что балканская политика Австріи не заслуживаетъ одобренія и что не слѣдуетъ всегда соглашаться на признаніе совершившихся фактовъ, изъ уваженія къ праву силы. Италія, конечно, не можетъ прямо противодѣйствовать австрійскому акту „аннексіи“, но она должна искать соглашенія съ другими европейскими державами, для избѣжанія опасностей политическаго одиночества, и если состоится международная конференція, она будетъ участвовать въ ней съ полною свободою и въ постоянномъ согласіи съ заинтересованными націями. Тѣмъ не менѣе Фортисъ стоитъ за сохраненіе тройственнаго союза, хотя оно дѣлается все болѣе труднымъ для Италіи. Упомянувъ еще разъ о „необыкновенныхъ и чрезмѣрныхъ вооруженіяхъ“ Австріи, ораторъ высказалъ надежду, что правительство съумѣетъ предупредить опасность такого положенія, которое грозитъ Италіи войною и притомъ съ союзною державою. „Если это положеніе продлится, и каждая изъ сторонъ пойдетъ своимъ путемъ,—что вовсе не желательно,—то парламентъ и страна единодушно предложатъ правительству довершить военную оборону страны, съ цѣлью обезпеченія

мира". Министръ иностранныхъ дѣлъ, Титтони, отвѣчалъ на эту рѣчь на слѣдующій день, въ засѣданіи 4 декабря; ему пришлось защищать политику компромиссовъ передъ недовѣрчиво настроенною аудиторіей, и палата одобрила его заявленія только послѣ заключительной патріотической рѣчи министра-президента Джіолитти. Между тѣмъ Титтони очень ясно и категорически осудилъ австрійскія притязанія. „Съ точки зрѣнія международнаго права—объяснилъ онъ, между прочимъ,—ни по теоріи, ни на практикѣ, присоединеніе Босніи, очевидно, не могло быть разсматриваемо какъ вопросъ, интересующій только Турцію, а не другія державы, подписавшія берлинскій трактатъ. Законному рѣшенію, при согласіи всѣхъ заинтересованныхъ государствъ, Австро-Венгрія предпочла рѣшеніе одностороннее и этимъ создала трудное, неопредѣленное положеніе, которое отразилось на внутреннихъ дѣлахъ другихъ странъ и глубоко разстроило нашу политическую атмосферу". Министръ напомнилъ далѣе, что Австро-Венгрія сама провозгласила принципъ ненарушимости трактатовъ безъ согласія подписавшихъ державъ и подтвердила этотъ принципъ въ протоколѣ Лондонской конференціи отъ 1 января 1871 года. Поэтому Титтони тотчасъ же призналъ своевременность созыва конференціи и сошелся въ этомъ пунктѣ съ г. Извольскимъ, который съ указанною цѣлью отправился въ Парижъ, Лондонъ и Берлинъ. По вопросу о территоріальныхъ вознагражденіяхъ и компенсаціяхъ министръ заявилъ, что о нихъ не можетъ быть и рѣчи въ данномъ случаѣ и что только относительно Албаніи и Македоніи итальянскіе интересы обезпечены на случай новыхъ захватовъ. Италія, по словамъ Титтони, относится съ полной симпатіею къ балканскимъ государствамъ и въ томъ числѣ къ Турціи, „показавшей міру удивительный примѣръ глубокой мирной революціи и вновь выяснившей предъ всѣми очистительную силу свободы". Наша политика мира и прогресса по отношенію къ балканскимъ государствамъ—говорилъ Титтони—„совпадаетъ съ политикою другихъ державъ и особенно Россіи, съ которою мы старались установить болѣе близкія отношенія; сближеніе этихъ двухъ странъ есть теперь совершившійся фактъ и не преминетъ оказать свое дѣйствіе на ходъ событій въ будущемъ". Между прочимъ, Италія въ согласіи съ другими государствами имѣетъ въ виду способствовать скорѣйшему сооруженію желѣзной дороги отъ Дуная до Адріатическаго моря, такъ какъ эта дорога соотвѣтствуетъ желаніямъ и интересамъ Сербіи и Черногоріи. „Союзъ съ Германіею и Австро-Венгріею не долженъ служить препятствіемъ традиціонной дружбѣ съ Англіею, возстановленной дружбѣ съ Франціею и новѣйшему соглашенію съ Россіею. Военные расходы тѣсно связаны съ политикою, но стремиться къ войнѣ безъ крайней необходимости было бы безразсудно". Министръ закончилъ

свою рѣчь призывомъ къ благоразумію и истинному патріотизму. Въ томъ же миролюбивомъ духѣ высказался онъ двѣ недѣли спустя въ итальянскомъ сенатѣ, по поводу запроса о нападеніяхъ на итальянцевъ въ Вѣнѣ.

Тройственный союзъ несомнѣнно переживаетъ кризисъ въ Италіи, и если большинство итальянцевъ считаетъ полезнымъ или даже необходимымъ сохраненіе формальныхъ союзныхъ связей съ Германіею, то на союзъ съ Австро-Венгріею оно смотритъ уже какъ на ненужную тягость, отъ которой желательно было бы избавиться. Нельзя отрицать, что политика вѣнскаго кабинета за послѣдніе годы значительно содѣйствовала этой перемѣнѣ и что сильнѣйшій ударъ австро-итальянской дружбѣ нанесли безцеремонные австрійскіе планы на Балканскомъ полуостровѣ. Объ измѣнившихся отношеніяхъ Италіи къ Австро-Венгріи въ связи съ новѣйшими балканскими событіями говорилось и въ германскомъ имперскомъ сеймѣ, при обсужденіи имперскаго бюджета. Въ засѣданіи 7-го декабря князь Бюловъ, отвѣчая на рѣчи ораторовъ по вопросамъ иностранной политики, коснулся балканскихъ дѣлъ и роли Германіи въ возникшихъ затрудненіяхъ. Вопреки оптимистамъ, канцлеръ признаетъ, что „аннексія“ Босніи и Герцеговины возбудила сильное движеніе на Балканахъ и что „связанныя съ этими событіями измѣненія берлинскаго трактата поставили европейскую дипломатію передъ тяжелою задачею“. Относительно Германіи князь Бюловъ объявилъ совершенно ясными и безспорными два главныхъ пункта: во-первыхъ, что въ происходящихъ дипломатическихъ переговорахъ она должна предоставить первое мѣсто другимъ, ближе заинтересованнымъ державамъ, и во-вторыхъ, что она безусловно остается вѣрною союзницею Австро-Венгріи. О намѣреніи вѣнскаго кабинета превратить оккупацію въ присоединеніе Германія узнала почти одновременно съ Италіею и Россіею; „о времени и формѣ аннексіи—пояснилъ канцлеръ—намъ раньше ничего не было извѣстно“. Изъ этихъ словъ можно заключить, что по существу вопроса австрійцы имѣли основаніе быть твердо увѣренными въ германскомъ содѣйствіи. „Мы ни одной минуты не колебались—продолжаетъ Бюловъ—оказать возможную поддержку интересамъ нашего союзника. Естественно, что при занятомъ нами лояльномъ положеніи относительно Австро-Венгріи я не могъ и не долженъ былъ оставить для русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, г. Извольскаго, никакого сомнѣнія въ томъ, что въ вопросѣ о конференціи мы не отдѣлимся отъ Австро-Венгріи. Въ остальномъ мы оба, г. Извольскій и я, сошлись въ одинаковомъ убѣжденіи, что германская политика не должна направлять свое остріе противъ Россіи, и наоборотъ, и что старыя традиціонныя дружественныя отношенія между обѣими имперіями должны быть сохранены.

Г. Извольскій по этому поводу вновь увѣрилъ меня, что не существуетъ никакого, ни явнаго, ни тайнаго англо-русскаго соглашенія, которое могло бы оказаться направленнымъ противъ германскихъ интересовъ. Что касается итальянской политики, то можно надѣяться, что противоположность, обнаружившаяся въ послѣднее время между Австро-Венгріей и Италіею, будетъ устранена, какъ это прежде бывало во многихъ случаяхъ. Я не вижу, почему нельзя было бы привести въ согласіе австро-венгерскіе и итальянскіе интересы. Во всякомъ случаѣ я убѣжденъ, что Италія имѣетъ великій интересъ въ томъ, чтобы находиться въ союзѣ съ Германіею, какъ и съ Австро-Венгріею. На благотворное значеніе тройственнаго союза недавно указывалъ итальянскій министръ-президентъ Джіолитти, и я прибавлю, что этотъ союзъ обезпечилъ всей Европѣ продолжительный періодъ мира и возростающаго благосостоянія". Въ заключеніе канцлеръ повторилъ обычныя фразы о миролюбивыхъ чувствахъ и намѣреніяхъ Германіи.

Князю Бюлову пришлось еще вернуться къ тѣмъ же вопросамъ въ засѣданіи 10-го декабря, когда затронута была щекотливая тема о непомѣрныхъ вооруженіяхъ Германіи на сушѣ и на морѣ. „Мы стоимъ въ серединѣ Европы, въ самомъ невыгодномъ съ стратегической точки зрѣнія мѣстѣ, какое только можно найти на земномъ шарѣ,—сказалъ онъ между прочимъ:—наши вооруженія вынуждаются необходимостью быть готовыми къ оборонѣ съ разныхъ сторонъ. Безспорно, общее положеніе въ Европѣ не особенно благопріятно въ настоящій моментъ. Но я думаю, что наше положеніе сдѣлалось бы дѣйствительно сквернымъ и миру стала бы угрожать серьезная опасность въ ту минуту, когда мы сократили бы наши вооруженія ниже того уровня, какого требуетъ наше положеніе въ Европѣ... Повторяю: мы стоимъ на сторонѣ Австро-Венгріи, и мы думаемъ, что мы лучше всего служимъ дѣлу мира, если ни въ комъ не оставимъ сомнѣнія въ непоколебимости этого союза и въ серьезности, съ какою мы относимся къ нашимъ союзнымъ обязательствамъ". Это рѣшительное, далеко не миролюбивое заявленіе канцлера, какъ отмѣчено въ нѣмецкихъ газетныхъ отчетахъ, было покрыто шумными, неоднократными аплодисментами не только справа и въ центрѣ, но и слѣва. Масса нѣмецкаго общества, какъ и имперскій парламентъ, вполнѣ раздѣляетъ взгляды и чувства правительства относительно солидарности съ Австро-Венгріею по балканскому вопросу,—и иначе быть не можетъ. Всякій австрійскій успѣхъ на Балканскомъ полуостровѣ есть успѣхъ германизма—нѣмецкой культуры и промышленности; всякое пріобрѣтеніе Австро-Венгріи, всякое распространеніе ея власти въ турецко-славянскихъ провинціяхъ, есть въ то же время расширеніе круга дѣйствія и

вліянія германской націи. Австрійская дипломатія осуществляетъ лишь завѣтное стремленіе нѣмцевъ на Востокъ — „Drang nach Osten", открывая нѣмецкой предпріимчивости новые горизонты въ балканскихъ областяхъ и сообщая окончательный характеръ своимъ прежнимъ временнымъ или провизорнымъ пріобрѣтеніямъ. Въ спорѣ съ славянствомъ или съ Россіею Австро-Венгрія будетъ всегда имѣть на своей сторонѣ не только оффиціальную Германію, въ качествѣ надежной и вѣрной союзницы, но и всю германскую націю. Это ясно для всѣхъ, кто слѣдитъ за общимъ положеніемъ и ходомъ международныхъ дѣлъ въ современной Европѣ.

При такихъ условіяхъ было бы странно предполагать, что дѣятельная и энергическая русская политика на ближнемъ Востокѣ — еслибы она была вообще возможна для насъ въ настоящее время — могла бы остановить Австро-Венгрію и помѣшать ея балканскимъ планамъ, или оградить отъ ея посягательствъ политическіе и хозяйственные интересы мѣстныхъ славянскихъ государствъ. Всѣ въ Европѣ отлично знаютъ, что никакой активной внѣшней политики Россія теперь вести не можетъ и не должна, что тяжелый внутренній кризисъ, связанный съ истощеніемъ народныхъ силъ и средствъ, далеко еще не обнаруживаетъ признаковъ поворота къ лучшему и что мы долго еще вынуждены будемъ соблюдать скромную сдержанность въ области международной предпріимчивости. Никакое патріотическое или славянофильское фразерство не измѣнитъ этого реальнаго положенія вещей. Но это не значитъ, что русская дипломатія не можетъ ничего сдѣлать, что она обречена на безсиліе и неподвижность; напротивъ, опираясь на нравственную поддержку Англіи, Франціи, Италіи, она могла бы сдѣлать очень много, еслибы возвысилась до тѣхъ началъ права и справедливости, которыя, къ сожалѣнію, отсутствуютъ еще въ основахъ нашей собственной политической жизни. Въ согласіи съ другими великими державами, Россія можетъ по крайней мѣрѣ отстаивать формальную обязательную силу существующихъ договоровъ, и на этой почвѣ положеніе нашей дипломатіи неуязвимо. Фактическіе результаты отъ этого не измѣнятся, но по крайней мѣрѣ они войдутъ въ русло внѣшней законности, и для совершившихся событій будутъ придуманы извѣстныя формулы, болѣе или менѣе успокоительныя съ точки зрѣнія международнаго права. Такую именно позицію заняла русская дипломатія, подъ руководствомъ А. П. Извольскаго, съ самаго начала новѣйшаго балканскаго кризиса.

Въ циркулярной депешѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, разосланной русскимъ представителямъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ, отъ 6 декабря, подробно изложены обстоятельства,

служащія предметомъ обсужденія и спора между Австро-Венгріею и Россіею. Указавъ на незакономѣрность одностороннихъ актовъ, нарушающихъ берлинскій трактатъ, депеша напоминаетъ, что „въ 1871 году европейскія державы, принявшія участіе въ лондонской конференціи, торжественно признали существеннымъ началомъ международнаго права то положеніе, что ни одна держава не можетъ освободить себя отъ обязательствъ, налагаемыхъ на нее трактатомъ, или измѣнить его постановленія иначе, какъ съ согласія договорившихся сторонъ, путемъ дружественнаго съ нимъ уговора".

Очевидно, — говорится далѣе — „что всякое уклоненіе отъ этого принципа способно сильно потрясти основы существующаго политическаго равновѣсія и, слѣдовательно, подвергнуть опасности сохраненіе всеобщаго мира. И, на самомъ дѣлѣ, дѣйствія Австро-Венгріи и Болгаріи немедленно повлекли за собою крайнее обостреніе положенія на Балканскомъ полуостровѣ и повергли Европу въ состояніе тревоги, которое и теперь еще не улеглось. Турція, въ качествѣ державы непосредственно потерпѣвшей, не замедлила формально протестовать предъ державами, подписавшими берлинскій договоръ, противъ двойного нарушенія названнаго акта. Протестъ этотъ, казалось, тѣмъ болѣе заслуживалъ вниманія державъ, что Турція, поглощенная заботами по упроченію внутреннихъ преобразованій, особенно нуждалась въ бережномъ къ себѣ отношеніи и въ нравственной поддержкѣ. Поэтому, русскому представителю въ Константинополѣ поручено было заявить Высокой Портѣ, что, по убѣжденію Императорскаго правительства, берлинскій договоръ не можетъ подвергнуться измѣненію безъ соглашенія между подписавшими его державами. Подобное же заявленіе было сдѣлано оттоманскому правительству и представителями нѣкоторыхъ другихъ державъ. Въ то же время, поданная Турціей мысль о созваніи европейской конференціи послужила поводомъ къ довѣрительному обмѣну взглядовъ между кабинетами, которые не могли не признать, что новѣйшія событія существенно измѣнили положеніе вещей на Балканскомъ полуостровѣ и что, поэтому, конференція должна будетъ заняться и другими вопросами, также требующими къ себѣ вниманія державъ, а именно, пересмотромъ тѣхъ постановленій берлинскаго договора, которыя съ теченіемъ времени утратили свое первоначальное значеніе, и изысканіемъ способовъ удовлетворить рядъ справедливыхъ интересовъ Турціи и балканскихъ государствъ".

Выработанный въ этомъ смыслѣ проектъ программы конференціи въ девяти пунктахъ составлялъ уже въ теченіе болѣе двухъ мѣсяцевъ предметъ сложныхъ переговоровъ между отдѣльными кабинетами, но никакого соглашенія по этому поводу не могло быть до-

стигнуто, вслѣдствіе категорическихъ возраженій австро-венгерскаго правительства, допускавшаго для конференціи только простую отмѣну одной 25-ой статьи берлинскаго трактата, послѣ принятія къ свѣдѣнію будущаго непосредственнаго соглашенія между Австро-Венгріею и Турціею по боснійскому вопросу. Съ такимъ взглядомъ не могъ согласиться петербургскій кабинетъ. „Въ самомъ дѣлѣ, Австро-Венгрія была облечена правомъ занимать Боснію и Герцеговину и содержать гарнизоны въ Ново-базарскомъ санджакѣ не по частному соглашенію съ Турціей, а въ силу берлинскаго договора. Вслѣдствіе этого представлялось очевиднымъ, что предоставленныя Австро-Венгріи права не могли быть подвергнуты никакому измѣненію безъ соглашенія между всѣми державами, подписавшими названный договоръ. Что же касается непосредственнаго соглашенія между вѣнскимъ кабинетомъ и Высокой Портой, то Императорское правительство полагало, что такое соглашеніе, конечно, могло бы подвинуть дѣло, но отнюдь не предрѣшить вопроса о санкціи со стороны державъ, или же помѣшать свободному обсужденію ими всего предмета“. Наконецъ, „будущая конференція, должна, въ случаѣ, если державы придутъ къ соглашенію по вопросу о Босніи и Герцеговинѣ, не только отмѣнить ст. 25 берлинскаго договора, но и выработать, взамѣнъ ея, постановленіе, точно опредѣляющее новое положеніе обѣихъ провинцій“.

Въ нотѣ сообщается, затѣмъ, что существуетъ повидимому возможность разрѣшить возникшее разногласіе пріемлемымъ для обѣихъ сторонъ способомъ. „Въ сообщеніи, только что полученномъ нами отъ вѣнскаго кабинета, послѣдній болѣе не настаиваетъ на своемъ домогательствѣ изъять вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ изъ всякаго обсужденія державами и предлагаетъ новый способъ дѣйствія, а именно: кабинеты, не ограничивая—до конференціи—своего согласія однимъ перечисленіемъ пунктовъ ея программы, могли бы приступить къ предварительному обмѣну мнѣній по существу вопросовъ, къ которымъ эти различные пункты относятся. Этотъ обмѣнъ мнѣній могъ бы привести къ принятію извѣстныхъ формулъ, которыми и опредѣлятся точныя границы сужденій на конференціи“. Подобный способъ, при всѣхъ его неудобствахъ, можетъ однако „устранить опасность слишкомъ рѣзкихъ разногласій на самой конференціи. Кромѣ того, онъ въ достаточной мѣрѣ ограждаетъ основной принципъ, который мы поддерживали съ самаго начала, а именно, что всѣ вопросы, входящіе въ составъ программы, включая и пунктъ о Босніи и Герцеговинѣ,—имѣютъ общеевропейскій характеръ, могутъ быть окончательно разрѣшены не иначе, какъ съ согласія всѣхъ державъ, подписавшихъ берлинскій договоръ, и, въ силу этого, должны подлежать свободному обсужденію кабинетовъ“. Вслѣдствіе этого наше правительство „обратилось къ

вѣнскому кабинету съ предложеніемъ, чтобы онъ сообщилъ о своемъ проектѣ другимъ державамъ; если послѣднія изъявятъ готовность его принять, петербургскій кабинетъ не преминетъ, во время послѣдующихъ переговоровъ, высказать свои взгляды на тѣ пункты программы конференціи, которые могутъ представить особое значеніе для Россіи".

По поводу ссылокъ нашей дипломатіи на точное соблюденіе нами берлинскаго трактата въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ, несмотря на заключающіяся въ немъ обременительныя для Россіи постановленія, вѣнская „Neue Freie Presse" настойчиво указываетъ на произвольную одностороннюю отмѣну русскимъ правительствомъ того пункта договора, которымъ Батуму придавался характеръ порто-франко. Еслибы это указаніе вѣнской газеты было вѣрно, то логическіе доводы русской ноты потеряли бы значительную долю своей убѣдительности; но правило о батумскомъ порто-франко не имѣло вовсе значенія международнаго обязательства, какъ видно изъ подлиннаго текста 59-ой статьи трактата: „Императоръ Всероссійскій объявляетъ, что его *намѣреніе*—сдѣлать Батумъ порто-франко, преимущественно коммерческимъ". Притомъ Батумъ несомнѣнно вошелъ въ составъ русскихъ владѣній и подлежалъ свободному дѣйствію русской государственной власти, которая могла объявлять извѣстныя намѣренія и впослѣдствіи отмѣнять ихъ независимо отъ воли и согласія иностранныхъ державъ. Очевидно, тутъ нѣтъ матеріала для параллели съ австрійской оккупаціей турецкихъ провинцій.

Вопросы иностранной политики обсуждались и въ нашей Государственной Думѣ, и нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, подобно своимъ заграничнымъ коллегамъ, произнесъ очень приличную дипломатическую рѣчь, которая, кажется, удовлетворила не только консервативное большинство, но и либеральную оппозицію. Это была настоящая парламентская рѣчь, и самъ А. П. Извольскій былъ нисколько не хуже Титтони или Бюлова.

Засѣданіе 12 декабря, по обстановкѣ и ходу преній, по серьезному тону и важности ихъ содержанія, было дѣйствительно парламентскимъ днемъ—однимъ изъ тѣхъ дней, когда присутствующимъ кажется, что у насъ все-таки есть конституція и парламентъ. Конечно, иллюзія тотчасъ исчезаетъ, когда приходятъ на память многочисленныя обязательныя постановленія, запрещающія всякое вольнодумство; но дипломатическое вѣдомство всегда отличалось у насъ западно-европейскимъ лоскомъ и парламентскими, почти конституціонными пріемами разсужденія въ предѣлахъ своей международной компетенціи. А. П. Изволь-

скій ссылается на русское общественное мнѣніе, признаетъ его законную силу и авторитетъ въ вопросахъ внѣшней политики, и этимъ онъ сдѣлалъ удовольствіе прогрессистамъ; онъ говорилъ и о традиціяхъ славнаго прошлаго, и объ историческихъ связяхъ съ славянствомъ, что должно было понравиться патріотамъ-націоналистамъ. О переговорахъ и разногласіяхъ съ Австро-Венгріею онъ выражался въ мягкомъ, дружественномъ, но достаточно опредѣленномъ независимомъ тонѣ, повторяя отчасти доводы, изложенные въ приведенной выше циркулярной нотѣ. Упомянувъ о сѣти международныхъ соглашеній, обезпечивающихъ прочный миръ въ разныхъ частяхъ свѣта, и между прочимъ о недавней японско-американской конвенціи относительно Тихаго океана, министръ вкратцѣ обрисовалъ благотворныя послѣдствія нашего соглашенія съ Англіею, насколько они выяснились въ Персіи, — причемъ упустилъ только изъ виду дѣятельность русскаго полковника, способствовавшаго уничтоженію персидской конституціи,—и затѣмъ, послѣ хорошихъ словъ о Германіи и Италіи, о рѣчахъ Бюлова и Титтони, далъ общую характеристику современнаго направленія, идей и цѣлей русской дипломатіи. Онъ проникнутъ убѣжденіемъ, что „послѣ недавнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ потрясеній Россія нуждается въ періодѣ сосредоточенія силъ и мирнаго государственнаго строительства“; но — продолжаетъ онъ—„для меня составляло и составляетъ предметъ твердой вѣры, что Россія не можетъ отказаться отъ той роли, которая ей принадлежитъ, какъ великой европейской державѣ. Не можетъ она отказаться и отъ тѣхъ традицій, которыя вписаны въ многовѣковую и славную ея исторію. Событія послѣднихъ лѣтъ ясно показывали, что Россія является необходимымъ факторомъ европейскаго равновѣсія, и что ея ослабленіе, хотя бы и временное, отнюдь не въ интересахъ всеобщаго мира. Но особенно страшно ея ослабленіе для тѣхъ славянскихъ народностей и государственныхъ организмовъ, для которыхъ мощная Россія — лучшій залогъ сохраненія мирнаго развитія собственной національной независимости. Доказательствомъ того, что упомянутыя традиціи русскимъ обществомъ не забыты, служитъ общее вниманіе, которое это общество обратило на роль нашей дипломатіи въ вопросѣ о македонскихъ реформахъ; но еще ярче сознаніе этихъ традицій обнаружилось, когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ выступилъ съ планомъ санджакской желѣзной дороги. Событіе это, также весьма сильно волновавшее русское общество, имѣло одно важное послѣдствіе: оно подало поводъ Россіи проявить рѣшительную и безкорыстную заботу объ интересахъ и экономическомъ благополучіи балканскихъ государствъ. При этомъ выяснилось, что въ этомъ направленіи Россія дѣйствовала не одна,

а могла разсчитывать на поддержку нѣкоторыхъ другихъ державъ. Еще большее волненіе въ славянскомъ мірѣ, особенно въ Сербіи и Черногоріи, вызвано было рѣшеніемъ Австро-Венгріи присоединить Боснію и Герцеговину: „сербы и черногорцы ощутили въ немъ ударъ, нанесенный идеальной цѣлости ихъ расы и въ будущемъ угрозу ихъ собственной самостоятельности. Они вполнѣ естественно тотчасъ обратили свои взоры на Россію и среди русскихъ сородичей вполнѣ естественно нашли горячія симпатіи, съ необыкновенною силою выразившіяся по поводу недавняго пребыванія здѣсь наслѣдника сербскаго престола, извѣстнаго сербскаго дѣятеля Пашича и нѣсколькихъ сербскихъ ученыхъ и публицистовъ. Голосъ русскаго общества сталъ настойчиво требовать отъ правительства протеста противъ акта присоединенія“. Но русскій министръ иностранныхъ дѣлъ не можетъ протестовать противъ акта, подготовленнаго и допущеннаго Россіею по секретнымъ соглашеніямъ съ Австро-Венгріею, и это щекотливое обстоятельство лишаетъ нашу дипломатію той свободы дѣйствій по данному вопросу, какая требуется общественнымъ мнѣніемъ. Тѣмъ не менѣе, оставаясь на почвѣ твердаго миролюбія, министръ обѣщаетъ „всѣми дипломатическими средствами дѣйствовать въ пользу балканскихъ государствъ, съ которыми мы связаны вѣковыми традиціонными узами и которыя видятъ въ Россіи естественнаго друга и защитника“. При этомъ „мы отнесемся съ одинаково теплымъ и безкорыстнымъ участіемъ къ каждому изъ этихъ государствъ и будемъ съ одинаковою настойчивостью защищать ихъ интересы“; а къ кругу этихъ интересовъ принадлежитъ и вопросъ о выгодахъ для Сербіи и Черногоріи, включенный въ программу конференціи по нашей иниціативѣ.

Интересная во многихъ отношеніяхъ рѣчь А. П. Извольскаго подверглась довольно сдержанной и отчасти сочувственной критикѣ со стороны предводителя оппозиціи, депутата П. Н. Милюкова, извѣстнаго знатока балканскихъ дѣлъ, который, впрочемъ, въ заключеніе высказался отъ имени своей партіи въ пользу формулы, предложенной октябристами: „выражая горячее сочувствіе родственнымъ намъ славянскимъ народностямъ и государствамъ, твердо надѣясь, что правительство приложитъ усилія къ огражденію справедливыхъ интересовъ этихъ народностей и государствъ, питая при этомъ увѣренность, что цѣль эта будетъ вполнѣ достигнута мирнымъ путемъ, при безусловномъ соблюденіи національнаго достоинства Россіи, Государственная Дума переходитъ къ постатейному обсужденію смѣты министерства иностранныхъ дѣлъ“. Формула эта была принята почти всей Думой противъ крайнихъ лѣвыхъ.

Турція также имѣетъ теперь свой парламентъ. Собраніе народныхъ представителей торжественно открылось въ Константинополѣ 17 декабря (нов. ст.), въ присутствіи султана, отъ имени котораго была прочитана секретаремъ вяло написанная, малосодержательная тронная рѣчь. Сначала депутаты волновались по поводу того, что султанъ не повторилъ присяги на вѣрность конституціи; но потомъ объяснилось, что прежняя духовная присяга, принесенная предъ шейхъ-уль-исламомъ, сохраняетъ свою полную силу, и депутаты съ своей стороны подтвердили публичное обѣщаніе вѣрности султану, „пока султанъ будетъ соблюдать конституцію, которой онъ присягалъ". Въ составѣ 250 избранныхъ депутатовъ числится около 150 мусульманъ и 35 христіанъ, въ томъ числѣ двадцать грековъ, пять армянъ, четверо болгаръ и столько же сербовъ. Сравнительно слабое участіе христіанскаго населенія въ парламентскихъ выборахъ зависѣло отчасти отъ техническихъ недостатковъ избирательной системы и особенно отъ неправильнаго составленія избирательныхъ списковъ. Но общее настроеніе турецкаго парламента таково, что оно даетъ надежды на свѣтлое будущее одинаково христіанамъ, какъ и туркамъ.

КИТАЙСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА ЦЗИ-СИ.

Политическія событія въ Китаѣ, имѣющія мѣсто въ настоящее время, заставляютъ вспомнить о всемъ періодѣ правленія императрицы-регентши Цзи-Си. Съ особенно рѣзкой выпуклостью выдѣляется, какъ предвѣстникъ совершающихся событій, народное движеніе 1900 года, заставившее китайское правительство выйти на путь обновленія обветшалаго государственнаго строя, приведшее къ коренному измѣненію бывшихъ до того отношеній, какъ внутреннихъ, между китайскимъ народомъ и манчжурской династіей, такъ и внѣшнихъ, между Китаемъ и европейскими государствами.

За весь этотъ многолѣтній періодъ (1855—1908) императрица Цзи-Си была центральной фигурой, вокругъ которой наслаивались политическія событія.

Этотъ періодъ китайской исторіи только что закончился почти одновременной смертью императора Гуанъ-Сюй и императрицы-регентши Цзи-Си. Обѣ эти смерти явились какъ бы неизбѣжными, дополняющими одна другую, требованіями исторической необходимости. Жизнь ушла впередъ, оставивъ позади и больного, неспособнаго управлять государствомъ Гуанъ-Сюй, и энергичную, властную, упрямую престарѣлую правительницу, истощившую всѣ свои силы въ тяжелой, но безплодной борьбѣ противъ неотступно предъявлявшихся ей новыхъ требованій.

Сошедшіе въ могилу правители китайскаго народа, связанные судьбой отъ начала до конца жизни, полной трагизма, заслуживаютъ глубокаго вниманія, какъ представители деспотизма, одинаковаго въ своей сущности, въ какой бы странѣ онъ ни проявился.

Императоръ Гуанъ-Сюй являлъ собой лишь печальный призракъ деспотической власти. Только одинъ разъ за время своего краткаго царствованія Гуанъ-Сюй проявилъ власть, да и то находясь подъ вліяніемъ умнаго и энергичнаго реформатора Канъ-Ю-Вей'я.

Жизнь Цзи-Си служитъ подтвержденіемъ того, что, будучи неограниченнымъ властелиномъ народной жизни, деспотъ самъ находится въ полномъ подчиненіи у окружающихъ его совѣтниковъ и сотрудниковъ.

Манчжурка по происхожденію, Цзи-Си была дочерью военнаго чиновника, служившаго въ провинціи Сы-Чуанъ. Отецъ ея отличался

честностью и умеръ, не оставивъ средствъ, но постарался дать дочери своей блестящее китайское образованіе.

Такъ какъ онъ не былъ уроженцемъ провинціи Сы-Чуанъ, то, по строго соблюдаемому въ Китаѣ обычаю, вдова съ семьей отправилась на родину покойнаго, чтобы похоронить его прахъ въ родной землѣ, а затѣмъ пріѣхала въ Пекинъ, чтобы выхлопотать дочери своей представленіе ко двору, на что она имѣла право по происхожденію своего отца.

Представленія ко двору добиваются многія дѣвушки изъ знатныхъ, но обѣднѣвшихъ манчжурскихъ семей. Оно имѣетъ для дѣвицъ-манчжурокъ очень большое значеніе, такъ какъ изъ знатныхъ дѣвицъ императрица-мать выбираетъ для своего сына, наслѣдника престола, не только первую законную жену, но еще девять второ- и третьестепенныхъ женъ. Время отъ времени въ средѣ этихъ девяти женъ происходятъ перемѣны: однѣ удаляются, на мѣсто выбывшихъ избираются другія.

Кромѣ женъ, пользующихся нѣкоторыми оффиціальными правами, китайскій императоръ можетъ имѣть неограниченное количество гаремныхъ подругъ.

Полигамія признается въ Китаѣ не только въ силу своеобразныхъ взглядовъ на бракъ и женщину, но и въ силу семейнаго строя, въ силу завѣта, по которому каждая семья должна имѣть сына, являющагося продолжателемъ рода и охранителемъ культа предковъ.

Девять женъ императора пользуются извѣстнымъ почетомъ, такъ какъ на долю той или иной можетъ выпасть счастье дать сына и наслѣдника престола, между тѣмъ какъ первая жена и вторая могутъ оказаться неплодными или рожать только дѣвочекъ.

Въ 1850 году, по смерти императора Дао-Гуна, наслѣднику его, Сіэнъ-Фыну, была избрана первая законная жена Дунъ-Тай-Ю и девять второ- и третьестепенныхъ женъ, въ числѣ которыхъ была и прибывшая ко времени избранія въ Пекинъ, ставшая впослѣдствіи императрицей Цзи-Си.

Ей было въ то время шестнадцать лѣтъ. Благодаря природному уму, образованности, красотѣ, она скоро выдѣлилась изъ числа своихъ подругъ и стала ближайшей къ императору.

Прошло пять лѣтъ. Первая жена императора, Дунъ-Тай-Ю, оставалась неплодной, а у ея соперницы родился сынъ. Ставъ матерью, она заняла прочное положеніе и получила званіе второй жены и личное имя Цзи-Си, т.-е. милосердная благодѣтельница. Личнымъ именемъ пользуются только императрицы, т.-е. первая и вторая законныя жены императора; остальныя жены и гаремныя подруги но-

сятъ лишь ласкательныя прозвища, отличающія ихъ одну отъ другой, и извѣстны подъ однимъ именемъ „маленькихъ женъ".

Ставъ матерью наслѣдника престола, Цзи-Си получила отъ императрицы-матери собственный дворецъ и званіе второй или западной супруги императора, въ отличіе отъ первой или восточной.

Радость во дворцѣ по поводу рожденія сына, наслѣдника престола, распространилась на все государство, на весь народъ и ознаменовалась амнистіей, данной преступникамъ. Въ этотъ періодъ своего личнаго счастія (ей было 20—21 годъ) Цзи-Си очаровывала каждаго, кто приближался къ ней. Ей посвящено было поэтессами много поэмъ, въ которыхъ воспѣвались ея духовныя совершенства и красота.

Проживъ въ Пекинѣ 14 лѣтъ, я имѣлъ возможность близко видѣть императрицу много разъ, и во время ея оффиціальныхъ пріемовъ во дворцѣ, и во время остановокъ ея у кумирни при въѣздѣ въ Чэнъмыньскія ворота при переѣздѣ изъ лѣтняго дворца въ зимній. Несмотря на свой преклонный возрастъ, она выглядѣла моложавой, очень подвижной, сохранявшей на всей своей фигурѣ слѣды былой, восточной красоты.

Хотя рожденіе наслѣдника и выдвинуло Цзи-Си на первое мѣсто, но она оставалась все же второй женой императора, не вполнѣ равноправной съ первою. Сынъ, рожденный хотя и не первой женой, усыновляется ею и считается оффиціально ея сыномъ. Въ данномъ случаѣ обѣ императрицы проявили другъ къ другу на рѣдкость добрыя отношенія. Была ли тому причиной общность интересовъ, или мягкость характера первой жены, добровольно уступившей свое первенство болѣе счастливой соперницѣ, но фактъ тотъ, что обѣ женщины оставались въ дружбѣ во все время своей совмѣстной жизни. Онѣ были совершенно различнаго характера: Цзи-Си принимала горячее участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, Дунъ-Тай-Ю совершенно и навсегда устранилась отъ всякаго участія въ политикѣ.

Китай переживалъ въ этотъ періодъ тяжелое время: англо-французская война и возстаніе тай-пинговъ потрясали его устарѣлые государственные устои, заставляли просыпаться этого вѣками неподвижнаго исполина. Цзи-Си смѣло вступила въ борьбу съ заскорузлой придворной консервативной партіей.

Періодъ англо-французской войны захватилъ все существо Цзи-Си. Въ то время какъ безвольный ея супругъ Сіэнъ-Фынъ и приверженцы старины потеряли голову и бѣжали изъ Пекина, Цзи-Си открыто выступила во главѣ молодой либеральной партіи и открыто поддерживала молодого принца Гуна, на котораго легла вся тяжесть веденія переговоровъ и заключенія мира съ англичанами и французами.

Когда миръ былъ заключенъ и опасность миновала, старая консервативная партія, относившаяся съ ненавистью къ европейцамъ, обвинила принца Гуна и Цзи-Си въ слабости, обнаруженной ими при заключеніи мира, и добилась того, что Сіэнъ-Фынъ, умирая, учредилъ при малолѣтнемъ своемъ сынѣ-наслѣдникѣ регентство изъ ярыхъ консерваторовъ, устранивъ отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ обѣихъ императрицъ и принца Гуна. Цзи-Си становится душою заговора противъ регентовъ. Обвинивъ ихъ въ несоблюденіи церемоній при погребеніи Сіэнъ-Фына, она приказываетъ семерыхъ регентовъ обезглавить въ то время, когда они возвращались съ похоронъ, а восьмому, родственнику императора, принцу Чэну, посылаетъ подарокъ, тончайшіе листки золота, которые онъ долженъ былъ проглотить и покончить свою жизнь самоубійствомъ. Отъ имени шестилѣтняго наслѣдника престола, сына Цзи-Си, Туи-Чжи, учреждается новое регентство, во главѣ котораго ставятся обѣ императрицы, а президентомъ великаго совѣта назначается либеральный принцъ Гунъ. Императрица регентша Цзи-Си окружаетъ себя умными и преданными ей государственными людьми, начавшими въ Китаѣ періодъ реформъ. Принцъ Гунъ, Цзе-Гуй-Фанъ, Ли-Хун-Чангъ и многіе другіе горячо взялись за обновленіе китайскаго государственнаго строя, за введеніе неотложныхъ либеральныхъ реформъ.

Страстная по натурѣ и молодости, властолюбивая, Цзи-Си не воспитала въ своемъ наслѣдникѣ-сынѣ здороваго правителя. Онъ росъ въ гаремной атмосферѣ и, ставъ императоромъ, выказалъ и полную неспособность, и душевную болѣзнь. Онъ умеръ скоропостижно въ 1875 году, не оставивъ наслѣдника. Въ завѣщаніи его наслѣдникомъ престола былъ названъ трехлѣтній племянникъ Цзи-Си, сынъ ея младшей сестры, бывшей замужемъ за принцемъ крови.

Согласно обычаю, малолѣтній наслѣдникъ престола былъ усыновленъ къ умершему императору Тун-Чжи и явился такимъ образомъ пріемнымъ сыномъ Цзи-Си.

При малолѣтнемъ наслѣдникѣ престола учреждено было регентство и снова назначены регентшами обѣ императрицы, но мѣсто принца Гуна занялъ Ли-Хун-Чангъ. Либеральное направленіе и постепенное введеніе реформъ продолжалось по прежнему.

Второй періодъ регентства Цзи-Си продолжался съ 1875 по 1889 годъ; послѣднія восемь лѣтъ Цзи-Си оставалась одна, такъ какъ Дунъ-Тай-Ю скончалась въ 1881 году.

Въ 1889 году вступаетъ на престолъ императоръ Гуанъ-Сюй, и Цзи-Си снова удаляется въ частную жизнь, но не устраняетъ себя отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ.

Юный Гуанъ-Сюй былъ мягкаго, слабаго характера, съ сильно уже

разстроеннымъ отъ гаремной жизни здоровьемъ. Самому себѣ онъ не могъ быть предоставленъ, что отлично понимала Цзи-Си, но она была покойна: около слабовольнаго императора были испытанные друзья императрицы, принцъ Гунъ и Ли-Хун-Чангъ. Всѣ серьезныя дѣла и сношенія съ европейцами велись ими при негласномъ участіи самой Цзи-Си.

Китай продолжалъ идти медленными шагами по пути прогресса, но общая жизнь Дальняго Востока далеко опережала его. Китай не поспѣвалъ за общимъ развитіемъ жизни и запутывался въ постоянной борьбѣ и интригахъ двухъ партій: старой—консервативной и молодой—либеральной.

Цзи-Си, принцъ Гунъ, Ли-Хун-Чангъ не имѣли достаточно смѣлости и энергіи, чтобы стать во главѣ либеральнаго движенія и вести Китай къ кореннымъ реформамъ; но имъ недоставало также смѣлости вступить въ открытую борьбу съ консерваторами.

Императоръ Гуанъ-Сюй, тяготившійся постоянной опекой со стороны своей тетки-матери, не рѣшался дѣйствовать самостоятельно, но держался партіи, враждебной его опекунамъ.

Такимъ образомъ борьба партій сводилась къ личнымъ интригамъ, пока не возникли недоразумѣнія между Японіей и Китаемъ изъ-за Кореи. Обѣ партіи вступили по этому вопросу въ рѣшительную борьбу. Партія императора, воинственная, требовала войны съ Японіей; партія императрицы, понимавшая неподготовленность Китая къ войнѣ, стремилась окончить недоразумѣнія мирнымъ путемъ.

Партія императора взяла верхъ. Война была начата и Японія разгромила Китай. Только усиліями Россіи, Германіи и Франціи Китай былъ огражденъ отъ отчужденія въ пользу Японіи Ляодунскаго полуострова.

Японо-китайская война имѣла громадныя послѣдствія для Китая: она раскрыла его полнѣйшую слабость и расшатанность всего государственнаго строя, полнѣйшую неспособность китайскаго правительства, а съ другой стороны открыла двери для вторженія въ Китай какъ европейскихъ державъ, такъ и новыхъ, европейскихъ идей.

Вмѣстѣ съ захватомъ европейскими государствами китайской территоріи росла и крѣпла новая либеральная партія, видѣвшая спасеніе Китая отъ расчлененія въ немедленномъ проведеніи коренныхъ реформъ. Росло и стремленіе къ европейскому образованію, и вліяніе Англіи и Японіи, какъ образцовъ для политическаго воспитанія Китая.

Потерявъ всякое довѣріе къ умѣренно-либеральнымъ реформамъ, проводимымъ при участіи Цзи-Си, новая партія, назвавъ себя прогрессивной, выдвинула рѣшительнаго и энергичнаго реформатора Канъ-Ю-Вей'я, который задумалъ повліять на императора Гуанъ-Сюй'я,

и при его участіи произвести сперва дворцовый переворотъ, устранивъ Цзи-Си отъ власти и вліянія, а затѣмъ начать ломку всего стараго китайскаго строя.

Канъ-Ю-Вей очаровалъ императора и совершенно подчинилъ его своей волѣ. Переворотъ былъ намѣченъ, но заговоръ былъ раскрытъ наканунѣ дня назначеннаго для его выполненія.

Цзи-Си сама произвела дворцовый переворотъ: 22 сентября 1898 года императоръ былъ заточенъ на островѣ въ районѣ дворца, а 20 главныхъ участниковъ заговора обезглавлены.

Удовлетворивъ жажду мщенія, Цзи-Си остается совершенно одинокой; ей не на кого опереться, близъ нея нѣтъ ни одного вѣрнаго человѣка. Первый ея другъ, принцъ Гунъ, двумя годами раньше умеръ, а Ли-Хун-Чангъ, въ угоду Канъ-Ю-Вей'ю, былъ удаленъ императоромъ изъ Пекина въ почетную ссылку.

Возмущенная покушеніемъ на ея власть, Цзи-Си не находитъ уже въ себѣ столько духовныхъ силъ, чтобы, забывъ личную обиду, видѣть только пользу государства. Она не рѣшается приблизить къ себѣ дѣятелей либеральной партіи и, опираясь на нихъ, идти далѣе по пути реформъ.

Относясь съ недовѣріемъ къ европейской дипломатіи—на что она имѣла полное право, такъ какъ на ея глазахъ нѣмцы отняли насильственно у Китая бухту Кіао-Чао, на условіи аренды русскіе взяли Портъ-Артуръ и Дальній, англичане заняли Вей-Ха-Вей, — относясь подозрительно къ либеральной партіи и съ ненавистью къ новому движенію прогрессистовъ, Цзи-Си находитъ себѣ союзниковъ въ старой консервативной партіи. Она не раздѣляетъ всѣхъ политическихъ убѣжденій этой партіи, но лично знаетъ ея представителей, сверстниковъ своихъ; она вѣритъ имъ, какъ людямъ.

Цзи-Си приближаетъ къ себѣ въ это время такихъ ярыхъ консерваторовъ, какъ принцъ Туанъ, генералъ Дунъ-Фу-Сянъ. Быть можетъ, она сознавала, что консервативная партія не можетъ дать блага государству, что Китай требуетъ рѣшительныхъ реформъ, но, сознавая это, отдалась во власть своей страстной натуры, требовавшей мщенія. Она продолжала, однако, проводить реформы по народному образованію, открыла въ Пекинѣ университетъ, расширила права европейцевъ для торговли и жительства въ Китаѣ, провела рядъ реформъ во внутреннемъ управленіи и приступила къ коренному преобразованію арміи, поручивъ это дѣло Юанъ-Ши-Кай'ю.

Страна не довольствовалась тѣмъ, что давало правительство. Захваты китайскихъ земель и оскорбительный гнетъ европейской дипломатіи, эти, позволю себѣ такъ выразиться, предметные уроки глу-

мленія европейцевъ надъ китайцами, пробудили въ китайскомъ народѣ чувство національнаго достоинства.

Ненависть къ европейцамъ вызвала всю страну на борьбу съ пришельцами-утѣснителями. Народное движеніе 1900 года, получившее названіе „боксерскаго“, захватило и консервативное правительство, и умѣренно-либеральную Цзи-Си. Европейскія войска залили кровью это движеніе, но не могли убить народную мысль, звавшую къ освобожденію отъ ига чужеземцевъ. Боксерское движеніе похоронило старый, невѣжественный, чиновничій Китай. Цзи-Си перенесла съ достоинствомъ обрушившееся на нее несчастіе, проявивъ и твердость, и гордость. Напрасно европейскія правительства требовали отъ нея головы принца Туана и генерала Дунъ-Фу-Сяна: Цзи-Си отвергла эти требованія.

Боксерское движеніе показало Цзи-Си путь, по которому она должна была вести государство, дабы на развалинахъ стараго Китая возродилась новая жизнь, выросъ новый китайскій народъ. Это—путь коренныхъ реформъ, широкаго народнаго образованія, экономическаго развитія страны, сформированія могущественной арміи.

И Цзи-Си съ 1902 года твердо пошла по этому пути. Для проведенія реформъ нужны знанія, нужны по-европейски образованные люди, энергичные государственные дѣятели.

Европейски-образованныхъ людей, изучавшихъ европейскій государственный строй, въ это время въ Китаѣ не было; но выдвинулись люди съ широкимъ взглядомъ, понявшіе неотложность пріобщенія Китая къ политической жизни европейскихъ государствъ.

Такими людьми за время съ 1902 по 1908 годъ были Юанъ-Ши-Кай, Натунъ, принцъ Чунъ, Телянъ, Сюй-Иш-Чэнъ, Танъ-Шао-И, а изъ стариковъ—вице-король Чжанъ-Чжи-Дунъ. Относительно Чжанъ-Чжи-Дуна, сверстника по годамъ самой Цзи-Си, замѣчу, что этотъ государственный мужъ всегда стоялъ особнякомъ, устраняясь и отъ близости къ придворнымъ временщикамъ, и отъ близости къ политическимъ партіямъ. Чжанъ-Чжи-Дунъ—это либеральный націоналистъ, расположенный къ европейскому образованію, но всегда ставящій девизомъ своей дѣятельности: „Китай для китайцевъ“.

Наиболѣе даровитымъ и энергичнымъ изъ всѣхъ новыхъ государственныхъ дѣятелей Китая несомнѣнно явился Юанъ-Ши-Кай, китаецъ по происхожденію, начавшій свою карьеру личнымъ секретаремъ Ли-Хунъ-Чанга. Пользуясь особымъ довѣріемъ императрицы, Юанъ-Ши-Кай былъ назначенъ ею въ 1902 г. на крайне важный постъ вице-короля провинціи Чжили, съ мѣстопребываніемъ въ Тяньцзинѣ.

Провинція Чжили была центромъ боксерскаго движенія, служа въ то же время главнымъ пунктомъ торговли и центромъ европейскаго населенія сѣвернаго Китая.

По уходѣ изъ Тяньцзиня европейскихъ войскъ, Юанъ-Ши-Кай'ю предстояло взять подъ свою охрану и европейскій Тяньцзинъ. Онъ блестяще выполнилъ возложенную на него задачу. Съ безпощадной энергіей онъ очистилъ Тяньцзинъ и окрестности, какъ отъ остатковъ боксерскихъ и разбойничьихъ шаекъ, такъ и отъ деморализованныхъ китайскихъ чиновниковъ. Въ самое короткое время Тяньцзинъ сталъ благоустроеннымъ китайскимъ городомъ, наиболѣе безопаснымъ для жизни европейцевъ. Освободясь отъ гнета военнаго европейскаго постоя, императрица и Юанъ-Ши-Кай обратили все свое вниманіе на народное образованіе и на организацію вооруженныхъ китайскихъ силъ, взявъ во всемъ за образецъ Японію.

Въ Японіи стали видѣть не только родственную желтую расу, не только могущественное, по-европейски просвѣщенное государство, но и расу, тѣсно связанную съ китайскимъ народомъ общностью политическихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, устраненныхъ Европой. Время съ 1902 по 1906 г. было для Китая временемъ самаго искренняго и пылкаго увлеченія Японіей, полной японизаціи Китая.

Китайское народное образованіе было поручено японцамъ, заполнившимъ преподавателями всѣ среднія и отчасти высшія школы; обученіе китайскихъ солдатъ и организація китайскихъ вооруженныхъ силъ были отданы японскимъ инструкторамъ. Всѣ главныя реформы по всѣмъ отраслямъ администраціи проводились съ одобренія и по указаніямъ японцевъ. Китайцы-чиновники посылались въ Японію изучать японскую систему управленія и примѣнять японскіе образцы въ Китаѣ. Предъ Японіей преклонилось, однимъ словомъ, и китайское правительство, и китайское образованное общество.

Китайская молодежь посылалась на казенный счетъ для полученія средняго и высшаго образованія почти исключительно въ японскія школы. Въ 1906 году китайцевъ-студентовъ въ Японіи было болѣе 10 тысячъ. Творцами антидинастическаго революціоннаго движенія въ Китаѣ явились, помимо своей воли, японцы.

Китайская молодежь, закончивъ свое образованіе въ Японіи, возвращалась къ себѣ на родину и приносила идею возрожденія Китая, идею водворенія китайской династіи и низверженія династіи манчжурской. Успѣхи японцевъ въ несчастной для Россіи войнѣ особенно возвысили Японію въ глазахъ китайцевъ, объяснившихъ себѣ побѣду японцевъ совершенствомъ японскаго государственнаго строя, превосходствомъ японскаго просвѣщенія, высотой и глубиной японскаго патріотизма. Проводимыя правительствомъ реформы казались китайцамъ недостаточными, малодѣйствительными. Вся либеральная китайская пресса взывала о дарованіи китайскому народу конституціи.

Тайныя революціонныя общества, ставившія цѣлью ниспроверженіе

манчжурской династiи, распространялись по всему Китаю, но особенно широко проявляли свою дѣятельность въ его южныхъ провинцiяхъ. Императрица Цзи-Си зорко слѣдила за настроенiемъ страны, но оставалась чуждой какъ увлеченiямъ японофильской партiи, очень многочисленной при дворѣ, желавшей вмѣшательства Китая въ войну съ Россiей, такъ и увлеченiямъ по введенiю коренныхъ реформъ.

Нѣсколько разъ японофильская партiя была готова нарушить нейтралитетъ Китая, но Цзи-Си постоянно увѣряла, что дружба къ Россiи ею нарушена не будетъ и нейтралитетъ Китая въ войнѣ между Россiей и Японiей будетъ сохраненъ.

Между тѣмъ общественное движенiе въ пользу реформъ все разросталось въ Китаѣ. Правительство обнародовало манифестъ, говорившiй о переходѣ къ конституцiонному образу правленiя и о подготовительныхъ реформахъ, необходимыхъ при введенiи конституцiи, для изученiя которой особая коммиссiя была отправлена въ Германiю, Францiю, Англiю, Америку и Японiю.

Подготовительныя реформы предполагалось закончить въ три года. Вслѣдъ за манифестомъ послѣдовали императорскiе эдикты, дававшiе китайскому народу свободу слова, свободу собранiй, свободу союзовъ и равенство въ правахъ съ манчжурами, которые до сихъ поръ пользовались особыми привилегiями, какъ служебными, чиновничьими, такъ и другими, въ качествѣ военнаго сословiя, обязаннаго службой въ манчжурскихъ войскахъ.

Всѣ эти реформы утверждались императрицей не безъ борьбы какъ съ представителями партiи реформъ, такъ и съ представителями придворной манчжурской партiи, не безъ основанiя видѣвшей въ конституцiи гибель манчжурскаго влiянiя и господства въ Китаѣ.

Сама Цзи-Си все болѣе и болѣе уясняла себѣ пропасть, которая образовалась между нею, представительницею манчжурскаго господства, и китайскимъ народомъ, особенно остро почувствовавшимъ боль подчиненiя чуждой власти.

Борьба партiй прежняго дореформеннаго перiода, консервативной и либеральной, отошла сразу въ область исторiи.

Въ политическую борьбу вступили двѣ новыя партiи, выдвинутыя другъ противъ друга самою жизнью: китайскiй народъ, возвращающiй свою политическую свободу и нацiональную самостоятельность, и манчжурская династiя, отстаивающая свое господство. Весь 1907-й годъ полонъ революцiонныхъ попытокъ китайскаго народа путемъ возстанiй низвергнуть манчжурскую династiю—реакцiонныхъ движенiй манчжурскаго правительства, отнимающаго одну за другою данныя свободы, учреждающаго надъ печатью строгую цензуру, широко распространяющаго шпiонство.

Упорная политическая борьба и разочарованія окончательно сломили императрицу. Цзи-Си потеряла подъ собою почву: она не хотѣла всецѣло отдаться во власть манчжурской династической партіи, такъ какъ не могла не сознавать, что партія эта не можетъ дать счастья китайскому народу,—но не имѣла силъ идти съ народомъ, который открыто высказывалъ ей свою враждебность и мыслилъ о ея низверженіи.

Настало тяжкое, невыносимое нравственное состояніе, изъ котораго вывела Цзи-Си рука смерти. Переживаемый историческій моментъ засталъ китайское государство на распутьи: внутри государства смута и неустройство, извнѣ — невыясненность отношеній съ европейскими государствами.

Для насъ, русскихъ, особенно важно, чтобы отношенія Китая къ Россіи были ясно опредѣлены и точно установлены. Россія соприкасается съ Китаемъ на протяженіи восьми тысячъ верстъ не только торговой, но и культурной международной линіи, много-обѣщающей въ ближайшемъ будущемъ.

В. Корсаковъ.

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ ЖЕНСКІЙ СЪѢЗДЪ.

Въ каждой исторической эпохѣ жизнь ставитъ тѣ или другіе запросы. Въ XX вѣкѣ на первый планъ все больше выдвигается такъ называемый „женскій вопросъ". Онъ не представляетъ новаго явленія. Уже въ концѣ XVIII в. отдѣльныя лица сознавали всю несправедливость присвоенія однимъ поломъ цѣлаго ряда общественно-политическихъ преимуществъ. Такъ, въ Англіи въ XVIII в. Мэри Уольстонкрафтъ, въ своемъ памфлетѣ: „Въ защиту женскихъ правъ", первая смѣло подняла голосъ противъ безправія женщинъ. Но въ то время подобные взгляды составляли рѣдкое исключеніе и шли въ разрѣзъ съ рутиной общепринятыхъ традицій. И толпа, косная, враждебная новымъ теченіямъ, окружила первую поборницу равноправія женщинъ презрѣніемъ и клеветой.

Въ XIX вѣкѣ женскій вопросъ дѣлаетъ значительный шагъ впередъ: единичные протесты принимаютъ болѣе широкіе размѣры. Въ Англіи, наиболѣе культурной европейской странѣ, образуются общества и союзы, добивающіеся уравненія женщинъ въ правахъ съ мужчинами. Дѣятельность защитниковъ идеи равноправія главнымъ образомъ сосредоточивается на воспитаніи общественнаго мнѣнія. Въ XX вѣкѣ женское движеніе вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія. Изъ вопроса академическаго оно становится вопросомъ жизненнымъ, тѣсно связаннымъ съ экономическими условіями женскаго труда. Почти во всѣхъ культурныхъ странахъ женщины всѣхъ классовъ пробуждаются къ самосознанію, стремятся объединиться во имя единаго общаго интереса: достиженія человѣческихъ правъ. Въ 1904 г. организуется „Международный Союзъ избирательныхъ правъ женщинъ", который въ теченіе четырехъ лѣтъ быстро разростается, съ каждымъ годомъ привлекая въ свой составъ новые національные женскіе союзы [1]).

Въ 1905 г. мощный призывъ къ свободѣ захватываетъ и русскую женщину. Въ предъидущую эпоху женскій вопросъ въ Россіи сводился преимущественно къ требованію равнаго съ мужчинами образованія.

[1]) Въ 1904 г. Междун. Союзъ заключалъ въ себѣ восемь національныхъ женскихъ союзовъ. Теперь, послѣ Амстердамскаго Конгресса въ іюнѣ 1908 г., Междун. Союзъ состоитъ изъ шестнадцати національныхъ женскихъ союзовъ: Соед. Штатовъ, Великобританіи, Канады, Германіи, Россіи, Даніи, Норвегіи, Швеціи, Голландіи, Финляндіи, Венгріи, Богеміи, Болгаріи, Италіи, Швейцаріи и Австраліи.

Теперь, въ XX в., борьба русскихъ женщинъ за эманципацію принимаетъ новый характеръ. 1905-й годъ, столь памятный въ общественно-политической исторіи Россіи, съигралъ важную роль и въ исторіи женскаго движенія. То было время, когда всѣ обиженные и обдѣленные подняли голосъ въ защиту своихъ правъ; и среди нихъ громко прозвучалъ голосъ русской женщины. Безправная передъ закономъ, она до сихъ поръ раздѣляла участь своего собрата—мужчины. Вмѣстѣ съ нимъ боролась она за свободу, защищала интересы народа, часто жертвуя собою во имя долга. Сознаніе общности интересовъ кладетъ отпечатокъ на все женское движеніе въ Россіи: послѣднее, зародившись въ 1905 г., идетъ рука объ руку съ общимъ освободительнымъ движеніемъ: вмѣстѣ съ нимъ оно развивается въ ширь и глубь—и вмѣстѣ съ нимъ временно угасаетъ, отходитъ на задній планъ общественно-политической жизни. Въ 1907 г. „Всероссійскій Союзъ равноправія женщинъ", явившійся въ 1905 г. выразителемъ требованій передовыхъ русскихъ женщинъ, вынужденъ былъ, въ силу „независящихъ обстоятельствъ", сократить свою дѣятельность, свести ее къ работѣ отдѣльныхъ кружковъ. Тѣмъ не менѣе, періодъ безвременья не могъ заглушить пробудившіеся запросы и стремленія. Все настоятельнѣе ощущалась необходимость подведенія итоговъ прошлаго и выясненія программы будущаго. Въ результатѣ явился первый Всероссійскій Женскій Съѣздъ.

Созванный петербургскимъ „Женскимъ Взаимно-Благотворительнымъ обществомъ", при содѣйствіи кружка „Союза равноправія женщинъ", Всероссійскій Женскій Съѣздъ открылся при условіяхъ весьма своеобразныхъ и необычныхъ даже въ Россіи. Изъ программы съѣзда министерство внутреннихъ дѣлъ исключило весь 4-ый §: „Борьба за политическія и гражданскія права женщинъ у насъ и за границей. Необходимость равноправія и допущенія женщинъ ко всѣмъ профессіямъ и на государственную службу". При этомъ предписывалось тщательно избѣгать упоминанія о политической борьбѣ и политическихъ движеніяхъ на Западѣ. Въ силу такого постановленія, назначенный къ прочтенію на первомъ публичномъ собраніи докладъ о женскомъ движеніи въ Англіи былъ снятъ съ очереди.

Такимъ образомъ, въ XX вѣкѣ вновь повѣяло у насъ патріархальнымъ духомъ до-петровскихъ временъ, когда тщательно замыкались двери на Западъ и всѣ приходившія оттуда вѣянія признавались тлетворными и пагубными.

Оригинальна была и обстановка, въ которой протекали засѣданія съѣзда. Вездѣ и неизмѣнно, даже на закрытыхъ засѣданіяхъ секцій, присутствовалъ полицейскій чинъ (иногда и два чина), слѣдившій за каждымъ словомъ и останавливавшій оратора по поводу каждаго

„вольнаго" выраженія, часто вполнѣ безобиднаго. Такъ, на одномъ засѣданіи одинъ референтъ былъ остановленъ за упоминаніе объ отрицательномъ отношеніи къ женскому вопросу октябристовъ въ Думѣ [1]), а другой—за упоминаніе о крайне враждебномъ отношеніи къ начальной школѣ одного мѣстнаго священника.

Еще болѣе странно были обставлены многолюдныя собранія соединенныхъ секцій. Еслибъ непредупрежденный посѣтитель-иностранецъ заглянулъ въ Сельско-Хозяйственный музей въ одинъ изъ дней такихъ собраній, онъ, вѣроятно, остановился бы въ полномъ недоумѣніи при входѣ въ залъ собранія: выстроившаяся здѣсь длинная шеренга городовыхъ, съ приставами во главѣ, вѣроятно, заставила бы его предположить, что онъ заблудился и попалъ въ арестантскія роты,—а никакъ не въ собраніе женщинъ, обсуждающихъ свои интересы и нужды...

Собравшійся при столь исключительныхъ обстоятельствахъ съѣздъ въ самомъ началѣ встрѣтился лицомъ къ лицу съ двумя теченіями, грозившими привести къ нежелательному конфликту. Представительницы женскаго движенія и большинство провинціальныхъ делегатокъ доказывали необходимость единенія женщинъ всѣхъ классовъ и партій въ борьбѣ за человѣческія права; представительницы крайней партіи стояли за классовую борьбу, отрицая возможность какой бы то ни было временной „entente cordiale" съ „буржуазными" женщинами. Главной ареной столкновеній между противоположными теченіями явилась 3-я секція. Сторонницы единенія всѣхъ женщинъ на почвѣ отстаиванія политическихъ правъ ссылались на цѣлый рядъ историческихъ фактовъ, подтверждающихъ ихъ взглядъ. Дѣйствительно, вся исторія женскаго движенія на Западѣ ясно показываетъ, насколько необходимо отбросить партійные счеты и раздоры въ борьбѣ за эманципацію женщины. Почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ женщины разныхъ классовъ и партій совмѣстно работали въ національныхъ союзахъ, объединившихся въ „Международномъ Женскомъ Союзѣ". Правда, соціалъ-демократки, въ силу постановленій партіи, стоятъ особнякомъ въ этомъ движеніи, объединяясь въ отдѣльныя группы; но онѣ не вступаютъ въ борьбу съ другими женскими организаціями, идущими къ той же цѣли. Какъ и представительницы другихъ теченій, западныя соціалъ-демократки все болѣе проникаются убѣжденіемъ, что женщина сама должна проложить себѣ путь къ свободѣ, не полагаясь ни на одну политическую партію.

[1]) Оказалось, что „нельзя критиковать партій, засѣдающихъ въ Государственной Думѣ". Но еслибы критика относилась къ думской оппозиціи, врядъ ли докладчикъ былъ бы остановленъ представителемъ администраціи.

Противъ всѣхъ этихъ доводовъ горячо возражали на засѣданіяхъ 3-й секціи съѣзда г-жи Коллонтай, Кувшинская, Гуревичъ, Шубинская и др. Свои доводы онѣ подкрѣпляли ссылками на женское движеніе на Западѣ. Г-жа Коллонтай говорила, между прочимъ, что „Женскій союзъ избирательныхъ правъ“ въ Норвегіи, будто бы, стоялъ за предоставленіе женщинамъ цензовыхъ избирательныхъ правъ и противился проведенію для нихъ всеобщаго избирательнаго права на демократическихъ основахъ. На самомъ дѣлѣ цензовое ограниченіе, лишившее 2.000 норвежскихъ женщинъ избирательнаго права, введено *противъ* желанія норвежскаго „Женскаго Союза“, который въ настоящее время ведетъ энергическую кампанію какъ разъ за уничтоженіе этого ограниченія. Г-жа Гуревичъ неосновательно утверждала, что въ Англіи работницы (объединяющіяся въ отдѣльные женскіе союзы и корпораціи, но при публичныхъ демонстраціяхъ часто соединяющіяся съ „Національнымъ союзомъ избирательныхъ правъ женщинъ“ и съ суфражистками) рѣзко отмежевались отъ буржуазныхъ женщинъ. Еще большее незнакомство съ вопросомъ проявила г-жа Шубинская, увѣрявшая, что организаціи суфражистокъ (въ которыхъ участвуютъ въ качествѣ лидеровъ и работницы, и ремесленницы) носятъ характеръ буржуазный и филантропическій. Весьма интереснымъ и авторитетнымъ явился докладъ г-жи Фуругельмъ, извѣстной общественной дѣятельницы и представительницы финляндскаго „Женскаго Союза“. Въ сжатой, яркой формѣ г-жа Фуругельмъ набросала картину освободительнаго движенія въ Финляндіи. Движеніе это сплотило всѣхъ гражданъ страны, безъ различія пола, классовъ и партій. Женщина въ эту эпоху уже успѣла занять почетное общественно-политическое положеніе. Три фактора содѣйствовали въ Финляндіи успѣху женскаго вопроса: 1) идеи равноправія женщинъ, которыя уже двадцать лѣтъ пропагандировались женскими союзами, 2) совмѣстное образованіе въ школахъ и университетѣ, и 3) допущеніе женщинъ ко многимъ общественнымъ и государственнымъ должностямъ. 1905-й годъ, сыгравшій рѣшительную роль въ исторіи Финляндіи, засталъ женщину во всеоружіи, вполнѣ готовою занять мѣсто рядомъ съ мужчиной въ борьбѣ за свободу. Побѣда, которою завершилось въ ноябрѣ 1905-го года освободительное движеніе Финляндіи, явилась результатомъ объединенія всего народа: въ данный моментъ, всѣ граждане страны, мужчины и женщины, отложили въ сторону партійные и классовые счеты и, какъ одинъ человѣкъ, встали на защиту своихъ правъ. Г-жа Фуругельмъ указала, въ заключеніе, на великое значеніе идеи солидарности. Если господствующіе классы забывали ту связь, которая соединяетъ ихъ съ народомъ, то и про-

летаріатъ рискуетъ теперь впасть въ ошибку, забывая все то, что̀ сдѣлала для цивилизаціи буржуазія.

Я коснулась въ своей замѣткѣ лишь двухъ главныхъ теченій, которыя проявлялись въ 3-й секціи, вызвавшей къ себѣ особый интересъ и вниманіе. Та же двойственность направленій красной нитью прошла въ работахъ 2-й секціи по вопросу объ экономическомъ положеніи женщинъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ разногласія, съѣздъ несомнѣнно внесъ немало положительныхъ элементовъ въ дѣло культурнаго прогресса. Онъ содѣйствовалъ объединенію женщинъ и освѣтилъ жизнь женщины въ различныхъ сферахъ ея дѣятельности: на фабрикахъ, въ деревнѣ, въ ремесленныхъ заведеніяхъ, въ школѣ, на государственной службѣ и т. д. Предѣлы краткой статьи не позволяютъ мнѣ подробно остановиться на той панорамѣ, которая развернулась передъ нашими глазами въ докладахъ делегатокъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи. При всемъ разнообразіи этихъ докладовъ, всѣ сходны по безотрадности общей картины женской доли и всѣ, поэтому, приводятъ къ одному несомнѣнному выводу: настоятельно необходимо кореннымъ образомъ измѣнить ограничивающіе свободу женщинъ законы и обычаи. Единственный путь для ускоренія этихъ реформъ—дѣятельная, дружная борьба женщинъ всѣхъ національностей, партій и классовъ во имя свободы и равенства всѣхъ передъ закономъ.

Заключительнымъ, прекраснымъ аккордомъ конгресса явились на послѣднемъ собраніи слова г-жи Дехтеревой, призвавшей съѣздъ протестовать противъ смертной казни. Единодушные, восторженные аплодисменты привѣтствовали этотъ протестъ русской женщины, во всеуслышаніе выразившей то, что̀ думаютъ и чувствуютъ мыслящіе люди въ Россіи.

З. Мировичъ.

ИЗЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

Конкурсъ и Академія.

Острое значеніе имѣетъ вопросъ о преобразованіи академіи художествъ. Въ ней наша художественная молодежь въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ находилась подъ гнетомъ чиновниковъ-профессоровъ, систематически убивавшихъ все живое, искреннее и непосредственное въ тѣхъ молодыхъ людяхъ, которые шли къ нимъ въ слѣпой надеждѣ найти и помощь, и указаніе. Вмѣсто того, они встрѣчали сухое офиціальное отношеніе, нежеланіе разобраться въ индивидуальныхъ чертахъ молодого дарованія. И не мало художниковъ несомнѣнно даровитыхъ, но слабыхъ духомъ и характеромъ, поддавались гнетущему вліянію профессоровъ-руководителей, обезличивались и съ первыхъ же шаговъ безнадежно размѣнивались на мелочи. Всѣ тѣ художники, которые заняли видное мѣсто въ русскомъ современномъ искусствѣ, художественное и общее образованіе получили внѣ стѣнъ академіи художествъ, самостоятельной работой, упорной и тщательной, въ мастерскихъ иностранцевъ.

Наша академія художествъ—въ полномъ упадкѣ. Ученическія выставки и ежегодные конкурсы—яркое и неоспоримое тому доказательство: на ученическихъ выставкахъ мы встрѣчаемъ неувѣренный, слабый рисунокъ, шаткое, плохое знаніе перспективы, сбивчивое представленіе объ анатоміи, дряблость, шаблонность и полнѣйшую неинтересность композиціи. Конкурсы годъ отъ году становятся все безнадежнѣе, все томительнѣе и безотраднѣе. Въ томъ положеніи, въ которомъ академическія мастерскія находятся нынѣ, онѣ дольше оставаться не могутъ. И первое, что надо въ данномъ случаѣ измѣнить—это существующее теперь назначеніе профессоровъ-руководителей чуть ли не исключительно за выслугу лѣтъ. На отвѣтственномъ мѣстѣ руководителей мастерскихъ нужны не старцы, живущіе только преданіями прошлаго, не усталые люди; нужны энергичные художники, талантливые и чутко относящіеся къ движенію искусства, а главное—люди культурные и образованные.

Никогда еще, кажется, такъ явственно не сказывался весь вредъ, приносимый академіей художествъ нашимъ молодымъ художникамъ, какъ на теперешней конкурсной выставкѣ. Всѣ эти художники, вы-

ставившіе многое множество своихъ произведеній въ античныхъ залахъ академіи художествъ и залахъ такъ называемыхъ „по циркулю", т.-е. вокругъ академическаго двора—совершенно искалѣченные люди. Конкурсная выставка, несмотря на интересность нѣкоторыхъ экспонатовъ, общее впечатлѣніе производитъ настолько тягостное, настолько обнажились здѣсь зіяющія, неизлечимыя раны нашей убогой академіи художествъ, что иначе какъ искалѣченною не можешь назвать всю ту молодежь, что ломаетъ и губитъ свои дарованія подъ вліяніемъ академическихъ профессоровъ-руководителей... Въ присужденіи и заграничныхъ командировокъ, и званій художника нѣтъ никакой системы, нѣтъ разбора, строгаго и безпристрастнаго, представляемыхъ работъ. Присужденіе идетъ по истинѣ „такъ себѣ", по профессорамъ. Въ этомъ году дали званіе и заграничную командировку недаровитому ученику мастерской профессора В. Е. Маковскаго. Это—яркое доказательство присужденія наградъ и отличій не по достоинству награждаемаго, а за заслуги самого профессора.

И такія присужденія сдѣлали свое дѣло. Прошло безвозвратно то время, когда къ конкурснымъ экзаменамъ готовились внимательно, сосредоточенно, лихорадочно, не доѣдая и не досыпая; таинственно запирались по мастерскимъ, скрывая отъ самыхъ закадычныхъ друзей сюжеты своихъ работъ и даже профессорамъ-руководителямъ неохотно показывая свой трудъ. Мало-по-малу отъ такого отношенія къ конкурсамъ не осталось и слѣда. Участники конкурса перестали относиться съ уваженіемъ къ важному для нихъ дѣлу присужденія званій и командировокъ, и наиболѣе талантливые изъ молодыхъ художниковъ, какъ, напримѣръ, въ этомъ году г. Анисфельдъ, художникъ и за границей признанный интереснымъ, заранѣе увѣрены въ томъ, что ихъ обойдутъ и оставятъ, въ лучшемъ случаѣ, еще на годъ при академіи. Кого академическое жюри отнесетъ къ разряду отверженныхъ, тѣ, именно, черезъ нѣсколько лѣтъ вырабатываются въ отличныхъ мастеровъ, о которыхъ со вниманіемъ, интересомъ и уваженіемъ говоритъ иностранная критика; съ другой стороны, „признаніе" академіей положительныхъ данныхъ у того или иного художника заставляетъ въ высшей степени осторожно и недовѣрчиво относиться къ поощренному. Совершенно такъ обстоитъ дѣло и на конкурсной выставкѣ этого года.

Въ первую голову хочется говорить, и съ искренней болью, о лауреатѣ академіи, художникѣ И. И. Бродскомъ, работавшемъ въ мастерской И. Е. Рѣпина. Г. Бродскій—художникъ несомнѣнно талантливый. Съ его работами мы уже знакомы по многимъ выставкамъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и въ провинціи. И всегда онъ оставлялъ самое хорошее впечатлѣніе. У г. Бродскаго на лицо было

много чувства, хорошій рисунокъ, а о колоритѣ его—иначе какъ съ похвалой нельзя было отозваться. Но все-же мы произведенія г. Бродскаго видѣли сравнительно рѣдко и полнаго представленія о его творчествѣ до сего времени не имѣли.

И вотъ теперь, на конкурсной выставкѣ, г. Бродскимъ, его работами, занята цѣлая стѣнка. Результатъ получился неожиданный, тяжелый. Вмѣсто похвалъ, вмѣсто интереса и вниманія, работы И. И. Бродскаго вызвали одно чувство — чувство искренняго и глубокаго сожалѣнія о молодомъ дарованіи, такъ безбожно извувѣченномъ. Въ каждомъ художникѣ послѣ таланта выше всего индивидуальность. Можно быть удивительнымъ рисовальщикомъ, отличнымъ техникомъ въ отношеніи колорита, можно умно и красиво задумывать свои работы, но всему будетъ матъ, коль скоро въ каждомъ изъ произведеній молодого художника почувствуется вліяніе то одного, то другого. Съ большой — и очень большой — натяжкой можно допустить отраженіе вліянія одного крупнаго мастера, всецѣло захватившаго своей силой молодое дарованіе; нѣсколько времени пройдетъ, и художникъ избавится отъ этого отраженія, перенявъ отъ учителя нужное. Но совершенно безотрадно, совершенно безнадежно то художественное дарованіе, которое, словно молодой тростникъ, колеблется то сюда, то туда. И такое именно дарованіе у И. И. Бродскаго. Вотъ большая работа—портретъ жены художника, съ перваго взгляда интересная; но всмотритесь повнимательнѣе, и какъ ясно почувствуется вліяніе Борисова-Мусатова — и въ колоритѣ, и въ самой манерѣ „посадки" натуры. Вотъ головка женщины на фонѣ вѣтвей деревьевъ; несомнѣнно любопытно, но какъ похоже на работы Сомова... И такъ далѣе, до безконечности. Право, какой-то художественный Фреголи, геніально имитирующій то одного, то другого художника. Въ большой своей работѣ: „Солнечный день" г. Бродскій попробовалъ было стать самостоятельнымъ — и ничего путнаго отъ этого не получилось. Въ этомъ произведеніи художникъ изобразилъ садъ въ солнечный день, полный дѣтворой съ няньками, боннами и мамушками. Бездна фигуръ. Бездна труда. Удивительное трудолюбіе—вообще отличительная черта творчества г. Бродскаго. Но въ „Солнечномъ днѣ" трудолюбіе художника пропадаетъ совершенно непроизводительно: картина оставляетъ впечатлѣніе вымученности и нарочитости въ сложной композиціи и детальной выпискѣ. Почему же г. Бродскій выступилъ на конкурсъ съ такимъ багажемъ? Дѣло въ томъ, что среди профессоровъ академіи существуетъ манера захваливанія работъ молодыхъ художниковъ. Точно также было и съ г. Бродскимъ. Его профессоръ-руководитель не указалъ ему на коренной недостатокъ въ его произведеніяхъ—минимальность индивидуальности. Г. Бродскаго захваливали

за техническое исполненіе, дѣйствительно иногда изумительное, и никто не указалъ ему на то, что такъ разбрасываться, какъ онъ разбрасывается,—нельзя. И безъ остатка разбросался молодой художникъ. Удастся ли ему когда-нибудь избавиться отъ этого недостатка, разложившаго его молодой талантъ? Я думаю — никогда. Страшная это вещь для художника—потерять „я“. Но разъ оно потеряно, то трудно уже найти его.

Я нарочно такъ долго остановился на г. Бродскомъ. Исторія этого художника показываетъ, какая судьба ожидаетъ въ академіи молодыя дарованія, много обѣщающія на первыхъ шагахъ.

Второй лауреатъ академіи—художникъ Савиновъ. Работалъ онъ въ мастерской подъ руководствомъ профессора Д. Н. Кардовскаго. Признаніемъ этого талантливаго и съ несомнѣннымъ громаднымъ будущимъ художника наравнѣ съ бездарнымъ ученикомъ мастерской профессора В. Е. Маковскаго, г. Аденомъ, о которомъ я говорилъ въ началѣ замѣтки, академія художествъ лишній разъ расписалась въ полной безсистемности и случайности въ присужденіи „отличій“.

А. И. Савиновъ далъ громадное полотно: „Купанье“. По живописи это скорѣе декоративное панно. Прямо ошеломляющее впечатлѣніе на первый взглядъ производитъ эта интересная работа. Представьте себѣ берегъ широкой рѣки въ яркій солнечный день. Идетъ купанье. Какая-то живая и здоровая вакханалія тѣлъ мужскихъ и женскихъ. Летятъ во всѣ стороны брызги, разсыпающіяся миріадами блестокъ въ сверкающихъ солнечныхъ лучахъ. Сначала трудно разобраться во всей этой копошащейся массѣ. Но, внимательно присмотрѣвшись, начинаетъ рельефно выступать передъ глазами полная жизни и непосредственности картина купанья. Въ высшей степени любопытна эта работа по колориту; художникъ удачно схватилъ и разрѣшилъ богатую, полную неожиданности, красочную задачу; особливо г. Савинову удалась передача эффекта безчисленныхъ водяныхъ брызгъ. Въ отношеніи рисунка у художника наравнѣ съ нѣкоторыми недочетами встрѣчаются удивительные по силѣ графики фрагменты, какъ напримѣръ группа дѣвушекъ въ правой сторонѣ картины. Что художникъ отлично владѣетъ рисункомъ, о томъ говорятъ намъ его рисунки къ „Купанью“; въ нихъ виденъ внимательный художникъ. Г. Савиновъ оригиналенъ и глубоко индивидуаленъ; это — одно изъ наибольшихъ его достоинствъ.

Двѣ другія работы г. Савинова — „Поздній вечеръ“ и „Женщина въ зеленомъ“ — менѣе интересны. Въ первой картинѣ художнику не удалось выдержать тонъ, а во второй ему не удалось разобраться вполнѣ правильно и хорошо въ гаммѣ зеленаго. Вообще, повидимому, на палитрѣ г. Савинова больше мѣста краскамъ для яркихъ, блестя-

щихъ и радостныхъ красочныхъ эффектовъ, чѣмъ для живописи по колориту нѣсколько мрачной.

Много на настоящемъ конкурсѣ пейзажистовъ, но остановиться можно только на работахъ художника Б. Н. Липкина изъ мастерской профессора-руководителя А. А. Киселева. Если не знать манеру академическаго начальства присуждать званія и командировки безъ достаточной мотивировки, можно было бы удивляться тому, что г. Липкинъ получилъ только званіе и не получилъ командировки. Но все же хочется сказать, что академія поступаетъ въ высшей степени опрометчиво, не поддерживая заграничной командировкой талантъ этого пейзажиста, много обѣщающаго въ будущемъ. Какъ, напримѣръ, хорошо и выдержанно въ красочномъ отношеніи панно г. Липкина: „Орлы и розы"! Необъятную даль убѣгающей цѣпи холмовъ изобразилъ художникъ. Тихо, величественно рѣютъ орлы. На первомъ планѣ на тонкихъ стебляхъ горделиво и строго краснѣютъ розы. Въ этой работѣ масса настроенія, глубоко захватывающаго зрителя. Но есть въ этомъ панно существенный недостатокъ; его не замѣтилъ ни самъ художникъ, ни его руководитель. Розы чрезмѣрно притягиваютъ вниманіе и тѣмъ вредятъ общему, отлично выдержанному, тону пейзажа и впечатлѣнію, производимому картиной. Въ розахъ чувствуется какая-то излишняя выдуманность, манерность.

Изъ остальныхъ работъ г. Липкина интересны съ точки зрѣнія живописи „Пастораль съ персиковымъ деревомъ и небольшой, но прелестный по настроенію, по чувству, которое вложилъ въ него художникъ, „Этюдъ улицы въ Симферополѣ".

А остальные конкурренты по мастерской Киселева? Неужели она дала только одного художника, г. Липкина? О, нѣтъ, много молодежи вышло изъ ея стѣнъ. Нѣкоторые изъ художниковъ удостоились даже званія, но вспоминать о нихъ не стоитъ. Всѣ они, какъ ихъ сотоварищи по мастерскимъ В. Е. Маковскаго и И. Е. Рѣпина—сплошное художественное убожество. Убожество во всемъ — въ рисункѣ, въ краскахъ, мысляхъ и стремленіяхъ. Дальше представленнаго ими въ этомъ направленіи идти некуда. И не больно за тѣхъ, кто, не имѣя художественнаго фундамента, не могъ и разсчитывать создать что-либо значительное; но глубоко больно и страшно за ту молодежь, что въ нѣкоторыхъ этюдахъ, не выдержавъ гнета профессоровъ, давала вещь, въ которой самоцвѣтной искоркой блистало истинное дарованіе. Но, напуганная профессорами-руководителями (точно въ дореформенное академическое время) она словно чумы боялась этихъ немногихъ работъ и растворяла безъ остатка все самостоятельное, цѣльное и художественное въ массѣ пошлаго, на закваскѣ передвижничества послѣднихъ лѣтъ, что, повидимому, приводило въ умиленіе гг. профес-

соровъ-руководителей, не вѣдающихъ и понынѣ, сколько молодежи ими загублено безвозвратно.

Въ сторонѣ отъ конкурса, не понятый и не признанный академическимъ начальствомъ, стоитъ молодой художникъ г. Анисфельдъ. Это не начинающій художникъ, а живописецъ съ вполнѣ опредѣлившейся физіономіей. Участникъ выставокъ „Союза русскихъ художниковъ“, наиболѣе характерной и талантливой группы современныхъ нашихъ художниковъ, г. Анисфельдъ съ первыхъ же шаговъ обратилъ на себя самое серьезное вниманіе критики. Анисфельдъ — умный, даровитый и ищущій колористъ. Онъ живетъ въ мірѣ красокъ, въ мірѣ оригинальныхъ колоритныхъ соотношеній и градацій. Въ его исканіяхъ всегда есть извѣстная фантастичность, какая-то притягательная порой интимность въ тѣхъ красочныхъ симфоніяхъ, которыя его такъ неотразимо влекутъ къ себѣ. На конкурсъ г. Анисфельдъ далъ одну большую вещь — „Даная“ — и три не столь значительныя работы, изъ коихъ портретъ художника Кудинова совсѣмъ не удался художнику. Въ „Данаѣ“ художника заинтересовала градація краснаго. Художникъ изобразилъ нагую женщину съ холоднымъ, но въ то же время страстнымъ и какимъ-то безпощадно жестокимъ выраженіемъ злого лица. Около нея нѣсколько монаховъ съ большими букетами желтыхъ цвѣтовъ; одинъ изъ такихъ букетовъ лежитъ около Данаи. Это—сильное и въ высшей степени интересное произведеніе въ колоритномъ отношеніи. На остальномъ выставленномъ имъ не станемъ останавливаться. И наша академія художествъ не сочла нужнымъ заинтересоваться красочными исканіями художника, признала его „неготовымъ“ и оставила еще на годъ при академіи.

Въ заключеніе о живописномъ отдѣлѣ конкурса хочется отмѣтить, что академическое начальство не сочло возможнымъ допустить до конкурса талантливыя вещи г. Сапунова и запрятало ихъ Богъ знаетъ куда въ залы „по циркулю“, гдѣ ихъ и найти-то нельзя.

Какъ и въ прошлые года, скульптурный отдѣлъ сухъ и неинтересенъ. Званіе и командировку получилъ г. Симоновъ, давшій большую работу: „Борьба“. Въ ней есть знаніе анатоміи, но мало чувства и экспрессіи. Изумительна по силѣ небольшая вещица г. Малышева: „Собачка“. Это—прелесть, это—сама жизнь: сонная собачонка съ лѣниво вытянутыми лапами, развалившаяся на мягкой подушкѣ. Несомнѣнно, что изъ г. Малышева получится интересный скульпторъ.

Изъ сказаннаго о конкурсной выставкѣ этого года само собой выводится такое заключеніе: академія художествъ не воспитываетъ, а губитъ все талантливое, молодое, что попадаетъ въ ея стѣны. Коренная реформа академіи художествъ и всѣхъ училищъ и ри овальныхъ

школъ, подвѣдомственныхъ академіи (ибо тамъ уже начинается ломка молодежи) настоятельно необходима, съ ней медлить нельзя.

Въ залахъ „Императорскаго общества поощренія художествъ" должна была открыться въ началѣ ноября въ высшей степени интересная выставка, организованная редакціей журнала „Старые Годы", на которой были бы представлены сокровища живописнаго искусства, хранящіяся въ коллекціяхъ и собраніяхъ частныхъ лицъ, недоступныя для обзора большинству любителей и знатоковъ. Организаторамъ удалось собрать много изумительныхъ произведеній крупнѣйшихъ европейскихъ художниковъ. Но выставкѣ этой не суждено, повидимому, открыться послѣ прискорбнаго случая, имѣвшаго мѣсто въ день вернисcажа. Поэтому мы лишены возможности познакомить читателя съ глубоко интересными экспонатами выставки „Старыхъ Годовъ".

Ив. Л.

ПОРТО-ФРАНКО ВО ВЛАДИВОСТОКѢ.

I.

Въ политикѣ нѣтъ мелкихъ вопросовъ. Закрыть ли порто-франко во Владивостокѣ, или сохранить его—этотъ вопросъ одновременно затрагиваетъ и интересы русской промышленности, и матеріальное благосостояніе цѣлой половины Сибири, и наше значеніе па Тихомъ океанѣ, и отношенія къ намъ всѣхъ державъ, озабоченныхъ свободою международнаго рынка. Закрытіе порто-франко во Владивостокѣ несомнѣнно вызвало уже панику во Владивостокѣ. По дошедшимъ извѣстіямъ земли и дома предлагаются за безцѣнокъ и не находятъ покупателей. Этотъ кризисъ можетъ отразиться и па далекомъ разстояніи, и вотъ по какой причинѣ. Добрая половина домовъ была выстроена съ денежной подмогой двухъ великорусскихъ банковъ и въ настоящее время заложена въ нихъ. Эти банки—ярославско-костромской и самарско-нижегородскій. Немудрено, если въ числѣ биржевыхъ комитетовъ, высказавшихся противъ закрытія порто-франко, мы находимъ, на ряду съ владивостокскимъ, и нижегородскій, не говоря о другихъ. Упраздненіе свободнаго привоза иноземныхъ товаровъ во Владивостокъ является несомнѣнно прямой угрозой дальнѣйшему развитію этого города. Если въ настоящее время транзитный грузъ идетъ на этотъ портъ, а не на Дальній, перешедшій по Портсмутскому договору въ руки японцевъ и открытый ими судамъ всего міра, то объясняется это возможностью сократить путь на разстояніе 153 верстъ. Но это преимущество несомнѣнно не будетъ приниматься въ разсчетъ, разъ явится необходимость и для транзитнаго товара подвергаться таможенной волокитѣ, разъ порто-франко упразднено будетъ во Владивостокѣ. Вѣдь каждый день задержки корабля съ грузомъ обходится въ 600 рублей серебромъ потери, а суда задерживаться будутъ, какъ это и было прежде, до устройства порто-франко, на рядъ дней. Грузъ же по недѣлямъ ждалъ и будетъ ждать таможеннаго осмотра. Закрытіе порто-франко обѣщаетъ такимъ образомъ нашимъ недавнимъ противпикамъ быстрое развитіе Дальняго, который къ природнымъ преимуществамъ надъ Владивостокомъ, заставившимъ насъ затратить столько милліоновъ на его созданіе, присоединитъ теперь монополію свободы отъ таможен-

наго дозора. Иностранныя суда перестанутъ заходить во Владивостокъ, а этимъ, разумѣется, воспользуется прежде всего „Одесское Общество Пароходства", берущее и въ настоящее время вдвое противъ заграничныхъ при доставкѣ товаровъ на нашу восточную окраину.

Ближайшимъ и непремѣннымъ послѣдствіемъ отмѣны порто-франко во Владивостокѣ будетъ то, что наша желѣзнодорожная линія отъ Владивостока до Харбина останется безъ грузовъ, такъ какъ грузы пойдутъ въ Харбинъ изъ Дальняго, куда будетъ производиться подвозъ товаровъ изъ всего міра, привлекаемыхъ существованіемъ порто-франко. Но то же самое случится и съ линіей, идущей отъ Владивостока до Хабаровска, такъ какъ всѣ грузы, направляющіеся къ Амуру, предпочтутъ болѣе дешевый водный путь, по Сунгари, отъ Харбина, параллельно уссурійской желѣзной дорогѣ. Длина двухъ упомянутыхъ линій составляетъ около 1.500 верстъ, а эксплуатація ихъ обходится около $7^1/_2$ милл. руб. въ годъ.

Какъ ни значительны всѣ представленныя соображенія, но они несомнѣнно имѣютъ только мѣстное значеніе—для самого Владивостока, прежде всего, и прилегающихъ къ нему линій. Но переходъ торговаго обмѣна на Тихомъ океанѣ и въ Манчжуріи, не только южной, но и сѣверной, въ руки японцевъ—это уже вопросъ, затрогивающій наше политическое будущее на крайнемъ Востокѣ. Несомнѣнно, что закрытіе портъ-франко во Владивостокѣ, при сохраненіе его въ Дальнемъ, поставитъ не одну только южную Манчжурію, но и сѣверную, въ прямую экономическую зависимость отъ Японіи. По сѣверной Манчжуріи тянется восточная вѣтвь нашей магистрали, на которую мы сохранили нѣкоторыя права и по Портсмутскому договору. Если считать, что вліяніе желѣзной дороги чувствуется, примѣрно, на разстояніи около 40 верстъ по обѣ стороны отъ полотна, то это значитъ, что на протяженіи всей этой восточной вѣтви, пересѣкающей сѣверную Манчжурію и длина которой равняется 1.600 верстъ, мы имѣемъ подъ нашимъ непосредственнымъ экономическимъ вліяніемъ область, равняющуюся тому же количеству верстъ, помноженному на 80. Получается площадь въ 128 тыс. кв. верстъ, т.-е. площадь земли, въ четыре раза превышающая своими размѣрами Бельгію или Голландію. На этой площади сдѣланы были уже немалыя затраты русскаго капитала на развитіе мельничнаго дѣла, на эксплуатацію лѣсовъ, снимаемыхъ въ долгосрочную аренду у китайскаго правительства. Съ закрытіемъ порто-франко и установленіемъ таможенъ на манчжурской границѣ всѣ русскія предпріятія должны будутъ ликвидировать свои дѣла съ громаднымъ убыткомъ. О размѣрѣ же этихъ предпріятій можно судить по тому, что въ настоящее время въ

Манчжуріи работаетъ около 15 лѣсопромышленниковъ съ оборотомъ около 4—5 милл. руб. и устроено 17 мукомолокъ стоимостью около 8—10 милл. руб. Изъ всѣхъ этихъ мукомолокъ только одна, наименѣе значительная, близъ станціи Хайлинъ, находится въ рукахъ китайца; всѣ прочія—у русскихъ предпринимателей. Ввозъ манчжурской муки при предполагаемой русской пошлинѣ въ 45 коп. на пудъ въ предѣлы Приамурья и Забайкальскій край фактически прекратится. А между тѣмъ мукомольное дѣло развилось въ Манчжуріи въ отвѣтъ на прямой призывъ русскихъ властей съ момента проведенія китайской вѣтви желѣзной дороги и въ предѣлахъ полосы, ей отчужденной, главнымъ же образомъ въ Харбинѣ. Капиталы доставлены были по преимуществу русско-китайскимъ банкомъ, который такимъ образомъ необходимо пострадаетъ отъ упадка этого мукомольнаго дѣла, если таковой воспослѣдуетъ. А это кажется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, разъ загражденъ будетъ прежній свободный путь для манчжурской муки въ Восточную Сибирь. Производительность мельницъ въ настоящее время превышаетъ 15 милл. пуд. въ годъ. Сбывается эта мука по преимуществу въ Забайкалье, Уссурійскій край и Приамурье, въ которыхъ чувствуется постоянный недостатокъ какъ зерна, такъ и муки. О томъ, что дальнѣйшій отпускъ послѣдней изъ манчжурскихъ мукомоленъ прекратится съ установленіемъ пошлины въ 45 коп., можно судить по слѣдующему примѣру. Въ 1901 г., при закрытіи порто-франко во Владивостокѣ и назначеніи пошлины въ размѣрѣ 30 коп. на ввозимую моремъ муку и освобожденіи отъ такой же пошлины муки манчжурской, явилось ближайшее основаніе къ развитію мукомольной дѣятельности въ сѣверной части этой китайской области, а именно въ предѣлахъ полосы отчужденія подъ Китайско-Восточную желѣзную дорогу. Въ 1900 г. тамъ функціонировала только одна мельница и производила всего 750 тыс. пудовъ въ годъ, а три года спустя, въ 1903 г., ихъ было уже 15, съ производительностью приблизительно 12 милл. пудовъ въ годъ. Это обстоятельство и обезпечило продовольствіе русской арміи во время послѣдней кампаніи. Мукомолы Уссурійскаго края и Приамурья чрезъ посредство владивостокскаго биржевого комитета обратились съ ходатайствомъ о предоставленіи имъ болѣе льготнаго тарифа на зерно въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ пользуется вывозимая манчжурскими мукомолами мука. Ходатайство это было уважено, и Восточно-Китайская желѣзная дорога ввела соотвѣтственный перевозочный тарифъ. Послѣдствія наложенія 45 коп. пошлины съ пуда съ ввозимой изъ Манчжуріи муки, которая и безъ того уже обложена 5—6 копѣйками китайской пошлины при вывозѣ, поставятъ русскихъ мукомоловъ въ этой странѣ въ невозможность конкуррировать съ американской мукою, какъ свободной отъ этой добавочной пошлины.

Мѣстный манчжурскій рынокъ, не поглощающій даже четверти муки, производимой на харбинскихъ мельницахъ, при прекращеніи отпуска муки въ Восточную Сибирь, въ скоромъ времени окажется пресыщеннымъ поставляемымъ въ него количествомъ—а это повлечетъ закрытіе почти всѣхъ мельницъ и разореніе русскихъ, вложившихъ въ нихъ свой капиталъ и свой трудъ. Между тѣмъ развитіе мукомольнаго дѣла въ Уссурійскомъ краѣ не въ состояніи пойти тѣмъ быстрымъ темпомъ, при которомъ имъ возможно было бы замѣнить въ близкомъ будущемъ мельницы манчжурскія. Для пополненія количества недостающей муки потребуется усиленный ввозъ ея изъ Америки, что, очевидно, не можетъ соотвѣтствовать видамъ русскаго правительства. Основывать мукомольное дѣло въ Уссурійскомъ краѣ, не имѣя собственнаго зерна на мѣстѣ, разсчитывать исключительно на привозный хлѣбъ зерномъ изъ Манчжуріи едва ли благоразумно, въ виду существованія въ Китаѣ особаго закона, воспрещающаго вывозъ зерна изъ предѣловъ имперіи. Если до послѣдняго времени китайцы допускали молчаливо нарушеніе нами этого закона, то объяснялось это политическимъ положеніемъ, занятымъ Россіей на Дальнемъ Востокѣ, и выгодами, получаемыми ими отъ развитія русскаго мукомольнаго дѣла въ Манчжуріи, въ частности—въ Харбинѣ. Но разъ китайцы замѣтятъ, что экспортъ зерна увеличивается въ ущербъ мѣстной мукомольной промышленности, то, принимая во вниманіе и измѣнившееся политическое положеніе Россіи на Дальнемъ Востокѣ, они не замедлятъ примѣнять во всей строгости вышеуказанный законъ о невывозѣ хлѣба зерномъ изъ Китая.

Но, можетъ быть, есть основаніе разсчитывать на скорое развитіе хлѣбопашества въ самомъ Приамурьѣ? Недавнее прошлое и условія, въ какихъ стоятъ приходящіе туда колонисты, не позволяютъ сохранять на этотъ счетъ никакихъ иллюзій. Правительству еще въ 90-хъ годахъ, при ген.-губернаторѣ Корфѣ, пришлось обратиться къ поддержкѣ мѣстнаго хлѣбопашества искусственными мѣрами. Интендантскому управленію предписано было покупать русскій хлѣбъ по цѣнѣ повышенной на 30—40% противъ приходившаго изъ-за границы. Русскіе воспользовались этимъ для того, чтобы продавать закупленный ими по болѣе дешевой цѣнѣ корейскій и манчжурскій хлѣбъ за свой собственный и наживаться такимъ образомъ на разницѣ цѣнъ. Да и самое положеніе переселенцевъ, приливъ которыхъ въ Приамурье идетъ усиленно за послѣднее время, когда они стали прибывать десятками тысячъ въ годъ, не таково, чтобы они могли сдѣлаться сразу сельско-хозяйственными производителями. Они обыкновенно приходятъ безъ всякихъ средствъ и на отведенномъ имъ участкѣ не въ состояніи ни поставить усадьбы, ни произвесть расчистки поля безъ

чужой помощи. Обыкновенно, поэтому, они сдаютъ землю мѣстнымъ китайцамъ изъ трети дохода; тѣ же, которые сохраняютъ эксплуатацію въ своихъ рукахъ, производятъ ее съ помощью китайцевъ-рабочихъ. Послѣдніе, очевидно, заинтересованы въ дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ съ нею въ причинной связи стоитъ и низкій уровень заработной платы. Какъ великъ размѣръ ежегоднаго предложенія китайскаго труда—объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Владивостокъ насчитываетъ въ январѣ на пятьдесятъ, шестьдесятъ тысячъ чел. меньше, чѣмъ въ іюнѣ. Эти добавочныя полсотни тысячъ въ іюнѣ составлены изъ китайцевъ. Никто не живетъ дешевле китайскаго рабочаго, но никто также не нуждается въ большей степени, чѣмъ онъ, въ приходящемъ изъ Китая рисѣ и китайской простонародной одеждѣ. Поэтому дорогой хлѣбъ — необходимое послѣдствіе закрытія порто-франко—неизбѣжно отразится на возрастаніи заработной платы и на сокращеніи выгодъ русскихъ колонистовъ, а рядомъ съ этимъ и на увеличеніи требованій, предъявляемыхъ китайцами-арендаторами. Все это вмѣстѣ взятое только затруднитъ развитіе мѣстнаго хлѣбопашества въ Уссурійскомъ и Приамурскомъ краѣ. Вѣдь при наложеніи пошлины жизнь китайцевъ въ Уссурійскомъ краѣ и Приамурьѣ будетъ обходиться на 30—40% дороже прежняго. Всѣ имѣющіяся въ моемъ распоряженіи данныя указываютъ на то, что послѣдствіемъ наложенія пошлины по сухопутной границѣ съ Китаемъ будетъ вздорожаніе жизни, такъ какъ произойдетъ увеличеніе цѣны главнаго продукта. А это вызоветъ, разумѣется, вздорожаніе рабочихъ рукъ въ Уссурійскомъ краѣ. Насколько оно желательно при постройкѣ амурской дороги и эксплуатаціи уссурійской—вопросъ, едва ли вызывающій разномысліе. Столь же несомнѣнно и то, что содержаніе войскъ, расположенныхъ по Забайкалью и Уссурійскому краю, станетъ обходиться значительно дороже. Въ связи съ закрытіемъ мельницъ въ Харбинѣ или переходомъ ихъ въ руки японцевъ Китайско-Восточная желѣзная дорога потеряетъ въ количествѣ провозимаго ею груза. Доходность ея уменьшится, а дефицитъ, пополняемый народной казною, значительно увеличится. Едва ли доходъ отъ пошлинъ, взимаемыхъ съ манчжурской муки, въ состояніи будетъ покрыть этотъ дефицитъ.

Мукомольное дѣло—только одно изъ тѣхъ, которыя развились за послѣднее время въ Манчжуріи съ помощью русскихъ капиталовъ и ведутся русскими подданными. Въ тѣхъ же условіяхъ находится и лѣсное дѣло. На площади, отведенной подъ желѣзную дорогу, устроился рядъ предпріятій. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ является предпріятіе г. Скидельскаго, который снялъ у китайскаго правительства въ долгосрочную аренду четыре тысячи кв. верстъ лѣса и затратилъ на это предпріятіе 1.800.000 рублей. Другими предпринимателями

являются Черкасовъ, Сленкинъ, Чашинъ, Николаевъ, Митрофановъ, Шевченко, Ковальскій—все, очевидно, русскія имена, если не считать Фрида и Франка. Каждый изъ нихъ снялъ свой участокъ въ китайскомъ казенномъ лѣсу съ правомъ эксплуатировать его до полнаго сруба. Нѣкоторыя изъ названныхъ лицъ построили желѣзнодорожныя вѣтви въ районѣ своей эксплуатаціи и лѣсопильные заводы. Одинъ г. Скидельскій имѣетъ пять подъѣздныхъ вѣтокъ, длиною въ общемъ въ 120 верстъ, и 4 лѣсопильныхъ завода.

Всѣ эти предпріятія необходимо будутъ ликвидированы на невыгодныхъ условіяхъ и перейдутъ въ руки японцевъ, которые только ждутъ того, чтобы сдѣлаться хозяевами мукомольнаго дѣла въ Харбинѣ и заняться въ сѣверной Манчжуріи лѣсной рубкой. Очевидно, въ наши разсчеты не можетъ входить содѣйствіе упроченію экономическаго значенія Японіи въ сѣверной Манчжуріи, а такое послѣдствіе неизбѣжно при закрытіи порто-франко во Владивостокѣ. Наше правительство еще очень недавно, повидимому, раздѣляло ту же точку зрѣнія въ отношеніи по крайней мѣрѣ къ мукомольному дѣлу. За подписью управлявшаго министерствомъ торговли и промышленности, товарища министра Д. Коновалова (№ 3.366, отъ 24 февр. 1907 г.), имѣется, въ дополненіе къ представленію министра торговли и промышленности, слѣдующее заявленіе: „Мукомольное дѣло въ Манчжуріи въ настоящее время находится въ русскихъ рукахъ; въ него вложены русскіе крупные капиталы, въ виду чего едва ли было бы справедливо ставить сбытъ манчжурской муки въ равныя условія съ американской“ [1]).

Наконецъ, и это едва ли не одно изъ самыхъ неопровержимыхъ доказательствъ невозможности еще въ теченіе ряда лѣтъ приступить къ отмѣнѣ порто-франко во Владивостокѣ, это—то, что по Айгунскому договору (пунктъ 1), подтвержденному договоромъ, заключеннымъ въ Петербургѣ въ 1881 г., китайцамъ предоставлено право производить безпошлинно торговлю на разстояніи 100 китайскихъ ли, т.-е. 50-ти верстъ, отъ нашей границы. Это обязательство остается въ силѣ до 1911 г. Фактическій контроль ввозимыхъ въ Приамурье и въ Уссурійскій край товаровъ будетъ чрезвычайно затрудненъ. Перевозка муки китайскаго производства будетъ совершаться гужемъ, т.-е. на лошадяхъ, для болѣе легкаго обхода таможенныхъ пунктовъ.

Во сколько милліоновъ рублей обойдется ежегодно казнѣ, не считая единовременныхъ затратъ, на устройство таможеннаго кордона, самое его содержаніе — предсказать трудно. Если для финляндской границы таможенная защита оказывается недостаточной, то можно

---

[1]) Отдѣлъ промышленности, отд. IV, столъ 2, 6—8 окт. 1908 г., № 16.657.

судить, какова она будетъ на протяженіи въ нѣсколько разъ большемъ и особенно при необходимости держать, такъ сказать, два кордона, въ виду установленной для китайцевъ льготы производить безпошлинно торговлю на разстояніи 50-ти верстъ отъ границы.

II.

Въ спорѣ о томъ, остаться ли Владивостоку порто-франко, весьма рѣзко сказывается различіе интересовъ русскихъ промышленниковъ и торговцевъ и того края, который они намѣрены поставить въ прямую отъ себя экономическую зависимость. Передъ нами заявленіе биржевого комитета Владивостока, благовѣщенскаго городского управленія, амурскаго отдѣла „Императорскаго Общества Судоходства". Всѣ въ одно слово говорятъ: „Малѣйшее ухудшеніе экономическаго положенія населенія въ смыслѣ установленія какихъ-нибудь стѣсненій вызоветъ отливъ изъ Пріамурья промышленныхъ и торговыхъ капиталовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельнѣйшей части населенія. Оно во всякомъ случаѣ послужитъ сильнѣйшимъ препятствіемъ къ дальнѣйшему заселенію Пріамурья". Обыкновенно самъ мѣстный край ходатайствуетъ передъ правительствомъ о введеніи защитительныхъ пошлинъ,—говорятъ буквально тѣ же документы. Въ данномъ же случаѣ наоборотъ—предполагаютъ ввести пошлины, а весь край съ изумительнымъ единодушіемъ требуетъ порто-франко. Но можетъ быть русскіе администраторы въ Пріамурьѣ рѣзко расходятся въ своей оцѣнкѣ ожидаемыхъ послѣдствій упраздненія порто-франко съ представителями промышленныхъ и торговыхъ интересовъ въ этой странѣ? Ничуть не бывало. Вотъ что заявляетъ, напр., пріамурскій генералъ-губернаторъ сенаторъ Унтербергеръ въ своемъ донесеніи министру торговли и промышленности отъ 26 декабря 1907 года. „Преобладающая часть мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и дѣятелей защищаютъ порто-франко, видя въ немъ залогъ процвѣтанія края и объединенія его въ конечномъ результатѣ съ метрополіей". Къ мнѣнію общественныхъ дѣятелей присоединяются и губернаторы Амурской и Приморской областей. Благодаря введенію таможеннаго обложенія,—доводитъ до свѣдѣнія генералъ-губернаторъ,—можетъ сильно упасть значеніе Владивостока и Николаевска, какъ транзитныхъ портовъ, такъ какъ таможенная рутина и отвѣтственность за несоблюденіе таможенныхъ формальностей заставятъ иностранныя суда искать лучшую обстановку, которую они найдутъ въ портахъ Ляодуна и въ Японіи. Въ Николаевскѣ накопленіе и задержка грузовъ имѣютъ особенное значеніе еще и въ томъ отношеніи, что они могутъ серьезно

нарушать грузооборотъ по всему амурскому бассейну, гдѣ безостановочное движеніе, при краткости навигаціоннаго періода, является вопросомъ первостепенной важности. Лишняя задержка груза, въ Николаевскѣ, въ концѣ навигаціи даже на нѣсколько дней можетъ имѣть послѣдствіемъ, что грузъ не дойдетъ до Срѣтенска и зазимуетъ на пути. Чтобы оцѣнить должнымъ образомъ серьезность этого послѣдняго замѣчанія, надо имѣть въ виду слѣдующее: передвиженіе грузовъ по Амуру водою возможно приблизительно только съ начала мая и до начала октября. Осенью и весною въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не существуетъ ни зимняго, ни лѣтняго (воднаго) пути. Немудрено, если товары залеживаются въ самомъ Николаевскѣ или по дорогѣ. А такая остановка въ ихъ передвиженіи сдѣлается вполнѣ возможной съ того момента, когда кораблямъ съ товарами придется ждать по недѣлямъ осмотра на таможнѣ.

Въ дополненіи къ ранѣе сдѣланному представленію владивостокскій биржевой комитетъ довелъ до свѣдѣнія министра торговли и промышленности рядъ данныхъ, имѣющихъ свое значеніе для опредѣленія экономическаго положенія края. Изъ нихъ выступаетъ съ наглядностью, что край не производитъ достаточно ни зерна, ни муки и нуждается поэтому въ иностранномъ ввозѣ того и другого продукта. „Мѣстной муки на рынкѣ нѣтъ“, читаемъ мы въ этомъ донесеніи. Это объясняется главнымъ образомъ недостаткомъ въ количественномъ отношеніи мѣстнаго зерна, его дороговизной и отчасти, пожалуй, дурнымъ качествомъ, такъ какъ бѣлизна муки изъ мѣстнаго зерна всегда уступаетъ бѣлизнѣ муки манчжурской. „Необходимо также отмѣтить, что наши крестьяне, какъ русскіе, такъ и корейскіе, боясь заморозковъ, сѣютъ преимущественно ярицу; интендантство скупаетъ все это зерно для нуждъ военнаго вѣдомства, по поощрительнымъ цѣнамъ. Съ другой стороны, русскій крестьянинъ предпочитаетъ хлѣбъ пшеничный, и потому почти вся наличная пшеница оставляется имъ для своихъ собственныхъ надобностей, а на рынокъ поступаетъ крайне незначительное количество. Недостатокъ мѣстнаго зерна пока еще настолько великъ, что его не хватаетъ даже для удовлетворенія нуждъ военнаго вѣдомства“.

Происходящее въ настоящее время усиленное переселеніе даетъ, конечно, увѣренность въ развитіи сельскаго хозяйства; но нельзя разсчитывать, что поселенецъ въ первыя 5—10 лѣтъ, прокормивши семью, въ состояніи будетъ дать значительное количество зерна на рынокъ. Такимъ образомъ мѣстные мукомолы, при желаніи работать, должны пользоваться привозимымъ зерномъ изъ Китая, въ частности изъ Манчжуріи. Если порто-франко будетъ закрыто, мѣстная мука по указаннымъ выше причинамъ все же не появится на рынкѣ, по крайней мѣрѣ въ

ближайшіе годы. Повысится только цѣна на американскую и манчжурскую муку. А высокая цѣна на муку подниметъ цѣну и на рабочія руки. Въ зависимости отъ этого вздорожаетъ мѣстное мукомольное производство. Разумѣется, при безпошлинномъ ввозѣ зерна мукомольное дѣло въ Приамурьѣ можетъ развиться. „Но—говоритъ владивостокскій биржевой комитетъ—развитіе этой промышленности въ настоящее время будетъ слишкомъ искусственнымъ и преждевременнымъ, такъ какъ своего дешеваго сырья, т.-е. зерна, Приамурскій край въ достаточномъ количествѣ еще не имѣетъ; а зерно появится тогда, когда въ пустынной окраинѣ создастся населеніе; привлечь же таковое можно лишь дешевой жизнью, дешевымъ хлѣбомъ. Между тѣмъ искусственное развитіе мукомольнаго дѣла повлечетъ за собою какъ разъ обратное явленіе—оно удорожитъ хлѣбъ".

Важнѣйшимъ видомъ добывающей промышленности, по мнѣнію владивостокскаго биржевого комитета, является въ краѣ рыбный промыселъ. За послѣдніе годы рыба, главнымъ образомъ кета, начинаетъ завоевывать себѣ рынки не только Сибири и Россіи, но и заграничные. Одно устье Амура на протяженіи не болѣе 150 верстъ вверхъ по рѣкѣ даетъ ежегодно отъ $1^1/_2$ до 2 милл. пудовъ рыбы. Но эта молодая промышленность можетъ разсчитывать на успѣхъ только при большомъ экспортѣ за границу и въ Россію. А для этого необходимо освободить орудія промысла и продукты приготовленія отъ всякаго обложенія—новое основаніе къ тому, чтобы не разсчитывать на полученіе большого дохода отъ таможеннаго обложенія привознаго товара.

Если всѣ мѣстные люди, не исключая и администраторовъ края, какъ одинъ человѣкъ, высказываются за сохраненіе порто-франко, то, съ другой стороны, такъ же опредѣленно за его упраздненіе стоитъ русское купечество во Владивостокѣ. На собраніи 25 января 1907 года въ помѣщеніи биржи представители торговаго дома Чурина и другихъ фирмъ выслушали докладъ въ пользу упраздненія порто-франко г. Меркулова, который ранѣе возникновенія русско-японской войны, по собственнымъ его словамъ, начиная еще съ 1902 г., выступалъ заступникомъ порто-франко. И г-нъ Меркуловъ признаетъ тотъ фактъ, что во Владивостокѣ и вообще во всемъ краѣ собственныхъ производимыхъ цѣнностей не много. Добывается золота, рыбы и пушнины, вывозимыхъ изъ края, на сумму не свыше 10 милл. рублей. Производимаго же хлѣба едва хватаетъ для собственнаго потребленія русскаго населенія окраины. Что касается до обрабатывающей промышленности, то о ея положеніи можно судить по слѣдующему. Промышленныя начинанія, — говоритъ г. Меркуловъ, — прекращаются, а нѣкоторыя уже прекратились. Закрытъ стеклянный заводъ, закрыты

мыловаренные, часть пивоваренныхъ и мѣстная спичечная фабрика. Причину всему этому г. Меркуловъ находитъ въ полнѣйшемъ отсутствіи денегъ, доходящемъ до того, что были случаи возврата къ мѣновой торговлѣ. Причина же недостатка капиталовъ, по Меркулову, та, что деньги уходятъ на уплату китайцамъ-рабочимъ и за границу за получаемые товары. Г. Меркуловъ былъ противникомъ проведенія амурской желѣзной дороги, между прочимъ, потому, что она привлечетъ въ край китайцевъ. Но разъ рѣшено проведеніе этой дороги, естественнымъ является желаніе обезпечить ей дешевый трудъ. Странно было бы, еслибы правительство само приняло мѣры къ увеличенію издержекъ ея постройки. А это является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ возрастанія цѣнъ на продукты первой необходимости. Г. Меркуловъ съ легкимъ сердцемъ идетъ на это и привѣтствуетъ высокое таможенное обложеніе продуктовъ потребленія китайскихъ рабочихъ, надѣясь, что тѣмъ самымъ ихъ можно будетъ удержать отъ предложенія своихъ услугъ строителямъ дороги. Еслибы его надежды осуществились, то постройка нашей новой линіи къ Тихому океану совершилась бы въ условіяхъ, какъ разъ обратныхъ тѣмъ, въ какихъ построена была американская южная тихо-океанская дорога. Американцы приняли мѣры противъ дальнѣйшаго заселенія ихъ западныхъ штатовъ китайцами только послѣ постройки дороги и до сихъ поръ пользуются при ея эксплуатаціи большимъ количествомъ японскихъ служащихъ. Мы бы не использовали въ такомъ случаѣ вышеуказаннаго крайне благопріятнаго для насъ обстоятельства. Съ началомъ лѣта и навигаціи, населеніе Владивостока увеличивается, какъ мы видѣли, на цѣлыхъ 50 тыс. чел. пришлаго китайскаго населенія, которое затѣмъ покидаетъ Приамурье на зимніе мѣсяцы. Пока китайскій трудъ носитъ характеръ отхожаго промысла, онъ не грозитъ прочнымъ поселеніемъ китайцевъ въ нашей восточной окраинѣ, а слѣдовательно, и неспособенъ внушить серьезныхъ политическихъ опасеній. Земляныя работы производятся китайцами, какъ извѣстно, съ большимъ упорствомъ. Трудно, поэтому, думать, что строители нашей приамурской дороги, если это предпріятіе только найдетъ себѣ осуществленіе, откажутся отъ использованія ихъ труда, тѣмъ болѣе, что не въ ихъ волѣ замѣнить этотъ трудъ трудомъ русскихъ рабочихъ, разъ, по вычисленію г. Меркулова, въ Приамурьѣ осѣдлаго русскаго населенія наберется не свыше 400 тыс. душъ, и оно удержалось въ краѣ лишь благодаря громаднымъ потраченнымъ государствомъ средствамъ. Строящаяся дорога не можетъ ждать искусственнаго роста колонизаціи края, и потому дальнѣйшія соображенія г. Меркулова о томъ, что для поддержанія мѣстнаго русскаго населенія необходимо закрыть свободный ввозъ зерна изъ Манчжуріи и муки изъ Америки

и Манчжуріи, кажутся мнѣ несогласованными съ ближайшими требованіями нашей политики и нашей администраціи въ Приамурьѣ. Выставленныя здѣсь предположенія не имѣлись въ виду собравшимися на владивостокской биржѣ русскими купцами, и они поспѣшили присоединиться къ мнѣнію г. Меркулова о пользѣ закрытія порто-франко.

Критикуя предлагаемую правительствомъ мѣру, я не останавливался пока на вопросѣ о томъ, насколько осуществимо установленіе таможенной защиты на протяженіи сотенъ верстъ съ предполагаемой министромъ финансовъ затратой 190 тыс. единовременно и 576 тыс. руб. постоянно изъ года въ годъ. Въ письмѣ, полученномъ мною отъ одного изъ мѣстныхъ дѣятелей, значится: „Всѣ разсчеты министерства финансовъ касательно стоимости содержанія таможеннаго надзора основаны на данныхъ коммиссіи ген. Надарова, данныхъ, относящихся къ 1902 и 1903 гг., т.-е. ко времени, предшествующему японской войнѣ, когда сосѣдняя съ нами Манчжурія была совершенно пустынной. Въ разсчетъ Надарова не входило поэтому охраненіе нашей сухопутной границы, а если и входило, то разсчетъ содержанія охраны на этой границѣ совершенно не соотвѣтствуетъ современной густотѣ населенія. Разъ это такъ, то довѣрчивое отношеніе къ выкладкамъ министерства финансовъ грозитъ въ ближайшемъ будущемъ непріятными неожиданностями для нашего парламента, т.-е. увеличеніемъ бюджетныхъ затратъ“.

III.

Намъ предстоитъ задаться теперь вопросомъ, въ какой мѣрѣ упраздненіе порто-франко можетъ отразиться на ростѣ или, наоборотъ, упадкѣ мѣстнаго производства. Этотъ вопросъ поднятъ былъ уже въ преніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Государственной Думѣ. И одинъ изъ ораторовъ, Волковъ 2-й, справедливо указалъ на сомнительность того положенія, выставляемаго финансовой коммиссіей, будто таможенное обложеніе иностраннаго ввоза необходимо въ интересахъ развитія мѣстнаго производства. Кажется, ясно, что таможенное обложеніе вызоветъ повышеніе цѣнъ на товары и что жизнь отъ него станетъ дороже. Вздорожаніе же жизни явится однимъ изъ сильныхъ тормозовъ для колонизаціи края. Такъ смотрятъ на дѣло мѣстные люди; такъ смотритъ на него и постоянная совѣщательная контора золото- и платинопромышленниковъ, которая въ разосланномъ ею 12-го декабря текущаго года членамъ Государственнаго Совѣта письменномъ сообщеніи говоритъ: Единственной отраслью промышленности, имѣющей значительное развитие въ краѣ, является золотопро-

мышленность. До послѣдняго времени въ краѣ добывалось золота на 10—11 милл. рублей. Начиная съ 1902 г., добыча золота стала уменьшаться, а въ 1905 г., совпавшемъ съ японской войною и отразившемъ на себѣ вліяніе предыдущаго года войны, уменьшеніе добычи золота принимаетъ прямо тревожные размѣры. Она пала съ 642 пуд. въ 1901 г. и 611 въ 1904 г. до 470 п. въ 1905 году. За 1906—7 гг. точныхъ данныхъ еще нѣтъ. Объясняя причины этого упадка, авторы печатнаго заявленія говорятъ: „Плотность населенія по оффиціальнымъ даннымъ слѣдующая: въ Забайкальской области и Приамурскомъ краѣ 600.000 чел., при пространствѣ, равномъ 1 милл. кв. верстъ, или, что то же, двѣ трети человѣка на квадратную версту. Прибавьте къ этому отсутствіе путей сообщенія и отсутствіе промышленныхъ заведеній, могущихъ обслуживать пріиски. Ко всѣмъ этимъ постояннымъ причинамъ присоединилась новая—запрещеніе принимать корейцевъ на пріиски въ качествѣ рабочихъ и, какъ послѣдствіе этого, подъемъ цѣнъ на рабочія руки китайцевъ изъ-за отсутствія конкуренціи со стороны корейцевъ. Вздорожаніе жизни съ закрытіемъ портофранко является болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Товары вздорожаютъ на суммы бо̀льшія, чѣмъ размѣръ таможенныхъ пошлинъ, такъ какъ фрахты сильно повысятся вслѣдствіе большого простоя иностранныхъ пароходовъ изъ-за таможенныхъ обрядностей.

Г. Волковъ 2-й, въ полномъ соотвѣтствіи съ сказаннымъ, настаивалъ на той мысли, что всѣ отрасли добывающей промышленности, какъ-то: лѣсное дѣло, горное, рыбопромышленность, нуждаются скорѣе въ свободной торговлѣ, чѣмъ въ таможенномъ огражденіи, такъ какъ заинтересованы въ дешевизнѣ и изобиліи рабочихъ рукъ. Таможенное же огражденіе, удорожая жизнь въ краѣ, способствуетъ повышенію цѣнъ и, ослабляя колонизацію, мѣшаетъ притоку этихъ рукъ извнѣ.

Что касается до обрабатывающей промышленности, то въ 1906 году въ двухъ областяхъ—Амурской и Приморской—насчитывалось всего 1.280 производствъ, съ 7 тыс. рабочихъ и съ суммой производства въ 9 милл. рублей.

Всѣ эти производства носятъ скорѣе характеръ ремеслъ, чѣмъ фабрично-заводской промышленности. Для развитія послѣдней недостаетъ и капиталовъ, и дешевыхъ рабочихъ рукъ, и удобныхъ путей сообщенія, и техническихъ познаній, а поэтому и сколько-нибудь подготовленныхъ рабочихъ. Нѣкоторые виды производства, перерабатывающіе волокнистыя вещества, не могутъ возникнуть на мѣстѣ, за недостаткомъ сырья. Такъ какъ страна представляетъ собою скорѣе пустыню, то промышленность, очевидно, можетъ развиться въ ней только въ томъ случаѣ, если имѣется возможность вывоза ея продуктовъ за границу. Но тутъ-то таможенное огражденіе и будетъ служить серьезнымъ пре-

пятствіемъ. Что касается до возможныхъ послѣдствій таможеннаго огражденія для будущей торговли края, то не мѣшаетъ считаться съ мнѣніемъ, выраженнымъ въ докладѣ отъ 1907 г. Николаевской-на-Амурѣ коммиссіи по вопросу о сохраненіи порто-франко въ Приамурьѣ. „При существованіи таможенъ,—читаемъ мы въ немъ,—мы не оградимся отъ произведеній японской промышленности, такъ какъ при дешевизнѣ рабочихъ рукъ и фрахтовъ въ Японіи японцамъ не страшна никакая пошлина, и при нашихъ высокихъ цѣнахъ на товары—Японія легко завладѣетъ рынкомъ. Иначе было бы при свободной торговлѣ, когда на ряду съ японской явилась бы въ Приамурьѣ конкурренція и другихъ странъ. Съ политической точки зрѣнія намъ не такъ страшенъ наплывъ въ страну капиталовъ разныхъ національностей, борющихся между собою съ равной силой и съ равнымъ успѣхомъ, чѣмъ преобладающее развитіе одной Японіи. Есть основаніе думать, что при порто-франко въ Приамурьѣ произойдетъ то же, что происходитъ въ настоящее время въ Манчжуріи. Несмотря на свою дешевизну, японскія издѣлія вытѣсняются здѣсь европейскими и главнымъ образомъ германскими, благодаря ихъ значительному превосходству по качеству“.

При развитіи той мысли, что порто-франко понизитъ цѣны на товары, намъ приходится считаться съ довольно страннымъ возраженіемъ, будто опытъ прошлаго доказалъ, что, наоборотъ, съ отмѣной его цѣны пали. Такой невѣроятный исходъ объясняется тѣмъ соображеніемъ, что при порто-франко торговля во всемъ Приамурьѣ все же была монополизирована немногими фирмами, и въ числѣ ихъ въ особенности фирмой „Кунстъ и Альберсъ“ изъ Гамбурга. Для доказательства той мысли, что цѣны возрасли при порто-франко, ссылаются на особую высоту ихъ въ 1906 г. При этомъ не принимаютъ во вниманіе исключительности этого года, когда великій сибирскій путь не могъ транспортировать кладей, какъ пріуроченный къ обслуживанію войска. Когда блокада Владивостока кончилась, масса задержаннаго на морѣ товара прибыла во Владивостокъ, гдѣ въ пакгаузахъ могла быть сложена всего треть его. Остальной же товаръ пришлось сложить въ порту, и не хватало брезентовъ для его покрытія.

Въ то же время двинуть товаръ изъ Владивостока въ Приамурье оказалось невозможнымъ въ виду того, что пароходы и желѣзная дорога заняты были отправкою войскъ въ Россію. Неудивительно, если при такихъ условіяхъ цѣны необыкновенно возрасли. Но въ 1907 г. онѣ пали уже на 30—40%. Отмѣтимъ также тотъ фактъ, что если наибольшее увеличеніе торгово-промышленныхъ предпріятій приходится въ Приамурьѣ на годы 1901—1903, годы таможеннаго обложенія, то причиной тому несомнѣнно является въ слѣдующіе затѣмъ 1904 и

1905 гг., когда наступаетъ временный упадокъ, война и масса передвинутыхъ войскъ. Но въ 1906 году, въ эпоху порто-франко, число выбранныхъ торговыхъ и промышленныхъ документовъ достигаетъ небывалыхъ еще цифръ: въ Приморской области — 11.845, почти на 1/3 больше противъ 1901 г. и на двѣ слишкомъ тысячи противъ 1902 и 1903 гг., а въ Амурской области — 4.121, тогда какъ ранѣе, въ годы таможеннаго обложенія, та же цифра не подымалась до 4 тысячъ. Нѣтъ никакого основанія думать, что введеніе таможеннаго обложенія будетъ имѣть послѣдствіемъ ослабленіе монополіи, захваченной въ Приамурьѣ немногими торговыми фирмами, и въ томъ числѣ московской фирмой Чурина. „Чѣмъ крупнѣе фирма,—справедливо значится въ докладѣ Николаевской-на-Амурѣ коммиссіи по вопросу о порто-франко,—тѣмъ дешевле обходится ей косвенный расходъ, вызываемый таможеннымъ обложеніемъ, расходъ, связанный съ усиленными хлопотами по выгрузкѣ, надзору и очисткѣ товаровъ". Для среднихъ фирмъ эти расходы очень тяжелы. Такъ какъ весь товаръ, за исключеніемъ, пожалуй, чая, будь онъ и великорусскаго происхожденія, пойдетъ болѣе дешевымъ морскимъ путемъ, то русскія суда, наряду съ иностранными, испытаютъ на себѣ невыгодныя послѣдствія таможенной волокиты. Въ приведенномъ уже докладѣ я читаю: „Таможня оказываетъ давленіе на оборотный капиталъ предпріятія, заставляя затрачивать въ дѣло какъ для покупки товара, такъ и на самое торговое производство, значительно бо̀льшія суммы, чѣмъ при торговлѣ свободной отъ таможеннаго обложенія. Но не у всякаго имѣется для этого свободный капиталъ и достаточно эластичный кредитъ для увеличенія оборотнаго капитала до необходимыхъ размѣровъ. Слѣдствіемъ должно явиться сокращеніе числа мелкихъ и среднихъ фирмъ и перемѣщеніе торговаго дѣла въ руки фирмъ крупныхъ, т.-е. монополизація всей торговли въ рукахъ немногихъ капиталистовъ со всѣми тѣми послѣдствіями, какія влечетъ за собою устраненіе съ рынка конкурренціи".

IV.

Въ коммиссіи Госуд. Совѣта высказано было мнѣніе, что отмѣну порто-франко надо привѣтствовать какъ мѣру, которая ставитъ въ большую зависимость отъ центра Россіи нашу восточную окраину и тѣмъ упрочиваетъ ея политическую принадлежность къ имперіи. Но если съ этимъ фактомъ будетъ связано пониженіе матеріальнаго благосостоянія, вздорожаніе средствъ къ жизни, невозможность колонизаціи края, и безъ того лежащаго въ пустынѣ, дальнѣйшій упадокъ его

добывающей и обрабатывающей промышленности, то едва ли послѣдствіемъ будетъ ростъ того чувства солидарности, которымъ, повидимому, озабочены нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи. И ранѣе того или другого изъ нихъ поэтъ Гейне смотрѣлъ на таможни и таможенный союзъ, какъ на средство объединенія разрозненныхъ вѣтвей одной націи, объединеніе матеріальное, съ прибавкой, что моральное дается цензурой. Но говорилъ онъ все это въ насмѣшку. А намъ пришлось слышать все это въ серьезъ. Попытки усилить связь отдаленныхъ колоній съ метрополіей путемъ таможеннаго обложенія обошлись Англіи потерей ея американскихъ владѣній къ югу отъ Св. Лаврентія. Франклинъ въ Америкѣ, лордъ Чатамъ въ Англіи пророчили этотъ исходъ, и на ихъ мнѣніе, разумѣется, не было обращено ни малѣйшаго вниманія. Когда событія на разстояніи десятковъ лѣтъ оправдали ихъ опасенія, англичане, умудренные опытомъ, признали за своими колоніями ту степень самостоятельности, которая позволяетъ и Канадѣ, и австралійскимъ владѣніямъ, защищать таможеннымъ тарифомъ свою развивающуюся промышленность даже отъ конкурренціи товаровъ изъ метрополіи.

Неужели историческій опытъ долженъ пройти для насъ безслѣдно? Неужели намъ необходимо жертвовать весьма серьезными политическими интересами, усиливать экономическое вліяніе Японіи на Тихомъ океанѣ, создавать ея экономическое преобладаніе въ сѣверной Манчжуріи и, рядомъ съ этимъ, обрекать Приамурье и Забайкальскій край на многіе годы экономическаго ничтожества, неизбѣжно вызывающаго недовольство въ мѣстномъ населеніи, не столько изъ-за реальныхъ, сколько изъ-за воображаемыхъ выгодъ лодзинскихъ и московскихъ фабрикантовъ, призванныхъ наводнять своимъ товаромъ пустыню, въ которой на квадратную версту приходится 2/3 жителя? Мнѣ хорошо извѣстно, что интересы классовъ играютъ господствующую роль въ рѣшеніи вопросовъ внутренней политики—и не одной внутренней. Но я всегда слышалъ, что такими интересами должны быть интересы реальные, а такихъ я въ данномъ случаѣ не нахожу.

Максимъ Ковалевскій.

ПИСЬМО

г-жи Маріанны Дювернуа-Віардо.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1904 г., № 25, былъ напечатанъ цѣлый рядъ писемъ г-жи Маріанны Дювернуа, одной изъ дочерей г-жи Полины Віардо-Гарсіа, къ Е. Ардову, а въ статьѣ Н. М. Гутьяра: „Ив. С. Тургеневъ и семейство Віардо-Гарсіа“, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы“ (августъ, 1908 г., стр. 433), приведено почти цѣликомъ одно изъ этихъ писемъ, отъ 18 октября 1883 года, гдѣ говорится подробно о болѣзни и смерти Тургенева. По поводу какъ этого письма, такъ и вообще по поводу другихъ ея писемъ къ Е. Ардову, г-жа М. Дювернуа обратилась ко мнѣ съ нижеслѣдующимъ письмомъ, прося заявить въ печати ея протестъ:

Парижъ, 14 декабря, 1908.—М. Г., я узнала отъ г-на Гальперина-Каминскаго, что г-нъ Гутьяръ помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ статью, касающуюся нашего друга, столь дорогого намъ Тургенева; въ этой статьѣ г-нъ Гутьяръ воспроизводитъ одно, будто бы мое, письмо, адресованное къ какому-то господину Ардову и публикованное, повидимому, вмѣстѣ со многими другими письмами въ „Русской Газетѣ“ (такъ авторъ письма называетъ „Русскія Вѣдомости“, гдѣ, дѣйствительно, были напечатаны такія письма), въ январѣ 1904 года; о письмѣ, которое воспроизведено г-мъ Гутьяромъ, говорится какъ о наиболѣе *характерномъ* среди тѣхъ, которыя я писала г-ну Ардову. Я никогда ничего не писала г-ну Ардову, котораго я не знаю даже по имени, и ни къ кому другому въ Россіи, гдѣ я никогда не была. Желая оградить себя отъ какихъ-нибудь другихъ фантастическихъ публикацій, я буду весьма признательна вамъ, если вы сообщите вашимъ читателямъ, что письма, опубликованныя и приписанныя мнѣ—апокрифическія письма. Благодарю васъ впередъ и прошу вѣрить и т. д. — *Маріанна Дювернуа-Віардо*“ [1]).

---

[1]) Вотъ и самое письмо въ оригиналѣ:

Paris, le 14 Décembre. — Monsieur, j'apprends par monsieur Halpérine Kaminsky que monsieur Goutiar vient de faire paraître dans le „Messager de l'Europe“ un article concernant notre ami si regretté Tourgueneff; dans cet article m-r Goutiar reproduit une soit-disant lettre de moi adressée à un monsieur Ardoff et publiée, paraît-il, avec *plusieurs* autres dans la *Gazette Russe* de Janvier 1904; la lettre reproduite par m-r Goutiar est citée comme la plus *caractéristique* parmi celles que j'ai écrites à m-r Ardoff!—Je n'ai jamais écrit à m-r Ardoff, dont je ne connais même pas le nom, ni à personne d'autre en Russie, où je n'ai jamais été. — Désirant me mettre à l'abri d'autres publications fantaisistes, je vous serais donc infiniment reconnaissante de bien vouloir informer vos lecteurs que les lettres que l'on a publiées, comme étant de moi, sont apocriphes.—Avec mes remerciments anticipés, je vous prie de croire, Monsieur, à mes sentiments les plus distingués. — *Marianne Duvernoy-Viardot.*

Еслибы г-жа Дювернуа не отрицала безусловно, говоря, что она ничего не писала не только г-ну Ардову, но вообще „ни къ кому другому въ Россіи" (ni à personne d'autre en Russie),—то тогда можно было бы усмотрѣть во всемъ этомъ одно, быть можетъ, недоразумѣніе: *Ардовъ*—псевдонимъ, какъ извѣстно, писательницы г-жи Апрѣлевой, и этотъ псевдонимъ могъ быть и, какъ оказывается, дѣйствительно былъ вовсе незнакомъ г-жѣ Дювернуа; но она, быть можетъ, иначе отнеслась бы къ короткому сообщенію г-на Гальперина-Каминскаго, еслибы отъ него она услышала имя г-жи Апрѣлевой. Правда, г-жа Дювернуа отрицала даже и то, что она кому-нибудь писала *въ Россію*; но и въ этомъ случаѣ возможно предположеніе, что г-жа Апрѣлева, осенью 1883 года, могла быть за границею, а слѣдовательно, и то письмо могло быть отправлено ей не въ Россію, а по мѣсту ея жительства за границей. Во всякомъ случаѣ, желательно было бы знать, какъ же слѣдуетъ относиться къ этому замѣчательному письму, писанному, нѣтъ сомнѣнія, очевидцемъ послѣднихъ часовъ и даже минутъ жизни Ивана Сергѣевича, стоявшимъ у постели умирающаго, и притомъ, однимъ изъ членовъ семьи Віардо, оставившимъ намъ самое живое воспоминаніе о его кончинѣ. Быть можетъ, настоящее заявленіе г-жи Дювернуа послужитъ къ выясненію возникающаго вопроса объ авторѣ этого письма. Оно особенно замѣчательно и вмѣстѣ дорого потому, что нигдѣ съ такою полнотою и ясностью не высказалось отношеніе семьи Віардо-Гарсіа къ Тургеневу, какъ именно въ этомъ письмѣ; въ немъ мы находимъ самое рѣшительное опроверженіе той злой клеветы на Тургенева, которую въ началѣ 1907-го года пустила въ ходъ другая дочь г-жи Полины Віардо—Луиза (по мужу Герритъ). Эта клевета была въ свое время обличена въ особой статьѣ „Вѣстника Европы", а письмо, о которомъ идетъ рѣчь, служитъ подкрѣпленіемъ доводовъ этой статьи [1]). Особенно важно рѣшеніе вопроса объ авторѣ письма для біографа Тургенева, и теперь сдѣлать это легче, чѣмъ то будетъ позже, такъ какъ всѣ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ еще на-лицо.

М. Стасюлевичъ.

[1]) См. мартъ 1907 г., стр. 413: „Злостное покушеніе на добрую память Ив. С. Тургенева".—*М. Ст.*

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1909.

Общества обывателей и избирателей въ Петербургѣ. — Цѣль и задачи ихъ образованія.—Положеніе городского хозяйства. — Коммиссіи.— Общества и предстоящіе городскіе выборы.—Одна изъ нуждъ средней школы.—Рѣчь вологодскаго вице-губернатора.—Два приговора—двѣ мѣрки.—Курьезъ.—Графъ Е. А. Саліасъ †.

Въ Петербургѣ положено начало новому общественному дѣлу, которому, если оно разовьется, предстоитъ сыграть большую роль въ упорядоченіи городского хозяйства, а быть можетъ и создать мостъ между нынѣшними формами городского самоуправленія и самоуправленіемъ, основаннымъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Мы имѣемъ въ виду общества обывателей и избирателей по частямъ города. Въ нѣкоторыхъ частяхъ общества уже сформировались и приступили къ дѣятельности; въ другихъ — формируются. Почти вездѣ формированіе прошло или проходитъ гладко и—что̀ особенно важно—безъ стремленія придать обществамъ характеръ партійныхъ единеній. Только въ одной коломенской части учредители попытались замкнуться въ тѣсномъ кружкѣ не то партійныхъ единомышленниковъ, не то добрыхъ знакомыхъ, что̀ вызвало энергичный протестъ многихъ мѣстныхъ избирателей и обывателей, которымъ, надо надѣяться, удастся сломить странное упорство учредителей, создавшихъ общество, въ сущности, для того, чтобы его не было.

Уставы всѣхъ двѣнадцати (по числу городскихъ частей) обществъ обывателей и избирателей Петербурга въ главныхъ чертахъ однородны. И задачи обществъ формулированы уставами широко. „Основная цѣль общества — гласитъ, напримѣръ, уставъ казанской части—состоитъ въ достиженіи возможнѣйшаго благоустройства казанской части, въ объединеніи и взаимномъ ознакомленіи членовъ между собой, въ цѣляхъ сознательнаго выбора гласныхъ въ думу, а также всесторонняго ознакомленія членовъ общества съ техникой и порядками городского хозяйства путемъ живого обмѣна мнѣній между гласными думы отъ казанской части и обывателями и ихъ избирателями“.

Уже пять лѣтъ прошло со времени преобразованія петербургскаго городского общественнаго управленія и привлеченія къ активному участію въ веденіи городскихъ дѣлъ элемента населенія, до сихъ

поръ вездѣ, кромѣ Петербурга, устраненнаго отъ такого участія — квартиронанимателей. Уже половина состава гласныхъ, избранныхъ по положенію 1903 г., обновлена, и обновленіе второй половины предстоитъ менѣе, чѣмъ черезъ годъ. А городскія дѣла продолжаютъ оставаться все въ томъ же мало отрадномъ положеніи. Строго говоря, единственно дѣло начальнаго образованія ведется съ успѣхомъ и правильно развивается, насколько то возможно въ рамкахъ дѣйствующаго закона. Во всѣхъ другихъ отрасляхъ, куда ни взглянуть, гораздо болѣе недочетовъ, нежели не только сдѣланнаго, но хотя бы поставленнаго на правильный путь. Какова санитарная часть—показала холера, унесшая въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ три съ половиной тысячи жертвъ и, несмотря на зиму и наступившіе морозы, все еще не прекращающаяся. Канализація и проведеніе воды изъ Ладожскаго озера или изъ-подъ Дудергофа всѣ пять лѣтъ были предметами постоянныхъ толковъ и думскихъ разговоровъ—но не сдѣлано даже перваго шага для перехода отъ разговоровъ къ дѣлу. Недавно, въ засѣданіи думы, кто-то изъ гласныхъ поднялъ еще одинъ стародавній больной вопросъ Петербурга — о вопіющей жилищной нуждѣ городской бѣдноты. Дума сейчасъ же отозвалась. Рѣшили: изслѣдовать, разработать и, кажется, кому-то даже что-то поручили. Поручили—и успокоились, хорошо зная и только скрывая отъ себя, что изъ изслѣдованія и разработки ровно ничего не выйдетъ, кромѣ небольшой, но совершенно безполезной траты денегъ.

Осуществлено городомъ въ послѣднее время одно крупное городское предпріятіе — трамваи. Населеніе, наконецъ, послѣ безконечно долгихъ ожиданій, получило удобное и быстрое средство передвиженія по городу. Но вмѣстѣ съ удобствомъ и быстротой трамваи наложили и тяготу. Для бѣднѣйшихъ классовъ, пользовавшихся имперіалами коночныхъ вагоновъ, передвиженіе стало дороже. И на всѣ требованія, обращаемыя по этому поводу къ городской думѣ, получается отвѣтъ, что пониженіе проѣздной платы невозможно, такъ какъ получаемый доходъ едва покрываетъ расходы по эксплоатаціи. Когда мы въ первый разъ прочли въ газетахъ этотъ отвѣтъ на ходатайство обывателей окраинъ, насъ просто оторопь взяла. Подумать только! Трамваи, пока-что, не обслуживаютъ ни одной бездоходной линіи. По всѣмъ линіямъ, гдѣ трамвайное движеніе открыто, случается пропустить пять вагоновъ прежде, чѣмъ удастся втиснуться въ шестой. Переполненіе вагоновъ вызвало даже особое распоряженіе градоначальника, съ суровыми карами за впускъ пассажировъ свыше нормы. И вдругъ—нѣтъ дохода, который допускалъ бы частичное пониженіе платы. Какъ же безхозяйственно, значитъ, строились или эксплоатируются трамваи! Еслибы трамвайное дѣло въ Петербургѣ вела частная

акціонерная компанія, то, глядя на постоянно биткомъ набитые вагоны и на толпу жаждущихъ найти свободное мѣсто, которая во всякое время дня стоитъ на перекресткахъ главныхъ улицъ,—можно съ увѣренностью сказать, что акціи такой компаніи стояли бы втрое или вчетверо выше выпускной цѣны. А въ рукахъ города дѣло едва покрываетъ расходы!

Устраненный отъ участія въ веденіи городскихъ дѣлъ, обыватель естественно судитъ по результатамъ. Гдѣ лежитъ причина—для него вопросъ второстепенный. Онъ считается, прежде всего, съ фактомъ. И этотъ фактъ ему краснорѣчиво говоритъ, что то, съ чѣмъ шли въ думу пять лѣтъ назадъ интеллигенты-квартиронаниматели, дало на почвѣ дѣйствующаго закона и нашихъ нравовъ одно разочарованіе. Тогда на всѣхъ предвыборныхъ собраніяхъ только и разговору было, что о муниципализаціи городскихъ общественныхъ предпріятій. Тогда настойчиво утверждалось, что взятыя городомъ въ свои руки предпріятія должны быть и будутъ главнымъ источникомъ городскихъ доходовъ. Тогда заявлялось, что на выкупъ существующихъ предпріятій и на устройство новыхъ грѣшно останавливаться передъ затратами и передъ необходимостью заключать займы. Думское большинство вняло этимъ утвержденіямъ, но поняло ихъ по своему. Оно съ готовностью увеличило число платныхъ исполнительныхъ коммиссій и, не мѣняя ни способовъ, ни пріемовъ веденія городского хозяйства, стало широко прибѣгать къ заключенію займовъ. Въ послѣдніе годы городской долгъ возросъ до 92 милліоновъ рублей и, насколько извѣстно, предрѣшенъ еще заемъ въ 32 милліона: по крайней мѣрѣ такъ рѣшила всесильная „маленькая“ дума.

Мы отлично понимаемъ, что никакая реорганизація городского хозяйства и никакое разрѣшеніе основныхъ вопросовъ городского благоустройства невозможно безъ большихъ единовременныхъ затратъ, совершаемыхъ путемъ займовъ. И мы все-таки, при данныхъ обстоятельствахъ, ни въ какомъ случаѣ не подали бы голоса за отягощеніе займами городского бюджета. Трата путемъ займа есть трата, расплату за которую тратящіе перелагаютъ на своихъ преемниковъ. Гласные думы нынѣшняго состава могутъ считать, что они ведутъ городское хозяйство если не совсѣмъ хорошо, то и не худо. Это ихъ право. Они могутъ считать, что составленный ими планъ мѣропріятій по оздоровленію столицы и по ея благоустройству цѣлесообразенъ и соотвѣтствуетъ выяснившимся потребностямъ. Но они не могутъ не знать, что полуторамилліонное населеніе иначе оцѣниваетъ ихъ дѣятельность. Они, не нарушая элементарныхъ требованій этики, не имѣютъ права исходить въ своихъ предположеніяхъ изъ того, что съ реформами въ Россіи покончено. Они не могутъ смотрѣть на себя и

на своихъ избирателей, какъ на монополистовъ завѣдыванія дѣлами о городскихъ пользахъ и нуждахъ,—монополистовъ, которые и въ будущемъ останутся таковыми. Они обязаны знать и помнить, что въ ряду общепризнанныхъ реформъ была три года назадъ поставлена и до сихъ поръ формально съ очереди не снята коренная реформа земскаго и городского самоуправленія на началахъ если не всеобщаго избирательнаго права, то широкаго распространенія избирательныхъ правъ за нынѣшніе предѣлы. И что же они готовятъ своимъ преемникамъ? Включая на много лѣтъ впередъ въ расходный бюджетъ города шестимилліонный ежегодный платежъ, городская дума изъ домовладѣльцевъ и высшихъ разрядовъ квартиронанимателей вырываетъ изъ рукъ будущей думы возможность удовлетворять потребности городского хозяйства такъ, какъ она будетъ считать нужнымъ. Придутъ новые люди, и они окажутся связанными не ими составленнымъ планомъ. Какое наслѣдіе, въ видѣ реальныхъ для города благъ, оставитъ дума городового положенія 1903 г. думѣ конституціонной Россіи—еще вопросъ. А что оставитъ въ наслѣдство 120 милліоновъ долга—это уже фактъ.

Засѣданія думы—тоже не тайна для обывателя. Чего-чего не дѣлается при выборахъ, чтобы получить званіе гласнаго. А зайдите въ любой день въ думскій залъ, и тамъ увидите минимальный кворумъ—54 изъ 162-хъ. Бываетъ, что и при такомъ льготномъ кворумѣ засѣданія не могутъ состояться. Только личные вопросы интересуютъ гласныхъ. Въ выборные дни они являются чуть не поголовно. Выберутъ городского голову, членовъ управы, раздадутъ другъ другу по строго партійнымъ соображеніямъ платныя мѣста въ коммиссіяхъ и считаютъ, что исполнили, если не всѣ, то девять десятыхъ принятыхъ на себя обязанностей. Обыватель настолько это знаетъ и настолько къ этому привыкъ, что абсолютно не интересуется думскими засѣданіями. Публики на нихъ не бываетъ вовсе. Газеты вмѣсто отчетовъ даютъ краткія хроникерскія замѣтки. Развѣ проскочитъ какой-нибудь скандалъ на личной почвѣ—тогда о немъ пишутъ и говорятъ. Скажутъ: виноваты газеты. Газета — зеркало, на которое всегда пеняютъ. Газеты слишкомъ, однако, чутки, чтобы ихъ можно было винить. Не печатаютъ отчетовъ—значитъ, нѣтъ общественнаго интереса.

Главная причина неприглядной картины, которую рисуютъ наблюденія за дѣятельностью органовъ петербургскаго городского общественнаго управленія, конечно лежитъ въ органическихъ дефектахъ закона. Эти дефекты дѣйствуютъ въ двоякомъ направленіи: одни непосредственно, другіе посредственно. Къ первымъ относится, прежде всего, избирательная система. Достаточно сказать, что по положенію о выборахъ въ Государственную Думу, тоже далекому отъ принципа

всеобщаго голосованія, число избирателей въ Петербургѣ разъ въ пять больше, чѣмъ по положенію о городскихъ выборахъ. Далѣе—скудость источниковъ городскихъ доходовъ и обремененіе бюджета, такъ называемыми, обязательными расходами. „Государство—говоритъ въ докладѣ о финансовомъ положеніи Петербурга М. П. Федоровъ—постепенно и у насъ, и за границей, складываетъ съ себя заботу о городскомъ благоустройствѣ на плечи городскихъ общественныхъ управленій; но за границей городамъ предоставляютъ, при этомъ, часть государственныхъ средствъ и расширяютъ ихъ права по обложенію обывателей. Въ Петербургѣ, наоборотъ, на городъ возлагаютъ все новыя и новыя обязанности, а средствъ на ихъ удовлетвореніе не даютъ. Мало того—городъ обязанъ расходовать свои средства и на полицію, и на пожарную часть, въ суммѣ 1.944 тыс. рублей, безъ права контроля надъ ихъ хозяйствомъ; а сверхъ того уплачиваетъ на содержаніе правительственныхъ учрежденій 758 тысячъ и на содержаніе войскъ 299 тысячъ рублей, что составляетъ въ общемъ 3 милліона рублей или 15% всѣхъ расходовъ“. Наконецъ, огромный тормазъ въ веденіи городского хозяйства представляетъ особое по дѣламъ города присутствіе, роль котораго не столько въ контролѣ, сколько въ опекѣ.

Не менѣе существенное значеніе имѣютъ дефекты закона, оказывающіе посредственное дѣйствіе. Городовое положеніе, какъ и земское, построено на внѣшнемъ довѣріи къ общественнымъ силамъ и общественной иниціативѣ и на внутреннемъ недовѣріи къ нимъ. Первое по времени положеніе, 1870 г., обставляло органы самоуправленія сторонними ограниченіями и надзоромъ. Положеніе 1892 г. внесло, сверхъ того, двойственность въ самые органы самоуправленія. Оно противопоставило органы исполнительные распорядительному органу—городской думѣ. Положеніе объ общественномъ управленіи Петербурга 1903 г. въ данномъ отношеніи сдѣлало лишь одно смягченіе: предсѣдательствованіе въ собраніяхъ думы возложило на особо избираемое думою лицо. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно оставило городского голову въ положеніи зависимомъ не столько отъ думы, сколько отъ градоначальника и отъ министра внутреннихъ дѣлъ. И пока городскимъ головой былъ П. И. Леляновъ, онъ постоянно давалъ чувствовать городской думѣ свою по отношенію къ ней самостоятельность. Классы должности, присвоенные городскому головѣ и членамъ управы, обязательное требованіе утвержденія избираемыхъ думою лицъ и право назначенія при неутвержденіи избранныхъ—все это гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ казаться на первый взглядъ. Законъ сдѣлалъ исполнителей распоряженій городской думы чиновниками по классамъ и по мундиру и подсказалъ имъ, что смотритъ на нихъ, какъ на своихъ

для бюрократіи людей, противополагаемыхъ чужимъ людямъ—независимымъ и никѣмъ не утверждаемымъ гласнымъ.

При общей пассивности къ дѣлу общественнаго служенія домовладѣльческихъ и купеческихъ элементовъ городского населенія, получился естественный психологическій результатъ. Въ сознаніи гласныхъ центральное значеніе въ веденіи городского хозяйства перешло съ думы на исполнительные органы. Въ земствѣ, хотя тамъ земскія собранія живутъ и дѣйствуютъ всего нѣсколько дней въ году, такого результата, въ видѣ общаго явленія, не получилось. Тамъ всегда была тенденція собраній твердо отстаивать свои права. Города же оказались болѣе податливыми. Въ Петербургѣ громадное большинство гласныхъ глубоко проникнуто убѣжденіемъ, что для дѣла существуютъ коммиссіи и управа, а дума—для выборовъ и для критики дѣятельности исполнительныхъ органовъ. Исключительно ей принадлежащую распорядительную власть дума съ поразительной готовностью передаетъ въ коммиссіи. Образовался самъ собою замѣняющій думу органъ—„маленькая" дума, состоящая изъ управы и представителей коммиссій. Этой „маленькой" думѣ открываются кредиты и даются самыя разнообразныя и самыя широкія полномочія. Въ разсчетѣ на „маленькую" думу дума „большая", настоящая, предусмотрительно, еще когда ожидалась холера, упразднила себя на случай появленія эпидеміи.

Организація городскихъ исполнительныхъ коммиссій разрослась въ такой мѣрѣ, что еслибы не было партійныхъ счетовъ, то, пожалуй, въ думѣ не было бы ни одного гласнаго, не являющагося органомъ исполненія въ той или другой отрасли городского хозяйства. Гласные, принадлежащіе къ правящей партіи, за рѣдкими, единичными исключеніями, всѣ входятъ въ составъ платныхъ коммиссій, получая если не жалованье, то разъѣздныя. Сегодня члены больничной и трамвайной коммиссій разбираютъ дѣйствія членовъ коммиссій санитарной и водопроводной или оцѣночной. Завтра—наоборотъ. Сегодня члены однѣхъ коммиссій принимаютъ отчетъ и даютъ указанія членамъ другихъ и назначаютъ имъ размѣръ „разъѣздныхъ". А завтра члены этихъ другихъ коммиссій будутъ продѣлывать то же самое въ отношеніи первыхъ. Съ другой стороны, коммиссіонная система привела къ тому, что принципомъ образованія личнаго состава исполнительныхъ органовъ оказалось стремленіе имѣть работниковъ „числомъ побольше, цѣною подешевле". Мы признаемъ, что всякій исполнительный трудъ долженъ оплачиваться. Но въ каждомъ дѣлѣ должно смотрѣть на оплату труда прямо и откровенно, и смѣшно ее покрывать фикціей о какихъ-то разъѣздныхъ. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, 600 р. въ годъ, какъ получаютъ члены большинства коммиссій, не оплата труда, а подачка. Отъ гласнаго, получающаго 50 р. въ

мѣсяцъ, нельзя требовать, чтобы онъ отдавалъ все свое время дѣлу, которому служитъ. Приходится считаться съ тѣмъ, что онъ будетъ имъ заниматься на досугѣ. Такъ не лучше ли вмѣсто сотенъ исполнителей, получающихъ грошевые „разъѣздные", имѣть десятки съ соотвѣтствующими работѣ окладами жалованья? По даннымъ, которыя приводитъ М. П. Федоровъ, содержаніе исполнительныхъ коммиссій обходится городу въ 300 тыс. рублей. Работа же—справедливо говоритъ авторъ доклада,—„вызывающая со стороны города такой крупный расходъ, не только безполезна, но даже вредна".

Намъ можно возразить, что если главная причина безотраднаго положенія городскихъ дѣлъ лежитъ въ законѣ, то только закономъ же—путемъ его измѣненія—возможно достичь упорядоченія городского хозяйства. Иными словами—что всѣ усилія должны быть направлены на скорѣйшее осуществленіе городской реформы и что образованіе обществъ избирателей и обывателей, не облеченныхъ никакими правами, совершенно безцѣльно. Такъ ставился вопросъ три, два года назадъ. Теперь же отъ подобнаго радикализма съ грустью приходится отказаться. Тогда была увѣренность, что городское самоуправленіе на началахъ дѣйствующаго закона доживаетъ послѣдніе дни. Теперь отъ увѣренности осталась слабая надежда, и не на то, что оно доживаетъ послѣдніе дни, а быть можетъ—послѣдніе годы. Тогда близкая реформа городского самоуправленія рисовалась въ контурахъ всеобщаго, прямого и равнаго участія населенія въ избраніи гласныхъ, передачи въ завѣдываніе города мѣстной полиціи, полнаго устраненія системы опеки и т. д. Теперь реформа рисуется вдали и въ контурахъ самыхъ скромныхъ — нѣкотораго расширенія контингента избирателей и нѣкотораго ослабленія опеки. Теперь нельзя отказываться отъ того, что на почвѣ существующихъ условій можетъ не разрѣшить вопросъ — объ этомъ нѣтъ рѣчи, — а хотя бы только принести пользу.

Общества обывателей и избирателей явятся живымъ контролемъ дѣятельности всей думы и представителей каждой отдѣльной части города. Общества не будутъ имѣть права требовать отчета отъ гласныхъ, но они будутъ обсуждать вопросы городского благоустройства, и одно это заставитъ гласныхъ чаще вспоминать о принятыхъ на себя обязанностяхъ. Общества несомнѣнно окажутъ серьезное вліяніе на выборы гласныхъ въ предстоящую выборную кампанію 1909 года. Уставы даютъ имъ въ этомъ отношеніи формальное право. § 13 устава общества петербургской части гласитъ: „Передъ наступленіемъ выборовъ въ думу, комитетъ намѣчаетъ лицъ, достойныхъ, по его мнѣнію, быть облеченными довѣріемъ избирателей и быть гласными отъ петербургской части. Въ то же время комитетъ предлагаетъ и членамъ Обще-

ства подать свои заявленія съ именами тѣхъ лицъ, которыхъ они желали бы видѣть гласными думы. Получивъ такія заявленія, комитетъ обязанъ ознакомиться съ общественною дѣятельностью и другими данными, дающими рекомендованнымъ лицамъ право на довѣріе избирателей. Собравъ свѣдѣнія, комитетъ составляетъ о каждомъ кандидатѣ свое заключеніе. Списки всѣхъ намѣченныхъ кандидатовъ въ гласные комитетъ вноситъ вмѣстѣ со своими заключеніями въ общее собраніе, и, по обсужденіи въ собраніи достоинствъ каждаго кандидата, имена кандидатовъ, въ порядкѣ списка комитета, ставятся на баллотировку. Послѣ закрытой баллотировки всего списка, лица, избранныя по большинству голосовъ, считаются кандидатами общества и вносятся въ особый списокъ, который считается окончательнымъ и обязательнымъ для членовъ Общества. Имена лицъ, избранныхъ въ кандидаты, публикуются въ газетахъ для всеобщаго свѣдѣнія".

Конечно, выборы цѣлой трети состава гласныхъ, избираемыхъ первымъ разрядомъ городскихъ избирателей, останутся внѣ сферы вліянія обществъ. Въ первомъ разрядѣ избирателей такъ мало и всѣ они другъ другу такъ поименно извѣстны, что никакое общественное воздѣйствіе здѣсь невозможно. Но въ выборахъ двухъ третей гласныхъ все-таки участвуютъ въ каждой части сотни избирателей, а въ наиболѣе населенныхъ—тысячи. Кому отдать свой голосъ—нелегкій вопросъ для второразряднаго избирателя Петербурга. Выборы установлены по частямъ города. А по условіямъ петербургской жизни два избирателя могутъ десять лѣтъ прожить даже въ одномъ домѣ и не имѣть другъ о другѣ ни малѣйшаго представленія. Единственное мѣсто, гдѣ добросовѣстный избиратель можетъ почерпнуть указанія—это предвыборныя собранія. Но на предвыборныхъ собраніяхъ всегда слишкомъ много борьбы и страсти, чтобы почерпнутыя на нихъ указанія не имѣли случайнаго характера. Другое дѣло, если избиратель встрѣчался съ кандидатомъ на собраніяхъ, проходящихъ не въ пылу предвыборной борьбы. Здѣсь можно узнать человѣка не какъ оратора только, а какъ полезнаго или безполезнаго городского дѣятеля.

Со времени образованія политическихъ партій, всякаго рода выборы у насъ стали подчиняться политическимъ группировкамъ. Съ большой силой это отразилось на петербургскихъ городскихъ выборахъ 1906 года. Производящіеся въ настоящую минуту выборы въ Москвѣ тоже ведутся по политическому дѣленію избирателей. Въ двухъ главныхъ кандидатскихъ спискахъ — въ прогрессивномъ и въ право-октябристскомъ—почти нѣтъ общихъ именъ. И это ясно показываетъ, что рекомендуются не столько лица, сколько ихъ партійные ярлыки. Между тѣмъ, если и въ государственныхъ выборахъ избраніе по ярлыкамъ необходимо предполагаетъ многое изъ того, чего у насъ

нѣтъ—свободу партійныхъ единеній и глубокое проникновеніе въ сознаніе политическихъ идеаловъ,—то въ выборахъ городскихъ никакія другія кандидатуры, кромѣ индивидуальныхъ, у насъ рѣшительно нельзя признать нормальными. Весьма удачно, по нашему мнѣнію, подчеркнуто въ цитированномъ параграфѣ устава петербургской части, что общество будетъ выставлять именно индивидуальныя кандидатуры.

Удастся ли только новымъ обществамъ разбить ледъ, который, когда прошелъ подъемъ „дней свободы", сковалъ мысли и чувство общественности въ петербуржцахъ?..

Одной изъ несомнѣнныхъ, бросающихся въ глаза ненормальностей нашей средней школы является та, что въ ней, въ однѣхъ стѣнахъ, при однихъ условіяхъ и при одномъ режимѣ, воспитываются и обучаются и дѣти десяти лѣтъ, и молодые люди, перешедшіе двадцатилѣтній, а случается—даже двадцати-двухлѣтній возрастъ. Корень этого явленія лежитъ отнюдь не въ какихъ-либо отступленіяхъ отъ закона или въ послабленіяхъ. Онъ лежитъ въ томъ, что гимназическій курсъ продолжается восемь лѣтъ. Слѣдовательно, самое раннее окончаніе курса—въ 18 лѣтъ. Если же воспитанникъ нѣсколько опоздалъ поступленіемъ и затѣмъ два раза оставался второй годъ въ классѣ, что прямо допускается закономъ, то его возрастъ еще на гимназической скамьѣ не можетъ не перейти за двадцать лѣтъ.

Насколько данное явленіе ненормально, весьма характерно свидѣтельствуютъ билеты, которые выдаются воспитанникамъ гимназій, дабы они постоянно имѣли ихъ при себѣ, и въ которыхъ напечатаны правила поведенія учениковъ внѣ стѣнъ учебнаго заведенія. Мальчикъ десяти лѣтъ узнаетъ изъ билета, что ему воспрещается „ношеніе длинныхъ волосъ, *усовъ* и *бороды*", равно—„колецъ, перстней" и т. п. „излишнихъ украшеній". Далѣе—что ему воспрещается „употреблять крѣпкіе напитки и курить табакъ, гдѣ бы то ни было", и что „безусловно и строжайше воспрещается" посѣщать „маскарады, клубы, трактиры, кофейни, билліардныя и другія подобныя заведенія". Съ другой стороны, молодому человѣку двадцати лѣтъ, нерѣдко живущему совершенно самостоятельно на зарабатываемыя уроками деньги, правила объявляютъ, что съ 15 августа по 1 мая ему воспрещается послѣ 9 часовъ вечера „*гулять*" безъ родителей или заступающихъ ихъ мѣсто". Могутъ возразить, что форму билетовъ нетрудно измѣнить. И на это, насколько извѣстно, уже обращено вниманіе. Въ Петербургѣ, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, билеты стараго образца замѣнены новыми, въ которыхъ правилъ нѣтъ. Но билеты — только

иллюстрація. Суть дѣла въ единствѣ правилъ—въ единствѣ, которое неизбѣжно привело къ предупрежденію дѣтей, чтобы они не носили усовъ и бороды, и къ запрету взрослымъ людямъ „гулять вечеромъ безъ родителей".

Не только въ отношеніи правилъ внѣшкольнаго поведенія, но и въ отношеніи всѣхъ рѣшительно сторонъ внутренней жизни средней школы, воспитанники перваго класса трактуются одинаково съ воспитанниками седьмого и восьмого—и наоборотъ. Классныя комнаты распредѣляются безъ всякаго соотношенія съ возрастомъ. Въ одномъ концѣ зданія нерѣдко можно видѣть седьмой классъ рядомъ съ первымъ, а въ другомъ—восьмой рядомъ со вторымъ. Уборныя—обычные ученическіе клубы — у дѣтей общія съ взрослыми. Наставникамъ и надзирателямъ приходится одновременно слѣдить, въ перерывы между уроками, и за дѣтскими шалостями, и за совершенно иного рода отступленіями отъ порядка, производимыми взрослыми людьми. Эти отступленія происходятъ на глазахъ дѣтей. Дѣти присутствуютъ при грубыхъ отвѣтахъ юношей. Мало того: дѣти присутствуютъ въ уборныхъ при обсужденіи юношами этихъ отвѣтовъ и вообще всякаго рода происшествій и инцидентовъ въ гимназіи. Они слушаютъ, какъ молодые люди, не стѣсняясь, между собой, реагируютъ и на проступки учениковъ, и на дѣйствія или замѣчанія наставниковъ.

Воспитанники младшихъ классовъ, вслѣдствіе постояннаго общенія съ полу-взрослыми юношами и съ вполнѣ взрослыми молодыми людьми, слишкомъ рано перестаютъ быть дѣтьми. Сама гимназія слишкомъ рано перестаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на дѣтей, ибо, въ стремленіи охватить единымъ режимомъ всѣхъ воспитанниковъ, гимназія создаетъ условія быта и внутренняго распорядка, разсчитанныя на повышенный, противъ дѣтскаго, возрастъ. Воспитанники же старшихъ классовъ, вслѣдствіе постояннаго общенія съ дѣтьми, слишкомъ поздно перестаютъ по-дѣтски относиться къ себѣ и къ своимъ обязанностямъ. Опять-таки, въ силу стремленія къ единству режима, гимназія продолжаетъ имъ говорить, что они дѣти, и тогда, когда они давно перешли дѣтскій возрастъ. Ихъ проступки записываются въ тотъ же кондуитъ, какъ и проступки первоклассниковъ. Ихъ поведеніе, вниманіе и прилежаніе оцѣниваются по той же самой балльной системѣ.

Школьное дѣло — дѣло живое. И, конечно, оно гораздо болѣе зависитъ отъ живыхъ людей, нежели отъ всевозможныхъ правилъ. Но, во-первыхъ, для этого должны стоять на высотѣ положенія люди, которые ведутъ дѣло гимназическаго преподаванія и воспитанія. А что нашъ преподавательскій персоналъ, въ общемъ, далекъ отъ совершенства—это всѣми признанный фактъ. Во-вторыхъ, нельзя забывать,

что индивидуализированіе, въ зависимости отъ возраста, всѣхъ случаевъ примѣненія гимназическихъ правилъ отдѣльными преподавателями и педагогическими совѣтами требуетъ сверхчеловѣческаго умѣнья моментально отрѣшаться отъ одного угла зрѣнія и примѣнять другой. Въ педагогическихъ совѣтахъ засѣдаютъ какъ преподающіе во всѣхъ классахъ гимназіи, такъ равно преподающіе только въ старшихъ или только въ младшихъ. Предметы обсужденія всегда смѣшанные. Отъ освобожденія отъ платы за ученіе совѣтъ переходитъ къ разбору проступка обидѣвшаго товарища мальчика 12-ти лѣтъ и затѣмъ къ разбору безпорядка, произведеннаго всѣмъ составомъ шестого или седьмого класса. При крайней ограниченности средствъ педагогическаго воздѣйствія и при сознаніи, что какъ мальчикъ 12-ти лѣтъ, такъ и молодые люди 18—20 лѣтъ суть гимназисты, находящіеся въ постоянномъ общеніи, въ совѣтахъ, естественно, прежде всего создается желаніе удовлетворить чувству внѣшней справедливости, и помимо воли, незамѣтно, одинъ проступокъ ставится рядомъ съ другимъ. Въ результатѣ получается средняя мѣрка оцѣнки проступковъ и поведенія, уклоняющаяся какъ отъ нормальной мѣрки оцѣнки поведенія дѣтей, такъ и отъ нормальной мѣрки оцѣнки поведенія зрѣлыхъ юношей.

Когда въ годъ гимназической смуты были образованы родительскія организаціи, первыя же собранія родителей показали, что родители рѣзко дѣлятся на двѣ группы: на родителей учениковъ старшихъ и младшихъ классовъ. Родители всегда эгоистичны. Въ глазахъ отца или матери изъ-за каждаго общаго явленія жизни учебнаго заведенія всегда выступаютъ конкретные интересы ихъ сына. Этимъ объясняется страстность, съ которою въ то острое время родители учениковъ младшихъ классовъ требовали принятія самыхъ суровыхъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ. А родители учениковъ старшихъ классовъ съ неменьшей страстностью возражали противъ всякихъ крутыхъ мѣръ. Первые ставили вопросъ такъ: что̀ готовитъ гимназія изъ моего сына? Вторые же, наоборотъ: можно ли карать моего сына только потому, что ребенокъ видитъ и повторяетъ его поступки? Не въ столь яркой формѣ, но столь же опредѣленно можно наблюдать дѣленіе родителей на двѣ группы и въ нынѣшнее спокойное время. Даже въ родительскихъ комитетахъ, при постоянной совмѣстной работѣ, чуть возникаетъ болѣе или менѣе серьезный вопросъ, сейчасъ же становится замѣтной противоположность точекъ зрѣнія и требованій.

Выводъ подсказывается самъ собой: воспитанники старшихъ классовъ должны быть отдѣлены отъ воспитанниковъ младшихъ, и каждая группа должна быть поставлена въ условія режима, вполнѣ сообразованнаго съ возрастомъ. Едва ли можно высказаться за формальное

дѣленіе гимназій на два самостоятельныхъ учебныхъ заведенія. Да въ такомъ дѣленіи и нѣтъ надобности. Вполнѣ достаточно, при сохраненіи единой гимназіи, выстроить въ ней внутреннюю стѣну, которая отдѣлила бы четыре младшихъ класса отъ четырехъ старшихъ. Эта мысль была положена въ основу предположеній П. М. фонъ-Кауфмана и О. П. Герасимова. Проводится ли она въ проектѣ, нынѣ вырабатываемомъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія—не знаемъ. Едва ли можетъ быть споръ, что такое обособленіе дѣтей до 14-ти лѣтъ отъ юношей и молодыхъ людей до 22-хъ лѣтъ способствовало бы правильной постановкѣ учебной части, и было бы болѣе радикальнымъ и вѣрнымъ средствомъ борьбы съ паденіемъ нравственности среди подростающаго поколѣнія, чѣмъ полицейскій надзоръ. Дѣти должны быть дѣтьми. Взрослыхъ людей нельзя трактовать, какъ дѣтей.

Вице-губернаторы положительно стремятся побить рекордъ въ своеобразности распоряженій и дѣйствій, установленный губернаторами. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы приводили приказъ костромского вице-губернатора, подобный которому еще, кажется, никогда не выходилъ изъ-подъ губернаторскаго пера. Теперь передъ нами телеграмма, передающая содержаніе совершенно невѣроятной рѣчи, сказанной вологодскимъ вице-губернаторомъ при открытіи губернскаго земскаго собранія. „Послѣ общихъ мѣстъ о пользѣ населенія — гласитъ телеграмма — вице-губернаторъ Мономаховъ обратился къ дѣятельности губернской управы за періоды 1903, 1904 и 1905 годовъ, обревизованной особою коммиссіей. Мономаховъ заявилъ, что элементы лѣваго направленія расхищали земскія средства подъ покровительствомъ предсѣдателя управы Кудряваго, и что гласный Масленниковъ на земскихъ средствахъ поправлялъ свое благосостояніе. Закончилъ свою рѣчь Мономаховъ такъ: пока *присосавшіеся* къ земству такіе элементы съ пренебреженіемъ относились къ общественному достоянію, обращая его въ источникъ своихъ личныхъ доходовъ, пока другіе, завѣдывавшіе сельско-хозяйственнымъ складомъ земства, во главѣ съ секретаремъ партіи народной свободы Васильевымъ, выписывали себѣ предметы домашняго обихода, предсѣдатель губернской управы, членъ Государственнаго Совѣта, онъ же предсѣдатель комитета партіи народной свободы, Кудрявый, преступно бездѣйствовалъ. Теперь пришла пора земству громко сказать этимъ людямъ: руки прочь".

Очевидно, г. Мономахову не даютъ покоя лавры г. Пуришкевича, который въ подобномъ тонѣ и въ подобныхъ выраженіяхъ говоритъ постоянно и именно такъ „раздѣлывалъ" кавказскую администрацію, мотивируя запросъ о кавказскихъ дѣлахъ. Но г. Пуришкевичъ гово-

рить въ Думѣ, говоритъ равноправнымъ и находящимся въ одномъ съ нимъ положеніи другимъ членамъ Думы, которые ему могутъ возражать; наконецъ, онъ—человѣкъ партійный, представляющій собою пославшихъ его въ Думу партійныхъ единомышленниковъ. Передъ вологодскимъ же земскимъ собраніемъ говорилъ высшій мѣстный представитель правительственной власти. Открывалъ собраніе не г. Мономаховъ, имѣющій тѣ или другія политическія убѣжденія или симпатіи, а управляющій губерніей. И онъ, обязанный въ отправленіи служебныхъ функцій стоять внѣ политической борьбы и политическихъ теченій, говорилъ о „присосавшихся“ къ земству элементахъ лѣваго направленія! Въ условіяхъ, въ которыхъ его никто не могъ остановить, онъ мѣшалъ съ грязью имена людей и среди нихъ имя лица, котораго то самое земское собраніе облекло высшимъ довѣріемъ и избрало членомъ Государственнаго Совѣта. Оскорбляя г. Кудряваго, управляющій губерніей бросалъ оскорбленіе земскому собранію, зная, что собраніе обязано его слушать и что никто не можетъ ему тутъ же возразить.

А что, если окажется, что г. Мономаховъ въ своей безпримѣрной рѣчи не стоялъ на объективной правдѣ? Въ „Рѣчи“ (№ 300) мы прочли перепечатку изъ „Сѣвера“ объясненій завѣдывавшаго сельско-хозяйственнымъ складомъ г. А. Васильева — „секретаря партіи народной свободы“, какъ подчеркивалъ г. Мономаховъ съ явной цѣлью причинить партіи булавочный уколъ и расписаться въ своей личной „благонамѣренности“. „Меня обвиняютъ—пишетъ г. Васильевъ—въ томъ, что я покупалъ товаръ не для крестьянъ и что бѣдные крестьяне не пользовались складомъ, хотя назначеніе его было то, чтобы придти на помощь именно крестьянскому хозяйству. Эти крокодиловы слезы я слышалъ не разъ, а какъ только представлялъ ходатайство крестьянъ о кредитѣ, то всегда получался одинъ отвѣтъ: открыть кредитъ, если уѣздное земство гарантируетъ уплату. Что же касается землевладѣльцевъ, то имъ открытъ былъ кредитъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, и я былъ не вправѣ отказывать имъ въ кредитѣ“. „Ревизіонная коммиссія — продолжаетъ онъ — указываетъ на случай съ семенцевскимъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ, куда не посланы были сѣмена по очень простой причинѣ: при заказѣ не было прислано гарантіи грязовецкой управы, безъ которой складъ не могъ отпустить сѣмянъ“. Г. Васильевъ даетъ объясненія и на обвиненіе въ томъ, что онъ „выписывалъ себѣ предметы домашняго обихода“. „Указывается—говоритъ онъ,—что книжному складу уплачено 15 руб. за энциклопедію и садовнику Зикеру 25 руб. за устройство цвѣтника, что эти расходы произведены мною самовольно, къ тому же, за энциклопедическій словарь хотя и уплачено, но въ на-

личности его на складѣ не имѣется. Думаю, что ничего не стоило одному изъ членовъ ревизіонной коммиссіи подойти въ залѣ управы къ одному изъ шкафовъ и прочитать: „Энциклопедическій словарь по сельскому хозяйству, изданіе Девріена“,—выписанъ въ 10-ти томахъ по распоряженію управы. Разбивка цвѣтника произведена съ согласія предсѣдателя губернской управы Ал. Кс. Еремѣева“.

Приведя выдержки изъ объясненій г. Васильева, „Рѣчь“ спрашиваетъ: „неужели нѣтъ средства заставить г. Мономахова дать удовлетвореніе людямъ, къ доброму имени которыхъ онъ отнесся такъ легкомысленно?“ По закону, конечно, средство есть. Гг. Кудрявый, Масленниковъ и Васильевъ имѣютъ полное право потребовать отъ начальства вологодскаго вице-губернатора привлеченія его къ судебной отвѣтственности за клевету. Но кромѣ закона есть и многое другое: усиленная охрана, возвѣщенная законность, сенатъ, принципъ поддержанія авторитета власти...

Въ третій разъ намъ приходится возвращаться къ дѣлу братьевъ Коваленскихъ и во второй разъ—къ убійству городовымъ въ Одессѣ поручика Діомидова и прапорщика Олейникова. Мы отмѣчали единство въ дѣяніяхъ Коваленскихъ и городового Фурмана съ общественно-политической точки зрѣнія. Съ точки зрѣнія юридической единства еще больше, ибо дѣйствующій законъ лишь незначительнымъ смягченіемъ наказанія отличаетъ покушеніе на убійство отъ убійства оконченнаго. И вотъ результатъ: корнетъ Коваленскій приговоренъ къ содержанію на гауптвахтѣ на три мѣсяца безъ всякаго ограниченія въ общихъ и служебныхъ правахъ, его братъ—оправданъ; а городовой Фурманъ приговоренъ къ смертной казни.

Въ отношеніи Коваленскихъ были примѣнены общія правила нормальной подсудности. Для нихъ петербургскій градоначальникъ отказался отъ своего права и отъ неуклонно примѣняемой суровой практики. Онъ не потребовалъ преданія ихъ суду по положенію объ охранѣ для сужденія по законамъ военнаго времени. Ихъ судилъ военный судъ въ обычномъ порядкѣ сужденія военнослужащихъ. Въ отношеніи городового Фурмана общія правила нормальной подсудности были устранены и, притомъ, въ условіяхъ, когда допустимость ихъ устраненія представлялась весьма сомнительной. Какъ лицо, не состоящее на дѣйствительной военной службѣ, Фурманъ, въ общемъ порядкѣ, подлежалъ сужденію общаго суда, а не военнаго. По положенію объ охранѣ онъ не могъ быть преданъ военному суду съ примѣненіемъ за убійство смертной казни, ибо его дѣяніе не подходитъ подъ перечень ст. 18 положенія. Слѣдовательно, его судилъ военный судъ и

назначилъ ему смертную казнь только потому, что въ моментъ совершенія преступленія Одесса была мѣстностью, состоявшей на военномъ положеніи. Но къ моменту сужденія военное положеніе въ Одессѣ было снято, и цѣлый рядъ юридическихъ соображеній говоритъ за то, что, въ виду снятія военнаго положенія, дѣло должно было быть обращено къ общей подсудности.

Первый выстрѣлъ корнета Коваленскаго судъ призналъ неосторожностью. Послѣдующіе — совершенными въ состояніи необходимой обороны. Нанесеніе ударовъ младшимъ Коваленскимъ городовому, по рѣшенію суда, было закономѣрной защитой лица, находившагося въ состояніи обороны. Вопреки мнѣнію входившихъ въ составъ судебной коллегіи юристовъ, судьи-офицеры въ положительномъ смыслѣ разрѣшили для Коваленскихъ два вопроса, уже давно волнующіе у насъ криминалистовъ: о правѣ обороны чести, на что точный смыслъ дѣйствующаго закона даетъ категорическій отрицательный отвѣтъ, и о правѣ обороны противъ дѣйствій органовъ власти, что столь же категорически отрицаетъ кассаціонная практика.

По дѣлу городового Фурмана, какъ сообщаютъ телеграммы изъ Одессы отъ 16 и 17 декабря, „показаніями сорока свидѣтелей установлено, что въ день катастрофы, послѣ чествованія праздника первой роты пулеметной команды 14 полка, поручики Дашкинъ, Діомидовъ и прапорщикъ Олейниковъ, пообѣдавъ въ ресторанѣ, слегка опьяненные, гуляли по Дерибасовской улицѣ и имѣли незначительныя столкновенія съ нѣкоторыми изъ публики. Явившійся на шумъ постовой городовой Скалковичъ, вслѣдствіе того, что не отдалъ чести и презрительно улыбался при объясненіяхъ съ офицерами, возмутилъ поручика Дашкина, ударившаго его по лицу. Скалковичъ, отступая, свистками привлекъ другого городового, Фурмана, который, при видѣ громадной толпы, вырвавъ Скалковича изъ рукъ офицеровъ, произвелъ рядъ револьверныхъ выстрѣловъ, которыми были убиты Діомидовъ и Олейниковъ и ранены двое проходившихъ изъ публики". Одесскій военный судъ не призналъ въ данной обстановкѣ наличности состоянія необходимой обороны для городового Скалковича и права защиты его для Фурмана. Корнета Коваленскаго, застигнутаго на мѣстѣ совершенія преступленія, держалъ за руки городовой. Желая освободить брата, пажъ Коваленскій сталъ наносить удары городовому. „Дѣяніе непреступное"—сказалъ военный судъ въ Петербургѣ. Городового Скалковича, никакого преступнаго дѣянія не совершившаго и только что получившаго ударъ по лицу, держали ударившій и другіе офицеры. Желая освободить Скалковича, городовой Фурманъ, — самъ органъ власти и призванный на помощь свистками задержаннаго органа

власти,—произвелъ рядъ выстрѣловъ. „Не превышеніе права обороны—сказалъ военный судъ въ Одессѣ,—а убійство“.

Въ тѣхъ же телеграммахъ читаемъ: „Изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что городовой Фурманъ послѣ убійства на Дерибасовской улицѣ офицеровъ Діомидова и Олейникова, по дорогѣ въ участокъ высказывалъ увѣренность, что за свои дѣйствія онъ получитъ награду“... „Защита подробно останавливалась на вліяніи приказовъ по полиціи дѣйствовать, какъ войска на войнѣ: толпу, превышающую десять человѣкъ, разгонять огнестрѣльнымъ либо холоднымъ оружіемъ. Приказы читались въ полиціи городовымъ и не только комментировались, но сопровождались награжденіемъ ревностныхъ исполнителей и удаленіемъ мало усердныхъ“. Въ дѣлѣ Коваленскихъ судъ ясно и опредѣленно, оцѣнивая дѣяніе, стоялъ на субъективной точкѣ зрѣнія подсудимыхъ. Въ дѣлѣ Фурмана судъ остался непроницаемо объективнымъ. Приговоръ вовсе не учелъ, что, совершая свое дѣяніе, Фурманъ ждалъ награды, а никакъ не висѣлицы. А что еслибы убитые оказались не офицерами, а одѣтыми въ офицерскую форму террористами? Дѣяніе Фурмана было бы тѣмъ же самымъ лишеніемъ жизни при превышеніи предѣловъ обороны. А ждала ли бы его висѣлица?

На многія сложныя размышленія наводятъ приведенныя сопоставленія. Невольно беретъ тяжелое раздумье о тысячахъ приговоровъ военныхъ судовъ по дѣламъ о лицахъ, ничего общаго съ войскомъ не имѣющихъ, — о военномъ судѣ, какъ объ органѣ общей юстиціи, въ рукахъ котораго уже столько времени находится отправленіе правосудія по наиболѣе важнымъ дѣламъ... Кстати: характерная мелочь. Какъ только стала извѣстна фамилія виновника одесской драмы, черносотенная печать завопила: „еврей“! Власть вняла воплю и произвела изслѣдованіе, которымъ установлено, что „родные и отдаленные предки Фурмана — искони православные“. Въ другихъ условіяхъ надъ этимъ изслѣдованіемъ можно было бы только смѣяться. Но сейчасъ смѣяться не приходится. Если жизнь Фурману будетъ сохранена, то этимъ онъ будетъ обязанъ, главнымъ образомъ, своимъ „искони православнымъ отдаленнымъ предкамъ“.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы цитировали замѣтку „Рѣчи“, въ которой сообщалось, что будто бы дисциплинарный комитетъ пажескаго корпуса, хотя и призналъ пажа Коваленскаго подлежащимъ увольненію изъ корпуса, но нашелъ, что онъ „держалъ себя на Надеждинской улицѣ, какъ порядочный человѣкъ и какъ будущій офицеръ“. Оффиціально объявлено, что это сообщеніе невѣрно. Намъ искренно жаль, конечно, что мы довѣрились своевременно неопровергнутому газетному сообщенію и на основаніи его построили нѣсколько сужденій.

Но мы не менѣе, чѣмъ были удивлены замѣткой „Рѣчи“, удивлены теперь обошедшимъ всѣ газеты сообщеніемъ объ обратномъ пріемѣ въ пажескій корпусъ оправданнаго Коваленскаго. Кажется, это уже не выдумка, а несомнѣнный фактъ. Судъ его призналъ невиновнымъ— это вѣрно. Но приговоръ суда не вступилъ въ законную силу. Прокуроръ и гражданскіе истцы подали кассаціонные протесты и жалобы. Главный военный судъ можетъ приговоръ отмѣнить, и, по юридическимъ дефектамъ приговора, отмѣна весьма вѣроятна. Въ такомъ случаѣ будетъ новое разбирательство, которое неизвѣстно чѣмъ окончится. Какъ могъ пажескій корпусъ вернуть въ свои стѣны однажды уволеннаго воспитанника, надъ которымъ продолжаетъ висѣть обвиненіе въ препятствованіи поимкѣ преступника, съ угрозою отдачи въ арестантскія роты?

При исключительно курьезныхъ обстоятельствахъ запрещены въ Москвѣ представленія фарса „Амалія и такъ далѣе“. Передаемъ разсказъ словами корреспондента „Биржевыхъ Вѣдомостей“ (№ 10842):

Въ театрѣ „Эрмитажъ“ Сабурова, во время двадцать-девятаго (!) представленія этого фарса, сидѣли въ числѣ публики два генерала. Во второмъ дѣйствіи фарса на сцену появляется персидскій принцъ, ухаживающій за кокоткой Амаліей, въ сопровожденіи своего адъютанта, персидскаго генерала, которому и поручаетъ отнести картонку съ подареннымъ имъ Амаліи туалетомъ. Амалія говоритъ, что незачѣмъ безпокоить „генерала“, она сама снесетъ къ себѣ въ комнату эту картонку. На это персидскій принцъ отвѣчаетъ: ...„И генералъ на что-нибудь долженъ же быть нужнымъ!“...

Эта фраза, вызвавшая смѣхъ въ театрѣ, показалась оскорбительной для сидѣвшихъ въ публикѣ генераловъ, о чемъ они и заявили генералъ-губернатору.

Въ воскресенье, какъ всегда въ праздничные дни, театръ былъ совершенно полонъ. Первый фарсъ прошелъ благополучно, но когда дошла очередь до „Амаліи“, г. Сабуровъ вдругъ получаетъ распоряженіе о немедленномъ снятіи съ репертуара „Амаліи“.

— Позвольте хоть докончить спектакль... Вѣдь публика потребуетъ обратно деньги... Вѣдь эта фраза находится въ цензурномъ экземплярѣ... Наконецъ, я вычеркну все, что будетъ угодно...

— Ни въ какомъ случаѣ распоряженіе отмѣнено быть не можетъ...

Взвился занавѣсъ...

Весь блѣдный, вышелъ г. Сабуровъ и прерывающимся голосомъ объявилъ объ административномъ запрещеніи.

Скончавшійся въ Москвѣ графъ Е. А. Саліасъ — сынъ извѣстной писательницы, писавшей подъ псевдонимомъ Евгеніи Туръ,—выступилъ въ литературѣ еще юношей, въ 1863 году. Его первая повѣсть— „Ксаня чудная"—была напечатана въ „Библіотекѣ для Чтенія". Въ 1873 г. появилось лучшее произведеніе покойнаго—историческій романъ „Пугачевцы". Крупный успѣхъ „Пугачевцевъ" побудилъ его написать цѣлый рядъ историческихъ романовъ: „Братья Орловы", „Принцесса Володимірская, „Свадебный бунтъ", „Аракчеевскій сынокъ" и мн. др. Въ „Вѣстникѣ Европы" гр. Саліасомъ были помѣщены: романъ „Экзотики" (сентябрь—декабрь 1897 г.) и повѣсть „Сумма трехъ слагаемыхъ" (октябрь и ноябрь 1901 г.).

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—О пріисканіи занятій и мѣстъ бывшимъ депутатамъ 1-ой и 2-ой Думы.

Принимая во вниманіе, что многіе изъ бывшихъ депутатовъ 1-ой и 2-ой Государственной Думы оказались лишенными ихъ обычнаго заработка и въ пріисканіи таковогo на мѣстѣ своего жительства они часто встрѣчаютъ затрудненія, *группа* лицъ изъ бывшихъ членовъ 1-ой Думы рѣшила организовать дѣло по пріисканію занятій и мѣстъ оставшимся безъ подходящаго заработка своимъ товарищамъ. Въ этихъ видахъ она предполагаетъ сосредоточить у себя свѣдѣнія о предложеніи ими труда и о спросѣ на тотъ трудъ, который они предлагаютъ.

Разсчитывая въ этомъ трудномъ дѣлѣ на поддержку широкихъ слоевъ русскаго общества, *группа* проситъ оказать ей содѣйствіе въ пріисканіи подходящихъ мѣстъ и занятій (по профессіямъ, начиная отъ простого рабочаго, кончая интеллигентнымъ трудомъ разныхъ категорій) тѣмъ изъ бывшихъ депутатовъ, о коихъ у *группы* уже имѣются свѣдѣнія, а также сообщать ей свѣдѣнія о возможныхъ открывающихся мѣстахъ и спросѣ на трудъ. Только путемъ широкаго ознакомленія съ ея задачами и при помощи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, *группа* надѣется выполнить весьма трудную задачу, которую она себѣ поставила.

Отвѣты съ указаніемъ характера мѣстъ и условій, а также запросы по данному предмету можно адресовать въ редакцію *для группы*.

Группа Членовъ 1-ой Государственной Думы.

II. — Отъ Учебно-воспитательнаго Комитета Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній.

Симъ объявляется, что по конкурсу 1907 года премія имени Константина Дмитріевича Ушинскаго присуждена не была. Слѣдующій конкурсъ назначенъ въ 1910 году, на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ:

1) Конкурсу подлежатъ сочиненія какъ рукописныя, представленныя для этой цѣли въ Педагогическій Музей, такъ и печатныя, вышедшія въ свѣтъ не ранѣе 1907 г.

2) Рукописи, представляемыя на конкурсъ въ 1910 г., доставляются въ Педагогическій Музей не позже 1-го мая того же года. Онѣ должны быть написаны на русскомъ языкѣ и четкимъ почеркомъ. Въ случаѣ желанія автора скрыть свою фамилію, дозволяется снабжать рукописи девизомъ и прилагать особый запечатанный пакетъ съ тѣмъ же девизомъ и со вложеніемъ въ него записки съ обозначеніемъ фамиліи автора и его мѣстожительства.

Примѣчаніе: Представленныя на конкурсъ рукописи могутъ быть взяты обратно или самими авторами, или по довѣренности, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованной.

3) Печатныя сочиненія разсматриваются или по просьбѣ автора, или по указанію кого-либо изъ членовъ учебно-воспитательнаго комитета.

Примѣчаніе: Время представленія ихъ авторами (не менѣе, какъ въ пяти экземплярахъ) то же, что и для рукописей.

4) Премія будетъ присуждена ко дню годовщины смерти К. Д. Ушинскаго, 21-го декабря 1910 года, за выдающійся по своимъ достоинствамъ педагогическій трудъ.

5) Размѣръ преміи составляетъ 900 рублей; премія эта можетъ быть раздѣлена на двѣ: въ 600 рублей и 300 рублей.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

